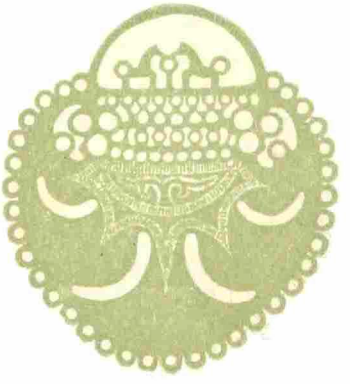
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Вышла в свет книга «ИСТОРИЯ СКОТОВОДСТВА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (МИА СССР, № 53, 1960). В книге опубликованы статьи В. И. Цалкина «Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа» и П. Д. Либерова «К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья в эпоху раннего железа (IX в. до н. э.— V в. н. э.)».

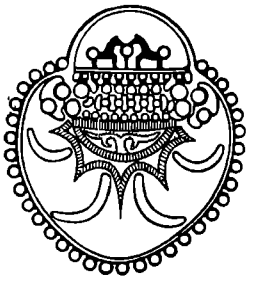
Рассматривается значение скотоводства и охоты в экономической жизни местных племен и населения античных городов и устанавливается время становления кочевого скотоводства в степной полосе Юго-Восточной Европы. Книга представляет интерес для историков, этнографов, зоологов, зоотехников и географов.

Приводятся данные о физическом облике сельскохозяйственных животных, составе стада их и его исторических изменениях. Публикуемые работы основаны на изучении огромного материала по костным остаткам животных из раскопок археологических памятников этой эпохи, расположенных по нижнему течению Днепра, в Северном Приазовье, в Крыму, на Таманском полуострове; широко использованы этнографические данные.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-06108. Подписано к печати 29/VII-1961 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 10,25
Печ. л. 28,08 + 3 вклейки. Уч.-изд. л. 32,3. Тираж 1825 экз. Заказ 1856

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

Е. И. КРУПНОВ

ЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РАЙОНОВ ПРИКАСПИЙСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

(По материалам Северо-Кавказской археологической экспедиции 1946—1955 гг.)

Известно, что семилетним планом развития народного хозяйства Советского Союза на 1959—1965 гг. намечено продолжение работ по расширению орошаемых земель, а также обводнению безводных и маловодных пастбищ. На январском Пленуме ЦК КПСС 1961 г. впервые остро и принципиально был поставлен вопрос о необходимости всемерного развития орошаемого земледелия, одновременно создающего прочную базу и для высокопродуктивного животноводства.

На специальном совещании передовиков сельского хозяйства районов Северного Кавказа, состоявшемся в начале февраля 1961 г. в Ростове-на-Дону, эта проблема ирригации и наиболее рационального использования пастбищ особенно широко обсуждалась применительно к территории Прикаспийской низменности, в частности к так называемым Черным землям и Ногайской степи. Наиболее полное и конкретное освещение эта важная проблема получила в выступлении Н. С. Хрущева, призвавшего для увеличения производства сельскохозяйственных продуктов «использовать существующие орошаемые земли, это ускорило бы решение поставленной задачи»[1].

Опыт полевого археологического обследования отдельных районов Северо-Западного Прикаспия, которым располагает коллектив Северо-Кавказской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, позволяет и с исторической точки зрения обосновать реальность возрождения былого очень благоприятного для сельского хозяйства природного ландшафта, какой существовал в этих районах много веков назад, и максимального его использования теперь в целях развития народного хозяйства края с применением современных технических средств.

Основной целью данной статьи является демонстрация весьма поучительного опыта археологического изучения северных, степных, ныне полупустынных районов Восточного Предкавказья, которые, как оказалось, в далеком прошлом были довольно густо заселены и где общественная жизнь когда-то била ключом. Задача заключается в том, чтобы достигнутыми историческими выводами и заключениями привлечь внимание научной общественности и соответствующих хозяйственных органов ко всем степным районам Северо-Западного Прикаспия и осознать необходимость не только более широкого их хозяйственного освоения (что частично уже осуществляется), но и систематического, планомерного историко-археологического обследования этих районов, до последнего времени исторически еще полностью не освещенных.

[1] Газ. «Правда» от 5 февраля 1961 г. за № 36 (15526) стр. 2—3.

Что же представляют собой сейчас эти бескрайние просторы так называемой Прикаспийской низменности, простирающейся к северу от среднего и нижнего течения Терека до устья Волги и от 45-го меридиана к востоку вплоть до западных берегов Каспия?

В настоящее время значительная территория Северо-Западного Прикаспия, т. е. северные районы Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, восточные районы Ставрополья и южные районы Астраханщины, как и весь Северный Прикаспий, представляют собой полупустынную, а иногда и просто пустынную и довольно редко заселенную область, с животноводческим уклоном хозяйства ее населения, в основном состоящего из ногайцев, караногайцев и трухмен (туркмен) (рис. 1).

Огромные территории так называемых Черных земель и Ногайской степи заняты сейчас крупными песчаными массивами, многие из которых, как выяснено геоморфологами, речного приустьедельтового, т. е. намывного происхождения (например, Терские буруны, Бажиганские, Прикумские пески и др.) [2]. Когда-то они были отложены речными потоками горных рек Терека, Куры и Кумы. А теперь сыпучие дюны, изредка покрытые степным гребенчуком-тамариском, как волны мертвого моря, всюду видны на горизонте. Настоящая, бурунная, почти безлюдная степь.

Но всегда ли так было? Всегда ли здесь господствовал такой пустынный ландшафт? Оказывается, не всегда. И прежде всего это доказывается обилием памятников материальной культуры. Все эти районы Северо-Западного Прикаспия, за исключением территории подвижных и закрепленных растительностью песков, и по настоящее время покрыты бесчисленными древними курганами и остатками развеянных поселений. Иногда такие курганы, как Кара-тюбе, Уч-тюбе и особенно Би-тюбе (что значит «царский курган»), близ села Иргаклы, достигают 15 *м* в высоту, при диаметре в 100 *м* (рис. 1, *1*). Наличие таких многочисленных древних курганных кладбищ и невероятное обилие подъемного археологического материала, собираемого на выдувах среди песчаных барханов, свидетельствует об обитании здесь в прошлом многочисленного населения (рис. 1, *3*).

К сожалению, эти районы до сих пор остаются еще почти сплошным белым пятном на археологической карте всего Западного Прикаспия и Северо-Восточного Кавказа.

Между тем эти районы играли крупную роль в древней истории всего Юга нашей страны. Обширная территория, расположенная к северу от нижнего течения Терека и Сулака, вплоть до устьев Волги, т. е. районы Северо-Западного Прикаспия, лежала на скрещении древнейших путей и оживленных хозяйственных и культурных взаимосвязей племен и народов Восточной Европы и Азии. Эти пути пролегали через Южно-Уральские ворота, соединяя Восток с Западом. Этот край был средоточием древних путей, различных хозяйственных связей и культурных влияний, шедших со стороны Средней Азии, Сибири и даже Китая на запад. Дербентский проход служил основным путем сношений для населения так называемых южнорусских степей, издавна и в разных формах общавшегося с народами Закавказья и древнего Востока.

Пожалуй, как никакая другая область нашего Юго-Востока, территория Северо-Западного Прикаспия с древнейших времен была ареной различных исторических событий и частых передвижений древних этнических групп из Азии в Европу.

Поэтому именно здесь, в этих районах и должны были отложиться и сохраниться вещественные следы и прямые доказательства быта и древних сношений различных племен и народностей, только часть которых

---

[2] В. В. Рыжиков. К вопросу о генезисе и морфологии песков Кумо-Каспийской низменности. Изв. Грозн. Обл. Ин-та и музея краеведения, вып. 2—3, Грозный, 1950, стр. 11—12.

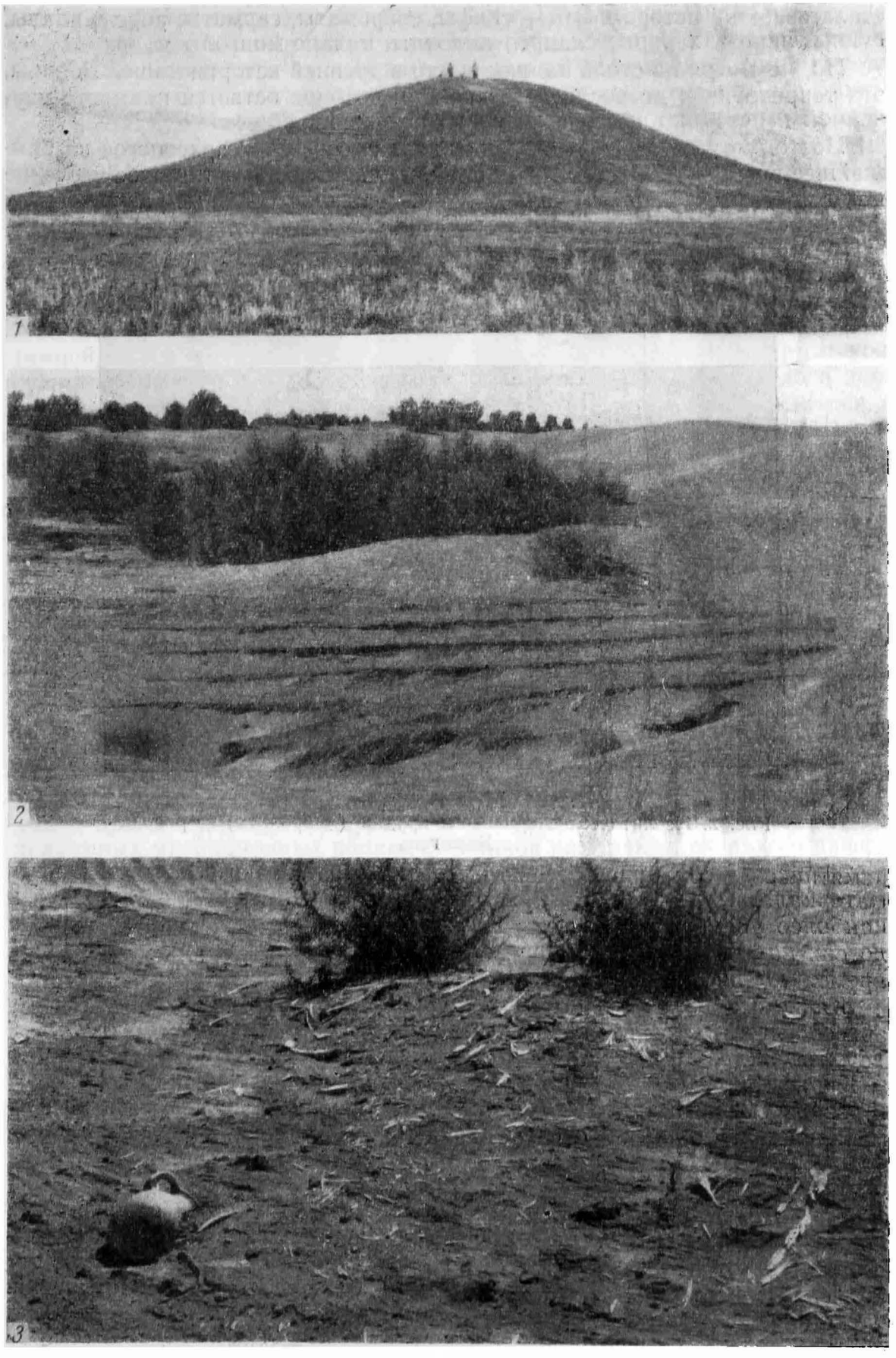


Рис. 1. Ландшафтные зоны Прикаспия

1 — курган Би-тюбе (Царский курган) близ с. Иргаклы; *2* — засыпанная песком древняя дорога в районе с. Ачикулак; *3* — разверянное подкурганное сарматское погребение в с. Б ажиган

стала известна истории. Это — скифы, савроматы, сарматы, аорсы, аланы, гунны, авары, хазары, савиры, половцы, татаро-монголы и др.

Но, несмотря на столь важное место в древней истории нашей Родины, эта территория и до последнего времени все еще остается наименее изученной в историко-археологическом отношении.

Поэтому одной из первоочередных задач советских археологов на ближайшее время и должно явиться планомерное и систематическое изучение памятников материальной культуры этих районов. Научные раскопки этих

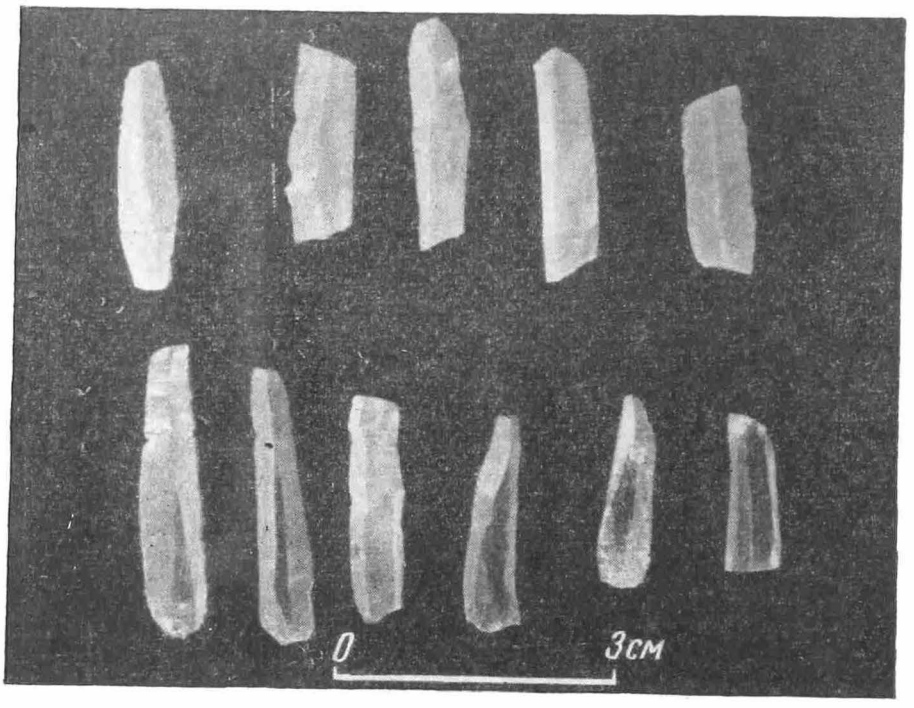


Рис. 2. Неолитические кремневые орудия (микролиты) из района Бажигана

памятников несомненно обеспечат исследователей такими вещественными материалами, которые явятся неоценимыми и нередко единственными и наиболее убедительными историческими источниками для воссоздания до сих пор не известных страниц истории края, начиная с древнейших времен до периода позднего средневековья.

Какие основания мы имеем для такого утверждения? В результате археологических исследований, проведенных в районах между Кумой и Тереком экспедицией Института археологии АН СССР и Грозненского музея краеведения в 1946—1955 гг., был добыт обильный, разнообразный и разновременный археологический материал, распределяющийся во времени начиная от эпохи неолита и кончая периодом позднего средневековья. Это — различные орудия труда и быта, оружие, украшения, глиняная посуда и пр.

Древнейшие коренные породы края покрыты мощными отложениями позднейших каспийских трансгрессий (хвалынской, саринской и др.), а также дельтовыми выносами рек (Кумы, Куры, Терека и Сулака), что объясняет отсутствие следов палеолита в Северо-Западном Прикаспии.

Наиболее древний этап истории этих районов — новокаменный век. Он был установлен по компактным находкам микролитических каменных орудий из кремня и обсидиана (сегментовидным, трапециевидным и другим орудиям) явно неолитического типа (рис. 2). Определение памятников неолитической эпохи в районах Северо-Западного Прикаспия Т. М. Минаевой на Черных землях [3] и нами можно оценивать как одно из важней-

[3] Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 53.

ших достижений исследовательских работ в Прикаспии. Микролитические орудия относились ранее рядом исследователей в лучшем случае к энеолиту только потому, что их иногда собирали на песчаных выдувах вместе с обломками керамики эпохи бронзы. Мы же в окрестностях сс. Бажигана и Махмут-Мектеба имели возможность собрать в одном месте комплексы только микролитических орудий вместе с заготовками каменных орудий и многочисленными отщепами, позволяющими предполагать здесь даже остатки развеянных мастерских.

Проведенными экспедицией разведками в окрестностях селений Терекли-Мектеб, Махмут-Мектеб, Ачикулак и Бажиган и раскопочными работами на курганной группе близ с. Ачикулак [4] был добыт богатый и разнородный материал, включающий отдельные могильные комплексы вещей, типичных как для древних степных культур юга европейской части СССР (ямной, а также катакомбной, срубной, скифо-савроматской, сарматской культур; рис. 3), так и культур поздних кочевников — времени до и после татаро-монгольского нашествия на Русь и на Кавказ, начавшегося в 1222 г. (рис. 4, *29—39*). В этой связи нельзя не отметить многочисленные факты находок катакомбной керамики, каменных рифленых или каннелированных топоров, кремневых наконечников стрел, имеющих, несомненно, весьма важное значение для древней истории Прикаспия и всего Северного Кавказа, ибо они являются новыми доказательствами проникновения на Северо-Восточный Кавказ элементов катакомбной культуры эпохи бронзы, вызвавших появление катакомбных могил у ст. Манас, в Дагестане [5].

Интересны и признаки культуры савроматских племен раннежелезного века, особенно новые факты обнаружения в степных и даже предгорных районах Северного Дагестана типично сарматских погребений первых столетий н. э. (Бажиган, Тарки, Карабудахкент [6] и др.) (рис. 4, *1—28*).

В свете известных исторических данных (свидетельство Геродота о походах скифов в Переднюю Азию через Дербентский проход), известий о сарматских и аланских набегах в Закавказье и даже в Мидию и показаний археологических материалов, очевидно, можно говорить не столько о крупных миграционных волнах степняков на Кавказ, сколько о диффузии не только культурных, но и этнических элементов степного населения. Она проходила в разные периоды истории, начиная с эпохи ранней бронзы, не стирая основных культурных особенностей местного населения.

Таким образом, по ряду погребальных комплексов и по отдельным находкам явно привозных вещей с древнейших времен прослеживаются иногда широкие, иногда эпизодические связи местного населения с племенами и народами, некогда населявшими Закавказье и степные районы Юго-Восточной Европы, в частности со скифо-савроматскими, а позднее сарматскими племенами Украины, Приазовья и Нижнего Поволжья. Имеются вещественные данные, позволяющие говорить о связях Северо-Восточного Кавказа с населением Южного Приуралья, а также Сибири, Средней Азии и даже Китая. На это указывают находки бронзового ножа раннетагарского типа, а также китайские средневековые монеты и зеркала, найденные в разных районах края (близ сел. Ачикулак, Бажиган, станицы Ассиновской и др.) [7]. Все это убедительно доказывает былое существо-

---

[4] Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. СА, 1957, № 2, стр. 164.

[5] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 208; и К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе Дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. Там же, стр. 226; его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948—50 гг. КСИИМК, вып. XV, 1952, стр. 89.

[6] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане СА, XXVI, 1956, стр. 167.

[7] Е. И. Крупнов. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области, КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 96, рис. 25, *2*.

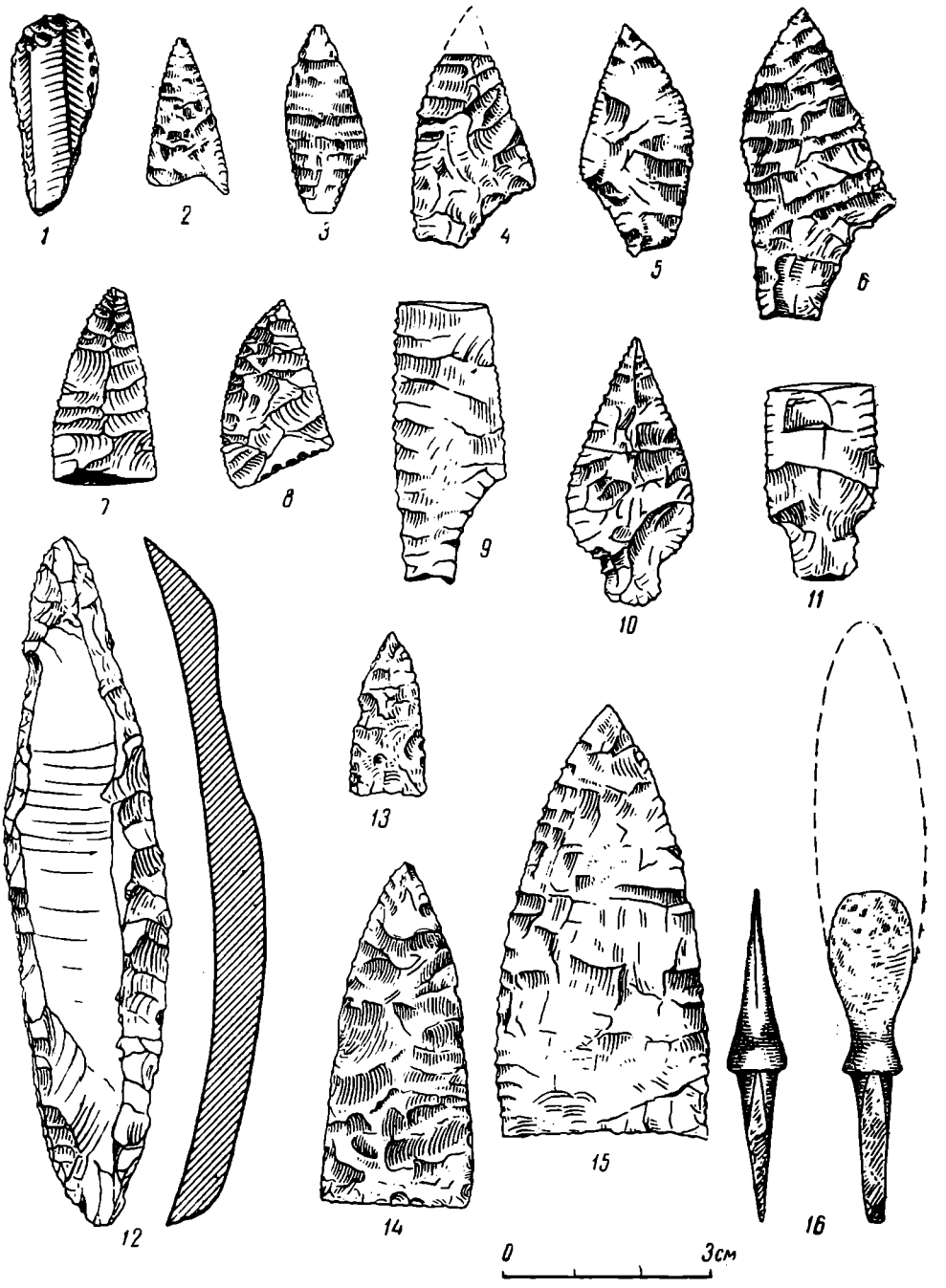


Рис. 3. Находки энеолита и эпохи бронзы из разных пунктов Северо-Западного Прикаспия

1, 4 — кремневые скребок и наконечник стрелы из Махмут-Мектеба; *2, 3, 5, 13* и *14* — кремневые наконечники стрел из Ачикулака; *6, 9, 10 — 12, 15* — кремневые наконечники стрел и резец из Бажигана; *7, 8* — кремневые наконечники стрел из Терекли-Мектеба; *16* — рукоять бронзового ножа степного типа из Бажигана

вание в этих районах исключительно интенсивной жизни местного населения, начиная с неолитической эпохи, отдаленной от нас пятью-шестью тысячелетиями.

Такая активная общественная жизнь могла протекать только в исключительно благоприятных климатических, природных условиях. В настоящее время во всем Северном Прикаспии преобладает полупустынный ландшафт и господствует ярко выраженный континентальный климат (рис. 1). Вопрос о том, когда и как произошло столь значительное изменение природной обстановки, явился одним из главных вопросов, вставшим перед коллективом нашей экспедиции.

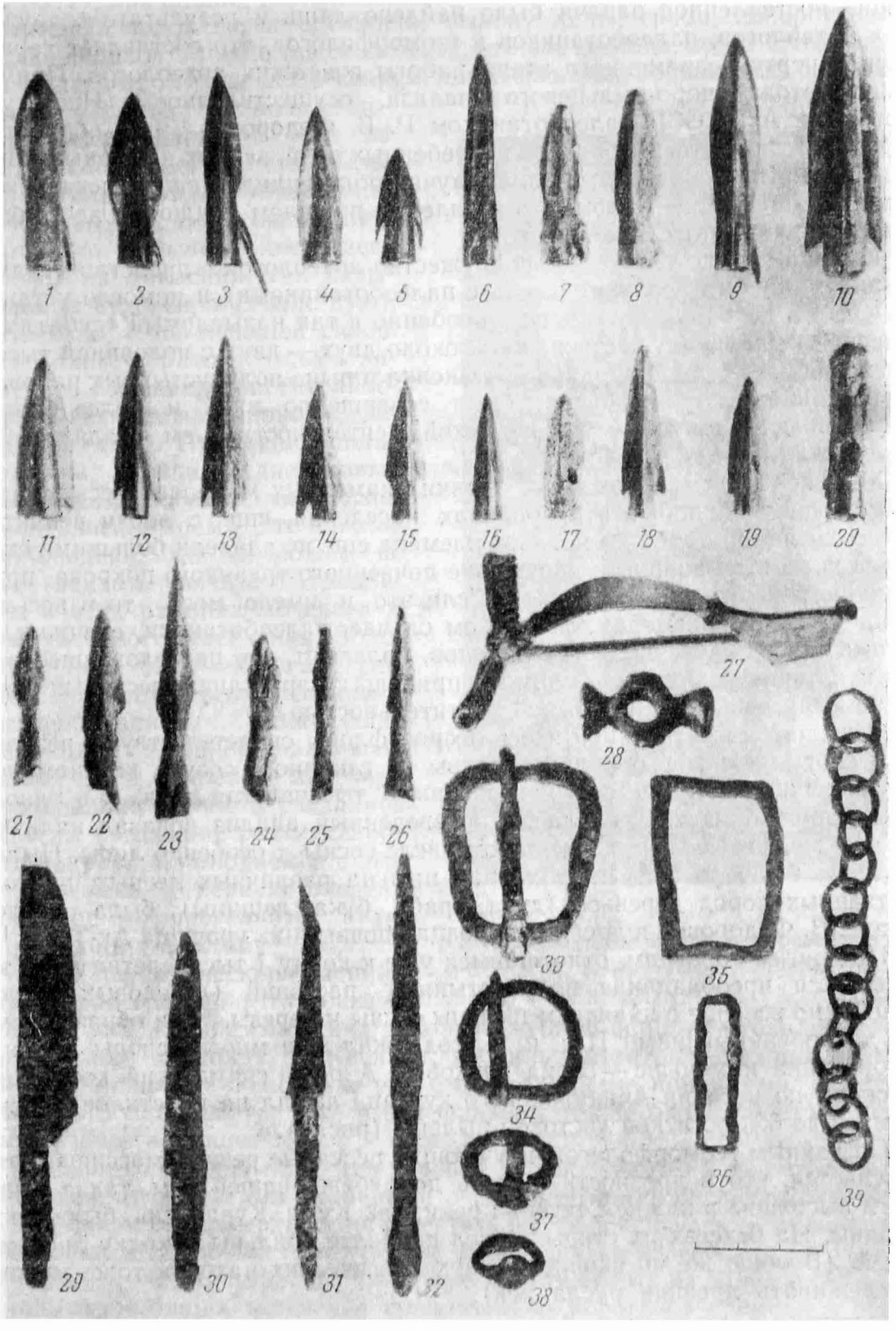


Рис. 4. Оружие и предметы быта] из разных пунктов Северо-Западного Прикаспия

1—20 — бронзовые наконечники стрел скифского типа из окрестностей Ачикулака и Бажигана; *21—26* — железные наконечники стрел скифского типа оттуда же; *27* — бронзовая фибула II в. н. э. из с. Ачикулака; *28* — обломок бронзового навершия булавки кобанского типа, оттуда же; *29—32* —средневековые железные ножи из Ачикулака; *33—38* — средневековые железные пряжки из Бажигана; *39* — железная цепочка

Но усилиями одних археологов этот вопрос, разумеется, не мог быть успешно решен. Он был нами только поставлен. Положительное же решение поставленной задачи было найдено лишь в результате содружества археологов, палеоботаников и геоморфологов, что составляет характерную черту современного этапа работы советских археологов. Применение метода споро-пыльцевого анализа, осуществленное в Институте географии АН СССР палеоботаником Р. В. Федоровой [8], при обработке хорошо датированных образцов погребенных почв, взятых из разных пунктов Северо-Западного Прикаспия, научно подтвердили давно высказанное нами предположение о том, что в далеком прошлом ландшафт здесь был резко отличным от современного.

Именно научно-творческое содружество археологов с представителями смежных наук (в первую очередь с палеоботаниками) и помогло установить, что в глубокой древности и особенно в так называемый «субатлантический период» (существовавший около двух — двух с половиной тысяч лет назад) местная природная обстановка в ныне полупустынных районах Северо-Западного Прикаспия была совершенно иной и более благоприятной для активной человеческой деятельности, чем стала много позднее.

Мы уже знаем по находкам древних каменных микролитических орудий о существовании в этих районах населения еще с эпохи неолита. Но неолитические и более поздние племена еще не владели большими стадами скота, вызывавшими нарушение почвенного травяного покрова, приводившего к развеванию песков. Если это и имело место, то в весьма незначительных размерах. Во всяком случае, палеоботаники, специально занимавшиеся изучением этих районов, полагают, что последовавшее затем некоторое увлажнение климата привело к зарастанию песчаных гряд степной, луговой и даже лесной растительностью [9].

О былом существовании здесь лесной флоры свидетельствуют результаты споро-пыльцевого анализа почвы из глиняного сосуда катакомбного типа, найденного нами в погребении II тысячелетия до н. э. в одном из курганов близ с. Ачикулак. Произведенный анализ доказал наличие пыльцы многих лесных пород, в том числе сосны и особенно липы. Пыльцы липы было до 56% [10]. Обильная пыльца различных лесных, притом лиственных пород деревьев (дуба, граба, бука, лещины), была определена Р. В. Федоровой в древних образцах почвы и из урочища Ак-Терек [11].

По другим образцам, относящимся уже к концу I тысячелетия до н. э., отмечается преобладание полупустынных растений (лебедовых и полыней), но все еще с наличием пыльцы сосны и березы. Но и образец почвы, датированный нами II в. н. э., содержал еще многие споры лесного папоротника и меньше — зерна злаков [12]. А один сарматский костяк во впускном погребении Ачикулакского кургана лежал на подстилке, содержавшей до 6% остатков листовой пыльцы (рис. 5).

По данным геоморфологов, изучающих песчаные речные массивы края, выясняется, что в древности, вплоть до рубежа нашей эры, такие ныне почти высохшие в нижнем течении реки, как Кума, Кура и др., были многоводны. На берегах их старых русел наиболее обильны находки древних вещей. (Вообще же по скоплению археологических находок тоже можно прослеживать древние русла рек).

---

[8] Р. В. Федорова. Результаты исследования споропыльцевым методом курганов Прикаспийской низменности. Изв. Грозненского Обл. музея краеведения, вып. 5. Грозный, 1953, стр. 154—161.

[9] А. Г. Гаель и И. В. Каменецкая. Лесное урочище Ак-Терек на Терских песках. Тр. Ин-та леса АН СССР, т. XXXVII. М., 1958, стр. 195.

[10] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 102.

[11] Р. В. Федорова. Применение споро-пыльцевого анализа в археологических исследованиях Прикаспия и Предкавказья. СА, 1959, № 1, стр. 287.

[12] Там же.

Один образец почвы, относящийся к средневековью (домонгольскому периоду), при обилии пыльцы полыней и лебедовых содержал еще пыльцу древесных пород зерен орешника, пыльцу липы, граба, папоротника и пыльцу злаков. Можно предположить, что эта пыльца могла быть занесена сюда ветром. Однако в современных спектрах образцов из поверхностного слоя местных почв пыльца лесных растений уже не встречается. Сейчас вся пыльца — только от полупустынных растений [13]. И это — очень показательно. Обычные же здесь ветры из Закаспия, так называемые суховеи, и сейчас дуют, очевидно, с не меньшей силой.

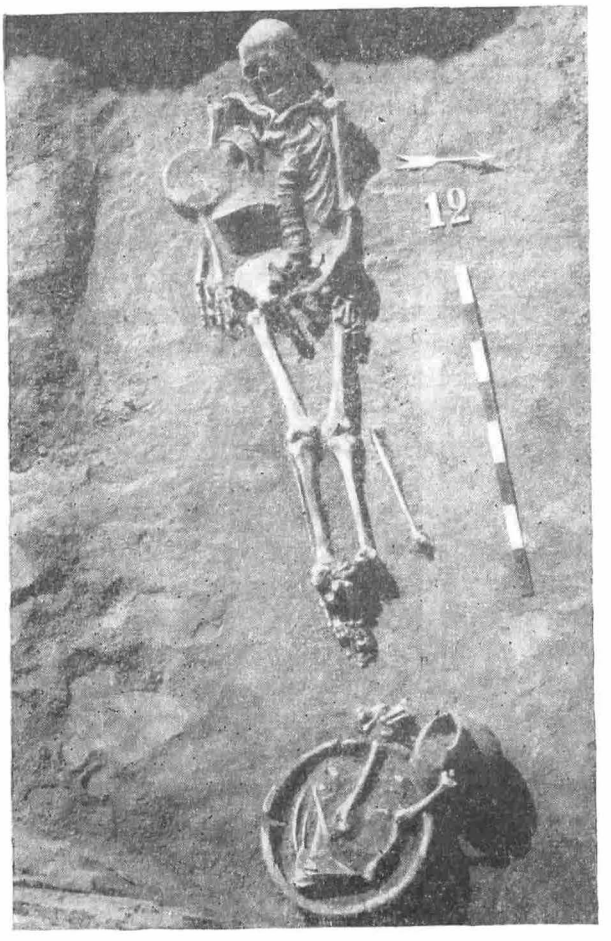


Рис. 5. Сарматское впускное погребение I в. н. э. в кург. № 5 у с. Ачикулак

Таким образом, весьма заметное изменение растительности в изучаемых районах Северо-Западного Прикаспия падает на позднесредневековый период и, особенно, на послемонгольское время. Это важное наблюдение мы не можем не поставить в связь с бытованием в этих районах кочевого и полукочевого населения Золотой Орды (XIV—XV вв.). Все мы, археологи, геоморфологи и палеоботаники, единодушно приходим к одному заключению, что в основном массовое развевание песков и связанное с этим изменение растительного покрова, наблюдаемое с этого времени, в первую очередь обязано антропогенному, а не природному фактору [14].

Не периодические каспийские трансгрессии (что доказывается нахождением морских раковин Cardium edule на стокилометровом расстоянии к западу от Каспия), не сильные ветры — суховеи, дующие из-за Каспия, не обмеление рек были главными причинами изменения местного ландшафта, хотя и эти факторы также оказывали свое разрушительное влияние [15].

Нерациональная практика ведения овцеводческого кочевого хозяйства ногайскими и другими племенами периода позднего средневековья привела к вскрытию поверхностного растительного покрова, что вызвало обнажение подстилающих почву песков и массовое их развевание.

Бессистемный выпас огромного количества скота на одних и тех же песчаных пастбищах в течение сравнительно короткого времени — вот что явилось главной причиной развития интенсивных процессов разрушения почв, их развеивания и появления новых площадей подвижных песков. А это и привело в конечном счете к медленному изменению природного ландшафта и затуханию в этих районах общественной жизни.

Иначе говоря, современный ландшафт степных районов Прикаспийской низменности и всего Северо-Восточного Кавказа является порожде-

[13] Р. В. Федорова. Применение споро-пыльцевого анализа..., стр. 287.
[14] А. Г. Гаель и И. В. Каменецкая. Ук. соч., стр. 195.
[15] Т. М. Минаева. Ук. соч., стр. 52.

нием не только и не столько природных факторов, сколько прямым последствием деятельности средневековых кочевых и полукочевых обитателей этих мест. Здесь уместно напомнить, что абсолютно такие же явления были установлены проф. Т. Ф. Якубовым, в течение ряда лет основательно изучавшим районы Северного Прикаспия и создавшего ценное исследование по этой проблеме (с рядом практических заключений и рекомендаций по хозяйственному возрождению этого района) [16]. Еще более показательными являются многолетний опыт и выводы Хорезмской экспедиции, возглавляемой С. П. Толстовым, по материалам Средней Азии, изложенные в специальном томе трудов этой экспедиции [17].

Таким образом, многолетний опыт полевого изучения различных пустынных и полупустынных районов нашего Юга приводит к единодушному заключению о том, что только нерациональная деятельность человека на протяжении столетий изменяла природные ландшафты, превращая некогда цветущие края в полупустыни.

Но если человек на протяжении столетий в силу неправильного землепользования (бессистемный выпас скота и пр.) и бесплановогo ведения хозяйства в условиях классового общества смог оказать такое пагубное воздействие на местную природную обстановку, то, очевидно, он сможет и возродить эти края, имеющие сейчас такое важное народнохозяйственное значение. Несомненно, сможет.

Что касается районов Прикаспийской низменности, то следует помнить, что с древнейших времен эти районы Северо-Западного Прикаспия, известные под названиями Черных земель и Ногайской степи, служили, служат и, очевидно, долго еще будут служить человеку как прекрасные зимние пастбища для «яйлажного», или отгонного, скотоводства населения нагорных районов доброй половины Северного Кавказа и даже Грузинской ССР.

Это объясняется прежде всего острым недостатком сенокосных участков в нагорных районах края, а также невозможностью обеспечения зимними запасами кормов для растущих стад в горных районах Центрального Кавказа. Поэтому древняя практика так называемого яйлажного овцеводства, по-видимому, долго еще будет являться основной местной формой существования современного животноводства, а районы Прикаспийской низменности — его единственной кормовой базой. Отсюда совершенно ясной становится и необходимость всемерного «благоустройства» пастбищных и сенокосных угодий и возрождение этого края.

Специальными исследованиями песчаных массивов за последнее время развенчано мнение о бесплодии пустынных песков. Наоборот, доказано, что во всех песках (по В. Р. Вильямсу, даже в белых) содержится разное количество всех зольных элементов пищи растений и азота. Следовательно, при условии орошения отдельных площадей песчаных массивов и применения дополнительных удобрений можно значительно улучшить их в качестве пастбищ и сенокосных угодий, путем травосеяния и облесения [18].

Но есть и другие мотивы, также диктующие необходимость превращения степных и полупустынных районов Северо-Западного Прикаспия в цветущую сельскохозяйственную область.

Один из крупнейших деятелей отечественного лесоводства проф. Н. С. Нестеров еще в 1924 г. указывал на огромное государственное значение закрепления песков в районах Северного Прикаспия. Он писал, что закрепление песков в этих районах вполне возможно. «Достижима на закрепленных пространствах и конечная задача — лесоразведение, разведение фруктовых садов, виноградарство, огородничество, травосеяние и разведение других сельскохозяйственных культур» [19].

[16] Т. Ф. Якубов. Песчаные пустыни и полупустыни Северного Прикаспия, М., 1955, стр. 495.

[17] Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3. Низовья Аму-Дарьи, Саракамыш, Узбой, М., 1960, стр. 344.

[18] Т. Ф. Якубов. Ук. соч., стр. 499.

[19] Н. С. Нестеров. Лес и борьба с недородами. Журнал «Лесовод», 1924, № 4-5.

т. е. то, что уже частично делается и в степных районах Северо-Западного Прикаспия, но может делаться в более широких масштабах, ибо климатические условия для этого здесь налицо.

Одновременно проф. Н. С. Нестеров утверждал, что «обращение шести миллионов десятин сыпучих песков в культурное состояние составит небывалую в мировой истории победу человека над дикой стихией — победу, перед которой будет бледнеть облесение приморских песков в Ландах, во Франции, чем гордится французское лесоводство» [20].

И если в условиях царской России эта задача не могла быть и поставлена, то в условиях нашего советского государства она может и должна быть успешно решена в самое ближайшее время. К этому призывают и обязывают последние решения партии и правительства о дальнейшем развитии сельского хозяйства. Наступило время вновь восстановить былую природную обстановку на территории всей Прикаспийской низменности. Следует помнить яркое высказывание С. М. Кирова: «Нет такой земли, которая в умелых руках при советской власти не могла бы быть повернута на благо человечества» [21].

В связи с решениями январского Пленума ЦК КПСС 1961 г. о разработке мер по увеличению производства зерна и продуктов животноводства вопросы наиболее рационального использования огромных песчаных площадей Северо-Западного Прикаспия и вопросы мелиорации этих земель приобретают важное народнохозяйственное значение.

Следует отметить, что в этом отношении кое-что уже делается. Так, специально созданной организацией «Теркумводстроем» уже прорыта и действует основная магистраль Терско-Кумского канала, идущая от района г. Моздока на север.

Уже этим обстоятельством создается реальная возможность, используя эти ответвления, проходящие по районам Северо-Западного Прикаспия, вновь преобразовать ныне полупустынные районы, превратив их в цветущий очаг сельского хозяйства — животноводства, садоводства и виноградарства. Кроме этого, необходимо также всемерно расширить дальнейшие работы по лесонасаждению и обводнению Черных земель, преобразовав эти степные районы в мощную кормовую базу очень перспективного тонкорунного овцеводства всего Северо-Восточного и Центрального Кавказа.

Наряду с хозяйственным освоением этих районов мелиораторами, агрономами, животноводами и ботаниками, нужно приступить и к историческому комплексному изучению этого края. Памятуя о том, что ныне в степных районах Прикаспия проживают этнографически слабо еще изученные ногайцы, караногайцы и трухмены (туркмены), необходимо привлечь к этой работе археологов, историков и этнографов. Только такими совместными усилиями и можно будет воссоздать богатое и интересное прошлое этого пока не изученного края и написать его научную историю с древнейших времен до наших дней.

Когда на огромнейших пространствах этих ныне еще слабо обжитых песчаных и полупустынных земель Северного и Западного Прикаспия, от нижнего течения Урала до Терека и Сулака, будет осуществлена советским народом гигантская работа по ирригации засушливых степей и восстановлению их хозяйственных качеств, на них возродится новая полнокровная жизнь, освещенная огнями великих строек коммунизма.

И если параллельно с этими хозяйственными работами будет осуществлено и широкое историко-археологическое изучение всей территории Прикаспийской низменности, это будет крупным научным достижением советской исторической науки, так как результатами такого изучения, несомненно, будут вписаны пока недостающие и, следовательно, новые и важные страницы в сводную историю народов СССР.

---

[20] Н. С. Нестеров. Ук. соч., стр. 26.

[21] С. Киров. Ленинградские большевики между XVI и XVII съездами ВКПб. 1934, стр. 374.

А. Я. БРЮСОВ

ОБ ЭКСПАНСИИ «КУЛЬТУР С БОЕВЫМИ ТОПОРАМИ» В КОНЦЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

III тысячелетие до н. э. можно по справедливости назвать временем первого великого переселения народов. Археологические памятники служат ярким свидетельством перемещения в это время больших масс населения. Колоссальные экспансии культур крашеной керамики, колоколообразных сосудов, каменных сверленых боевых топоров охватывают почти всю Европу. Во всех этих случаях имело место движение южных скотоводческих племен. Блестящий анализ причины таких массовых миграций населения был дан более ста лет назад К. Марксом в его статье «Вынужденная эмиграция», в которой он характеризовал причину второго великого переселения народов в начале нашей эры. Рассмотрев причину колонизационного движения древних греков и установив, что эта причина заключалась в неумении применять науку в области материального производства и в ограничении численности населения, требуемом системой древнегреческих государств, он писал: «То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства древнего мира. Здесь, хотя в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они взаимно лишали друг друга территории, необходимой для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные приключений великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы» [1].

Одним из таких движений было движение племен, представленных так называемыми культурами боевых топоров (battle-axe culture, Streitaxtkultur и т. д.). Размах его поистине поразителен. Восточную границу территории, охваченной этим движением, составляла огромная полоса европейской части СССР от р. Вятки вдоль долин рек Верхней Волги и Клязьмы, долин Верхнего Днепра, Припяти до Новгородской области и Прибалтики. Это так называемая фатьяновская культура, или, вернее, ряд родственных археологических культур. За пределами же территории СССР мы находим под разными наименованиями аналогичные культуры — в Юго-Западной Финляндии и в Швеции — культуру боевых топоров (Stridakxtkultur), в Дании — культуру одиночных погребений (Enkeltgravskultur), в Северной и Средней Германии — культуру шнуровой керамики (Schnurkeramickkultur), в Польше — культуру Злоты,

---

[1] К. Маркс. Вынужденная эмиграция. Сб. «К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии», М., 1952, стр. 333.

вплоть до Восточной Швейцарии включительно, где она также носит название культуры шнуровой керамики. Отдельные находки типичной для этих культур керамики и один каменный сверленый боевой топор были найдены даже в Греции, в Македонии (Агиос Мамас).

Повсеместно, за очень редкими исключениями, эти культуры представлены только погребениями и отдельными находками, преимущественно каменных топоров, боевых сверленых и рабочих клиновидных (обычно кремневых). Другим характерным признаком этих культур является то, что их могильники располагаются на открытых местах и притом там, где в древности (о чем я буду говорить ниже) также существовали открытые луговые пространства. При покойниках обычно клали каменный боевой топор, рабочий топор, изредка колчан со стрелами или несколько стрел и некоторые другие предметы (крупные кремневые ножевидные пластины, каменные парные выпрямители древков стрел, украшения) и ставили глиняный сосуд (редко — два или несколько), очевидно, с пищей. На ранней ступени развития этих культур сосуды в общем аналогичны по форме и по орнаменту. В поздних погребениях (на территории СССР) нередко находят бронзовые вислообушные топоры и бронзовые украшения. Этим списком, конечно, не ограничивается погребальный инвентарь этих культур, и о некоторых других находках в погребениях будет сказано ниже. Иногда в погребениях наряду с костями диких животных встречаются кости также и домашних.

Все это дало право считать племена, представленные этими культурами, скотоводческими племенами. Часто их определяют также как «воинственные скотоводческие племена», но едва ли эпитет «воинственный» здесь уместен; верно только то, что эти племена продвигались при своем расселении по территории чуждых им племен и нередко имели столкновения с последними.

Всюду, где представлены различные варианты культур с боевыми топорами, они характеризуются на ранней ступени развития (позднее все эти культуры начинают разниться между собою) одними и теми же типологическими признаками. Всюду они являются чуждыми предшествовавшим им в этих местах археологическим культурам. Поэтому совершенно несомненно, что мы имеем дело с экспансией какого-то многочисленного народа, охватившей огромное пространство. При этом характерно, что тип людей, принадлежавших к этим племенам, судя по антропологическим данным, был европеоидным. Следовательно, мы имеем дело здесь с какой-то широкой экспансией индоевропейцев (или, как полагают многие, «праиндоевропейцев»), а это делает вопрос об этих культурах частью более широкой индоевропейской проблемы.

Данное обстоятельство и своеобразие всех этих культур послужило причиной того, что на тему о культурах с боевыми топорами было написано большое число статей и монографий [2], не говоря уже о специальных разделах во всех общих трудах по археологии этого периода.

Я не буду излагать подробно историографию этого сложного и запутанного вопроса. Отмечу только, что даже по основным темам, связанным с этой проблемой, существуют большие разногласия. Так, например, большинство археологов, лингвистов и антропологов считают племена культур с боевыми топорами принадлежащими к индоевропейской семье народов. Т. Сулимирский относил их к предкам угро-финнов [3]. В. Кочка

---

[2] A. Äyräpää. Ueber die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, т. VIII, Helsinki, 1933; J. Forssander. Die schwedische Bootaxtkultur und ihre kontinentaleuropäischen Voraussetzungen. Lund, 1933; A. Oldeberg. Studien über die schwedische Bootaxtkultur. Stockholm, 1952; P. V. Glob. Studier over den jyske Enkeltgravskultur. Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København, 1945; M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe, ч. 1, Cambridge, Massachusets, 1956; P. Bosh-Gimpera. El. problema indoeuropeo. Mexico, 1960.

[3] T. Sulimirski. Polska predhisoryczna, ч. I, London, 1955, стр. 156.

полагает, что культура шнуровой керамики является «конечным продуктом медленного слияния всех культур и этнических элементов неолитической эпохи внутренней части Европы»[4].

Одни считают, что областью, откуда эти племена начали свое движение, была Северная Германия и Скандинавия, другие — Польша; большинство же называют южнорусские степи. Вопроса о возможных путях и способах этого расселения никто, насколько мне известно, не затрагивал. Почти никто, кроме Е. Фогта[5], не высказывался также по вопросу, происходило ли это движение однократно или оно состояло из ряда последовательных волн, шло ли оно из одного ограниченного района, или в нем участвовали различные племена, населявшие разные районы и характеризуемые одной или различными археологическими культурами.

Решение проблемы о культурах с боевыми топорами затруднено и тем, что соответствующий большой археологический материал, накопленный в музеях СССР, до настоящего времени не обобщен. Если не считать отчетных статей о раскопках могильников и вероятных поселений фатьяновской культуры, труды, касающиеся этой культуры в целом, можно буквально пересчитать по пальцам. К тому же это относительно небольшие статьи, к настоящему времени уже устаревшие[6]. В силу этого зарубежные археологи, которые за последние годы усиленно разрабатывают проблему культур с боевыми топорами и печатают объемистые труды по этому вопросу, используя наши издания, получают превратное представление прежде всего о количестве соответствующего материала. Многие из них пользуются перепечатанной в работе А. Европеуса (А. Эйряпяя) картой, составленной А. Тальгреном более двадцати пяти лет назад. Естественно, что на этой карте на территории СССР отмечено очень мало мест находок, которые можно отнести к фатьяновской культуре, особенно сравнительно с тем, что имеется в Западной Европе. Полагаю, что это обстоятельство немало способствовало поискам исходной области экспансии культур с боевыми топорами вне пределов СССР.

Несмотря на это ряд западноевропейских археологов пришли к выводу, что истоки этих культур надо искать на востоке, в пределах СССР и Польши. Особенно отчетливо писал об этом П. Глоб: «Многие признаки указывают, как кажется, на то, что эту (исходную.— *А. Б.*) область следует искать на юге Восточной Европы или на прилежащей области Азии, более же точного определения находки не позволяют сделать. В широких степях этих областей в третьем тысячелетии раскидывал свои шатры какой-то многочисленный кочевой народ. Если эти степи были населены до максимума своей вместимости, теплый и сухой суббореальный период, несомненно, привел к катастрофе, которая вызвала значительное выселение во всех направлениях... Племена, двинувшиеся к северу, обосновались в Центральной России, в юго-западной Финляндии и Швеции. Другие двинулись к северо-западу и обрели новую землю в Прибалтике, Центральной Европе, Северной Германии и Ютландии. Из новых культурных центров, которые таким образом возникли, культура шнуровой керамики постепенно распространилась на большое пространство и покрыла в конце концов всю северную и среднюю Европу»[7].

С предположением П. Глоба о причине эмиграции южнорусских племен согласиться, конечно, нельзя, так как и в последующее время, во II тысячелетии до н. э. и позднее, в тех же южнорусских степях существо-

---

[4] W. Kóčka. Zagadnienia etnogenezy ludów Europy. Wroclaw, 1958, стр. 265.

[5] E. Fogt. Die Herkunft der Michelsberger Kultur. AA, т. XXIV, Køpenhavn, 1953.

[6] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ГИМ. 1914. М., 1915; его же. Бронзовый век на территории СССР. БСЭ, 1-е изд., т. 7, стр. 615. М., 1927; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. 16, 1947; A. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archeologie. Die Entstehung der Fatjanovo-Kultur. AA, т. XXV, Køpenhavn, 1955.

[7] P. Glob. Ук. соч., стр. 241.

вали скотоводческо-земледельческие племена катакомбной, срубной, киммерийской, скифской и более поздних культур. Следовательно, никакого иссушения южнорусских степей с наступлением суббореального климатического периода не было. П. Глоб, как и многие западноевропейские археологи, ищет причину социальных и иных сдвигов в жизни древних племен в географическом факторе. Нет спора, что этот фактор иногда мог служить причиной вынужденной эмиграции целых племен; тому же П. Глобу удалось доказать это на примере эмиграции кимвров из Ютландии [8]. Но в данном случае это неприложимо. Свое предположение о причине, вызвавшей движение племен, положивших начало фатьяновской культуре, я высказал в одной из своих статей [9]. В настоящей работе я попытаюсь его детализировать на основании новых материалов, изученных мною.

Гипотезу о происхождении культур с боевыми топорами вследствие расселения древних племен из южнорусских степей разделяет и М. Гимбутас [10]. Соглашается с этой гипотезой и Е. Фогт, который, сопоставляя находки в Швейцарии с находками в Ютландии, замечает при этом: «...Не может быть случайностью, что в двух далеко отстоящих друг от друга провинциях этой культуры существует подобное сходство, и что в обеих представлены древнейшие фазы ее появления. Глоб, как известно, сторонник взгляда, по которому носители культуры шнуровой керамики пришли из Восточной Европы. По моему мнению, соответствие датских и швейцарских типов подтверждает это, но только в том случае, если признать быстрое веерообразное распространение из восточной области на запад» [11].

В том же роде, но в различных вариантах и с разными ограничениями исходной области культур с боевыми топорами высказался ряд других исследователей этих культур. Были высказаны и противоположные взгляды на основании главным образом типологических сопоставлений и преимущественно в защиту предположения о происхождении данных культур от саксо-тюрингской культуры шнуровой керамики (Г. Мильденбергер [12], А. Европеус [13], К. Мейнандер [14] и др.).

Оригинальной точки зрения придерживался в этом вопросе Г. Чайлд. «Только догматики,— писал он,— могут предполагать, что боевые топоры разбрасывались ордами завоевателей... Мы должны предположить, что за известными нам степными культурами кроется широкая область рассеянных групп скотоводческих племен или даже охотников-рыболовов. Ибо представляющиеся нам скотоводческие группы могли возникнуть благодаря односторонней аккультурации дикарей, а также благодаря специализации среди варваров. Сезонные кочевки в связи со сменой пастбищ или охотнические экспедиции должны были обеспечивать связи между различными группами, достаточными для передачи идеи. Подобные передачи установились в период полной дифференциации степных культур с боевыми топорами» [15].

Эта весьма расплывчатая гипотеза Г. Чайлда о распространении элементов культуры вследствие «миграции идей» и применение этой гипотезы к проблеме возникновения и распространения культур с боевыми топорами не может объяснить факта почти одновременного появления всех признаков культуры боевых топоров на ранней ступени их развития на таком огромном пространстве. Высказанный Г. Чайлдом в пылу полемики с

---

[8] P. Glob. Jyllands øde agre. «Kuml», 1951, Aarhus, 1951.
[9] А. Брюсов. Ук. соч.
[10] M. Gimbutas. Ук. соч.
[11] E. Fogt. Ук. соч., стр. 177.
[12] G. Mildenberger. Studien zum mitteldeutschen Neolithikum. Leipzig, 1953, стр. 99—100.
[13] A. Äyräpää. Ук. соч., стр. 149—150.
[14] C. Meinander. Die Kjukaiskultur. Helsinki, 1954, стр. 149.
[15] V. G. Childe. The Dawn of Europeen Civilisation. London, 1957, стр. 174.

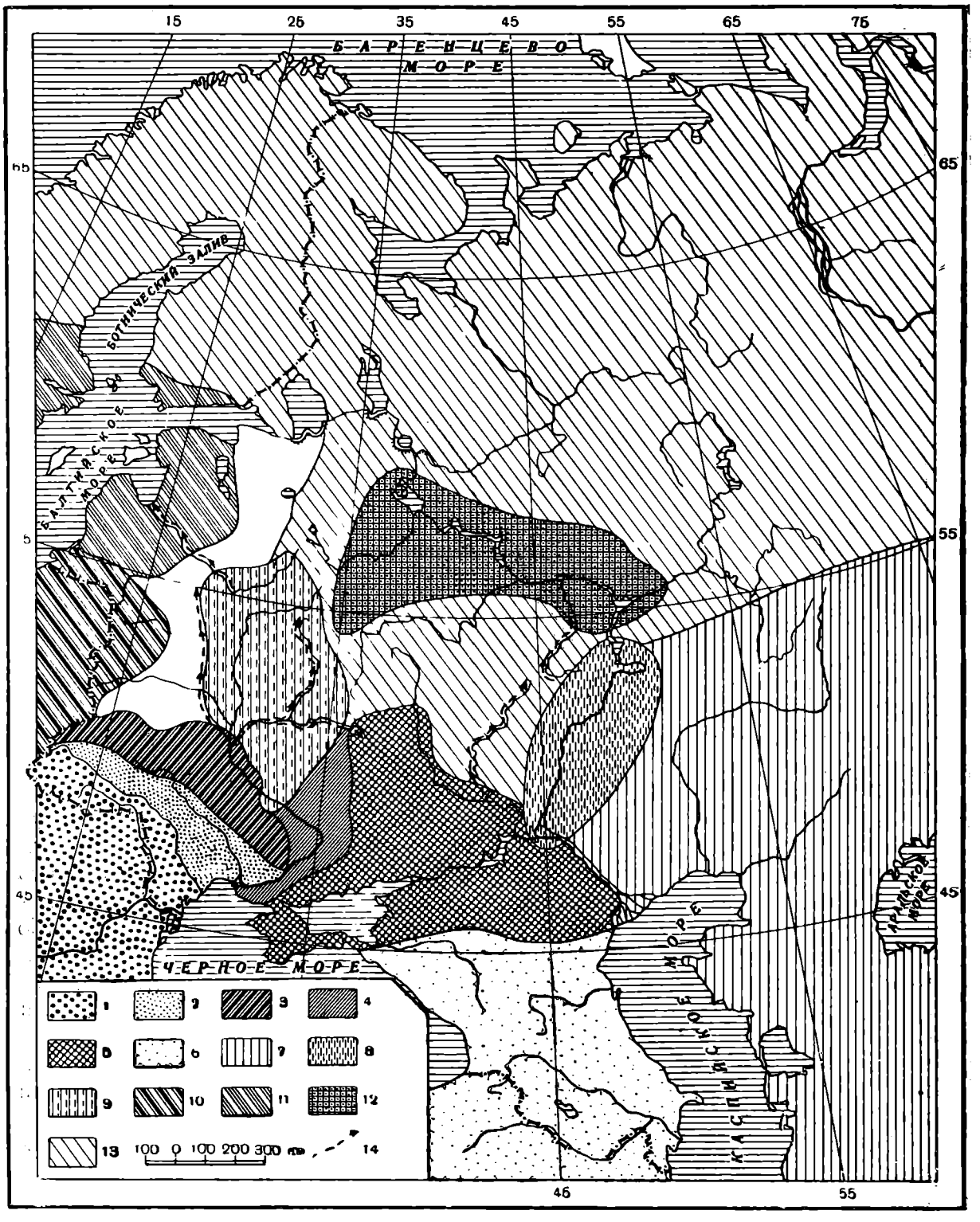


Рис. 1. Археологические культуры Восточной Европы в конце III и самом начале II тысячелетия до н. э. (Попытка согласования границ археологических культур этого времени по данным Т. Б. Поповой, И. И. Артеменко, Д. А. Крайнова и А. Я. Брюсова)*

Условные обозначения: *1* — трипольская культура; *2* — усатовская культура; *3* — волыно-мегалитическая культура; *4* — нижнеднепровская культура; *5* — ямно-катакомбная культура; *6* — кавказские культуры; *7* — прикандроновская и другие культуры Казахстана; *8* — полтавкинская культура; *9* — среднеднепровская культура; *10* — культура шаровидных амфор; *11* — культура боевых топоров; *12* — фатьяновская культура; *13* — культуры с ямочно-гребенчатой или гребенчатой керамикой; *14* — возможные речные пути продвижения культуры боевых топоров

* Границы культур условно выравнены: не приняты в расчет возможные местные их изменения, происходившие, вероятно, в течение этого времени. Находки отдельных каменных сверленых боевых топоров в таких удаленных областях, как Кольский полуостров, Северная Финляндия, Казахская ССР, не учитывались.

Е. Ю. Кричевским [16] своеобразный автохтонизм является причудливым слиянием марристской «теории» повсеместного стадиального развития человеческого общества и «теории диффузии», одним из крайних сторонников которой был этот английский археолог. Принятая большинством исследователей гипотеза о массовой эмиграции племен культур с боевыми топорами, по-видимому, более близка к истине.

Эта гипотеза, несомненно, нуждается еще в большем числе уточнений, которые, по моему мнению, может дать материал с территории СССР. Работа над этим материалом в течение ряда лет позволяет, как мне кажется, не только предложить такие уточнения, но и иначе, чем это до сих пор было принято, исторически интерпретировать некоторые археологические данные относительно юга европейской части СССР в рассматриваемую эпоху.

Перед нами стоят следующие вопросы:

1) в каких палеогеографических условиях происходило движение культур с боевыми топорами;

2) где находилась исходная область экспансии этих культур;

3) как и какими путями она распространялась;

4) какие причины вызвали это движение;

5) к какой семье народов принадлежали племена культур с боевыми топорами.

1. Первый из перечисленных вопросов никем никогда не ставился. А между тем весьма важно знать, как практически представляют себе сторонники этой гипотезы передвижение значительного числа скотоводческого населения, очевидно, вместе со стадами, из южных степей СССР на далекий север, например, в Скандинавию или даже на Верхнюю Волгу, через первобытные лесные пространства того времени, да еще быстрыми темпами.

Еще в конце прошлого века, в 1896 г., Г. И. Танфильев положил много труда для решения вопроса о том, как далеко к северу простирались степи в древности [17]. На основании того, что чернозем образуется на почвах, богатых углекислой известью и солями серной кислоты и хлора, он считал возможным путем анализа подпочв на разных глубинах определить распространение степей в древности. На основании этих анализов и некоторых других признаков (например, наличия оврагов в лесной области, участков с реликтами степных растений) он наметил границу древних степей по правому берегу р. Оки с заходом в ряде мест на ее левый берег и сделал предположение, что степи простирались, возможно, еще дальше к северу.

Полемизировавший с Г. И. Танфильевым по этому вопросу В. В. Докучаев не оспаривал, однако, большого значения произведенных Г. И. Танфильевым анализов подпочв. Интересно при этом, что в одной из своих лекций о почвоведении он обратил внимание своих слушателей на безусловный, по его мнению, признак существования некогда степи на исследуемом участке. «Вы можете уничтожить,— говорил он,— степи, распахать их, не оставив целинного клочка, можете изгнать сурков, сусликов из своих полей..., но эти кротовины навсегда останутся памятниками ковыльной, черноземной степи... Следы жизни степных грызунов... нигде не встретите под лесными землями» [18].

---

[16] Е. Ю. Кричевский. Индогерманский вопрос, археологически разрешенный. ИГАИМК, № 100, 1933, стр. 158 сл.

[17] Г. И. Танфильев. Доисторические степи Европейской России. Журн. «Землеведение», 1896, № 2 (перепечатано в 1953 г. в сборнике «Г. И. Танфильев. Географические работы», М., 1953). См. также другие труды Г. И. Танфильева («К происхождению степей», «Пределы лесов на юге России» и др.) в указанном сборнике.

[18] В. В. Докучаев. Избранные соч. (в 3 томах), т. 3, М., 1949, стр. 352—353 («Лекции о почвоведении»).

В 1934 г. О. Н. Бадер, производя раскопки Балановского фатьяновского могильника в 12—13 *км* южнее Волги, в Чувашии, обнаружил здесь, много севернее намеченной Г. И. Танфильевым границы древней степи, эти несомненные, по мнению В. В. Докучаева, признаки существования там в древности степи.

«В раскопках 1934 г.,— писал он,— неоднократно делались находки костей крупных грызунов, местами обнаружены были следы старых нор. По определению В. И. Громова, кости принадлежат суслику (Citellus sp.) и байбаку (Marmota bobac)» [19].

Имеются и другие признаки того, что в древности на европейской территории СССР открытые пространства занимали большие площади далеко на севере. Такими признаками являются: «владимирское ополье», почва которого близка по своим свойствам к чернозему, «темноцветные почвы» и «владимирский чернозем» в бывш. Владимирской губернии, почвы «суздальского ополья». Даже в области рек Камы и Вятки встречаются выщелоченные и деградированные черноземы лесостепи.

До самого недавнего времени в междуречье рек Костромы и Волги сохранялись огромные луговые пространства (в бывш. Мисковской волости Костромской губ.) до 2000 *км*^{2}. Интересно отметить, что вблизи от этих мест обнаружено много памятников фатьяновской культуры.

Все это доказывает, что в рассматриваемое нами время европейская часть СССР имела ландшафт, значительно отличающийся от более позднего и современного. Очевидно, наряду со сплошными массивами первобытной тайги (понимая под этим термином не одни хвойные, но и густые лиственные леса, на что указывают данные пыльцевого анализа) существовали и значительные открытые пространства, особенно в долинах более или менее крупных рек. Таким образом, надо думать, что непреодолимых препятствий для передвижения древних скотоводов с их стадами в то время не существовало. Подобное положение, вероятно, имело место и в прилегающей части территории Западной Европы.

Как могли быть организованы эти передвижения? [20]

Археологический материал показывает (по крайней мере, относительно фатьяновской культуры), что передвижения племен, положивших начало этой культуре, происходили через земли, занятые чуждыми им племенами, представленными резко отличными от фатьяновской археологическими культурами. Отсутствие на путях этого движения (о самих путях и об исходной области будет говориться ниже) признаков поселений или крупных могильников, которые свидетельствовали бы о длительном пребывании в этих местах племен фатьяновской культуры, свидетельствует об относительной непрерывности этого движения. Многочисленные случаи обнаружения мелких могильников фатьяновского типа вроде могильников у сел. Большое Буньково на р. Клязьме, в местности Николо-Перевоз на р. Дубне, у дер. Трусово на р. Истре («Истринский могильник») и других местах представляют собой, по моему мнению, не показатели находящихся или находившихся где-то поблизости поселений племен фатьяновской культуры. Скорее всего в них надо видеть места более или менее кратковременных остановок «фатьяновцев». Интересно отметить, что они нередко расположены на местах одновременных им поселений культур с ямочно-гребенчатой керамикой, резко отличающейся от керамики фатьяновской культуры.

Особенно показательны в этом отношении результаты раскопок, произведенных В. М. Раушенбах в местности Николо-Перевоз, вблизи дер. Сущево на р. Дубне [21]. В культурном слое стоянки, которую В. М. Раушенбах

[19] О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Балаково в Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 85.

[20] При настоящем состоянии наших знаний ответить на этот вопрос можно только гипотетически.

[21] В. М. Раушенбах. Тайны тысячелетий. Газ. «Лесная промышленность», № 114, от 23 сентября 1958 г.

относит к волосовской культуре [22], ею обнаружено коллективное захоронение семи человек с положенными вместе с ними фатьяновского типа сосудами и каменными сверленными боевыми топорами; тут же лежало несколько кремневых наконечников стрел южного типа. Около костей погребенных оказалось также несколько кремневых же наконечников стрел типа, характерного для волосовской культуры (стрелы не могли попасть туда случайно вместе с засыпкой погребения, так как абсолютно никаких других предметов в засыпке могилы обнаружено не было). Приблизительно на уровне верхней границы могильной ямы, но уже вне погребения, было найдено на стоянке несколько десятков черепков от сосудов фатьяновского типа. Уровень этот перекрыт горизонтом с предметами волосовского типа.

Все это дает право думать, что какая-то группа племен культуры с боевыми топорами, продвигаясь по р. Дубне, имела столкновение с жившими в данной местности представителями племен волосовской культуры. «Фатьяновцы» одержали верх и на некоторое время задержались там, совершая погребения убитых в стычке сородичей, а затем двинулись далее.

Отдельные погребения культур с боевыми топорами были обнаружены на стоянках местных культур и в других местах, как в СССР, так и в других странах [23]. Может быть, свидетельствами таких столкновений являются также многочисленные отдельные находки каменных сверленых боевых топоров, не увязываемые ни с поселением, ни с могильником (что также характерно как для территори СССР, так и зарубежных стран).

Погребение на стоянке Николо-Перевоз является только особенно ярким образцом таких предполагаемых столкновений.

Дальнейшие факты, которые я буду приводить, и делаемые из них выводы имеют весьма косвенное отношение к поднятому мною вопросу. Поэтому дальнейшие мои предположения надо считать только одной из многих возможностей, не более.

Люди того времени, несомненно, представляли себе, что в пути через земли, населенные другими, не родственными племенами, их могли ожидать столкновения, а там, где они решат осесть, им, конечно, придется выдержать борьбу с туземным населением, которое едва ли уступит им свою племенную территорию без сопротивления.

Можно предположить, что наряду с основной массой эмигрантов, двигавшихся вместе со стадами вдоль речных путей, существовали группы воинов, в задачу которых входило обеспечить безопасность движения. Этот своего рода авангард воинов, продвигавшийся более быстро по рекам на лодках, мог в случае необходимости сломить сопротивление местного населения, напав на поселение противника, а, как мы знаем, неолитические поселения располагались всегда на берегах рек или озер. (С подобным явлением мы встречаемся при раскопках стоянки Николо-Перевоз.)

Существовали ли, однако, в то время такие водные суда, которые могли служить для этой цели? Археологические находки последних лет позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. В 1954 г. при раскопках М. Е. Фосс у сел. Щучье на берегу Дона была извлечена из берегового обрыва большая лодка. Эта выдолбленная из цельного дуба лодка имела длину — 7,55 *м*, ширину около 1 *м* и глубину около 1 *м* [24]. На следующий год Воронежским музеем невдалеке от этого места была обнаружена и извлечена из почвы вторая такая лодка. Для большей устойчивости лодка была, по-видимому, снабжена аутригером (балансиром), для чего у носа и кормы имелись по бортам широкие выступы, с просверленными в них от-

---

[22] Я считаю, что этот слой надо относить не к волосовской культуре, какой мы ее знаем в районе г. Мурома, а к иной, особой культуре, хотя и близкой к волосовской.

[23] На р. Соже в Гомельской области (Стрелица), на р. Десне в Брянской области (Былынец), на р. Клязьме в Московской области (Большое Буньково) и др. См., также, например, A. Oldeberg. Ук. соч., стр. 140—141.

[24] Экспонирована в ГИМ.

верстиями. К этим выступам привязывались, очевидно, длинные изогнутые слеги, к противоположным концам которых прикреплялось параллельное лодке бревно, составлявшее противовес и не позволявшее лодке опрокинуться. Подобные лодки с аутригером до сих пор применяются на Индийском океане, гребцы сидят в них в один ряд (ср. ширину найденной на Дону лодки) и гребут двуперыми веслами. При таком условии параллельное лодке бревно может быть помещено в расстоянии всего 0,8—1 *м* от лодки, и, следовательно, такая лодка, вмещая до десяти человек, могла свободно проходить по протокам шириной в 2 *м* при глубинах около 1 *м*.

Геологические условия залегания лодки и ряд наблюдений, сделанных при ее раскопках, свидетельствуют, что лодка эта не затонула, а была оставлена на этом месте у древнего берега не позднее III тысячелетия до н. э. Подобные лодки были, очевидно, в широком применении у народов Восточной Европы и в более позднее время. Изображения таких лодок нередко встречаются на наскальных рисунках в Карельской АССР (петроглифы у сел. Бесов Нос на восточном берегу Онежского озера), а употребление двуперых весел северными германцами удивляло еще Тацита [25].

Как мы увидим ниже, эмиграция южных скотоводческих племен не имела характера однократного движения, как это предполагал Е. Фогт. Имеются несомненные доказательства того, что она состояла из ряда следовавших одна за другою волн, двигавшихся разными путями. При таких обстоятельствах вести о них должны были распространяться на значительное расстояние. Это, вероятно, заставляло туземцев при известии о движении через их область эмигрантов временно оставлять свои поселения, как это происходило сравнительно недавно в Северной Америке: при поездках по р. Мекензи эскимосов, отправлявшихся систематически по этой реке к залежам нужного им для наконечников стрел камня, индейцы временно оставляли свои жилища, укрываясь в лесах. Поэтому надо думать, что столкновения эмигрантов с местным населением не были слишком частыми.

2. Если наметить на карте Европы все те области, где мы находим различные варианты культуры с боевыми топорами и где они являются, безусловно, пришлыми, не имеющими корней в предшествовавших им археологических культурах, то мы увидим огромный полукруг, протянувшийся, как я уже говорил, от Восточной Швейцарии через Среднюю и Северную Германию, Скандинавию, Финляндию, Новгородскую область и далее по Верхней Волге до Камы и Вятки. Характерных для этих вариантов культуры боевых топоров предметов — специфических (ранних) типов каменных сверленых боевых топоров, керамики со шнуровым орнаментом и типичными узорами, клиновидных кремневых рабочих топоров с заполированием боковых сторон — мы не найдем ни восточнее, за Уралом, ни западнее, за Рейном, ни на севере. Уже одно это говорит о том, что исходную область этого движения надо искать где-то южнее и восточнее южных и восточных границ распространения культур с боевыми топорами и западнее Урала, или, точнее, р. Волги, восточнее и южнее областей распространения перечисленных выше культур шнуровой керамики, т. е. где-то на юге, в причерноморских степях. Но эта степь обширна, и, кроме того, необходимо доказать, что на ней или на части этой степи существовала археологическая культура или культуры, которые, во-первых, дают право вывести из них культуры с боевыми топорами, и, во-вторых, предшествовали времени первого появления вариантов культуры с боевыми топорами в областях очерченного нами полукружия.

Почти все исследователи культур с боевыми топорами пришли к убеждению, что время их появления в Финляндии, Скандинавии, Германии и т. д. относится к концу III тысячелетия до н. э. Не приводя типологических доказательств этого, имеющихся в цитированных мною многочислен-

[25] Тацит. Нравы германцев, 44.

ных трудах, назову только цифры, полученные при анализе радиокарбонным методом[26]: 2485±320 и 2245±120. Кроме того, в Швейцарии слои с вещами соответствующей культуры находятся непосредственно над слоями михельсбергской культуры, а последняя датируется по тому же методу 2745±180. Отсюда следует, что датировка исходной культуры должна прийтись на предшествующее время.

В южнорусских степях приблизительно к этому времени относятся культуры: трипольская, ямно-катакомбная, волыно-мегалитическая, среднеднепровская и полтавкинская (рис. 1). Трипольская культура, как совершенно чуждая по формам вещей культурам с боевыми топорами, может быть исключена из этого списка[27]. О том, что исходными культурами, из которых можно выводить движение «культуры с боевыми топорами», могли быть среднеднепровская и волыно-мегалитическая, я уже писал в свое время[28]. Во второй половине III тысячелетия до н. э. трипольская культура достигает в своей экспансии с запада на восток течения Среднего Днепра и сменяет здесь среднеднепровскую. Поэтому надо заключить, что племена трипольской культуры должны были вытеснить отсюда хотя бы часть племен среднеднепровской культуры. Поскольку юг в это время был относительно густо заселен, им оставался только один путь на север, и свидетельством этого движения является цепочка погребений среднеднепровского или фатьяновского типа по рекам Десне и Клязьме. Исходя из этих фактов, я предположил, что исходной областью, откуда началось движение племен с боевыми топорами, был район Среднего Днепра. Это движение представлялось мне, как и многим другим, однократным.

Последующие занятия этой проблемой во многом видоизменили мои предположения. Наибольший толчок в этом направлении дало мне изучение в Национальном музее в Хельсинки хранящейся там коллекции Заусайлова, казанского археолога, собравшего в конце XIX — начале XX в. большой археологический материал из бывш. Казанской и Пермской губерний. В этой коллекции в большом числе представлены вещи, относящиеся к одному из вариантов культуры с боевыми топорами[29]. Мое внимание привлекло большое число предметов, типичных для катакомбной культуры в ее восточном варианте — шаровидных каменных булав, каменных ступок и таких же пестов, каменных гладилок для выпрямления древков стрел (нем. Pfeilschaftsglätter), а также характерных для находящейся значительно к западу Минской области каменных черешковых топоров (нем. Absatzbeile). Еще удивительнее, что те же предметы, кроме ступок и пестов, найдены были также в большом количестве в датских одиночных погребениях. Ни к среднеднепровской, ни к волыно-мегалитической культурам эти предметы никакого отношения иметь не могут.

---

[26] R. Pittioni. Die Bedeutung der Radiokarbonaten für die Urgeschichte. Anzeiger der philosophisch-historische Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1957, № 16, Wien, стр. 246—247.

[27] Впрочем, Т. С. Пассек в работе «Периодизация трипольских поселений» (МИА, № 10, 1947) придерживалась (вслед за Е. Ю. Кричевским) мнения, что некоторые южнорусские культуры с боевыми топорами являются продолжением трипольской культуры. Мои возражения ей см. А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1940, гл. XII; см. полнее во 2-м немецком издании A. J. Brjussov. Geschichte der neolitischen Stämme im europäischen Teil der UdSSR. Berlin, 1957, стр. 267.

[28] A. Brjusov. Die Wanderungen...

[29] О. Н. Бадер в работе «К вопросу о Балановской культуре» (СЭ, 1950, № 1, стр. 59—81) назвал этот вариант «балановской культурой». Полагаю, что он прав, применяя здесь термин «культура». Я сам являюсь сторонником взгляда, что так называемую фатьяновскую культуру следует расчленить на ряд самостоятельных культур. Не могу, однако, согласиться с намеченными О. Н. Бадером границами этой культуры, которые следует несколько изменить. Наименование ее кажется мне также неудачным.

Факты этих находок значительно расширяют территорию возможной исходной области миграции племен с боевыми топорами, делают весьма вероятным наличие не одной, а ряда волн этого движения и ставят, наконец, вопрос о времени и причинах этого движения по-новому. Ясно только одно: в этом расселении южнорусских скотоводческих племен известную и, быть может, значительную роль играли племена катакомбной культуры. Затруднением в этом случае является то, что в советской археологической литературе принято датировать катакомбную культуру первой половиной II тысячелетия до н. э., что противоречило бы довольно твердо установленной дате древнейших одиночных погребений в Дании и заставляло бы думать о движении не с юго-востока на северо-запад, а, наоборот, из Дании на низовье Дона. Но посмотрим, на чем основана принятая датировка катакомбной культуры.

Традиция датировать катакомбную культуру первой половиной II тысячелетия до н. э. установилась со времен первых трудов В. А. Городцова по бронзовому веку России. В последней по времени сводной работе о катакомбной культуре Т. Б. Попова пишет: «Нижняя дата катакомбной культуры в настоящее время изменена быть не может и, наоборот, подтверждается рядом новых фактов»[30].

Но с этим нельзя согласиться, тем более что сам В. А. Городцов не настаивал на точности этой даты. В одной из поздних своих работ[31] В. А. Городцов датирует северокавказскую культуру III тысячелетием до н. э., а ниже говорит о большой близости катакомбной культуры к северокавказской и об оживленных сношениях между ними. На чем же основана датировка катакомбной культуры первой половиной II тысячелетия до н. э.? На находках в некоторых погребениях этой культуры (отнюдь не в большинстве) бронзовых изделий этого времени.

Во-первых, если даже признать датировку погребений, в которых были найдены бронзовые изделия, правильной, из этого никак не следует, что остальные (большинство погребений, в которых бронзовых изделий не оказалось) датируются тем же временем. Во-вторых, даже при датировке по найденным в некоторых могилах бронзовым вещам нельзя согласиться с традиционной датой катакомбной культуры. Так, нередко находимые в погребениях катакомбной (и северокавказской) культур костяные и бронзовые булавки с молоточкообразной головкой обычно датируются началом II тысячелетия до н. э. или даже более поздним временем. На основании аналогий с такими же (серебряными) передневосточными булавками они получают, по В. Милойчичу, новую дату 2200±50 гг. до н. э. В этом отношении небесполезно напомнить сделанное давно О. А. Кривцовой-Граковой замечание, что «жезловидные (с молоточкообразной головкой.— *А. Б.*) костяные булавки совсем не встречаются в поздних катакомбных погребениях. Очевидно, этот предмет типичен главным образом для древнейших катакомб и для ямной культуры»[32]. В связи с этим хотелось бы отметить, что высказанная О. А. Кривцовой-Граковой мысль о том, что ямная и катакомбная культуры представляют собой только два этапа развития одной и той же археологической культуры, мне кажется ею доказанной. Но когда происходил переход от первого (ямного) ко второму (катакомбному) этапу — до сих пор не выяснено. Все согласны только в одном, что переход этот совершился ранее на востоке, а на западе он совершался медленнее, в районе же Киевщины его вообще не произошло, что, впрочем, было отмечено в той же статье О. А. Кривцовой-Граковой.

---

[30] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. XXIV, 1955, стр. 24.

[31] В. А. Городцов. Бронзовый век на территории СССР, стр. 615.

[32] О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 35.

Поэтому участие племен катакомбной культуры в походах племен культуры боевых топоров вполне допустимо. Предположение М. Гимбутас[33] о том, что происхождение культуры с боевыми топорами надо искать в поздней стадии развития ямной культуры, мне кажется справедливым, если эту последнюю понимать как одну из стадий развития ямно-катакомбной культуры.

3. Я уже говорил выше, что первым толчком к движению племен культуры с боевыми топорами послужило, по-видимому, давление, испытанное ими при экспансии племен трипольской культуры, продвинувшихся с запада на восток до среднего течения Днепра. Вероятно, основная волна племен культуры с боевыми топорами двинулась к северу по Днепру с последующим, быть может, хронологически более поздним, ответвлением по р. Десне. Однако тот факт, что значительное число каменных сверленых боевых топоров (к сожалению, только в качестве случайных находок) было найдено на Дону и его притоках, приводит к заключению, что, возможно, часть населения со Среднего Днепра перешла на Дон и уже затем по Дону и южным притокам Оки направилась к северу. В своем движении эта группа могла увлечь с собой часть населения, принадлежавшего к племенам катакомбной культуры. Возможно, что дополнительным стимулом для последних послужило начинавшееся давление на них со стороны племен полтавкинской культуры. Возможно также, что движение к северу части племен катакомбной культуры происходило независимо от движения племен культуры боевых топоров, и только на северо-востоке произошло впоследствии смешение обеих этих культур. Мне кажется, однако, что первое предположение более вероятно.

Для представления о том, какими путями и, отчасти, в какое время происходило движение племен культур с боевыми топорами, могут иметь значение сопоставления, с одной стороны, типов различных изделий, а с другой — погребальных обрядов, наблюдаемых в разных частях области распространения культур с боевыми топорами, с таковыми же в южнорусских степях.

О наличии ряда предметов, характерных для катакомбной культуры в инвентаре восточного варианта фатьяновской культуры и в инвентаре ютландских «одиночных погребений», я уже говорил. В промежуточной между ними области (например, на Верхней Волге) каменные шаровидные булавы и каменные выпрямители древков стрел встречаются очень редко. В долине р. Клязьмы в фатьяновских погребениях каменные выпрямители древков стрел находили лишь несколько раз. Западнее, в области Южной Прибалтики, такие находки, по-видимому, отсутствуют, как и в Юго-Западной Финляндии. В Швеции такие предметы имеются в незначительном количестве[34]. Учитывая большое число находок в Дании черешковых каменных топоров, типичных для районов городов Борисова и Лепеля (Минская обл.), мне кажется более вероятным предположение, что Дании достигла не восточная, а западная волна племен с боевыми топорами, двигавшаяся по р. Днепру и далее по Западной Двине (города Борисов и Лепель находятся недалеко от верховьев последней). Движение восточной волны, направлявшейся по Дону и притокам Оки, могло происходить независимо от движения западной волны. Это кажется вероятным и по соображениям хронологического порядка. В датских одиночных погребениях бронзовые орудия отсутствуют. На северо-востоке же европейской части СССР бронзовые вислообушные топоры нередко встречаются в верхневолжских фатьяновских погребениях; их датировку можно доводить для данного типа до начала II тысячелетия до н. э. (приблизительно до 1700 г. до н. э.). Этой же дате соответствуют предметы раннеунетицкого типа — бронзовые височные кольца в полтора оборота с за-

[33] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 152.
[34] A. Oldeberg. Ук. соч., стр. 67—69.

Гнутым обратно одним концом (в Балановском могильнике) и боратицкого типа манжеты (в Мытищенском могильнике). Если бы обе волны были одновременны и относились бы к началу II тысячелетия до н. э. (чего, впрочем, нельзя допустить для западной волны, датируемой по C_{14}), то в ранних датских погребениях, вероятнее всего, также оказалось бы некоторое число бронзовых изделий западного типа. Поэтому есть основания полагать, что западная волна предшествовала восточной.

Вовлечение в состав эмигрантов части племен катакомбной культуры могло происходить и на западе, и на востоке. В этом отношении интересны факты следующего рода. После распада трипольской культуры на большей части занятой ею ранее территории на запад от Днепра племена катакомбной культуры стали, по-видимому, проникать далеко на запад и северо-запад. Было ли это массовым явлением или дело шло об отдельных небольших группах, сказать сейчас трудно. Во всяком случае, типично катакомбные погребения в ямах с подбоем и с катакомбным инвентарем были обнаружены в верховьях р. Вислы (близ Пинцева, близ Сандомира) [35], а также в Средней Германии [36].

Для определения двух, по-видимому, главных путей расселения племен культур с боевыми топорами немалое значение имеют и антропологические данные. Антропологический тип представителей фатьяновской культуры из междуречья рек Клязьмы и Волги, с одной стороны (Московская и Ярославская группы, по О. А. Кривцовой-Граковой), и из низовьев Верхней Волги и Камы, с другой стороны, по мнению антропологов, различен. «Сравнение черепов северо-западных групп и черепов Балановского могильника,— пишет М. М. Герасимов,— убеждает меня в том, что здесь отчетливо выражены два антропологических типа европеоидов» [37].

Не исключено, что, помимо двух указанных путей расселения племен с боевыми топорами, могли быть и другие. Так, возможно предположить прямое расселение на запад из Волыни и Галиции. Я не располагаю достаточными данными, чтобы утверждать это, но частично собранный мною материал делает это предположение вероятным. Во всяком случае, Львовская и окружающие ее области дали многие сотни находок каменных сверленых боевых топоров, в том числе и типа А-1 (по П. Глобу). Была ли здесь какая-либо автохтонная разновидность культур с боевыми топорами, утверждать рискованно, так как в Галиции известны другие культуры более раннего времени и синхронные с культурами боевых топоров [38]. Но исключать Галицию из возможных исходных областей расселения племен культур с боевыми топорами нельзя, особенно имея в виду распространение культуры шнуровой керамики в Средней Европе.

Переходя к рассмотрению господствующих форм погребения в культурах с боевыми топорами, следует обратить внимание не столько на те формы, которые можно наблюдать в других европейских культурах того же

---

[35] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 156.

[36] H. Behrens. Ein neolitisches Bechergrab aus Mitteldeutschland mit beinerner Hammerkopfnadel und Kupfergeräten. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, т. 36, Halle, 1952, стр. 54—69, табл. VI—VII. Автор датирует это погребение временем около 2000 г. до н. э., но связывает его с влиянием западной культуры колоколовидных сосудов. Впрочем, будучи в Москве и ознакомившись с собраниями ГИМ, Беренс согласился, что бронзовые вещи из этого погребения соответствуют катакомбным. Надо сказать, что и глиняный сосуд из этого погребения (хотя это и вызывает сомнения проф. Беренса) вполне типичен для катакомбной культуры.

[37] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. ИЭ, новая серия, т. XXVIII, М., 1955, стр. 481.

[38] И. К. Свешников утверждает, что «материал некоторых волынских погребений (Ляхов, Валентинов) указывает на определенную синхронность, хотя бы лишь на известном отрезке времени, позднего этапа развития культуры ленточной керамики и культуры шнуровой керамики мегалитическим погребениям в каменных ящиках и культуре воронковидных чаш» (И. К. Свешников. Исследования в с. Звенигород Львовской области. КСИА, № 4, 1955, стр. 119).

времени (например, на скорченность костяков и посыпку их красной охрой), а на некоторые совершенно своеобразные особенности, которые наблюдаются только в погребениях культур с боевыми топорами и в южнорусских степях.

Таков, например, обряд погребения под каменными выкладками (украинские археологи называют их «закладками»). Он состоит в том, что над неглубокой могильной ямой делалась выкладка из некрупных камней, без насыпки над нею кургана. Подобные выкладки наблюдаются над погребениями культуры боевых топоров в Швеции. Десятки подобных погребений были раскопаны украинскими археологами в районе Надпорожья [39]. Как там, так и тут некоторые из этих погребений содержали костяки в положении на спине с подогнутыми ногами, признаками посыпки их охрой и следами пеленания. Некоторые погребения были совершены в каменных ящиках, другие окружены кромлехом из крупных камней. В Надпорожье древнейшие из этих погребений относятся ко времени ямной культуры.

Интересно отметить, что в пасторате Веллинг было открыто погребение восьми человек, лежавших в одной могиле в два ряда ногами друг к другу Погребение это находилось также под каменной выкладкой. Невольно хочется сопоставить это погребение с открытым В. М. Раушенбах коллективным погребением в местности Николо-Перевоз, где покойники также лежали двумя рядами ногами друг к другу.

Совершенно исключительным является совпадение обряда погребений, наблюдающееся в некоторых случаях на Верхней Волге, в Финляндии и Дании. При раскопках (например, Вауловского могильника в Ярославской области) внутри большой овальной могильной ямы наблюдалось очертание вытянутого четырехугольника в виде интенсивно черных полос. Эти полосы сохранялись до самого погребения на дне ямы (иногда обнаруживались два прямоугольника, вписанные один в другой). На самом дне все пространство внутри этого четырехугольника было заполнено черной почвой, на которой лежит костяк. При этом как на Верхней Волге, так и в Дании замечается, что от углов этого четырехугольника в направлении длинных сторон его отходили короткие черные же полосы [40].

Несомненно, что этот четырехугольник окружало какое-то сооружение вроде тына. По П. Глобу, это был сруб; но, по крайней мере в отношении верхневолжских сооружений, этого быть не могло, так как в вертикальном разрезе эти полосы слишком глубоки и при этом тонки. Что касается темного четырехугольника под костяком, то имеются разные предположения, был ли это настил из досок или подложенная под покойника шкура (предположение А. Айряпяя). Лично я думаю, принимая во внимание короткие полосы, выдающиеся за углы четырехугольника, что это были носилки.

Как бы там ни было, исключительное своеобразие этого обряда погребения никак не может быть объяснено случайным совпадением и снова говорит за связь культур с боевыми топорами с культурами южнорусской степи.

---

[39] См. О. Лагодовська. Кам'яні закладки Надпоріжжя, АП, т. II, Київ, 1949, стр. 150—190; А. Добровольський. Кам'яні закладки в околицях Тавільжаного острова. Там же, стр. 180—190. Относительно Швеции см. A. Oldeberg. Ук. соч., стр. 71 (о каменных выкладках), стр. 83 (погр. в Дагсторпе), стр. 100 (погр. в Лилля Бединге), стр. 101 (погр. в Естра Торп), стр. 108 (погр. в Лёвнас), стр. 120 (погр. в Бединге), стр. 126 (погр. в Скегрик), стр. 127 (погр. в Клагсторпе) (погр. в Фридрихсберге), стр. 128 (погр. в Хоби).

[40] Изображения таких погребений в работах см. Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, стр. 112, 114, рис. 8 и 12; A. Äyräpää. Kauhavan Perttulanmäen kivikautinen hauta. «Suomen Museo», т. XXXVIII—XXXIX, Helsinki, 1931—1932, рис. 5; P. Glob. Ук. соч., стр. 165, рис. 97. По вопросу о связи подобных совпадений с общим происхождением населения разных областей, иногда значительно удаленных друг от друга, см. A. J. Brjusov. Eines der Merkmäle des gemeinsamen Ursprung der vorgeschichtlichen Stämme im europäischen und westsibirischen Teil der Sovjetunion. «Finskt Museum», 1955, LXII, Helsinki, 1956, стр. 79—89.

В связи с этим интересно, что при раскопках фатьяновского могильника в Калининской области осенью 1960 г. И. И. Артеменко в одном из погребений обнаружил глиняный сосуд, типичный для ранней среднеднепровской культуры. Место это находится сравнительно недалеко от верхнего течения Днепра, и этот факт, быть может, свидетельствует об отклонении какой-то части переселенцев, двигавшихся вдоль Днепра к востоку.

Характерной чертой для всех вариантов культур с боевыми топорами является отсутствие какой-либо определенности в распределении между ними типичных орудий труда, оружия и украшений. Можно только составить общий список таких предметов для всех вариантов культур с боевыми топорами, вместе взятых, но не для какой-нибудь из них в отдельности. Это относится, конечно, только к ранней стадии развития этих культур. На более поздних ступенях развития они уже различаются между собою. То же самое можно сказать в отношении керамики. В разных группах культур с боевыми топорами можно найти самые различные типы керамики, совокупность которых характерна для них в общем, и даже керамику некоторых других культур южнорусских степей. Так, в Дании можно видеть среди керамики культуры одиночных погребений вытянутые почти круглодонные (с очень маленьким донышком) глиняные сосуды, орнаментированные параллельными горизонтальными оттисками шнура под горлом, крайне близкие к ранним фатьяновским сосудам Московской группы (по О. А. Кривцовой-Граковой); там же найдутся и типичные высокие, с отогнутым горлом (блоковидные — по В. А. Городцову), орнаментированные также шнуром или косыми насечками «кубки», характерные для среднеднепровской культуры; встречаются и сосуды с узким горлом, почти шаровидные, орнаментированные в верхней половине горизонтальными оттисками шнура посередине и вертикальными полосами таких же шнуровых оттисков, спускающимися от горла к этой опояске, сильно напоминающие ранние катакомбные сосуды [41]. Характерные для северо-восточной группы фатьяновской культуры («балановской культуры» — по О. Н. Бадеру) сосуды оказываются в погребениях у с. Большое Буньково на верховьях р. Клязьмы и т. д. Все это приводит к тому, что авторы больших монографий о различных культурах с боевыми топорами оказываются в большом затруднении, рассматривая вопрос о керамике этих культур. Даже П. Глоб, изучавший погребения в Ютландии, стратиграфическая последовательность которых (наиболее ранние — в ямах, более поздние — на горизонте и поздние — в насыпке над горизонтом) позволяла ему, казалось бы, установить хронологическую последовательность развития этой керамики, не смог этого достигнуть. Так, он пишет: «В приведенной здесь схеме соответственные группы не составляют хронологической последовательности, а распределены на основании форм сосудов и орнаментации их типов» [42].

А. Ольдеберг в своем труде просто отказывается сделать окончательное заключение о керамике, отговариваясь тем, что не весь этот материал ему известен [43].

Полагаю, что эти затруднения возникают по той причине, что в вынужденной эмиграции древних скотоводческих южнорусских племен принимало участие не одно какое-то узко локально ограниченное племя, а ряд родственных, но различных племен, увлекавших на своем пути части других южнорусских племен. Поэтому формы и типы керамики, хотя и

---

[41] См. P. Glob. Указ. соч., стр. 65, рис. 29; стр. 73 и 74, рис. 37, 38; стр. 81, рис. 45 и др.

[42] P. Glob. Ук. соч., стр. 64, VI. Ср. также критику датировки П. Глобом керамики культуры одиночных погребений по типологическому признаку в труде C. J. Becker. Die mittel-neolitischen Kulturen in Südskandinavien, AA. т. XXV. København, 1954, стр. 69 сл.

[43] A. Oldeberg. Ук. соч., стр. 73.

близкие друг к другу, были у них различными, а в последующем (в пути ли или после оседания на новых местах и благодаря продолжавшимся связям различных групп, осевших близко друг от друга) возникали самые пестрые сочетания типов керамики. Разобраться в настоящее время во всем этом весьма трудно, а быть может, невозможно.

4. Вопрос об этнической принадлежности племен культур с боевыми топорами настолько тесно связан с общей индоевропейской проблемой, что я не вижу возможности, рассматривая в своей работе этот вопрос, обойти молчанием последнюю. Я уже касался этой проблемы в одной из своих статей [44]. Здесь я вынужден повторить сказанное с некоторыми сокращениями и добавлениями.

Знакомясь с соответствующей литературой, можно прийти в отчаяние от той разноголосицы, которая царит в трудах, посвященных этой проблеме. Археологи, этнографы, лингвисты и антропологи каждый по-своему намечают область и время, где и когда сложилось и когда распалось индоевропейское единство. В недавно вышедшем большом труде П. Бош-Химпера [45] 80 (!!) страниц посвящено самому сжатому и неполному обзору существующих в этом вопросе гипотез. Я не намерен следовать его примеру и считаю это бесполезным, так как расхожусь почти со всеми исследователями в основном пункте: я полагаю, что индоевропейского единства в том виде, как его представляют себе почти все исследователи, никогда не существовало, а следовательно, не могло быть и распада этого единства. Расходясь во многом с П. Бош-Химпера, я целиком разделяю его мысль, что речь может идти не о распаде индоевропейского единства, а о сложении исторически известных групп индоевропейской семьи народов.

Заглянем в далекую древность, палеогеографию ледникового периода Европы. Как известно, в эту эпоху Европа представляла собой нечто совершенно отличное от современной. На севере ее находился огромный ледник; на востоке — цепь Уральских гор и Каспийское море (Хвалынский водоем); на западе — Атлантический океан; на юге — Средиземное море с мостами суши между Африкой и Пиренейским и Апеннинским полуостровами и между Малой Азией и Балканским полуостровом. На этом большом, но относительно замкнутом пространстве к настоящему времени обнаружено очень большое число стоянок верхнепалеолитического человека. Никаких значительных переселений из сопредельной Азии и Африки во время, непосредственно следовавшее за отступлением последнего ледника, археологией не обнаружено, за исключением предполагаемого некоторыми археологами притока населения из Африки по мостам суши на территорию Юго-Западной Европы (Пиренейский полуостров, Южная Франция и Южная Италия). Несколько позднее, в позднем мезолите, произошло, по-видимому, расселение значительного числа населения из Северо-Западной Азии на северо-восток Европы, судя по ряду признаков, предков угро-финской семьи народов [46]. На остальном пространстве археологически наблюдаются только внутренние перемещения населения. К какой семье народов могло принадлежать это население? Поскольку в эпохи до второго великого переселения народов, т. е. уже в раннеисторическое время на этой территории мы находим только племена и народы индоевропейской семьи, естественно сделать заключение, что к предкам той же семьи народов принадлежали племена верхнего палеолита и раннего мезолита. Исключение представляют только те части этой территории, которые были связаны с другими материками мостами суши, и где мы, действительно, даже в историческое время застаем некоторые племена и народы неиндоевропейской семьи.

---

[44] А. Я. Брюсов. К вопросу об индоевропейской проблеме. СА, 1958, № 3.

[45] P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropeo. Mexico, 1960.

[46] А. Я. Брюсов. Заселение севера европейской части СССР по археологическим данным. Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 91—102.

С окончанием ледникового периода и отступлением ледника далеко на север началось, как показывают археологические данные, довольно быстрое расселение южноевропейского населения по освободившимся от ледника пространствам. В мезолитическую эпоху почти вся Европа, кроме некоторых участков крайнего севера, была заселена человеком. Это движение, естественно, происходило в меридиональном направлении.

Сложившиеся к концу верхнего палеолита южноевропейские языки не могли представлять собой какой-то единый язык вроде современных языков или даже в виде групп индоевропейских языков вроде славянской, романской, германской и т. д. Разделенные большими горными массивами (Балканы, Альпы и более мелкие цепи гор) и имевшие очень слабый контакт друг с другом, верхнепалеолитические племена должны были выработать много отдельных, сильно отличавшихся друг от друга наречий, но при едином индоевропейском (или праиндоевропейском) строе речи. Во всяком случае, в мезолитическую эпоху, как доказывает академик В. И. Георгиев [47], на основании языковых данных (в частности, топонимики), «имеются серьезные основания предполагать, что индоевропейские племена обитали в более в древнюю эпоху в Восточной и Центральнсй Европе, между Доном и Рейном, южнее Балтийского и Северного морей. За пределами первоначальной области их расселения оставались Западная и Юго-Западная Европа, включая Италию, а также Северная и Восточная Европа на восток от Дона (и нижнего течения Волги)... эта обширная область была населена индоевропейскими племенами по крайней мере со времени мезолита» [48].

Расселение по окончании ледникового периода почти по всей Европе должно было, несомненно, привести к еще большему расхождению в языках при сохранении единого строя речи. «Язык-основа», как его представляют себе лингвисты, является, по моему убеждению, фикцией, никогда не существовавшим своего рода «средним», извлеченным из известных современных и письменно засвидетельствованных древних индоевропейских языков. Предположение о таком «языке-основе» создалось по аналогии с римским языком, положившим начало языкам романским. Но распространение народной латыни происходило в условиях римских завоеваний, распространения римской культуры, культурной ассимиляции покоренных народов. Переносить эту картину на эпоху сложения индоевропейских языков, даже относя это время ко II—III тысячелетиям до н. э., нелогично и неисторично. Тогда господствовали совсем другие условия, и не считаться с ними — значит совершать грубейшую историческую ошибку.

Представление о некотором едином языке-основе, якобы существовавшем в древности, повело к тому, что «исходную область», в которой существовало ядро индоевропейцев, распавшееся впоследствии на различные группы индоиранцев, кельтов, германо-балто-славян и т. д., стали искать в различных частях Европы на сравнительно очень ограниченной территории — на Балканском полуострове, на севере Германии, в южнорусских степях и в других областях, не говоря уже о Памире.

Естественным следствием этих представлений явилась гипотеза о распаде индоевропейского единства и расселении индоевропейцев в Европе и Азии. Между тем речь может идти не о распаде, а о сложении, и только о сложении языковых групп индоевропейской речи. Археологические факты позволяют нарисовать в этом отношении следующую картину.

Земледелие и скотоводство, возникшие в Европе первоначально на юге, привели к тому, что некоторые племена, поставленные в наиболее благоприятные условия, с ростом населения и численности поголовья скота вынуждены были расширять занятую ими территорию. И действительно,

---

[47] В. И. Георгиев. Проблема возникновения индоевропейских языков. ВЯ, 1956, № 1, стр. 47.

[48] В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 240.

в III тысячелетии до н. э. мы сталкиваемся с этим явлением в виде экспансии ряда археологических культур, таких как культура колоколовидных сосудов, трипольская культура, культура боевых топоров. То же мы видим и несколько позднее (полтавкинская культура, андроновская культура и др.).

Занимая новые области, эти племена находили там мелкие общественные образования, племена с тем же индоевропейским строем речи. Это население частично ими вытеснялось, частично, вероятно, ассимилировалось. Последнее облегчалось тем, что и у тех, и у других существовал один и тот же строй речи. Это приводило к образованию на значительных пространствах населения, говорившего на близких друг другу языках, т. е. к сложению различных групп индоевропейской речи.

Там, где экспансия захватывала области с населением, обладавшим неиндоевропейским строем речи, процесс ассимиляции был, естественно, затруднен. Такое положение мы имеем, например, на севере территории европейской части СССР, где расселение части племен с боевыми топорами происходило среди племен культур ямочно-гребенчатой керамики,— предполагаемых предков угро-финнов. В течение всего времени существования племен фатьяновской культуры в Верхнем Поволжье наблюдается резкое противоречие между этой культурой и окружающими ее культурами с ямочно-гребенчатой керамикой. А к середине II тысячелетия до н. э. фатьяновская культура вообще прекращает здесь свое существование.

После изложения мною гипотезы о происхождении индоевропейских народов мне могут, естественно, задать вопрос о том, где же и как, по моему мнению, складывались элементы индоевропейской речи. На такой вопрос я ответить не могу, так как в распоряжении археологии нет никаких фактов для такого ответа. Да и лингвистика не может сделать даже предположения, каким был строй речи у верхнепалеолитического населения Европы. Перед существующей более ста лет гипотезой индоевропейского единства, имевшего якобы место в V—III тысячелетиях до н. э.[49], и последующего его распада моя гипотеза имеет то преимущество, что она не противоречит установленным за последние десятилетия археологическим фактам. Она не противоречит, как я полагаю, и языковым фактам, хотя и рассматривает их под иным углом зрения, чем это делалось ранее.

Не соглашаясь во многом с автором большой монографии «Индоевропейская проблема»[50], я разделяю в общем его призыв отказаться от привычного старого метода этногенетических исследований и «не исходить из гипотезы о первоначальном народе, о первоначальной родине, о первоначальной культуре и языке,— о чем можно спорить, существовали ли они некогда. Необходимо исходить из тех этнических групп, которые археология позволяет рассматривать как скрещение... множества культурных и социальных факторов, давших начало народу в историческом смысле этого слова»[51].

Я не буду здесь отвечать на второе вероятное возражение мне, что археологическая культура и этническая общность суть два разных и несовместимых понятия. Свои соображения по этому поводу я высказал в печа-

---

[49] Я не собираюсь при этом возражать против гипотезы о существовании в некотором отдаленном прошлом какого-то языка, положившего начало индоевропейской системы речи. Вопрос идет о том, к какому времени это относить. Как видно из всего вышесказанного, я отношу этот момент к очень отдаленному времени, считая, что уже в мезолитическую эпоху на большей части Европы существовали многочисленные этнообразования, языки или наречия которых заключали в себе элементы разных групп языков последующей индоевропейской семьи народов. Я допускаю, что они имели общее происхождение, но в такой отдаленной древности, о которой в этом отношении мы судить еще не можем.

[50] P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropeo.

[51] Там же, стр. 85.

ти [52]. Считаю нужным еще раз подчеркнуть, что, утверждая совпадение (за редчайшими исключениями) археологической культуры с этнической общностью, я имею в виду только доисторическое время — неолит и раннюю бронзовую эпоху. В период, предшествующий сложению государств и во время существования государств, каким бы этническим конгломератом они ни являлись (не говоря уже о поздних государственных образованиях), историческая обстановка была уже совершенно иной, как, например, в упоминавшемся мною случае распространения народной латыни.

Из этих соображений, я не рассматриваю экспансию племен культур с боевыми топорами как исход индоевропейцев в целом из их «прародины», т. е. области, в которой существовало проблематическое индоевропейское единство, хотя такие предположения и делались среди множества других [53].

5. Экспансия культур с боевыми топорами является, по моему мнению, иллюстрацией сложения только одной из групп индоевропейской семьи народов. Происходившие в то же время и несколько ранее и позднее подобные экспансии характеризуют, по-видимому, сложения других аналогичных групп, часть которых, несомненно, не сохранилась до исторического времени.

Нивелируя язык населения занятой такой группой территории, язык иммигрантов должен был воспринимать, в свою очередь, в большей или меньшей мере элементы местных языков, сохранявшихся в нем в качестве субстратов. В частности, в этот язык должны были проникать и некоторые чужие слова целиком, образуя столь частые в современных индоевропейских языках синонимы. В дальнейшем, понятно, в силу различных исторических причин такой общий язык мог распадаться на более или менее близкие друг к другу языки единой группы, особенно при условии, что первоначальная миграция охватывала большую территорию и различные части иммигрантов были отделены друг от друга большими пространствами, препятствовавшими тесной связи между ними. В большей мере на этот процесс должны были влиять местные языки-субстраты.

Вопрос, стоящий перед нами, заключается, следовательно, в том, чтобы попытаться определить, к какой группе индоевропейской семьи народов (языков) можно отнести племена культур с боевыми топорами после их первичного расселения на огромном описанном выше пространстве. Но при этом мы должны исключить из рассмотрения значительную часть этой территории, охватывающую область распространения фатьяновской культуры в том ее объеме, как ее представляла себе О. А. Кривцова-Гракова, т. е. Московскую, Ярославскую и Чувашскую группы этой культуры [54]. Основания для этого следующие.

Бóльшую часть Московской группы нельзя принимать во внимание потому, что памятники этой группы представлены либо очень небольшими могильниками, происхождение которых может быть объяснено, как и погребение на стоянке Николо-Перевоз, столкновением на пути их продвижения с местным населением, либо случайными находками. Иначе говоря, я рассматриваю эту часть области распространения фатьяновской куль-

---

[52] А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956, стр. 5—27.

[53] О. Шрадер помещал ее на востоке Европы (см. O. Schrader. Die Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena, 1890 и др.); его мнение разделяли Д. Мирес (см. J. L. Myres. Cambridge History Ancient, т. I, Cambridge, 1923) и А. Карнуа (см. A. Carnoy. Les Indo-européens. Louvain, 1921), Г. Шмидт помещал ее на Нижнем Дунае и прилегающих с востока областях (см. H. Schmidt. Die Keramik der makedonischen Tumuli. Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1905); В. Бранденштейн помещал ее в киргизских степях (W. Brandenstein. Die erste indogermanische Wanderung. «Klotho» 2. Wien, 1936) и др.

[54] В настоящее время часть советских археологов понимает Московскую группу более расширенно (например, Д. А. Крайнов), доводя границы ее распространения дальше на юг и на запад.

туры в основном только как область, через которую происходило движение племен с боевыми топорами и где иммигранты впервые (?) столкнулись с более или менее серьезным сопротивлением этому движению.

Что же касается области распространения Ярославской и Чувашской групп фатьяновской культуры, то здесь последняя прекратила свое существование приблизительно в середине II тысячелетия до н. э. Причиной этого было, очевидно, враждебное отношение окружающих чуждых по языку и по культуре многочисленных племен культур с ямочно-гребенчатой керамикой (предков угро-финнов). О враждебном отношении их к племенам фатьяновской культуры красноречиво свидетельствует отсутствие признаков какой-либо культурной связи между теми и другими на протяжении более 500 лет.

Остальное пространство, занятое в Европе различными вариантами культур с боевыми топорами, совпадает с областью, занятой в исторические времена германцами, славянами и балтами. За время, следующее за расселением племен культур с боевыми топорами, никаких крупных вторжений со стороны в эту область археологией не отмечается вплоть до того времени, когда названия занимавших эту область народов становятся более или менее известными из описаний античных авторов.

Все это позволяет видеть в племенах культур боевых топоров еще не разделившихся германо-балто-славян. Следует подчеркнуть, что ряд ученых признают существование в древности такой неразделившейся группы германо-балто-славян [55].

Дальнейшая судьба племен культур с боевыми топорами, распадение этой группы на германцев, славян и балтов и сопоставление этого процесса с фактами, известными по археологии, уже выходит за пределы поставленной мною темы.

Должен сказать в заключение, что я не настаиваю на безусловной правильности всех сделанных в этой работе предположений. Вопрос об экспансии культур с боевыми топорами настолько сложен и касается такой массы вещественного материала, что при какой бы то ни было попытке его разрешения всегда возможны ошибки, пробелы и другие варианты ответа по частным вопросам этой проблемы. Моей целью было только набросать общую картину с привлечением материала, накопленного археологией, наметить направление дальнейших исследований и высказать свою точку зрения по данной проблеме.

Приношу глубокую благодарность многим коллегам в СССР, приславшим мне зарисовки каменных сверленых боевых топоров, найденных в различных областях нашей Родины, всем лицам, помогавшим мне сообщениями о своих мнениях по данному вопросу и приславшим мне оттиски своих трудов: акад. В. Георгиеву, проф. П. Бош-Химперу, магистру А. Гейслеру, а также профессорам К. Нордману, Н. Клеве, А. Айряпяя и К. Мейнандеру, предоставившим мне возможность работы в Национальном музее в Хельсинки над материалом, относящимся к моей теме, и помогавшим мне консультациями и советами.

---

[55] Например, см. В. Георгиев. Исследования..., стр. 277. К тому же приходят и некоторые археологи, например, см. E. Sturms. Die baltisch-slavischen Beziehungen in vorgeschichtlicher Sicht. In Honorem Endzelini. Chicago, 1960.

О. Ю. КРУГ, С. Д. ЧЕТВЕРИКОВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПЕТРОГРАФИЧЕСКИХ МЕТОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ КЕРАМИКИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

За последнее время в археологии все шире применяются методы исследования, основанные на данных точных наук: изотопический состав, магнитометрические данные и др. Особенно много обещает применение методов кристаллооптического исследования минеральных материалов. Подобное исследование позволит более уверенно определять местонахождение сырьевых материалов, технологию производственных процессов и вводить в археологическую практику установленные в науке названия пород и материалов.

Специальных работ в этой области почти нет. Наиболее известна статья О. А. Кульской «Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий» [1]. О. А. Кульской был произведен химический анализ, а также краткое оптическое исследование фрагментов ольвийской керамики и глин, взятых в Ольвии в геологическом разрезе. Кроме того, из глин были приготовлены и обожжены керамические массы для установления температуры обжига и восстановления технологического процесса производства в античное время. На основании исследования автором сделаны выводы о том, что изучаемые изделия были изготовлены из местных глин, а также произведена классификация керамики по внешнему виду и технологическим свойствам.

Одной из актуальных задач современной советской археологии является изучение материальной культуры Боспорского царства [2]. Важнейшими памятниками его материальной культуры, сохранившимися до наших дней, является керамика (простая посуда, амфоры, черепицы и т. д.). Определение места и времени изготовления этой керамики позволило бы установить уровень культуры местного населения Боспорского царства в период греческой и римской колонизации.

Настоящая работа имеет своей целью показать результаты применения петрографических методов к изучению археологических фрагментов боспорской керамики для выяснения места ее производства и классификации ее по городам Боспорского царства.

В работе наряду с исследованием археологических образцов приводятся результаты исследования образцов глин из карьеров, расположенных в районах древних поселений.

Было выполнено: I. Оптическое исследование фрагментов керамики; II. Исследование глин путем: 1 — термического анализа; 2 — гранулометрического анализа; 3 — методом окрашивания органическими красителями; 4 — минералогического анализа. Подобное разностороннее изучение античной керамики и глин произведено в нашей стране впервые [3].

---

[1] О. А. Кульская. Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий. Сб. «Ольвия», Киев, 1940.

[2] См. А. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949.

[3] Материал для анализов был получен из Института археологии Академии наук СССР от старшего научного сотрудника И. Б. Зеест.

I. ОПТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БОСПОРСКОЙ КЕРАМИКИ

Под микроскопом образцы керамики представляют собой измененную обжигом обломочную породу, состоящую из крупных обломков (от 1,2—0,1 *мм*) и основной массы образца.

Обломки содержат кварц, полевые шпаты (плагиоклаз и калиевый полевой шпат — обычно микроклин), биотит, изредка мусковит, лимонит. Иногда различимы остатки фауны и флоры.

Основная масса — измененная глинистая, обычно сильно ожелезненная, в разной степени карбонатная. Она обладает очень низким показателем преломления и низким двупреломлением. Из акцессорных минералов встречаются циркон, турмалин, рутил, пироксены и др.

Под микроскопом изучались две большие группы керамических изделий: 1 — группа образцов из Пантикапея и прилегающих к нему поселений, расположенных на Керченском полуострове; 2 — группа образцов, найденная по другую сторону пролива, на Таманском полуострове,— керамика Фанагории, Гермонассы и их окрестностей.

1. Пантикапейская керамика

Пантикапейская керамика представлена в основном амфорами разных типов.

Красноглиняный тип амфор IV—III вв. до н. э.

1) Амфора красноглиняная с боспорской ножкой[4]. Типичный пантикапейский образец. Под микроскопом это мелкозернистая ожелезненная глинистая масса с редкими обломками кварца, песчаника и отдельными зернами плагиоклаза. Образец имеет карбонатные включения размером до 0,1 *мм*. Часты поры размером 0,04 — 0,3 *мм*.

2) Амфора с боспорской ножкой[5] под микроскопом имеет ясно кристаллическую структуру основной массы; здесь четко выделяются иголочки светлых слюд, пластиночки биотита, карбонатные включения, обломки глинистых пород со слоистой структурой, а также обломки кварцево-слюдистых пород. Крупного обломочного материала почти нет.

3) Две амфоры с боспорскими ножками, найденные в Феодосии[6], под микроскопом имеют состав и структуру, близкие к боспорской керамике. Среди тонкозернистой основной массы из измененной обжигом глины, пропитанной бурыми окислами железа, наблюдаются более крупные чешуйки слюдистого минерала, редкие акцессорные минералы глин (циркон, турмалин) и мелкие обломочки кристаллов пироксена. Крупные обломки представлены кварцем (20% всего образца; размер обломков — до 0,4 *мм*).

Плагиоклаз — в виде редких обломочков с полисинтетическими двойниками. Состав плагиоклаза определялся по максимальному углу симметричного погасания, который равен 30°. (Плагиоклаз № 50, что отвечает составу андезин — лабрадор.)

Среди основной массы встречаются единичные обломки кварцево-полевошпатово-кальцитовой и кварцево-слюдистой породы.

4) Амфору с боспорской ножкой, найденную в Киеве[7], нужно также отнести к боспорской керамике: по своему составу и структуре образец очень похож на описанные выше боспорские амфоры, найденные в Феодосии.

Вся красноглиняная керамика содержит незначительное количество обломков, которые в каждом образце составляют не более 10%, и имеет характерный для пантикапейской керамики минералогический состав: это обычно обломки кварца и среднего плагиоклаза (андезин — лабрадор).

---

[4] Шлиф № 49 М 49.
[5] Шлиф № 28/а и б.
[6] Шлиф № 46а Т5/102 (Лысая гора).
[7] Шлиф № 53, Киев, Любимовка, IV—III вв. до н. э.

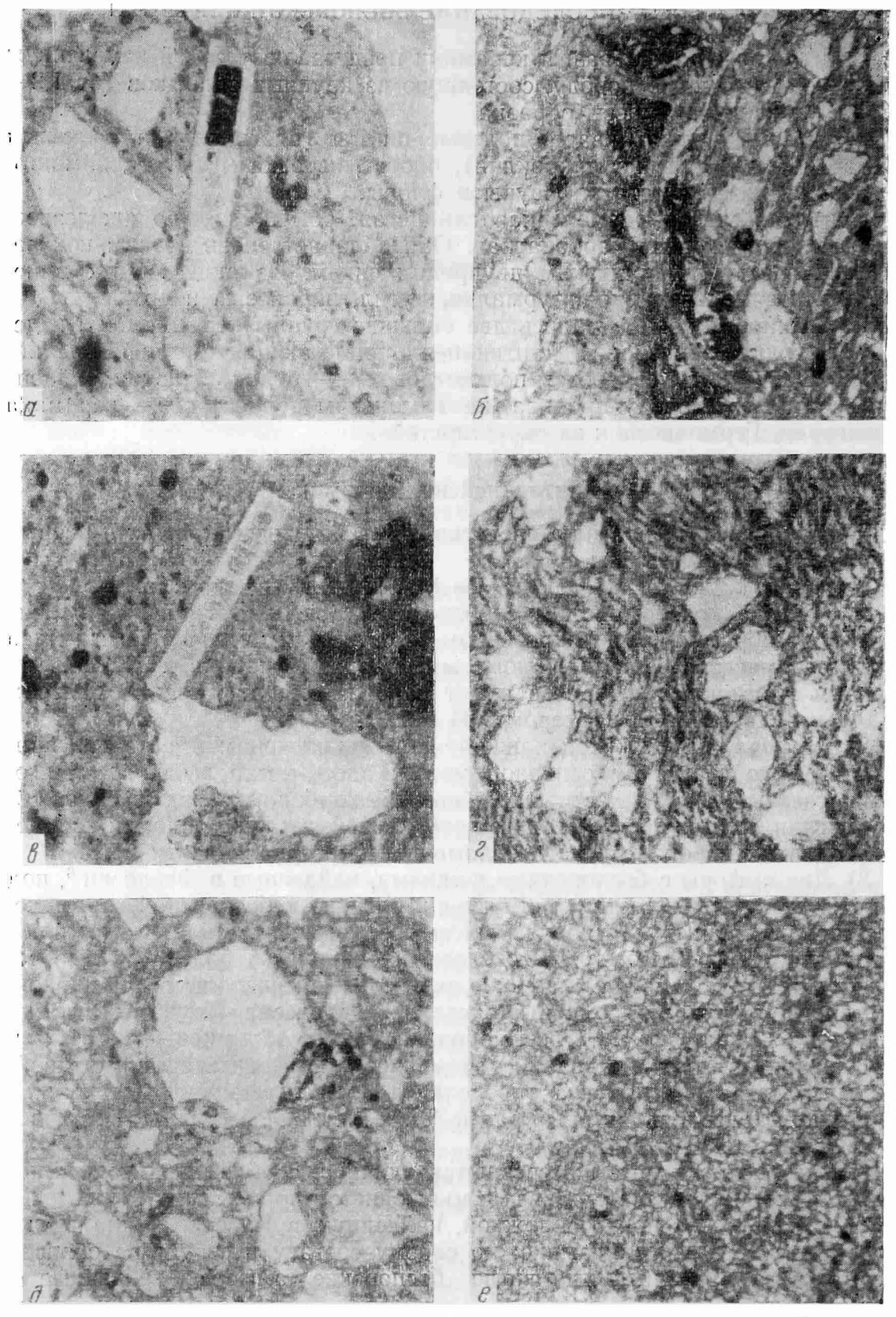


Рис. 1. Образцы боспорской керамики под микроскопом (увел. в 64 раза). При одном николе — одноосная спикула кремнистой губки, Тамань; *б* — обломок раковины двустворки, Тамань; — диатомовая водоросль, Тамань; *г* — флюидальная текстура основной массы образца, Фанагория; *д* — обломки диопсида, привозная керамика; *е* — мелкозернистая структура основной массы образца, Пантикапей

Пантикапейская керамика I в. до н. э.—I в. н. э. К этому типу керамики относится кувшин, найденный в Новой Филипповке [8], лутерий [9] и грузило с клеймом [10], найденные в Пантикапее.

Под микроскопом видна измененная обжигом глинистая масса, пропитанная бурыми окислами железа. Среди основной массы образцов равномерно распределена мелкообломочная примесь, представленная плохо окатанными обломками кварца (до 95% от количества всех обломков), отдельными обломками биотита, мусковита, плагиоклаза, микроклина и мелкими иголочками серицита. Грузило под микроскопом имеет грубую песчаную примесь — кварц в виде крупных окатанных зерен. Эта группа по минералогическому составу и структуре относится к боспорской керамике.

Мирмекийский тип амфор II—III вв. [11] Под микроскопом это измененная обжигом, окрашенная окислами железа в бурый цвет мелкозернистая глинистая порода, первоначально монтмориллонитового состава. Структура основной массы чешуйчатая. В состав глины входят: чешуйки серицита, кварц, кальцит. Среди основной массы встречаются чешуйки гидрослюды, с прямым погасанием, с более высоким показателем преломления и двупреломлением $n_g - n_p \approx 0{,}30$.

По структуре масса неоднородна. Среди преобладающей красно-бурой, пропитанной окислами железа основной массы, почти не действующей на поляризованный свет, видны участки бесцветной обожженной глины, обогащенные кварцевыми зернами; наряду с кварцем, но в значительно меньшем количестве, встречаются здесь зерна калиевого полевого шпата. Для этого типа керамики характерно наличие включений кварцево-слюдистой породы. Встречаются также участки тонкозернистого известняка. Порода обычно пориста. Основная масса составляет 90—95%. Среди нее встречаются редкие обломки кварца, плагиоклаза и акцессорные минералы: циркон, рутил, турмалин, магнетит.

Итак, характерной особенностью этой группы керамики является равномерно зернистая структура основной массы образцов, с очень незначительным количеством обломочного материала (песка) в виде кварца, плагиоклаза и обломков кварцево-слюдистой породы (рис. 1, *е*).

Амфоры со сложно профилированными ручками [12]. Под микроскопом среди мелкозернистой глинистой основной массы, пропитанной бурыми окислами железа, наблюдаются более крупные чешуйки слюдистого минерала и редкие акцессорные минералы глин (циркон, турмалин), а также мелкие обломочки кристаллов моноклинного пироксена.

Обломки — редкие зерна кварца и плагиоклаза с полисинтетическими двойниками. Состав плагиоклаза определялся по максимальному углу симметричного погасания, который равен 30°. Плагиоклаз № 50, что отвечает составу андезин — лабрадор. В общем материал этой группы по сходству состава и структуры нужно рассматривать вместе с образцами предыдущего типа.

Розоволиняные амфоры II—III вв.[13]. Этот тип образцов по своей структуре и минералогическому составу несколько отличается от вышеописанных типов.

Под микроскопом они представляют собой измененную обжигом глинистую породу, пропитанную бурыми окислами железа, мелкозернистую, хорошо сортированную. Масса иногда лучше, а иногда хуже раскристал-

---

[8] Шлиф № 20.
[9] Шлиф № 21.
[10] Шлиф № 9.
[11] Шлифы: №№ 22 — Ивановка (40); № 23 — Пантикапей (519) М47 Б VIII/3; № 34 — Киммерик, 49.
[12] Шлифы №№ 24 (556); 25 (506); 26 (464).
[13] Шлифы № 31 — Ивановка (39); 32 — Киммерик 49/VIII/2.

лизована. Отличаются от всех описанных выше образцов полным отсутствием крупного обломочного материала и меньшей ожелезненностью (рис. 1, *б*). Структура основной массы чешуйчатая. На фоне измененной монтмориллонитовой основной массы выделяются мельчайшие чешуйки серицита, зернышки кварца, плагиоклаза и акцессорные минералы: циркон и магнетит. Масса пориста. Поры мелкие, округлые и овальные. Встречаются крупные (до 1,5 *мм*) редкие, изометрической формы включения окислов марганца.

«Пестроглиняные» амфоры[14].

1. Обломок амфоры под микроскопом имеет неоднородный состав. Он состоит из отдельных участков округлой формы (размер обломков 0.6—2*мм*), которые обладают различной структурой. Встречаются участки, ожелезненные равномерно, совсем не ожелезненные, с мелкими (0,04 *мм*) железистыми выделениями, участки с обломочным материалом и без него. Характерно присутствие большого количества грубообломочного материала — это довольно крупные обломки плохо окатанного кварца, размером 0,1 *мм*.

2. Амфора, найденная в Киммерике на Змеином холме[15], по своей структуре очень напоминает вышеописанный образец из пестрой глины. Она отличается меньшим количеством грубой примеси. Встречаются редкие обломки биотита, обесцвеченные, деформированные (изогнутые пластинки). Этот тип керамики, обладая своеобразной неоднородной структурой, по минералогическому составу существенно не отличается от боспорской керамики.

Керамика, найденная в Пантикапее и его окрестностях, но отличная по составу от всей боспорской керамики.

1. Амфора I в. III кургана Керчь II, 1948 г.[16].

Под микроскопом структура образца неравномерно зернистая (размер зерен от мельчайших до 0,6 мм). Обломки полуокатанные и угловатые. Кварц составляет до 60% всех обломков.

Плагиоклаз представлен отдельными зернами. Четкое двойникование по альбитовому, карлсбадскому и другим законам. Состав плагиоклаза определялся на столике Федорова.

$$D\,(P)\begin{cases} Ng = 27 \\ Nm = 64 \\ Np = 86 \end{cases}$$

№ 43
Альбитовый закон

Калиевый полевой шпат составляет до 20% всех обломков. Оптически отрицателен. Показатель преломления его ниже, чем у канадского бальзама. Характерны пертитовые вростки. Иногда наблюдается мирмекит; видны трещины спайности.

Пироксен представлен бесцветными зернами, размером 0,1—0,5 *мм*, часто сдвойникованными по плоскости (100). Пироксен моноклинный; угол угасания III: Ng=39°, оптически положительный, хорошо видна спайность по призме. Угол между трещинами спайности 87°; +2V=58°. Все свойства отвечают диопсиду.

Биотит отмечен отдельными небольшими листочками, размером 0,3—0,8 *мм*. Абсорбция по Ng — рыже-коричневого цвета, по N-—бледно-желтого цвета. Иногда в кристаллах видны включения мелких зернышек циркона.

Основная масса материала амфоры — тонкозернистая глинистая, сильно ожелезненная; составляет 70% всего образца. Среди нее встречаются

[14] Шлиф № 33 — Киммерик 48 (42).
[15] Шлиф № 38 — Киммерик, Змеиный холм II/I № 165.
[16] Шлиф № 19, курган Керчь II.

крупные стяжения окислов железа (до 1,2 *мм*) и обломки песчаника и карбонатов. Поры до 0,1—0,2 *мм*. По минералогическому составу этот материал отличается от всех других наличием 10% пироксена от количества всех обломков образца. Присутствие диопсида является специфической чертой этой группы (рис. 1, *д*).

2. Образец амфоры из Киммерика со сложно профилированным венчиком [17] под микроскопом имеет неравномерно обломочную структуру. По своему минералогическому составу обломки отличаются от боспорской керамики. Кварц представлен крупными обломками, часто зональными. Плагиоклаз составляет 3—4% обломков. (Такое большое количество плагиоклаза в обломках не характерно для боспорской керамики.) Двойникование четкое. Калиевый полевой шпат составляет 5% от всех обломков. Хорошо видна спайность в двух направлениях. Наличие калиевого полевого шпата в таком количестве также не характерно для керамики Боспора.

2. Керамика Таманского полуострова

Керамика Гермонассы представлена фрагментами многочисленных пифосов, простой и кухонной посуды, амфор IV—III вв. до н. э. и черепиц [18]. Обломки образцов плохо сортированы. Сила двупреломления чешуек ≈0,021. Структура неоднородная, чешуйчатая, местами игольчатая. Масса черепка сильно ожелезнена бурыми окислами железа. Встречаются поры от 0,1 до 0,05 *мм*.

Обломки составляют 20—30% образца. В их числе: кварц — до 92%, калиевый шпат (микроклин) — до 5%, плагиоклаз — до 2% (андезин).

Акцессорные минералы: биотит, турмалин. Характерной особенностью керамики Гермонассы является наличие выявленной под микроскопом следующей фауны и флоры: одноосные спикулы губок опалового состава, пресноводные диатомовые водоросли, обломки фораменифер и двустворок (рис. 1, *а—в*). Интересно, что в результате минералогического анализа образца глины, взятого близ современной Тамани, там также найдена в большом количестве такая же фауна и флора.

Розовоглиняные амфоры Таманского полуострова II—III вв. [19] Структура основной массы этих амфор очень похожа на структуру розовоглиняных пантикапейских амфор. Наблюдается в некоторых местах флюидальность массы вокруг окислов железа, которые часто встречаются в данных образцах. Однако амфоры Таманского полуострова отличаются от образцов пантикапейских розовоглиняных амфор наличием крупного обломочного материала. В составе обломков: кварц, плагиоклаз, мусковит, карбонаты, редко ожелезненный биотит, обломки песчаника.

Характерной чертой всех розовоглиняных образцов является присутствие в них рудного материала, который равномерно распылен по всему образцу в виде мелких зернышек (от 0,2 *мм* до мельчайших).

Керамика Фанагории (амфоры III—IV вв.) [20]. Под микроскопом это измененная обжигом осадочная обломочная порода глинистого состава; размеры обломков — 0,6 — 0,1 *мм*; кварц составляет 96% всех обломков — обломки полуокатанные и угловатые. Плагиоклаз представлен редкими зернами. Состав его определялся на столике Федорова.

---

[17] Шлиф № 36, Киммерик 48 (54).

[18] Пифосы: шлифы № 14/а, б, в, г, з, е; №№ 71, 73, 74 (I—III вв), 93—95; черепица, шлифы: №№ 15, 15а, б; 86, 87. Ручки амфор, шлифы: №№ 18а, б; 18, 77.

[19] Шлифы № 43 (С—53), Пятиколодезная (1—К); № 39 (С—53) Пятиколодезная (2К); № 44, 12 км, 13, III/4 (С—2); № 45, 12 км, 13 III/4 (С—6).

[20] Шлифы №№ 1—10.

Двойникование по альбитовому закону отвечает составу андезина № 49.

$$D\,(P)\begin{cases}\text{Ng} = 21\\ \text{Nm} = 75\\ \text{Np} = 82\end{cases}$$

Микроклин — в незначительном количестве; хорошо видна микроклиновая решетка. Акцессорные минералы: магнетит, циркон, ставролит. Среди ожелезненной глинистой массы встречаются немногочисленные, но крупные (0,4—0,6 *мм*) включения тонкодисперсной карбонатной породы.

Основная масса составляет 60% образца. Характерной особенностью фанагорийской керамики является флюидальная текстура основной массы (рис. 1, *4*). Чешуйки глинистой массы погнуты и как бы обтекают обломки. Это говорит о том, что керамическое тесто приготовлялось особым способом с большим содержанием воды. Такая технология производства наблюдается только среди фанагорийской керамики.

На основании оптического исследования образцов керамики Боспорского царства можно сделать вывод, что вся боспорская керамика по своей оптической структуре делится на две большие группы.

1. Образцы керамики города Пантикапея и прилежащих к нему поселений состоят, как это выявлено под микроскопом, обычно из хорошо и средне сортированного материала, имеют сравнительно небольшое количество крупнообломочных включений, которые могут иногда и совсем отсутствовать. Керамика этой группы делится на типы по форме и времени изготовления, каждый из которых имеет свою структурно-микроскопическую особенность.

2. Образцы керамики из Фанагории, Гермонассы и других поселений Таманского полуострова имеют значительно большее количество обломочного материала и своеобразную структуру. Часто основная масса образца флюидальная, глинистые частицы как бы обтекают крупные обломки. Такая структура особенно ярко выражена в керамике Фанагории. Керамика Гермонассы и других поселений на Таманском полуострове имеет каждая свои специфические особенности.

Вся боспорская керамика в целом по своему составу довольно однообразна: среди обломков главным минералом являются кварц, второстепенными — плагиоклаз, микроклин, биотит и некоторые другие.

В данной работе рассматривались также образцы, минералогический состав которых резко отличается от боспорских. К главным минералам обломков здесь относятся плагиоклаз, калиевый полевой шпат, иногда пироксен, кварц. Такие образцы мы не можем отнести к боспорской керамике.

II. ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗЦОВ ГЛИН, ВЗЯТЫХ В РАЙОНАХ АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

1. Термический анализ глинистых пород. Для диагностирования минералогического состава глинистых пород использовался метод регистрации кривых нагревания. Для анализа взяты образцы пород из рабочих слоев Керченского месторождения близ кирпично-черепичного завода, а также из старых недействующих карьеров, расположенных в западной части Таманского полуострова, вблизи станицы Тамань. Для соответствующих отложений взяты наиболее типичные образцы.

Результаты анализов даны в виде кривых нагревания, изображенных на рис. 2. Кривые нагревания получены на установке «фоторегистрирующий пирометр «ПК-52, Н. С. Курнакова № 28».

Краткая характеристика иллюстрируемых кривых. Следует отметить общее сходство кривых, которое объясняется

сходством состава анализируемых образцов. Характер кривых, получившихся в результате анализа, типичен для гидрослюд (монотермитов) и монтмориллонитов. Определяющим моментом метода регистрации кривых нагревания являются температуры, характер термических эффектов и их относительные размеры на кривых нагревания.

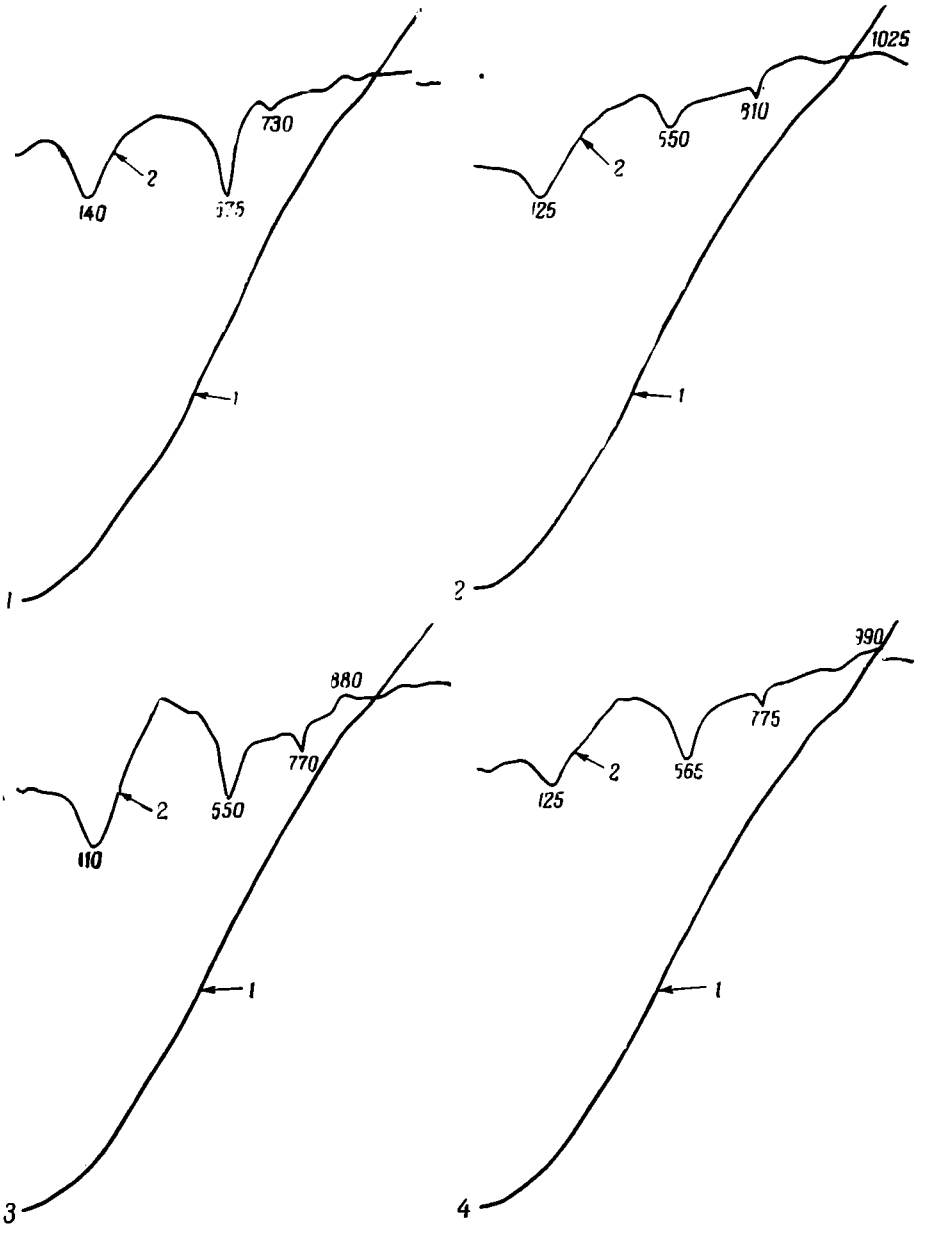


Рис. 2. Графики термического анализа глин

1 — образец № 4 из Керчи (характер кривой соответствует глине монотермитового состава); *2* — образец № 2 из Керчи; *3* — образец № 7 из Тамани; *4* — образец № 8 из Тамани; *2, 3, 4* — характер кривых соответствует глинам монтмориллонитового состава

Эндотермический эффект на получившихся кривых при 110—125° соответствует эндотермической реакции, связанной с выделением адсорбционной воды. Несколько менее интенсивный эндотермический эффект наблюдается при 550—570°, который связан с выделением конституционной воды. Третий эндотермический эффект (при 800—890°), по И. И. Гинзбургу, связан с окончательным разрушением монтмориллонита; он характерен для глин данного типа. Его интенсивность и интервалы могут зависеть от замещений в структуре минералов как в октаэдрических, так и в тетраэдрических слоях структуры. Наиболее значительную роль здесь играют замещения кремний—алюминий и алюминий—магний.

2. Иследование глин методом окрашивания органическими красителями. В качестве дополнения к термическому анализу глинистых пород на тех же образцах для определения трудно диагностируемых глинистых минералов было произведено исследование этих пород методом окрашивания органическими красителями.

Из исследуемых образцов были приготовлены для анализа суспензии одинаковой плотности, каждая из которых разделена на три порции.

Таблица 1а

Данные исследования глин методом окрашивания органическими красителями

№ образцов	Название минерала	Метиленовый голубой раствор 0,001 %	Метиленовый голубой с добавкой насыщенного раствора KCl	Бесцветный насыщенный раствор солянокислого бензидина
2	Гидрослюда типа монотермита	Фиолетовый	Бирюзово-голубой	Слабый грязно-синий
4	Монтмориллонит	Фиолетово-синий	Голубовато-зеленый	Голубовато-синий
5	Монтмориллонит	Фиолетовый	Голубовато-зеленый	Голубовато-синий
8	Монтмориллонит	Фиолетовый	Голубовато-зеленый	Голубовато-синий

Таблица 1б

Данные гранулометрического анализа

Название породы	Гигроскоп. вода (в %)	Потеря от обработки глинист. пород HCl	Фракция 0,25—0,1	Фракция 0,1—0,05	Фракция 0,05—0,01	Фракция 0,01—0,005
Глина	3,99	4,67	Следы	5,53	43,32	51,36
Суглинок	2,78	10,99	»	7,97	75,87	16,15
»	3,06	21,24	»	14,35	38,44	47,21
Глина	4,51	3,37	»	13,28	12,24	74,48
»	6,64	17,55	»	9,38	9,36	80,66
»	6,61	6,99	»	19,03	26,79	53,18
»	6,52	7,84	»	13,57	34,94	51,49
»	5,03	9,19	»	6,21	38,20	55,59
»	3,52	4,81	»	48,23	18,98	32,79

Первые порции были окрашены водным раствором «метиленового голубого» (раствор 0,001%), ко вторым порциям, кроме метиленового голубого, был добавлен насыщенный раствор ионов калия в форме нейтральной соли KCl, третьи порции окрашивались бесцветным насыщенным раствором солянокислого бензидина. Результаты окрашивания приведены в табл. 1а.

Этот анализ подтвердил то обстоятельство, что минералогический состав исследуемых глинистых пород отвечает гидрослюдам (монотермиту), а также монтмориллониту.

3. Гранулометрический анализ исследуемых глинистых пород. Для анализа были взяты четвертичные глины и суглинки из керченского месторождения и обнажений близ станицы Тамань, в количестве девяти образцов. Анализ производился пипеточным методом (методом Робинсона). Предварительно порода подвергалась осторожному механическому дроблению и обрабатывалась слабой соляной кислотой, затем кипятилась в течение часа с 25% раствором аммиака. Остывшая суспензия пропускалась через сито с отверстиями 0,25 *см* для отделения фракции

0,25—0,1, однако в большинстве случаев эта фракция присутствовала в виде следов. Для минералогического исследования была отмучена фракция (0,1—0,05 *см*) крупного алеврита.

В результате анализа были определены следующие фракции: 0,25—0,1; 0,1—0,05 (крупного алеврита) 0,05—0,1 (мелкого алеврита) и 0,01—0,005 (глины), а также гигроскопическая влажность породы и карбонатность (потеря от обработки HCl). Эти результаты анализа в процентах приведены в табл. 1б [21].

4. Минералогический анализ исследуемых глинистых пород. Для минералогического анализа зерен в иммерсии при гранулометрическом анализе была отмучена фракция крупного алеврита размером 0,01—0,05 *см*. Для исследования размерной фракции необходимо разделение ее по магнитным свойствам и удельному весу.

Электромагнитная сепарация. Сильномагнитная и среднемагнитная фракции выделялись электромагнитом при небольшой силе тока в обмотке электромагнита. Под бинокуляром обнаружены следующие минералы: магнитные (магнетит и титаномагнетит) и электромагнитные (непрозрачные), к последним относятся: лимонит, составляющий основную часть исследуемой фракции, и гематит, а также турмалин (отдельные зерна).

Разделение минералов по удельному весу. Немагнитные минералы разделялись по удельному весу. Разделение производилось тяжелой жидкостью — бромоформом — в закрытой воронке. Удельный вес бромоформа при t 20°—2,88. Тяжелая фракция, с удельным весом >2,88 и легкая <2,88 фильтровались и промывались бензолом.

Изучаемые образцы имеют более или менее однородный минералогический состав, однако количество присутствующих в них минералов колеблется.

Легкая фракция. Ее составляют кварц и полевые шпаты. Кварц представлен полуокатанными зернами, трещиноватыми с волнистым погасанием. Полевые шпаты часто сильно пелитизированы и выветрены.

Легкая фракция изучалась в жидкости с показателем преломления $n=1{,}54$. В ней легко отделяются полевые шпаты (ортоклаз, микроклин и кислые плагиоклазы) с $n<1{,}54$ от кварца и слюд ($n>1{,}54$).

Тяжелая фракция (немагнитная) изучалась в жидкости с $n=1{,}64$. Ее составляют следующие минералы. 1. Барит. Он бесцветный, хорошо видна спайность. Показатели преломления >1,64. Погасание прямое. Удлинение положительное. Двуосный, оптически положительный. 2. Биотит. Пластинки и чешуйки его бурого цвета. Плеохроизм Ng=Nm>Np в коричневых тонах. Погасание прямое. Одноосный, оптически отрицательный. 3. Диопсид. Бесцветные полуокатанные и угловатые зерна. Двуосный, оптически положительный. 4. Дистен. Очень редкие призматические бесцветные зерна. Видна спайность по (100). Показатель преломления >1,70. Удлинение положительное. Минерал двуосный, оптически отрицательный. 5. Рутил. Призматические зернышки желтого цвета. Очень высокий рельеф с полным ободком, $n>1{,}78$. Погасание прямое. Удлинение положительное. Одноосный, оптически положительный. 6. Турмалин. Удлиненные анизотропные призмочки, зеленого цвета с резким плеохроизмом и сильной абсорбцией No>Ne. Удлинение отрицательное. Обладает прямым погасанием. Одноосный, оптически отрицательный. 7. Циркон. Призматические и дипирамидальные, бесцветные и желтоватые образования с очень высоким показателем преломления ($n>1{,}78$) и с высоким двупреломлением. Удлинение положительное. Погасание прямое. Одноосный, оптически положительный.

---

[21] Подробное описание хода анализа методом Робинсона см. в I томе «Методы изучения осадочных пород», ВСЕГЕИ, 1957 г.

Необходимо отметить очень характерную особенность образца № 5. Его легкая фракция заполнена кремнистыми органическими остатками. Здесь довольно широко встречаются скорлупки диатомовых водорослей опалового состава. Они имеют вид палочек, дисков с перегородками, тончайших сеточек круглой, треугольной и четырехугольной формы. Встречаются также хорошо сохранившиеся раковинки радиолярий и одноосные спикулы губок, с хорошо заметными внутренними каналами. Нужно отметить, что в керамических обломках, найденных в Тамани (Гермонассе), встречается такая же фауна и флора.

* * *

Исследование глин разными методами показало, что наиболее эффективным методом их изучения с целью сравнения с образцами керамики является минералогический метод исследования самой крупной фракции глинистой породы (в данном случае крупного алеврита).

В результате минералогического анализа глин среди тяжелой фракции выделяются акцессорные минералы (редкие), которые также встречаются в образцах керамических изделий. Так, в результате минералогического анализа в глинах Керченского и Таманского месторождений были обнаружены акцессорные минералы: турмалин, рутил, циркон, диоспид, дистен. Такие же акцессорные минералы наблюдаются в образцах керамики Пантикапея и Гермонассы. Это может служить доказательством того, что исследованная керамика в античное время производилась здесь на местном сырье.

В легкой фракции одного из образцов глин, взятого в Тамани, обнаружены в большом количестве спикулы кремнистых губок, обломки диатомовых водорослей, обломки раковин фораменифер и двустворок. Такая же фауна встречена и в образцах керамики античной Гермонассы. Это также подтверждает, что керамическое производство в Гермонассе основывалось на местном сырье.

Подводя итоги, можно сказать, что опыт применения петрографических методов к изучению таких археологических памятников, как керамика, является вполне эффективным. Для дальнейшего изучения керамики Боспорского царства следует детализировать исследование местных глин, а также значительно расширить количество изучаемых образцов древней керамики. Для выяснения того, откуда ввозились амфоры в Боспорское царство и куда вывозились в периоды его расцвета, следует изучить глины и керамику других древних поселений, что дало бы возможность восстановить торговые пути и культурные связи древних поселений юга нашей страны.

Оптические методы исследования следует распространить не только на изучение керамики, но также и камня, стекла, шлаков и других археологических объектов.

К. А. СМИРНОВ

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ ГРУЗИКОВ ДЬЯКОВА ТИПА

Всем исследователям городищ дьяковской культуры хорошо известны предметы, вошедшие в науку под названием «грузиков дьякова типа»[1].

Обычно они имеют форму конуса (рис. 1, *1*) или усеченного конуса, грибовидную или блоковидную (рис. 1, *2*). Отдельные находки имеют форму двух конусов, соединенных основаниями (рис. 1, *3*), а также нескольких (трех-четырех) дисков, положенных один на другой рис. 1, *4*). Поверхность грузиков часто покрыта орнаментацией, на сюжетах которой остановимся ниже. Грузики всегда имеют вертикальный канал и характерную насечку по краю основания[2]. Последняя отсутствует только у одного грузика с Троицкого городища. Размер грузиков самый разнообразный. Имеются экземпляры, диаметр которых достигает 65 *мм*, при высоте 43 *мм*, и рядом с ними экземпляры, у которых диаметр равен 20 *мм*, при высоте 14 *мм*. Соотношение высоты и диаметра различное; наряду с экземплярами, сильно вытянутыми вверх, есть уплощенные. Около половины исследованных грузиков украшены орнаментом, поверхность прочих гладкая. Некоторые экземпляры имеют выпуклое основание (рис. 1, *5*), другие же, напротив, вогнутое. Подавляющее большинство грузиков изготовлено из глины, однако имеется и несколько костяных[3]. Только два признака сохраняются у всех грузиков: это круглое основание с рубчиками по краю и вертикальный канал. Очевидно, именно два эти признака и являются для них основными.

Почти все исследователи городищ дьякова типа обращали внимание на эти загадочные предметы, являющиеся частой находкой на памятниках дьяковской культуры, и пытались дать им то или иное объяснение. Исследователь первого городища такого типа В. И. Сизов отрицал возможность использования данных предметов в качестве пряслиц, судя по малому диаметру вертикального канала, в качестве грузил для сетей — судя по тому, что «для этого зубчики являются украшением чересчур деликатным»[4]; он считал наиболее вероятным употребление их как грузиков в ткацком станке самого примитивного характера.

В. А. Городцов писал: «Высказано мнение, что они (грузики.— *К. С.*) служили грузиками ткацких станков фарерского типа; однако многие из грузиков так легки, что кажется маловероятным, чтобы они служили ткацкими грузиками. Поэтому нами выдвигается новое мнение о назначе-

---

[1] В данной работе использовано около тысячи грузиков, изученных в музейных собраниях и по литературе. Из них 538 экземпляров происходят из Троицкого городища (Можайский район Московской области), исследованного А. Ф. Дубыниным в 1956—1960 гг.

[2] За основание грузика мы принимаем его плоскую поверхность. Когда плоских поверхностей две, то за основание принимается бóльшая; высота грузика определяется по каналу.

[3] Костяные грузики были найдены на Каширском и Огубском городищах (раскопки В. А. Городцова) и на городище Круглица (раскопки Л. И. Пимакина).

[4] В. И. Сизов. Дьяково городище близ г. Москвы. Тр. IX АС, т. II, М., 1897, стр. 263.

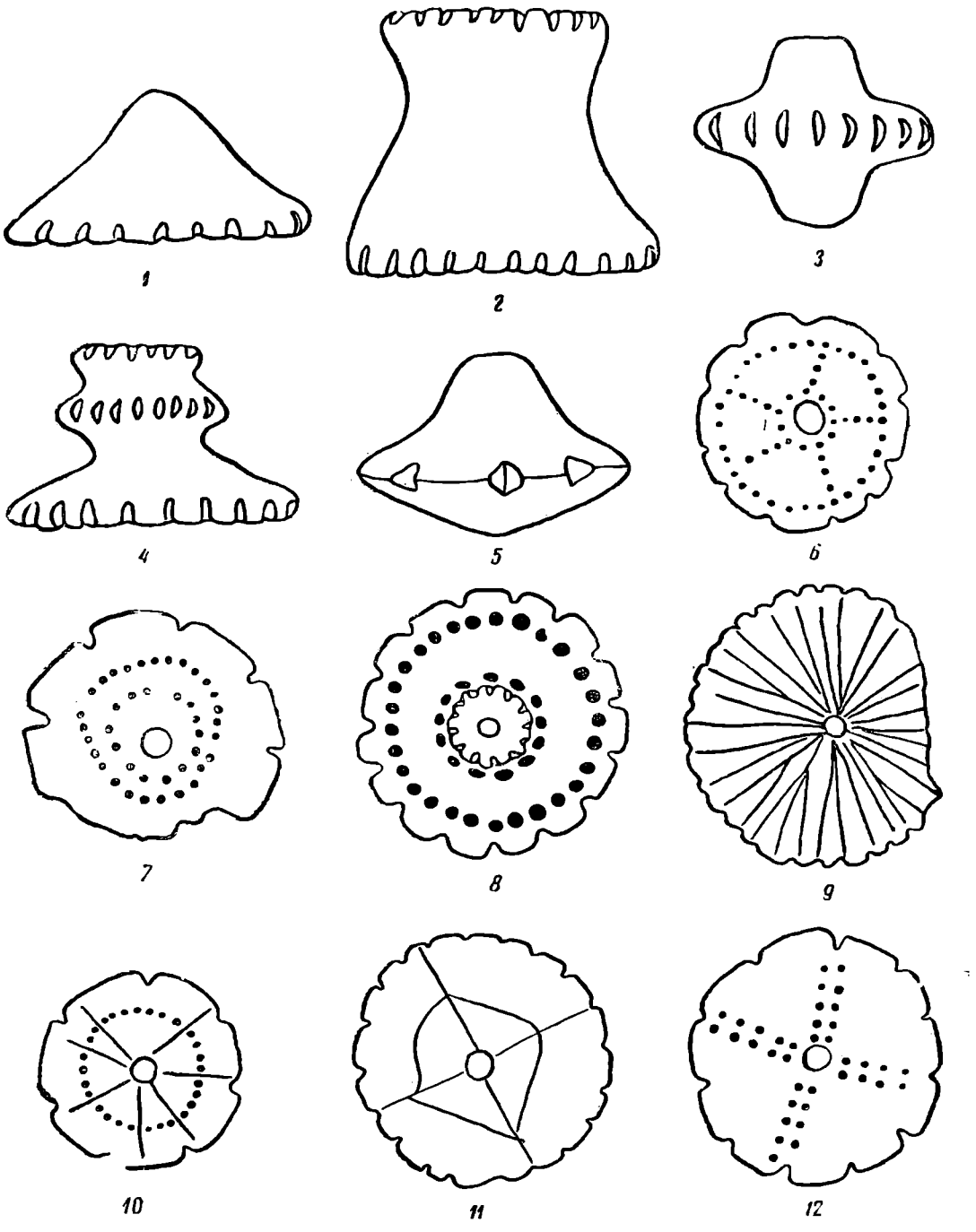


Рис. 1. Грузики, вид сбоку:
1 — Каширское городище, *2—5* — Троицкое городище. Основание грузика: *6* — Огубское городище, *7—12* — Троицкое городище, вид сверху; *8* — Троицкое городище

нии описываемых предметов служить пуговицами для застегивания плащей или вообще верхней одежды»[5]. Эту точку зрения В. А. Городцов развивал и в работе «Старшее Каширское городище»[6]. Там же он отмечал, что часть грузиков с наиболее широким диаметром внутреннего канала могла все же являться пряслицами[7], а грузики уплощенной формы, с небольшой высотой, могли служить бляхами, нагрудным украшением одежды.

---

[5] В. А. Городцов. Болотное Огубское городище. Тр. ГИМ, вып. I, М., 1926, стр. 118.
[6] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1933, стр. 12—13.
[7] Там же, стр. 12.

Ю. Г. Гендуне определяла грузики дьякова типа как пряслица и подразделяла их на два типа: «один вроде тюльпана, и другой вроде гриба». При этом Ю. Г. Гендуне отмечала богатую орнаментацию грузиков [8]. Н. А. Смирнов также определял грузики как пряслица [9]. А. В. Арциховский высказывает мысль, что грузики могли иметь много назначений и отмечает при этом тщательность их отделки. Автор говорит, что «понятие о Дьяковой культуре связано для каждого археолога прежде всего с понятием о грузике дьякова типа» [10].

Л. А. Евтюхова в статье «Барвихинское городище» выступает против теории использования грузиков в примитивном ткацком станке и в качестве пуговиц. При этом она отмечает, что выдержанность форм грузиков говорит в пользу определенного и одинакового их назначения [11]. П. Н. Третьяков отвергает теории, определяющие грузики как пряслица, как грузики от ткацкого станка фарерского типа и как пуговицы. Относительно назначения грузиков автор высказывает мысль, что это могли быть крышечки для маленьких сосудов, служивших жировыми лампами. Вертикальный канал грузика в таком случае предназначался для фитиля [12]. О. Н. Бадер допускает возможность использования этих предметов в ткацком деле [13]. В подтверждение такого предположения автор отмечает, что в канале некоторых грузиков имеется потертость, следы от нитей. Нередко следы от нитей заметны даже на основании грузиков.

Таким образом, из всего изложенного видно, что до сих пор относительно назначения грузиков высказываются мнения самые разнообразные. Вопрос о том, являются ли они предметами, характерными именно для дьяковской культуры, или локальным признаком ее части, или вообще это предмет не специфически дьяковский, также пока не решен. В основном мнения исследователей относительно назначения грузиков можно свести к следующим: 1) грузики служили пряслицами; 2) применялись на ткацком станке фарерского типа; 3) были пуговицами плащей или вообще верхней одежды; 4) являлись крышками жировых ламп.

Следует отметить, что против всех этих точек зрения (кроме последней) последующими исследователями высказывались возражения.

Действительно, трудно предположить, чтобы грузики были пряслицами. Для этого у них слишком узкий канал. Судя по диаметру каналов мелких грузиков, толщина предполагаемого веретена не должна была превышать 1,5—2 *мм*, что практически невозможно. Кроме того, не совсем понятно, почему на пряслицах надо делать насечку по кругу.

Мнение, что эти предметы являются грузиками ткацкого станка фарерского типа, также неоднократно встречало возражения. Во-первых, если бы грузики были грузилами вертикального стана, то их вес примерно был бы одинаков; они делились бы на весовые группы. Между тем мы встречаем экземпляры очень большие и рядом с ними совсем маленькие. Размер бо́льших настолько велик, что они бы отводили в сторону соседние нити. Ведь если грузики будут висеть даже на разной высоте в два ряда, то расстояние между нитями должно равняться радиусу грузика, даже немного превышать его. Радиус в некоторых случаях достигает 3 *см*. С другой стороны, мелкие грузики настолько малы, что не могут натянуть грубую нить. Судя по отпечаткам на керамике, толщина пряжи была около

---

[8] Ю. Г. Гендуне. Городище Топорок. Тверь, 1906, стр. 7.

[9] Н. А. Смирнов. Раскопки в Калинском уезде. ЗОРСА. т. V, вып. 1, СПб., 1903, стр. 144—145.

[10] А. В. Арциховский. Бородинское городище. Тр. СА РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 83, 84.

[11] Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 118.

[12] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. МИА, № 5, 1941, стр. 48.

[13] О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, № 13, 1950, стр. 96, 103.

1 *мм*. Следует также учитывать, что если бы грузики натягивали нить, то при выходе из каналов неизбежно появилась бы потертость от нити. Такие следы на грузиках имеются, однако далеко не на всех. На Троицком городище след нити в канале имеют 9,7% грузиков, на Огубском городище — 6%, на Дьяковском — 12%, на Каширском — 18%. Интересно отметить, что на отдельных экземплярах следы от нити очень глубоки, что заставляет думать о длительном воздействии нити на предмет. Кроме того, если бы грузики были бы грузилами ткацкого станка и через канал проходила бы нить, то большинство грузиков раскалывалось бы по каналу, в месте наибольшей нагрузки на материал. Однако этого мы не наблюдаем. На Троицком городище раскол, проходящий по каналу, имеет только 18,1% грузиков, на Огубском городище — 11%, на Дьяковском городище — 6%, на Каширском — 14% (считая от всего числа грузиков). Если же учитывать только разбитые грузики, то число разбитых по каналу составит: на Троицком городище — 44,9%, на Дьяковском — 33,3%, на Каширском — 50% и на Огубском — 58,3%.

Этот же довод можно привести и против выдвинутой В. А. Городцовым теории употребления грузиков в качестве пуговиц.

Если бы грузики являлись крышками жировых ламп, то хотя бы на некоторых из них имелись следы прокаленности, которая часто наблюдается на светильниках. Таких следов на грузиках нет. Кроме того, каналы многих грузиков слишком узки и длинны для фитиля.

Все археологи хорошо знают, что подавляющее большинство керамических предметов при раскопках мы находим в разрушенном состоянии. Это вполне понятно, так как предметом, применяемым в хозяйстве, пользовались многократно, часто даже поврежденным, пока он не приходил в полную негодность.

Но в отношении грузиков мы этого не наблюдаем. Большинство из них мы находим целыми или с такими незначительными дефектами, при которых грузики своих механических свойств не теряли. Это заставляет нас думать, что применение грузиков не было связано с механической нагрузкой. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что размер и вес грузиков самые разнообразные, что может быть только в том случае, если эти факторы при использовании грузиков играли второстепенную роль.

Все изложенное заставляет искать объяснение назначения грузиков не в сфере производства, а в других областях, и позволяет высказать мнение об использовании грузиков в области идеологии и религиозных обрядов жителей дьяковских городищ. Элементы орнаментации, повторяющиеся в различных сочетаниях много раз, по-видимому, имеют вполне определенный смысл.

Какой же смысл вкладывался в изображения, нанесенные на поверхности грузиков?

При расшифровке этих изображений большую роль играет бронзовая пластинка с Огубского городища дьяковской культуры. «В Огубском городище,— отмечает В. А. Городцов,— найдена одна весьма замечательная в культовом отношении вещь; это бронзовая, сломавшаяся на две половины бляха, на которой изображены три человеческие фигуры. В средней фигуре можно узнать женщину, разрешающуюся от бремени, а в крайних — мужчин. Все фигуры имеют головы в виде концентрических кругов, обычно символизирующих небесные светила: солнце и луну. Так же представлена голова рождающегося плода. Руки женщины и мужчин подняты ладонями кверху. В культовой иконографии это жест молитвы или благоволения. Смысл изображения может быть расшифрован так: женщина представляет богиню — мать всего сущего; мужчины — богов, сопутствующих ей» [14].

---

[14] В. А. Городцов. Болотное Огубское городище, стр. 122.

И далее исследователь пишет: «изображенные на огубской бронзовой бляхе божества относятся к солнечному или вообще астральному циклу» [15]. По-видимому, интерпретация изображения на пластинке была сделана В. А. Городцовым вполне правильно [16].

Исторические и этнографические материалы убедительно свидетельствуют о том, что поклонение светилам, и в первую очередь солнцу, было в древности распространено у всех народов земли. В литературе уже отмечалось, что единообразие религиозных верований, связанных с небесными светилами, приводило к возникновению общности форм почитания и сходных знаков — идеограмм, связанных с астральным культом у самых различных народов в разные эпохи. Так, у народов Европы, знаки круга, креста, колеса, розетки, звезды повсеместно употреблялись как изображение солнца в бронзовом и раннем железном веках [17].

На некоторых грузиках дьяковской культуры мы также видим на основании их один или несколько нанесенных точками концентрических кругов, для которых центром является канал (рис.1, *6*, *7*). Такой же орнамент имеется на боковой поверхности целого ряда грузиков (рис. 1, *8*). Эти концентрические круги перекликаются с аналогичными кругами на бронзовой пластинке с Огубского городища и, очевидно, также являются символами астрального культа. В некоторых случаях круг обозначен не точками, а чертой, и от него в стороны идут черточки, напоминающие лучи. По-видимому, радиальный орнамент, часто встречающийся на основании грузиков, имеет то же значение, что и концентрические круги (рис. 1, *9*, *10*). Тот же смысл, вероятно, имеет и нарезка, идущая по краю основания грузиков, а также и изображение креста, нанесенное точками на основание ряда грузиков (рис. 1, *12*). Известны и другие изображения солнца. Так, этнограф Н. Харузин отмечал, что «символ солнца составлял почти неотъемлемую принадлежность шаманского бубна во всех местностях, где только существовал культ пейве. Солнце на бубнах изображалось в виде четырехугольника, от углов которого шли нити во все четыре стороны, чтобы обозначить, что власть солнца распространяется на всю землю» [18].

Данное описание символа солнца особенно интересно, так как известно несколько грузиков, на поверхности которых изображены квадраты, причем в одном случае через углы квадрата прочерчен крест (рис. 1, *11*).

Солнце, которому поклонялись как божеству, источнику жизни, символизировалось, судя по этнографическим данным, не только знаками, описанными выше. Еще в начале XX в. у народов Прикамья можно было наблюдать весенние праздники, связанные с поклонением солнцу, в которых видную роль играл молодой конь определенной масти. Конь у многих народов был связан с культом солнца, о чем свидетельствует ряд легенд и многочисленные изображения коня [19]. Конские головки чрезвычайно широко встречаются на металлических украшениях Прикамья; в виде пережитков они сохранились до настоящего времени в вышивках [20]. Изображения коня имеются и на дьяковских городищах. Всем археологам хорошо известна костяная фигурка коня с Дьякова городища [21], имевшая,

---

[15] Там же, стр. 122.

[16] Т. Н. Никольская в работе «Культура племен бассейна верхней Оки в 1 тысячелетии н. э.» (МИА, № 72, 1959, стр. 107) рассматривает все три фигуры как женские, однако культовой смысл изображения не отрицает.

[17] J. Déchelette. Le culte du soleil aux temps préhistoriques. RA, т. XIII, Paris, 1909, стр. 31. В. П. Даркевич. Символы небесных светил в орнаменте древней Руси. СА, 1960, № 4, стр. 56—57, рис. 1.

[18] Н. Харузин. Русские лопари. М., 1890, стр. 138.

[19] М. Г. Худяков. Культ коня в Прикамье. Из истории докапиталистических формаций. М.— Л., 1933, стр. 251—279.

[20] Т. А. Крюкова. Марийские вышивки. Л., 1951, табл. XXI.

[21] В. И. Сизов. Дьяково городище близ г. Москвы. Тр. IX АС, т. II, М., 1897, табл. XXIII.

по-видимому, ритуальное значение. Это изображение не единственное. На Мамоновом городище была найдена костяная ручка ножа, на боковой поверхности которой имеются два изображения: коня и птицы [22].

Изображение коня имеется и на грузиках. Всего известно два таких экземпляра, один — с Огубского городища и один — с Троицкого. В обоих случаях конь изображен точечным пунктиром, в профиль, на боковой поверхности грузика. На огубском грузике (рис. 2, *1*) имеются три четких изображения коня. На грузике с Троицкого городища также изображены три конские фигурки и один непонятный знак, по-видимому, неудавшееся изображение коня.

С астральным культом у многих народов было связано и почитание птицы. В Египте сокол или ястреб считался символом древнейшего бога Ра — солнца. Д. Н. Анучин убедительно доказал, что поклонение птицам было распространено чрезвычайно широко и что многочисленные изображения птиц, в большом количестве находимые, например, на Урале, являются ритуальными предметами [23]. Очевидно, поклонение птице имело место и среди дьяковских племен. Так, на городище Топорок Ю. Г. Гендуне была найдена плоская керамическая фигурка птицы [24]. Лицевая сторона ее украшена рядами выпуклых кружков. Ряды разделены налепленными сверху глиняными полосками. На фигурке имеются четыре сквозных отверстия, служившие, по-видимому, для нашивания ее на одежду или на головной убор. Ю. Г. Гендуне совершенно правильно связывает эту фигурку с изображениями птиц, найденными на Каме, и трактует ее как ритуальную [25].

Не меньший интерес представляет упомянутая выше костяная ручка ножа, найденная на Мамоновом городище [26].

Как было отмечено выше, на этой ручке, кроме схематического изображения коня, имеется также схематическое изображение птицы. Сочетание этих двух изображений особенно интересно. Оно может говорить о поклонении одновременно как коню, так и птице, обожествлении дьяковцами и тех и других. Пережитки древнего поклонения птицам сохранились до настоящего времени в декоративном искусстве. Явления древнего обожествления птиц наблюдались в Прикамье в конце XVIII в.

Итак, Н. Рычков сообщал, что вотяки «обожают птицу, называемую дятел, в таком разуме, чтобы он не вредил их лесов; и для сего, поймав сие животное, делают в лесу клетку, где несколько времени его питают; а потом, сделав ему публичное моление, отпускают на волю» [27]. Н. Рычков неверно трактует смысл поимки птицы. Если бы ее ловили, чтобы обезопасить леса от нее (вещь в XVIII в. довольно необычная), то ее не выпускали бы и не совершали бы перед ней молебствие. Здесь мы, безусловно, наблюдаем сохранившееся с древности поклонение некоторым птицам.

Изображения птиц имеются и на грузиках. Эти изображения по своему характеру можно разделить на две группы. К одной следует относить изображения птиц в профиль, ко второй — в плане. Первая группа представлена пятью находками с Троицкого городища (рис. 2, *2*, *3*). По-видимому, во всех пяти случаях перед нами изображение водоплавающей птицы, в трех случаях — без хвоста, в двух — с резко подчеркнутым хвостом. Подобная трактовка водоплавающей птицы не является ред-

---

[22] В. И. Кочанова. О заселении Московского края в эпоху Дьяковской культуры, Мамоново городище. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954, стр. 35.

[23] Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. МАВГР, т. III, М., 1899, стр. 87.

[24] Ю. Г. Гендуне. Ук. соч., стр. 8—9, табл. II.

[25] Там же, стр. 9.

[26] В. И. Кочанова. Ук. соч., стр. 35.

[27] Н. Рычков. Журнал путешествия 1769—1770 гг. СПб., 1770, стр. 117.

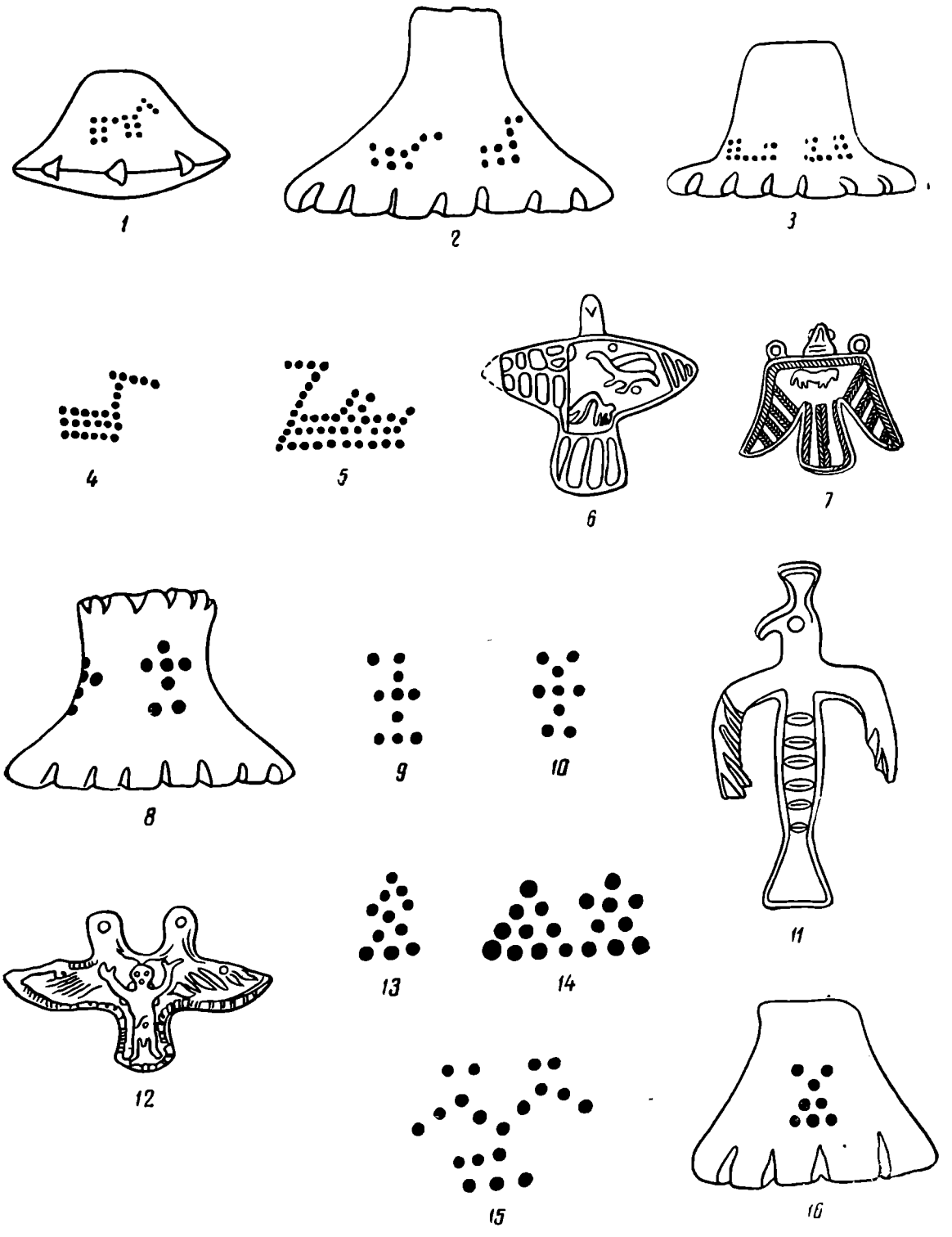


Рис. 2.

1 — Огубское городище; *2—3* — Троицкое городище; *4* — изображение птицы на сосуде, Шигирское городище; *5* — изображение птицы на сосуде, Онежское озеро; *6—7* — бронзовые фигурки птиц, Прикамье; *8* — Троицкое городище; *9—10* — изображения на грузиках из Троицкого городища; *11, 12* — бронзовые фигурки птиц, Прикамье; *13—16* — изображения на грузиках, Троицкое городище

костью. Аналогичные изображения известны на керамике с Урала (рис. 2, *4*) [28] и с Онежского озера (рис. 2, *5*) [29].

Изображения птиц в плане встречаются значительно чаще, чем вышеописанные. Эта группа изображений в свою очередь делится на две категории, в виде креста и в виде треугольника, выполненных при помощи точек.

[28] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, стр. 69—72.

[29] Н. Н. Гурина. Поселение эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера, МИА, № 20, 1951, стр. 110.

По своему контуру эти изображения напоминают металлические фигурки птиц, известные в Прикамье и на Урале, которые имеют или форму креста, или треугольника (рис. 2, *6*, *7*) [30]. Обычно крестообразные изображения состоят из креста и основания (рис. 2, *8*). Имеется один экземпляр, у которого в верхней части поставлена одна дополнительная точка сбоку, что, по-видимому, можно истолковать как попытку изобразить поворот головы (рис. 2, *2*). В другом случае в верху креста поставлена не одна точка, а две рядом, что можно рассматривать как условное изображение двуглавой птицы (рис. 2, *10*). Оба эти мотива встречают аналогии среди металлических фигурок Прикамья (рис. 2, *11, 12*) [31]. По-видимому, промежуточное положение между крестообразными и трехугольными занимают два изображения, имеющие как те, так и другие элементы. В одном случае на боковой поверхности грузика изображена фигура, образованная как бы двумя треугольниками, поставленными один над другим (рис. 2,*13*). Выше изображений имеется круг. На другом грузике, также на боковой поверхности, изображены два треугольника, опирающихся основанием на круг. У одного треугольника к боковым сторонам приставлены две точки, что сближает это изображение с крестообразными (рис. 2, *14*). Треугольные изображения встречаются значительно чаще, чем крестообразные. Встречаются треугольники различных размеров. У некоторых треугольников у вершины поставлены две или несколько точек (рис. 2, *15*, *16*). По-видимому, в данном случае мы сталкиваемся с попыткой изобразить двуглавую птицу. Как отмечалось выше, металлические изображения таких птиц известны в Прикамье и на Урале. Крестообразные и треугольные фигурки часто встречаются в сочетании с кругом или кругами. Это заставляет думать, что описанные изображения или дополняли друг друга, или имели одинаковое значение, причем первое более вероятно. По-видимому, они имеют отношение к поклонению небесным светилам (солнцу), а также связанному с ним культу птиц и животных.

Однако многочисленность грузиков и то, что символы астрального культа изображены далеко не на всех, заставляет предположить наличие еще одного культа, существовавшего параллельно с астральным. В пользу этого свидетельствует и видимая непродолжительность использования многих грузиков. То, что они изготовлялись в большом количестве и быстро выходили из употребления, будучи еще вполне целыми, безусловно, является особенностью культа, существовавшего параллельно с астральным, потому что всегда существует тенденция пользоваться наиболее старыми религиозными атрибутами. Исключение, пожалуй, составляет только культ предков, в силу того что предметом поклонения является обычно отец, дед и прадед [32]; далее предки забываются. Этот же культ требует большого количества ритуальных атрибутов, так как они изготовляются после смерти каждого человека.

По-видимому, именно с этим культом и следует связывать в конечном итоге предметы, вошедшие в науку под названием «грузиков дьякова типа». Поклонение предкам, как покровителям рода, возникает на стадии разложения патриархально-родового строя [33]. Пережитки его сохраняются на протяжении многих столетий и часто доходят даже до нашего времени. Поклонение предкам легко может сочетаться и с другими верованиями — с поклонением солнцу, стихиям, животным, которые часто считаются отдаленным предком, праотцом всего рода [34].

Н. Харузин говорит, что по верованиям большинства народов дух человека прикреплен к могиле. Однако, как отмечает он далее, у многих

---

[30] А. П. Смирнов. Очерки древней и сердневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 258.

[31] Там же, стр. 255, 258.

[32] Н. Харузин. Этнография, т. IV. Верования. СПб., 1905, стр. 316.

[33] С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 159.

[34] Н. Харузин. Этнография, стр. 287.

племен существует мнение, что возможно приготовить искусственное помещение для духа — его изображение, статую и т. п., которая может служить временным или постоянным вместилищем духа умершего [35]. Эти фигурки — носители душ могут быть самыми разнообразными. В одних случаях это фигурка человека, в других — предмет неопределенной формы, а иногда (и нередко) просто камни или палки. Например, у саамов (лопарей) в связи с культом предков существовало поклонение сейдам [36], которые представляли собой «не что иное, как обыкновенные камни» [37]. Встречались и деревянные сейды, представлявшие собой простые палки [38]. Сейдам приносились жертвы. Н. Харузин приводит рассказ М. А. Кастрена о таком жертвоприношении.

«Лопари перед охотой на диких оленей дают обет, в случае удачного исхода охоты принести в жертву сейду голову и шею оленя» [39]. К сейду обращались во всех затруднительных случаях, и если это была семейная святыня, то жертву приносил глава семьи; в тех же случаях, когда сейд становился уже покровителем целого стойбища, жертву ему приносил нойда (шаман) [40]. В одних случаях поклонением пользовались все умершие родичи, в других же — только люди выдающиеся, наиболее уважаемые.

С. А. Токарев отмечает, что у бурято-монголов почитание «онгонов» — разновидность культа предков. «Первоначально простое почтение к предкам подверглось искажению и породило «о н г о н о в». Так называют монголы души людей, сделавшиеся предметами уважения или страха народного» [41].

Гольды (народ, живший в Манчжурии) верили, что в зависимости от поступков человека при жизни после смерти он становится добрым или злым, но одинаково могущественным духом. Духи шаманов изображались в виде человеческих фигурок без рук [42].

Аналогичная картина наблюдалась и у зырян. Усопшие, по верованию зырян, наделялись такими чертами, какими при жизни обыкновенный человек не обладает. От них зависело дать хороший или плохой урожай и т. д. [43]. К сожалению, автор не отмечает, имелись у зырян изображения душ предков или нет.

Аналогичная вещь наблюдалась у коряков. «По их несколько туманным представлениям, души умерших через некоторое время отправляются на небо, а «тень» их — в подземный мир. В этом последнем тени живут совсем, как на земле, семьями. Они заботятся об оставшихся в живых родственниках, посылая им охотничью добычу, а то и наказывают их за провинности» [44]. У коряков имеются деревянные фигурки «хранители», якобы охраняющие стойбище и юрту, помогающие на охоте и оберегающие путника в дороге [45]. По-видимому, эти фигурки следует связывать с культом душ предков, которые играют в жизни коряков такую большую роль. Ведь функции и тех и других совпадают: те и другие помогают корякам в их хозяйственной деятельности и защищают от опасностей и болезней.

---

[35] Там же, стр. 331.
[36] Н. Харузин. Русские лопари, стр. 184.
[37] Там же, стр. 182—183.
[38] Там же, стр. 183.
[39] Там же, стр. 189.
[40] Там же, стр. 188.
[41] С. А. Токарев. Буряты. Сб. «Религиозные верования народов СССР», М.— Л., 1931, т. I, стр. 129.
[42] М. Г. Левин. Гольды. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, стр. 90.
[43] В. П. Налимов. Этнографическое обозрение, 1907 г., № 1, М., 1907, стр. 10.
[44] С. А. Токарев. Коряки. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I. стр. 58.
[45] Там же, стр. 55.

Интересное явление отмечает С. А. Токарев у юкагиров [46], у которых культ предков был широко распространен, но касался в основном шаманов. Так, череп шамана с фигуркой хранился его детьми, и они были признанными жрецами культа предков. Один из сыновей шамана перенимал религиозные функции отца [47]. «В память шамана — предка прежние юкагиры вешали человеческие изображения на деревьях, около горных тропинок, устьев рек и охотничьих угодий»,— пишет автор. И далее: «...в деревянном человеке, повешенном в честь шамана, обитал дух умершего и к нему обращались как к предку» [48].

То же самое наблюдал М. Г. Левин у тунгусов (эвенков): «Имеющиеся у потомков шаманов идолы суть не что иное, как олицетворение души их предков — шаманов. Изготовляют их исключительно шаманы, вселяя в них какого-либо предка шамана» [49]. Далее он отмечает, «что они имеют большей частью изображение человека из дерева, рога дикого оленя, железа и меди, или представляют собой просто вид старинного медного котла, каменистое вещество, найденное в желудке оленя, и т. п. В подобных изображениях и предметах пребывают души предков, слившись с самими предками» [50]. Изображения эти «выполняют роль истинных помощников — кормильцев семьи и рода. Эти домашние божества, вложенные в мешок или ящик, хранятся всегда в санках» [51]. Тот же исследователь пишет, что подобное явление встречается у алтайцев: «К категории кермессов — душ, имеющих право существовать на земле после смерти, алтайцы относят всех без исключения шаманов» [52]. Над изображением умершего шамана другой живой шаман совершает соответствующие обряды, главную роль в которых играет смазывание изображения вином, после чего оно вешается на почетное место и делается принадлежностью культа, а дух, по их верованиям, становится покровителем [53].

С. А. Токарев отмечает, что у остяков, у семей и у отдельных лиц имеется по одному или по несколько кумирчиков, почитаемых хранителями живых. Эти кумиры представляют собой камни, предметы неопределенной формы и деревянные фигурки [54]. Вероятно, в данном случае мы имеем дело также с культом предков, но в пережиточной форме.

Сохранилось указание, что у мордвы и черемис (мари) во время поминок по покойному делалась тряпочная кукла, которая сажалась на подушку за стол в переднем углу избы [55]. Следует отметить, что изображение предков, якобы являющееся вместилищем его души, встречалось и у народов с классовым обществом и с хорошо разработанными и сложными религиозными взглядами. Можно назвать в качестве примера египтян, ставивших статуи мертвых на могилах, и римлян, изготовлявших изображения своих предков и носивших их в погребальном шествии с уверенностью, что души предков вселились в фигурки и участвуют в похоронной процессии умершего потомка [56]. В Китае еще недавно в домашнем храме ставилась кукла, изображающая покойного. Этот обычай начал выходить из употребления лишь в конце XIX — начале XX в. Вместо кукол

[46] С. А. Токарев. Юкагиры. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, стр. 63.
[47] Там же.
[48] Там же.
[49] М. Г. Левин. Тунгусы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, стр. 117.
[50] Там же.
[51] Там же.
[52] М. Г. Левин. Алтайцы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, стр. 186.
[53] Там же.
[54] С. А. Токарев. Остяки и вогулы. Сб. «Религиозные верования народов СССР», т. I, стр. 210.
[55] М. Маркелов. Культ умерших в похоронном обряде волго-камских финнов. Мордва, мари, вотяки. Сб. «Религиозные верования народов СССР», М.—Л., 1931, т. II, стр. 270.
[56] Н. Харузин. Этнография, т. IV, стр. 331.

вместилищем души начинали признавать дощечку, на которой было написано посмертное имя умершего. Душа зазывалась в дощечку при помощи специальных обрядов, в которых большую роль играло нанесение на дощечку имени специальным составом. Эти дощечки хранились в специальных шкафах в домашнем храме, и перед ними совершались примерно те же жертвоприношения, какие раньше совершались на могилах предков [57].

Как видно из изложенного выше, этнографами было установлено существование верования, что при вселении души предка в ее вместилище решающую роль играет нанесение на поверхность вместилища какого-либо вещества. Это наблюдение крайне интересно при рассмотрении вопроса о назначении грузиков, потому что на поверхности многих грузиков заметны подтеки черного цвета, имеющие гладкую и блестящую поверхность и создающие впечатление, что какие-то вещества сгорели на поверхности грузика. Эти подтеки обычно идут сверху вниз, к основанию, хотя имеются два экземпляра, на которых подтеки идут в обратном направлении. В одних случаях подтеки легко отделяются от поверхности грузика, в других, когда поверхность неровная, налет удерживается крепко. Благодаря сгоранию, исходное вещество изменилось настолько, что установить его в настоящее время химическим путем не представляется возможным. На Троицком городище грузики, имеющие черный налет, составляют 17,5% от всего числа. Однако учитывая, что от хорошо обработанной поверхности налет отделяется легко, следует думать, что налет имело большее число грузиков. Вероятно, этот налет свидетельствует о каких-то обрядах, совершавшихся над грузиком.

Вопрос о местоположении грузиков на городище долгое время оставался неясным. Обычно исследователи ограничивались описанием грузиков и не устанавливали их взаимоотношения с постройками. Однако в результате исследования Троицкого городища А. Ф. Дубыниным можно определенно сказать, что обычно грузики бывают связаны с постройками. В постройках они, как правило, располагаются у очагов, а также у стен, ближе к углам. Такая закономерность, по-видимому, не случайна.

Итак, грузики дьякова типа следует связывать как с почитанием светил, так и с культом поклонения предкам. В представлении жителей дьяковских городищ эти два культа, вероятно, тесно переплетались между собой и воспринимались как единое, неразрывно связанное целое.

Накопление нового материала и анализ еще большего числа самих грузиков и их местоположения на городище, вероятно, дадут возможность выделить локальные и временные особенности этого культа, а вместе с этим, может быть, позволят выделить и отдельные этнические и культурные группы внутри дьяковой культуры.

---

[57] Н. Харузин. Этнография, т. IV, стр. 331.

Е. И. ТИМОФЕЕВ

РАССЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ X—XIII вв.

Шестидесятилетний опыт русских и советских археологов доказал возможность изучения древнерусских племен «Повести временных лет» по материалам могильников X—XIII вв. и, в частности, возможность определения границ племенных территорий. В настоящей статье предпринята попытка на основе материалов могильников X—XIII вв. Волыни, Житомирщины, Киевщины, Южной Белоруссии и Верхнего Поднестровья установить границы расселения волынян, древлян, полян, дреговичей и хорватов. Определение границ расселения этих племен затруднено тем, что эти племена, в отличие от других славянских племен, имели весьма схожий погребальный инвентарь, в частности, височные кольца. Не случайно А. А. Спицын (в 1899 г.) и П. Н. Третьяков (в 1953 г.) указывали на «полную аналогию полянских курганов с одновременными им волынскими и древлянскими» [1].

Сходство перечисленных выше курганов, к которым следует добавить дреговичские, заключается в следующем: 1) курганы сооружались по одному принципу, имеют одинаковые размеры, форму и т. п.; 2) положение и ориентировка погребенных — общеславянские (на спине, головой на запад, ногами на восток) [2]; 3) бытовые вещи, предметы одежды, оружие — общеславянских типов; 4) ожерелья состоят из малого количества бус [3], подвески в ожерельях (лунницы, медальоны и т. п.), за редким исключением, отсутствуют; 5) шейные гривны не встречаются; 6) браслеты встречаются очень редко (примерно один в ста курганах); 7) перстни (проволочные, витые, сложновитые, ложновитые, плетеные) одинаково многочисленны у всех юго-западных племен; 8) височные кольца относятся к категории перстнеобразных.

Наиболее распространенными типами колец являются проволочные простые и с заходящими концами [4]. Они различны по диаметру, толщине проволоки и ряду других признаков. Можно отметить, что население определенной области отдавало предпочтение тому или иному типу височных колец, а также бус. Однако на основе этих данных нельзя решить поставленную задачу, так как различия в типах височных колец выражены слабо, а тот или иной тип, помимо основной области своего распространения, в немалом количестве встречается и в других областях.

---

[1] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, кн. VIII, СПб., 1899, стр. 323; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 247.

[2] С обычными отклонениями, зависящими от времени года, когда совершалось погребение.

[3] Наиболее часто встречаются бусы из прозрачного стекла (с золотой, реже серебряной прокладкой), из глухого стекла, медные и серебряные (крупнозерненые ажурные цилиндрические, сплошные зерненые шарообразные, мелкозерненые сплошные и лопастные, розетчатые) сердоликовые и др.

[4] Из других типов наиболее часто встречаются: S-конечные с одной напускной бусиной, стеклянной или металлической (розетчатой, зерненой и т. д.), сережки «киевского» и «волынского» типов, кольца с узловыми бусами.

Изучение материалов могильников юго-западной группы восточнославянских племен показало, что руководящим признаком при определении племенных границ может служить обряд погребения. Для доказательства этого положения потребовалось сначала опровергнуть широко распространенный до недавнего времени предрассудок, будто курганные погребения в ямах появляются позднее погребений на горизонте.

Появление в X в. обряда трупоположения на горизонте под курганом — факт, хорошо известный. Обряд погребения в ямах возникает одновременно с обрядом погребения на горизонте и сосуществует с ним в период X—XIII вв. Это доказывается наличием достаточно точно датированных предметов в составе погребального инвентаря. Так, бусы сердоликовые (призматические и шарообразные) и позолоченные, серьги волынского типа типичны для курганов X—XI вв. юго-западной группы восточных славян (независимо от того, какой погребальный обряд в них представлен). Такую же дату имеют найденные в ямных погребениях на Волыни перстни с завязанными концами (Пересопница, кург. №№ 3 и 28, Басов Кут, кург. № 3) и височные кольца с узловыми бусами (Ст. Жуков 1, кург. № 37; Поддубцы-Борохов, кург. № 2).

К этому можно добавить наблюдения над находками височных S-конечных колец. Раскопки в Старом Месте (Чехословакия) [5] и в Халимба-Череш (Венгрия) [6], где такие кольца неоднократно встречались с монетами, позволили установить, что для ранних экземпляров характерен узкий S-образный конец; в XI в. он становится широким, сплющенным, притом с середины этого же века все чаще украшается рубчиками. S-конечные кольца, встречаемые на изучаемой территории, в массе своей принадлежат к ранним типам (Бельёв, кург №№ 25, 27 *, 30, 37 и др.; Пересопница, кург. №№ 1 *, 27, 28 и др.; Ставок, кург. № 3 *; Усичи, кург. № 8; Боремль кург. № 3; Новоселки Владимирские (без № кург.) и мн. др.) [7]. Височное кольцо, S-образный конец которого украшен рубчиками, найдено в погребении на горизонте (Ставок, кург. № 5).

О ранней дате многих ямных погребений свидетельствует также ряд других находок. В кург. № 15 у дер. Микуличи найдена серебряная арабская монета X в.; в кург. № 15 у с. Вчерайше — бусина, сделанная из серебряных пластинок, которые украшены полушаровидными выпуклостями (конец X—XI в.) [8]; в кург. у с. Хотимир — лунница (вторая половина X—XI в.); в курганах №№ 104 и 107 у дер. Вирков — конькообразные подвески (конец X—XI в.) и т. д.

Погребения в срубных гробницах исследователи единодушно относят к началу изучаемого периода.

На Волыни и Киевщине большинство этих погребений представляют собой срубы, впущенные в ямы.

Зольно-угольная подсыпка, обгорелые гробы и другие пережитки обряда трупосожжения также указывают на раннее время погребения. На Юго-Западе данные признаки в ямных погребениях встречаются часто. На Киевщине, например, они обнаружены не менее чем в четверти общего числа раскопанных курганов.

---

[5] Я. Эйснер. Начала чешских украшений. Památky archeologické, год XLVI, ч. 2, Praga, 1955, стр. 224.

[6] Д. Тёрёк. Могильник X—XIII вв. в Халимба-Череш. Folia archaeologica, т. VI, Budapest, 1954, стр. 207—208. О датировке S-конечных колец смотри также K. Musianowicz. Kabłączki skroniowe-próba typologii i chronologii. Swiatowit. т. XX, Warszawa, 1949, стр. 134, сл., табл. XII.

[7] Звездочкой * отмечены курганы с погребениями на горизонте; неотмеченные содержат погребения в ямах.

[8] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № XI, М., 1893, стр. 35, рис. 15; K. Jażdżewski. Cmentarysko wczesnośredniowieczne w Lutomiersku pod Lodzią w świetle badań r. 1949. Materiały wczesnośredniowieczne, т. I. Warszawa, 1951, стр. 171.

Некоторые исследователи без всяких оснований относят бедные погребения к числу поздних. Анализ материалов могильников Юго-Запада показал, что не менее 75% всего числа погребений являются бедными (малоинвентарными и безынвентарными). Отнести такую массу погребений (на горизонте, в ямах, а также бескурганных) к числу поздних нельзя, ибо в этом случае получим громадный рост числа языческих захоронений во второй половине XII—XIII в., что не могло иметь места. О ранней дате многих бедных погребений свидетельствует наличие в них пережитков культа огня. Имеется немало бедных погребений в срубных гробницах. Количество инвентаря в погребении, его разнообразие в большей степени зависит от племенной и социальной принадлежности погребенного, чем от времени свершения захоронения. Так, по подсчетам Б. А. Рыбакова, на радимичской территории в погребениях на горизонте встречается 65 типов вещей, а в погребениях в ямах — всего 17 [9]. Характерно, что семилучевые кольца радимичей в ямных погребениях не встречаются [10]. Аналогичное явление Б. А. Рыбаков обнаружил, изучая курганы Днепровского Левобережья [11]. Здесь в ямных погребениях не встречаются северянские спиралеобразные кольца. Оба обряда погребения на той и другой территории бытовали в одно время.

О том, что ямный обряд погребения у восточнославянских племен получил распространение отнюдь не позднее обряда погребения на горизонте, говорят также хорошо известные материалы киевских, черниговских, севернобелорусских и ряда других могильников [12]. И. П. Русанова по материалам древлянских курганов убедительно доказала, что различия в погребальном обряде (погребения в ямах, на горизонте и в насыпи) «являются чисто территориальными. Хронологических изменений в устройстве курганов проследить не удалось» [13].

Заканчивая рассмотрение вопроса о датировке погребений, необходимо подчеркнуть, что основные предметы украшений — височные кольца (простые, с заходящими концами, загнутоконечные, с напускными бусами и др.) имеют широкую дату распространения в пределах X—XIII вв. Указанное обстоятельство затрудняет определение поздних погребений, которых, кстати сказать, имеется немного, поскольку христианизация населения на Юго-Западе шла интенсивнее, чем где-либо.

Рассмотрим в качестве примера хронологическую таблицу курганов Волыни (табл. 1) [14]. Из 79 курганов, представленных в таблице, 50 (более 60%) курганов можно отнести к X—XI вв. Если учесть, что наличие зольно-угольной подсыпки и склепов тоже говорит о ранней дате погребения, то сравнительно поздних погребений окажется всего около 15. Не исключено, что и часть этих погребений следует отнести к X—XI вв. Действительно поздними окажутся лишь единицы курганов. Такую же картину дают курганы всего Юго-Запада. Общий вывод из таблицы: обряд погребения в ямах синхронен обрядам погребения на горизонте и в насыпи. Следовательно, обряд погребения является в первую очередь показателем

---

[9] Б. А. Рыбакоў. Радзімічы. Працы сэкцыі археолёгіі Інстытута гісторыі Беларускай Акад. навук, т. III, Менск, 1932, стр. 85—88, 102.

[10] Семилучевое кольцо в ямном погребении было обнаружено лишь один раз.

[11] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, №№ VI—VII, 1947, стр. 91—93.

[12] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 7 сл., Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, стр. 104—118; М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 220—230; Е. и В. Голубович. Славянские поселения правобережной Десны. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 135.

[13] И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным. СА, 1960, № 1, стр. 67.

[14] В таблицу включено 79 курганов из 20 могильников Волыни и трех могильников Верхнего Поднестровья (Хотимир, Городница, Жнибороды). Материалы остальных десяти могильников не могли быть использованы при составлении таблицы вследствие отсутствия покурганного описания находок. (Этот недостаток имеют публикации большинства курганов Верхнего Поднестровья и отчасти Киевщины.)

Хронологическая таблица курганов Волыни

Порядковый номер	Наименование могильника и номер кургана	Обряд погребения	Категории и типы предметов																	
			Височные кольца					Бусы								Перстни			Подвески
								металлические				стеклянные							
			простые	с заходящими концами	загнуто-конечные	S-конечные	разные	крупнозерненые	ажурные	мелкозерненые	каменные сердоликовые	с золотой прокладкой	цветные	глухое стекло	разные	проволочные	витые жгутовые	разные	
1	Белев, № 9	Яма									I								
2	Белев, № 25	Яма, пепелище		II		I								II					I лунница
3	Белев, № 30	Яма, пепелище	II			I									I посеребренные				
4	Белев, № 37	Яма, пепелище	II			I		II			I		II						
5	Пересопница, № 3	Яма, пепелище	II				«волынского» типа	II			I							с завязан. конц. и литой	
6	Пересопница, № 6	Яма, пепелище	II	II				II			I								
7	Пересопница, № 10а	Яма, пепелище		II		I													
8	Пересопница, № 10б	Яма, пепелище		II		I										II			
9	Пересопница, № 15	Яма, пепелище		II		I			II			I				II			
10	Пересопница, № 23	Яма, пепелище	II							I	I			II					
11	Пересопница, № 27	Яма, пепелище				I													
12	Пересопница, № 28	Яма, пепелище				I			II			I				II	II	I с завязан. конц.	
13	Пересопница, № 30 а	Яма	II	II								I							
14	Горка-Пол., № 7	Яма									I		II						
15	Поддубцы — Борохов, № 2	Яма		II			I с узловыми бусами												
16	Усичи, 8	Яма		II	II	I													
17	Боремль, № 3	Яма, склеп	II?			I										II?			
18	Новоселки Влад.	Яма				I											II		
19	Басов Кут, № 3	Яма, склеп, пепелище					I с завязанными конц.												
20	Рогачев, № 2	Яма		II		I													
21	Рогачев, № 6	Яма		II		I													
22	Ст. Жуков I, № 7	Яма, пепелище		II		I	I с узловыми бусами												

Таблица (продолжение)

Порядковый номер	Наименование могильника и номер кургана	Обряд погребения	Категории и типы предметов																		
			Височные кольца						Бусы								Перстни			Подвески
									металлические			каменные сердоликовые	стеклянные			разные				
			простые	с заходящими концами	загнуто-конечные	S-конечные	разные		крупнозерненые	ажурные	мелкозерненые		с золотой прокладкой	цветные	глухое стекло		проволочные	витые жгутовые	разные	
23	С. Жуков II, № 6	Яма, пепелище		II						II		I	I				II			
24	Ст. Жуков II, № 12	Яма, склеп, гроб обуглен.		II					II			I	I				II			
25	Городница-на-Днестре № 1	Яма	II	II		I							I I					II		II овальная
26	Городница-на-Днестре № 10	Яма											I							
27	Городница-на-Днестре № 11	Яма															II			
28	Хотимир, № 6	Яма		II			II конец завит в трубку							II				II		I лунница
29	Жниброды, № 1	Яма		II					II						II				II пластинчатый	I лунница
30	Белев, № 7	Горизонт							II			I							II витой из тонкой проволоки	
31	Белев, № 14	Горизонт, скелет обуглен	II			I						I					II			
32	Белев, № 18	Насыпь, пепелище	II				II витое				I	I	I	II		II хрустальная				
33	Белев, № 27	Горизонт	II			I	II с серебряной бусиной		II			I	I	II	II					
34	Белев, № 29	Насыпь, пепелище	II			I					I								II литой	
35	Пересопница, № 1	Горизонт	II			I											II			
36	Пересопница, № 8	Горизонт	II				I «волынского типа»				I	I								
37	Пересопница, № 16	Горизонт	II		II									II						

Таблица (продолжение)

Порядковый номер	Наименование могильника и номер кургана	Обряд погребения	Категории и типы предметов																		
			Височные кольца					Бусы							Перстни			Подвески
								металлические				стеклянные									
			простые	с заходящими концами	загнуто-конечные	S-конечные	разные	крупнозерненые	ажурные	мелкозерненые	каменные сердоликовые	с золотой прокладкой	цветные	глухое стекло	разные	проволочные	витые жгутовые	разные	
38	Пересопница, № 33	Насыпь, пепелище	II				I «волынского» типа	II		I	I	I	II			II					
39	Пересопница, № 34	Насыпь		II							I							II литой			
40	Ставок, № 3	Насыпь		II		I						I					II				
41	Лыща I, № 2	Горизонт, пепелище		II					II		I	I				II					
42	Лыща I, № 12	Горизонт, пепелище								I		I	II	II							
43	Лыща II, № 5	Горизонт				I												II витой из тонкой проволоки			
44	Крупа, № 2	Горизонт, пепелище	II							I											
45	Поддубцы 1, № 8	Горизонт				I				I											
46	Поддубцы 1, № 16	Горизонт	II			I			II				II								
47	Ст. Жуков I, № 1	Яма					I розетчатой бусиной														
48	Ст. Жуков I, № 4	Яма		II									II								
49	Ст. Жуков I, № 8а	Яма											II							II крестообразная	
50	Ст. Жуков I, № 8б	Яма					II пастовыми бусами														
51	Ст. Жуков I, № 9	Яма		II									II			II					
52	Ст. Жуков I, № 11	Яма, пепелище		II												II					
53	Белев, № 2	Яма, склеп	II					II						II				II литой			
54	Белев, № 3	Яма	II					II					II			II					
55	Белев, № 15	Яма, пепелище	II													II					
56	Белев, № 17	Яма, пепелище	II					II					II			II					
57	Пересопница, № 17	Яма, скелет обуглен	II														II				
58	Пересопица, № 2 (раск. Штейнгеля)	Яма	II					II													

Таблица (продолжение)

Порядковый номер	Наименование могильника и номер кургана	Обряд погребения	Категории и типы предметов																		
			Височные кольца					Бусы								Перстни			Подвески
								металлические				стеклянные							
			простые	с заходящими концами	загнуто-конечные	S-конечные	разные	крупнозерненые	ажурные	мелкозерненые	каменные сердоликовые	с золотой прокладкой	цветные	Глухое стекло	разные	проволочные	витые жгутовые	разные	
59	Корнино, № 1	Яма											II						II крестообразная
60	Колоденка, № 1	Яма, пепелище		II												II			
61	Колоденка, № 5	Яма					I со стекл. бусиной II с розетч. бусой		II				II						
62	Горка-Пол., № 1	Яма, склеп	II															II литой	
63	Новоселки Влад.	Яма		II													II		
64	Лыща I, № 4	Яма, пепелище		II			II с 4-мя различными серебр. бусами												
65	Поддубцы-Борохов, № 4а	Яма	II				II плоское орнаментированное						II	II					II крестообразная
66	Усичи, № 4	Яма	II												I розетчатая		II		
67	Вечулок, № 3	Яма	II														II		
68	Городок, Луцк.	Яма			II		II со стеклянной бусиной												
69	Хотимир, № 5	Яма		II													II		
70	Жниброды, № 2	Яма, пепелище		II													II		
71	Жниброды, № 5	Яма		II												II			
72	Жниброды, № 12	Яма		II													II		
73	Горка-Пол., № 6	Горизонт, пепелище			II											II			
74	Ставок, № 8	Горизонт	II			I													
75	Поддубцы I, № 10а	Горизонт						II						II					
76	Поддубцы I, № 11	Насыпь		II			II с зерненными бусами						II						
77	Теремно, № 1	Горизонт, пепелище															II		
78	Ст. Жуков II, № 1	Насыпь, пепелище															II		
79	Рогачев, № 5	Насыпь, пепелище	II													II			

Условные обозначения: I — предметы, характерные для X — XI вв.; II — предметы, характерные для X — XIII вв.

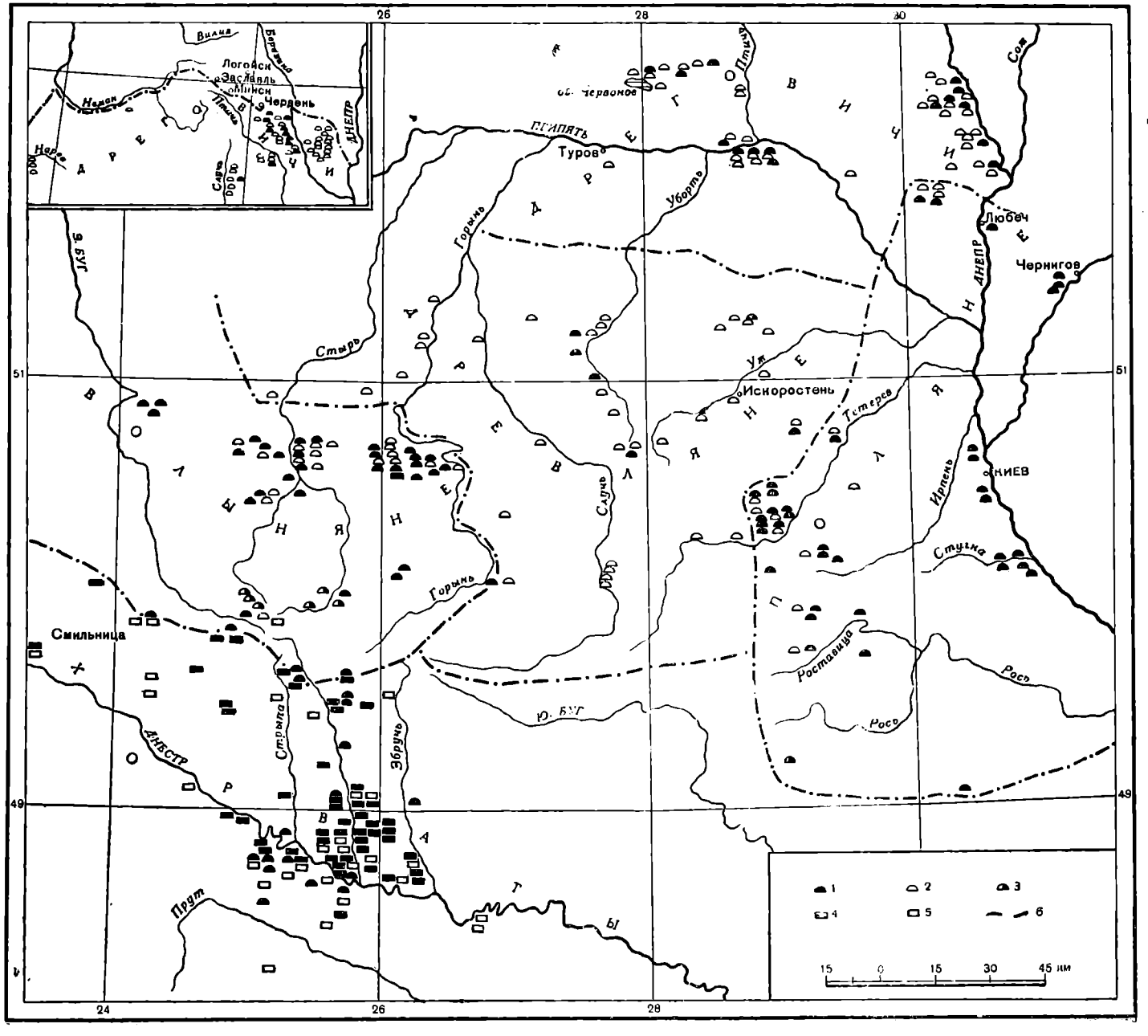


Рис. 1. Расселение юго-западной группы восточнославянских племен по материалам могильников X—XIII вв.

Условные обозначения: *1* — курганы с погребениями в ямах; *2* — курганы с погребениями на горизонте; *3* — курганы, обряд погребения в которых не установлен; *4* — подплитовые могилы; *5* — грунтовые могилы; *6* — границы между племенами

этнографической принадлежности кургана, а затем и хронологическим показателем в границах данной этнографической группы. Изменения обряда происходили не по линии перехода от погребений на горизонте к погребениям в ямах, а в каждом из названных обрядов. Изменялся не сам обряд, а его детали (изживались, например, пережитки обряда трупосожжения), изменялся в той или иной степени инвентарь. Картографирование обрядов

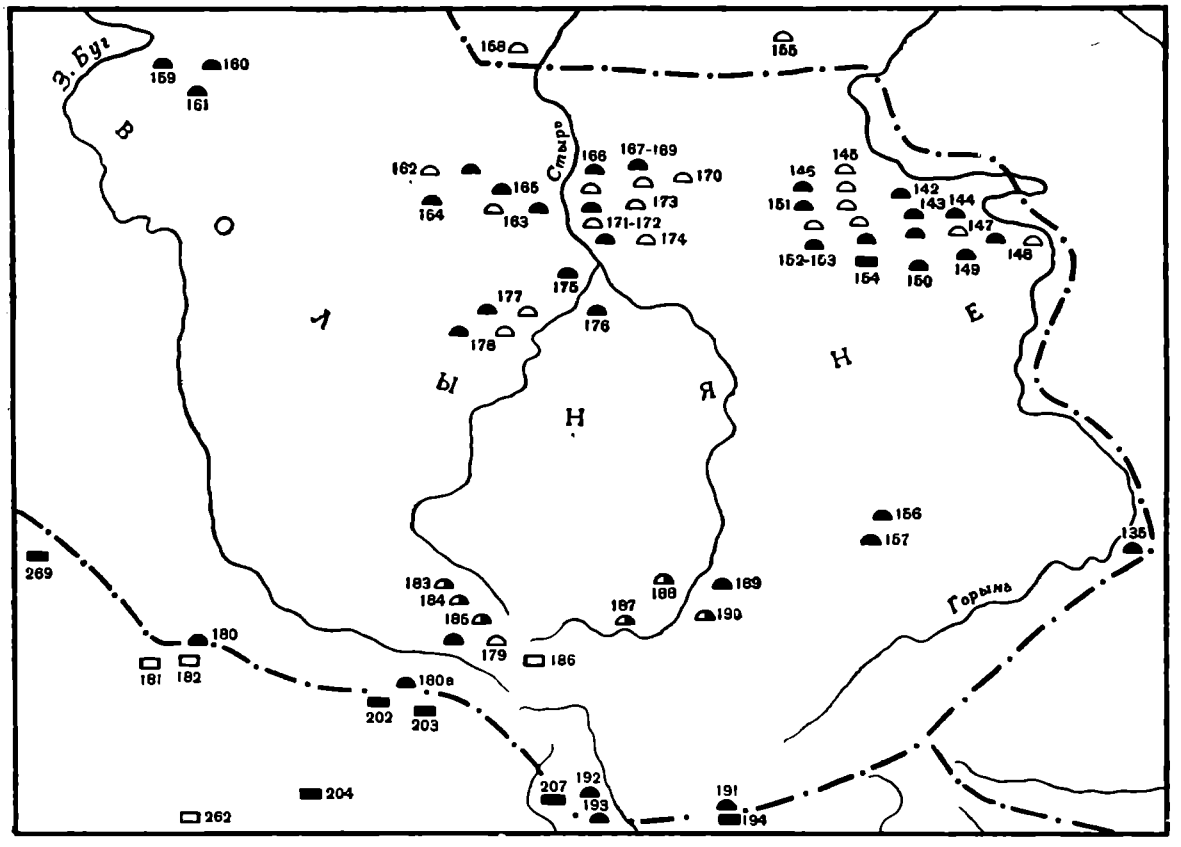


Рис. 2.

погребения и подсчет числа курганов с тем или иным обрядом в каждой из пяти областей Юго-Запада подтверждают данный вывод (см. карты (рис. 1 и следующие) и приложения I и II).

По обряду погребения исследуемые курганы делятся на три типа: в ямах, на горизонте и в насыпи. Последний тип можно рассматривать вместе со вторым типом, вариантом которого он, по-видимому, является. При подсчетах немногочисленные курганы с погребениями в насыпи включены в число курганов с погребениями на горизонте.

Картографирование обрядов погребения на территории Волыни (рис. 2) показало, что курганы с погребениями на горизонте сосредоточены в основном к северу от линии Ровно — Луцк. К югу от этой линии безраздельно господствует обряд погребения в ямах. Так, 16 могильников, находящихся к северу от линии Ровно — Луцк (Басов Кут, Лыща, Теремно, Крупа, Грабов, Берестяне, Великий Стыдин, Пересопница, Старый Жуков, Белев, Ставок, Поддубцы I—IV, Любча) дали 115 курганов с погребениями в ямах и около 110 с погребениями на горизонте. Показательно распределение курганов с этими обрядами по могильникам. Из 110 курганов с погребениями на горизонте 60 (54%) сосредоточено в шести могильниках, в которых имеются лишь три кургана с погребениями в ямах. В остальных могильниках преобладают курганы с погребениями в ямах (112/50). 22 могильника, находящиеся к югу и западу от линии Ровно — Луцк, дали более 200 курганов с погребениями в ямах и только 13—15 — с погребениями на горизонте.

Смешанность обрядов погребения на севере Волыни объясняется, видимо, неоднородностью племенного состава населения данного района, тогда как на юге этого нет.

В Житомирской, в северной и восточной частях Ровенской области в 33 могильниках раскопано свыше 250 курганов, из которых только 23 содержат погребения в ямах, а остальные — погребения на горизонте. Из 23 курганов с погребениями в ямах 13 (более 55%) находятся в трех отдельных могильниках (Андреевичи — «Сербиновка», Лопатичи, Зубковичи), а остальные 10 — в могильниках, в которых преобладали курганы с погребениями на горизонте (Речичи — 5/19; Головки — 1/6; Олевск «Под Одрами» — 2/4; Изяслав — 2/4). 11 курганов с погребениями в ямах имели в основании круг из камней — деталь, не характерную для всего Юго-Запада.

Таким образом, в данной области господствующим является, несомненно, обряд погребения на горизонте. В свете этого становится понятным присутствие курганов с погребениями на горизонте на севере Волыни. Надо полагать, что здесь проходила межплеменная граница. Необходимо учесть также, что по линии Пересопница — Луцк — Владимир пролегал важнейший торговый путь на Краков и Прагу.

В Верхнем Поднестровье известны два типа могильников: курганные и бескурганные (рис. 3). Первые немногочисленны, невелики (до 20 или немногим больше курганов в каждом), вторые распространены повсеместно и насчитывают по нескольку сотен погребений. Курганных могильников известно более 20, раскопки производились в 17 (раскопано около 60 курганов). Большинство этих могильников сосредоточено в северных районах Львовской и Тернопольской областей, т. е. в полосе, пограничной с Волынью. По обряду погребения (в ямах) и инвентарю они тождественны южноволынским могильникам.

Бескурганные могильники бывают двух типов: грунтовые и подплитовые. Между ними нет различий в деталях обряда и в инвентаре. К настоящему времени бескурганных могильников открыто свыше 70, из которых более половины содержат подплитовые погребения, около 30 — грунтовые, 5 — те и другие. Судя по инвентарю погребений, который в целом повторяет инвентарь курганных могильников Юго-Западной Руси, бескурганные (языческие) могильники Верхнего Поднестровья, несомненно, принадлежали восточнославянскому племени и бытовали в период X—XIII вв. [15].

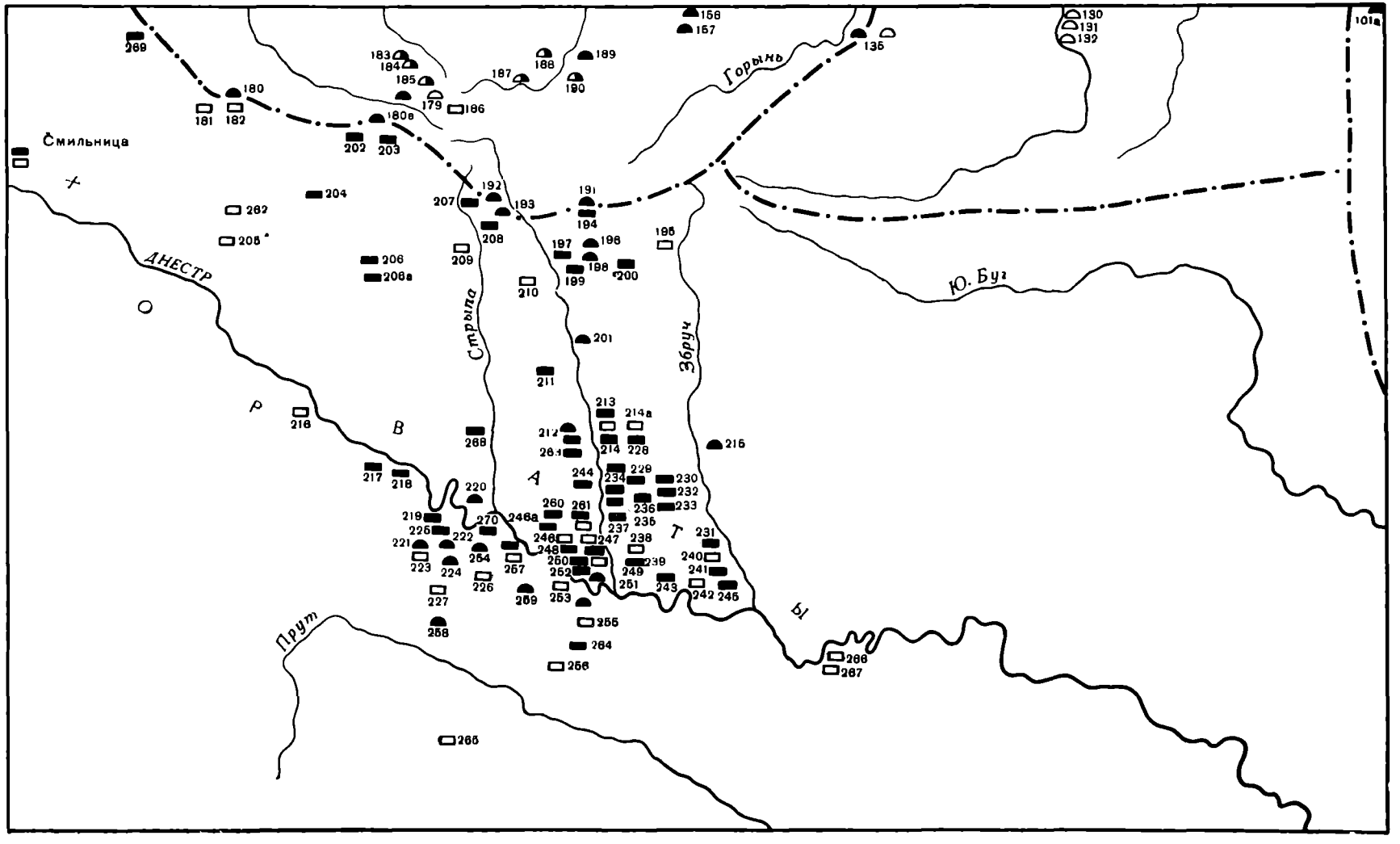
Смешанные могильники (с курганными и бескурганными погребениями) отсутствуют. Этот факт, а также синхронность обоих обрядов и одинаковое качество и количество инвентаря в погребениях (это говорит о том, что данные могильники не принадлежали различным социальным категориям) позволяют сделать заключение, что эти могильники оставлены различными этническими группами, бескурганные — местным населением, курганные — переселенцами с Волыни. Глубокое подчас проникновение одного типа могильников в область распространения другого является наглядной иллюстрацией тесных связей Волыни и Галиции, засвидетельствованных письменными источниками. Курганные могильники имеются, например, на правом берегу Днестра (Хотимир, Чертовец и др.), подплитовые — на Волыни (Тараканов под Дубно, Пересопница под Ровно). Волыняне и хорваты селились нередко рядом: у Городницы, Застенки, Пересопницы и близ некоторых других пунктов имеются курганные и бескурганные могильники.

Верхнее Поднестровье не является исключением среди земель восточных славян, где господствовал бескурганный обряд погребения. В землях уличей и тиверцев (Южное Побужье и Среднее Поднестровье) курганы

---

[15] W. Antoniewicz. Wczeshohistoryczne groby szkieletowe w Torskim. WA, т. VI, Warszawa, 1921, стр. 91 сл.

Рис. 3.


Смильница
ДНЕСТР
Стрыпа
Збруч
Горынь
Ю. Буг
Прут
158
157
135
130
131
132
101а
189
188
187
190
183
184
185
179
186
180
181
182
180а
202
203
192
207
193
191
194
204
282
205
208
209
206
206а
197
196
198
199
200
210
195
201
211
213
214а
214
228
212
264
216
215
217
218
268
220
244
229
234
230
232
233
236
235
237
231
240
241
245
270
246а
246
247
238
248
260
261
239
249
251
252
243
242
254
257
223
224
226
227
269
253
255
264
256
258
265
266
267

встречаются единицами. Надо полагать, что эти восточнославянские племена, как и их соседи — славянские племена, жившие на территории современной Румынии, Венгрии и Болгарии, в изучаемое время не насыпали курганов над могилами.

На Киевщине в 31 могильнике раскопано около 250 курганов, из которых свыше 200 содержат погребения в ямах и 41 — погребения на горизонте (рис. 4). 30 курганов (75%) из числа последних находятся в двух могильниках (Грубск — «Чертеж», Нежиловичи). Нежиловичский могильник, бесспорно, принадлежал радимичам. В нем восемь раскопанных курганов содержали трупосожжения, а шесть — трупоположения (на горизонте). В последних среди многочисленного инвентаря (например, бус, подвесок и т. п.) были семилучевые височные кольца. Если учесть, что в главном полянском городе — Киеве обряд трупоположения представлен только ямными погребениями, то нужно будет признать, что для полян был типичен обряд погребения в ямах (27 могильников дали более 200 курганов с погребениями в ямах и лишь 11—12 курганов с погребениями на горизонте) [16]. Наличие незначительного числа курганов с погребениями на горизонте в Грубских, Слипчицком, Городском и других могильниках вполне закономерно: они находятся в полосе, пограничной с областью, где данный обряд погребения господствует.

В Южной Белоруссии соотношение курганов с обрядом погребения на горизонте и в ямах не менее показательно, чем в вышерассмотренных областях (рис. 5). В б. Мозырском уезде в 19 могильниках раскопано свыше 170 курганов: 129 — с погребениями на горизонте, 35 — с погребениями в ямах и 8—9 — с трупосожжением. В б. Речицком уезде в 25 могильниках раскопано до 240 курганов: 144 — с погребениями на горизонте, 35 — с погребениями в ямах и около 60 — с трупосожжением. В б. Бобруйском уезде и на берегах р. Случи (т. е. в наиболее глухих местах) раскопано в 36 могильниках около 350 курганов: свыше 290 — с погребениями на горизонте, около 30 — с погребениями в ямах и 17 — с трупосожжением. 75 курганов из 100 с погребениями в ямах сосредоточены в 12 могильниках. Относительно высокий процент курганов с ямными погребениями в Мозырском и Речицком уездах следует объяснить их расположением на важных водных магистралях (на Днепре и Припяти) и близостью Киевщины, где ямный обряд погребения господствовал. В этом отношении показателен, например, Микуличский могильник (Речицкий у.). В нем раскопано три кургана с погребениями на горизонте и десять — с погребениями в ямах. Во многих ямных погребениях были предметы вооружения (боевые топоры, боевые ножи). Могильные ямы, как правило, обмазаны известью (эта деталь чаще всего встречается в могильниках Киевщины). Женские погребения здесь не обнаружены.

Очевидно, этот могильник оставлен населением какого-то военного поселка, располагавшегося где-то поблизости.

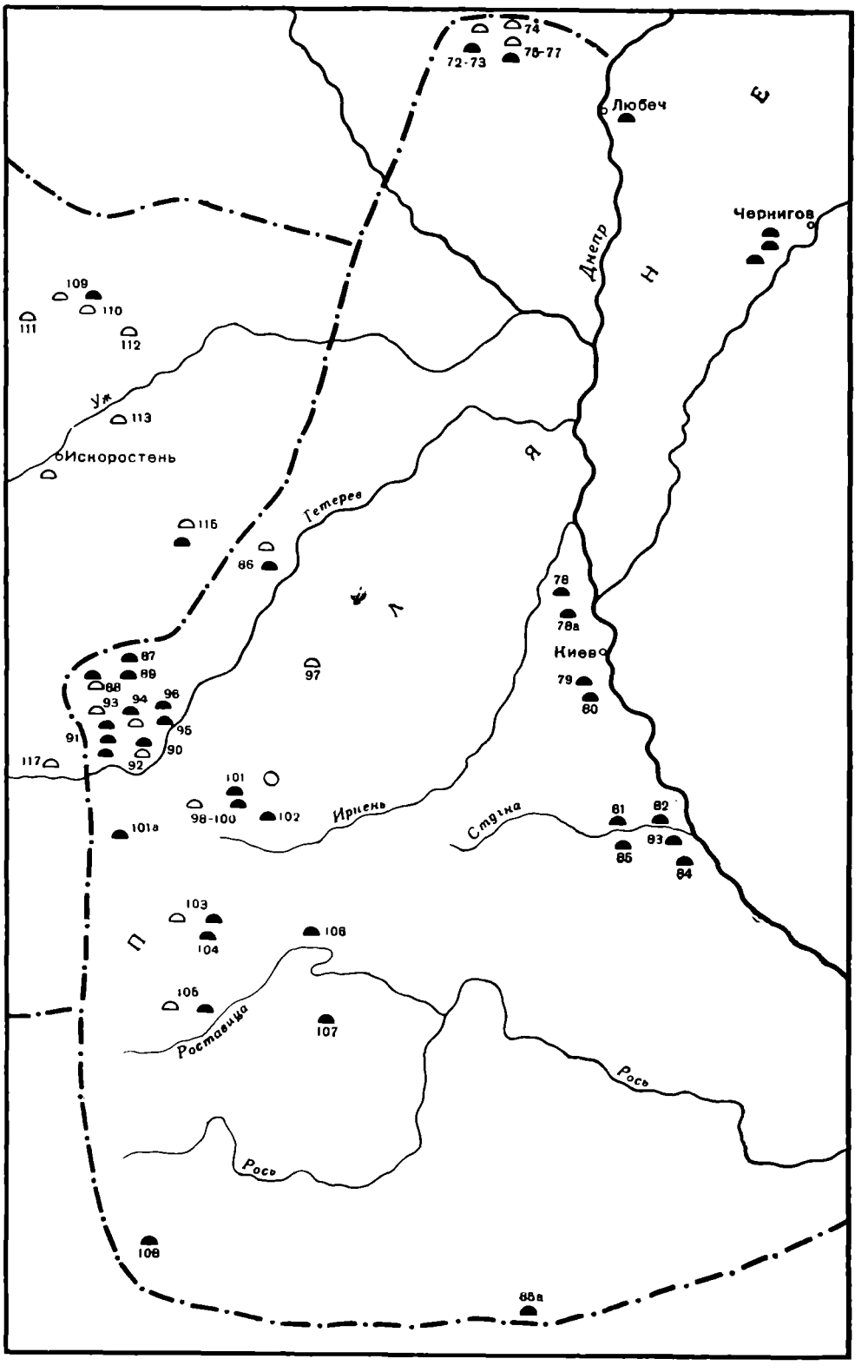
Большое количество курганов с трупосожжением в Речицком уезде можно объяснить тем, что поселения радимичей, у которых обряд трупосожжения бытовал еще в XI в., заходили на правый берег Днепра.

Анализ курганных материалов показывает, что в подавляющем большинстве могильников представлен лишь один обряд погребения. Статистические данные, как и картографические и хронологические, свидетельствуют о том, что обряд погребения является этнографическим признаком. Абсолютной чистоты в географическом размещении обрядов погребения нет.

Для X—XIII вв. это вполне закономерно, ибо период племенной замкнутости был давно пройденным этапом.

---

[16] В этот подсчет не вошли 125 погребений X в., открытых в различных некрополях самого Киева. См. М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 138—220.



Любеч
Чернигов
Днепр
Уж
Искоростень
Тетерев
Киев
Ирпень
Стугна
Рось
Рось
Роставица

Рис. 4.

Сопоставляя карту расселения юго-западной группы восточных славян, составленную на основе летописных и топонимических данных, с картой распространения обрядов погребения, можно уточнить границы расселения племен.

Н. П. Барсов, П. Иванов, А. Андрияшев [17] областью расселения дулебов (волынян) считали северо-западную и южную части нынешней Волынской, южную часть Ровенской, северные части Львовской и Тернопольской областей и восточную часть Люблинского воеводства современной Польши. У волынян бытовал ямный обряд погребения. Картографирование курганов с этим обрядом дает следующие границы: северо-восточная проходит несколько севернее линии Ровно — Луцк (Белев, Ст. Жуков, Пересопница, Теремно, Крупа, Усичи, Новоселки и другие могильники), восточная — примерно по линии Ровно — Изяслав (лишь местами переходя на правый берег Горыни), южная — от Изяслава к верховьям притоков Днестра — Збруча и Серета и далее к верховьям Западного Буга. Для уточнения западной и северо-западной границ расселения волынян не имеется достаточных материалов. Левобережье Западного Буга (от верховьев до г. Влодавы) было заселено, по-видимому, также волынянами (г. Волынь находился на левом берегу Западного Буга, у нынешнего с. Грудек Грубешовского повета). Работы польских археологов по изучению червенских городов помогут в будущем решить этот вопрос. Северо-западную границу невозможно уточнить по той простой причине, что все Волынское Полесье в археологическом отношении представляет собой белое пятно.

В Верхнем Поднестровье Н. П. Барсов и многие другие исследователи помещают хорватов. Если это так, то им принадлежали бескурганные могильники. Северная граница их расселения ясна, а остальные будут определены после того, как будут изучены могильники соседних племен. Можно отметить, что хорватские височные кольца крупнее волынских (те и другие с заходящими концами) и, в отличие от них, делались, как правило, не из круглой, а из граненой проволоки [18].

О древлянской земле и древлянах летопись упоминает вплоть до XII в., не указывая, впрочем, точных границ их расселения. По изысканиям Н. П. Барсова, древлянская земля на юге доходила до верховьев р. Случи (здесь древляне, по сведениям Константина Багрянородного, соседили с половцами), на западе граница шла по Горыни, на севере — параллельно Припяти и несколько южнее нее [19]. Восточная граница — самая неопределенная, ибо Н. П. Барсов говорит, что древлянская земля прилегала к полянской, но границ этой земли не дает. У древлян бытовал обряд погребения на горизонте. Могильники главных древлянских городов — Искоростеня и Овруча — дали только этот обряд [20]. Можно отметить, что древлянские височные кольца отличаются от полянских, волынских и дреговичских. Они простые, сделаны из очень тонкой проволоки, имеют небольшой диаметр (1—1,5 см). Полянские височные кольца массивнее древлянских (они тоже простые). Волынские и дреговичские височные кольца — с заходящими концами, причем дреговичские крупнее и массивнее волынских.

---

[17] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 86, 102—106, 120, 278 (примеч. 172); А. Андрияшев. Очерки истории Волынской земли с древнейших времен до XIV ст. Университетские известия, №№ 2—6, Киев, 1887, стр. 27—39; П. Иванов. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895, стр. 40 сл.

[18] В этом же плане интересен следующий факт: в X—XI вв. на Волыни бытовала глинобитная печь, а в Верхнем Поднестровье — печь-каменка.

[19] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, стр. 127 сл.

[20] И. П. Русанова полагает, что «древлянский тип курганов с трупоположением X—XII вв. был распространен на территории от Здвижа и Тетерева на юге до устья Горыни и Припяти на севере и от нижнего течения Ужа и Тетерева на востоке до междуречья Случи и Горыни на западе» (И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным, стр. 68).

Рис. 5.

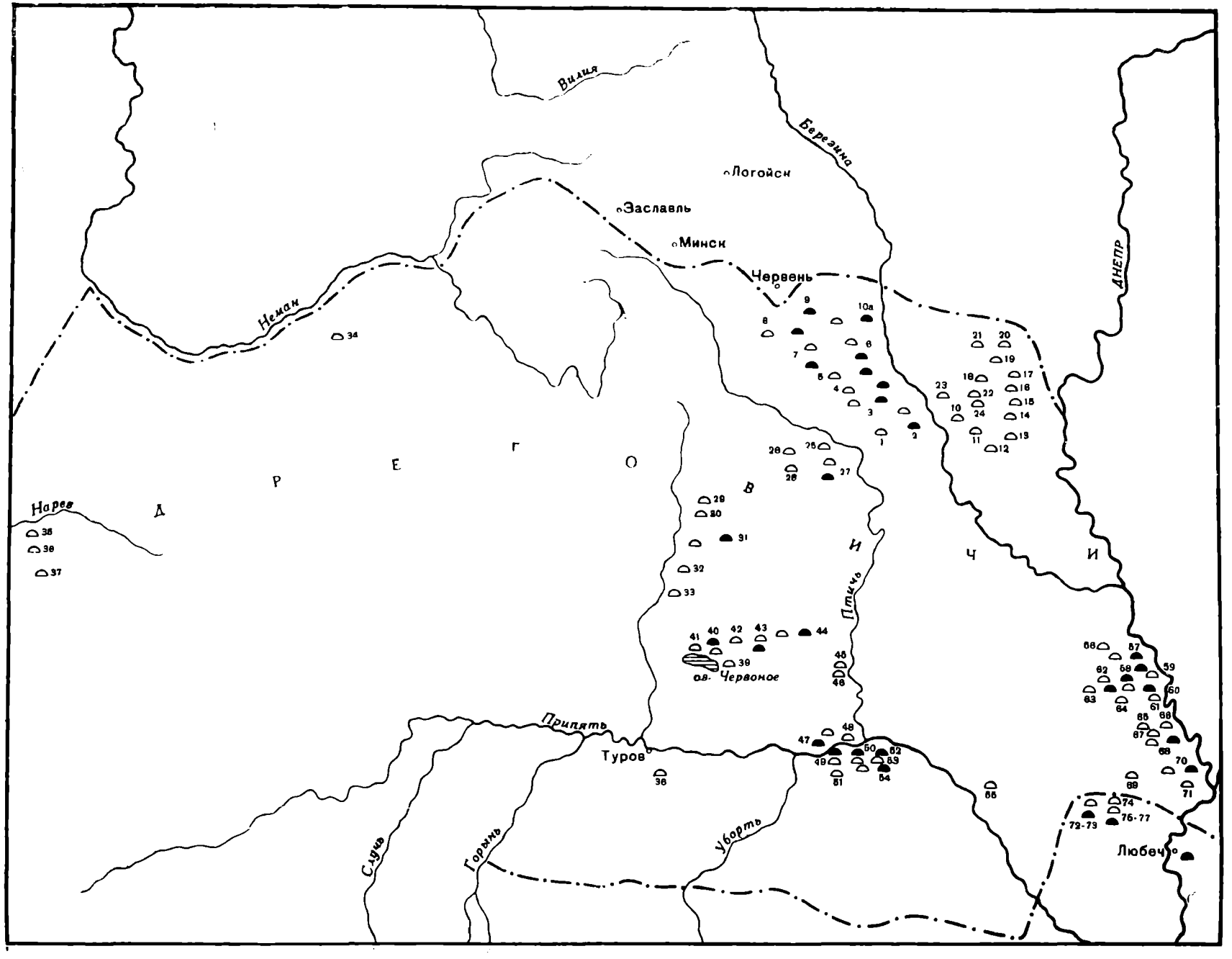
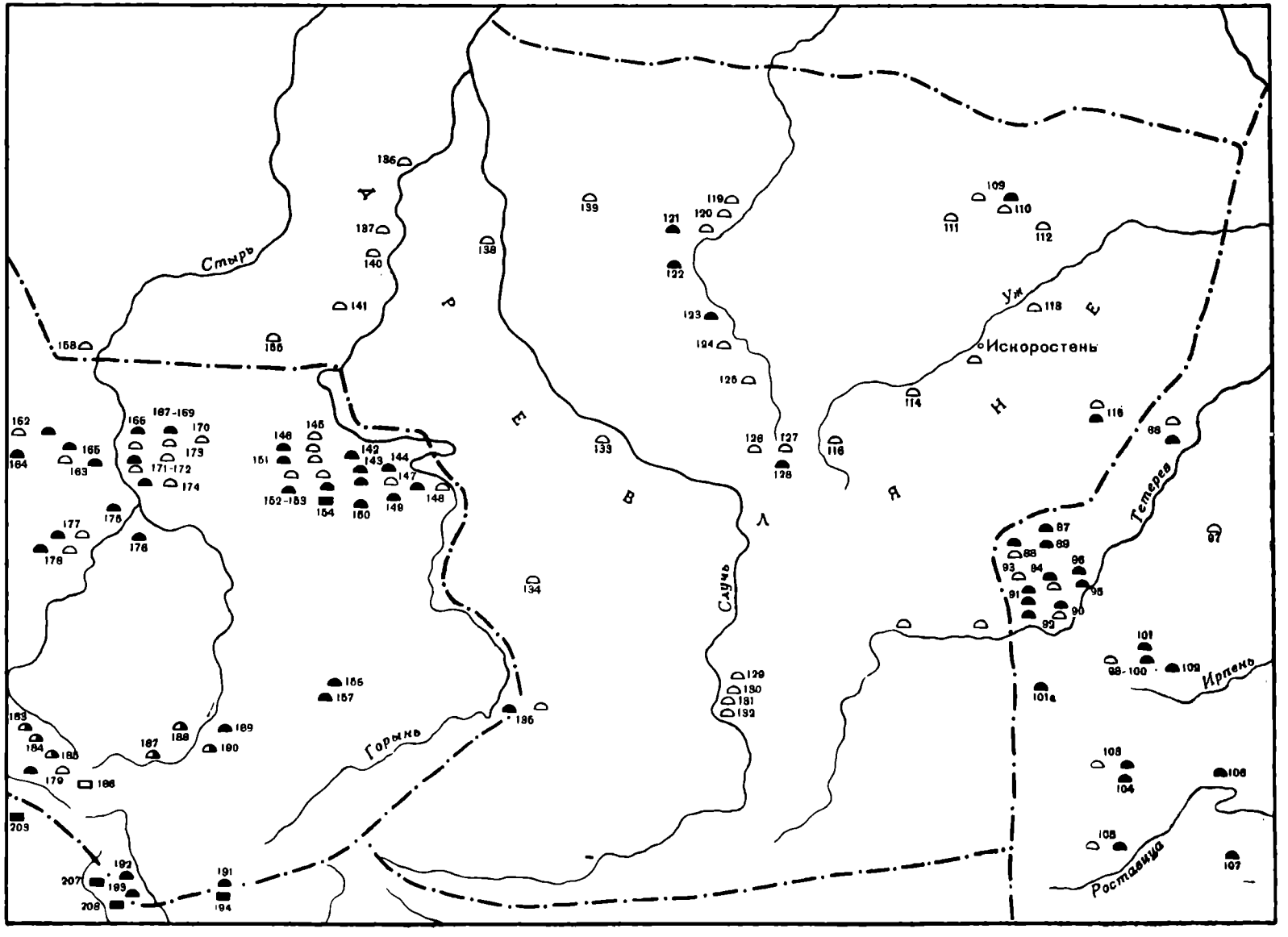

Вилия
Березина
Логойск
Заславль
Минск
Червень
Неман
Днепр
Д Р Е Г О В И Ч И
Нарев
Птичь
о.в. Червоное
Припять
Туров
Случь
Горынь
Уборть
Любеч

Рис. 6.



По материалам могильников, границы древлянской земли таковы: южная идет примерно по линии Изяслав — Житомир (Изяславский, Новомиропольские и Житомирский могильники), восточная — по линии Житомир — Овруч (Житомирский, Головкинский, Овручский и Речицкий могильники), северная — к северу от линии Овруч — Теклювка (Овручский, Речицкий, Олевский, Рокитнянский, Немовичский, Теклювский, Городецкий и Коростьский могильники). Последние три могильника находятся в украинской части низовьев Горыни. Не исключено, что соответствующие части низовьев рек Стыри и Стохода также были заселены древлянами, так как к северу от Луцка курганы с погребениями на горизонте встречаются часто. Западной границей древлян является земля волынян (рис. 6).

По летописным данным границы полянской земли проследить не удается. На основе распространения свойственного полянам ямного обряда погребения полянскую землю следует заключить в такие границы: южная — по р. Рось (Липовецкий, Сквирский, Ягнятинский, Вчерайшенский и Букинский могильники), западная — западнее линии Житомир — Овруч (Котельнинский, Стрыжовский, Студеницкий, Слипчицкий, Торчинский и Городищенский могильники). На севере полянская земля простиралась, по-видимому, севернее места слияния Припяти с Днепром и занимала треугольник, вершиной которого является устье Припяти, а основанием — линия Мозырь — Лоев. В этом районе достаточно много курганов с погребениями в ямах (на левом берегу Днепра на широте Лоева находится Любеч, могильник которого содержит только ямные погребения). Относительно восточной границы следует согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что часть Днепровского Левобережья с городами Черниговом и Любечем была заселена полянами [21].

Племенное имя дреговичей в летописи встречается до середины XII в. Земля дреговичей, по данным Н. П. Барсова [22], простиралась на севере до водораздела притоков Немана и Припяти (дреговичи заселяли и часть бассейна Немана и Вилии, где соприкасались с литовскими племенами) Города Изяслав (Заславль), Борисов, Логожск (Логойск), Дрютеск (Друцк) и Минск — кривичские города. На востоке земля дреговичей простиралась до Днепра, на юге — переходила на правый берег Припяти. (Н. П. Барсов говорит, что здесь дреговичи соседили с дулебами. Это не совсем точно: восточная половина южной границы — граница с древлянами, западная половина — граница с дулебами-волынянами.) На западе дреговичская земля доходила до среднего течения Западного Буга и его притоков. Здесь дреговичи жили чересполосно с мазовшанами.

Северная граница археологическими материалами подтверждается полностью. Уже могильники Игуменского и Минского уездов, а еще больше Борисовского уезда дают такие особенности в инвентаре и обряде погребения, которые в могильниках, расположенных южнее Минска, являются очень редкими или совершенно отсутствуют. В Центральной Белоруссии много, например, курганов с трупосожжением, которые во всех деталях повторяют курганы Смоленщины. Инвентарь курганов с трупоположением для курганов Южной Белоруссии не характерен (шейные гривны, ожерелья, состоящие из большого количества бус, металлических пронизок и разнообразных подвесок — лунниц, бубенчиков, коньков и т. п., браслеты, браслетообразные височные кольца). Этот инвентарь характерен для кривичских курганов [23]. Правда, в Центральной Белоруссии имеются курганы с типично дреговичским набором украшений (могильник № 4

---

[21] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 91—93; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 250.

[22] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии, стр. 124 сл.

[23] K. Tyskiewicz. O kurganach na Litwie i Rusi zachodniej. Berlin, 1868, табл. I—VII, IX, XII; T. Sopodżko. Poszukiwania archeologiczne w pow. Ihumeńskim, gub. Minskij. ZWAK, т. XII, 1889, стр. 57, 58.

у г. Заславля, отдельные курганы в Борисовском, Черниховщинском и в некоторых других могильниках) [24]. Для пограничного района это закономерно.

На северо-западе дреговичские поселения действительно доходили до бассейна р. Немана: могильник у с. Платово по обряду погребения и инвентарю — типично дреговичский [25].

На западе, в бассейне Западного Буга, дреговичские курганы и мазовецкие каменные могилы встречаются в одной и той же местности (Невярово — Сохи, Каменка, Обниж и др.) [26].

На востоке дреговичские поселения подходили к Днепру лишь местами, уступая часть правого берега радимичам. Южная граница дреговичей — граница с волынянами и древлянами. Эта граница подлежит еще дальнейшему уточнению, так как в настоящее время отсутствуют необходимые материалы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список могильников, помещенных на карте «Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв.»

1 — Ясень-Заречье (7/0)[1]; 2 — Ясень — Б. Лужа (9/2); 3 — Горожа (8/2); 4 — Горожки (12/1); 5 — Брицаловичи (12/1); 6 — Устиж (12/3); 7 — Перекаль (7/2); 8 — Леневка (13/5); 9 — Вирков (0/11); 10а — Несета (4/1); 10 — Любоничи (17/0); 11 — Мохровичи (14/0); 12 — Шараевщина (9/0); 13 — Волосовичи (33/0); 14 — Поповщина (1/0); 15 — Александровка (2/0); 16 — Селище (1/0); 17, 18 — Бродок (5/0); 19 — Пацева слобода (10/0); 20, 21 — Рудня (8/0); 22, 23 — Дворец (5/0); 24 — Кострицкая слобода (17/0); 25 — Усоки (1/0); 26 — Макаричи (4/0); 27 — Кармазы (5/2); 28 — Буденичи (9/0); 29 — В. Падзеры (9/0); 30 — Ив. Огородники (16/0); 31 — Митяевичи (26/1) 32 — Стомогил (13/0); 33 — Милковичи (6/0); 34 — Платово; 35 — Каменка; 36 — Обниж; 37 — Невярово-Сохи 38 — Рычево (19/0); 39 — Дьяковичи I (8/0); 40 — Дьяковичи II (7/3); 41 — Дьяковичи III (3/0); 42 — Студзеный колодезь (2/0); 43 — Ванюжичи (15/8); 44 — Комаровичи (22/3); 45, 46 — Копаткевичи (3/0); 47 — Мицюры I Глиница (15/0); 52 — Борисковичи-Курганы (0/7); 53 — Скриголовская слобода I (8/0); 54 — Скриголовская слобода II (1/6); 55 — Юревичи (1/0); 56 — Гориводы (5/0); 57 — За Свиридовским шляхом (4/2); 58 — Казазаевка (0/7); 59 — Горошков (6/0); 60 — Степановка I (11/1); 61 — Степановка II (1/0); 62 — Адамовка I (8/1); 63 — Адамовка II (7/3); 64 — Яновка (13/0); 65 — Холмечь-Дубовица (10/0); 66 — Холмечь-Заужелье (11/0); 67 — Холмечь-Казаков сад (2/0); 68 — Холмечь-Бригидов (1/1); 69 — Колпень (18/0); 70 — Мохов (15/1); 71 — Лоев (13/0); 72, 73 — Микуличи (3/10); 74 — Пашковка II (2/0); 75—77 — Пожарки I—III (14/9); 78 — Вышгород; 79 — Китаевская пустынь; 80 — Совки; 81 — Старые Безрадичи (0/2); 82 — Селище (0/2); 83 — Триполье; 84 — Витичев (0/5); 85 — Шучинка (0/1); 85а — Глубочка (0/1); 86 — Городище (1/2); 87 — Торчин (0/6); 88 — Слипчицы (1/5); 89 — Слипчицкий лес (0/1); 90 — Коростышев (1/9); 91, 92 — Стрыжовка (0/37); 93 — Студеница (1/14); 94, 95 — Городск (2/10); 96 — Минины (0/8); 97 — Нежиловичи (6/0); 98—100 — Грубск (28/15); 101 — Грубск IV (0/13); 101а — Котельня (0/4); 102 — Олешполь (0/10); 103, 104 — Вчерайше (1/15); 105 — Ягнятин (1/16); 106 — Буки (0/33); 107 — М. Сквира; 108 — Липовец (0/2); 109 — Речицы (19/5); 110 — Овруч (2/0); 111 — Норинск (3/0); 112 — Кацовщизна (4/0); 113 — Татарновичи (5/0); 114 — Веселовка (1/0); 115 — Головки (6/1); 116 — Бараши (1/0); 117 — Житомир (77/0); 118 — Буки Житомирские (3/0); 119 — Олевск (2/0); 120 — Олевск II (6/0); 121 — Олевск III (4/2); 122 — Лопатичи (0/2); 123 — Зубковичи (0/9); 124 — Подлубы (2/0); 125 — Эмильчин (3/0); 126 — Андреевичи I (4/0); 127 — Андреевичи II (2/0); 128 — Андреевичи III (0/2); 129—132 — Ульха-Мирополь (14/0); 133 — Устье; 134 — Аннополь (2/0); 135 — Изяслав (4/2); 136 — Теклювка (1/0); 137 — Городец (5/0); 138 — Немовичи (4/0); 139 — Рокитно (4/0); 140 — Корость (3/0); 141 —

---

[24] А. Н. Лаўданскі. Археолёгічные раскопки у м. Заслаўі Менскай акруги. Працы БАН, т. I, Менск, 1928, стр. 68.

[25] H. Gehak-Gotubowiczowa. Słowiańskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Płatowo w pow. i woj. Nowogródzkim. Ateneum Wileński, ч. XIII, z. I, Wilno, 1938. стр. 183 сл.; Ф. Д. Гуревич. Об археологических памятниках летописных ятвягов. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 110—120.

[26] K. Musianowicz. Przyczynki do osadnictwa mazowieckiego na Podlasiu w XII—XIII wieku. Swiatowit, т. XXI, Warzawa, 1955, стр. 246 сл.; А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении (Гродненская губ.). ЗОРСА, т. XI, вып. 1, новая серия, СПб., 1899.

[1] В скобках первая цифра указывает количество курганов с обрядом погребения на горизонте, вторая — количество курганов с обрядом погребения в ямах. Количество не указано в тех случаях, когда оно не указано в источниках.

Великий Стыдин; 142 — Городок Ровенский (0/15); 143 — Студинка (0/6); 144 — Карпиловка (0/2); 145 — Грабов (2/0); 146 — Рогачев (1/4); 147 — Басов Кут (3/4); 148 — Колоденка (1/14); 149 — Корнино (0/6); 150 — Здолбунов (0/1); 151 — Белев (12/23); 152 — Старый Жуков (1/11); 153 — Старый Жуков II (4/9); 154 — Пересопница (10/33); 155 — Берестяне; 156 — Сураж (0/13); 157 — Брыков (0/12); 158 — Любча; 159 — Устилуг (0/3); 160 — Новоселки Влад. (0/56); 161 — Зимно (0/7); 162 — Горка Полонная (1/7); 163 — Усичи (2/9); 164 — Городок Луцкий (0/1); 165 — Городище (0/6); 166 — Теремно (5/5); 167—169 — Поддубцы I, II, IV (42/12); 170 — Поддубцы III (4/0); 171, 172 — Лыща (13/16); 173 — Крупа (3/0); 174 — Ставок (7/2); 175 — Рыкани (0/45), 176 — Красне (0/8); 177 — Боремль (1/4); 178 — Вечулок (1/5); 179 — Подгорцы — Плисneск[2]; 180 — Каменнополь; 180а — Новоселки Львовские (0/1); 181 — Запытов; 182 — Ременов; 183 — Высоцкое; 184 — Заболотцы; 185 — Луговое; 186 — Ясенов; 187 — Тараж; 188 — Бухнев; 189 — Шпиколосы (0/2); 190 — Бодаки; 191 — Збараж; 192 — Осиповцы (0/1); 193 — Великий Глубочек (0/3); 194 — Грицивцы; 195 — Рожиськ; 196 — Чолганщина (0/7); 197 — Застенка; 198 — Застенка (0/6); 199 — Скоморохи; 200 — Остапове; 201 — Семенов (0/5); 202 — Лука; 203 — Подлипцы; 204 — Осталовичи; 205 — Городище; 206 — Лапшин; 206а — Урмань; 207 — Великая Плавуча; 208 — Почапинцы; 209 — Августовка; 210 — Ладичин; 211 — Могильница; 212 — Палашивка; 213 — Увисла I; 214 — Увисла II—III; 214а — Коцюбинцы; 215 — Гусятин (0/1); 216 — Крылос; 217 — Братишев; 218 — Нижнев; 219 — Делева; 220 — Жниброды (0/18); 221 — Хотимир (0/7); 222, 223 — Хотимир; 224 — Чертовец (0/2); 225 — Петров; 226 — Передивание; 227 — Джурков; 228 — Хомяковка; 229 — Иванков; 230 — Лосяч; 231 — Турыльче; 232 — Лановцы; 233 — Боршев; 234 — Верхняковцы; 235 — Волковцы; 236 — Глубочек; 237 — Бильче-Злоте; 238 — Короливка; 239 — Новоселки; 240 — Михалков; 241 — Нивра; 242 — Кудринцы; 243 — Горошева; 244 — Лисивцы; 245 — Ольховец; 246 — Торске; 246а — Бедриковцы; 247 — Мышков; 248 — Печорна; 249 — Колодрибка; 250 — Добровляны I—II; 251 — Ивано-Злоте; 252 — Жежава; 253 — Городница (0/9); 254 — Живачев (0/3); 255 — Васильев; 256 — Иванковцы; 257 — Копачинцы; 258 — Подгайчики (0/4); 259 — Семаковцы (0/3); 260 — Максимовка; 261 — Городок; 262 — Звенигород Львовский; 263 — Звиняч; 264 — Чуньков; 265 — Куты; 266 — Ленковцы; 267 — Веселовка; 268 — Звенигород; 269 — Глинск; 270 — Корниев.

Список литературы, на основе которой составлена карта и легенда к ней

Е. Н. Мельник. Раскопки в земле лучан. Тр. XI, АС, т. I, М., 1901, стр. 479 сл.; В. Б. Антонович. Раскопки курганов в Зап. Волыни. Тр. XI АС, т. I, стр. 134 сл.; его же. Археологическая карта Волынской губ. Тр. XI АС, т. I, стр. 1 сл.; его же. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, М., 1893; его же. Археологическая карта Киевской губ. М., 1895; Ф. Р. Штейнгель. Раскопки курганов в Волынской губ. АЛЮР, № 4—5, Киев, 1904, стр. 136 сл.; О. О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957; И. Д. Старчук. Раскопки городища Плиснеска в 1947—48 годах. АП, т. III, 1952, стр. 379 сл.; А. А. Ратич. Древнерусский могильник в с. Копачинцы. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 61; С. С. Гамченко. Отчет о раскопках у ст. Здолбунов. Архив ЛОИА, № 224 за 1913 г.; его же. Раскопки в бассейне р. Случи. Тр. XI АС, т. I, стр. 350 сл.; его же. Житомирский могильник. Житомир, 1888; его же. Городище и могильники в ур. Стуга (близ с. Студеница Житомирского у.). ЧИОНЛ, кн. 13, Киев, 1889, отд. II, стр. 3—95; его же. Отчет о раскопках в Волынской губ. Архив ЛОИА, д. № 56 за 1889 г.; Я. В. Яроцкий. Могильники по среднему течению р. Уборти. АЛЮР, № 3—4, Киев, 1903, стр. 173 сл., 329—331; его же. Краткий очерк о раскопке курганов Речицкого могильника. Тр. Общества исследователей Волыни, т. I, Житомир, 1902, стр. 92 сл.; О. А. Фотинский. Могильник каменной кладки в ур. «Княже» Новоград-Волынского у. (д. Эмильчин). АЛЮР, № 6, Киев, 1904, стр. 229 сл.; В. В. Хвойка. Отчет о раскопках в Овручском у. Волынской губ. Архив ЛОИА, д. № 149 за 1911 г.; Р. И. Выезжев. Раскопки курганов в Коростене и вблизи Овруча в 1911 г. Археология, т. IX, Киев, 1954, стр. 145 сл.; его же. Археологические исследования на территории УССР в 1955 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 61; И. Свешников. Поховання XI ст. н. э. в Смільніці біля Ст. Самбора. Архив Института археологии АН УССР, Киев; Е. В. Махно. Ягнятинская археологическая экспедиция. АП, т. III, стр. 164 сл.; Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949, стр. 104—118; М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 138—220; А. А. Спицын. Рукопись. Архив ЛОИА, д. 398, лл. 161, 169 и др.; В. З. Завитневич. Из археологической экскурсии в Припятское Полесье. ЧИОНЛ, кн. 4, Киев, 1890, стр. 1 сл.; его же. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. ЧИОНЛ, кн. 6, Киев, 1892, стр. 11 сл.; его же. Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губ. Тр. IX АС, т. I, М., 1895, стр. 221 сл.; его же. Отчет о раскопках в Мозырском у. Архив ЛОИА, д. 20 за 1889 г.; его же. Отчет о раскопках в Минской и Черниговской губ. Архив ЛОИА, д. 32 за 1890 г.; его же. Отчет о раскопках в Бобруйском у. Архив ЛОИА, д. 69 за 1892 г.; Н. Мышенков. Курганы Бобруйского у. Минской губ. Вестник археологии и истории, вып. 9, СПб., 1892, стр. 51 сл.; А. В. Успенская. Курганы Южной Бело-

[2] Количество раскопанных могил в бескурганных могильниках не указано.

руссии. Тр. ГИМ, Археологический сборник. вып. XXII, М., 1953; А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний в археологическом отношении (Волынская, Киевская, Минская и Гродненская губ.). ЗРАО, т. XI, вып. 1—2; А. Цинкаловский. Материалы к археологии Владимирского повета. Зап. НТШ, т. CLIV, 1934, Львов, стр. 2, 3, 262, 265; А. М. Покровский. Антропологические данные о типе черепов из волынских курганов. Тр. XI АС, т. II, М., 1898, отд. Протоколы, стр. 70—72; Волынские губернские Ведомости, № 78 за 1879 г. (курганы у с. Немовичи); ОАК за 1890 г., стр. 62; ОАК за 1892 г., стр. 52—55, 124—153, 396; ОАК за 1902 г., стр. 11, 12; ОАК за 1913—1915 гг., стр. 166, 167; ЗРАО, т. IV, новая серия, СПб., 1890, стр. 421 (курганы у г. Аннополя); ЗРАО, т. X, вып. 1—2, новая серия, СПб., 1898, стр. 326; ЗРАО, вып. 12, СПб., 1901, стр. 392; Киевская старина, т. XXIII, Киев, 1888, стр. 31 сл.; Киевская Старина, т. 71, Киев, стр. 60, 129 сл.; АП, т. I, Киев, 1949, стр. 86—90; АП, т. III, Киев, 1952, стр. 52, 395—400. 413, 414; Зап. НТШ, т. CXXII, Львов, 1917, стр. 10, 22, 25, 26; т. CLII, 1929, стр. 241; т. CLII, 1932, стр. 129; Антропологическая выставка, т. 2, М., 1878—1879, стр. 120, 145; Антропологическая выставка, т. 3, М., 1879, стр. 348; ЧИОНЛ, кн. 1, Киев, 1879, стр. 259; кн. 2, 1888, стр. 76—77; кн. 3, 1889, стр. 1—3; кн. 5, 1891, стр. 23—25; Археологические известия и заметки, т. IV, М., 1896, стр. 225; Працы БАН, т. II, Минск, 1932, стр. 365, 511; W. Olechnowicz. Cmentarżysko w Nowosilkach, pow. Włodzimirski, gub. Wołyńska. MAA, VI, Krakow, 1903, стр. 2—12; J. Fitzke. Badania w Grodku pow. Łuck. Swiatowit, т. XVII, Warszawa, 1938; стр. 338 сл.; I. Fitzke. Wczesnohistoryczne kurhany w Poddębcach w pow. Łuckim. WA, т. XVI, Warszawa, 1939—1948, стр. 335 сл., 363; B. Miszkiewicz. Cmentarżyski z Polski i Ziem osciennych. Materialy i prace antropologiczne. № 4, 1954, Wrocław, стр. 18; R. Jakimovicz. Szlak wyprawy kijowskiej Boleslawa Chrobrego w swetle archeologii. Rocznik Wołynski, т. III, Równe, 1934, стр. 54 сл.; B. Janusz. Zabytki przedhistoryczne Galicji Wschodniej. Lwów, 1918, scy. 56, 61—63, 71, 74, 83, 88, 90, 94 и др.; A. Kirkor. Pokucie pod względem archeologicznym. Krakow, 1876, стр. 65, 71, 72, 85; W. Antoniewicz. Archeologica Polski. Warszawa, 1928, стр. 242; W. Antoniewicz. Wczesnohistoryczne groby szkieletowe w Torskim. WA, т. VI, Warszawa, 1921; J. Bryk. Badania archeologiczne w Ostapiu na Podolu Swiatowit, т. XVI, Warszawa, 1936, стр. 129—131, 139, 140, 143; G. Ossowski. O grobach niecialopalnych w Myszkowie. ZWAK, XV, Krakow, 1891, стр. 93; T. Ziemięcki. Sprawozdanie z. Wycieczki archtelegicznej w r. 1883 dokonanej. ZWAK, т. VIII, 1884; T. Ziemięcki. Sprawozdanie z wycieczki archeologicznej w r. 1882 dokonanej. ZWAK, т. VII, 1883; T. Ziemięcki. Sprawozdanie z wyciezki w r. 1881 dokonanej. ZWAK, т. VI, 1882; G. Ossowski. Sprawozdanie z wycieczki paleoetnograficznej po Galicji w r. 1889. ZWAK, т. XIV, 1890; I. Sawicka. Sprawozdanie z badań archeologicznych w lecie 1926 r. na Wołyniu. PA, т. III, z. 3, Poznań, 1928, стр. 247, 287; W. Przybyslawski. Wstep z poszukiwań archeologicznych w Horodnicy nad Dnistrem w r. 1871. ZWAK, т. III, 1879; I. Kopernicki. Poszukiwania archeologiczne w Horodnice nad Dnistrem. ZWAK, т. II, 1878, стр. 9 и др; T. Sulimirski. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych w Malopolsce i na Wołyniu. Sprawozdanie z czynnosci i posiedzień. PAU, т. 42, № 8, Krakow, 1937, стр. 226; ZWAK, т. I, Krakow, 1877, стр. 15, 16 и др.; т. III, 1879, стр. 23—32; 127—129; т. V, 1881, стр. 67—69; т. XIV, 1890, стр. 40—49; т. XV, 1891, стр. 19—27, 39—42, 89—92; MAA, т. VI, 1903, Krakow, стр. 34 сл.; т. IV, 1900, стр. 116—118; WA, т. X, Warszawa, 1929, стр. 267; т. XIV, 1936, стр. 71; ZOW, т. VI, Poznań, 1931, стр. 87; т. VIII, 1933, стр. 24; т. X, 1935, стр. 24, 25, 32; т. XI, 1936, стр. 100.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ЛАДОГЕ

Древняя Ладога — сложный археологический комплекс, состоящий из ряда самостоятельных частей — Каменной крепости, «Земляного городища» и посада. Отдельные районы Ладоги изучены далеко не одинаково. Основное внимание исследователей за последние 50 лет сосредоточено на изучении «Земляного городища» [1]. Значительно слабее изучены территории Каменной крепости и посада. Вследствие этого соотношение между отдельными районами древней Ладоги до сих пор остается не выясненным. В. И. Равдоникас в своих работах по Ладоге данного вопроса не касается. С. Н. Орлов полагает, что основное ядро Ладоги с древнейших времен составляли два укрепленных поселения. Одно расположено на мысе при впадении речки Ладожки в Волхов (ныне территория Каменной крепости), второе находилось к югу от него (ныне «Земляное городище»). «Эти два укрепленных пункта и были древней частью Ладоги»,— пишет он [2]. Первое поселение С. Н. Орлов называет «самым ранним» и, судя по контексту, время его возникновения относит к VI в. [3]. Нижний горизонт второго поселения он датирует VI—VII вв. [4]. Предположение С. Н. Орлова о том, что второе поселение было с самого начала укрепленным, не может быть подкреплено какими-либо доказательствами. Существующие ныне валы «Земляного городища» насыпаны, как известно, на древнем культурном слое и не ранее XV в. [5]. О наличии оборонительных сооружений «Земляного городища» в более раннее время ничего не известно.

Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков также полагают, что более ранним является поселение на мысе (VI—VII вв.), площадь же «Земляного городища» была заселена позднее (в VII—VIII вв. [6] или в VIII в. [7]).

Казалось вполне правдоподобным, что если нижние слои «Земляного городища» относятся к VII или VIII в., то в Каменной крепости можно найти более древние горизонты, поскольку естественно предположить, что первоначальное поселение в районе Ладоги возникло именно на мысе при устье Ладожки. Однако данные разведок на территории крепости были слишком недостаточными для каких-либо определенных суждений о времени поселения на мысе. В 80-х годах XIX в., в связи с изучением стен и башен крепости, здесь копал Н. Е. Бранденбург. Он заложил две траншеи

---

[1] Сб. «Старая Ладога». Л., 1948; В. И. Равдоникас. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.), ч. I. СА, XI, 1949; В. И. Равдоникас. Старая Ладога, ч. II. СА, XII, 1950; Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. СА, XIV, 1950.

[2] С. Н. Орлов. Старая Ладога. Л., 1949, стр. 11—12.

[3] Там же, стр. 11.

[4] Там же, стр. 12—13.

[5] Н. И. Репников. Раскопки в городище Старой Ладоги. Сб. «Старая Ладога», Л., 1948, стр. 26—27; W. J. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 19, рис. 6.

[6] Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков: Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н. И. Репниковым в 1909—1913 гг. Сб. «Старая Ладога», стр. 73.

[7] Там же, стр. 75.

в северной части крепости. Выяснилось, что культурный слой, мощностью с 1,5 *м*, сильно попорчен поздними могилами и что находки в нем относятся преимущественно к позднему времени. Правда, попадались отдельные вещи и X в.[8], но в целом стратиграфия культурных слоев крепости раскопками Н. Е. Бранденбурга выяснена не была. В 1938 и 1949 гг. во время работ Ладожской археологической экспедиции АН СССР под руководством В. И. Равдоникаса было заложено два небольших раскопа против Тайничной и Воротной башен. Эти материалы не опубликованы.

С целью выяснения стратиграфии культурных напластований в крепости в 1958 г. во время работ Ладожской археологической экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса был заложен небольшой раскоп. На этот раз раскопки были перенесены на юго-западную часть крепости, где, по ряду соображений, можно было надеяться найти участок, менее порченный поздними захоронениями. Раскоп, размером в 32 *м*^{2}, был заложен в 20 *м* к западу от церкви Георгия, и на его площади было обнаружено лишь одно погребение (XVIII—XIX вв.).

Культурный слой на месте раскопа оказался более мощным, нежели в северной части крепости. Материк залегает здесь на глубине 2,30 *м*[9]. Сразу же под дерном показались плиты пешеходной дорожки и субструкции каменного крыльца колокольни XIX в., а ниже, на глубине до 1,8 *м*, шел мощный аморфный слой перекопанного гумуса, насыщенного известковой щебенкой, булыгой, человеческими костями из поздних разрушенных погребений, керамикой X—XIX вв., железными коваными и фабричными гвоздями, монетами XIX в. и другими поздними предметами (рис. 1).

На глубине 1,8 *м* слой перекопанного гумуса кончился и показался белый песок, покрывавший слошным слоем (толщиной 0,1—0,35 *м*) бóльшую (восточную) часть раскопа. Находок в нем не было. В западной части раскопа слой белого песка отсутствовал. По сообщению главного архитектора Специальной научно-реставрационной производственной мастерской Леноблисполкома А. А. Драги, при реставрационных работах в крепости в 1956 г. было установлено, что на уровне фундамента церкви Георгия и примерно на том же уровне, что и в раскопе 1958 г., лежит слой белого кварцевого песка. Происхождение данного слоя, обнаруженного не только непосредственно у церкви, но и в 25 *м* от ее западной стены, окончательно еще не установлено. Возможно, что он связан со строительством церкви. Поэтому его можно датировать примерно XII в.

Под белым песком залегал слой плотного гумуса (толщиной 0,25—0,4*м*), насыщенного углем, железным шлаком и значительным количеством вещей. По составу и характеру находок данный слой идентичен горизонту Д «Земляного городища», т. е. по принятой датировке напластований городища он может быть датирован X в. Особенно значительное скопление угля, кузнечного шлака (более 3300 *кг*), а также фрагментов стенок разрушенного горна обнаружено вдоль северной стенки раскопа. Как на данном скоплении, так и вокруг него найдены обломки тиглей со следами бронзы на внутренних стенках, напильник с поперечной нарезкой (рис. 2, *10*), шило и резец (рис. 2, *11, 12*), брусок из серого сланца, много железных предметов и среди них — три черешковые ромбические стрелы (рис. 2, *1—3*), две лодейные заклепки (рис. 2, *5, 6*), два ножа (рис. 2, *7, 8*), гвоздики, скоба, кусочек бронзовой ленты (рис. 3, *1*), кружок из светлого песчаника, отщеп рога, обпиленный с торцов, и др. Здесь же найдена фрагментированная поделка из кости — узкая трехгранная пластинка, две грани которой орнаментированы штрихован-

---

[8] Например, так называемый светильник в траншее у Стрелочной башни (плоская глиняная бляшка с отверстием). См. Н. Е. Бранденбург. Старая Ладога. СПб., 1896, стр. 174, примеч. 2.

[9] Все измерения велись от постоянного репера крепости — нижней линии лестничного окошка северного прясла западной стены церкви Георгия. Реперная точка выше дневной поверхности в районе раскопа в среднем на 0,2 *м*.

ными треугольниками (рис. 3, *3*). Найдены также 32 бусины и пронизки, преимущественно стеклянные — желтый и синий бисер; синие и белые круглые уплощенные; зеленая, синие, золоченые и серебрёные пронизки. Бусы: крупная шаровидная белая; черная в виде трубочки с тремя поперечными желтыми рельефными поясками; белая круглая уплощенная с красной плетенкой, тождественная бусине, найденной в 1958 г. в одном

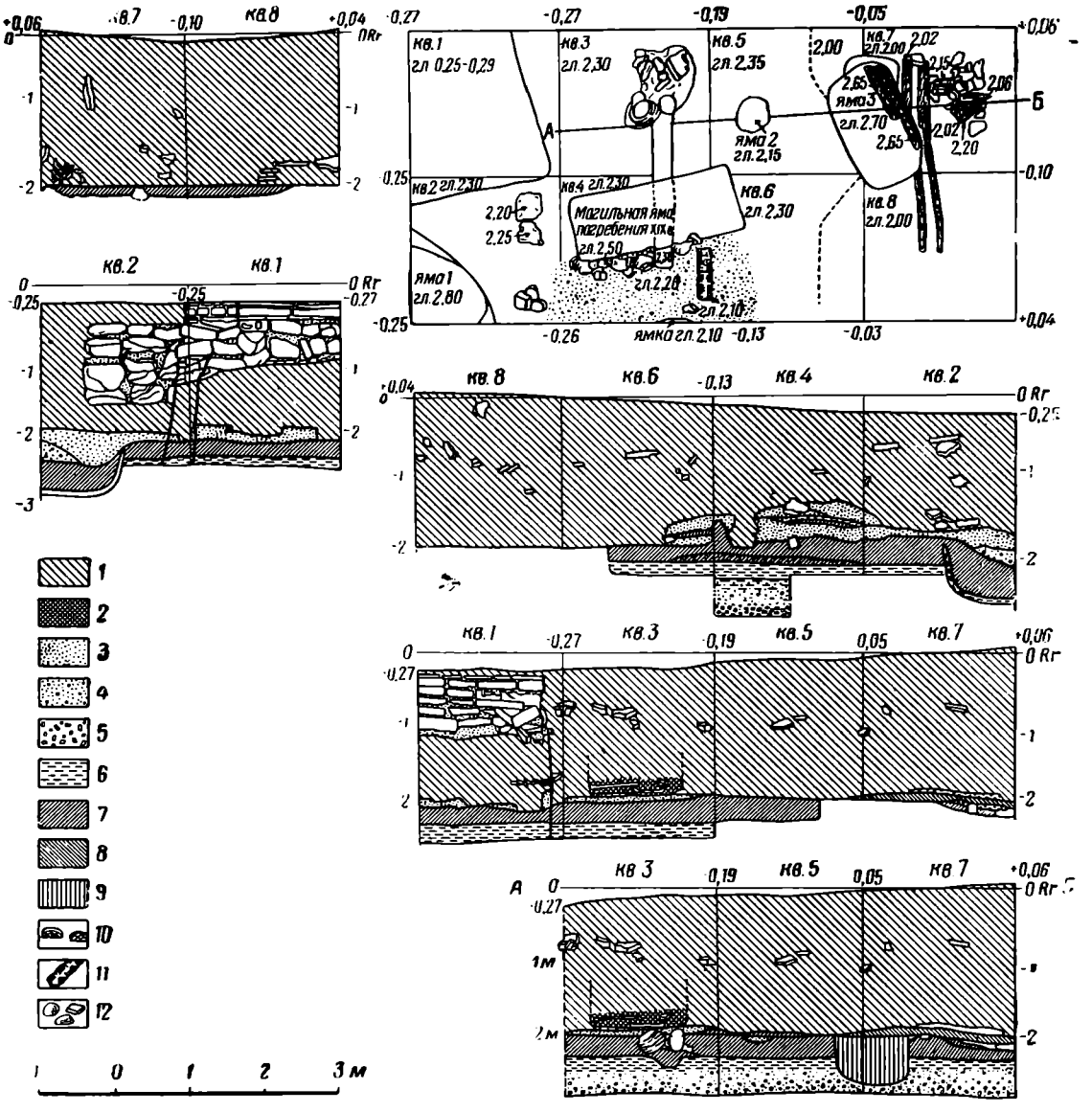


Рис. 1. Ладога, крепость, шурф 1958 г. План и разрезы.

1 — мешаный гумусный слой XIII—XIX вв.; *2* — позднее погребение; *3* — белый песок XII в.; *4* — желтый песок; *5* — галечник; *6* — глина (4—6 — материк); *7* — гумусный слой; *8* — гумусный слой X в., выброшенный из ямы № 3; *9* — яма XII—XIII вв.; *10* — дерево; *11* — обгорелое дерево; *12* — камни

из жилищ горизонта Д на «Земляном городище». Найден обломок крупной янтарной бусины, два фрагмента круглых пастовых бус — красной и оранжевой и обломок плоской прямоугольной мозаичной бусины из кирпично-красной пасты с желтой и зеленой инкрустацией.

Большая часть керамики принадлежит лепным сосудам (рис. 4), некоторые подправлены на круге. Тесто грубое, с большой примесью кварцевого песка. Венчики прямые или слегка отогнутые, есть фрагменты сосудов с ребром. Следует отметить фрагмент верхней части крупного (диаметром 0,19 *м*) лепного сосуда с ребром, имевшего производственное назначение,— на внутренних стенках его обнаружены следы меди (рис. 3, *4*). Найдено также несколько обломков посуды, сделанной на гончарном круге,

с волнистой и линейной орнаментацией. Неподалеку от остатков разрушенного горна расчищена часть большой полусферической ямы, стенки которой обмазаны толстым слоем материковой глины (рис. 1, *2—4*). В яме тот же состав находок, что и в окружающем культурном слое: лепная керамика, большое количество костей животных, куски железного шлака.

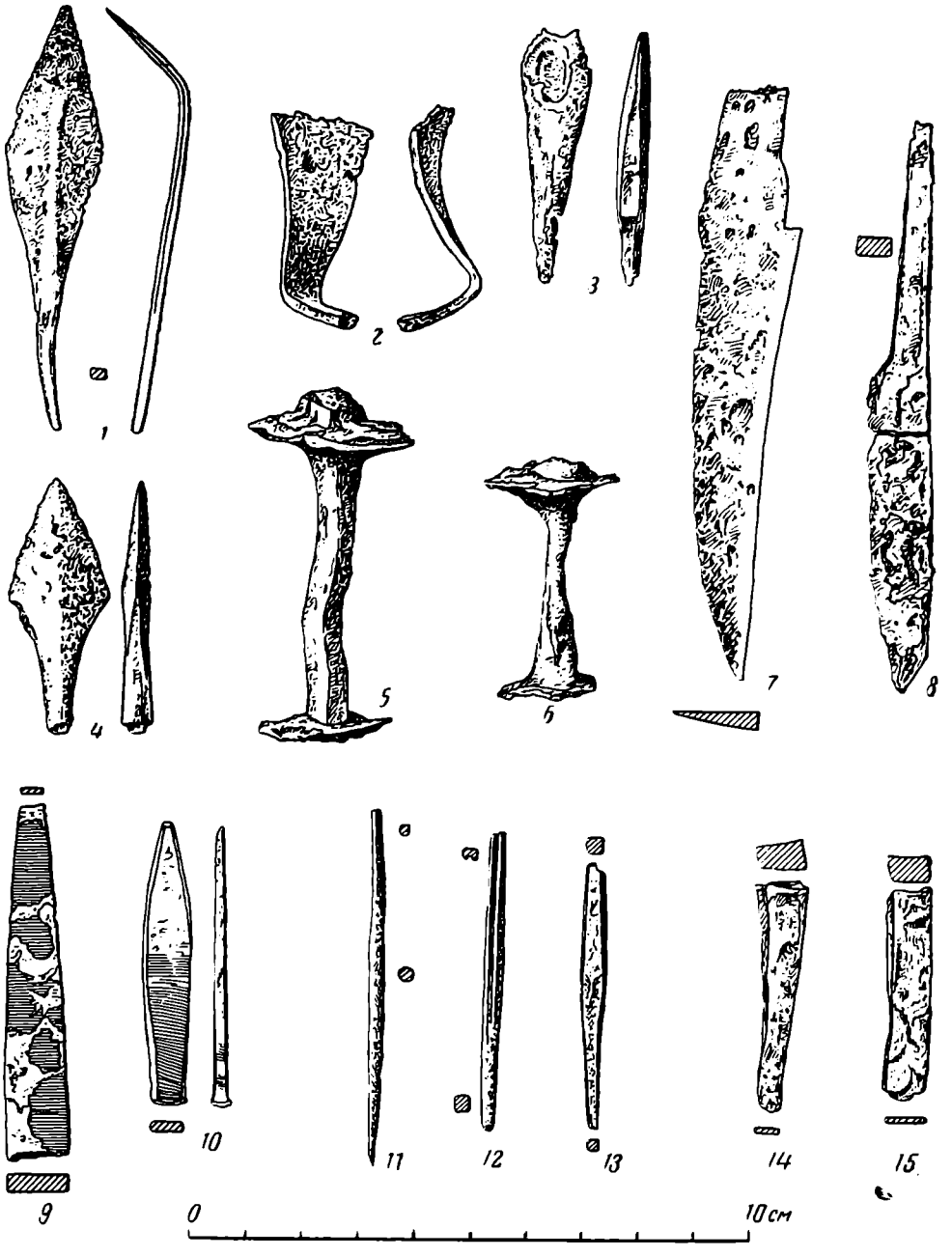


Рис. 2. Железные вещи из слоя X в.

железные предметы и среди них — ромбическая черешковая стрела (рис. 2, *4*), напильник с поперечной нарезкой (рис. 2, *9*), а также семь бусин — золоченые пронизки и стеклянный бисер. Кроме того, в яме найдена серебряная тисненая пятиугольная нашивная бляшка (рис. 3, *2*). Судя по составу находок как в яме, так и вообще в культурном слое, в восточной части раскопа вскрыт комплекс, связанный с обработкой железа и бронзы. Границы его проследить не удалось ввиду незначительных размеров изученной территории. Остатки бытового инвентаря свидетельствуют о близости жилья. В западной части раскопа культурный слой был таким же.

Ниже гумусного слоя с находками X в. на глубине 2,3 *м* лежит слой серой материковой глины толщиной 0,15 *м*, постепенно переходящей в желтый глинистый песок с мелкой галькой.

Таким образом, раскопки в крепости, несмотря на незначительные размеры исследованной площади, дали интересные результаты. Они пока-

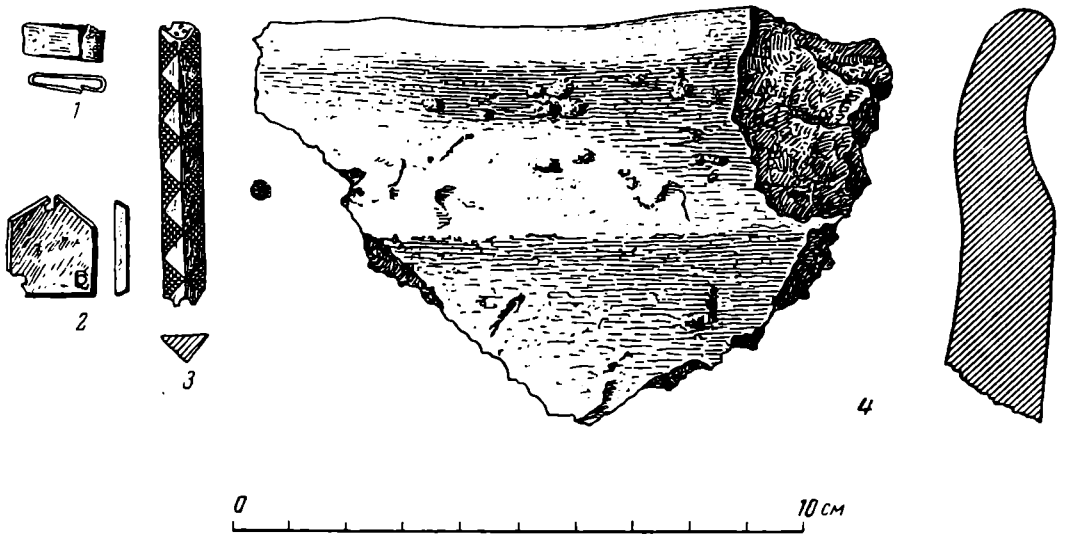


Рис. 3. Вещи из слоя X в.

1 — бронзовая лента; *2* — серебряная бляшка; *3* — изделие из кости; *4* — обломок сосуда для плавки меди

зали, что в крепости сохранились нетронутые островки древнего культурного слоя. Размеры их могут быть различны, и поиски их следует продолжать. Исследование культурного слоя в крепости может дать ценные материалы для понимания облика поселения на мысе. Важнейшим результатом работ 1958 г. в крепости следует считать отчетливое под-

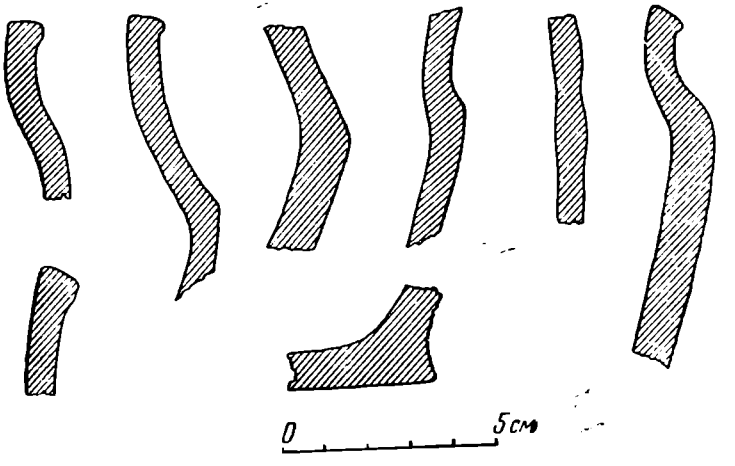


Рис. 4. Лепная керамика из слоя X в.

тверждение прежних, недостаточно определенных данных о времени заселения территории крепости. Культурный слой здесь лежит непосредственно на материке, в то время, как синхронный ему горизонт Д «Земляного городища» лежит на мощном культурном слое предшествующих столетий. Следовательно, представление о том, что поселение на мысе возникло раньше, чем на территории «Земляного городища», оказалось ошибочным. Поселение на мысе, как это ни странно, моложе поселения на «Земляном городище». Данных для объяснения этого явления в настоящее время еще недостаточно, поэтому некоторые соображения, изложенные ниже, должны рассматриваться лишь как сугубо предварительные.

Для открытого поселения, каким было древнейшее поселение на территории «Земляного городища», занятое им плато, ограниченное с юга оврагом, могло быть вполне подходящим местом. Рядом с неукрепленным поселением, на мысе, примерно в X в. возникло укрепленное поселение. С двух сторон оно было защищено Волховом и Ладожкой, а с третьей — валом и рвом. Мощный вал и сейчас проходит по южному краю Каменной крепости между Раскатной и Климентовской башнями. На гребне вала раскопками Н. Е. Бранденбурга[10] и повторной расчисткой П. А. Раппопорта[11] было зафиксировано три-четыре ряда кладки из плиты — остатки каменной стены крепости. Под остальными стенами крепости валов нет — каменные стены вдоль течения Волхова и Ладожки стоят непосредственно на поверхности мыса. Следовательно, до постройки каменной крепости укрепленное поселение на мысе представляло собой типичное мысовое городище с валом с напольной стороны и рвом, отрезающим мыс от плато «Земляного городища». Время сооружения вала и рва до проведения специальных работ не может быть установлено окончательно. Однако древнерусские мысовые поселения, укрепленные мощным валом с напольной стороны, наиболее характерны для X в., в то время как с XI в. поселения большей частью имеют вал уже не только с одной напольной стороны, а по всему периметру площадки[12]. Поэтому естественнее всего предположить, что вал синхронен поселению на территории крепости, т. е., что он был насыпан в X в. Не исключена возможность, что русло Ладожки проходило в древности вдоль всей западной стороны мыса, а не только на участке от Стрелочной до Воротной башен. В настоящее время южного берега у Ладожки, строго говоря, нет. Вся площадь между Ладожкой и земляными бастионами представляет собой заболоченную низину. Вероятно, в период своего возникновения вал и ров шли от одного водного рубежа до другого, т. е. от Волхова до Ладожки, целиком отрезая мысовую часть от плато «Земляного городища».

В настоящее время еще трудно окончательно определить причину, по которой в непосредственном соседстве с поселением на «Земляном городище» возникло второе и к тому же укрепленное поселение. Ответ на данный вопрос можно искать пока лишь в материалах более изученного «Земляного городища». Под горизонтом Д «Земляного городища» лежит мощный культурный пласт — горизонт Е. В. И. Равдоникас и Г. П. Гроздилов отмечают, что тип жилищ и состав находок горизонта Е существенно отличаются от жилищ и находок вышележащего горизонта Д. Большие дома горизонта Е с печью в центре и хозяйственными постройками, разбросанными по усадьбе, существенно отличаются от небольших тесно поставленных изб с печью в углу горизонта Д. Большие дома горизонта Е В. И. Равдоникас считает жилищами патриархально-семейного типа, маленькие же избы горизонта Д — жилищами малой семьи[13]. Данные наблюдения совершенно правильны и чрезвычайно интересны.

---

[10] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 306—307 и табл. XLI. Выяснив, что по южному краю городища идет не каменная стена, а вал, Н. Е. Бранденбург почему-то не придал этому никакого значения.

[11] П. А. Раппопорт. Из истории военно-инженерного искусства древней Руси. МИА, № 31, 1952, стр. 138.

[12] Во всяком случае, в начале XII в. вал уже существовал и в 1114 г. вошел в состав каменных укреплений крепости. О существовании вала в Ладоге в начале XII в. сообщает только Ипатьевская летопись: «...заложена бысь Ладога камением на приспе...» (Ипатьевская летопись под 1114 г. ПСРЛ, т. 2, Пг., 1923, стр. 273). Кстати, в сообщении Ипатьевской летописи нет прямого указания на постройку в Ладоге «каменного города», о котором говорят все четыре Новгородские и Псковская II летописи. Поэтому, строго говоря, перед исследователями каменной крепости должен был бы встать вопрос: по всему ли периметру мыса были в 1114 г. возведены каменные стены или только на валу с южной стороны мыса?

[13] В. И. Равдоникас. Ук. соч., ч. II, стр. 29 сл.

Но в настоящее время нас интересует несколько иной вопрос, связанный не столько с социальной, сколько с политической историей Ладоги.

Сильный пожар на границе микрогоризонтов E_1 и E_2, уничтоживший на всей исследованной территории постройки горизонта E_2[14], является, по-видимому, своего рода рубежом в истории Ладоги. И хотя и после пожара население некоторое время продолжало возводить большие дома с площадью в несколько десятков квадратных метров, горизонт E_1 отложился на городище настолько слабо, что на ряде участков постройки горизонта E_1 полностью отсутствуют[15]. На некоторых участках сохранились лишь бессистемно разбросанные бревна. В. И. Равдоникас полагает, что постройки горизонта E_1 сильно пострадали в период интенсивного строительства следующего периода — горизонта Д[16]. Нам кажется, однако, что дело не в этом. Известно много случаев, когда постройки и горизонта Д, и горизонта Е возводились на одном и том же месте до трех раз и при этом нижние венцы более древних построек не были уничтожены при возведении построек более поздних. «На месте одного разрушившегося строения возводилось новое, по традиции повторявшее ту же планировку, нередко с сохранением размеров предшествующей постройки»[17]. Интенсивное строительство шло в течение всего периода Д, но последующие постройки того же периода не уничтожили остатков более ранних строений. То же самое можно сказать и о постройках горизонта Е. В 1947 г. на одном и том же месте было раскрыто три больших дома. При этом обе древние постройки (микрогоризонтов E_3 и E_2) сохранились во всех своих деталях, а от самой поздней (горизонта E_1) остался только каркас, хотя непосредственно над ней не было возведено никакой капитальной постройки[18]. Представляется, что плохая сохранность построек горизонта E_1 связана не столько с интенсивностью строительства вообще, сколько с коренными изменениями, происшедшими в планировке всего поселения на границе строительных периодов E_1 и Д. Вместо свободно и бессистемно расставленных крупных домов горизонта E_1, окруженных хозяйственными постройками, на поселении периода Д появились ряды мелких изб, тесно прижатых друг к другу и вытянутых вдоль настилов и мостков. Никакой постепенности в переходе к новой системе застройки на вскрытой площади не наблюдается. Переход к новой планировке и одновременно к новому типу жилищ очень резок. Не исключена возможность, что перепланировка была в какой-то мере принудительной. Существенно, что в отложениях горизонта E_1 найден пока единственный на территории «Земляного городища» клад дирхемов (762—860 гг.)[19], попавший в землю в конце IX в. Новая застройка горизонта Д по времени совпадает с появлением укрепленного поселения в устье Ладожки. Естественно возникает вопрос: не связаны ли тревожные события, начавшиеся для жителей «Земляного городища» с общего пожара (E_2) и закончившиеся коренным изменением всего облика поселка, с появлением на мысе новой группы людей? С изменением внешнего облика поселения в культурном слое появляются не встречавшиеся ранее амфоры, скандинавские вещи, пирьки и пр.[20].

В какие же хронологические границы укладывается этот переходный в истории Ладоги период? Датировка отдельных горизонтов Ладоги в настоящее время еще не установилась. В литературе в основном приняты датировки В. И. Равдоникаса: горизонт Д — X в., горизонт E_{1-3} —

---

[14] Там же, стр. 11—13 и 20; Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 155.

[15] В. И. Равдоникас. Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг. КСИИМК, вып. XII, 1951, стр. 34 (горизонт E_1 ошибочно назван горизонтом E_3); Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 155.

[16] В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 34.

[17] Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 148, рис. 8.

[18] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, ч. I. СА, XI, рис. 5, кв. 0, I, II, III — ВГДЕЖЗ; СА, XII, рис. 3, кв. те же; рис. 4, кв. те же; рис. 5, кв. те же и рис. 6.

[19] Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 166.

[20] Г. П. Гроздилов и П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 82.

VII—IX вв. (рис. 5). Но существуют и иные датировки [21]. Наименее разработана хронология микрогоризонтов E_1—E_3. В. И. Равдоникас определяет только крайние хронологические границы толщи Е — VII—IX вв. [22], Г. П. Гроздилов детализирует датировку. В статье, посвященной раскопкам 1948 г., он относит древнейший строительный период (E_3) к VII—VIII вв., следующий (E_2) — к VIII—IX вв., последний же микрогоризонт толщи Е (E_1), который в раскопках 1948 г. отсутствовал, Г. П. Гроздилов не датирует и переходит непосредственно к горизонту Д, который относит к IX—X вв. [23]. Таким образом, для микрогоризонта E_1 в хронологической шкале Г. П. Гроздилова места не остается. Возможно, он считает период E_1 кратковременным, в чем с ним нельзя не согласиться.

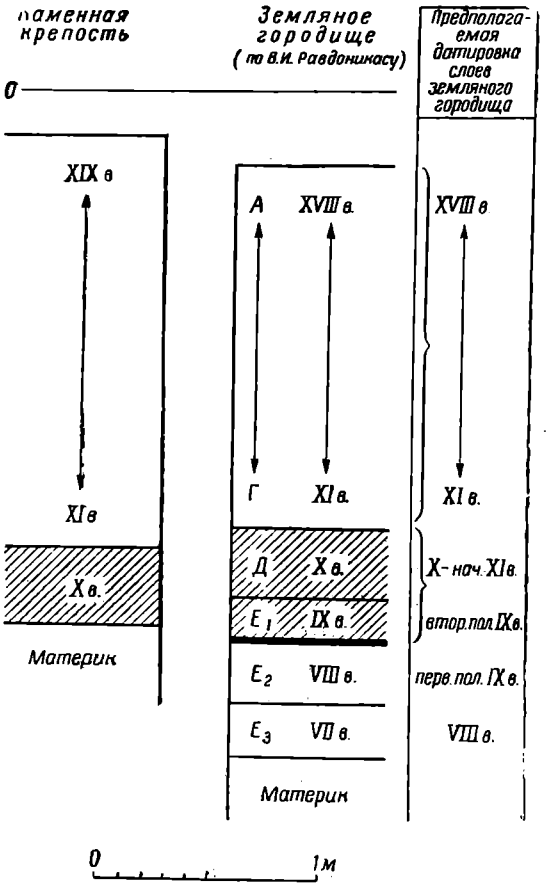


Рис. 5. Ладога. Схема залегания культурных наслоений и их датировка

Нам представляется, что для уточнения датировки отдельных микроорганизмов толщи Е (а тем самым и интересующих нас событий в истории Ладоги) можно было бы привести несколько дополнительных соображений. Датировка горизонта Д, данная В. И. Равдоникасом (X в.), нам кажется более отвечающей действительности. Для определения времени гибели строений горизонта E_1 концом IX в. может служить клад дирхемов (762—860 гг.), найденный в этом горизонте. Возможно, что со временем пожара построек горизонта E_2 следует связывать два больших клада восточных монет, найденных к юго-западу от «Земляного городища» близ дер. Княжчино. Первый клад, известный в литературе в виде нескольких находок, связанных с 1874—1875 гг., состоит из монет 539—640 гг. (41 экз.) и 808 г. (9 экз.) (сасанидских, сасанидо-арабских и арабских) [24]. Следовательно, клад мог быть зарыт в первой половине или середине IX в. От второго большого клада, найденного в 1884 г., сохранилось лишь восемь дирхемов примерно того же времени (772—804 гг.) [25]. Поэтому пожар горизонта E_2 можно было бы датировать примерно серединой IX в., а самый горизонт E_2 — первой половиной IX в. Горизонт же E_1,

---

[21] Горизонт Д Г. П. Гроздилов и С. Н. Орлов датируют IX—X вв., Н. И. Репников и П. Н. Третьяков — X—XI вв. Горизонт Е С. Н. Орлов датирует VI—VII вв., Г. П. Гроздилов — VII—VIII вв., Н. И. Репников — VII—IX вв. и П. Н. Третьяков — VIII—IX вв.

[22] В. И. Равдоникас. Ук. соч., ч. II, стр. 35—38.

[23] Г. П. Гроздилов. Ук. соч., стр. 150, 160—162 и 166.

[24] А. К. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, стр. 32, 33, №№ 179—181; Р. Р. Фасмер. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. ИГАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 268, примеч. 5; его же. Список монетных находок, зарегистрированных секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920—1925 гг. Сообщ. ГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 291, № 38; его же. Завалишенский клад куфических монет VIII—IX вв. ИГАИМК, т. VII, вып. 2, 1931, стр. 11—12 и 19, № 56.

[25] А. К. Марков. Ук. соч., стр. 140, доп. № 26.

по-видимому, относится ко второй половине IX в. Следовательно, период, в течение которого произошли существенные изменения в жизни поселения на «Земляном городище», мог бы определиться в границах середины IX — рубежа IX и X вв.

Существующее в работах В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова деление всей толщи культурных напластований «Земляного городища» на горизонты Е и Д основано в первую очередь на различиях в типе жилищ. С этой точки зрения рубеж между строительными горизонтами намечен совершенно правильно. Однако с точки врения политической истории Ладоги граница между двумя различными периодами должна быть намечена несколько глубже. Исторический рубеж проходит не по границе горизонтов Е и Д, а по границе микрогоризонтов E_2 и E_1 (рис. 5).

С чем же может быть связано появление в X в. укрепленного поселения в устье Ладожки, по соседству с существовавшим ранее поселением на «Земляном городище»? Принадлежали ли жители обоих поселений к одной этнической группе или это были представители различных этнических групп? Материалы X в. на «Земляном городище» из горизонта Д и синхронного ему слоя на территории Каменной крепости не вызывают сомнений в принадлежности их славянам. Материалы горизонта Е В. И. Равдоникас в последнее время также связывает со славянами, хотя и отмечает, что «в безусловно славянских памятниках Восточной Европы мы пока не знаем прямых аналогий ладожским большим домам» [26]. В одной из более ранних своих работ В. И. Равдоникас (вслед за Н. И. Репниковым) считал древнейшие горизонты «Земляного городища» принадлежащими финнам [27]. Решить данный вопрос можно будет лишь после тщательного изучения материалов горизонта Е и сопоставления их с синхронными славянскими и финскими материалами. С другой стороны, следует подумать, не являются ли происшедшие изменения результатом начавшегося процесса феодализации и захвата феодалами свободного общинного населения. Ведь и в других северных русских городах, Новгороде, Пскове, Белоозере, древнейшие слои, как и на мысовом городище Ладоги, восходят также лишь к X в. Ни в одном из вышеуказанных городов нет слоев, синхронных горизонту Е «Земляного городища» Ладоги. Это заставляет с особым вниманием отнестись к интерпретации материалов горизонта Е.

История древней Ладоги очень сложна. Детально изучен лишь один из ее участков — «Земляное городище». Значительно менее понятны территории Каменной крепости и огромного посада, раскинувшегося подле поселений. Следует отметить ошибочность недавно появившейся тенденции к отысканию каких-то самостоятельных селищ в непосредственной близости от Каменной крепости и «Земляного городища» [28]. «Селища», обнаруженные разведками в нескольких десятках метров от обоих поселений, есть не что иное, как выходы культурного слоя ладожского посада. К сожалению, это ошибочное утверждение уже проникло в печать [29]. Определение времени появления посада и его границ в различные периоды является также одной из очередных задач изучения Ладоги. Важнейшим источником для решения многих вопросов, в том числе и этнических, являются окружающие Ладогу могильники, систематическое изучение которых еще не начато.

---

[26] В. И. Равдоникас. Ук. соч., ч. II, стр. 34.

[27] W. J. Raudonikas. Ук. соч., стр. 19 и 23.

[28] Отчет о разведках в Старой Ладоге А. С. Каманцевой. Архив ИА АН СССР, Р-I, № 1647, л. 15.

[29] Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИА АН СССР в 1957 г. СА. 1958, № 2, стр. 335.

Г. К. ВАГНЕР

АРКАТУРНО-КОЛОНЧАТЫЙ ФРИЗ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА В г. ЮРЬЕВЕ-ПОЛЬСКОМ (1230—1234 гг.)

Среди вопросов, связанных с реконструкцией Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.), очень важное место занимает вопрос о первоначальном виде его междуярусного аркатурно-колончатого пояса или фриза. Этот фриз сохранился только в центральном и западном делениях северного фасада, а также в северной трети западного фасада [1]. Фриз состоит из колонок, поставленных базами на полочку отступающей стены и соединенных трехлопастными с килевидным верхом арочками. Поверх арочек проходит резной карниз. Между колонками вставлены белокаменные плиты с большими (0,7—0,8 *м*) резными фигурами святых.

Судя по аналогии с предшествующими памятниками владимиро-суздальского зодчества, можно думать, что фриз был «круговым», т. е. он охватывал целиком северный, западный и южный фасады Георгиевского собора и проходил по верху апсид. Исчезновение фриза с апсид, с южного фасада и значительной части западного и северного фасадов объясняется тем, что собор обрушился и эти части были переложены В. Д. Ермолиным в 1471 г.

До сих пор неизвестно, как проходил фриз по средней части западного фасада. Неизвестно также, как первоначально размещались рельефные фигуры во фризе, частью сохранившиеся во фризе и в кладке В. Д. Ермолина, частью погибшие, многих ли фигур нехватает. Вот вопросы, которые необходимо решить в первую очередь.

Нельзя сказать, что вопросы эти ставятся впервые. Исследованием Георгиевского собора много занимался К. К. Романов [2]. Колончатому фризу он посвятил специальную работу [3]. К. К. Романов проанализировал технику устройства фриза, определил те его части, которые сохранились in situ, выявил много резных фигур в кладке В. Д. Ермолина, относящихся к фризу, определил центральную композиционную группу — деисус. Он пришел к заключению, что резные фигуры всего колончатого фриза составляли вместе с центральным деисусом единственный в своем роде деисусный «чин», развернутый на трех фасадах собора [4]. Однако К. К. Романов оставил нерешенным самый главный вопрос: как же проходил фриз по западному фасаду собора?

---

[1] А. А. Бобринский. Резной камень в России. М., 1916, табл. 23, *1, 2;* табл. 24, *2, 3, 6.*

[2] См. К. К. Романов. Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. ИАК, вып. 36. СПб., 1910, стр. 70—93; его же. «Святославов крест» в г. Юрьеве-Польском. Сборник археологических статей в честь А. А. Бобринского. СПб., 1911, стр. 199—211; его же. К вопросу о технике выполнения рельефов собора св. Георгия в Юрьеве-Польском. Seminarium Kondakovianum, сб. II, Prague, 1928.

[3] K. K. Romanov. La colonnade du pourtour de la cathédrale de Saint-Georges a Jur'ev-Pol'skij. L'art Byzantin chez les slaves, ч. 1, Paris, 1932, стр. 54—67.

[4] Там же, стр. 56—64.

Дело в том, что западный притвор даже в том его виде, как он дошел до нас в «реконструкции» В. Д. Ермолина, значительно выше боковых притворов. Верхняя граница его стен совпадает с нижней границей междуярусного пояса, кровля же целиком прикрывает ту часть среднего деления фасада, где должен был проходить колончатый фриз. Первоначально западный притвор был еще выше, он состоял из двух «этажей» [5], как и западный притвор Суздальского собора 1222—1225 гг. [6]. В верхнем этаже притвора Георгиевского собора была княжеская «ложа», заменявшая отсутствующие хоры [7]. Таким образом, колончатый фриз никак не мог проходить по среднему делению западного фасада собора, как это предполагал К. К. Романов. В Суздальском соборе в этом месте тоже не было колончатого фриза [8]. Где же, в таком случае, размещались выявленные К. К. Романовым рельефные фигуры деисуса? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо снова вернуться к деисусу, проанализировать его состав и сопоставить его размеры с имеющимися размерами фасадных членений собора.

Кроме главных фигур деисуса — Христа, Богоматери, Иоанна Предтечи и двух архангелов, в деисус Георгиевского собора, по мнению К. К. Романова, входили фигуры апостолов [9]. К. К. Романов указал на три сохранившиеся рельефные фигуры апостолов, происходящие из фриза. Одна из них в настоящее время находится в северном участке фриза [10], две другие находятся в кладке В. Д. Ермолина в южной части западного фасада [11]. Кроме одежды, определяющими для апостолов являются книги (с крестами на переплетах), которые они держат в руках. Книги не означают, что перед нами апостолы-евангелисты, хотя известны изображения евангелистов без их символов [12]. Известны также деисусы, вернее деисусные чины, с евангелистами, но они поздние. В ранних деисусах на первом месте после архангелов изображались апостолы Петр (слева) и Павел (справа). В русском искусстве такие деисусы известны уже в XII в. [13]. Далее расширение состава апостолов происходило прежде всего за счет введения изображений Андрея вместе с Иоанном [14] или вместе с Матфеем. Примером первого являются деисусные чины иконостасов Успенского собора во Владимире (1408 г.) и Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры (между 1422 и 1427 гг.); примером второго — деисусный чин Николо-Дворищенского собора в Новгороде [15].

Рельеф Георгиевского собора, находящийся в настоящее время в центре аркатурного фриза северного фасада, несомненно, изображает апостола Петра. Он очень похож на апостола Петра в деисусе Мартири-

---

[5] Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество XI—XIII веков (докторская диссертация). Архив ИА АН СССР, разд. 1, инв. № 359, стр. 758.

[6] А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 104—105.

[7] Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков, М.— Л., 1945, стр. 72.

[8] Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество..., стр. 710.

[9] К. К. Romanov. Ук. соч., стр. 62; В. Н. Лазарев. Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII вв. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 74.

[10] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 23, *2*, вторая фигура слева.

[11] Там же, табл. 32, *2*, вторая фигура справа; табл. 38, *4*, левая фигура.

[12] Н. Сперовский — автор наиболее обстоятельной работы о древнерусских иконостасах — ошибался, считая, что сначала в иконостасах были деисусные чины с апостолами Петром, Павлом и евангелистами, а только с середины XVII в.— с другими апостолами. (См. Н. Сперовский. Старинные русские иконостасы. СПб., 1893, стр. 28—29). Странно, что исследователь ссылается при этом на старинные церковные описи, оставляя в стороне сами иконостасы, например, Троицкого собора лавры.

[13] Поясной деисус в росписи Мартириевской паперти Софийского собора в Новгороде (1144 г.). См. В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. История русского искусства, т. II, М., 1954, стр. 82.

[14] В. Сокол. Деисусный чин. Казанский музейный вестник, № 2, Казань, 1922, стр. 58.

[15] Н. Сперовский. Ук. соч., стр. 73.

евской паперти [16]. Легкий поворот фигуры влево тоже соответствует положению Петра в деисусе.

Ни один из оставшихся двух рельефов не может изображать апостола Павла, облик которого, с характерным «влызлым» лбом, был очень индивидуален и довольно четко выдерживался в древнерусском искусстве. Поскольку, однако, изображение апостола Павла обязательно должно было быть в деисусе, то этот рельеф следует считать утерянным.

Рельеф, находящийся в кладке Ермолина рядом с деисусной фигурой Иоанна Предтечи [17], можно рассматривать как изображение апостола Андрея. У апостола густые, зачесанные назад волосы и длинная клинообразная борода (рис. 1). Таким мы знаем Андрея не только по мозаикам и фрескам XI—XII вв. [18], но и по сфрагистическим материалам [19]. При этом крест вовсе не является обязательным атрибутом апостола. Судя по повороту апостола вправо, данный рельеф находился в правой половине деисуса. По аналогии с иконостасом Успенского собора г. Владимира, где апостол Андрей расположен рядом с апостолом Павлом, мы и рассматриваемый рельеф располагаем так же (рис. 4).

Рис. 1. Рельеф с изображением апостола Андрея

Фигура третьего апостола изображена en face, но голова его слегка повернута вправо. Следовательно, и этот рельеф находился в правой части деисуса. Отсюда, естественно, следует, что и в левой части деисуса было три фигуры апостола. Среди них должны были быть Матфей и Иоанн Богослов. Рассматриваемый рельеф не может быть приписан ни тому, ни другому. Изображенный апостол похож скорее на Марка. Рельефы с изображением апостолов Матфея и Иоанна Богослова тоже не сохранились. Таким образом, деисус состоял из 11 фигур (рис. 4).

Теперь можно обратиться к вопросу о размещении деисуса.

Центральная группа деисуса не могла размещаться ни в центре южного, ни в центре северного фасадов, где во фризе умещается только четное (восемь) число фигур. Невозможно допустить, чтобы фигура Христа пришлась не по центру фасада и чтобы с одной стороны ее было три, а с другой — четыре фигуры. К тому же, как фигура Христа, так и рядом находящаяся фигура богоматери наполовину срезались бы гребнем кровли притвора.

В отличие от средних делений северного и южного фасадов, главная западная стена западного притвора собора имеет между угловыми лопатками как раз такое расстояние, какое необходимо для размещения 11 плит

---

[16] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода, стр. 83.

[17] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 38, *4*, левая фигура.

[18] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 165, 199 (средняя фигура).

[19] Изображения апостола Андрея на печатях князя Георгия Андреевича, сына Андрея Боголюбского, См. Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Архив ИА АН СССР, табл. 1, *19* и *22*; табл. 48, *4*; табл. 49, *16*. За сообщение этих данных я благодарен В. Л. Янину.

с рельефными фигурами и разделяющими их колонками. Это является важнейшим аргументом в пользу того, что деисус размещался именно здесь. За этим неизбежно следует признание, что колончатый фриз опоясывал весь западный притвор собора (рис. 2).

Такое заключение представляется наиболее логичным и с архитектурной точки зрения. Апсиды собора, несомненно, увенчивались колончатым

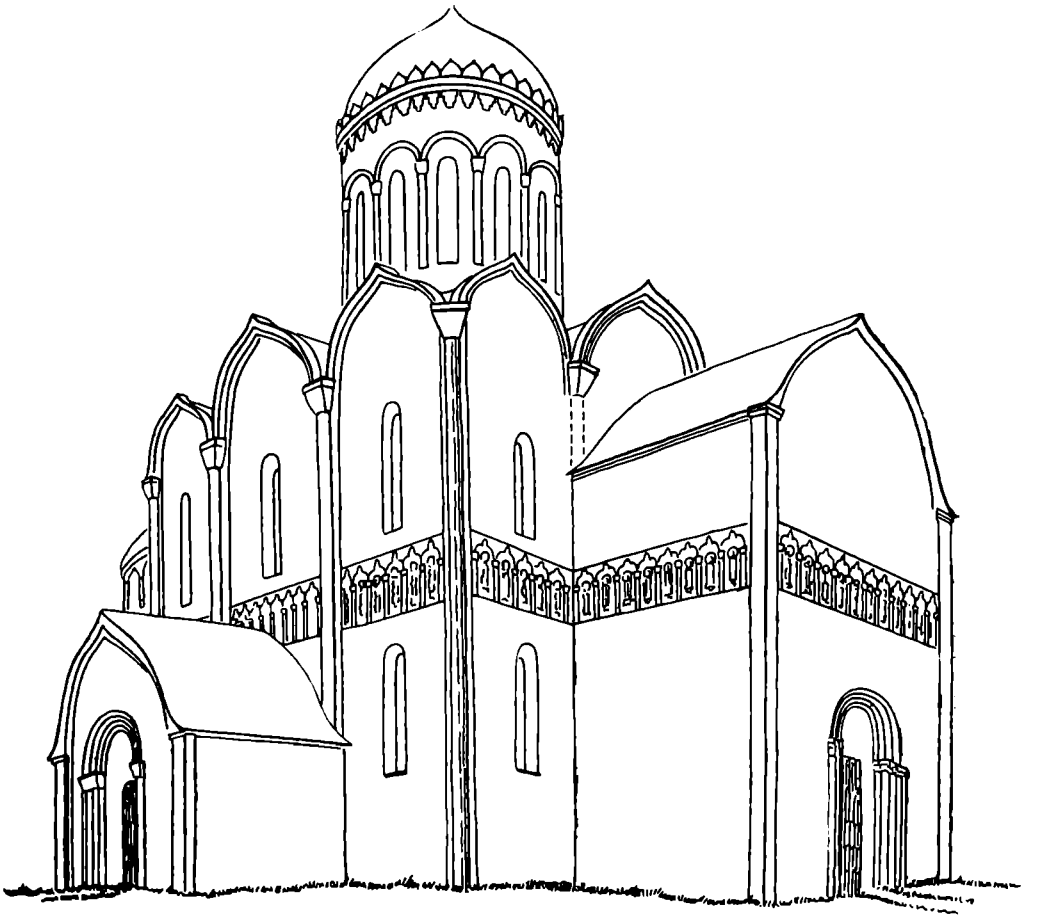


Рис. 2. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора. Вид с северо-запада. (Реконструкция. Верх собора показан условно)

фризом и если бы фриз не охватывал собою также западного притвора, то последний выглядел бы инородным телом в общей композиции здания. Между тем мастера того времени придавали особое значение единству впечатления. Например, «ковровая» орнаментация нижних частей западного притвора согласована с орнаментацией прилегающих частей основного четверика собора [20]. Эта орнаментация обрывается как раз на той линии, выше которой должен начинаться колончатый фриз. Если бы здесь фриза не было, то непонятно, почему В. Д. Ермолин разобрал кладку западного притвора именно до этого уровня. Здесь, где начинался фриз, стены делали значительный «отступ» вглубь [21], т. е. были тоньше, поэтому больше разрушились, и разобрать эти части было необходимо.

Реконструкция «круговой» композиции колончатого фриза неизбежно влечет за собой признание и того печального факта, что от фриза сохранилось меньше половины рельефных фигур. Всего во фризе могло быть размещено 73 фигуры: по 18 фигур — на северном и южном фасадах, по 5 фигур — на боковых участках западного фасада, по 8 фигур — на

[20] Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество..., стр. 757, 763—764.
[21] См. К. К. Romanov. Ук. соч., стр. 56, рис. 27, *27*.

боковых стенах западного притвора и 11 фигур — на лицевой. Если даже из этого числа исключить пять фигур восточной части северного фасада, которых могло не быть вследствие устройства здесь Троицкого придела [22], то остающееся число (68 фигур) все же очень велико по сравнению с количеством сохранившихся рельефов. Сохранилось только 27 рельефных фигур, 14 из них находятся в колончатом фризе, 13 — в кладке В. Д. Ер-

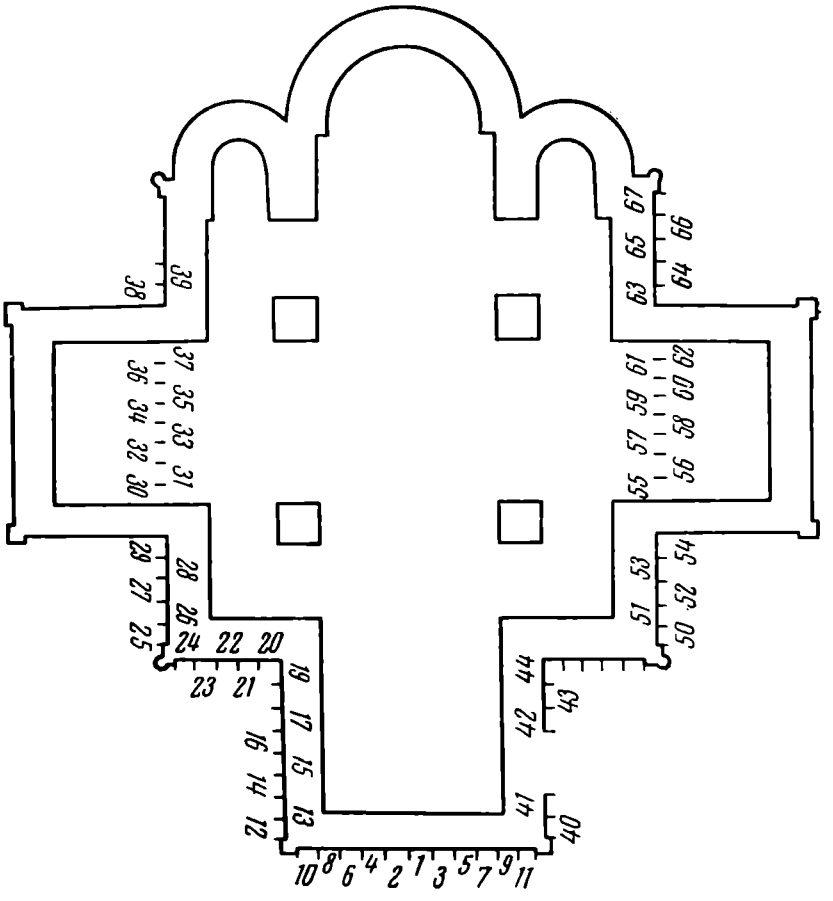


Рис. 3. План Георгиевского собора с размещением рельефов колончатого фриза

1—11 — деисус; *12—24* и *40—49* — мученики; *25* — св. Георгий; *26* — св. Дмитрий; *27* — Федор Тирон; *28* — Иван Воин (?); *30* — Федор Стратилат; *31—39* — патрональные изображения остальных сыновей Георгия, Ярослава и Святослава Всеволодовичей (?); *50—67* — предположительно рельефы мучениц или святых, соименных суздальским иерархам

молина [23]. Это обстоятельство объясняется тем, что при обрушивании собора именно рельефные фигуры колончатого пояса должны были пострадать больше всего. В отличие от обычных рельефов, высеченных на небольших белокаменных блоках подкубической формы, фигуры святых из колончатого фриза высечены на больших тонких плитах, которые при падении должны были разлететься на куски. Раздробились не только плиты с фигурами, но и разделяющие их колонки, так что В. Д. Ермолин

---

[22] Троицкий придел не закрывал, конечно, колончатого фриза, но главка придела и барабан, на котором она стояла, могли мешать если не устройству, то обозрению рельефов. При выяснении этого вопроса я пользовался реконструкцией Георгиевского собора, подготовленной Н. Н. Ворониным.

[23] Кроме выявленных К. К. Романовым восьми фигур колончатого фриза, к последнему относятся еще фигуры пяти мучеников. Две из них оказались над правой средней капителью южного фасада (см. А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 35, *3*), третья находится справа от фигуры Иоанна Предтечи (см. К. К. Romanov. Ук. соч., рис. 30), четвертая и пятая фигуры расположены рядом с предыдущей (см. А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 32, *2*, две левые фигуры).

оставил южный фасад совсем без фриза. Между тем в наличии здесь колончатого фриза не приходится сомневаться. Можем ли мы при таком малом количестве сохранившихся фигур фриза высказать какое-либо мнение о их первоначальном расположении?

К. К. Романов пришел к заключению, что капители и базы колонок северной части фриза находятся in situ, плиты же с рельефами могли быть переставлены[24]. Следует ли это понимать как перестановку в пределах того же северного фасада, или плиты могли попасть сюда с других фасадов? Здесь необходимо считаться с характером изображений.

Уже давно было замечено, что рельефные фигуры северного фриза образуют группу «святых воинов» — мучеников. Здесь выделены св. св. Георгий, Дмитрий Солунский, Федор Тирон и Федор Стратилат[25]. Несомненно, были изображения и других «святых воинов» (см. ниже). Если принять точку зрения К. К. Романова, что все фигуры колончатого фриза Георгиевского собора входили в единый грандиозный деисусный чин, то, согласно иконографии таких чинов (правда, более поздней), следовало бы видеть фигуры св. Георгия и св. Дмитрия расположенными вслед за святителями, которые в свою очередь изображались вслед за апостолами[26].

До нашего времени не сохранилось ни одного рельефа святителя[27]. Если они существовали, то должны были бы размещаться на боковых стенах западного притвора, тогда рельефы св. Георгия, Дмитрия Солунского и др. неминуемо попадают в углы, образуемые западным притвором и западным фасадом собора. Уже одно это говорит против такого их расположения. К тому же изображения наиболее популярных святых, типа перечисленных, не могли умещаться в этих углах, они должны были заходить на боковые участки фриза западного фасада. Между тем в северной трети западного фасада здесь сохранились in situ пять фигур мучеников обычного типа[28]. Если считать, что фигур святителей вовсе не было в деисусе, то изображения св. св. Георгия, Дмитрия Солунского и других «святых воинов» неизбежно попадают на боковые стенки западного притвора, т. е. явно на второстепенные места в общей архитектурной композиции собора. Такое расположение фигур не могло, конечно, устраивать заказчиков Георгиевского собора. Северный и южный фасады собора (особенно же северный, обращенный к городу фасад) требовали оформления их не второстепенными, а особо значительными изображениями. Поэтому мы видим, как мастера Георгиевского собора, умело и тонко используя формальные возможности симметричной деисусной композиции, видоизменяют ее и приспосабливают к общей архитектурной композиции собора (рис. 3).

Одиннадцать фигур деисуса занимали центральную часть композиции фриза, ограниченную лицевой стеной западного притвора. После апостолов рельефные фигуры размещались слева и справа от деисуса уже не по формальному принципу деисусного «чина», а исходя, видимо, из того значения, которое данный участок фасада имел в общей композиции собора. Так, на боковых участках западного фасада собора и, вероятно, частью на

---

[24] К. К. Romanov. Ук. соч., стр. 58.

[25] Там же. См. также D. Ainalov. Geschichte der russischen Monumentalkunst der Vormoskovitischen Zeit. Berlin, Leipzig, 1932, стр. 86; Е. С. Медведева. Этюды о Суздальских вратах (кандидатская диссертация, рукопись). ВБЛ, ч. 1, стр. 127—128, примеч. 45—47; В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. История русского искусства, т. I, стр. 432.

[26] Н. Сперовский. Ук. соч., стр. 71—72; В. Сокол. Ук. соч., стр. 58.

[27] Четыре большие фигуры святителей, две из которых издавна включены в композицию «Святославова креста», происходят не из колончатого фриза Георгиевского собора. Ср. К. К. Романов. «Святославов крест» в г. Юрьеве-Польском, стр. 206—207.

[28] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 24, *2, 3, 6.*

боковых стенах западного притвора (или на одной из них) [29] как наименее парадных размещались изображения мучеников с крестами в руках. В трактовке их голов, точнее волос, можно наблюдать некоторую индивидуализацию. Возможно, что среди этих фигур есть изображения св. св. Пантелеймона, Космы и Дамиана [30]. Однако отсутствие особых атрибутов (кроме креста), а также каких-либо надписей, по-видимому, навсегда оставит большинство этих фигур безымянными.

В настоящее время не in situ на стенах собора находятся десять рельефов с изображениями мучеников: четыре рельефа в колончатом фризе северного фасада [31], три рельефа — на южном верхнем участке западного фасада [32] и три рельефа — на южном фасаде [33]. Из этих десяти фигур пять размещались в колончатом фризе южного участка западного фасада, а другие пять — на боковых стенах западного притвора либо на одной из этих стен, если считать, что к другой стене примыкал вход в «ложу» (см. выше). Изображения мучеников продолжали деисус и служили

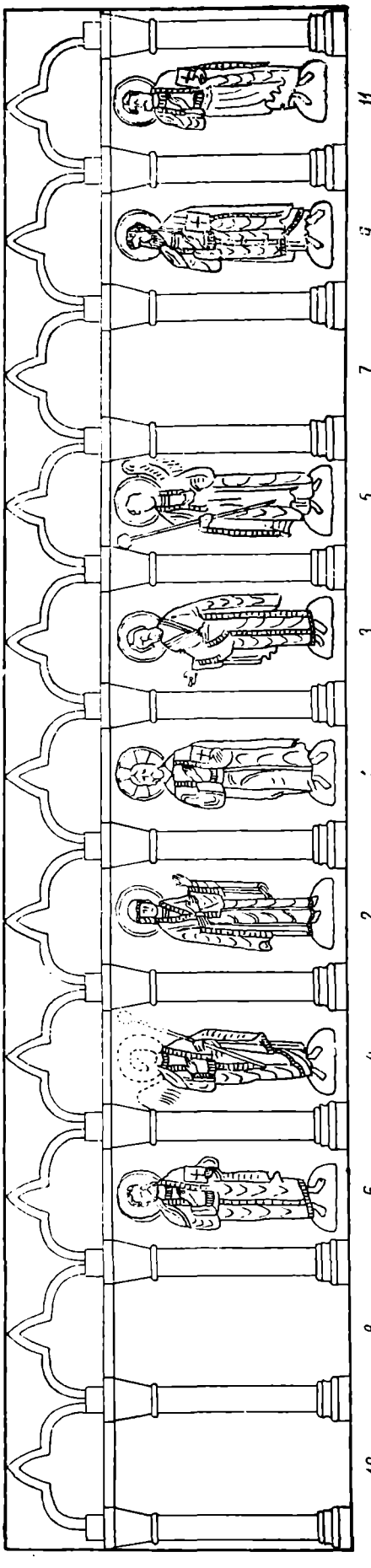


Рис. 4. Деисусный чин на западном притворе Георгиевского собора. (Реконструкция)
1 — Христос; *2* — Богоматерь, *3* — Иоанн Предтеча; *4* — архангел Михаил; *5* — архангел Гавриил, *6* — апостол Петр; *7* — апостол Павел (рельеф не сохранился); *8* — неизвестный апостол (рельеф не сохранился); *9* — апостол Андрей; *10* — неизвестный апостол (рельеф не сохранился); *11* — апостол Марк (?)

---

[29] До сих пор не ясно, как был устроен вход во второй ярус западного притвора, т. е. в «ложу». Внутренних лестниц в стенах притвора нет. Могла быть лестница (деревянная), ведущая из нижнего яруса притвора в верхний через отверстие в своде, но это еще не выяснено. Могла быть и наружная деревянная лестница, место которой скорее всего надо предполагать у южной стены западного притвора. Если это так, то колончатый фриз мог доходить только до дверного проема.

[30] D. Ainalov. Ук. соч., стр. 86. Вероятно, были также изображения Флора и Лавра, которые в древности считались покровителями каменщиков.

[31] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 23, *1*, две средние фигуры; табл. 23, *2*, вторая фигура справа; табл. 24, *1*, правая фигура.

[32] Там же, табл. 32, *2*, две левые фигуры. Третья фигура не попала в кадр, она видна частично слева. Полное воспроизведение ее см. К. К. Romanov. Ук. соч., стр. 61, рис. 30, правая фигура.

[33] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 35, *3*, сверху; табл. 35, *4*, левая фигура.

как бы «переходом» к фигурам северного и южного фасадов. Показательно, что уже эти «переходные» фигуры изображены строго en face, без всякого намека на поворот в сторону деисуса. Таким образом, они сохраняют известную самостоятельность и могут рассматриваться как звенья деисусного «чина» только условно.

Мы не знаем, каковы были фигуры аркатурного фриза южного фасада [34], но что фигуры северного фасада отделялись от «мучеников вообще», это совершенно несомненно. Кроме средоточия здесь изображений «святых воинов» интересна соименность их князьям владимиро-суздальского княжеского дома [35]. Еще более интересно, что изображения «святых воинов» во фризе Георгиевского собора совпадают с изображением тех же святых на южных вратах Суздальского собора 1222—1225 гг. [36].

Независимо от датировки этих врат, ни у кого не вызывает сомнений, что мы имеем здесь дело с патрональными изображениями. Е. С. Медведева считала, что изображения на южных вратах св. св. Георгия, Дмитрия, Федора Тирона и Федора Стратилата являются патрональными по отношению к князьям Георгию Всеволодовичу его сыну Всеволоду — Дмитрию, Ярославу (Федору) Всеволодовичу и сыну последнего — Федору Федоровичу [37]. В. Л. Янин, исходя из принципа «двойного патроната», считает, что здесь изображены патроны двух князей — Всеволода (Дмитрия) Георгиевича и Федора Федоровича [38].

У нас нет никаких оснований сводить перечисленные патрональные изображения только к двум последним князьям [39]. Вернее, что здесь имелись в виду четыре князя, отмеченные Е. С. Медведевой [40]. Но при углубленном изучении естественно возникает вопрос: почему имелись в виду только двое из всех сыновей Георгия и Ярослава Всеволодовичей? Обращает на себя внимание и другое. На северном фасаде Георгиевского собора было два рельефа св. Георгия, один — в колончатом фризе, другой — над входом в притвор. Последний рельеф особенно интересен. Св. Георгий изображен со щитом, на котором высечена эмблема суздальских князей — лев [41]. Вряд ли оба рельефа были посвящены одному и тому же князю Георгию Всеволодовичу. Скорее всего один из рельефов посвящался памяти Юрия Долгорукого — родоначальника суздальских князей и основоположника Георгиевского собора 1152 г. Изображение св. Георгия с гербовым щитом и само выделение его над северным порталом заставляют видеть в данном рельефе патрональное изображение великого владимирского князя Георгия Всеволодовича [42]. Но если патрональное изображение Юрия Долгорукого было в колончатом фризе, то и в рельефе св. Дмитрия логичнее видеть патрональное изображение не Всеволода IV (сына Георгия Всеволодовича), а Всеволода III Большое Гнездо — отца всех суздальских Всеволодовичей. Характер патрональных изображений требовал того, чтобы при изображении св. патрона данного князя было изображение патрона и его отца [43]. Таким образом, можно высказать предпо-

---

[34] Возможны два предположения: либо здесь размещались изображения святых мучениц, либо — изображения святых, соименных суздальским иерархам.

[35] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 432.

[36] Е. С. Медведева отметила, что два святых Федора на южных вратах суздальского собора изображают: один Федора Тирона, второй — Федора Стратилата (см. Е. С. Медведева. Ук. соч., примеч. 47).

[37] Е. С. Медведева. Ук. соч., стр. 48.

[38] В. Л. Янин. О датировке врат Суздальского собора. СА, 1959, № 3, стр. 96—97.

[39] В исследовании В. Л. Янина это обусловлено идеей жертвенности, отраженной в составе изображений святых на южных вратах Суздальского собора. См. В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 97—98.

[40] Е. С. Медведева. Ук. соч.

[41] А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. Уч. зап. МГУ, вып. 93, 1946, стр. 54.

[42] Так считала и Е. С. Медведева (см. Е. С. Медведева. Ук. соч., стр. 43).

[43] В. Л. Янин. Ук. соч., стр. 94.

ложение, что в северной части грандиозного деисусного чина Георгиевского собора были изображены патроны династии владимиро-суздальских князей. Вряд ли здесь было изображение св. патрона старшего Всеволодовича — Константина, с которым Георгий, Ярослав и Святослав Всеволодовичи вели борьбу. Не могло быть изображений св. патронов и некоторых других Всеволодовичей. Борис и Глеб умерли очень рано, в младенческом возрасте [44]. С Владимиром при его жизни у Георгия Всеволодовича были обостренные отношения из-за владения Москвой. Можно допустить существование рельефа св. Ивана Воина в качестве патрона князя Ивана Всеволодовича (повторное изображение Иоанна Предтечи мало вероятно). Рельеф, похожий на Ивана Воина, находился в свое время в ограде Георгиевского собора, позднее он исчез [45]. Что касается патронального изображения князя Святослава Всеволодовича, то им, видимо, считался рельеф архангела Гавриила в деисусе.

Наряду с рельефными фигурами собственно деисуса, изображения «святых воинов» отличаются наибольшей точностью характеристики исторически сложившихся образов. Св. Георгия нельзя спутать с Дмитрием Солунским: они различаются не только одеждой, но и трактовкой волос. Еще показательней четкое различие двух святых Федоров. (Как известно, даже в византийской иконографии Федора Стратилата и Федора Тирона нередко путали.) На юрьев-польском рельефе Федор Тирон изображен юным, в соответствии с исторически наиболее верным прообразом (Тирон означает новобранец). Перечисленные рельефы являются и наиболее совершенными с пластической точки зрения. По-видимому, они выполнены не теми мастерами, которые высекали рельефы остальных мучеников.

Изображение в колончатом фризе двух святых Федоров — Тирона и Стратилата — указывает, что во фризе были рельефы св. патронов не только князей — Всеволодовичей, но и их сыновей. Один из св. Федоров изображался как патрон князя Ярослава (Федора) Всеволодовича, а другой — как патрон его сына Федора Федоровича [46]. Возможно, что среди не дошедших до нас рельефов были изображения патронов других сыновей князей Георгия и Ярослава Всеволодовичей. Кроме отмеченных уже Всеволода (Дмитрия) Георгиевича и Федора Федоровича (Ярославича), к 1234 г. были живы по крайней мере восемь младших представителей суздальского княжеского дома (Мстислав и Владимир Георгиевичи, Александр, Андрей, Михаил, Даниил, Ярослав и Константин Ярославичи, а также сын Святослава Всеволодовича — Дмитрий). Не для всех предполагаемых патрональных рельефов находится место, так как центральный участок фриза северного фасада состоит из восьми «интерколумниев».

Вероятно, два рельефа заходили в восточное деление северного фасада. Таким представляется состав северного крыла «деисусного чина» Георгиевского собора.

Решение вопроса о первоначальном порядке размещения патрональных рельефов связано с большими трудностями. Во-первых, сохранились далеко не все рельефы; во-вторых, мы не знаем точных правил размещения патрональных изображений в деисусных чинах рассматриваемого типа. Если бы имелись в виду патрональные изображения од-

---

[44] Д. В. Айналов выделил среди рельефов Георгиевского собора изображения Бориса и Глеба (см. D. Ainalov. Ук. соч., стр. 86), но осталось неизвестным, какие рельефы он имел в виду. Среди сохранившихся рельефов колончатого фриза изображений Бориса и Глеба нет. Есть поясное изображение князя Бориса на квадратном камне (см. А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 26, *4*), следовательно, было и парное изображение Глеба. Но оба изображения происходят не из колончатого фриза.

[45] И. Шляпкин. Каменный крест 1224 года князя Святослава Всеволодовича в городе Юрьеве-Польском. ЗОРСА, т. V, вып. 2, СПб., 1904, стр. 49, примеч. 4.

[46] Подробнее см. Е. С. Медведева. Ук. соч., примеч. 84.

ного князя, то первым, т. е. ближе к центру, естественнее располагать патрона самого князя, затем патрона его отца, потом деда. Но к данному случаю такой способ не применим. Единственно применимым способом здесь могло быть расположение по нисходящей линии, от старшего к младшему. Только при таком расположении патрональные изображения отца и деда могут не повторяться, так как они всегда остаются «выше» по чину.

Исходя из сказанного и оговаривая гипотетичность предполагаемого расположения, мы считаем, что патрональные изображения на северном фасаде располагались справа налево в следующем порядке: первым шло изображение св. Георгия — патрона Юрия Долгорукого, вторым — рельеф св. Дмитрия — патрона Всеволода Большое Гнездо[47], третьим — рельеф Федора Тирона — патрона Ярослава Всеволодовича. Оставшиеся два «интерколумния» западной трети северного фасада могли быть заняты рельефами патронов остальных двух Всеволодовичей. Однако в отношении этих рельефов у нас нет определенных данных. В среднем делении фриза шли изображения святых патронов сыновей Георгия и Ярослава Всеволодовичей. Из них до нас дошел только рельеф Федора Стратилата. Предлагаемый порядок подтверждается пока только тем, что рельеф св. Дмитрия и в настоящее время находится во втором «интерколумнии» фриза, а первый «интерколумний» занят изображением, происходящим из другой части фриза, вероятно, западной.

* * *

В колончатом фризе Георгиевского собора необыкновенно последовательно и в монументальной форме проводится идея прославления княжеского рода, в данном случае — рода суздальских «Юрьевичей», причем имелись в виду в основном младшие суздальские внуки Юрия Долгорукого — Георгий, Святослав и Ярослав Всеволодовичи с детьми, а не старший Всеволодович — Константин. В этом «обходе старшинства» можно видеть яркое утверждение средствами искусства того «нового порядка вещей», начало которому положил Андрей Боголюбский.

Сопоставление фактов подтверждает, что в характере оформления колончатого пояса Георгиевского собора содержалась определенная политическая программа.

Идея общерусской объединительной миссии владимиро-суздальских князей, нашедшая яркое выражение во владимирском летописном своде 1212 г.[48], со смертью Всеволода III (1212 г.) не исчезает.

В борьбе со старшим братом Константином и с окружавшей его боярской коалицией князья Георгий и Ярослав Всеволодовичи выступают как вершители судеб всей Русской земли. Накануне известной Липицкой битвы (1216 г.) Георгий и Ярослав Всеволодовичи «вознеше(ся) славою, видевше из себе силоу велику», делят (во время пира в шатре) города Русской земли: «И рече Юрьи: мне же брате Ярославе, Володимерьскаа земля и Ростовськаа, а тобе Новгород, а Смоленск братоу нашему Святославоу, а Киев д а д и м (разрядка моя.— *Г. В.*) Черниговьским князем, а Галичь нам же»[49].

Поражение в Липицкой битве не нарушает интенсивной жизни владимиро-суздальского княжества. В последнем десятилетии перед татарским нашествием, наоборот, наблюдается ее подъем. Совершается успешный поход на волжских болгар (1220 г.), в котором особенно проявил

---

[47] В этом можно видеть прообраз будущих деисусных чинов со св. Георгием и Дмитрием, которые обычно изображались слева или справа за святителями.

[48] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947, стр. 279—280.

[49] ПСРЛ, т. IV, Пг., 1915, стр. 189—190.

себя князь Святослав Всеволодович — правая рука Георгия Всеволодовича [50]. Завоевывается и закрепляется выход на Волгу. Здесь в недавно основанном Нижнем Новгороде Георгий Всеволодович строит один за другим два белокаменных собора (1225 и 1227 гг.) [51]. В эти же годы развивает активную политическую деятельность князь Ярослав Всеволодович, при дворе которого возникает такое выдающееся по своим передовым идеям произведение, как «Моление Даниила Заточника». В 1230 г. Святослав Всеволодович закладывает Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском. Георгиевский собор, видимо, мыслился одновременно и как памятник победы над болгарами, и как памятник союза князя Святослава со старшим братом Георгием, и, наконец, как некая родовая мемория, поскольку собор строился для замены пришедшего в ветхость древнего дедовского храма Юрия Долгорукого.

В своем стремлении выступать в качестве защитников общерусских интересов владимиро-суздальские князья, естественно, должны были апеллировать к своей родовитости, к великим традициям своего рода. Апелляция к роду является характернейшей чертой княжеской политики XII в., шло ли дело о закреплении отцовской или дедовской собственности или о патриотической готовности пострадать за свою отчину [52]. Поэтому при создании символической галереи владимиро-суздальских князей не только вполне естественно, но и необходимо было ввести патрональные изображения Юрия Долгорукого и Всеволода III.

В древнерусском искусстве XI—XII вв. известны произведения, прославляющие княжеское семейство. Таковы выходная миниатюра Изборника Святослава 1073 г. [53], реконструированный В. Н. Лазаревым групповой портрет семьи князя Ярослава Мудрого [54], рельефный портрет семьи князя Всеволода Большое Гнездо [55].

Композиция семьи князя Ярослава Мудрого включала в себя изображение Христа, к которому с двух сторон подходят члены мужской и женской половины княжеского семейства [56]. Этим самым, конечно, проводилась и идея патроната, но она не выходила за рамки семьи. От XII в. известны и произведения несколько иного рода, например, с изображением богоматери Оранты, к которой с двух сторон направляются процессии святых жен, возглавляемых князьями Борисом и Глебом. Таков сюжет росписи апсиды Нередицкой церкви [57]. Среди святых жен выделены св. Анна, имя которой носила мать князя Бориса [58]. Отсюда можно думать, что и другие св. жены символизировали членов семьи князя Владимира или его детей. Патрональная идея и в Нередицкой росписи выступает ясно, но уже в более широких рамках. В двух последних произведениях можно видеть отражение принципов деисусной композиции. Вряд ли поэтому случайно, что именно в деисусной композиции идея патроната в самом широком смысле получила наилучшее выражение.

---

[50] Этому походу в Воскресенской летописи посвящено специальное сказание. ПСРЛ, т. VII, стр. 126—128.

[51] Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество, стр. 724, 730.

[52] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.— Л., 1958, стр. 56—57.

[53] История культуры древней Руси, т. I, М.— Л., 1948, рис. 159.

[54] М. К. Каргер. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии. Уч. зап. ЛГУ, 1954, серия исторических наук, вып. 20, стр. 143—180; В. Н. Лазарев. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава. Византийский временник, т. XV, М., 1959, стр. 148—169.

[55] Н. Н. Воронин. Скульптурный портрет Всеволода III. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 137—139.

[56] В. Н. Лазарев. Новые данные о мозаиках и фресках..., стр. 153, рис. 6.

[57] N. P. Sycev. Sur l'histoire de l'église du sauveur a Neredicy pres Novgorod. L'art Byzantin chez les slaves, ч. 1, Paris, 1932, стр. 77.

[58] Там же, стр. 82.

Главным содержанием деисуса, как известно, была идея заступничества богоматери и Иоанна Предтечи перед Христом за человечество [59]. Но этим самым одновременно выражалась идея божественного патроната тем, кто изображен в деисусе. Вот почему в деисус очень рано стали вводиться сначала изображения святых патронов князей, а со временем и реальные лица. Деисусы с одним патрональным изображением нередки. Однако, как мы видели выше, наиболее частыми были деисусы с изображением патронов данного князя и его отца.

Известны и случаи использования деисусной композиции для изображения святых патронов князя, его отца и деда. Такой своеобразный «родовой деисус» был на шлеме князя Мстислава Юрьевича, сына князя Юрия Долгорукого [60].

У нас нет пока данных связывать деисус и весь шлем князя Мстислава Юрьевича с работой владимиро-суздальских мастеров, но несомненно, что именно во владимиро-суздальском искусстве деисусная композиция получила свое дальнейшее развитие. Исследователями отмечено, что нигде деисус не пользовался такой популярностью, как во Владимиро-Суздальской земле [61]. К сожалению, до нас дошло слишком мало памятников для того, чтобы мы могли точно проследить все этапы развития и вариаций деисусной композиции. Особенно приходится сожалеть о почти полном исчезновении живописных фигур в колончатом фризе Успенского собора г. Владимира постройки князя Андрея (1158—1161 гг.), а также об утере большинства рельефных фигур колончатого фриза Дмитриевского собора.

От росписи «интерколумниев» фриза Успенского собора сохранились некоторые изображения пророков [62]. В иконостасах, возникших позднее, пророки составляли особый пророческий ярус, располагавшийся над апостольским ярусом с деисусом в центре. Но не исключено, что в XII в. пророки могли входить вместе с апостолами в единый «чин», составляя его крайние звенья. Дальше этого предположения мы пока идти не можем [63].

От первоначальных фигур аркатурного фриза Дмитриевского собора сохранились некоторые рельефы на боковых пряслах западного фасада и все рельефы на западном прясле северного фасада [64], т. е. перед нами почти та же картина, что и в Георгиевском соборе г. Юрьева-Польского.

Среди рельефов западного фасада имеется изображение восседающего на троне Христа и фигура богоматери с воздетыми руками [65]. Следовательно, есть основание заключить, что здесь была деисусная композиция. Естественно думать, что она была в центральном участке того же западного фасада, где во фризе имеется девять «интерколумниев» [66], т. е. нечетное число, необходимое для помещения фигуры Христа в центре. Налево и направо от деисуса шли изображения святых,

---

[59] Подробнее см. В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси.

[60] В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. СА, 1958, № 1, стр. 47.

[61] M. Alpatov und N. Brunov. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg. 1932, стр. 291; В. Н. Лазарев. Живопись Владимиро-Суздальской Руси, стр. 469—470.

[62] Игорь Грабарь. Андрей Рублев. «Вопросы реставрации», 1, М., 1926, стр. 25.

[63] В аркатурно-колончатом фризе Георгиевского собора уже не было изображений пророков. Все белокаменные блоки с рельефными фигурами пророков происходят из второго яруса Георгиевского собора, т. е. пророки находились над деисусным чином, в чем следует видеть прообраз будущих иконостасов.

[64] Л. Мацулевич. Хронология рельефов Дмитриевского собора во Владимире Залесском. Ежегодник Российского института истории искусств, т. I, Пг., 1922, стр. 292; Н. Малицкий. Поздние рельефы Дмитриевского собора в городе Владимире. Тр. Владимирского научного общества по изучению местного края, вып. V, Владимир, 1923, стр. 4—5.

[65] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 422.

[66] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 9. Находящиеся здесь рельефы поздние

среди которых пока выделены князья Борис и Глеб [67], а также архидиаконы Стефан и Лаврентий [68]. Все выделенные древние фигуры находятся сейчас на северном фасаде в его западном прясле [69]. Есть основания считать, что среди рельефов колончатого фриза были изображения если не самих владимиро-суздальских князей, то их святых патронов, которые послужили источником для поздних рельефов с изображениями князей, находящихся сейчас в колончатом фризе южного фасада [70]. Таким образом, в колончатом фризе Дмитриевского собора можно видеть прообраз фриза Георгиевского собора. Напомним, что групповой портрет князя Всеволода III с детьми находится на северном фасаде Дмитриевского собора. В его выделении из ряда изображений колончатого фриза тоже можно видеть предвосхищение той идеи, которая лежала в основе выделения патронального изображения князя Георгия Всеволодовича при оформлении северного фасада Георгиевского собора. Следовательно, и при чрезвычайно малом количестве дошедших до нас памятников искусства конца XII — начала XIII в. можно сказать, что в композиции колончатого фриза Георгиевского собора было учтено все сделанное ранее в этой области.

В Георгиевском соборе деисусная композиция была применена очень смело, с учетом конкретных архитектурных условий ее осуществления. Св. патроны суздальских князей — Георгий, Дмитрий Солунский, Федор Стратилат и др. были изображены не симметрично по бокам деисуса, а все с одной (левой) стороны и не сразу за апостолами, а через «промежуточные» фигуры мучеников. Сделано это было несомненно для того, чтобы изображения патронов князей оказались на самом выигрышном и парадном месте — на северном фасаде, обращенном к городу. Это делало все патрональные изображения широкообозримыми и производило нужное впечатление на горожан. Кроме того, расположение патрональных фигур по северному фасаду включало их в систему особого оформления данного фасада, в которой большую роль играли композиции «Распятие», «Три отрока в пещи огненной» и «Даниил во рву львином» [71].

Во всех этих композициях проводилась идея всесильного божественного патроната верным людям.

Сюжеты «Три отрока в пещи огненной» и «Даниил во рву львином» считались особо сильными в покровительственном отношении, и, в отличие от толкования их в западноевропейском средневековье, понимались в древней Руси в широком государственном смысле [72]. Расположение

---

[67] Н. Малицкий. Ук. соч., стр. 10.
[68] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси, стр. 414.
[69] А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 16, *4*.
[70] Н. Малицкий Ук. соч., стр. 16—25.
[71] Г. К. Вагнер. О первоначальном фасадном оформлении Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском. Рукопись. Архив ИА АН СССР, раздел 2, инв. № 1724.
[72] В «Песне о Роланде», например, Карл Великий обращается к богу:

«...От страшных мук избавил Даниила,
Его от львов свирепых ты избавил.
Из пещи ты трех отроков исторг!
Теперь к тебе о милости взываю:
О, дай за смерть Роланда отомстить!»

(«Песнь о Роланде», перевод де ла Барта. М., 1958, тирада 226).

В «Повести временных лет» летописец вкладывает в уста константинопольского патриарха упоминание этих же сюжетов в качестве «гарантий» безопасности княгини Ольги в ее государственной деятельности: «Христос имать охранити тя; якоже схрани Еноха в первые роды, и потом Ноя в ковчезе, Аврама от Авимелеха, Лота от Содомлян, Моисея от Фараона, Давыда от Саула, 3 отроци от пещи, Даниила от зверий, тако и тя избавить от неприязни и от сетий его» (ПСРЛ, т. I, СПб., 1846, стр. 26).

изображений святых патронов суздальских князей под композициями «Три отрока в пещи огненной» и «Даниил во рву львином» символизировало, что сами суздальские князья находились под защитой божества.

Вероятно, мастера колончатого фриза Георгиевского собора были знакомы с такими произведениями, как изображение семьи князя Ярослава Мудрого в Киево-Софийском соборе, где вся композиция развертывалась на трех стенах, с разделением фигур на мужскую и женскую половины, тяготеющие к центру, т. е. к фигуре Христа. Интересно при этом отметить, что, как и в Киево-Софийской фреске, фигуры колончатого фриза Георгиевского собора по мере их удаления от центра все более обращаются en face. Это делалось, несомненно, в нарушение деисусного принципа композиции и с явным желанием придать фигурам святых патронов князей, во-первых, более самостоятельное значение по отношению к деисусу, а, во-вторых, подчеркнуть их княжеско-патрональный характер.

Может быть, при изображении этих фигур имелись в виду не только святые патроны князей, но и сами реальные князья. Во всяком случае, в рельефных фигурах «святых воинов» — патронов суздальских князей, в их репрезентативной фронтальности очень хорошо чувствуются те художественные приемы и стиль, которые выражали господствующие в то время представления об идеальном князе [73].

Все данные говорят за то, что деисусная композиция была использована оформителями Георгиевского собора для того, чтобы, помимо канонической идеи заступничества, выразить более злободневные идеи силы и славы владимиро-суздальских Всеволодовичей (по деду — Юрьевичей), которым покровительствовали высшие божественные силы.

Особо следует остановиться на введении в деисусный чин, помимо фигур апостолов Петра и Павла, изображений других апостолов, одним из которых несомненно был Андрей. Это следует рассматривать как факт большого исторического значения.

Как уже говорилось выше, изображение апостола Андрея вместе с апостолами Иоанном или Матфеем известно в русских иконостасах с начала XV в. Источники значимости этого имени следует искать в известной легенде о посещении апостолом Андреем русской земли. Е. Голубинский ошибался, считая, что это сказание сложилось в русской письменности не ранее XIV в. [74]. Но ошибались и критики Е. Голубинского — И. Малышевский, а вслед за ним и А. В. Карташев, относившие появление легенды в летописи к середине XII в. и связывавшие это появление с борьбой партий вокруг Клима Смолятича [75]. Вставка в «Повесть временных лет» об апостоле Андрее была произведена в самом начале XII в. Сильвестром и, вероятно, под воздействием самого Владимира Мономаха [76].

Культ апостола Андрея был особо чтим в семье Владимира Мономаха [77] отчасти как отцовское наследие, отчасти же как сильное церковно-политическое средство в проведении национальной политики. В настоящее время уже не приходится спорить по вопросу, хотел ли отец Владимира Мономаха князь Всеволод Ярославич, строя храм в честь апостола Андрея, выразить согласие с Михаилом VII Дукой, в

---

[73] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 33 сл.

[74] Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первый полутом. М., 1901, стр. 4, примеч. 1; см также П. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 127.

[75] И. Малышевский. Сказание о посещении Русской страны св. апостолом Андреем. Владимирский сборник. Киев, 1888, стр. 33—34; А. В. Карташев. Был ли апостол Андрей на Руси. «Христианское чтение», 1907, июль, стр. 92—93.

[76] Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 170.

[77] Там же.

письмах которого к Всеволоду говорилось об общности первого апостольского слова в Византии и на Руси [78]. Дело в том, что Всеволода Ярославича в крещении звали Андреем. Изображение Андрея Первозванного было на печатях Всеволода [79]. По-видимому, этой традицией объясняется и наречение Андреем внука Всеволода (князя Андрея Ростиславича), а также и знаменитого правнука — Андрея Боголюбского [80].

Однако все это не уменьшает большого политического значения культа апостола Андрея. Конечно, ни о каком грекофильстве здесь говорить не приходится. Наоборот, как хорошо сказал М. Д. Приселков, в письмах Михаила Дук к Всеволоду было похоронено много традиционных византийских воззрений о величии Византии и проявлена «готовность уровнять себя с молодою русскою церковью в легендарном основателе своей церкви» [81]. В русских, точнее — в киевских вариантах легенды намеренно подчеркнуто путешествие апостола Андрея в Рим, минуя Царьград, высказаны сарказмы по адресу Новгорода и т. д. Национальное значение легенды особенно выпукло проявилось в эпоху образования великорусского централизованного государства. Общеизвестен ответ Ивана Грозного Поссевину: «Мы верим не в греков, а в Христа; мы получили христианскую веру при начале христианской церкви, когда Андрей, брат апостола Петра, пришел в эти страны, чтобы пройти в Рим; таким образом, мы на Москве приняли христианскую веру в то же самое время, как вы в Италии, и с тех пор доселе мы соблюдали ее ненарушимою» [82].

Введение в деисусный чин изображения апостола Андрея имело своей целью представительство русской церкви [83]. Видимо, в таком же смысле стал изображаться и апостол Матфей — постоянный спутник Андрея в его путешествиях в стране скифов [84]. Хотя до нас не дошло деисусных чинов с апостолом Андреем от XIV в., но вряд ли можно сомневаться в том, что традиция эта уходит корнями во Владимиро-Суздальскую Русь. Вряд ли случайно, что именно во Владимирском Успенском соборе Андрей Рублев ввел в деисусный чин апостола Андрея.

В своей политике по усилению Владимиро-Суздальского княжества Андрей Боголюбский опирался на древние святыни. Он привез из Вышгорода во Владимир знаменитую икону богоматери. Он же способствовал утверждению легенды, что г. Владимир основан его знаменитым прапрадедом Владимиром Святославичем. Отсюда изображение князя Владимира в росписях Успенского собора 1158—1161 гг. [85]. Более чем вероятно, что в росписях Успенского собора было изображение и апостола Андрея. Оно могло быть также в росписях фриза этого собора, а в виде рельефа — в колончатом фризе Дмитриевского собора. Однако

---

[78] В. Г. Васильевский. Два письма императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. Труды В. Г. Васильевского, т. 2, СПб., 1909, стр. 11, 49—50.

[79] Н. П. Лихачев. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Тр. музея палеографии, вып. 1, Л., 1928, стр. 152—154.

[80] Неопровержимым подтверждением этого могут служить изображения апостола Андрея Первозванного на печатях князя Георгия Андреевича, сына Андрея Боголюбского.

[81] М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 161.

[82] Е. Голубинский. Ук. соч., стр. 27.

[83] Н. Сокол. Ук. соч., стр. 58.

[84] Апостол Андрей в своих деяниях среди мирмидонян связывается с апостолом Матфием (один из 70 апостолов), который постепенно превращается в апостола Матфея, евангелиста (см. В. Г. Васильевский. Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян. Труды В. Г. Васильевского, т. 2, стр. 235—260). В более поздних деисусных чинах (в иконостасе Николо-Дворищенского собора в Новгороде, например) апостолы Андрей и Матфей введены в композицию, видимо, как «просветители Руси».

[85] Н. И. Петров. Древние изображения св. Владимира. Владимирский сборник, стр. 5. Воспроизведение см. в книге «Холмская Русь», СПб., 1887, стр. 6—7; Н. Н. Воронин. Владимиро-суздальское зодчество..., стр. 432.

если исходить не из предположений, а только из фактов, то именно в колончатом фризе Георгиевского собора впервые в монументальной форме была выражена идея об апостольском, т. е. не византийском, происхождении русской церкви, а также идея высшего покровительства поколению младших суздальских «Юрьевичей» — Всеволодовичей. Последняя идея развивалась и в других композициях северного фасада собора. Именно в этих новых больших идеях, выраженных в сложной статуарной и монументальной форме, и состоит исключительное национальное значение рельефов Георгиевского собора, нередко сводимое к различным фольклорным пережиточным образам в его пластике.

Совершенно несомненно, что отмеченные сложные идеи могли быть выражены только очень зрелым искусством. Пластика Георгиевского собора во всех отношениях представляет собой громадный шаг вперед по сравнению с предыдущими этапами. При реконструкции композиции «Семь спящих эфесских отроков» и при выяснении вопроса о ее происхождении на фасаде Георгиевского собора нам уже приходилось отмечать, что некоторые фигуры, особенно юношеские, а также их композиционное построение в какой-то степени предвосхищают на целые столетия те идеалы, которыми будет жить русское искусство эпохи Андрея Рублева [86]. То же самое было отмечено и в отношении грациозных образов ангелов [87]. Сделанные наблюдения могут быть подкреплены анализом рельефных фигур колончатого фриза Георгиевского собора. Ф. Халле правильно сказала, что «целый мир отделяет эти юные сильные, но стилизованные образы» от рельефных фигур Дмитриевского собора. Последние не имеют самостоятельного значения, они воспринимаются целиком в орнаментальном ритме, т. е. как орнамент [88]. Рельефные фигуры фриза Георгиевского собора воспринимаются как произведения статуарной скульптуры. Особенно это относится к трактовке патрональных изображений «святых воинов». Выше было отмечено, что именно эти фигуры выполнены мастерами наиболее внимательно с иконографической точки зрения. Это не противоречит высказанному предположению, что при выполнении фигур святых патронов суздальских князей могли иметься в виду и сами князья. Поскольку нельзя было дать портрета князя в лице «святого воина», то необходимо было дать образ «святого воина» с наибольшей исторической конкретностью. Ограниченность своих возможностей в области портрета мастера как бы компенсировали особо жизненной трактовкой фигур «святых воинов». Несомненно, это самые лучшие фигуры из всех рельефов колончатого фриза. Хотя они и сохраняют репрезентативную фронтальность, типичную для характеристики князя или святого в древнерусском искусстве [89], но в пределах этой фронтальности тонко подмечены и показаны движения, причем не только внешние, но, если так можно выразиться, и внутренние. Дмитрий Солунский наиболее героичен. В образе Георгия, наоборот, видна задумчивость. Федор Тирон изображен как бы торжественно шествующим, опираясь на копье, как на посох. Фигура Федора Стратилата дана в легком контра-посто, что предвосхищает образы человека в искусстве будущего.

Совмещение в одном образе церковного (святой) и светского (князь) идеалов характерно для древнерусской литературы [90]. Но в рельефах «святых воинов» Георгиевского собора явно преобладает светский идеал, как преобладает он и в знаменитой иконе XII в. Дмитрия Солунско-

---

[86] Г. К. Вагнер. О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского. СА, 1960, № 2.

[87] Fanina W. Halle. Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal. Russische Romanik. Berlin — Wien — Zürich, 1929, стр. 35.

[88] Там же.

[89] Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 38—39.

[90] Там же, стр. 36.

го. Нельзя согласиться с Ф. Халле, что в рельефных фигурах Георгиевского собора выражено «благочестие в камне»[91]. Во всяком случае, в фигурах «святых воинов» выражена скорее героика, без чего немыслимо было и прославление князей[92]. С другой стороны, возможно, что именно всем этим объясняется и то, что исполнители рельефов «святых воинов» не пытались отступать от иконографии в трактовке лиц. Бóльшая свобода в этом отношении видна в трактовке лиц остальных мучеников, но не молодых, а пожилого возраста. Здесь можно встретить лица, очень близкие к национальному типу.

Богатство идейного содержания фигур колончатого фриза Георгиевского собора и сила его художественного выражения должны были иметь очень большой резонанс в древней Руси. Следует учесть, что Георгиевский собор хотя и пострадал во время татарского нашествия, но не был превращен в руины. Он продолжал функционировать. В 1252 г. в нем был похоронен сам строитель собора князь Святослав Всеволодович. Еще через 74 года Георгиевский собор был взят за образец первого московского Успенского собора Ивана Калиты (1326 г.). Следовательно, на протяжении всего этого времени, а также позднее, по крайней мере до начала XV в., резьба Георгиевского собора была обозрима, тоже продолжала «действовать» и производить впечатление. В условиях напряженного сопротивления татаро-монгольскому игу приобретали особое значение не только образы «святых воинов», но такие, на первый взгляд, отвлеченные, сюжеты, как «семь спящих отроков», и т. п. От XIV в., даже от XV в., дошли памятники, в которых чувствуется знакомство с рельефами Георгиевского собора. Например, на многих иконках XIV—XV вв. семь спящих отроков расположены по окружности, а в некоторых случаях — в таких же долгорукавных одеждах, как на рельефах Георгиевского собора[93]. На вероятность того, что эти произведения восходят к пластике Георгиевского собора, указывают такие «архитектурные» детали, как трех- и пятилопастные киотцы с килевидным верхом, в которых размещаются обычно сюжетные композиции[94].

Не мог остаться без художественного резонанса и грандиозный «деисусный чин» Георгиевского собора. От XIII—XIV вв. известны хоросы с 13—15-фигурными деисусными чинами, в трактовке которых дух торжества и радости преобладает над мотивом моления[95]. О восхождении московских деисусных чинов с изображением апостола Андрея к владимиро-суздальской традиции уже говорилось выше. По-видимому, проблема значения культурно-политического наследия Владимиро-Суздальской Руси содержит еще не мало вопросов, ждущих своего освещения, и очень многое здесь связывается с комплексом идей, выраженных создателями Георгиевского собора.

Все сказанное позволяет заключить, что не только архитектурные формы Георгиевского собора 1230—1234 гг., но и весь комплекс его пластического оформления имели определяющее значение для раннемосковского искусства. Это еще более повышает ценность Георгиевского собора и превращает его в предтечу общерусского искусства.

---

[91] F. Halle. Ук. соч., стр. 64.

[92] Ср. Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 39 сл.

[93] Г. К. Вагнер. К истолкованию фасадной пластики Георгиевского собора. Рукопись. Архив ИА АН СССР, раздел 2, инв. № 1725.

[94] См. «Каталог собрания древностей А. С. Уварова». Отдел VIII—XI, М., 1908, рис. 35.

[95] В. Сокол. Ук. соч., стр. 60. К сожалению, автор не ссылается на конкретные памятники. В качестве одного из таких памятников можно рассматривать хорос, фрагменты которого находятся в ГИМ.

Б. О. ДОЛГИХ

О ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ КЕТОВ

Хоронят кеты двумя способами: закапывают покойника в землю или заделывают его в вертикально стоящую колоду, в высокий пень, специально для этого подготовленный [1].

Наиболее распространенным в последнее время способом погребения у кетов являлось закапывание покойника в землю. Такой способ погребения зафиксирован у кетов района устья р. Дубчес уже в 30-х годах XVII в. [2]

Покойник должен быть обязательно похоронен близ большой реки. Если человек умирал в лесу, тело его вывозили на берег реки. Зимой в тайге тело оставляли на лабазе с тем, чтобы весною его все-таки вывезти на берег. Если покойника оставить и похоронить в лесу, то он, по поверьям кетов, становился «еретиком» [3]. У него отрастали ногти, он оживал и начинал ловить людей.

Все виденные нами могилы находились примерно в 200—300 *м* от реки. По данным Е. А. Алексеенко, на Елогуе кладбища кетов были и на расстоянии в 1 *км* от берега этой реки.

В чуме покойник (бонг) должен находиться один день. Его обмывали и одевали в самую лучшую одежду (в одежду живых членов семьи покойника одевать нельзя). У женщин распускали косы и лицо закрывали расплетенными волосами. Голову покойника заталкивали под левое плечо котляма [4] или бэсема [5] к левому рукаву, т. е. как бы натягивали одежду на голову.

В одежде покойника прорезывали отверстия. Рукава рубашки разрезали вверх до локтя, у мужчин штаны разрезали вдоль, снизу вверх. У обуви отрезали кончик носка на обеих ногах. Эти отверстия в одежде и обуви прорезали для того, чтобы через них вышла душа. Выйдя из покойника, душа должна была помогать его детям. Обрядив покойника, его клали на землю и через его ноги, справа налево, по очереди перешагивали его дети. Так покойник прощался с ними.

После этого у покойника сшивали спереди борта его одежды. Затем около него ставили чашку чая и какую-нибудь еду — так его «кормили». Эту чашку, а также трубку покойника, табак и какую-нибудь еду везли потом на место похорон. Выносили покойника ногами вперед, в дверь. При этом, по данным Е. А. Алексеенко, дверь перегораживали по диагонали палкой. Покойника протаскивали под палкой, а все присутствующие выходили из чума, шагая через палку.

---

[1] В написании статьи большую помощь оказали сотрудник Института этнографии АН СССР Е. А. Алексеенко и кет из Елогуйского сельсовета И. И. Тыганов. Приношу им свою глубокую благодарность.

[2] В 1639 г. кеты жаловались на то, что основатель Дубчесской слободы Осип Цыпаня Голубцов «выкопал из земли кудесника (т. е. шамана.— *Б. Д.*) и что с ним было — платья, стрел, рогатин и соболей и то все пограбил». См. П. Н. Буцинский. Мангазея и Мангазейский уезд. Зап. Харьковского университета, 1893, кн. 1, Харьков, 1893, стр. 66.

[3] У якутов «еретик» (деретиньик) — душа непогребенного самоубийцы; у хантов «еретник» — мертвец-вампир (K. F. Karjalainen. Die Religion der Jugra-Volker. T. I. Porvoo, 1921, стр. 194).

[4] Суконный халат.

[5] Шуба на заячьем меху.

Хоронить, копать могилу, нести покойника помогали все родственники[6]. Когда похоронная процессия отправлялась из стойбища, запрещалось выглядывать из чумов. Плакала и причитала по покойному мать или дочь, или другое лицо женского пола.

У подкаменно-тунгусских (суломайских) кетов постоянных кладбищ (бонгнай) не отмечено, но обычно несколько кетских могил находятся рядом или поблизости друг от друга. На Елогуе, Курейке, Пакулихе и Сургутихе Е. А. Алексеенко были отмечены и специальные кладбища. Курейские кеты считают, что обязательно на кладбище хоронить лишь взрослых, а детей можно хоронить просто в тайге. Хоронили кеты своих покойников также и на русских кладбищах. Покойников разных фратрий хоронили на одном кладбище.

Покойника приносили на место погребения обычно без гроба. Положив его на землю, принимались копать могилу. Гроб и могилу кеты называют одинаково — бонголь. При этом строго соблюдался обычай рыть могилу с запада на восток. Считалось, что надо копать могилу глубиной в рост человека, но встречались и менее глубокие могилы.

Когда начинали копать могилу, около лежащего на земле покойника зажигали костер, говоря при этом: «Это его огонь. Около этого огня он жить будет». В костер бросали рыбу, чай и др. Как нам объяснили, огонь зажигался около покойника для того, чтобы он не приходил впоследствии в чумы к своим сородичам и не просил бы у них огня.

На дно могилы клали доски, на которые опускали покойника. Затем по бокам покойника тоже устанавливались доски, и, наконец, его закрывали досками и сверху. Доски не сколачивали. Над лицом покойника укреплялась поперечная дощечка, концы которой входили в выемки в боковых стенках могилы. Дощечка должна была предохранять от повреждения голову покойника. В последнее время, как правило, хоронили в деревянном гробу, сделанном по типу, заимствованному у русских.

Поверх досок, закрывающих покойника, или поверх гроба стелили тиску[7] и говорили при этом: «Это твой чум будет». У головы покойника помещали его чашку, предварительно разбив ее. Клали покойника в могилу на спину, лицом вверх, головой на восток[8], лицом на запад. (В последнее время хоронят головой на запад.) Первые горсти земли бросали в могилу старшие близкие родственники покойного. Закопав могилу, начинали плакать и причитать, говоря: «Вечерами сильно не шуми, утро не проспи, боятся дети и все живые существа».

Уходя от могилы оставляли дымящийся костер, говоря:

— Далеко не ходи, вот тебе огнишко.

Крест, который последнее время ставили кеты над могилой своих сородичей, устанавливался в ногах покойника. На него вешали белую тряпочку[9]. На кладбищах у могил устраивали ограды.

Как сообщила нам Е. А. Алексеенко, кеты на могилах обычно оставляют разные сломанные вещи, принадлежавшие данному человеку. По описанию Е. А. Алексеенко, на кладбище у оз. Мундуйского (в бассейне р. Курейки) на женской могиле, сделанной весной 1958 г., были положены женский ящик с проломленной крышкой, продырявленные миска и чайник, сломанная алюминиевая ложка, гребень, разорванный мешочек, тряпки (рис. 1). Ломают вещи тут же у могилы, где бросают и одежду покойного. Здесь же оставляют нарты или санки, на которых был привезен покойник. По данным Е. А. Алексеенко санки живых лю-

---

[6] У курейских кетов Е. А. Алексеенко отметила обычай, по которому мать не могла участвовать в похоронах трех своих первых детей. Их хоронили старики.

[7] Тиска — выделанная и вываренная береста, которая употребляется на покрытие чумов.

[8] По объяснению И. И. Тыганова, «человек рожден богом восхода солнца, потому его кладут туда головой и в знак как бы погашения жизни».

[9] Есть сведения, что обычно эти тряпочки вешали ассимилированные кетами селькупы.

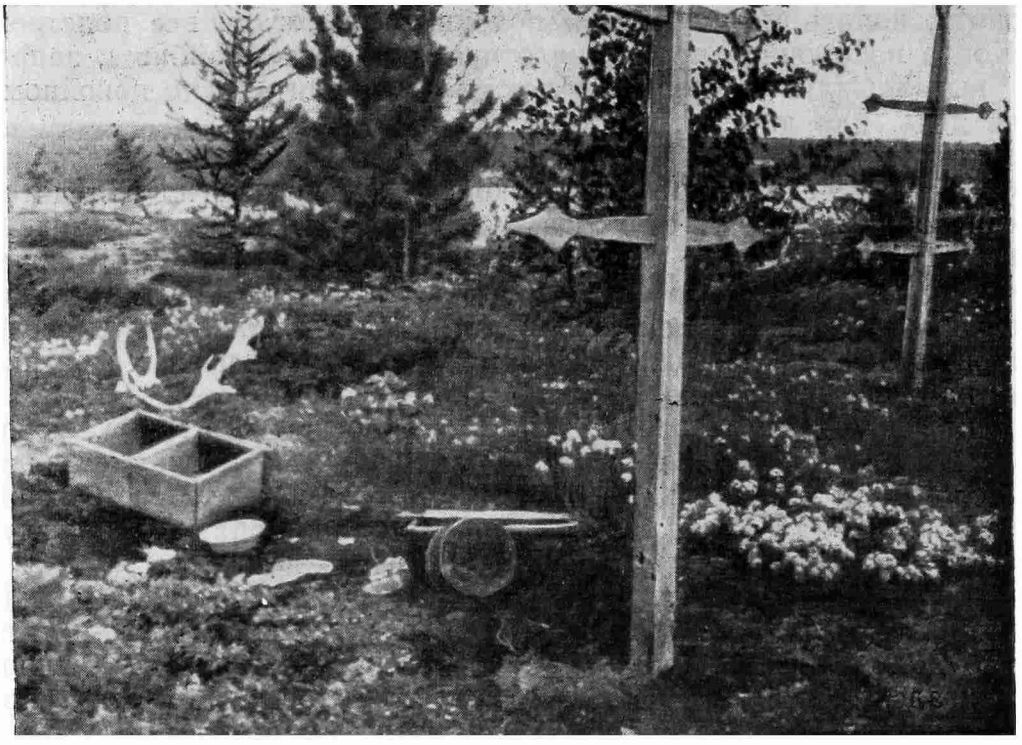


Рис. 1. Вещи на кетской могиле в бассейне Курейки (фото Е. А. Алексеенко, 1958 г.)

дей у кетов всегда ориентированы передком на восток. Когда человек умирал, его санки поворачивали передком на запад. Оставленные на могиле санки тоже всегда ориентированы передком на запад. Оленеводы на могиле бьют оленя, принадлежавшего покойному. Курейские кеты, по данным Е. А. Алексеенко, левую половину туши разрубали на семь кусков и бросали их в сторону заката, куда, как считалось, уходит человек. Остатки туши раздавали присутствующим на кладбище. Семья покойного это мясо не брала. Также поступали со шкурой убитого оленя и с его камусами. Голову оленя отрезали, подвешивали на колу у могилы [10].

У пеших, безоленных, подкаменно-тунгусских кетов вещей на могилах оставлялось меньше. Некоторые вещи клали в могилу, другие развешивали по близости на деревьях.

Уходили от могилы гуськом. Сзади всех шел отец покойного или другой старый человек [11], который должен был позади себя положить поперек тропинки палку, чтобы покойник не пришел вслед за ними обратно в чум. При этом говорили: «Твой след, дороги неведомы, но никогда не оглядывайся назад, потому что твоя дорога на белый простор закрыта».

В то время, когда покойника увозили хоронить, в его чум никто не должен был заходить. Во всем стойбище детей не выпускали на улицу и не давали им играть. На Елогуе запрещалось до возвращения похоронной процессии, выглядывать на улицу (например, выглянув, смотреть на возвращающихся участников похорон).

Если хоронили женщину, мужчины — участники похоронного обряда, придя с места погребения, разводили перед чумом костер и затем пере-

---

[10] По данным Е. А. Алексеенко, такой же обряд совершали кеты на Сургутихе и Пакулихе и ассимилированные кетами селькупы.

[11] Так рассказали нам на р. Подкаменной Тунгуске. На Елогуе, как сообщил нам И. И. Тыганов, позади шел человек другой фратрии (т. е. не принадлежащий к фратрии покойного), и он «загораживал» дорогу.

шагивали через него, чтобы «очиститься» от «неприятных духов покойника», а потом уже шли в чум и совершали поминки по умершей. Сейчас на Елогуе просто окуривают себя дымом горящей бересты или оленьей шерсти. Каких-либо различий в похоронных обрядах членов разных фратрий не отмечается.

Как сообщила нам Е. А. Алексеенко, на могилы кеты потом не ходят, но если им случается проходить мимо кладбища или отдельной могилы, то бросают на нее хлеб, сахар, табак и пр. Не полагается и много плакать по покойнику, звать его. В таком случае он не сможет лежать в могиле и станет «еретиком».

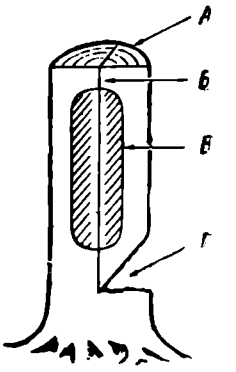


Рис. 2. Схема устройства захоронения в выдолбленном пне: *А* — срез сверху; *Б* — раскол пня; *В* — выдолбленное пространство, в котором помещается покойник; *Г* — нижний выруб (рис. И. И. Тыганова)

В вертикально стоящих колодках (сунгэльт) в настоящее время кеты хоронят только маленьких детей (рис. 2). По сведениям Е. А. Алексеенко, в колодах хоронят детей до появления у них зубов. Считается, что в земле таких детей хоронить грех [12]. Колоды для погребения детей приготовляют следующим образом. Срубают толстый кедр или сосну на высоте около 1,5 *м*. Затем на высоте от земли около 0,3 *м* надрубают оставшийся пень с восточной стороны до половины и, раскалывая сверху, отделяют ее. Обе половинки пня выдалбливают. В нишу стоящей вертикально половинки пня вкладывают (тоже в вертикальном положении головой вверх, лицом к ближайшей речке) трупик ребенка и прикрывают другой половиной пня [13]. Обе половинки колоды сколачивали раньше деревянными шпильками или стягивали тальниковыми обручами; в настоящее время сбивают железными гвоздями. Захоронения детей в таких колодах находятся вне кладбищ, обычно в глухом лесу (рис. 3).

Похороны шамана мало отличались от обычных похорон. Увозили шамана на кладбище и хоронили так же, как и обыкновенного человека, но его на кладбище сопровождало обычно больше народа. После похорон с ритуальной одежды шамана спарывались все металлические изображения и побрякушки, а бубен продырявливали. Затем эту одежду и бубен уносили в лес и там оставляли.

Вдовец или вдова могли снова вступать в брак лишь через 14—15 месяцев после смерти своего супруга.

Таковы имеющиеся у нас данные о похоронном обряде и обычаях, связанных с похоронами у кетов. Обращают на себя внимание похороны в вертикально стоящей колоде, отсутствие поминок на могиле, обкладывание могилы внутри досками, обычай зажигать костер на время, пока длится погребение. С. А. Токарев считает это явление пережитком обычая трупосожжения [14]. Сами кеты, как мы видели, связывают разжигание этого костра с намерением обеспечить своего покойника огнем в потустороннем мире. В связи с этим отметим, что у кетов можно брать огонь, горящую головешку для разведения костра в чуме или землянке лишь у членов своей фратрии.

Что касается ряда других обычаев в погребальном обряде кетов, то они связаны, с одной стороны, с желанием задобрить покойного и обеспечить себе его поддержку в будущем, а с другой — с желанием как-либо

---

[12] Курейский кет Ф. А. Серков рассказал в 1958 г. Е. А. Алексеенко следующее: «Хоронить детей в земле до появления зубов грех, их все равно земля не удержит, они улетают. Поэтому их хоронят в дупле кедра, в лесине».

[13] По данным Е. А. Алексеенко, на Курейке умершего ребенка кладут головой вниз и лицом в глубь ниши.

[14] С. А. Токарев. Этнография СССР. М., 1958, стр. 496.

Рис. 3. Захоронение ребенка в пне на Елогуе (фото Е. А. Алексеенко, 1956 г.)

обезопасить себя от него, оградиться от него. То и другое — характерные черты анимистического мировоззрения.

Литературных данных о погребальных обычаях кетов немного. П. Третьяков описывает способ погребения в вертикальной колоде как характерный именно для кетов [15].

Несомненно, еще в середине XIX в. хоронили в колодах и взрослых [16].

Но М. Ф. Кривошапкин, наблюдавший быт кетов, в то же время, как и Третьяков, сообщает, что «тело покойника обвертывают в бересту и зарывают в землю вместе с тою одеждою, в которой умер и с теми вещами, которые ему принадлежали: луком, стрелами, ножом и т. п. Иногда убивают на месте и погребают тут же его собак» [17]. Иначе говоря, в середине XIX в. у кетов одновременно существовали два способа погребений: и в вертикально стоящих колодах, и в земле. Последний способ, как мы знаем, был засвидетельствован уже в XVII в. Данные XVII в. и, по-видимому, данные Кривошапкина относятся к сымско-касским кетам. Третьяков имел в виду более северных инбатских кетов, живших по Енисею от устья реки Подкаменной Тунгуски и ниже. Вероятно, они дольше сохраняли старинные обряды и приемы погребений.

Кривошапкин отметил и обычай кетов вывозить покойников из глубины тайги к основной водной магистрали [18], а также запрет много плакать о покойнике [19]. В начале XX в. те же два погребальных обряда у кетов описал В. И. Анучин [20].

Кай Доннер, сообщая относительно обычая погребать детей в стволе дерева, предлагает сравнить этот способ «с обычаем помещать изображение медведя, употреблявшееся на медвежьем празднике после убие-

[15] П. Третьяков. Туруханский край. Зап. ИРГО по общей географии, т. II, СПб, 1869, стр. 391—392.

[16] В. Н. Чернецов сообщил нам, что на р. Туруханг в определенных случаях хоронили покойников в стволах деревьев еще совсем недавно.

[17] М. Ф. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, ч. II, стр. 143.

[18] Там же.

[19] М. Ф. Кривошапкин. Ук. соч., стр. 144; Н. А. Костров. Очерки Туруханского края. Записки Сибирск. отдела РГО, кн. IV, СПб., 1857, стр. 123.

[20] В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб., 1914, стр. 12.

ния медведя, в ствол дерева. Сравни... утверждение, что медведь после его смерти подобен человеческому существу»[21].

Мы можем констатировать, что погребальные обычаи кетов были весьма единообразны и устойчивы. Вместе с этим соображения Доннера о сходстве кетского способа погребения в стволе дерева со способом захоронения ритуального изображения медведя подтверждают заключение о том, что описанный способ погребения имеет глубокие исторические корни. К. Ф. Каръялайнен специально оговаривает, что этот способ погребения, по-видимому, неизвестен хантам и другим родственным последним по языку народам[22].

Издавна северными соседями кетов были энцы, западными — селькупы, восточными — эвенки. Погребальные обычаи энцев[23], при некоторых чертах сходства с кетскими (убой оленей на могиле, зашивание покойника в нюк, загораживание дороги и перешагивание через огонь при возвращении с кладбища и т. п.), в целом существенно отличаются от кетских. Обряд погребения в земле, в гробах встречался у энцев редко; преобладающими являлись наземные похороны, когда покойник лежал на санке, головой к югу, ногами на север. Над покойником воздвигалось коническое сооружение из бревен — мэро; выносили его в разобранную стенку чума, а не в двери. Для совершения похорон у энцев были специальные люди, так называемые сиориди. После похорон устраивался особый обряд с участием шамана, так называемого сабодэ. Все это не свойственно кетам.

Селькупы хоронили в земле в гробах, иногда в ветках (челноках). На могилах делали сруб («домовину»). Но в старину селькупы хоронили на деревьях (кедрах)[24] или на специальных лабазах. Среди погребальных обычаев северных тазовских селькупов есть также сходные с энецкими (вынос в разобранную стенку чума, убой оленей на могиле)[25].

Приенисейские эвенки обычно хоронили головой на север, на высоких помостах-лабазах, сделанных на столбах или на ветвях деревьев[26].

Далее к югу котты и «койбалы» в XVIII в. тоже оставляли своих покойников, завернутых в бересту, на поставленных на четыре столба лабазах, хотя наряду с этим хоронили и в земле[27].

По описанию А. П. Дульзона, чулымские тюрки хоронят своих покойников, как и кеты, на спине, головой на восток. В могильной яме, прежде чем опустить в нее покойника, разводили костер. Крест украшали цветными полосками материи. После похорон перед порогом избы перешагивали через огонь. А. П. Дульзон отмечает при этом полную преемственность между современным похоронным обрядом и древними погребениями XVI—XVII вв. на Чулыме и Кети[28]. Из древних могиль-

---

[21] Kai Donner. Ethnological notes about the Jenisey-Ostyak. Helsinki, 1933, стр. 73.

[22] K. F. Karjalainen. Die Religion der Jugra-Volker. Porvoo, 1921, т. I, стр. 114—115.

[23] Похоронные обряды энцев охарактеризованы по нашим полевым материалам и по статье Е. Д. Прокофьевой. См. Е. Д. Прокофьева. Материалы по религиозным представлениям энцев. Сб. МАЭ, т. XIV, М.— Л., 1953, стр. 208—212. Некоторых расхождений между нашими данными и использованными Е. Д. Прокофьевой мы сейчас касаться не будем.

[24] Сб. «Народы Сибири», М.— Л., 1956, стр. 678.

[25] П. Третьяков. Ук. соч., стр. 391—392. (Надо сказать, что у автора не всегда ясно, когда речь идет о кетах, когда — о селькупах.)

[26] К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. «Землеведение», 1922, кн. 1—2, стр. 99. Эвенки также закапывали покойников в землю.

[27] А. И. Андреев. Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири. СЭ, № 6, 1937, стр. 100—101.

[28] А. П. Дульзон. Чулымские татары и их язык. Уч. зап. ТГПИ, т. IX, 1952, стр. 106—107; его же. Археологические памятники Томской области. Тр. Томского областного краеведческого музея, т. V, Томск, 1956, стр. 137—138, 190—193; его же. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар. Уч. зап. ТГПИ, т. X, 1953, стр. 136—154, 203—273. Кроме того, А. П. Дульзон любезно ответил на наш запрос относительно ряда могильников, обследованных им.

ников Чердатский находится в зоне кетской топонимики, а остальные — на границе кетской и селькупской или в зоне селькупской топонимики, но недалеко от границы кетской [29]. А. П. Дульзон (вслед за В. В. Радловым) относит Чердатский могильник к древнему кетоязычному населению Чулыма [30].

А. П. Дульзон отмечает также, что по Палласу, на Чулыме существовал обычай оставления покойника (детей) на поверхности, не закапывая в землю. Ориентацию покойников головой на юго-восток А. П. Дульзон считает компромиссной между ориентацией аборигенов (и при этом не только Чулыма, но и Томи) на восток и ориентацией на юг у тюркских пришельцев [31]. Ориентация покойников головой на юг характерна и для северных самодийцев и поэтому компромиссная ориентация головой на юго-восток может быть характерна для смешанного самодийско-кетского населения, например, для части селькупов [32]. У нас нет данных об ориентировке покойников у селькупов, но древние захоронения на р. Тым ориентированы головой на юго-восток или юг [33].

Отправляясь от чулымцев далее на юг, мы найдем, что шорцы хоронили покойников на деревьях или на воздвигнутых на четырех столбах лабазах. При этом шорцы-кагинцы в первой половине XIX в. хоронили детей, завернув в кошму или бересту и привязав к дереву или положив в дупло и закрыв последнее корой. Когда шорцы хоронили в земле, они клали своих покойников головой на запад [34], а иногда и на восток. Около головы погребенного разводили огонь, в который лили водку и бросали пищу. Шаманов шорцы хоронили в глухом лесу. Тут же на дереве вешали прорезанный бубен умершего. Соседи шорцев — бельтиры — гробы с покойниками также ставили на ветви деревьев или зарывали в землю головой на запад и заваливали могилу камнями. На могиле убивали лошадь, голову и шкуру которой вешали тут же на дерево [35].

Племена красноярской лесостепи и минусинских степей хоронили только в земле. Аринцы закапывали покойников в землю и сверху заваливали камнями. На могиле убивали лошадь, голову, гриву и хвост которой вешали над могилой. Качинцы, опустив покойника в могилу, настилали над ней потолок из бревен, на который накладывали камни или, положив труп в могилу между досками, просто засыпали землей [36]. Сагайцы тоже хоронили в земле, в гробах, головой на запад. Дно могилы устилали берестой, а поверх могилы наваливали камни [37].

Наиболее близкими к кетским можно считать похоронные обряды чулымцев, а также шорцев.

---

[29] А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. Уч. зап. ТГПИ, т. VI, 1950, стр. 180 (см. также карту, приложенную к данной работе).

[30] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области, стр. 138.

[31] А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма..., стр. 186, 195—196.

[32] А. П. Дульзон. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби. Уч. зап. ТГПИ, т. XIII, 1955, стр. 105.

[33] А. П. Дульзон. Археологические памятники Томской области, стр. 227, 233. Современные кетские погребения отличает от погребений XVI—XVII вв. на Чулыме и Кети, описанных выше, то обстоятельство, что сейчас кеты хоронят в грунтовых могилах, а упомянутые погребения XVI—XVII вв. на Чулыме и Кети — наземные под курганами. Но и современные чулымцы, и селькупы на Кети хоронят покойников в грунтовых могилах. Такая же эволюция (может быть, под русским влиянием) могла иметь место и у кетов.

[34] Головой на запад хоронили и тюрки Алтая в Пазырыкское время. См. С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.—Л., 1949, стр. 179. Но надо иметь в виду, что ориентировку головой на запад требовал и православный обряд похорон.

[35] Сб. «Народы Сибири», стр. 516; Н. Ф. Катанов. О погребальных обрядах у тюркских племен центральной и восточной Азии. Казань, 1894, стр. 7—13, 17—19; Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957, стр. 236.

[36] А. И. Андреев. Ук. соч., стр. 102—103; Л. П. Потапов. Ук. соч., стр. 196.

[37] Н. Ф. Катанов. Ук. соч., стр. 13—15.

Поскольку в чулымцах и шорцах видят отуреченных кетов [38], а топонимика Чулыма и Шории носит в значительной части кетский характер [39], очевидно, это сходство в погребальных обычаях неслучайно.

И. Г. Георги в свое время писал, что кеты в отношении похоронных обрядов сходны с хантами [40]. Но у хантов и кетов различна ориентировка покойников (у хантов — головой на запад или на север) [41], ханты делают куклу заместителя умершего, долго оплакивают и поминают покойного (и дома, и на могиле), устраивают на могиле сооружение («терем», «амбар», «домовину»), а у кладбищ будки с шайтанами, жертвенники и т. д., что кетам несвойственно. Как мы уже отмечали, у хантов нет следов обычая погребать в нише стоящего дерева. Некоторые погребальные обряды, общие у хантов и кетов, могут быть объяснены русским влиянием. Не говоря уже о крестах на могилах и похоронах в гробах, сюда следует отнести (по Каръялайнену) и похороны в распиленных пополам ветках [42].

В целом можно констатировать, что у хантов в погребальных обрядах чувствуется воздействие таких этнических элементов, которые не оказали влияния в этом отношении на кетов.

Что касается известных нам особенностей погребальных обрядов населения, жившего в древности в Минусинской котловине, то, в плане сопоставления с кетскими погребальными обычаями, интересны захоронения карасукской культуры (1200—700 гг. до н. э.). Покойники этой культуры лежат в трапециевидных ящиках из плит, устроенных в неглубоких могильных ямах. Две трети покойников лежат вытянуто на спине, головой на восток [43]. Поскольку карасукская культура связана по происхождению с периферией древнего Китая [44], а язык кетов обнаруживает элементы сходства с сино-тибетскими языками [45], то указанные черты сходства в погребальном обряде приобретают известное значение.

Мы далеки от мысли предполагать непосредственное проникновение носителей карасукской культуры в район современного обитания кетов. Но, очевидно, носители карасукской культуры оказали сильное влияние на соседние им таежные племена, ближайшие из которых, видимо, даже восприняли язык карасукцев и в дальнейшем явились предками современных кетов. В районах современных Красноярска и Канска, т. е. там, где русские застали кетоязычных аринцев и коттов, несомненно обитали племена, культура которых была сходна с типичной культурой карасукских племен Минусинской котловины, но имела местные отличительные черты [46]. В связи с этим отметим, что если антропологический тип но-

---

[38] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. «Живая старина», 1896, вып. 3—4, стр. 343—344.

[39] В. В. Радлов. Древние аборигены Сибири. «Живописная Россия», СПб, 1884, стр. 9; W. Radloff. Aus Sibirien, т. I, Leipzig, 1884, стр. 188—189.

[40] И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. III, СПб., 1777, стр. 23; О похоронных обычаях хантов см. Фр. Белявский. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833, стр. 124—125; И. Г. Георги. Ук. соч., ч. I, СПб., 1776, стр. 86; В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. М.— Л., 1947, стр. 66—67; K. F. Karjalainen. Ук. соч., стр. 93—204; М. Б. Шатилов. Ваховские остяки. Томск, 1931, стр. 119—120. Пользуюсь случаем выразить здесь благодарность В. Н. Чернецову за библиографические указания.

[41] K. F. Karjalainen. Ук. соч., стр. 110. К. Ф. Каръялайнен отмечает неточность сообщений по этому вопросу.

[42] K. F. Karjalainen. Ук. соч., стр. 145, 157, 158, 160. К. Ф. Каръялайнен считает, что ориентировка покойников головой на запад у хантов тоже обязана русскому влиянию.

[43] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М.— Л., 1949, стр. 66.

[44] Там же, стр. 68, 78, 98.

[45] G. Ramstedt. Über den Ursprung der sogenannten, Jenissei-Ostjaken. Journal de la société Finno-Ougrienne, т. XXIV, 1907; Kai Donner. Beitrage zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken. Там же, т. XXXVII, 1920; K. Donner, Über die Jenissei-Ostjaken und ihre Sprachlehre. Там же, т. XLIV; 1930; С. И. Вайнштейн. К вопросу об этногенезе кетов. КСИЭ, вып. XIII, 1957, стр. 3—7.

[46] Э. Р. Рыгдылон. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 134.

Рис. 4. Нганасанка Момолю Чунанчар в праздничной одежде. Борта парки украшены полосками кожи с нашитыми на них медными пластинками с четырьмя выпуклостями каждая (фото В. С. Карева, 1957 г.)

Рис. 5. Она же, вид сзади. На лопатках пришита полоса кожи с прикрепленными к ней медными пластинками с тремя выпуклостями каждая (фото В. С. Карева, 1957 г.)

сителей карасукской культуры, судя по реконструкциям М. М. Герасимова [47], не имеет сходства с антропологическим типом кетов, то облик энеолитического человека из Базаихи в окрестностях Красноярска, реконстриурованный М. М. Герасимовым [48], представляет как бы несколько менее грацильный вариант физического типа современного кета.

Карасукская культура получила широкое распространение в низовьях Томи и прилегающей части Оби, вплоть до среднего Чулыма [49]. Судя по кетской топонимике бассейна верховьев Томи, вероятно проникновение карасукской культуры и на территорию современной Шории.

Карасукская культура вообще оказала сильное влияние на северные племена в бассейне Енисея. Древняя северная культура, сохранившаяся в настоящее время у энцев и нганасан, носит следы значительного влияния карасукской культуры. В частности, металлические женские украшения энцев и нганасан очень близки к украшениям карасукской культуры. Вероятно, предки кетов были связующим звеном между предками энцев и носителями карасукской культуры. Как это бывает в истории культуры, украшения определенного стиля, давно вышедшего из употребления в районе их первоначального развития и распространения, продолжают бытовать на далеких, глухих окраинах.

[47] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955, стр. 552—554.
[48] Там же, стр. 438.
[49] А. П. Дульзон. О некоторых древних поселениях человека в пределах Томской области. Уч. зап. ТГПИ, т. XII, Томск, 1954, стр. 236.

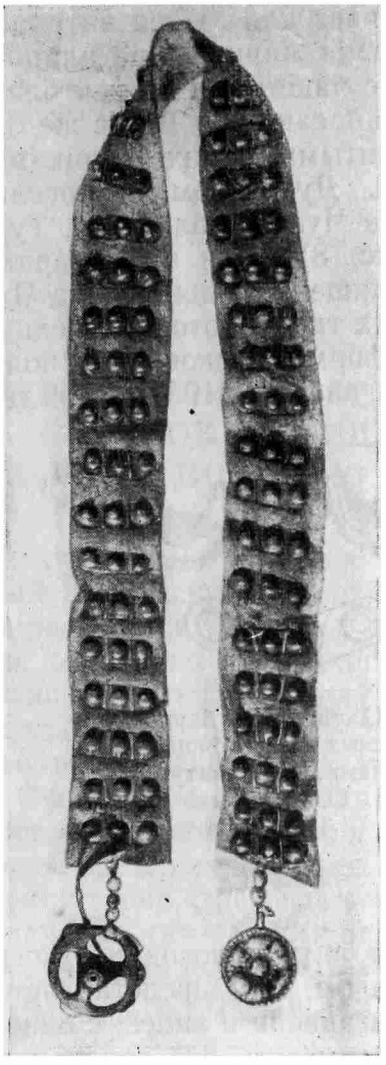


Рис. 6. Полоса кожи с медными пластинками, употребляемая для украшения женской одежды энцев (Сбор Б. О. Долгих, 1948; из коллекций МАЭ, № 4920-5)

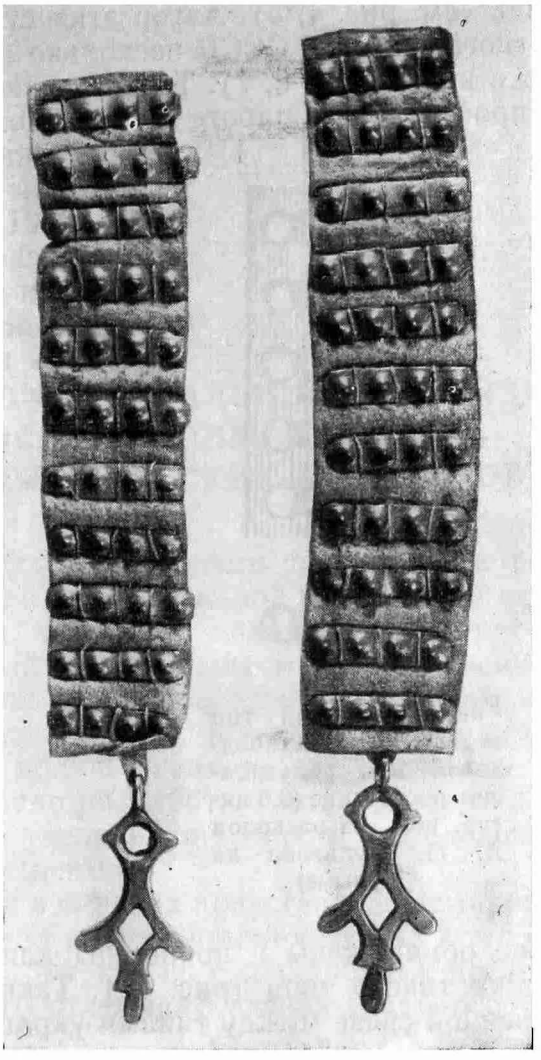


Рис. 7. Полоса кожи с медными пластинками, употребляемая для украшения женской одежды энцев (Сбор Б. О. Долгих, 1948; из коллекции МАЭ, № 4920-6)

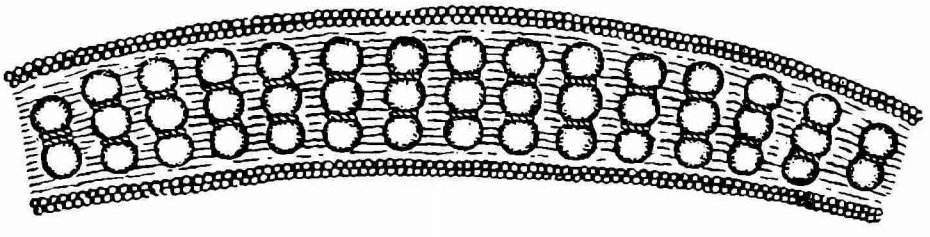


Рис. 8. Полоска ткани с нашитыми на нее бронзовыми бляшками из могильника XVI—XVII вв. на Чулыме близ дер. Тургай. Раскопки А. П. Дульзона

В плане установления связи между носителями карасукской культуры и современными народами Сибири, нам представляется существенным следующий факт. Среди карасукских украшений выделяются бронзовые бляшки с несколькими выпуклостями, которые С. В. Киселев связывает с северным Китаем [50]. Эти бляшки характерны для нганасан и

[50] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири, стр. 78, табл. XII, *12—18, 43—45*. Ряд данных о связях между украшениями карасукской культуры и украшениями нганасан и энцев приводит Р. В. Николаев в своем сообщении. См. Р. В. Николаев. Карасукская культура на Севере Красноярского края. Сб. «Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири». Томск, 1959.

энцев (см. рис. 4, 5). Автор этих строк привез для Музея антропологии и этнографии АН СССР несколько их наборов, нашитых на длинные полоски кожи (рис. 6, 7). Такая же полоска с нашитыми на ней бляшками воспроизведена в работе А. А. Попова «Нганасаны» [51]. Такие же бляшки (и полоски с нашитыми на них бляшками) обнаружены А. П. Дульзоном в могильниках XVI—XVII вв. на Чулыме близ дер. Тургай и Балагачево [52] (рис. 8). При этом характерно, что среди этих бляшек, найденных на Чулыме, имеется особый их тип, в котором средняя выпуклость имеет форму подковы или полумесяца [53] (рис. 9). У нганасан в 1957 и 1959 гг. нами

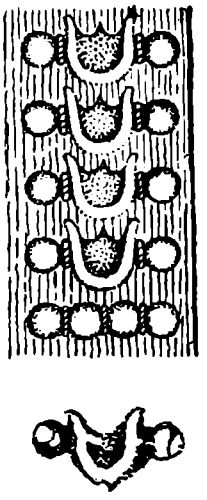


Рис. 9. Особый тип медных бляшек с подковой или полумесяцем посередине (0,5 натур. вел., из раскопок А. П. Дульзона на Чулыме)

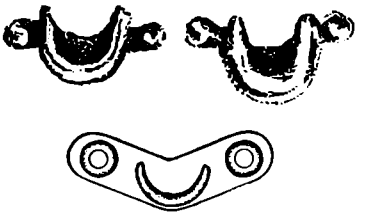


Рис. 10. Особые типы бляшек, изготовляемых в настоящее время нганасанами, 0,7 натур. вел. (Сбор Б. О. Долгих 1957 и 1959 гг.)

также обнаружены и привезены для Музея антропологии и этнографии бляшки такого типа (рис. 10). Таким образом, нам представляется несомненной связь между типами украшения нганасан и энцев, с одной стороны, и населения Чулыма, с другой. Поскольку есть все основания считать древнее население Чулыма кетоязычным, находит подтверждение тезис о том, что элементы карасукской культуры занесли к нганасанам и энцам именно кетоязычные племена.

С. И. Вайнштейн различает в кетской культуре два пласта: северный аборигенный и южный более поздний [54]. Последний, очевидно, связан с культурами, существовавшими прежде в Минусинской котловине. В частности, сходство культуры кетов с чулымской и шорской можно объяснить как общим аборигенным этническим субстратом, так и некоторыми одинаковыми последующими культурными влияниями. В числе последних большое значение имело влияние карасукской культуры, с которой пришел, вероятно, в бассейны Енисея и Оби также и кетский язык.

---

[51] А. А. Попов. Нганасаны. М.— Л., 1948, табл. 33.

[52] А. П. Дульзон. Поздние археологические памятники Чулыма..., стр. 313, табл. IX, *1, 3, 4, 5, 9.*

[53] Там же, стр. 313, рис. 6, 7.

[54] С. И. Вайнштейн. К вопросу об этногенезе кетов. КСИЭ, вып. III, 1951, стр. 3—7.

Д. В. НАУМОВ

МЕТОД КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА СПЛАВОВ НА МЕДНОЙ ОСНОВЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИССЛЕДОВАНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ

Спектральный химический анализ имеет много преимуществ перед мокрым химическим благодаря своей относительной простоте и скорости определения. Этот вид анализа отражает полную характеристику сплава от основы до микропримесей и все больше и больше проникает в различные области знаний. Использование новейшей аппаратуры и новые задачи, стоящие перед исследователями, вызвали необходимость разработки оригинальных методов количественного спектрального анализа. Особенно много работ посвящено разработке методов для анализа сплавов на медной основе с целью увеличения точности определения и уменьшения влияния «третьих» элементов [1].

Присутствие «третьих» элементов в сплавах представляет немаловажное значение, так как для определения концентраций искомых компонентов необходимо подбирать эталоны, близкие по содержанию к исследуемым сплавам, и строить для каждого отдельного случая градуировочный график [2].

Большие затруднения встречаются также при определении высоких концентраций компонентов и особенно основы сплава, так как с ростом концентрации увеличивается абсолютная ошибка отдельного определения [3].

Мы не задаемся целью критически рассматривать описанные в литературе и используемые на практике все методы количественного спектрального анализа. Однако мы считаем необходимым остановиться на двух таких методах, применяемых при исследовании археологических образцов. Это дуго-искровый метод Отто — Виттера (Германия) [4] и метод фотометрического интерполирования, применяемый И. Р. Селимхановым (Лаборатория археологической технологии ИИ АН АзССР) [5].

Метод Отто — Виттера основан на сочетании дугового и искрового анализов. При этом, особенно при последнем способе, необходимо иметь зачищенную металлическую поверхность предмета, и сам предмет должен быть достаточного размера, являясь одним из электродов, который не должен разогреваться при анализе. Несмотря на то, что авторы широко

---

[1] Под «третьими» элементами подразумевают такие составляющие, которые, находясь в сплаве, оказывают влияние на результаты определения других компонентов.

[2] В. К. Прокофьев. Спектральный анализ цветных сплавов. Изв. АН СССР, сер. физическая, 9, 607, 1945; Я. П. Белькевич. Руководство по спектральному анализу металлов. М., 1950, стр. 124.

[3] Дж. Гаррисон, Р. Лорди и Дж. Луфбуров. Практическая спектроскопия. М., 1950, стр. 493.

[4] H. Otto, W. Witter. Handbuch der ältesten vorgeschichtlichen Metallurgie in Mitteleuropa. Leipzig, 1952, стр. 59.

[5] И. Р. Селимханов. К методике спектрального анализа археологических медных и бронзовых сплавов. ДАН АзССР, т. XIII, № 9, стр. 967; его же. Историко-химические и аналитические исследования древних медно-бронзовых предметов. Автореферат диссертации. М., 1959.

пользовались этим методом и получали достаточно убедительные результаты, рамки его применения все же ограничены вследствие необходимости взятия значительной навески (для дугового анализа) и использования целого предмета или значительной его части, хорошей сохранности, для искрового анализа.

Что касается метода фотометрического интерполирования, примененного в Лаборатории археологической технологии Института истории АН АзССР при анализе древних бронз, то этот метод не дает достаточно точных результатов. Кроме того, ни тем, ни другим методом не определялось содержание компонентов свыше 10%, а основа сплава определялась или по разнице, вычитанием из 100% суммы примесей, или мокрым химическим методом, что, безусловно, усложняло работу.

В настоящей работе изложен метод количественного спектрального анализа, отработанный в спектральной лаборатории Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, под руководством заведующего кафедрой аналитической химии Ленинградского политехнического института Е. И. Денисова и применяемый при анализе главных компонентов бронз и латуней, включая основу сплава.

При выработке этого метода ставилась задача: во-первых, использование для анализа минимальной навески (порядка нескольких миллиграмм) и, во-вторых, снижение влияния «третьих» элементов на результаты определения компонентов исследуемого сплава. При снижении влияния «третьих» элементов точность определений должна была бы возрасти.

Количественный спектральный анализ включает в себя следующие операции: 1) взятие пробы; 2) подготовку образцов к анализу; 3) изготовление брикетов и угольных электродов; 4) подготовку эталонов; 5) соблюдение условий режима дуги и проявление фотопластинок; 6) построение графиков; 7) обработку результатов.

1. Взятие пробы. Археологические металлические предметы бывают различной степени сохранности. Встречаются предметы как хорошо сохранившиеся, с явно металлической поверхностью, так и полностью коррозированные. Анализ металлической части предмета дает точную характеристику сплава, выраженную процентным составом компонентов.

Анализ же плохо сохранившегося предмета лишь частично отражает его первоначальный состав, так как концентрации компонентов сильно окислившейся части предмета в пересчете на металл в значительной степени отличаются от концентраций этих же составляющих, но в той части предмета, которая осталась не разрушенной окислами.

Анализ предметов плохой сохранности все же может показать, был ли предмет медный, бронзовый или латунный, а также выявить присутствие в этих сплавах тех или иных элементов.

При взятии пробы предмет необходимо зачистить до металла и отбирать металлическую часть сплава в виде тонкого порошка или стружек. Отбор проб удобно производить зубоврачебными борами различных диаметров. Этим способом можно взять достаточную навеску образца при незначительном входном отверстии. Диаметр отверстия для бора № 0 будет 0,7 *мм*.

2. Подготовка образцов к анализу. Данный метод предполагает предварительную химическую обработку исследуемых образцов, для чего навеска бронзы или латуни 0,025—0,1 *г* растворяется в 0,15—0,6 *мл* (1 : 1) серной кислоты с добавлением 0,3—1,5 *мл* 30% перекиси водорода или в 0,25—1 *мл* HNO_3 плотностью 1,4 во взвешенном прикрытом бюксе[6]. Если проба растворяется медленно, то бюкс слегка подогревают на песочной бане. По растворении навески раствор до-

[6] Оказалось, что от количества серной кислоты зависит окончательный результат. При значительном избытке ее вычисленные концентрации компонентов, составляющие сплав, завышаются, а при недостатке проба может полностью не раствориться.

водится (выпариванием на песочной бане или добавлением дистиллированной воды) до объема 1—1,5 мл. Полученный раствор разбавляется горячим 30% раствором пищевой желатины [7] в количестве 0,5—0,7 *мл* и замешивается угольным порошком [8] до образования густой однородной массы.

Если навеска анализируемого сплава меньше указанной, то ее растворяют в соответственно меньшем количестве кислоты, а угольный порошок берется в таких количествах, чтобы содержание анализируемых компонентов не выходило за весовые пределы определяемых концентраций и

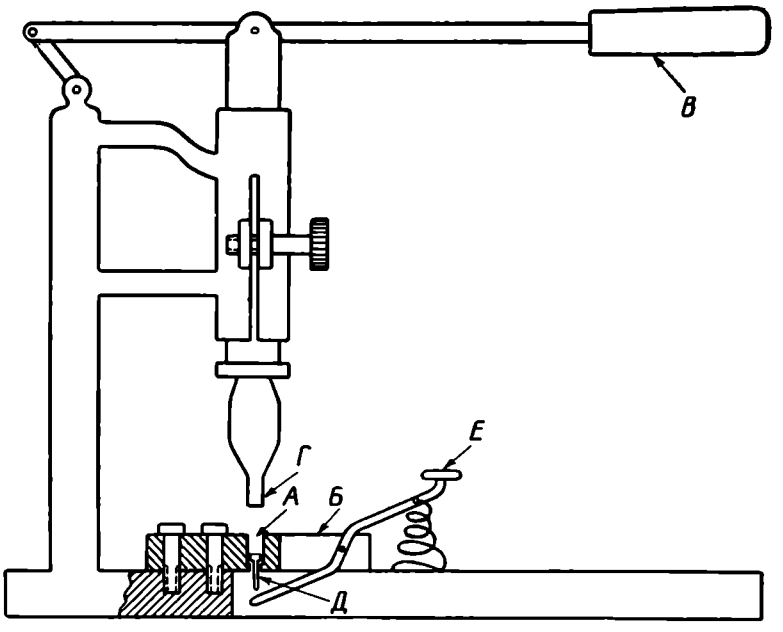


Рис.1.

пробе. Бюкс с тщательно перемешанной массой, состоящей из химически обработанной пробы, угольного порошка и желатины, помещается в сушильный шкаф и выдерживается там при температуре 120°С в течение 1—1,5 часов, достаточных для полного удаления влаги. Содержимое бюкса по мере высыхания измельчается, чтобы избежать образования отвердевших больших комков. Высушенная таким образом масса полностью переносится в агатовую ступку, истирается до тонкого порошка и в том же самом бюксе взвешивается на аналитических весах. Бюкс с порошком сохраняется в эксикаторе над хлористым кальцием до последующей обработки.

3. Изготовление брикетов и угольных электродов. Готовый исследуемый угольный порошок прессуется в брикеты при помощи маленького настольного пресса, схема которого представлена на рис. 1. Порошок засыпается в матрицу (*А*) до уровня поверхности накладки (*Б*), затем нажатием ручки (*В*) порошок спрессовывается пуансоном (*Г*). Изготовленный брикет извлекается из матрицы при помощи толкателя (*Д*), приводящегося в движение рычажком с кнопкой (*Е*), и помещается в бюкс. Пуансон пресса съемный конусный и в случае необходимости изготовления брикета иного диаметра заменяется. Накладка с матрицей, толкателем и рычажком также съемные и крепятся болтами к основанию пресса.

Давление, создаваемое прессом,— 800—900 *кг/см*^{2}. Диаметр полученного брикета — 4 *мм*, высота — 2,5—3 *мм*, вес — 50 *мг*. При этом содержание исследуемого образца в пробе составляет от 2 до 0,5 *мг*.

Для сжигания брикета в нижнем угольном электроде просверливается кратер сверлом 4 *мм* на глубину 4—5 *мм*. Брикет плотно входит в кратер

[7] Пищевая желатина играет роль связующего вещества.

[8] Угольный порошок готовится путем истирания спектральных угольных электродов.

электрода, при этом торцы их плоскостей совпадают. Для того чтобы во время сжигания образца его не выбросило скопившимися газами, электрод просверливают по диаметру в основании кратера сверлом 1—1,5 *мм*. Верхний угольный электрод затачивается под углом 45° с площадкой в вершине 2—3 *мм* (рис. 2). Готовый брикет, взвешенный на аналитических весах, помещается в углублении нижнего угольного электрода и сохраняется в эксикаторе до момента сжигания. Брикет, состоящий из пробы бронзы или латуни с угольным порошком, обладает хорошей электропроводностью и равномерно испаряется в дуге переменного тока. Кроме того, при разбавлении образца угольным порошком наблюдалось заметное уменьшение влияния «третьих» элементов [9].

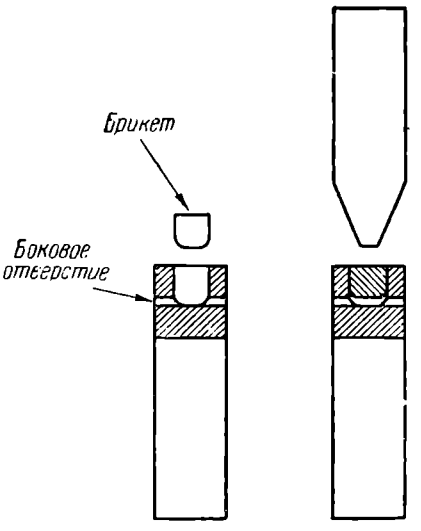


Рис. 2.

4. Подготовка эталонов. Для изготовления эталонов можно использовать как готовые химически проверенные сплавы цветных металлов, так и чистые металлы. При этом могут быть применены два способа. Первый способ заключается в том, что используются различные навески сплава или чистых металлов, из которых по описанному выше методу составляются приблизительно одинаковые (по весу) эталонные порошки.

При втором способе готовый эталонный порошок разбавляется предварительно высушенным и тонко измельченным чистым угольным порошком, замешанным на растворе пищевой желатины. Воспроизводимость результатов в последнем случае зависит главным образом от тщательности перемешивания эталонного и угольного порошков. При изготовлении эталонов мы применяли и тот и другой способ.

5. Режим дуги и обработка фотопластинок. Сжигание эталонов и исследуемых образцов производилось на кварцевом спектрографе «ИСП-22». В качестве источника возбуждения спектра применялась дуга переменного тока силой в 6 *а*, генератором дуги служил «ПС-39», дуговой промежуток — 2 *мм*, экспозиция — 1 *мин*, при диафрагме 2 *мм* и ширине щели 0,03 *мм*. При таких экспозициях не наблюдалось полноты испарения ни для одного из исследуемых элементов, и фон фотопластинки оставался незначительным.

В качестве фотоматериала использовались пластинки для научных целей, спектральные, тип II, чувствительностью 11 единиц ГОСТа. Фотопластинки проявлялись в сверхмелкозернистом проявителе состава:

Метол	5 *г*	Роданистый калий	1 *г*
Сульфит натрия б/в .	100 *г*	Бромистый калий	0,5 *г*
Бура кристаллическая .	2 *г*	Вода дистиллированная . .	до 1 *л*

Время проявления 15 *мин* при 20° С. Каждая пластинка проявлялась в свежем проявителе. Состав фиксирующего раствора был следующий:

Гипосульфит	250 *г*
Сульфит	50 *г*
Вода дистиллированная	до 1 *л*

Обработанные пластинки промерялись на микрофотометре «МФ-2». Для контроля свойств фотопластинок на каждой из них наряду со спектрами образцов снимался спектр эталона.

6. Построение графиков. При построении градуировочных графиков необходимо рассчитывать содержание искомого компонента в

[9] Л. С. Ломоносова, О. Б. Фалькова. Спектральный анализ. М., 1958, стр. 199.

брикете, откладывая на оси абсцисс lg *c* (*мг* компонента). При уменьшении содержания главного компонента в пробе интенсивность почернения спектральной линии этого компонента также уменьшается. Благодаря этому оказалось возможным определять даже те компоненты, которые составляют основу сплава. На оси ординат откладывались абсолютные почерне-

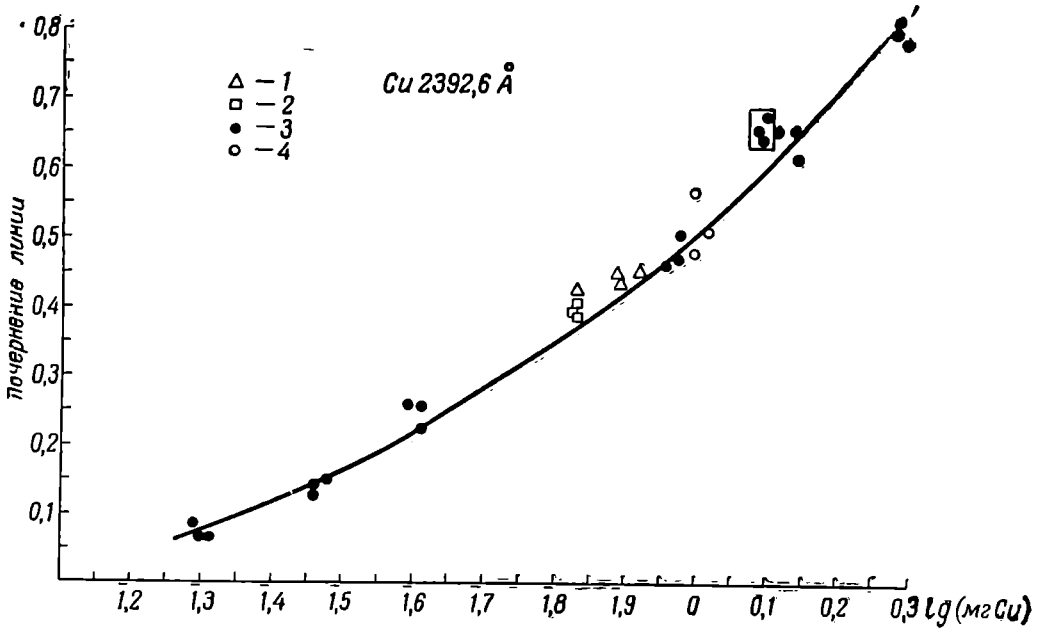


Рис. 3.

1, 2 — медь, содержащаяся в латунях №№ 1 и 2; *3, 4* — она же в бронзах №№ 3 и 4

ния спектральных линий, а не разность почернений, так как содержание основного компонента (меди) значительно меняется от образца к образцу, а внутренний стандарт [10] не вводился [11].

При анализе бронз и латуней строятся общие для них градуировочные графики по меди, олову, свинцу, а также по цинку, если концентрация цинка в латуни разбавлением приведена к концентрации цинка в бронзе. Так, на рис. 3 кривая построена по меди, содержащейся в латунях №№ 1 и 2 в количестве 67,2% и 58,5% и в бронзах №№ 3 и 4 — соответственно 84,0% и 88,06%. Наличие свинца в образце не оказывает влияния на интенсивность спектральных линий олова. Так, в бронзе № 4 свинец отсутствует, но, несмотря на это, точки, соответствующие олову этого образца, лежат на кривой, проведенной через точки латуни № 1, где олова 2,4%, и бронзы № 3, с оловом 6,06%, но в которых свинец содержится в количестве 0,5 и 4,04% (рис. 4). Хотя свинец в латуни №№ 1 и 2 содержится соответственно в количестве 0,5 и 1,3%, а в бронзе № 3 — 4,04%, у них одна и та же кривая (рис. 5).

Подобные графики были построены для цинка, латуней и бронз, а также для мышьяка и сурьмы, часто встречающихся в древних бронзах.

Многочисленные эксперименты, проведенные в лаборатории, не обнаружили значительного взаимного влияния свинца, олова и цинка (при совместном присутствии) на интенсивность спектральных линий, в то время как количество серной кислоты, о чем уже говорилось выше, оказало существенное влияние на результаты измерений. Избыток ее сказывался в увеличении интенсивности спектральных линий и в значительном разбро-

---

[10] Внутренний стандарт — это специально выбранный и введенный в сплав элемент, спектральные линии которого сравниваются со спектральными линиями исследуемых элементов.

[11] Д. М. Шварц, В. В. Портнова. Спектральный анализ олова особой чистоты с применением предварительного обогащения. Журн. «Заводская лаборатория», 24, 1958, № 6.

се точек на графиках lg S (почернение линий) — lg c (концентрация искомого компонента). При этом наибольший разброс и отклонения от градуировочной кривой наблюдались для свинца и олова, меньший — для меди и цинка. На рис. 3, 4 и 5 сгруппированы точки, ограниченные прямоугольниками, для тех случаев, когда при растворении пробы была введена избыточная кислота.

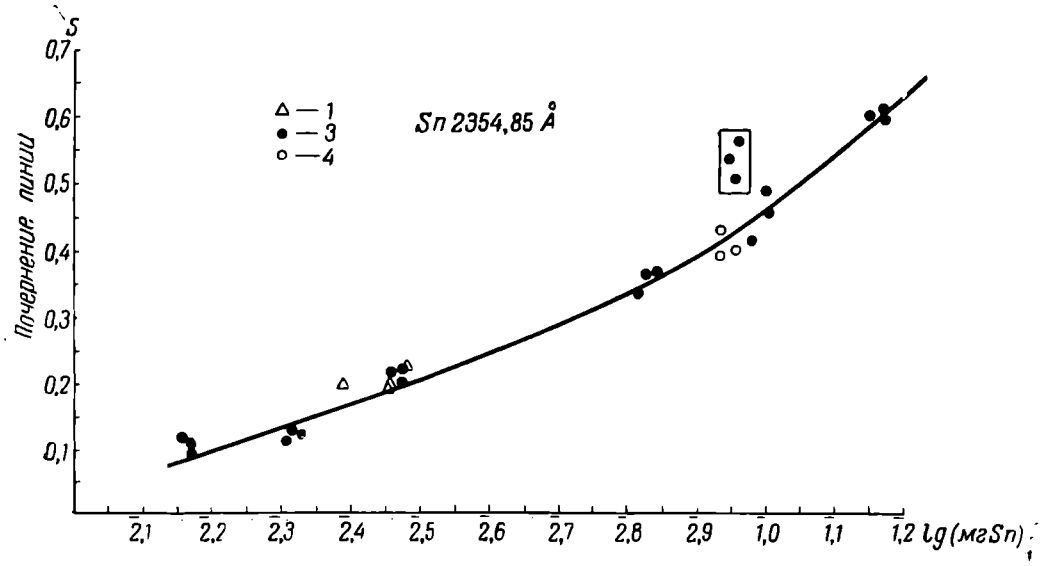


Рис. 4.

1 — олово в латуни № 1; *3*, *4* — олово в бронзе №№ 3, 4

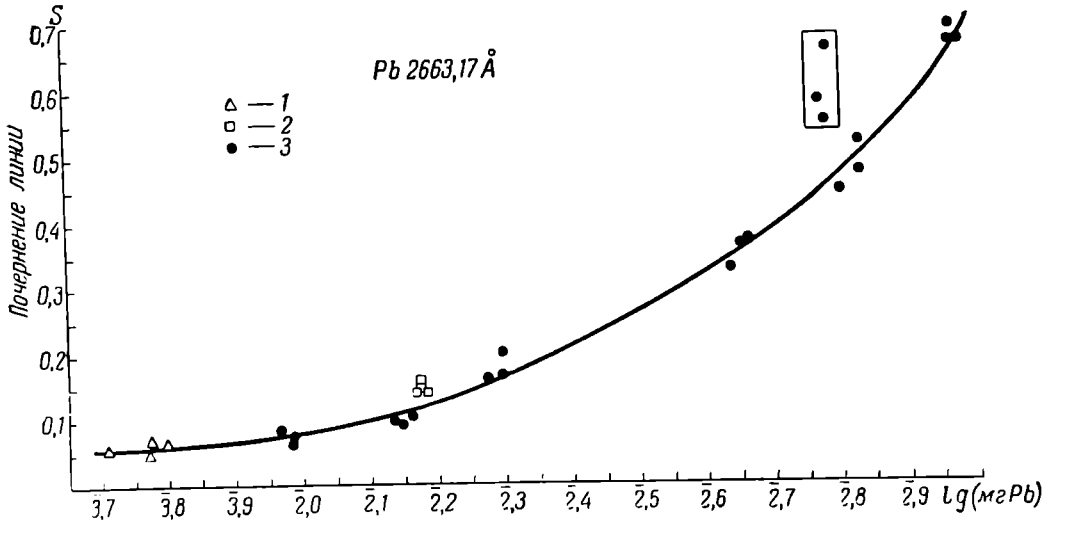


Рис. 5.

1, *2* — свинец в латуни №№ 1 и *2*, *3* — свинец в бронзе № 3

7. Обработка результатов. Расчет концентрации компонента сводится к определению содержания его в миллиграммах в данном брикете по почернению линий на градуировочном графике, а при пересчете на навеску — к процентному содержанию. Определив концентрации всех компонентов в данном брикете, составляют сумму процентов. Чем сумма процентов ближе к 100, тем вероятнее приближение отдельных слагаемых к истинному содержанию. Но сумма процентов может отклоняться от 100 вследствие колебания силы тока, неравномерности сгорания, влияния избытка серной кислоты, взятой при растворении навески, загрязнения навески продуктами коррозии, приближенного веса ее и т. п. При этом, если отклонение суммы процентов от 100 зависит лишь от одного из компонен-

тов, то такой одиночный эксперимент из нескольких параллельных определений не принимается в расчет. Чаще отклонение суммы процентов зависит от всех составляющих сплав компонентов, и в силу перечисленных выше причин эти отклонения одного знака, что позволяет значительно исправить окончательный результат. Для этого полученную сумму процентов, отличную от 100, условно принимают за 100 и соответственно пересчитывают концентрации составляющих компонентов [12].

Строго говоря, при таком пересчете мы получаем относительные содержания компонентов в процентах, и чем большее количество компонентов учтено, тем ближе относительные концентрации к абсолютным. Практически, если определяемые компоненты составляют 99%, то относительные концентрации отличаются от истинных на 1%, что является несущественным.

Более простой и быстрый расчет относительных концентраций производится при определении количества (в миллиграммах) исследуемых компонентов в данном брикете из градуировочных графиков ($\lg S - \lg c$) по почернениям спектральных линий и по этим величинам определяются процентные отношения. В этом случае отпадает необходимость взятия точной навески, а также взвешивания каждого брикета, а результат расчета как первым, так и вторым способом остается один и тот же. После определения процентного состава для каждого отдельного эксперимента находят средний процентный состав из параллельных определений.

Контрольные данные. Для проверки разработанного метода была проведена работа по определению количественного состава некоторых бронз и латуней с заранее известной концентрацией составляющих компонентов сплава. Были использованы специально изготовленные эталоны с концентрациями основных элементов, наиболее часто встречающихся в археологических образцах. Так, свинец, например, определялся при концентрациях 0,5—4%, олово — 0,5—8%, цинк — от 5 до 90%, медь — от 10 до 99%. Сравнение данных количественного спектрального анализа с результатами мокрого химического показало значительную точность определения. В табл. 1 приведены результаты определения концентраций элементов шести параллельных анализов.

Интересными оказались изменения абсолютных и относительных ошибок при изменении концентраций элементов. При определении содержания одного из компонентов в бинарной системе абсолютная ошибка отдельного определения увеличивалась с ростом концентрации, достигая максимального значения в области 50%. При дальнейшем возрастании концентрации отдельного компонента абсолютная ошибка уменьшалась, при этом она стремилась к нулю, когда содержание этого компонента приближалось к 100%.

Что касается относительной ошибки определения данного компонента, то она оставалась неизменной при варьировании концентраций от доли процента до 50%, а свыше 50% относительная ошибка, подобно абсолютной, стремилась к нулю по мере приближения концентрации этого компонента к 100 % [13].

Графическая зависимость относительных и абсолютных отклонений от действительных концентраций представлена на диаграмме (рис. 6) системы

---

[12] В нашей практике отклонение суммы процентов от 100 было редко больше ±15%.

[13] Величины абсолютных и относительных ошибок мы получали как среднее арифметическое значение из алгебраической суммы, тогда как И. Р. Селимханов получал из арифметической суммы. Для абсолютных ошибок — 0,3% и +0,9% средняя будет 0,6%. При содержании элемента в сплаве в 10% относительные ошибки соответственно будут — 3% и +9%, а средняя ошибка 6,0%. И. Р. Селимханов (см. И. Р. Селимханов. Спектральное количественное определение никеля в археологических медных и бронзовых сплавах. ДАН АзССР, т. XV, № 6, стр. 500) подбирал отклонения попарно с разными знаками и вычитал из одной величины другую. Так, относительные отклонения, равные — 15,57% и +13,68%, представлялись в виде относительной ошибки — 1,89%, или другая пара отклонений после вычитания оказалась равной +1,14%. В действительности же в первом случае ошибка была 14,60%, а во втором 6,42%.

Таблица 1

Химич. анализ эл-та	Спектр. анализ	Абсол. ошибка	Относит. ошибка	Химич. анализ эл-та	Спектр. анализ	Абсол. ошибка	Относит. ошибка
Sn 0,50%	0,56	0,06	12	Pb 0,50%	0,53	0,03	6
	0,50	0,00	0		0,53	0,03	6
	0,61	0,11	22		0,50	0,00	0
	0,52	0,02	4		0,58	0,08	16
	0,48	—0,02	—4		0,47	—0,03	—6
	0,53	0,03	6		0,45	—0,05	—10
	Среднее арифметическое				Среднее арифметическое		
	0,53	0,04	8,0		0,51	0,04	7,3
Sn 6,06%	5,50	—0,56	—9,2	Pb 4,04%	3,70	—0,34	—8,3
	5,85	—0,21	—3,4		3,80	—0,24	—5,8
	6,60	0,54	8,9		4,45	0,41	10,0
	6,38	0,32	5,2		4,10	0,06	1,4
	6,08	0,02	0,3		4,06	0,02	0,5
	6,30	0,24	3,9		4,20	0,16	3,9
	Среднее арифметическое				Среднее арифметическое		
	6,11	0,31	5,2		4,06	0,20	5,0
Cu 90,0%	91,5	1,5	1,7	Zn 90,0%	89,4	—0,6	—0,7
	91,0	1,0	1,1		90,3	0,3	0,3
	90,5	0,5	0,6		89,4	—0,6	—0,7
	91,0	1,0	1,1		89,1	—0,9	—1,0
	90,0	0,0	0		89,6	—0,4	—0,4
	88,0	—2,0	—2,2		87,3	—2,7	—3,0
	Среднее арифметическое				Среднее арифметическое		
	90,3	1,0	1,1		89,3	0,9	1,0
Cu 50,0%	53,6	3,6	7,2	Zn 50,0%	46,4	—3,6	—7,2
	48,3	—1,7	—3,4		51,7	1,7	3,4
	46,2	—3,8	—7,6		53,8	3,8	7,6
	48,4	—1,6	—3,2		51,6	1,6	3,2
	45,1	—4,9	—9,8		54,9	4,9	9,8
	55,1	5,1	10,2		44,9	—5,1	—10,2
	Среднее арифметическое				Среднее арифметическое		
	49,5	3,5	6,9		50,5	3,5	6,9
Cu 10,0%	10,6	0,6	6	Zn 10,0%	8,7	—1,3	—13
	9,74	—0,3	—3		9,4	—0,6	—6
	10,6	0,6	6		9,0	—1,0	—10
	10,9	0,9	9		10,0	0,0	0
	10,4	0,4	4		9,9	—0,1	—1
	11,7	1,7	1,7		9,1	—0,9	—9
	Среднее арифметическое				Среднее арифметическое		
	10,6	0,75	7,5		9,4	0,65	6,5

цинк — медь. Кривые на диаграмме проведены через точки, соответствующие средним арифметическим значениям этих отклонений из десяти определений. Из приведенной диаграммы видно, что наибольшие абсолютные отклонения имеют место при равных концентрациях составляющих сплав компонентов. Следовательно, если сплав состоит только из трех компонентов, то максимальные абсолютные отклонения будут при концентрации 33% для каждого компонента, для системы, состоящей из четырех компонентов при 25% и т. д. Сплавы такого типа встречаются редко.

Выбор аналитических линий. Метод количественного спектрального анализа, принятый нами, позволяет определять составы цветных сплавов из навесок в несколько миллиграмм. При анализе таких малых проб большинство из известных аналитических линий, используемых для определения состава сплавов в больших навесках, оказываются непригодными ввиду их низкой чувствительности. Поэтому аналитические линии для ряда элементов выбираются из числа «последних» линий [14]. Пределы возможности определения для различных аналитических линий различны, но практически всегда можно подобрать нужную концентрацию для определяемого компонента, взяв соответствующее количество угольного порошка. В табл. 2 приведены наиболее удобные аналитические линии и весовые пределы определения элементов в пробе.

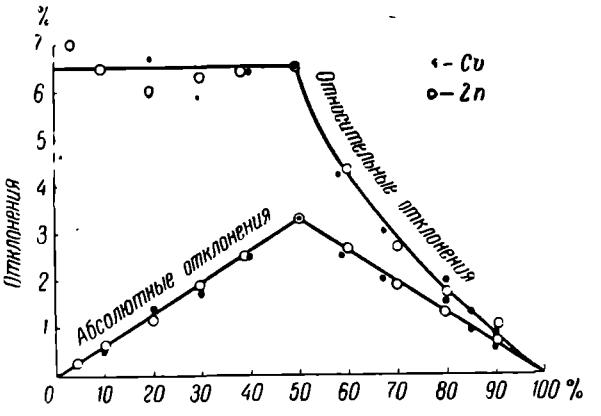


Рис. 6.

Описанный метод количественного спектрального анализа цветных сплавов позволяет: 1) определять высокопроцентное содержание компонентов и основу сплава; 2) производить анализ образцов при малых навесках (0,005—0,01 *г*); 3) пользоваться общими градуировочными кривыми для меди в бронзах и латунях, а также для цинка, олова, свинца, сурьмы, мышьяка при широком диапазоне концентраций компонентов, в связи с незначительным влиянием «третьих» элементов; 4) исправлять ошибки определения путем пересчета суммы компонентов в % условно на 100; 5) снижать до минимального значения относительные и абсолютные отклонения при анализе компонентов, близких к 100%.

Таблица 2

Элемент	Аналитическая линия λ в Å	Предел определения элемента в брикете (в *мг*)	Элемент	Аналитическая линия λ в Å	Предел определения элемента в брикете (в *мг*)
Cu	2766,4 2392,6 2882,9	0,1—1,0 0,3—2,5	Zn	2800,87 2770,98	0,02—0,25 0,03—0,4
Pb	2663,7 2873,3 2577,3	0,01—0,1 0,03—0,25	Sb	2877,92 2769,9	0,01—0,1 0,02—0,2
Sn	2840,0 2429,5 2661,25	0,001—0,025 0,01—0,1 0,03—0,2	As	2349,84 2860,04	0,01—0,15 0,03—0,4

При количественном спектральном анализе бронз и латуней мы ограничиваемся абсолютным и относительным определением количества меди, цинка, олова, свинца, сурьмы и мышьяка, как наиболее часто встречающихся в сплавах археологических предметов. Такие элементы, как висмут, серебро, железо, никель, марганец, кобальт, фосфор, мы определяем более грубым полуколичественным методом спектрального анализа, а остальные элементы определяются качественно с ориентировочной оценкой содержания. При необходимости их количественного определения составляются необходимые эталоны.

[14] «Последние» линии — это наиболее чувствительные спектральные линии, которые исчезают последними при снижении содержания этого элемента в пробе.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

ОТВЕТ Б. А. РЫБАКОВУ

Спор о новгородской хронологии продолжается [1]. Хронология эта важна для всех археологов-медиевистов, а поднятые вопросы методики интересны, мне кажется, для всех археологов вообще. Обсуждение этих вопросов представляется мне еще более важным делом, чем обсуждение новгородских дат.

В новой статье Б. А. Рыбаков не отвечает ни на одно из основных возражений, содержавшихся в моей статье 1959 г. Он даже обходит молчанием все мои соображения о новгородской стратиграфии, хотя в новой своей статье он прежде всего занят критикой этой стратиграфии. Много можно привести и других примеров умолчания, но надо начать с хронологической методики. Статья Б. А. Рыбакова 1959 г. в главной своей части была посвящена хронологическим методам (в полном соответствии с ее заглавием). Я в своем ответе эти методы критиковал. Вся эта критика оставлена без ответа. Мне тогда пришлось подробно доказывать недопустимость датировок по пожарам (они были основой хронологии Б. А. Рыбакова), проверять сопоставления крупных пожарищ с сильными пожарами, возражать против распределения срубов по периодам расцвета и упадка Новгорода, показывать в ряде кривых неимоверные скачки, к которым приводит хронология Б. А. Рыбакова, разбирать выводы, сделанные по свинцовым печатям, и т. д. Я не касаюсь второстепенных вопросов, называю лишь важные. Ответов нет, и перечисленные умолчания взаимосвязаны по смыслу.

1. Пожары и хронология. Интересно новое отношение Б. А. Рыбакова к пожарам, к этой основе его хронологии. Неоднократно цитируя мои ему по этому поводу упреки, он пишет теперь вот что: «Невольно начинаешь думать,— а не перепутал ли автор-редактор меня, Б. А. Рыбакова, с моим тезкой Б. А. Колчиным. Ведь не я, а Б. А. Колчин и сам А. В. Арциховский ввели датировку по сопоставлению археологических пожарищ с летописными записями» (стр. 158). Дальше сказано: «А. В. Арциховский вдруг вспомнил о том, что им не доказана самая допустимость сопоставления пожарищ с летописными пожарами, и он обвинил в этом не кого-либо иного, а опять меня» (стр. 160).

Итак, Б. А. Рыбаков пытается приписать свой главный методический прием Б. А. Колчину и мне. Но ведь Б. А. Колчин построил свою хронологию на других основаниях (по моему мнению — на археологических находках, по мнению Б. А. Рыбакова — на средних цифрах) и только для ее уточнения «подобрал» (снова употребляю это мое выражение, которое так любит цитировать Б. А. Рыбаков) несколько пожаров. Такой подбор (хотя тоже неправилен) менее ошибочен, чем метод Б. А. Рыбакова, по-

[1] Напечатано три статьи: 1. Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4 (ссылаюсь ниже сокращенно — Р., цифры означают страницы); 2. А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4 (ссылаюсь ниже сокращенно — А., цифры означают страницы); 3. Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»? СА, 1961, № 2 (ссылка на страницу без дальнейших указаний относится к этой статье).

строившего на пожарах все. Я однажды одобрил данный прием Б. А. Колчина и потом признал эту свою ошибку. Во всех своих книгах о берестяных грамотах я никогда не пользовался пожарными датами, а сознательно приводил только даты, полученные без всякого уточнения по пожарам.

А мой критик (и только он) сделал пожары основой своей хронологии. Цитат можно привести сколько угодно. Например, вот как приступает Б. А. Рыбаков к построению хронологии: «Записи новгородских летописцев XII—XV вв. о пожарах являются драгоценным историческим источником, с помощью которого можно предпринять попытку установления более точной хронологической шкалы ярусов, чем это позволяет сам археологический материал» (Р., 95). Ниже я еще коснусь этой принципиальной недооценки археологического материала. Но после цитированной декларации Б. А. Рыбаков, руководясь ею, действительно строит хронологию слоев только по летописным пожарам, непосредственно связывая их с пожарищами. Конечно, он дальше пытается эту хронологию проверить на иных материалах, но ведь это только проверка. Характерно и то, как он об этом говорит: «Итак, с предложенной мною новой схемой сопоставлений летописных пожаров и пожарищ совпали...» (Р., 99). Дальше перечислено пять совпадений; все они, как я показал, мнимые.

Б. А. Рыбаков даже приписывает мне «попытку объявить» его «ответственным за неудачный колчинский спектр пожаров» (стр. 162). Такой попытки у меня быть не могло. Я тогда три раза объяснил (А., 110—112), что Б. А. Колчин и Б. А. Рыбаков использовали пожары различно. Нельзя было этого не заметить. Мой критик заявляет теперь что я «не дал ни одной фактической поправки к списку пожарищ», а также к списку пожаров (стр. 158). Зачем я должен был давать такие поправки, если я вообще отрицаю датировки по пожарам. Я подробно доказываю недопустимость таких датировок (приведено три причины; А., 111), но Б. А. Рыбаков мне на это не отвечает.

Б. А. Рыбаков в своем ответе пишет даже (стр. 158), что его статья была посвящена критике моих работ, а я усмотрел в ней «выписывание летописных дат пожаров и безнадежные усилия связать эти даты с пожарищами». Да, критических замечаний в мой адрес там было много, я на них на все ответил. Но я думал, что автор не ограничивается голой критикой, а пытается (беру эти слова из заглавия его новой статьи) «внести новое в науку».

Мой критик утверждает, будто я даже в 1959 г. применял хронологию, основанную на пожарах. Понять это невозможно. Остается предположить, что он имеет в виду мои ссылки 1959 г. на хронологическую шкалу Б. А. Колчина и ее использование в диаграммах. Но ведь эта шкала была построена не на пожарах. Пожары дали лишь неудачные уточнения (до дня и часа), которые не были приняты во внимание при построении диаграмм. Напрасно мой критик говорит, будто я «даже» не сказал, как быть с этими датами «до дня и часа» (стр. 157). Я об этом сказал (А., 110, 112).

Упомянутые таблицы были построены, чтобы графически показать, к чему приводит хронология Б. А. Рыбакова. Для этого надо было повсюду проводить две кривые: одну — по Б. А. Рыбакову, другую — по нашей старой хронологической шкале. Пусть она теперь исправляется, она и раньше давала нормальные кривые распределения вещей. А кривые, проведенные по Б. А. Рыбакову, графически показали неприемлемость самого принципа построения его хронологии. Как я в свое время писал, они состоят «из резких скачков вверх и вниз, каждый из которых легко объясняется, но лишь стремлением автора привязывать хронологию к пожарам» (А., 118).

Но, конечно, слова Б. А. Рыбакова, будто хронология Б. А. Колчина основана на пожарах, противоречат содержанию обеих его собственных статей. Ведь он и теперь подробно доказывает, что эта хронология всецело основана на средних цифрах, на формуле $15 : 3 = 5$.

Он упрекает меня в том, что я на такую его аргументацию в свое время не ответил (стр. 149). Нет, я в статье 1959 г. ответил на все доводы моего критика, в том числе и на этот (А., 110).

Но сейчас стал возможен еще один ответ. Я пишу настоящую статью, уже имея перед собой даты, полученные путем дендрохронологического анализа, организованного Б. А. Колчиным с группой ботаников. Статистические основания достаточны, изучено около 1350 бревен. Публикация дат будет сопровождена полной ботанической аргументацией. Она готовится и вскоре появится. Могу только сказать, что полученные даты отличаются от старой хронологии Б. А. Колчина и моей, а также от хронологии нашего критика.

И вот, хотя Б. А. Рыбаков считает невероятными совпадения цифр (по 5 ярусов на 100 лет), совпадения эти подтверждаются ботанически. На 100 лет и здесь пришлось по 5 ярусов. Разные ярусы имели разную длительность существования, но различия эти обычно не так велики, а средние вековые величины совпадали.

Дендрохронология подтвердила неприемлемость хронологии, основанной на пожарах и их летописных датах. Конечно, с этими датами точно совпадали некоторые ботанические даты пожарищ. Иначе и не могло быть, это только показало еще раз надежность нового метода. Но тем интереснее, что ботанические даты некоторых пожарищ (в том числе крупных) далеко отстоят от всех летописных дат, хотя относятся к тем же векам. Перед нами пожары местного значения, а они в летопись не заносились, о чем я в свое время писал (А., III, «первая причина»). Встречены и несовпадения иного рода. Б. А. Рыбаков перечислил в статье 1959 г. летописные пожары, сжегшие, по его мнению, дома в районе раскопок. Дендрохронология доказала, что не все они соответствуют пожарищам. Как я утверждал (там же, «вторая и третья причины»), это неизбежно.

2. Хронологическое значение вещевых находок. Все археологи всех специальностей, конечно, удивлены недоверием археолога Б. А. Рыбакова к датам, основанным на вещах. Он провозглашает это много раз, он заявляет даже, что эти даты отражают лишь «мнения археологов». «А это,— продолжает он,— разумеется, величина условная, зависящая от субъективных оценок» (стр. 146).

Нет, все люди нашей специальности знают примеры объективной проверки дат. Во всех разделах археологии (первобытной, античной или средневековой одинаково) датировочные наметки тысячи раз подтверждались (или опровергались) новыми массовыми находками датирующих вещей. Объективность вносит здесь статистика (и только она).

В моей статье 1959 г. приведены кривые, показавшие на основе статистики датировочные ошибки Б. А. Рыбакова. В послесловии к своей первой статье он почему-то заявил: «Почти весь иллюстративный материал моего оппонента я с удовольствием включил бы в свою статью» (Р., 106). В чем же состоит это его удовольствие? Он пишет теперь об этих кривых: «четыре графических схемы, из которых ясно только одно: а) стеклянные браслеты встречаются в 14 ярусах на протяжении 300 лет», и т. д. и т. д. Всюду он зачем-то выписывает только даты появления и исчезновения вещей, т. е. превращает кривые в прямые. Между тем из кривых, т. е. из статистики, ясно многое другое, что в 1959 г. мною разъяснено (А., 116—119).

Свой вещевой хронологический график (рис. 3 в статье 1959 г.) мой критик составил не из кривых, а из прямых. Ему там все равно, в одном экземпляре встречена датирующая вещь или в нескольких тысячах (примеры я приводил и приведу). Такое отношение к цифрам полностью обесценивает график Б. А. Рыбакова, не говоря об ошибках, отмеченных в моей первой статье.

Напрасно он теперь говорит: «Мой оппонент пытается изобразить дело так, что будто бы график составлен мною для установления точных дат, и

он тратит 7 страниц своего текста на опровержения... Неверно! В том-то и дело, что график составлен для проверки того, может ли массовый археологический материал при данном состоянии его изученности служить основой для точной шкалы» (стр. 146). Да, это была одна из целей Б. А. Рыбакова, о ней сейчас тоже идет речь. Однако была ведь и другая цель. Как выше говорилось, Б. А. Рыбаков утверждал в своей первой статье пять способов проверки своей пожарной хронологии. Один из них, пятый, он сам тогда признал важнейшим: «5) очень важно отметить, что новый вариант хронологии хорошо вписывается в широкие рамки массового археологического материала и на хронологическом графике (рис. 3) найдет свое место на нижней границе появления вещей, что наиболее логично» (Р., 99). Тогда это было «очень важно», а теперь отрицается начисто.

Я говорил в 1959 г. о недопустимой дате, принятой Б. А. Рыбаковым для калачевидных кресал. Теперь он пишет: «Датировка новгородских калачевидных кресал взята мною у Б. А. Колчина, который ссылается на А. А. Спицына: „Калачевидные кресала (огнива) встречаются исключительно в курганах XI—XII вв.“» (стр. 146). Но ведь за этой фразой в цитируемой статье Б. А. Колчина непосредственно следует фраза: «Такие же кресала известны в Гнездовских курганах»[2]. Можно заключить, что Б. А. Рыбаков в 1959 г. относил Гнездовские курганы к XI в. Надо отметить, что ни у Б. А. Колчина, ни у А. А. Спицына здесь нет ошибки, ведь ссылка дана на его книгу о курганах, раскопанных Л. К. Ивановским, где X в. не представлен.

И напрасно Б. А. Рыбаков уверяет теперь: «Гнездовские курганы X в., не учтенные мною, при этом ничего существенного не изменят, а только сдвинут на графике примерный рубеж столетий, сделав его еще более условным» (стр 146). Нет, как я показал в своей статье, изменение даты кресал удревнило бы ярусы в хронологической схеме автора (А., 115).

Большое внимание в своей первой статье я уделил разбору дат, которые Б. А. Рыбаков употребил для стеклянных браслетов. На кривую моего графика он не ответил, хотя она показала в ряде мест неприемлемость его выводов (о чем не раз сказано и в тексте). На другие возражения по этому вопросу он отвечает.

Свою раннюю дату этих браслетов, конец X в., он отстаивает следующим образом: «Отвечу очень просто: ни А. В. Арциховский, ни Б. А. Колчин, ни я не отделяли византийских (или корсунско-тмутараканских) браслетов от собственных русских. Это стало возможным лишь недавно, только после специальных химических анализов проф. М. А. Безбородова, продолженных затем Ю. Л. Щаповой» (стр. 160). Это что-то слишком «просто». Ведь работы М. А. Безбородова опубликованы еще в 1950 г. и наиболее подробно — в 1956 г., а статья Б. А. Рыбакова, о которой идет речь, написана и напечатана в 1959 г. С работами Ю. Л. Щаповой он тоже знакомился до написания своей статьи. А типологические особенности встречаемых в наших ранних слоях византийских браслетов (уплощенность, узор на поверхности) задолго до того были известны, и я о них в своей статье говорю.

Я в 1959 г. всячески подчеркивал, что речь идет о «дате массового распространения и русского производства» стеклянных браслетов (А., 117). Однако Б. А. Рыбаков опять говорит об единичных находках византийских браслетов X в., значение которых равно нулю. Надо говорить о тысячах находок русских браслетов XII, XIII и начала XIV в.

Мною показана в свое время и невозможность предложенной моим критиком поздней даты стеклянных браслетов (конец XIV в.). Теперь

---

[2] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 126.

он заявляет: «Верхняя дата дана по А. В. Арциховскому, отнесшему курганы в Мякинине и в Филях к III стадии, т. е. к XIV веку... А. В. Арциховский попал в столь неудобное положение, назвав фантастическими свои собственные датировки» (стр. 161). Нет, в неудобное положение попал не я, а мой критик. Ведь он теперь печатно признался, что, вопреки мнению всех археологов, вопреки массовым находкам, довел дату стеклянных браслетов до конца XIV в. (и использовал это для общих хронологических выводов в своем графике), опираясь лишь на два экземпляра, отнесенных притом просто к XIV в. Он опять не видит, что значение двух находок для такого вывода равно нулю. Изданные мною цифровая таблица и кривая показали (А., 116—117), что массовое распространение стеклянных браслетов захватывает лишь начало XIV в., а в середине XIV в. они вообще исчезают.

Я отметил в своей статье, что лимоновидные бусы, датируемые X в. и, самое позднее, началом XI в., по хронологии Б. А. Рыбакова захватывают весь XI и начало XII в. В своем ответе он иронизирует: «Да, мое преступление очень велико: 5 лимонных бусин 23-го яруса и 1 бусина 22-го яруса действительно заходят по моей хронологии в первую треть XII в.» (стр. 161). Цифры неверны. В моей статье показано (А., 116 и 120), что хронологию Б. А. Рыбакова нарушают 32 бусины 25-го яруса, 15—24-го, 13 (а не 5) —23-го. В 22-м ярусе их действительно мало, однако, как я писал, не 1, а 4; но этот ярус, хотя и входит еще в кривую, не имеет для меня значения, что ясно из той же кривой.

Затем Б. А. Рыбаков говорит о находках отдельных бус этого типа в слоях XII в. В указанном им месте в статье Ю. Л. Щаповой названы находки в 20-м и 15-м ярусах [3]. По нашей старой хронологии это рубеж XI—XII вв. и рубеж XII—XIII вв. (В 21-м, 19-м, 18-м, 17-м и 16-м ярусах этот тип не был представлен вовсе). Подобные единичные бусы того же типа встречены в отдельных ярусах и выше (даже в слоях XV в.). Эти находки (с большими хронологическими разрывами) никак не могут быть включены вообще в кривую, тем более в нормальную кривую, отражающую применение этих бус в ожерельях, а не случайные попадания в поздний слой из перекопов. Здесь опять проявилось обычное отношение моего критика к статистике. Ю. Л. Щапова в указанном месте пишет: «Начало XI в., первые два десятилетия его,— период доживания этих форм, а затем они полностью и бесследно исчезают». Б. А. Рыбаков говорит о моей «филиппике по поводу пяти бусин» (стр. 161). Не пяти, а шестидесяти (беру 25-й, 24-й и 23-й ярусы).

Дальше речь идет об арбалетных стрелах. Я в статье 1959 г. ссылаюсь на А. Ф. Медведева, показавшего, что в Новгороде по нашей хронологии они распространились с середины XII в., а это исторически объясняется хорошо. Б. А. Рыбаков ссылается на ту же статью А. Ф. Медведева и цитирует оттуда: «широкое распространение самострелов относится к XIII—XV вв.» Он заявляет, что этот автор «делает вывод, с точки зрения А. В. Арциховского, еще более невероятный» (стр. 161). Но ведь непосредственно перед цитируемой фразой у А. Ф. Медведева стоит такая фраза: «Судя по хорошо датированным слоям, время появления арбалетных стрел, а, следовательно, и самострелов — XII в.» [4]. Я ничего иного и не утверждал.

Я разобрал примеры, на которых Б. А. Рыбаков обосновал свое заявление, что часть дат (которые я опровергаю) «взята у самого А. В. Арциховского, а часть у его учеников, пишущих под его редакцией» (стр. 163).

3. Стратиграфическое значение планов. Б. А. Рыбаков замалчивает мои наиболее важные возражения, притом не только по вопросам, связанным с его хронологией, но и еще по одному, очень важ-

[3] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 174.

[4] А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 149.

ному. Большое место в обеих статьях 1959 г. занимал спор о стратиграфической аргументации. Я доказывал, что в Новгороде (как и в других поселениях с обильными остатками построек) основой стратиграфии являются не профили, а сменявшие друг друга планы. Профили (а мы их чертим много) служат лишь дополнительными аргументами. Самое главное — прослеживать взаимную связь сооружений, настилов и прослоек, которые сплошь покрывают раскоп, это и позволяет устанавливать ярусы. Профиль ведь дает стратиграфию только тех наслоений, которые попали на условную линию разреза. А план — всех.

Примерно 35 лет назад среди ленинградских археологов шел спор о стратиграфическом значении планов. А. А. Миллер отрицал это значение, признавая только профили. Б. В. Фармаковский доказывал, что стратиграфия в известных условиях может быть основана на планах. Специфика культурного слоя античных городов это всецело оправдывала. Стратиграфии античных городов я в связи с этим касался в статье 1959 г. (А., 109). Б. А. Рыбаков в новых условиях продолжил неправильную линию А. А. Миллера.

Мой критик не пытается опровергать мои стратиграфические соображения, он опять заявляет: «Доказательством могут быть только графические профили» (стр. 144). Он требует от Новгородской экспедиции «специально оставляемых для стратиграфического анализа перемычек (бровок) внутри раскопов». (стр. 144). Бровки несколько увеличили бы число условных линий разреза. Но зато они сделали бы невозможным полное изучение планов построек и настилов, они запутали бы связи между ними, хорошо прослеживаемые не по вертикалям, а по горизонталям (что тоже входит в статиграфический анализ). Ведь раскоп был бы разбит бровками на мелкие кусочки. Целостное исследование срубов стало бы немыслимо, выяснение их вещевых инвентарей — тоже. Не говорю о фотографировании. Может быть, возникнет предложение доводить бровку до сруба, а потом ломать ее. Но ведь в Новгороде более древние срубы, как правило, лежат непосредственно под более поздними. Бровки допустимы и необходимы лишь при плохой сохранности сооружений. Профили в Новгороде снимаются на стенках раскопов. Число профилей велико. Количество раскопов в Неревском конце уже достигло 30. Все они сомкнуты друг с другом, но новый раскоп закладывается рядом со старым лишь после снятия профилей.

Б. А. Рыбаков удивил меня своим заявлением, будто бы я «теперь признал, наконец, что в разных местах толщина яруса разная» (стр. 144). Неужели я утверждал когда-нибудь что-нибудь иное? Могу привести цитаты из старых моих статей (в том число те, которые приводил Б. А. Рыбаков в 1959 г.). Ограничусь одной, из статьи 1956 г.: «С расширением работ в 1952 г. обнаружились значительные различия в глубине залегания одного и того же яруса на разных участках»[5]. К этому можно добавить, что раскопки здесь начаты в 1951 г. и методика выявления яруса в тот год еще только устанавливалась. Поверхность раскопа ровная, и различия в глубине залегания ярусов обусловлены, конечно, только различиями в их толщине.

Б. А. Рыбаков повторяет свои заявления о потолочных засыпках, не отвечая на мои возражения и по этому вопросу (А., 113—114).

Особенно много Б. А. Рыбаков говорит опять все о том же рисунке 51 из статьи Б. А. Колчина, действительно неудачном и схематичном. Он заявляет даже: «Признавая его неудачным, А. В. Арциховский признает неудачной всю свою хронологию» (стр. 148).

Это неверно. Мои и Б. А. Колчина хронологические доказательства (даже в изложении Б. А. Рыбакова) никак не связаны с этим рисунком. Если его изъять, ничего даже в статье Б. А. Колчина не изменится (кроме

[5] А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 16.

двух строк, посвященных ссылке на него). Никто даже не заметит его отсутствия. Б. А. Рыбаков уверяет, что «исторической расшифровке этого графика» Б. А. Колчин «посвящает четыре столбца». Нет, на указанных Б. А. Рыбаковым столбцах (в чем все могут убедиться) подводятся итоги тому, о чем автор говорит в предыдущем тексте; притом речь идет о датах находок.

В статье 1959 г. я, в опровержение тезиса Б. А. Рыбакова — «четкость ярусов в значительной мере является фикцией», привел цифровые таблицы, показав статистические закономерности распределения типов археологических находок по ярусам. Эти закономерности в разных раскопах совпали, хотя, как я подчеркивал, «подсчеты сделаны в разное время, разными сотрудниками экспедиции и, самое главное, на разных территориях» (А., 115). Весь смысл таблиц в этом совпадении. Но мой критик дает одну и ту же реплику на кривые и на цифровые таблицы, хотя эти два вида доказательств различны (они, впрочем, одинаково основаны на статистике). Ему из этих таблиц «ясно только одно». Этим одним опять оказываются даты появления и исчезновения типов (стр. 145).

Надо подчеркнуть, что особенностью культурного слоя Новгорода является обилие различных четко выраженных прослоек, хорошо читаемых в плане. Такими прослойками являются прежде всего настилы переулков и дворов. Они непосредственно соприкасаются с уличными мостовыми (т. е. с основой ярусов) и тянутся иногда на десятки метров в глубь квартала. Еще важнее (по своему обилию и горизонтальной четкости) многочисленные скопления щепы. Прослойки навоза остаются от хлевов и конюшен. На каждом шагу встречаются прослойки глины, песка, углей. Все это связывается с теми или иными ярусами. Наконец важными ориентирами для связи слоев с ярусами являются бревна, тесины и палки. Именно эти прослойки позволяют привязывать уровни, значительно отстоящие от улиц, к уровням уличных мостовых, устанавливая ярусы.

4. Палеографические вопросы. Значительную часть статьи Б. А. Рыбакова составляют палеографические соображения. Иллюстраций к ним нет. Заменой рисунков никак не могут служить изображения букв, вставленные Б. А. Рыбаковым в строки набора. При двукратном перечерчивании от руки, уменьшении и отливке элементы искажения здесь неизбежны. Подобная техника применима только тогда, когда не требуется особой точности изображений.

Даю рисунки тех букв, на которые ссылается Б. А. Рыбаков, притом не образцы, а полные комплекты. Мне пришлось в этой статье взять на себя труд иллюстрировать его статью. Все буквы из книг, на которые он ссылается (Я. И. Трусевич, В. Н. Щепкин), воспроизведены мною во избежание недоразумений фотографически.

Начинает Б. А. Рыбаков со своих соображений о грамоте № 108, не имеющих никакого отношения к новгородской хронологии, да по существу и к палеографии вообще.

Большое значение мой критик придает «запаздыванию берестяной графики по сравнению с пергаменно-бумажной». Я этого запаздывания не отрицаю, я сам писал о нем во введении к изданию грамот 1955 г., приводя в виде примера буквы Н и И. Но могу только повторить свое тогдашнее заявление: «Однако это не искажает хронологии, поскольку буквы поздних форм встречаются в комбинациях с архаичными». Б. А. Рыбаков, очевидно, думает, что все буквы алфавита запаздывали на бересте равномерно. Нет, запаздывали только некоторые формы, главным образом те, которые процарапать труднее, чем написать чернилами. Иначе и не могло быть, ведь во многих случаях одни и те же люди писали на бересте и на пергамене. Сам Б. А. Рыбаков утверждает это об Онфиме (стр. 156).

Мой критик думает, что «недоучет запаздывания берестяной графики» приводил меня иногда «в противоречие с самим собой».Он называет грамоту № 69, которую по палеографическим признакам я отношу к XII в., а

по стратиграфическим — к XIII в. (стр. 152). Итак, он упрекает меня, что я не подгоняю палеографические даты к стратиграфическим. Совпадения дат обоего рода важны и в большинстве случаев устанавливаются. Но элементарная научная добросовестность заставляла меня указывать и неизбежные расхождения. Их мало, что очень важно. Иногда старше даты палеографические (грамота № 69 и др.), иногда — стратиграфические (грамота № 53 и др.). Я всегда такие редкие случаи отмечал в какой-то мере в ущерб своим выводам. Меньше всего я ожидал упрека за это. Для грамоты № 69 и Б. А. Рыбаков не указывает поздних палеографических признаков. Очевидно, здесь случайный архаизм почерка, что в виде исключения всегда возможно. Мой критик говорит дальше, что лингвисты относят эту грамоту к XIII в. Но ведь по нашей новгородской стратиграфии она тоже относится к XIII в., а об этой стратиграфии здесь идет спор.

Критик заявляет: «А. В. Арциховский, как я уже указывал в своей статье, иногда изобретает мнимые архаизмы» (стр. 152). Речь идет о двух признаках, которые я не «изобрел», а взял с должными ссылками у авторитетных палеографов. Впрочем, по существу, я уже печатно ответил насчет этих двух признаков (А., 125).

Б. А. Рыбаков процитировал ряд моих слов из статьи 1959 г., а затем написал: «В первом варианте своей статьи, сданной мною в „Советскую Археологию“ и хорошо известном А. В. Арциховскому, я писал следующее...» (стр. 153). Следует большая цитата.

Это должно служить ответом на мои цитируемые им слова (о моем выступлении 3 марта): «Думаю, что это выступление было полезным, прежде всего для Б. А. Рыбакова, поскольку он теперь убрал свои палеографические аргументы» (А., 124). Но ведь мой критик только подтвердил эти слова. Да, конечно, напечатанный им теперь его текст 1959 г. был мне хорошо известен. Это именно те аргументы, которые он в первой статье убрал. Они действительно были только в первом варианте.

Затем Б. А. Рыбаков помещает свой пересказ протокольной записи выступления М. В. Щепкиной по его докладу. Это должно опровергать мои слова: «М. В. Щепкина не назвала в своем выступлении ни одной буквы» (А., 125). Одна буква, судя по протоколу, была названа, а именно А, отнесенное к XIII в. Я этого не заметил. Но «одна» или «ни одной» — разница невелика. Форма буквы А у Онфима настолько индивидуальна, что не может, мне кажется, служить палеографическим аргументом. Не могу понять, зачем напечатан этот пересказ выступления. Наука требует доказательств, а их в таком пересказе нет и быть не может.

Теперь надо разобрать палеографические аргументы моего критика в том порядке, в котором они изложены. Все они связаны только со школьными упражнениями, найденными в 15-м ярусе. Автор хочет согласовать палеографическую дату с той датой (1263 г.), которую он усмотрел в грамоте № 206 (я утверждал для этих грамот другую дату, рубеж XII—XIII вв.).

Начинает он с грамоты № 201, которую неоднократно называет наиболее важной палеографически. Она принадлежит не Онфиму, а другому мальчику (в этом Б. А. Рыбаков прав, только к нашему хронологическому спору этот вопрос не имеет никакого отношения). Мой критик упрекает меня, что я не опубликовал эту грамоту в своей статье 1957 г. (стр. 163). Но в той маленькой статье были опубликованы только грамоты, интересные по содержанию (а здесь ничего нет, кроме азбуки и складов, не столь полных, как в грамоте № 199). Для полного издания грамота № 201 мною подготовлена.

Б. А. Рыбаков считает, что эта грамота содержит «наиболее ясные хронологические приметы» XIII в. Он имеет в виду только «сокращение верхов букв, общий подъем так называемой сигнальной линии» (стр. 152). Речь идет, очевидно, о буквах К и Ж. Буква В здесь архаична и симмет-

рична (о ней см. ниже). Верхи К и Ж действительно сокращены. Можно отметить архаичность других букв, особенно Б, З, Р, Ц, Ч, Щ.

Но эти сокращенные верхи двух букв ничем не помогут Б. А. Рыбакову. Правда, как ниже говорится, в XI—XII вв. встречаются симметричные буквы К и Ж, состоящие из двух примерно равновеликих половинок. Но ведь наряду с этим уже с XI в. бытовали сокращенные верхи. Я приведу буквы именно из часто цитируемого Б. А. Рыбаковым свода Я. И. Трусевича. Напрасно он, постоянно привлекая этот свод, рассматривает там

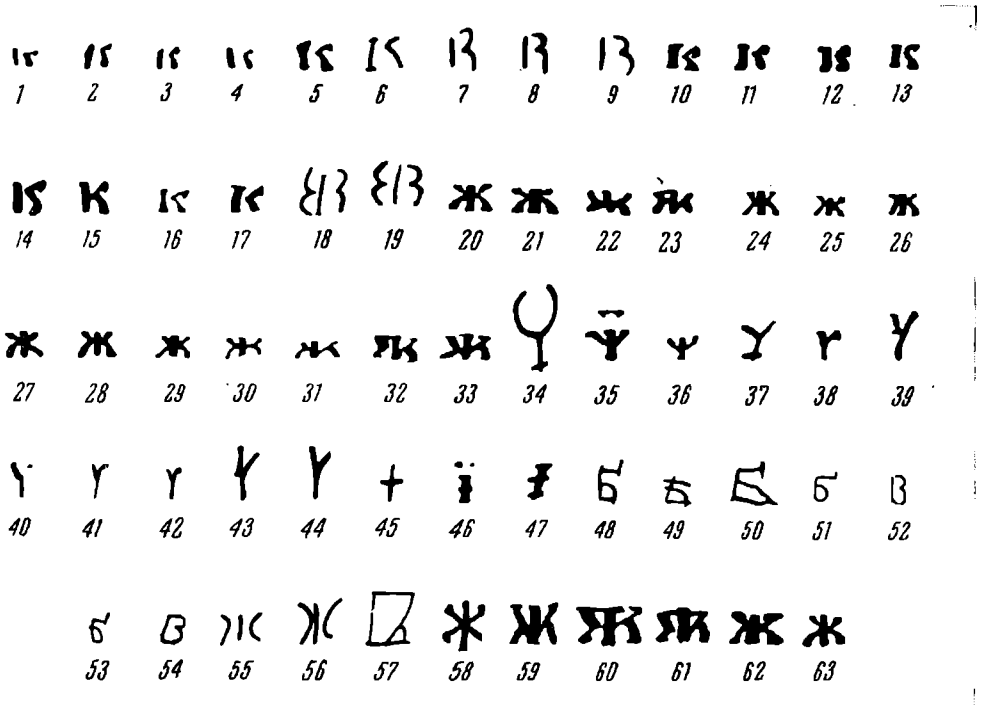


Рис. 1. Буквы из книг и грамот на пергамене и из грамот на бересте

1 — 1096 г.; *2*, *3* — XI в.; *4* — 1144 г.; *5* — 1160 г.; *6* — грамота № 201; *7—9* — грамота № 199; *10* — 1260; *11*, *12* — 1264 г.; *13* — рукописание Климяты; *14*, *15* — 1270 г.; *16* — 1282 г.; *17* — 1283 г.; *18*, *19* — грамота № 199; *20*, *21* — 1260 г.; *22*, *23* — 1264 г.; *24—26* — рукописание Климяты; *27*, *28* — 1270 г.; *29—31* — 1282 г.; *32*, *33* — 1283 г.; *34* — грамота № 206; 35 — 1260 г.; *36* — 1282 г.; *37* — грамота № 203; *38* — 1260 г.; *39*, *40* — 1264 г.; *41*, *42* — 1273 г. *43*, *44* — 1283 г.; *45* — грамота № 200; *46* — 1284 г.; *47* — 1096 г.; *48 —50* — грамота № 199; *51*, *52* — грамота № 201; *53*, *54* — грамота № 200; *55*, *56* — грамота № 199; *57* — грамота № 204; *58* — В. Н. Щепкин, стр. 99, строчка 5, знак 4; *59* — там же, знак 6; *60* — там же, знак 7; *61* — там же, знак 8; *62* — *63* — 1271 г.

только буквы второй половины XIII в., которая ему нужна. Даю по этому своду изображения букв К из ранних русских рукописей. Первая имеет дату 1096 г., вторая и третья не имеют точных дат, но тоже относятся к XI в. (столбцы 14 и 18), четвертая имеет дату 1144 г., пятая — 1160 г. (рис. 1, *1—5*). Сходство с буквой К «другого мальчика» (рис. 1, *6*) очевидно. Можно привести и другие примеры букв К и Ж с сокращенными верхами, но, пожалуй, хватит.

Мой критик приводит свои старые аргументы 1959 г. Начинает он со слов: «ряд букв дает широкую дату XII—XIII вв.». Зачем об этом сказано, неизвестно. Дальше говорится о десятиричном «i» в виде крестика. На это я уже в свое время ответил, так как в своей первой печатной статье Б. А. Рыбаков сохранил из своих палеографических аргументов только этот. Ниже я коснусь его возражения на мой ответ.

Сказано о «своеобразном усложненном написании букв К и Ж» у Онфима. Желая поместить Онфима во вторую половину XIII в., мой критик ссылается для этого (по Я. И. Трусевичу) на буквы К и Ж из нескольких книг этого времени (1260, 1264, 1270, 1282, 1283 гг., а также на рукописание Климяты).

С таким же успехом можно было сослаться на любую печатную книгу XX в. У Онфима дуги указанных К и Ж загнуты вовнутрь (рис. 1, *7—9* и *18, 19*). Во всех названных пергаменных книгах и грамотах (привожу фотографии букв из свода Я. И. Трусевича, которым пользовался Б. А. Рыбаков) вместо этих дуг имеются линии, загнутые наружу. Иногда Я. И. Трусевич берет из одной книги одно К или одно Ж, иногда — по два или по три. Воспроизвожу их все, потому что не знаю, какие буквы имеет в виду Б. А. Рыбаков (рис. 1, *10—17* и *20—33*). Все равно сходства нет нигде никакого, хотя я точно следовал ссылкам моего критика. (Во избежание недоразумений при проверке надо указать, что на документ 1264 г. Б. А. Рыбаков случайно сослался дважды.)

Дальше сказано, что «буква пси грамоты № 206 близка по начертаниям к буквам Трефология 1260 г. и Новгородской Кормчей 1282 г.» (тоже по Я. И. Трусевичу). Как я в своей статье 1959 г. показал, здесь не пси, а Ч (рис. 1, *34*). Но об этом ниже. Однако для палеографии сейчас это почти безразлично. Буква Онфима (обычное раннее бокаловидное Ч) имеет загнутые во внутрь края чашечки. Такие края встречаются не только на бересте, но и на пергамене. Но, как на грех, в упомянутом Трефологии и упомянутой Кормчей нет ничего подобного (рис. 1, *35*, *36*). В Трефологии края даже изогнуты наружу. Да и общие пропорции совсем не те. Данному Ч можно указать ряд ранних аналогий. Но пойдем навстречу Б. А. Рыбакову и предположим (вопреки фактам), что здесь пси. Все равно более похожее (хотя тоже не аналогичное) пси у Я. И. Трусевича относится к 1207 г.

Наконец, сказано: «начертание У в виде игрека встречено в книгах 1260, 1264, 1273 гг.». Опять неверная ссылка. У Онфима действительно какие-то строчные игреки, очень индивидуальная форма (рис. 1, *37*). Указанные Б. А. Рыбаковым у Я. И. Трусевича У (рис. 1, *38—42*) — обычные асимметричные У с развилкой, имеющие наверху крючок, встречаемые с XI до XV в. (конечно, были и другие формы этой буквы, полезные для дат, но тех здесь нет). Довольно близкая аналогия этому У в виде игрека, впрочем, имеется у Я. И. Трусевича, но она относится к 1215 г. (рис. 1, *43, 44*). Я указал ее Б. А. Рыбакову на заседании, теперь он упомянул ниже эту букву (стр. 156), однако она соответствует не его дате Онфима, а моей.

Мой критик переходит к разбору моих палеографических аргументов. Десятиричное і в виде крестика (у Онфима, рис. 1, *45*) он сначала относил на пергамене ко времени не ранее все той же второй половины XIII в. (стр. 153), ссылаясь на румынскую рукопись 1282 г. и русскую 1284 г. (рис. 1, *46*). Я указал ему на такую же букву (А., *124*) в книге XI в. (1096 г., рис. 1, *47*). Теперь он говорит обо мне: «не считает ли он, что имеют доказательную силу его слова „нет никаких оснований думать, что на бересте ее стали применять позже“» (стр. 154). Следуют ссылки на четыре берестяные грамоты XIII—XV вв. Здесь мой критик (как и в вопросе о стеклянных браслетах, бусах и т. д.) обнаруживает недооценку того значения, которое в науке имеют количественные критерии. Формы букв на пергамене и на бересте были взаимосвязаны, что признают все, в том числе Б. А. Рыбаков. Отдельные формы на бересте датируются позже, но, чтобы это утверждать, надо всегда иметь большое количество находок, иначе выводам мешает элемент случайности. Значение четырех грамот здесь равно нулю. Данная форма вообще слишком редко встречается для палеографических выводов, они ведь всегда должны быть хорошо обоснованы статистически. Но Б. А. Рыбаков все же утверждает, что даже на пергамене эта форма стала «типичным явлением только в XIII—XV вв.» (стр. 154). Для этого он опять ссылается на Я. И. Трусевича. Но и у него он мог указать лишь четыре рукописи. Однако на этом основании он употребляет слова «типичное явление».

Наш критик пытается опровергнуть мое утверждение, что у Онфима

«петли Б, Ъ, Ь и т. п. еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; это признак XI—XII вв.». Б. А. Рыбаков утверждает противоположное. Он говорит, что в грамоте № 199 «в азбуке Б и Ь с набухшими петлями, Б в слоге „бе" — тоже» (стр. 155). Приходится привести именно указанные моим критиком буквы (рис. 1, *48—50;* ерь здесь похоже на ять). Каждому ясно, что эти Б и Ь предельно геометричны для бересты. Их дуги настолько правильны, насколько это вообще возможно без применения циркуля. На бересте дуги рисовать трудно, однако петля Б здесь является идеальной четвертью круга, поскольку это мыслимо в письме, да еще берестяном. Петля Б в слоге «бе» растянута вдоль, и края ее изломаны; этот случайный и единичный дефект письма никак не похож на набухшие петли, хорошо известные в палеографии. Они всегда приподняты вверх.

Затем речь идет о грамоте № 201, принадлежащей не Онфиму, а «другому мальчику». Здесь Б. А. Рыбаков пишет: «у Б и В петли утратили всякую геометричность (хотя у Ъ и Ь еще сохранили ее)» (стр. 155). Нет, и это неверно (рис. 1, *51, 52*). Дуговидные петли Б и В ничего общего не имеют с набухшими петлями, которые в изданных мною поздних берестяных грамотах исчисляются тысячами. Здесь перед нами опять круговые сегменты, т. е. геометрические фигуры, наиболее типичные для архаичных петель Б и В. Наконец, Б. А. Рыбаков пишет: «В грамоте № 200 петли у Б и В округлы, и о них никак нельзя сказать, что они сохранили геометрическую форму» (стр. 155). В том-то и дело, что они опять округлы (рис. 1, *53, 54*),а набухшие петли XIII—XV вв. никогда не бывают такими. Конечно, отдельные уклонения от строгой геометричности при письме неизбежны, но мой критик ни одного серьезного уклонения найти не сумел и тем самым только подтвердил мой критикуемый им вывод. Я нарочно даю рисунки только тех букв, на которые он сослался, хотя можно было бы привести рисунки и других геометрических букв.

В итоге позволю себе напомнить, что круг и круговой сегмент тоже являются геометрическими фигурами. Однако мой критик называет геометрическими петлями (стр. 155) только прямолинейные (треугольные) петли Ъ и Ь в грамоте № 201 (треугольных петель я поэтому не касаюсь, а они у Онфима тоже обычны). В. Н. Щепкин говорит, что в XIII в. «нижние петли букв, ранее округлые или треугольные, становятся негеометричны» [6]. Палеографы знают, что круглые (т. е. ограниченные дугами круга) и треугольные петли одинаково геометричны.

Следующий мой аргумент: «Верхние части В, К, Ж еще не сокращены, это говорит о тех же веках». Б. А. Рыбаков отвечает: «Мне крайне неудобно отвечать А. В. Арциховскому на это его утверждение, так как я вынужден указать на его отклонение от истины» (стр. 155). Мой критик употребляет такие обороты речи, хотя возражений у него по существу нет. Ведь он назвал здесь только (да и то с ошибками, см. ниже) пять букв Ж и две буквы К, у которых верхняя часть меньше нижней. В XIII в. верхние части сокращаются, как правило. Для отдельных рукописей это типично уже в XI—XII вв. (см. выше). Но равновеликость частей является ранним признаком.

Однако особо надо отметить, что Б. А. Рыбаков сослался на две буквы Ж в грамоте № 199 (рис. 1, *55, 56*). Это архаичная форма Ж «в три взмаха», о которой я говорил особо (см. ниже). Искать здесь равновеликость верхней и нижней частей нельзя, потому что буква вообще не делится на эти части. Во всех учебниках эта форма подробно описана как признак XI—XII вв. (ссылки на них для нее даны мною в статье 1959 г.).

Дальше Б. А. Рыбаков называет две буквы Ж и одну букву К из грамоты «другого мальчика». Об этих буквах он уже говорил раньше (см.

---

[6] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 102.

выше), и говорил только то же самое. Зачем же повторяться? Впрочем, я готов зачесть их дважды, это ничего не изменит.

Остаются у Онфима одна буква Ж и одна буква К. Для полной ясности надо сказать, что у Онфима буква В встречена 17 раз, буква Ж — 12, буква К — 15. Значение указанных Б. А. Рыбаковым редчайших и неизбежных при писании исключений (одно Ж и одно К) равно нулю. Однако по этому поводу он пишет об «отклонении от истины».

Следующий мой аргумент: «несколько раз в три приема написано Ж, что типично для XI—XII вв.». Этот аргумент почему-то не разобран и даже не упомянут Б. А. Рыбаковым, хотя он пытался (как только что показано) построить на данной форме свои оригинальные и неверные выводы.

Дальше я писал: «середина омеги еще высока, что является признаком скорее даже XI в., а для XII в. лишь пережитком». Ответ Б. А. Рыбакова здесь совсем неожиданный (стр. 155). Он указывает такую омегу в рукописях XIV и преимущественно XV в. Но ведь это общеизвестно. Мой критик сослался здесь на омеги в рисунках к учебнику Л. В. Черепнина. В тексте этого учебника стоило прочесть: «Буква омега в XI столетии в большинстве случаев имела высокую середину, в XII столетии появляется новый тип омеги с сокращенной серединой». «В конце XIV—XV вв. вместо омеги с сокращенной серединой была восстановлена омега с высокой серединой» [7]. То же самое подробно рассказано в упоминавшемся учебнике В. Н. Щепкина, который показал, что восстановление этой формы вызвано югославянским влиянием [8].

Затем я писал: «характерно и Ч, оно еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; такие бокальчики типичны для XI—XII вв.». Даже этот общеизвестнейший палеографический признак Б. А. Рыбаков пытается отвергнуть. Он ищет пережитки. Предвидя это, я писал в своей статье: «Конечно, в палеографии общепризнано, что любая ранняя форма может в виде исключения встречаться в поздних рукописях. Но здесь при таком обилии ранних признаков нет ни одного позднего» (А., 125).

Однако предпринятые Б. А. Рыбаковым поиски пережитков дали скудные результаты (стр. 155). Он указал для XIII в. «три Ч в форме бокальчика» в учебнике Л. В. Черепнина. Но в указанной таблице только одно такое Ч (четвертое в строке). Второе (пятое в строке) имеет квадратную головку, а третье (первое в строке) асимметрично, что, как известно, поздний признак. Затем мой критик ссылается на якобы бокаловидные Ч у Я. И. Трусевича (конечно, только для второй половины XIII в.). Названы всего три рукописи. Все эти Ч имеют сравнительно поздние очертания, достаточно прямолинейные. Здесь нет тех плавных закруглений, которыми увенчаны бокаловидные Ч XI—XII вв., приведенные в изобилии тем же Я. И. Трусевичем и всеми другими палеографами. У Онфима все Ч именно таковы.

Вот каковы возражения, выдвинутые Б. А. Рыбаковым против моей палеографической аргументации. Если употреблять такие возражения, ни одну рукопись нельзя признать ранней. Ведь мой критик отвергает по существу все палеографические признаки XI—XII вв. Особо подчеркну, что я никогда не относил Онфима к XII в. Речь с самого начала шла о рубеже XII—XIII вв.

Мой критик добавил затем еще несколько своих оригинальных соображений. Он заинтересовался буквой В в грамоте № 204 и счел ее тоже поздним признаком (стр. 156). Здесь верхняя часть буквы гораздо больше, чем нижняя, что резко противоречит правилу, принятому в поздних рукописях (рис. 1, *57*). Мой критик думает, что у Л. В. Черепнина дано близкое «В только для XIII—XV вв.». В указанных таблицах у Л. В. Черепнина много В, но нет ни одного, которое было бы похоже на эту ориги-

---

[7] Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 159 и 243.
[8] В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 100 и 118.

нальную и поэтому непригодную для палеографических выводов форму. Здесь есть некоторое сомнительное сходство с так называемым ступенчатым В. Но, если признать эту форму, грамоты Онфима придется поместить в XIV—XV вв., на что мой критик никогда не согласится. Дальше зачем-то опять идет речь о У в виде игрека. Не сказано ничего нового.

Затем мой критик пишет: «наибольший интерес представляют своеобразные начертания букв Ж и К» (стр. 156). Здесь опять повторение аргумента, на который я уже ответил выше. Он сослался теперь в дополнение еще на четыре Ж у В. Н. Щепкина и на два Ж у Я. И. Трусевича (из книги 1271 г.). Привожу и эти буквы (рис. 1, *58—63*), чтобы читатели могли убедиться, что ничего общего с буквами Онфима (рис. 1, *18, 19*) опять нет.

Между прочим, первую из букв, взятых Б. А. Рыбаковым у В. Н. Щепкина в доказательство поздней даты (рис. 1, *58*), сам В. Н. Щепкин относит в той же книге к XI в. Но такие частные ошибки не имеют особого значения после тех ошибок, о которых была речь.

Вот и все палеографические соображения Б. А. Рыбакова.

Палеографически почерк Онфима (равно как и почерк «другого мальчика») относится, таким образом, к XII в. Я всегда до сих пор относил Онфима к рубежу XII—XIII вв. Теперь дендрохронология заставляет отнести его к первой трети XIII в. (но никак не ко второй половине). Некоторый незначительный архаизм детского почерка надо признать естественным. Мальчик срисовывал буквы, которые ему показывал в школе учитель. Школа во все времена и у всех народов была хранительницей консервативных норм языка и письма. Только став взрослыми молодыми людьми, бывшие школьники могли модернизировать и модернизировали свои почерки. Дендрохронологическая поправка, впрочем, касается совсем незначительного промежутка времени, который не может быть выявлен средствами палеографии. Эта наука имеет дело со сравнительно большими эпохами.

В заключение своего палеографического раздела автор возвращается к дате на грамоте № 206 (стр. 157). Он сам пишет (стр. 141), что именно чтение этой даты заставило его начать большую работу по пересмотру новгородской хронологии. Букву Ч он и теперь называет пси, хотя все читатели видели на макрофотографии (СА, 1959, № 4), что под тонкой трещиной, смутившей моего критика (она видна и на упомянутой им фотографии 1956 г.), никак не могла исчезнуть мачта пси (достаточно взглянуть на толстые линии буквы на той же макрофотографии). Букву С он и теперь называет О, хотя резкие различия между С и О ясно видны на изданных тогда же мною макрофотографиях и описаны в моей статье. Мой критик добавил теперь только одну фразу: «Некоторое сходство этой буквы с буквой С (знак сотен) объясняется дефектами бересты» (стр. 157). Это добавление мне полезно. Такое объяснение Б. А. Рыбаков выдвигал в споре на заседании, но в своей первой статье из осторожности снял, и я не мог тогда на это печатно ответить. За дефект бересты он принял черту, не ощутимую даже на ощупь. Она видна на фотографии (что и смутило моего критика), но это только граница между поверхностью большей части грамоты и той ее частью, где был содран лишний тончайший клиновидный слой бересты. Толщина этого порога (и тем самым толщина содранного слоя) измерена. Она составляет от одной до двух сотых миллиметра. Такая черта не могла помешать написанию любой буквы. И действительно, на ней поместилось двадцать букв совершенно правильных (см. изданную фотографию, СА, 1957, № 3). Среди этих букв два С (об одном из них идет спор) и одно О. Макрофотографии всех этих букв мною нарочно изданы (СА, 1959, № 4), читатели могли убедиться в их правильности и в бесспорных между ними различиях. Любопытны роковые случайности, предполагаемые моим критиком: все

буквы грамоты № 206 целы (а это сотни штрихов) и только две, которые ему нужны, испорчены, одна якобы трещиной, другая якобы дефектом бересты. Но когда речь идет о дате, которую он прочел у Онфима, Б. А. Рыбаков обходится без доказательств. На мои возражения (А., 125, 126) он и тут не отвечает.

5. Мелкий вопрос. Приходится подробно коснуться мелкого вопроса о топографии пожара 1340 г., поскольку Б. А. Рыбаков придал ему теперь особенно большое значение, желая уличить меня в непозволительных полемических приемах (о всех других поднятых им с той же целью вопросах пришлось уже попутно говорить выше, в связи с более важными темами).

Сначала он заявляет обо мне: «это не пожар остановился у Якова, а наш автор решил здесь поставить точку посреди фразы» (стр. 159). Зачем это написано? Ведь пожар, начавшийся у церкви Федора, все-таки остановился у церкви Якова, если говорить о Неревском конце, а о нем здесь идет речь. Ведь в цитируемом Б. А. Рыбаковым тексте после слов «до святого Якова» сказано: «а семо и до Чюдинцеве улици». Здесь указано совсем другое направление пожара, эта улица находится в Загородском конце. Другие места летописного текста тоже говорят о других районах. Сам Б. А. Рыбаков дальше признает церковь Якова северным пределом пожара (восточный предел он указывает неверно, о чем ниже). Значит я имел право поставить точку.

Мою тенденцию он видит в том, «чтобы любыми средствами преуменьшить масштабы пожара 1340 г. и спасти Б. А. Колчина» (стр. 160). Совершенно мне это не было нужно, ведь я подробно доказывал (А., 111), что пожары, даже большие, не сплошь выжигали большие районы и не всегда прослеживаются стратиграфически. Район раскопок мог сгореть в 1340 г., мог и не сгореть, летопись сама по себе недостаточна для решения таких вопросов. Ничего иного я не доказывал.

Я показал в своей статье, что Б. А. Рыбаков на своем плане пожара неправильно провел стрелки (их надо было вести от церкви Федора, у которой пожар начался) и соединил церкви Федора и Якова не прямой линией, а сложно изломанной, проведя ее через место раскопок. Мой критик отвечает: «Так вот пусть читатели знают, что злополучная стрелка от улицы Розважи на север к церкви Якова идет от церкви Сорока мучеников» (стр. 159). Но зачем ее вести от Сорока мучеников? Однако рассмотрим снова этот план (Р., 94). Там стоят названия многих церквей, однако Сорок мучеников не названы. Еще больше там крестиков, означающих церкви. А «злополучные стрелки» идут от места, где даже поблизости нет ни названия, ни крестика. Это место находится на Розваже улице, что отмечено и в цитированной фразе (из новой статьи моего критика). Церковь Сорока мучеников источники помещают на Щерковой улице (1-я Новгородская летопись под 1397 г., 3-я Новгородская летопись под 1541 г. и т. д.), или на Яневой улице (опись 1615 г.). Она находилась, таким образом, между этими двумя улицами, т. е. совсем в другом месте.

Но суть этого спора, как правильно подчеркивает Б. А. Рыбаков, заключается в определении восточной границы пожара в Неревском конце. Мой критик считает, что такой границей был Волхов, иначе нельзя доказать, что был захвачен район раскопок. Это видно и на том же плане. Я в своей статье показал, что за Волхов, вопреки обозначениям на плане, огонь перешел, по словам летописи, не из Неревского конца, а из города, т. е. из Кремля, через мост, «тем более что там погорел тогда не Плотницкий конец, а Славенский (против Неревского конца лежит Плотницкий)» (А., 112). Мой критик согласен теперь, что «Славенский конец до Федорова ручья был запален огнем города — Кремля» (стр. 160), но он считает, что огонь Неревского конца сжег Плотницкий.

Единственным для него основанием послужили слова летописца о пожаре церкви Бориса и Глеба на Подоле. Он отождествляет почему-то эту церковь с церковью Бориса и Глеба в Плотниках, стоящей доныне на старом месте. По-видимому, он думает, что в древнем Новгороде не было других церквей во имя этих князей. Нет, были и другие, одна из них здесь важна.

«Подол, по словам автора, составлял северную часть Плотницкого конца» (стр. 160). Это никак не обосновано, это противоречит топографии пожаров 1371 и 1442 гг. (по 1-й Новгородской летописи). В 1371 г. «бысть пожар с Ильине улици в Плотничькыи конець, и Подол весь погоре, и конець до Килавои улици». Ильина улица находилась в Славенском конце (лежавшем к югу от Плотницкого). Сгорела часть Плотницкого конца (начиная с юга), а Подол сгорел весь. В 1442 г. «бысть пожар в Плотьничьском конце: загореся от Щитной улице мая в 4, и погоре половина Конюховы улице и Запольская вся, и за город перешед, погоре до Онтонова манастыря». Здесь горит то, что Б. А. Рыбаков называет Подолом. Это северная часть Плотницкого конца. Церковь Бориса и Глеба в Плотниках источники помещают или на Запольской улице (опись 1615 г.), или на Конюхове улице (Описание соборов XV—XVI вв.). Однако термин Подол употреблен не здесь. Продолжу (не пропуская ни слова) цитирование текста 1442 г.: «И пакы, того же месяца мая 11, на память священномученика Мокиа, загореся на Подоле, и бысть пожар лют и пакости людем много, и церквии каменых огоре 12, и христьяньскых душь бог весть колко погоре, и конець весь погоре до святого Георгиа, и ту преста на Лубянице». Конец весь сгорел в два приема: сначала северная часть,

а потом южная, что подтверждается упоминанием церкви Георгия и Лубяницы. Да и в летописном рассказе 1340 г., который цитирует Б. А. Рыбаков, северной границей пожара Торговой стороны ясно назван Федоровский ручей, протекавший гораздо южнее тех мест, которые Б. А. Рыбаков называет Подолом.

Однако вернусь к церкви Бориса и Глеба. В описании пожара 1311 г. (в той же летописи) такая церковь названа рядом с церквами, находившимися к югу от Федоровского ручья (Дмитрий, Георгий и другие). Но наиболее ясное топографическое указание дает «Описание семи Новгородских соборов»[9]. Оно датируется концом XV или началом XVI в. Там сказано: «Конець Лубянки и Георгии святыи, да предел Козма Демьан, да Борис и Глеб. Да Борис и Глеб на Погребище. Да Клемент святыи на Иворове улице, Троица на полатех. Да на Рогатици Евпатеи святыи, на полатех Богоявление. На Славкове улици Дмитреи святыи, на полатех Усекновение Предтеча да Борис и Глеб». Итак, Борис и Глеб на Погребище находился между Георгием и Климентом. Церкви Георгия, Климента и Дмитрия стоят доныне на старых местах, они все находятся на одной прямой линии, на современной Московской улице, возникшей в XVIII в. Все они (тем самым и Борис и Глеб) находятся к югу от Федоровского ручья, в полном соответствии с летописным рассказом 1340 г.

Можно добавить, что слово «Подол» в топографии древнерусских городов означало низменную местность. Борис и Глеб в Плотниках всегда стоял на возвышении. А Борис и Глеб на Погребище стоял именно в древней ложбине[10].

В заключение приходится коснуться вопроса о тоне моей статьи 1959 г., ведь об этом подробно говорит Б. А. Рыбаков.

Сначала он пытается уличить меня в самовосхвалении. Для этого процитированы три фразы (стр. 157). В первой из них при всем желании можно усмотреть только похвалу Б. А. Колчину, во второй — упрек Б. А. Рыбакову. Третья такова: «Мои напечатанные хронологические аргументы по данному вопросу уже исчисляются сотнями». Но ведь непосредственно за этим сказано: «Вероятно, там имеются ошибки» (А., 125).

Затем мой критик жалуется на мою грубость. Читатели могут сами разобраться, кто из нас внес недопустимый тон в полемику.

Б. А. Рыбаков пытается затем доказать, что мои резкие отзывы несправедливы по существу. Поднят вопрос, «сумел ли А. В. Арциховский научно обосновать свое право на такой обличительный тон» (стр. 157). Этому посвящена заключительная часть статьи. Главные мои упреки он и там обходит. Он подбирает для своих ответов некоторые второстепенные и третьестепенные упреки. На все эти выбранные им примеры я ему уже выше ответил.

Статья Б. А. Рыбакова построена своеобразно. Выдвинутые им против меня обвинения (все они мною выше разобраны) приведены как правило, трижды: сначала просто, затем в итогах по главе, затем в итогах по статье. Это использовано для постепенного сгущения красок и усиления выражений.

Вводимые моим критиком методические приемы (обоснование хронологии на пожарах, недооценка хронологического значения вещевых находок, пренебрежение стратиграфическим значением раскопочных планов, замена объективных палеографических признаков недоказуемыми случайными аналогиями и т. д.) представляются мне неприемлемыми. Поэтому я взял на себя неблагодарный труд полемиста.

---

[9] А. И. Никольский. Описание семи новгородских соборов. Вестник археологии и истории, вып. X, СПб., 1898, стр. 80.

[10] И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода. СА, 1960, № 3, стр. 218 и 222.

ПУБЛИКАЦИИ

Т. Б. ПОПОВА

ЭПОХА БРОНЗЫ НА ТАМБОВЩИНЕ

При взгляде на археологическую карту европейской части СССР в эпоху неолита и бронзы бросается в глаза, что довольно обширная территория, лежащая между областью распространения ямочно-гребенчатого лесного неолита и пространствами, заселенными южными племенами эпохи ранней и поздней бронзы, остается в археологии белым пятном. Только за последние несколько лет эту территорию начинают изучать более внимательно.

Между тем изучение лесостепной полосы имеет чрезвычайно большое значение и, прежде всего, для синхронизации северных археологических культур с культурами Северного Причерноморья и Кавказа, т. е. с областями, где более разработана хронология. Это является основной, но не единственной проблемой в деле изучения этой территории. Исследование лесостепных областей, во-первых, дает возможность выявить новые археологические культуры или расширить границы уже известных южных или северных археологических культур [1]; во-вторых, помогает выяснить взаимоотношения северных и южных племен. По всей вероятности, нам не удастся провести здесь между культурами четкие границы. Здесь, безусловно, существовала чересполосица археологических культур; отдельные племена, как южные, так и северные, заходили на «чужую» территорию. Кроме того, в этой области, по-видимому, и границы культур часто менялись.

Интересным является также вопрос о происхождении некоторых племен эпохи бронзы в Окском бассейне. Решение этого вопроса зависит от степени изученности лесостепных районов.

Так, вопрос о формировании племен так называемой позднякovской культуры остается невыясненным до настоящего времени. Несомненным является только факт их близости с племенами срубной культуры. Однако продолжает оставаться неясным вопрос о продвижении в лесостепные области племен срубной культуры, совершенно не прослежены пути их продвижения. Поэтому изучение территории, непосредственно примыкающей к Окскому бассейну, необходимо; в частности заслуживают тщательного исследования бассейны рек Мокши и Цны.

Бассейн р. Цны, так же как и вся лесостепная полоса, изучен чрезвычайно плохо. К югу от этой области располагались племена срубной культуры; к востоку на территории бассейна рек Суры и Мокши известно и изучено много памятников срубной и позднефатьяновской культур. Бассейн р. Цны почти полностью находится в пределах Тамбовской области;

[1] Так, начинают намечаться в этой области такие культуры, как марьяновская, бондарихинская и другие. См. В. А. Ильинская. О происхождении культур раннежелезного века на левобережье Среднего Днепра. КСИИМК, вып. 70, 1957; С. С. Березанская. Памятники периода средней бронзы на Десне и Сейме. Археологія, вып. XI, 1957.

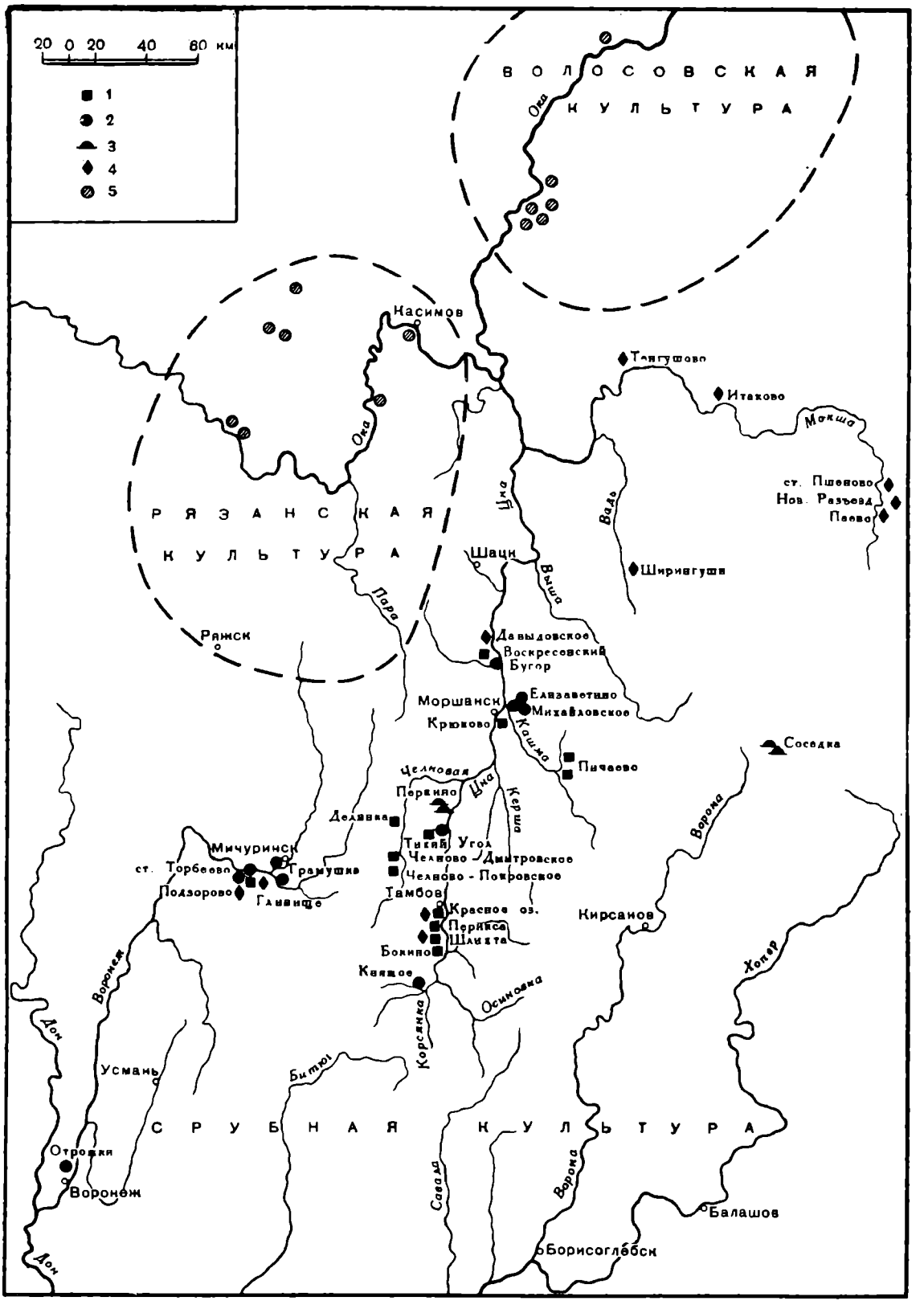


Рис. 1. Карта памятников эпохи неолита и бронзы Цнинского бассейна.

1 — поселения срубной культуры; *2* — стоянки эпохи неолита; *3* — курганы; *4* — места находок вафельной керамики; *5* — памятники поздняковской культуры.

исследованных памятников эпохи бронзы и неолита на Тамбовщине мало, хотя попытки их изучения были сделаны уже давно (рис. 1).

Еще в XIX в. начала свою деятельность Тамбовская архивная комиссия, собиравшая также сведения и о различных археологических находках. В начале девятисотых годов была опубликована археологическая

карта Тамбовщины, составленная А. Н. Нарцовым [2]. В ней приводились отдельные данные о находках монет, могильников и курганов. Как в дореволюционное время, так и в годы Советской власти в бассейне р. Цны изучались главным образом памятники древней мордвы — могильники, дающие богатый археологический материал. Довольно много для изучения Тамбовщины сделал бывший директор Моршанского краеведческого музея П. П. Иванов, который собрал много каменных молотков, топоров, кремневых орудий и обработанного дерева, по-видимому, со свайного поселения, неолитическую ямочно-гребенчатую керамику и кремневые орудия, керамику эпохи срубной культуры и т. д. Весь этот интересный материал получен из разведок и случайных находок. В 30-х годах П. П. Иванов предпринял систематические разведки по р. Цне на участке Тамбов — Моршанск, во время которых им помимо городищ и мордовских могильников были открыты стоянки, по-видимому, эпохи бронзы и неолита. В 1940 г. научный сотрудник Тамбовского краеведческого музея Верховых произвел разведки по р. Цне от г. Тамбова до Сампура, кроме мордовских могильников и курганов обнаружил одну неолитическую стоянку.

В 20—30-х годах в Мичуринском и Сосновском районах Н. Н. Демин во время разведки открыл ряд стоянок эпохи неолита и бронзы, с которых был собран большой подъемный материал. В 1953 г. М. Е. Фосс руководила экспедицией ГИМ и ИИМК АН СССР, работавшей в Мичуринском районе Тамбовской области; ею производились раскопки нескольких неолитических поселений и стоянки эпохи бронзы. Исследование этих памятников показало, что на этой территории, безусловно, существовала совершенно особая, типичная только для этого района, неолитическая культура.

В 1956 г. ГИМ совместно с Тамбовским краеведческим музеем организовал экспедицию, задачей которой являлось исследование памятников эпохи бронзы в Цнинском бассейне.

В результате работ 1957—1958 гг. к югу от г. Тамбова были открыты и частично исследованы четыре поселения. Первое находилось на южной окраине г. Тамбова, на мысе, образованном речкой Ржавец и оз. Красным. Второе расположено в 2 *км* к югу от него, на северной окраине с. Перикса. Третье — на западном высоком берегу Шлихтинского озера и, наконец, четвертое — в 8 *км* к югу от г. Тамбова, у северной окраины с. Бокино (рис. 1).

Все четыре поселения находятся на первой надпойменной террасе реки Цны; размеры их не превышают 50 × 250 — 300 *м*. Они вытянуты вдоль берега реки или озера.

Наиболее интересным оказалось поселение у с. Перикса, расположенное на песчаной дюне. На площади этой стоянки были заложены два раскопа: в 296 $м^2$ и 208 $м^2$ (рис. 2).

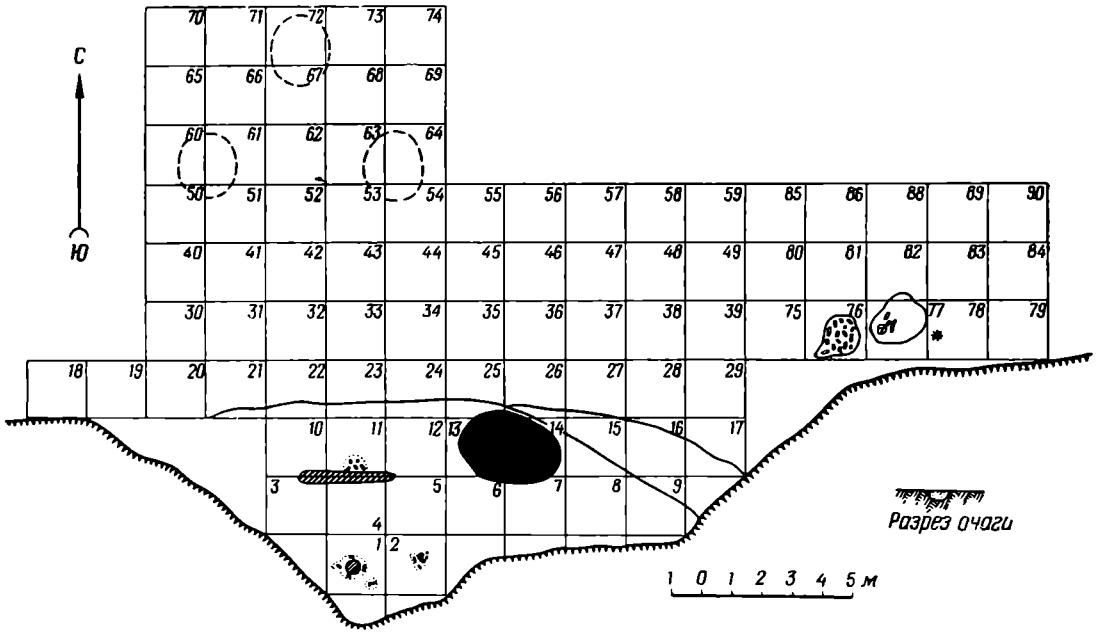
Культурный слой на всей площади раскопа находился под прослойкой песка в 0,2—0,25 *м*. Толщина культурного слоя в первом раскопе колебалась от 0,35 до 1 *м*. Стратиграфически этот слой разделить не удалось, в то время как полученный очень большой и разнообразный керамический материал заставляет предполагать разновременность некоторых типов посуды.

В южной части этого раскопа были обнаружены остатки большого жилого сооружения, разрушенного канавой. Наибольшая глубина в сохранившейся части жилища достигала 1,0—1,25 *м*, на дне его было исследовано два кострища. Первое круглое в плане, углубленное в грунт на 0,45 *м*, заполненное углем, золой, обломками посуды и обгоревшими костями животных. Вокруг кострища найдены кости лошади, полированный камень и обломки сосудов. Второе кострище (в северной части зем-

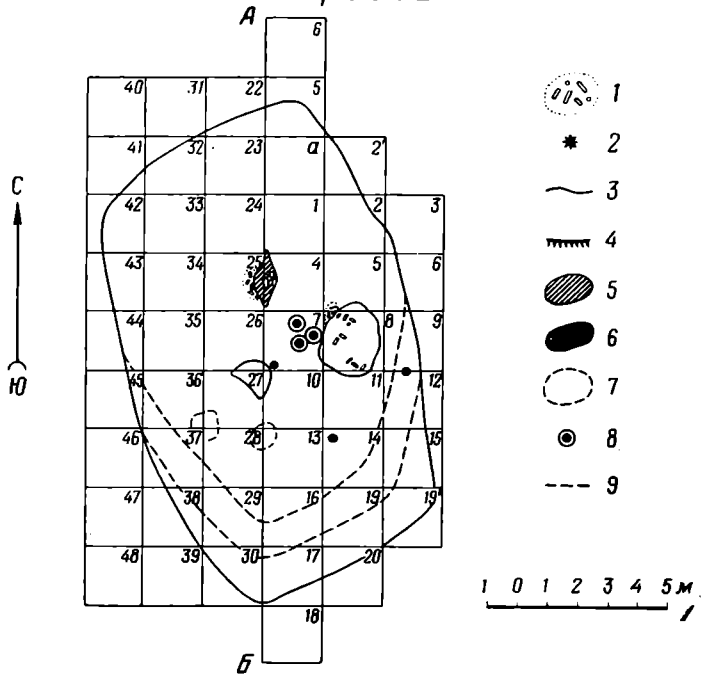
[2] А. Н. Нарцов. Историко-археологическая карта Тамбовской губернии. ИТУАК, вып. 50, Тамбов, 1905.

СТОЯНКА ПЕРИКСА

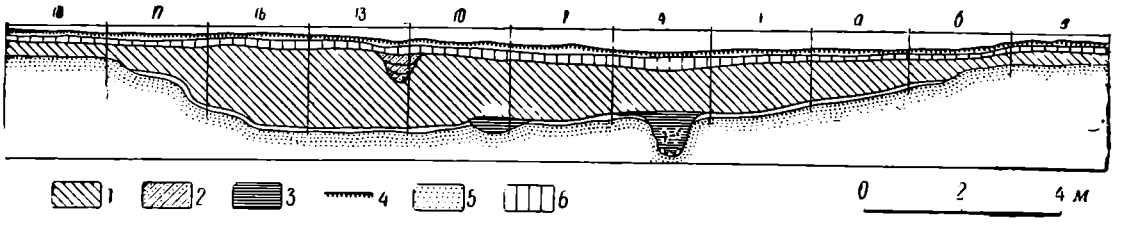
План раскопа I



План раскопа II



I



II

Рис. 2. План и профиль раскопа на стоянке Перикса

I. *1* — скопление костей; *2* — разрушенное погребение; *3* — контуры землянки; *4* — обрыв; *5* — очаг; *6* — скопление золы; *7* — современные ямы; *8* — ямки с разбитыми сосудами; *9* — контуры ступеней

II. *1* — культурный слой; *2* — поздняя яма; *3* — очаги; *4* — дерн; *5* — материковый песок; *6* — переевянный песок

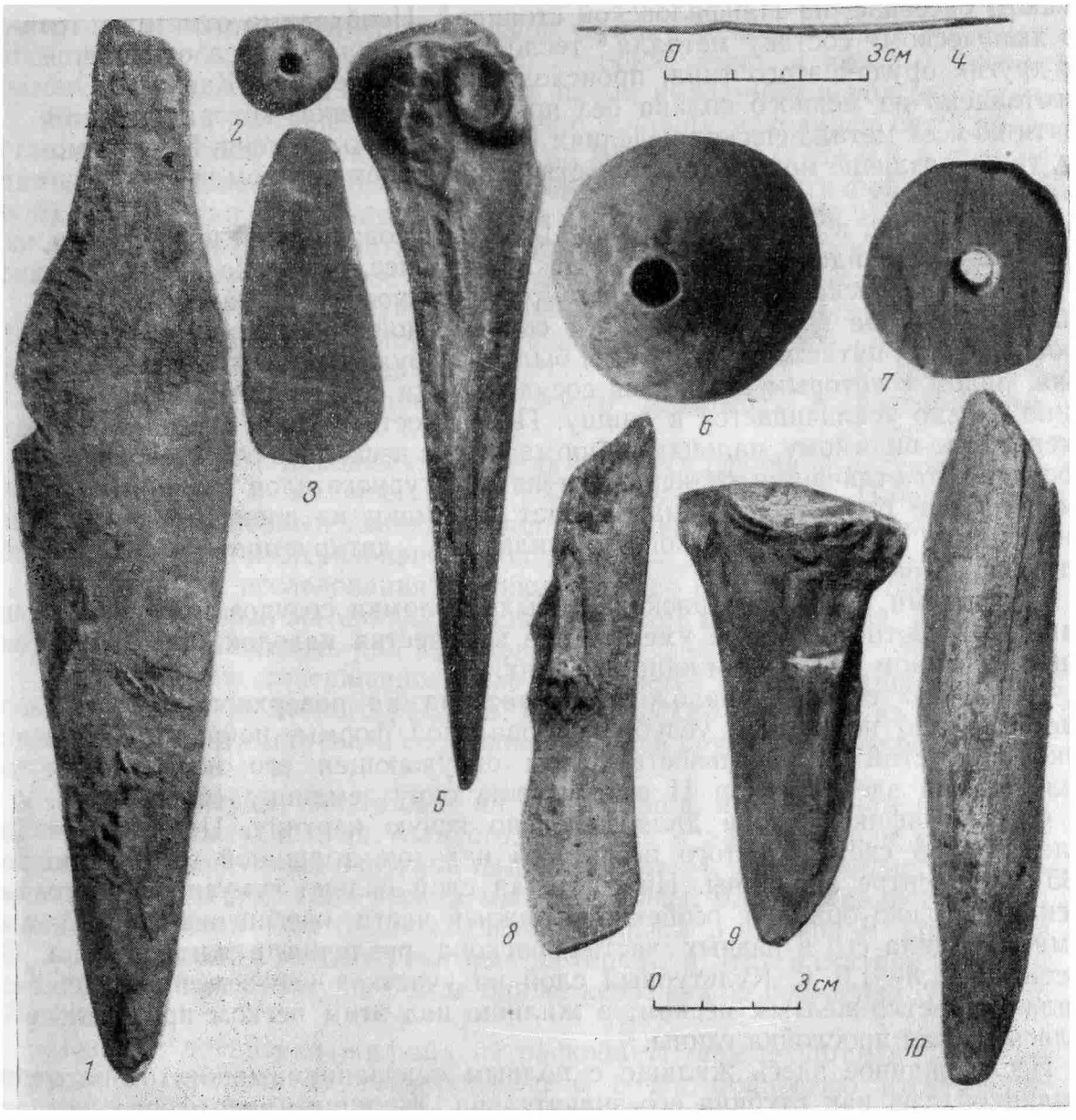


Рис. 3.

1 — бронзовый нож со стоянки Шлихтинская; *2* — бусина; *3* — бронзовое тесло; *4* — бронзовая игла; *5*, *8—10* — костяные орудия; *6*, *7* — пряслица глиняные (*2—10* — находки со стоянки Перикса)

лянки), так же как и первое, было вырыто в материке, но имело вытянутую форму, протяженностью с востока на запад 3,2 *м*. По-видимому, это кострище служило для обогрева жилища; зола из него выкидывалась в северо-западный угол землянки, где обнаружено большое скопление, насыпанное рядом с небольшим возвышением земли. Это возвышение напоминает нары, известные во многих землянках эпохи поздней бронзы, например, на поселении у с. Зимница в Пензенской области [3] или в Успенском поселении в Среднем Заволжье [4] и в других местах.

Из наиболее интересных находок на первом раскопе следует упомянуть два бронзовых предмета. В жилище (кв. 16) на земляных нарах было обнаружено небольшое бронзовое тесло, клиновидное в сечении (рис. 3, *3*). Подобный тип тесла хорошо известен в различных комплексах эпохи ранней бронзы на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа. Орудие такого же типа было найдено в Поволжье и в

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у селений Мокшан и Пустынь. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941.

[4] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949.

Окском бассейне, на Панфиловской стоянке [5]. Необходимо отметить, что по химическому составу металла [6] тесло со стоянки Перикса отличается от других орудий этого типа, происходящих с Северного Кавказа. Оно изготовлено из медного сплава без примеси мышьяка, которая имеется почти во всех металлических изделиях Кавказа этого времени. По-видимому, такое различие может свидетельствовать о каком-то ином происхождении этой вещи.

Кроме тесла, в кв. 37, на глубине 0,40 *м* от современной поверхности, вне жилища, найдена бронзовая игла или, вернее, проколка (рис. 3, *4*).

В первом раскопе было вскрыто разрушенное погребение (кв. 47), находившееся на глубине 0,92 *м* от современной поверхности. В слабо прослеженном пятне могильной ямы были обнаружены кости черепа человека, рядом с которым находился сосуд. Стенки сосуда толстые, их толщина сильно увеличивается к днищу. Поверхность грубая, слегка заглаженная, по-видимому, пальцами. Форма сосуда несколько асимметричная. Сосуд резко отличается от керамики из культурного слоя стоянки и по своей форме больше всего напоминает керамику из древнемордовских погребений типа Армиевского могильника, датируемого серединой I тысячелетия н. э. [7].

Основными находками раскопа I были обломки сосудов и кости домашних животных. Резкое уменьшение количества находок было отмечено в северном и западном направлениях.

Несколько севернее заложенного раскопа на поверхности стоянки было заметно небольшое углубление овальной формы, покрытое более яркой и густой растительностью, чем окружающая его поверхность. Заложенный здесь раскоп II выявил еще одну землянку (рис. 2, *II*).

Стратиграфия раскопа дала довольно ясную картину. Под дерном залегал слой светло-желтого песка, без находок, толщиной от 0,15 до 0,35 *м* в центре западины. Ниже лежал слой сильно гумусированного песка, довольно обильно, особенно в нижней части, насыщенный находками. Толщина его в разных частях раскопа различна, в жилище она достигала 1,8—1,9 *м*. Культурный слой на участках вне землянки подстилался светло-желтым песком; в жилище над этим песком прослеживалась тонкая прослойка глины.

Исследованное здесь жилище с полным основанием можно назвать землянкой, так как глубина его значительна. Жилище имело форму несколько неправильного четырехугольника с закругленными углами; общая площадь его 135 $м^2$. Вход жилища был обращен к реке, с южной стороны в дом вели две широкие ступени, которые занимали всю южную стенку жилища и даже заходили на восточную и западную стороны землянки. По-видимому, часть этих ступеней могла служить в качестве полок или нар.

Жилище полностью было вырыто в материке. Заслуживает внимания тот факт, что пол жилища и поверхность ступеней были покрыты утрамбованной глиной. Особенно плотным этот слой был в центре землянки, на площади, занятой очагом и кострищами. На ступенях и в центре жилища глиняная прослойка достигала толщины 8—10 *см*, к краям она утончалась и покрывала не всю поверхность пола.

В центре жилища находилось два кострища и один очаг. Самое большое кострище, диаметром 3 *м*, содержавшее преимущественно золу и угли, находилось у восточной стенки землянки. Несколько юго-западнее от него располагалось другое кострище меньших размеров. В обоих

---

[5] В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владимирского музея, вып. 3, Владимир, 1923.

[6] Спектрально-химический анализ был проведен И. Р. Селимхановым в лаборатории Института истории Азербайджанской ССР. Медь — 98,7%; олово — 0,05%.

[7] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе реки Узы. Саратов, 1930, табл. XVIII, рис. 115.

кострищах найдено большое количество обгоревших костей домашних животных и обломки глиняных сосудов. В полу, между первым и вторым кострищами, были вырыты довольно глубокие ямки, в которых стояли разбитые сосуды, по-видимому в свое время вмазанные в пол землянки.

Кроме двух кострищ, почти в центре жилища находился очаг, представляющий собой глубокую, вырытую в материке на 0,75—0,8 *м* яму, на дне которой лежало 11 камней (некоторые из них с частичной подработкой). Яма со дна до уровня пола была забита углем, золой, пережженными мелкими костями животных и обломками глиняных сосудов. Рядом с очагом находилось большое скопление костей домашних животных.

Из находок в исследованном жилище следует упомянуть глиняное пряслице (рис. 3, *6*) биконической формы и еще одно — испорченное, сделанное из черепка сосуда (рис. 3, *7*).

На стоянке найдено довольно много точильных и растиральных камней.

Основную часть находок составляли обломки глиняной посуды. Количество находок в жилище было не особенно велико. По-видимому, хорошо утрамбованный глиняный пол землянки позволял убирать и выбрасывать черепки от разбившихся сосудов.

В результате исследования стоянки Перикса был получен очень большой разнообразный материал, главным образом керамический, на основе которого можно сделать ряд выводов.

Прежде всего, совершенно четко выделяется одновременный комплекс — жилище из второго раскопа. Керамический материал из этой землянки позволяет датировать ее поздней стадией срубной культуры, точнее, ее концом.

Обломки посуды, залегавшие на дне жилища, имеют орнамент в виде налепного валика, иногда гладкого, но чаще с нарезкой или с рядами вдавлений, нанесенных округлой палочкой (рис. 4, *1—9*). Аналогии орнаментации подобного типа весьма многочисленны. Близкой является керамика со стоянки Обиточная-12, исследованной в Северном Приазовье О. А. Кривцовой-Граковой, которая датировала этот памятник поздней стадией срубной культуры [8]. Еще ближе керамика с поселения у хутора Ляпичева [9].

Поздняя датировка жилища из раскопа II определяется и формами посуды, и деталями ее выделки. Здесь почти полностью отсутствуют остроребериые сосуды. Основная масса посуды — крупные баночные сосуды со слегка загнутыми внутрь, срезанными венчиками. Поверхность сосудов небрежно заровнена штампом, иногда заглажена рукой. Нередко встречаются асимметричные сосуды. Сосуды, найденные на полу жилища,— горшки крупных размеров, высотой 45—50 *см,* с небольшим дном, раздутыми боками и очень широким устьем. Почти вся посуда не орнаментирована, а имеющиеся орнаментальные мотивы очень просты. Из них следует отметить орнамент в виде двух рядов насечек (рис. 4, *12—16*), орнамент из линии округлых ямок. Последние два узора очень близко напоминают посуду со стоянок позднего периода поздняковской культуры, в частности, этот тип сближается с сосудами стоянки Коренец 1 и также подтверждает позднюю датировку этого материала. С этой точки зрения заслуживают внимания фрагменты верхней части сосуда с очень небрежно выполненным узором из треугольников, заключенных внутри двух линий (рис. 4, *11*). На основании всех этих признаков и аналогий время сооружения и существования землянки из раскопа II на стоянке Перикса можно отнести к началу I тысячелетия до н. э., т. е. ко времени поздней стадии срубной культуры. По-видимому, это жилище является наиболее поздним сооружением на стоянке.

[8] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 153, рис. 37.

[9] Там же, стр. 96—98, рис. 21, 22.

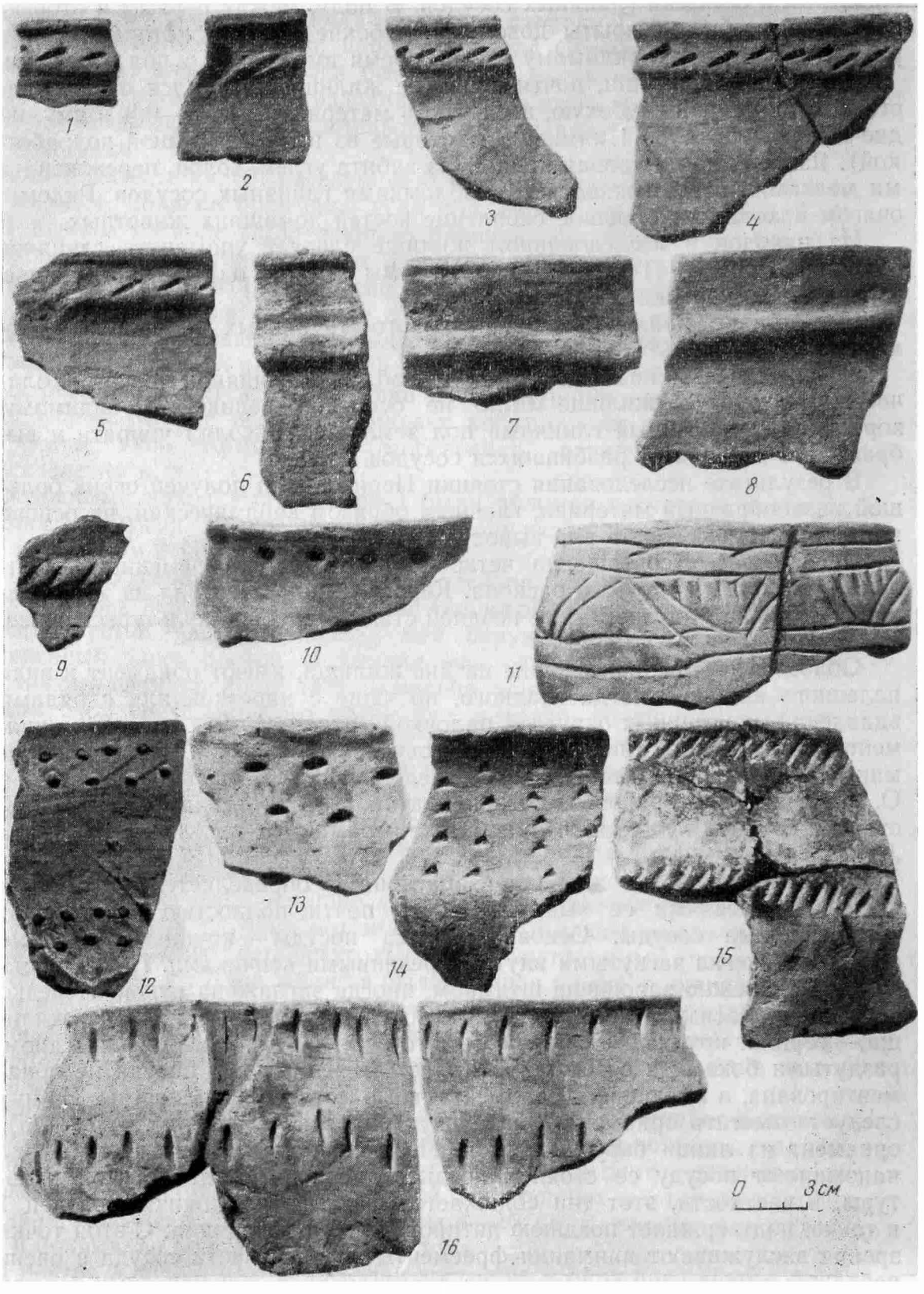


Рис. 4. Обломки керамики со стоянки Перикса

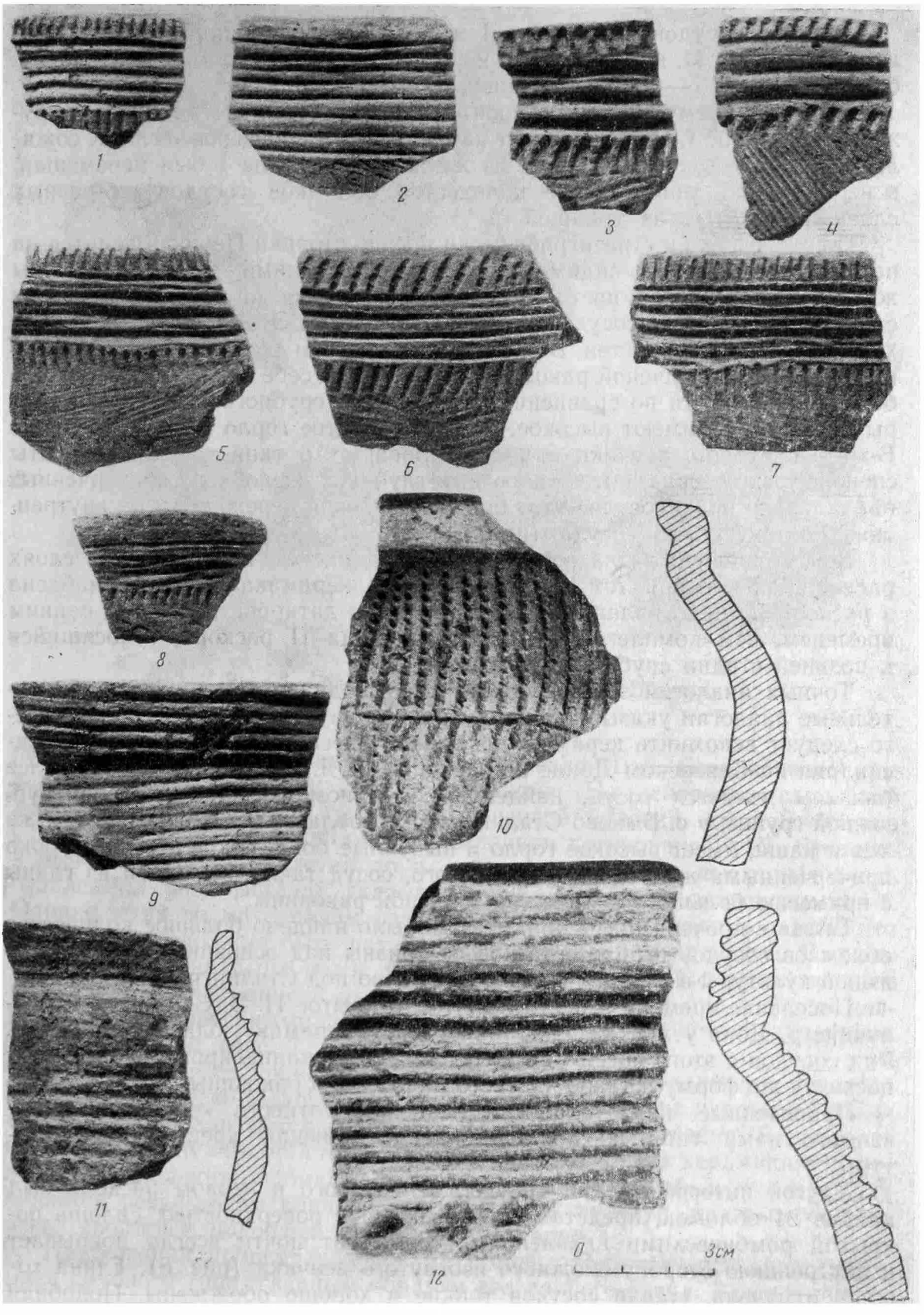


Рис. 5. Обломки глиняной посуды:
1 — 9 стоянка Перикса; *10—12* — стоянка Красное озеро

Обломки сосудов из раскопа I и фрагменты, собранные вокруг землянки раскопа II, неоднородны и относятся частично к эпохе ранней бронзы, частично — к эпохе поздней бронзы.

К более раннему времени относится, по-видимому, часть жилого сооружения в раскопе I, это определяет найденное там бронзовое тесло. К сожалению, керамический материал из жилища в раскопе I был перемешан, в него попало значительное количество обломков сосудов из разных слоев, выкинутых из траншеи.

Типологически и стратиграфически посуда стоянки Перикса делится на несколько типов. По-видимому, наиболее древними являются сосуды желтовато-розоватого цвета, резко отличающиеся от темно-коричневых с черными пятнами сосудов срубной культуры. Эта посуда имеет ряд характерных особенностей. Во-первых, в глиняном тесте содержится большое количество толченой раковины, что само по себе свидетельствует о ее большей древности по сравнению с керамикой срубного времени. Во-вторых, все сосуды имеют высокое, слегка отогнутое горло и округлые бока. В-третьих, горло, плечики и часть тулова этого типа сосудов покрыты специфическим орнаментом из очень глубоких желобков, прочерченных параллельно краю сосуда. Этот орнамент иногда переходит и на внутреннюю сторону горла сосуда (рис. 5, *12*).

Вся эта посуда была встречена в землянке № 1 и в нижних слоях раскопа I. Учитывая тот факт, что такая керамика не была найдена в раскопе II, надо полагать, что она должна датироваться более ранним временем, чем комплекс находок из жилища II раскопа, относящийся к поздней стадии срубной культуры.

Точных аналогий эта посуда не имеет; однако некоторые приблизительные аналогии указывают на ее значительную древность. Прежде всего следует вспомнить керамику из энеолитического слоя стоянки Александрия на Северском Донце из раскопок Д. Я. Телегина [10], но наиболее близким является сосуд, найденный в ямном погребении второй курганной группы у с. Быково Сталинградской области [11]. Этот сосуд, так же как и наши, имеет высокое горло и выпуклые бока, покрытые 13 глубоко прочерченными желобками. Кроме того, сосуд также вылеплен из глины с примесью большого количества толченой раковины.

Также с прочерченным орнаментом было найдено большое количество обломков сосудов в виде остатков от тризны над основным погребением ямной культуры в кургане № 14 у с. Быково под Сталинградом [12]

Поселение времени ямной культуры, открытое И. В. Синицыным в излучине р. Дона у хут. Репина, также дает керамику, близкую нашей [13]. Ряд сосудов с этого поселения имеет такую же каннелированную поверхность, ту же форму и такое же тесто с примесью раковины.

Приведенные нами аналогии позволяют отнести керамику описываемого нами типа ко времени распространения древнеямной культуры.

Другой интересный тип посуды, от которого в первом раскопе был найден 21 обломок, представлен черепками с поверхностью, сплошь покрытой ромбическими вдавлениями; орнамент почти всегда покрывает и внутреннюю сторону сложного изогнутого венчика (рис. 6). Глина хорошо отмучена, стенки сосудов тонкие и хорошо обожжены. Подобная керамика в небольшом количестве была не раз встречена на поселениях в нижних слоях городищ, расположенных в бассейне р. Мокши, т. е. несколько северо-восточнее р. Цны. Впервые она была найдена на Теньгу-

---

[10] Д. Я. Телегин. Результаты работ на Северском Донце. Тезисы доклада на археологической сессии Ин-та археологии АН УССР в Киеве, 1958 г.

[11] К. Ф. Смирнов. Быковские курганы, МИА, № 78, 1960.

[12] К. Ф. Смирнов. Ук. соч., кург. 2, погр. 3.

[13] И. В. Синицын. Памятники ямной культуры Нижнего Поволжья и их связь с Приднепровьем. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 32.

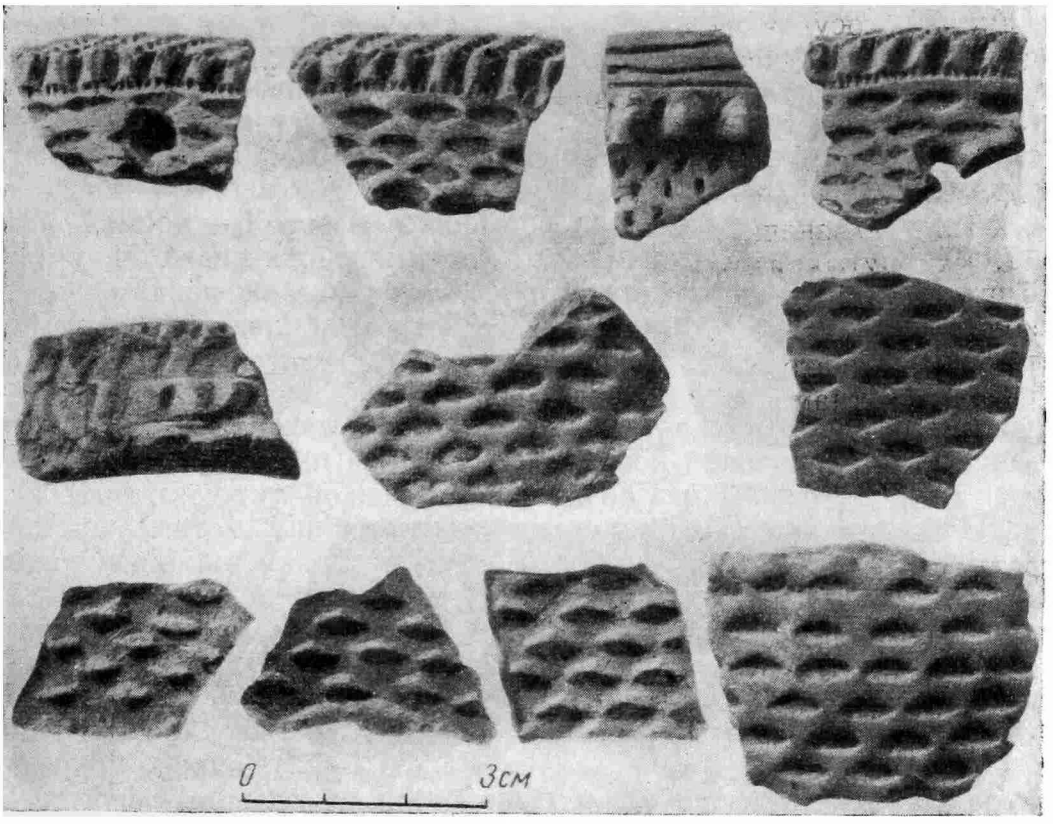


Рис. 6. Обломки керамики со стоянки Перикса

шевском городище [14], а затем зарегистрирована П. Д. Степановым [15] еще в ряде пунктов и названа им «вафельной». На основании случайной находки на городище у с. Паево бронзовой булавки кобанского типа совместно с вафельной керамикой последняя датирована П. Д. Степановым концом II тысячелетия до н. э.; а на основании некоторых очень отдаленных аналогий он указывает на ее южное происхождение [16]. Однако, судя по материалам раскопок у с. Перикса, надо полагать, что эта керамика должна быть датирована более ранним временем. Вафельная керамика не была нами встречена в таком датированном позднем комплексе, как жилище в раскопе II; наоборот — вся она найдена совместно с остроребериыми сосудами раннего срубного типа, украшенными пышным узором (рис. 7, *8—12*).

Что касается ее происхождения, то, по-видимому, наиболее вероятно местное — Цнинско-Мокшанское, так как все известные в настоящее время ее находки локализуются в Цнинско-Мокшанском бассейне. В наиболее юго-западном пункте, на стоянке Подзорово [17] подобная керамика обнаружена в нескольких обломках. Вполне вероятно, что вафельная керамика является результатом влияния неолитических культур, которым больше всего свойствен подобный стиль орнаментации.

Наибольший процент находок на стоянке Перикса составляет керамика срубного типа, главным образом его раннего этапа. Здесь имеются баночные сосуды разных размеров и много хорошо выраженных остро-

[14] Е. И. Горюнова. Теныгушевское городище. Зап. МНИИ, вып. 9, Саранск, 1947.
[15] П. Д. Степанов. Краткий отчет о работе археологической экспедиции 1940 г. Зап. МНИИ, вып. 2, Саранск, 1941; его же. Тургасовское городище. Зап. МНИИ, вып. 6, Саранск, 1946.
[16] П. Д. Степанов. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши. КСИИМК, вып. 59, 1955.
[17] М. Е. Фосс. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области. КСИИМК, вып. 75, 1959.

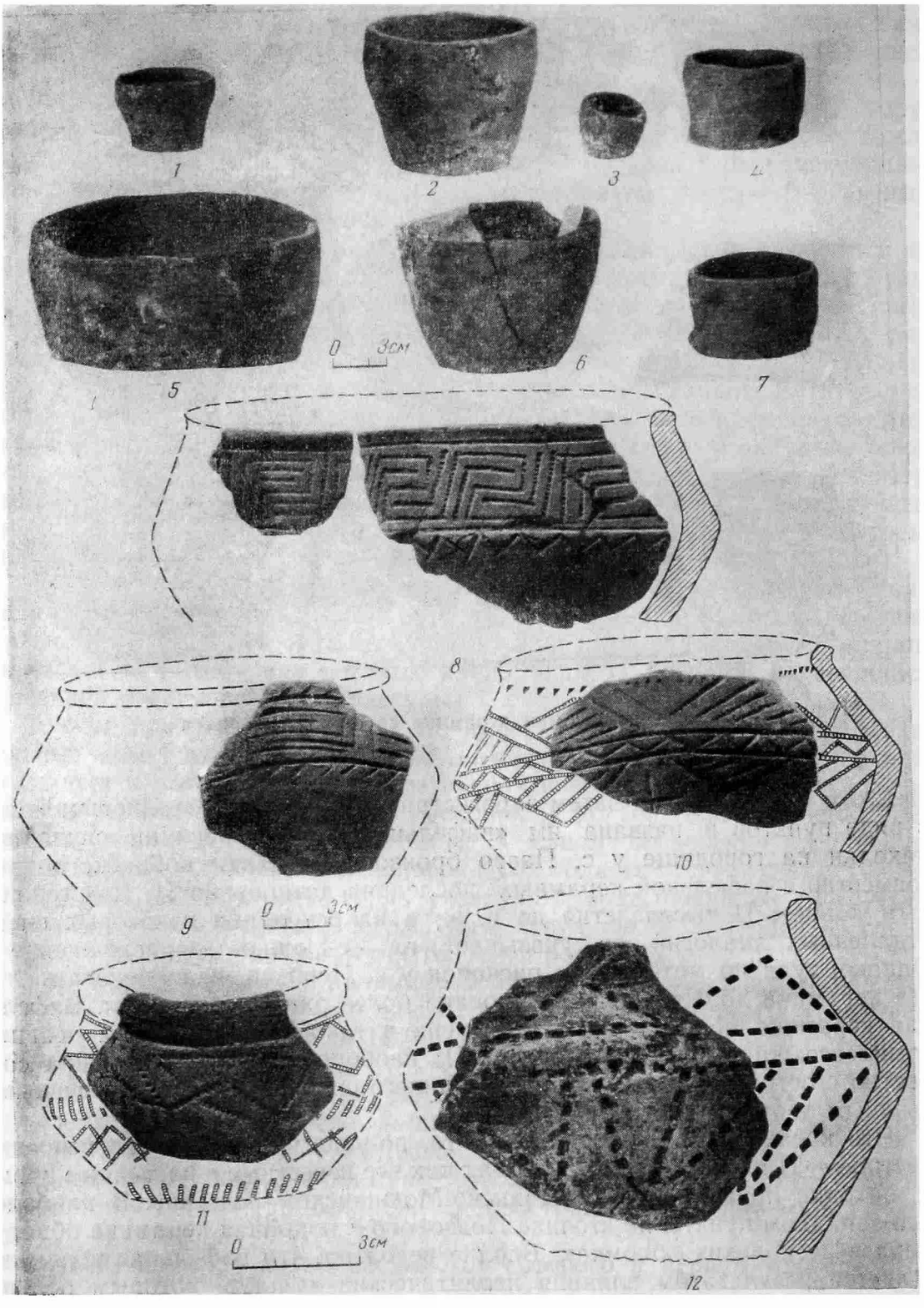


Рис. 7. Керамика со стоянки Перикса (*1—9*) и со стоянки Красное озеро (*10—12*)

реберных (рис. *7, 8—9*). Поверхность сосудов в большинстве случаев заглажена с обеих сторон зубчатым штампом. В глиняном тесте — примесь дресвы и шамота. Орнаментальные узоры (треугольники, свастика, меандр и т. д.) довольно разнообразны и нанесены различными зубчатыми и веревочными штампами, а также нарезками и ямками. Все эти данные позволяют датировать керамику подобного типа эпохой раннего этапа срубной культуры.

Таким образом материал, полученный в результате раскопок на стоянке Перикса, позволяет говорить о большой длительности существования по-

селения. Наиболее четко выделяется комплекс эпохи срубной культуры, как ранней, так и поздней стадии (II раскоп с жилищем).

Небольшой, но чрезвычайно интересный материал происходит с другого поселения, расположенного на высоком западном берегу Шлихтинского озера. Стоянка занимала небольшую площадь, между железной дорогой Тамбов — Котовск и обрывом берега озера. Бо́льшая часть стоянки уничтожена карьерами. На Шлихтинской стоянке найдена керамика, точно такая же как в раскопе I стоянки Перикса. Наиболее интересной находкой здесь является бронзовый нож (рис. 3, *1*), из нижней части культурного слоя (на глубине 0,65 *м* от современной поверхности) [18]. Подобного типа бронзовые ножи хорошо известны в ранних памятниках эпохи бронзы, как в Поволжье, так и в Северном Причерноморье, и датируются они концом III и первой половиной II тысячелетия до н. э. Вместе с этим ножом была найдена керамика с глубоко прочерченным орнаментом. Учитывая то обстоятельство, что на стоянке Перикса подобная керамика найдена вместе с бронзовым долотом раннего типа, эту керамику, по-видимому, можно датировать концом III— началом II тысячелетия до н. э. и считать, что она предшествует керамике ранней стадии срубной культуры.

В 1958 г. на Тамбовщине частично были доследованы еще два поселения. Одно — на южной окраине Тамбова у озера Красного, второе — на северной окраине с. Бокино.

Основной комплекс на поселении у о. Красного относится к срубной культуре, часть керамики — к ранней (полтавкинской) стадии, другая — к развитой. Полностью отсутствует керамика поздней стадии, типа посуды из второго жилища на Периксинской стоянке. К ранней стадии относится керамика удлиненных пропорций, сплошь покрытая узором (рис. 5, *10*). К этой же группе близко примыкает обломок крупного сосуда яйцевидной формы с небольшим венчиком. Сюда же относится и обломок крышки сосуда, покрытой отпечатками мелкого зубчатого штампа. Эта керамика ближе всего напоминает керамику полтавкинской стадии срубной культуры и генетически связана с основной группой посуды стоянки у оз. Красного.

На поселении у оз. Красного, так же как на поселениях у Периксы и Шлихтинского озера, встречаются сосуды с рельефным узором (рис. 5, *12*), с примесью толченых раковин в глиняном тесте. Подобная керамика, к сожалению, не выделяется стратиграфически, но определенно сосредотачивается в нижних пластах культурного слоя.

По-видимому, только к эпохе поздней срубной культуры относится стоянка у с. Бокино, посуда которой, судя по орнаментальным мотивам (налепные валики и насечки), характерна для поздней стадии срубной культуры [19].

На всех четырех стоянках, исследованных под Тамбовом, найдено много различных точильных камней, зернотерок и пестов, а также костяные орудия (шилья, проколки, лощила, кочедыки, струг и т. д.; (рис. 3, *5, 8—10*).

Кроме того, собран большой остеологический материал, предварительная обработка которого позволяет говорить о значительной роли скотоводства в хозяйстве населения этого времени; имеются кости всех видов домашних животных — лошади, крупного и мелкого рогатого скота, свиньи; от диких животных имеются кости кабана, лося; найдены кости и чешуя рыб.

Вновь открытые и обследованные четыре стоянки в бассейне р. Цны не являются единственными памятниками срубной культуры в этих широтах.

---

[18] Спектрально-химический анализ этого ножа сделан И. Р. Селимхановым в Институте истории Азербайджанской ССР. Состав металла: медь — 97,4%, олово — 0,1%, свинец — 0,4%, сурьма — 0,2%, железо — 0,3%.

[19] О. А. Кривцова-Гракова. Нижнее Поволжье и Причерноморье.

В 30-х годах Н. Н. Демин под Мичуринском и на р. Челновой в Сосновском районе открыл несколько поселений срубной культуры. Одна из этих стоянок в 1953 г. была раскопана М. Е. Фосс (Подзорово), в ней обнаружена керамика эпохи позднего неолита и срубной культуры [20].

Северо-восточнее Тамбова, у с. Пичаево, также имеются две стоянки срубной культуры. Пока самым северным пунктом срубных памятников на Тамбовщине можно считать поселение на Воскресенском бугре у с. Серповое, расположенное севернее г. Моршанска.

На основании всего сказанного можно считать, что бассейн р. Цны уже к середине II тысячелетия до н. э. был заселен племенами срубной культуры, которые продвинулись на Цну из южных степей. Река Цна и ее притоки, близко подходящие к притокам Дона и Северского Донца (рр. Воронеж, Битюг, Воронец и Хопер), протекающие в западных, южных и восточных районах Тамбовщины, являлись хорошими водными путями, способствующими продвижению племен срубной культуры на север.

Отдельные районы, занятые племенами срубной культуры, имеют некоторые местные особенности. В свое время О. А. Кривцова-Гракова [21] выделила срубную культуру Донского бассейна, которая отличается, например, от поволжской более сложной и пышной орнаментацией сосудов. При сравнении керамики с поселений Тамбовщины с другими памятниками срубной культуры соседних территорий, наибольшую близость дают стоянки Донского бассейна как раннего, так и позднего периода срубной культуры; например, поселение Лукьяновка и Костенки — для раннего этапа и поселения Васищево и Ляпичев хутор — для позднего этапа срубной культуры [22].

Несомненно, что именно из Донского бассейна эти племена продвинулись на Цну. По-видимому, Цна была и одним из основных путей, по которым эти племена проникли в Окский бассейн.

Цнинские памятники срубной культуры имеют больше общего с памятниками поздняковской культуры, чем с памятниками срубной культуры какой-либо другой территории. Целый ряд орнаментальных узоров, широко распространенных и характерных для поздняковской культуры, имеется и на стоянках Цнинского бассейна (рис. 4, *10—16*). Так, например, узоры, нанесенные различными сочетаниями зубчатого штампа, или узоры из выпуклин в сочетании с зубчатым или веревочным штампами, а также узоры в виде слезок встречаются на стоянках Тамбовщины, таких как Старое Тарбеево, Перикса и т. д., и имеют ближайшие аналоги с узорами окских стоянок поздняковской культуры (Коренец II, Черная Гора, Алеканово и т. д.). Поэтому не случайно, что и поздняковская культура связана своим происхождением со срубной культурой Дона. Как наиболее близкие памятники здесь можно указать Васищевскую и Ляпичевскую стоянки.

Проникновение в Цнинский бассейн племен из Окского бассейна прослеживается в еще более раннее время. На территории Тамбовщины хорошо известны стоянки, принадлежащие окским племенам с ямочно-гребенчатой керамикой, как, например, группа елизаветинских стоянок в Моршанском районе [23], стоянки у с. Тарбеево [24], наконец, стоянки у Княжого оз. под Тамбовом [25].

Наряду с этими северными передвижениями в очень раннее время происходило проникновение на эту территорию различных южных племен. М. Е. Фосс отметила наличие керамики, орнаментированной отступающей лопаточкой, на стоянке Глинище и связывала ее с южным неолитом.

[20] М. Е. Фосс. Ук. соч.
[21] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье...
[22] Там же, стр. 80—84, рис. 18—22.
[23] Материал не издан, хранится в Моршанском краеведческом музее.
[24] Сборы Н. Н. Демина и раскопки М. Е. Фосс. См. М. Е. Фосс. Ук. соч.
[25] Сборы Верховых. Архив Тамбовского краеведческого музея, д. 563.

В III тысячелетии до н. э. на Тамбовщину проникают племена древнеямной культуры, о чем свидетельствует керамика с поселений Перикса, Красное озеро и др. К сожалению, эти же поселения в более позднее время оказались занятыми племенами срубной культуры и поэтому пока не дают «чистого» керамического комплекса этого времени.

В эпоху ранней бронзы мы также можем проследить влияние, а может быть, даже и проникновение отдельных групп южных племен со шнуровой керамикой в лесостепную полосу и в частности в Цнинский бассейн. С этой точки зрения чрезвычайно интересна стоянка Воскресенский Бугор у с. Серповое в Моршанском районе и стоянка Старое Тарбеево под Мичуринском [26]. На этих многослойных поселениях обнаружена керамика со шнуровым орнаментом, имеющая ближайшие аналогии в памятниках катакомбной культуры Северского Донца.

В более позднюю эпоху вся эта территория оказалась очень густо заселенной племенами срубной культуры, о чем и свидетельствуют стоянки Красное озеро, Перикса, Шлихтинская, Бокинская и другие, позволяющие границу территории, занятой племенами срубной культуры, провести значительно севернее, чем она намечалась до последнего времени.

И, наконец, следует упомянуть о каких-то следах бондарихинской культуры в Цнинском бассейне. Так, при раскопках в 1956 г. Крюковско-Кушновского могильника под Моршанском в засыпке могил древней мордвы были найдены фрагменты этого типа керамики [27].

Работы на Тамбовщине только еще начаты, но нет сомнения в том, что исследование этой территории не только поможет выявить археологические культуры Цнинского бассейна, но и будет способствовать разрешению проблемы синхронизации различных лесных и лесостепных культур севера с племенами нашего юга в III—II тысячелетиях до н. э.

---

[26] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. 24, 1955, стр. 14—15.

[27] В. А. Ильинская. Ук. соч.

П. Д. ЛИБЕРОВ

МАСТЮГИНСКИЕ КУРГАНЫ

(Некоторые материалы из раскопок 1959—1960 гг.)

О раскопках курганов у с. Мастюгино в 1958 г. уже сообщалось в одном из предыдущих номеров журнала «Советская археология» [1]. Задачей настоящей статьи является освещение некоторых результатов раскопок курганов у с. Мастюгино в 1959 и 1960 гг. Это необходимо сделать потому, что в ходе исследований обнаружились некоторые особенности и новые черты погребального обряда, до сих пор не известные на Среднем Дону в эпоху раннего железа. Кроме этого, среди погребального инвентаря оказались находки, представляющие большой научный интерес и высокую ценность как предметы искусства, указывающие на связи местного населения с античным миром. Особое значение раскопок последних лет заключается также и в получении новых данных для установления связи между погребениями эпохи поздней бронзы и раннего железа.

В 1959 г. здесь было вскрыто только три очень сильно распаханных кургана высотой от 0,3 до 2 *м*. Два кургана (№№ 22/10, 25/9) были расположены в самой северной части западной половины могильника, на поле колхоза с. Оськино, а третий курган (№ 15/11) — в восточной половине, на колхозном поле у с. Мастюгино [2]. Последний курган, один из самых больших, был раскопан с помощью скрепера. В 1960 г. в связи с тем, что вся восточная половина могильника находилась под паром, было решено исследовать все 18 курганов, оставшиеся нераскопанными. С применением бульдозера и скрепера было снято десять самых больших насыпей; восемь курганов были раскопаны обычным способом — круговыми траншеями [3]. Все погребения эпохи раннего железа были ограблены в недавнем прошлом. Этой же участи не избежали и центральные погребения в курганах эпохи бронзы. Поэтому погребальный инвентарь или совсем не сохранился, или дошел до нас частично, хотя нередко в значительном количестве. Человеческие костяки из погребения эпохи раннего железа в результате ограбления почти не сохранились. Кости, как правило, были или выброшены из ямы, или собраны в яме в одну кучу. Это обстоятельство часто лишает возможности судить как об ориентировке костяков, так и о положении погребального инвентаря в погребальном сооружении. В несколько лучшем положении оказались погребения эпохи бронзы. Однако, несмотря на значительную фрагментарность материала, общие результаты раскопок указанных двух сезонов дают важные научные данные.

Перейдем к характеристике основных итогов работы. Из 21 раскопанного нами кургана 6 курганов относились к эпохе бронзы и 15 — к эпохе раннего железа. Среди последних несколько курганов выделяются

---

[1] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища. СА, 1960, № 3, стр. 162 сл.

[2] План могильника см. П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 166, рис. 3.

[3] В 1959 г. в раскопках принимали участие: В. А. Башилов, М. А. Сабурова, А. К. Тарасевич, И. М. Зарецкая. В 1960 г.— В. А. Башилов, М. А. Сабурова, А. К. Тарасевич, В. И. Гуляев и А. И. Пузикова.

Рис. 1. Лепные сосуды

— погр. № 1, кург. № 43/12; *2* — погр. № 2, кург. № 42/25; *3* — погр. № 2, кург. № 43/12; *4* — погр. № 1, кург. № 7/28

необычным для скифского времени погребальным обрядом — погребением умерших на горизонте или в почве, часто без инвентаря, и, как правило, вытянуто, иногда на левом боку.

Такие погребения встречались как под специально насыпанными для них курганами, так и впускными в курганах эпохи бронзы.

Кроме этого, в двух курганах были обнаружены погребения с полным трупосожжением. В настоящей статье не представляется возможным дать подробное описание погребений эпохи бронзы, ибо они заслуживают специального исследования. Но некоторые вопросы следует затронуть хотя бы с той целью, чтобы подчеркнуть некоторую их связь с более поздними погребениями.

Погребения эпохи бронзы определялись как по положению костяков, так и по керамике. Погребения совершались или в небольших и неглубоких могильных ямах, или на горизонте. Могильные ямы были ориентированы: с северо-северо-востока на юго-юго-запад — две, с северо-востока на юго-запад — пять, с юго-востока на северо-запад — две, а костяки лежали головой: на северо-северо-восток — два, на северо-восток — два, на юго-восток — два, на запад — одно. В могилах обычно было по одному, иногда по два сосуда (кург. № 43/12, погр. № 1; кург. № 42/25, погр. № 2), которые чаще лежали перед лицом, иногда над головой, или у головы, или за спиной погребенного.

Сосуды, как правило, баночного типа, и только в одном случае встретился остроребериый сосуд прекрасной работы, орнаментированный гребенчатым штампом (рис. 1, *1*). Однако есть горшки и других форм, не

характерных для срубной культуры. Среди последних следует указать горшки, которые по форме и орнаменту, а также по сильной примеси в тесте дробленой ракушки скорее можно отнести к абашевской культуре (рис. 1, *2*; кург. № 42/25, погр. № 2, а также отдельный сосуд из насыпи). Кстати сказать, сосуды абашевской культуры связаны с единственным скорченным погребением, лежавшим на правом боку, головой на юго-восток. Особый интерес вызывает также горшок из кургана № 43/12

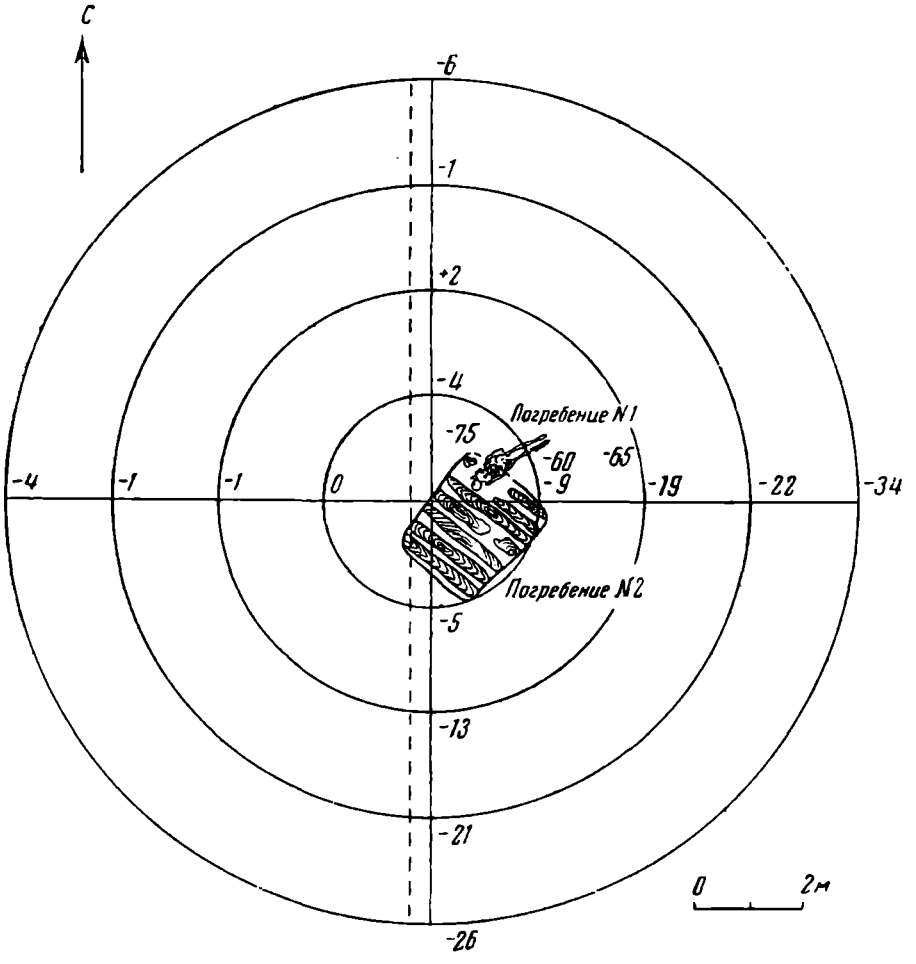


Рис. 2. План кургана № 7/28

(погр. № 2), с хорошо профилированными стенками и отогнутым наружу венчиком; на плечиках сосуда нанесен резной орнамент в виде треугольников, на вершине каждого из них имеются ямки (рис. 1, *3*). Своим орнаментом этот сосуд несколько напоминает сосуды, сопровождавшие более поздние погребения с вытянутыми костяками. Вытянутые костяки находились как в курганах с погребениями скорченными, так и в специально для них насыпанных. В курганах первой группы обнаружены три вытянутых костяка. В одном кургане (кург. № 7/28, погр. № 1) костяк лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис. 2). Верхняя часть костяка лежала над перекрытием основного погребения эпохи бронзы, голова его лежала ниже туловища на 0,3 *м*, потому что покрытие основной могилы провалилось. Над крышей и близ этого костяка был найден обломок железного кольца, а слева, около плеча, лежал раздавленный горшок бочковидной формы, вытянутых пропорций. Ниже венчика расположен орнамент в виде наколов (рис. 1, *4*). Такие горшки необычны для эпохи бронзы; значительно большие аналогии они находят себе в посуде эпохи раннего железа. В этом типе сосуда особенно сильно проявляется связь памятников времени поздней бронзы с эпохой раннего железа.

В кургане № 42/25 (погр. № 1), на глубине 0,5 *м* от поверхности, несколько ниже древнего горизонта, лежал костяк вытянуто, на левом боку, головой на запад. Над костяком лежала широкая толстая плаха; такие же плахи, но очень плохой сохранности, были по бокам (рис. 3). Около костяка никаких вещей не оказалось.

Таким образом, можно считать, что и это погребение очень близко к первому вытянутому погребению. С погребениями эпохи поздней бронзы его связывает положение на левом боку.

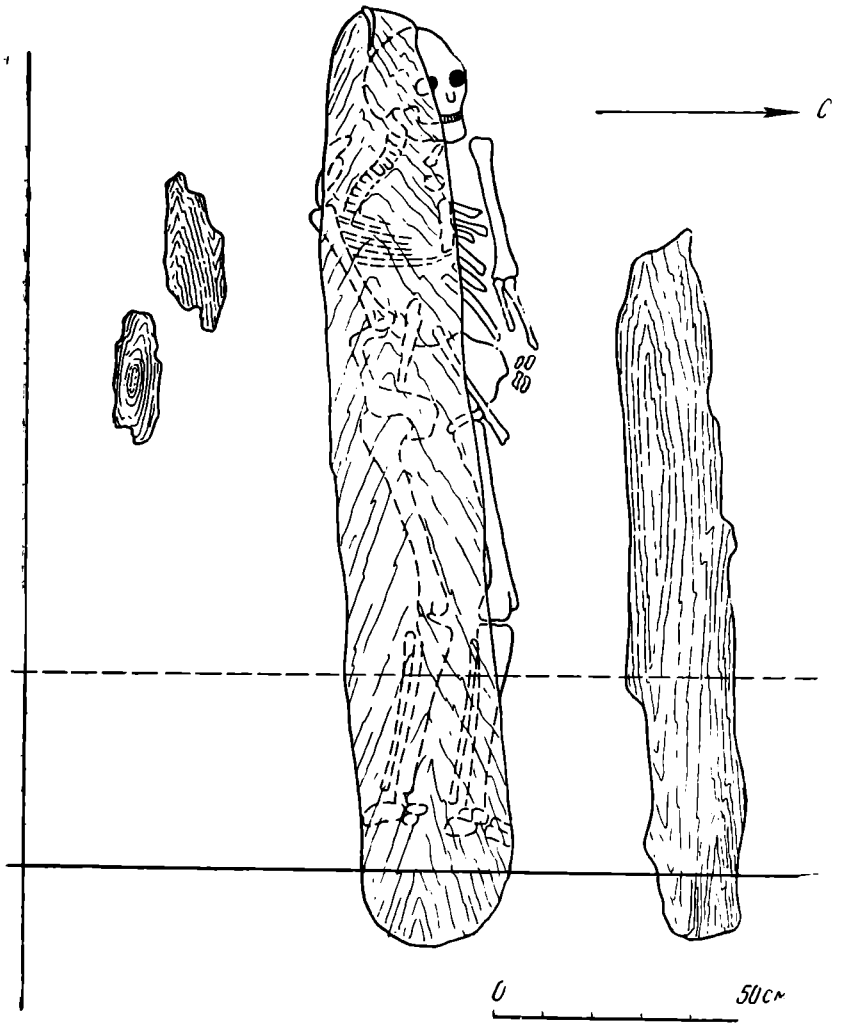


Рис. 3. План погребения № 1, курган № 42/25

Наконец, в кургане № 5/19 было вскрыто еще одно погребение (№ 1), вытянутое на спине. Это был детский костяк. Он лежал в насыпи на глубине 0,6 *м* от поверхности, головой на юго-запад, кости ног ниже колен не сохранились. Над костяком с левой стороны лежал большой кусок широкой деревянной плахи. Вещей при костяке не оказалось. Под этим погребением была обнаружена могильная яма с деревянным перекрытием (погр. № 2), в которой лежал скорченный костяк на левом боку.

По-видимому, к этой же группе погребений относятся пять костяков, вскрытых в кургане № 12/14, принадлежащих, надо полагать, трем погребениям, расположенным на разной глубине. Погребение первое было впущено в насыпь на глубину 0,45 *м*, что приблизительно соответствует уровню древнего горизонта. Костяк находился в 2 *м* к северу от центра, в восточной половине кургана; он лежал вытянуто, на спине, головой на западо-юго-запад. Слева, напротив голеней, лежала большая раздавлен-

ная высокогорлая ваза, напоминающая кувшины эпохи раннего железа (рис. 4). На крутых плечах вазы было пять продолговатых налепов; от шейки вниз прочерчены полосы, ограниченные вверху и внизу ямками. Аналогичные ямки были отмечены выше на сосуде из кургана № 43/12 (рис. 1, *3*; погр. № 2 со скорченным костяком). Второе погребение было впущено в насыпь несколько восточнее, на глубину до 0,2 *м*. Поэтому все кости ног были снесены плугом, а голова перемещена к югу. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на восток. Вещей при нем не оказалось. И, наконец, третье погребение, содержавшее три костяка, было расположено почти в центре, больше в северо-восточном секторе, на глубине 0,6 *м* от поверхности и на 0,1—0,2 *м* ниже уровня древнего горизонта (если не на самом горизонте). Эти костяки лежали все в ряд под могилой погр. № 2, на очень небольшом расстоянии друг от друга, вытянуто на спине, головой на востоко-юго-восток, без вещей.

Рис. 4. Лепная ваза из погр. № 1 кургана № 12/14

По обряду захоронения (но не хронологически) к только что описанной группе могут быть отнесены еще два погребения. Одно из них было обнаружено в совершенно распаханном кургане № 45/24. Костяк был разрушен плугом, отдельные кости находились на глубине 0,2—0,25 *м* от поверхности около центра кургана. Еще до раскопок на поверхности были найдены бедренные кости человека. Вещей никаких не найдено, поэтому невозможно определить время этого погребения. Зато второе погребение в кургане № 8/22, совершенно очевидно, относится к эпохе раннего железа. Оно располагалось в центре насыпи на глубине 0,35 *м* от поверхности. Погребальное сооружение сделано в виде сруба длиной 2 *м* с запада на восток, шириной 1,4 *м*. Сруб был выложен только в один ряд, концы более коротких плах упирались в длинные; костяк сверху был накрыт деревянным настилом, в два слоя: снизу — поперечными плахами, сверху — длинными. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на запад, левая рука была вытянута вдоль туловища, а кисть правой руки и нижняя часть лучевой кости — на тазе; ноги, по-видимому, были положены на бок, судя по правой сохранившейся ступне и полусогнутой в колене левой ноге. Справа возле головы лежал кусок смолы и рядом обломок железного шила (?); напротив левой плечевой кости стояла на ребре массивная круглая каменная плита.

Анализ погребений эпохи поздней бронзы, скорченных на левом и правом боку, а также вытянутых на спине и иногда на левом боку, дает некоторые основания для вывода о том, что в погребальном обряде с конца бронзовой эпохи вплоть до скифского времени наблюдается последовательная связь. Она основывается на сходстве погребальных сооружений, ориентировке погребенных и сходстве некоторых элементов орнамента посуды.

Сейчас трудно объяснить происхождение ориентировки погребенных в двух направлениях — на запад и на восток. Как можно было заметить, основная ориентировка скорченных погребений эпохи поздней бронзы была в восточном направлении, головой на запад лежал только один костяк; из

восьми вытянутых погребений четыре костяка лежали головами на запад и четыре костяка — на восток (кург. № 12/14).

Сказалось ли здесь влияние двух культур — срубной и абашевской, а может быть, и местной, катакомбной, или в этом обряде отразилось переходное время с коренным изменением погребального обряда — сейчас решить невозможно. Для решения этого вопроса необходимо привлечение массового материала, которым мы пока не располагаем. Добавим только, что уже в V в. до н. э. в погребальном обряде наступили весьма существенные изменения. Упомянутое выше второе погребение из кургана 8/22, относящееся к эпохе раннего железа, сохраняет в себе черты погребального обряда предшествующей эпохи.

Все остальные исследованные нами погребения относятся к эпохе раннего железа, и наиболее ранние из них датируются V в. до н. э.

Начнем с характеристики погребальных сооружений и погребального обряда. Погребальные сооружения в вскрытых нами курганах уже в V в. до н. э. представляют собой довольно мощные склепы с перекрытиями, опирающимися на многочисленные столбы. За пределами могилы часто устраивается деревянный настил, покрывающий все пространство между могилой и могильным выкидом. Возьмем к примеру погребальное сооружение в кургане № 29/21. Сам курган уже подвергался раскопкам (по-видимому, А. А. Спицыным), а до этого был ограблен местным населением в начале XX в. Кроме этого, он систематически распахивался. В результате распахивания диаметр кургана увеличился до 40 *м*, вершина кургана исчезла, образовалась большая впадина. На плане (рис. 5) в центре мы видим огромную квадратную могилу, площадью по дну до 45*м*^{2}, ориентированную своими сторонами на западо-юго-запад — востоко-северо-восток и северо-северо-запад — юго-юго-восток; глубина ее около 2 *м* от древнего горизонта. На дне ямы имеется 17 ямок от столбов и канавки вдоль всех стенок, вырытые, по-видимому, для крепления деревянной облицовки стен могилы. Вокруг могилы расположен деревянный настил в один-два ряда; с северо-восточной стороны имеются два кострища: одно длиной до 3 *м*, шириной до 1 *м*, расположенное около северо-восточного обреза ямы; второе — круглое, диаметром около 1,5 *м*, находится к востоку от первого. Вокруг могилы насыпан огромный вал желтой земли, выброшенной из могильной ямы, который охватывает площадь диаметром до 26 *м*; выкид достигал высоты до 0,85 *м* при ширине в основании от 4 до 6 *м* [4]. Интересно, что в северо-восточной стороне выкида был оставлен проход к могиле. Аналогичный проход и с той же стороны был обнаружен также в кургане № 15/11 при раскопках в 1959 г. [5].

Однако во многих курганах такой кольцеобразный выкид не имеет перерывов; обычно он окружает могилу широким сплошным кольцом. Так, например, из десяти могил, относящихся к этой группе, четыре могилы имеют кольцеобразный выкид, подобный выкиду из кургана № 9/18 (рис. 6).

В ходе раскопок 1960 г. обнаружился также погребальный обряд с полным трупосожжением в еще более выразительной форме, чем в 1958 г. [6]. В кургане № 3/15 в центре огромной линзы из прокаленной докрасна почвы и грунта была вскрыта неглубокая могильная яма, заполненная той же прокаленной землей с мелкими углями, золой и обломками кальцинированных костей. В другом кургане (№ 2/23) в центре такого же пятна прокаленной земли была устроена почти квадратная материковая пло-

---

[4] К. Ф. Смирнов предполагает, что такое кольцо не могло быть насыпано за счет выкида из могильной ямы; вероятно, для его насыпки бралась земля со стороны.

[5] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках в 1959 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1871-а. Альбом, т. IX, рис. 1.

[6] П. Д. Либеров. Отчет за 1958 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1726. Альбом табл. XV, XVII, XVIII; его же. Мастюгинские курганы.., стр. 167.

щадка, окаймленная глубокой канавкой с десятью столбовыми ямками. В юго-восточном углу этой площадки находилась глубокая могильная яма, засыпанная остатками сожжения. По существу, здесь мы имеем ту же столбовую конструкцию шалаша или прямоугольного жилища, что и

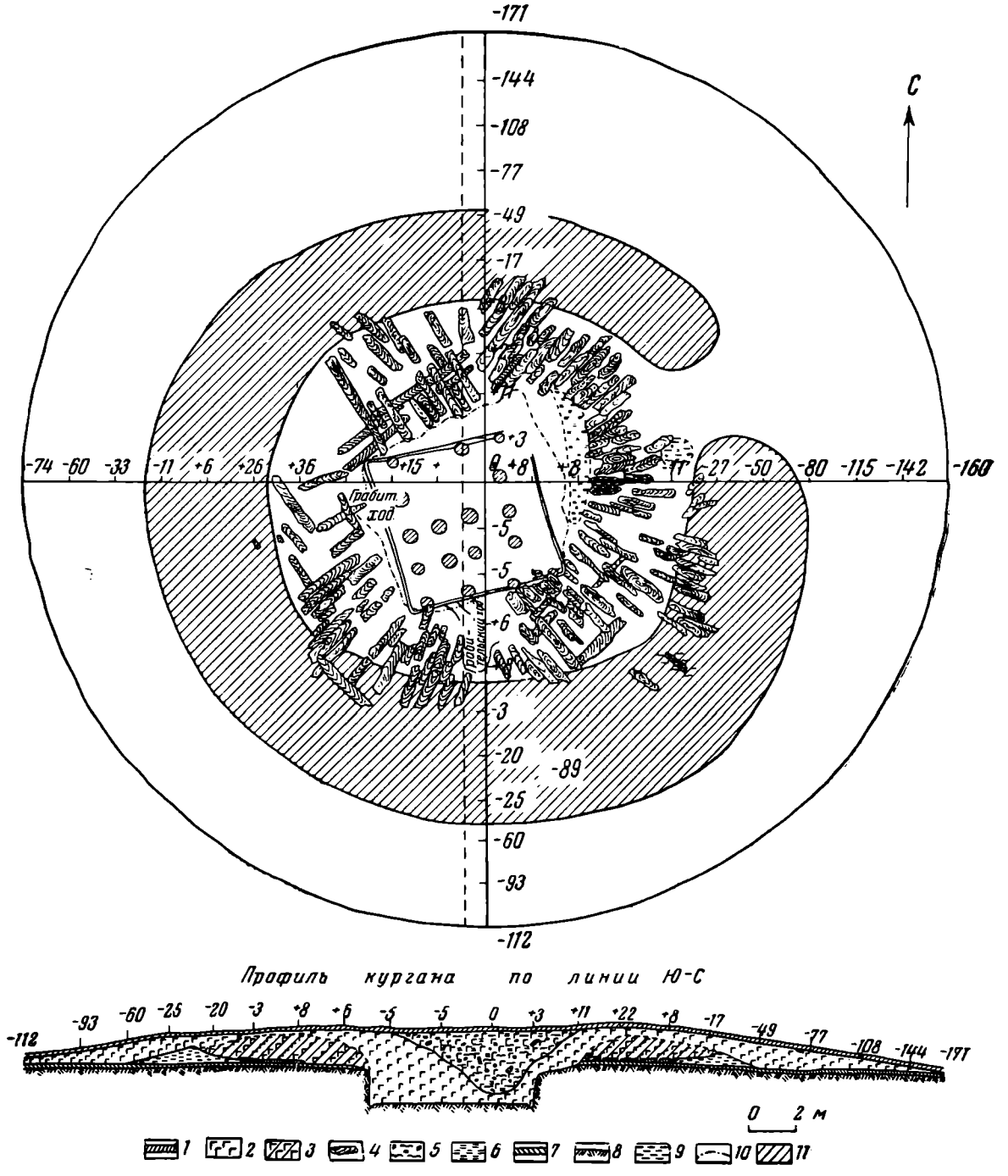


Рис. 5. План кургана № 29/21

1 — пахотный слой; *2* — чернозем; *3* — комковатый чернозем с золой; *4* — дерево; *5* — уголь, зола; *6* — обожженная глина; *7* — погребенная почва; *8* — материк; *9* — глина — могильный выкид (на профиле); *10* — граница грабительских перекопов; *11* — могильный выкид (на плане)

в других курганах с обычными погребениями. Новым является лишь сам обряд трупосожжения. Следует подчеркнуть, что в правобережном лесостепном Поднепровье в скифское время обряд трупосожжения применялся ничтожно мало в южной части лесостепи и на границе между степью и лесостепью. В районах, расположенных к северу (например, Каневский район), этот обряд применялся значительно более широко. На Среднем

Дону наблюдается обратное явление: в «Частых курганах»[7] такой погребальный обряд совершенно отсутствует, в Мастюгино он представлен несколькими погребениями, а в могильнике у с. Русской Тростянки, Острогожского района, он наблюдается в еще большем количестве погребений.

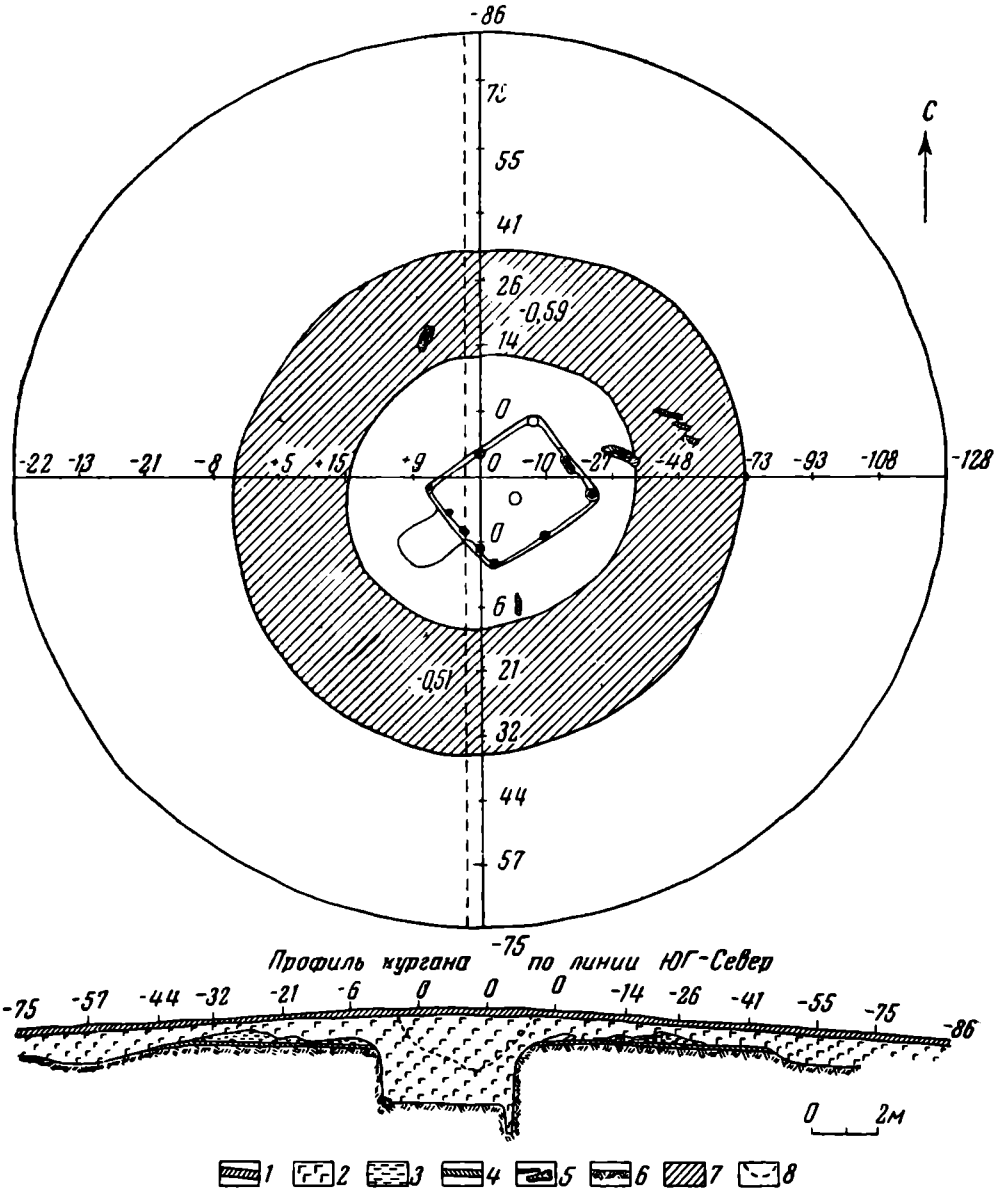


Рис. 6. План кургана № 9/12

1 — пахотный слой; *2* — чернозем; *3* — глина—могильный выкид (на профиле); *4* — погребенная почва; *5* — дерево; *6* — материк; *7* — выкид могильной ямы (на плане); *8* — граница грабительских перекопов

Относительно ориентировки могил в Мастюгинских курганах можно сказать немного. Но любопытно, что те девять могил, которые относятся к этой группе, делятся на две части. Четыре могилы ориентированы с северо-востока на юго-запад с бóльшим или меньшим отклонением на западо-юго-запад и востоко-северо-восток.

Пять могил ориентированы на северо-запад — юго-восток также с бóльшим или меньшим отклонением на юго-юго-восток — северо-северо-запад. Сюда же относятся и указанные выше могильные ямы с обрядом трупосожжения. Если сравнить ориентировку этих могил с могилами

[7] Курганный могильник в уроч. «Частые курганы» расположен на северной окраине г. Воронежа.

первой группы, т. е. с могилами скорченных погребений, то и там существует деление в ориентировке могил в этих же направлениях. Следовательно, старые традиции продолжаются и в эпоху раннего железа.

Очень трудно было сделать наблюдения относительно ориентировки костяков, так как многие погребения совершенно разрушены. В могиле кургана № 11/16, площадью более 23 *м*², находились два костяка: мужской и женский (судя по оружию и украшениям, сохранившимся в могиле). Оба костяка лежали рядом под северо-западной стенкой, вытянуто на спине, головой на юго-запад. Один из них сохранился почти полностью, второй — был разрушен.

По-видимому, в этом же направлении были ориентированы два костяка из четырех вскрытых нами в небольшой могиле кургана № 46/29. О месте положения костяков и их ориентировке в некоторых других могилах предположительно можно судить по скоплению костей и свободному от столбов пространству на дне могилы. Так, например, в могиле кургана № 29/21 значительное свободное от столбов место имеется под северо-западной стенкой, где и могли быть положены умершие. К сожалению, от них ничего не осталось. В могиле кургана № 9/18 основная масса человеческих костей находилась также под северо-западной стеной и, судя по направлению бедренных костей, костяк лежал головой на юго-запад.

В какой мере ориентировка костяков зависела от ориентировки могил, мы не знаем. Во всяком случае, размеры могил этой группы настолько велики, что покойник мог быть в них положен в любом направлении. В этом случае показательна могила в кург. № 46/29, которая была не очень велика и по длине ориентирована с северо-запада на юго-восток, а костяк, по крайней мере один из трех, лучше сохранившийся, был ориентирован головой на юго-запад. Однако сейчас еще рано говорить о преобладающей ориентировке костяков в этом могильнике, так как могильник исследован еще не полностью. Это можно будет сделать по завершении раскопок.

В вопросе о погребальном обряде мне хотелось бы подчеркнуть еще одну весьма существенную особенность — это наличие глиняной подмазки под костяками. Глиняная подмазка в Мастюгинском могильнике встречалась неоднократно. В могиле кургана № 15/11 в 1959 г.[8] наблюдалась под ногами костяка подмазка. Под ступнями ног она достигала толщины 10 *см* и, постепенно утоньшаясь, исчезала под тазом. В могиле кургана № 11/16 слой глиняной подмазки толщиной 5—6 *см* находился под костяком на протяжении около 1 *м*, шириной до 0,4 *м*. Под юго-восточной стеной на дне этой же могилы были обнаружены вдавлины от деревянных брусьев, напоминающие по форме букву «П», в пределах которых были найдены вещи, и в том числе железный пластинчатый панцирь, украшенный на груди золотой фольгой.

Такие полоски могли образоваться от деревянных брусков, на которых, по-видимому, лежали доски с погребальным инвентарем. Позже они были сброшены грабителями. Большой участок подмазки в виде уступа под серединой северо-восточной стенки могильной ямы был и в кургане № 10/17. Площадь этой подмазки достигала 1,8×1,4 *м*². На уступе никаких костей и вещей не оказалось. Человеческие кости, сложенные в кучу, и основная масса находок были найдены у юго-восточной стенки могилы По-видимому, и здесь костяк находился на этом уступе-подмазке, откуда при ограблении могилы все кости и часть находок были сброшены. Подобная подмазка не была встречена, например, в большом и полностью исследованном могильнике «Частые курганы». Можно предположить, что такая традиция имеет свои корни в погребальном обряде эпохи бронзы. Еще Л. Б. Вейнберг в 1888 г. во время раскопок курганов близ гор. Задонска, Воронежской губернии, обнаружил корытообразное ложе из мелких кам-

[8] П. Д. Либеров. Отчет о раскопках за 1959 г., табл. XI, 2.

ней, окантованное более крупными камнями; на этом ложе лежал скорченный костяк на левом боку, головой на северо-запад [9].

От эпохи раннего железа нам известно только одно парное погребение на среднем Северском Донце. Оно было открыто В. Е. Данилевичем в 1903 г. в кургане № 9, в курганной группе у хут. Покровского, Валковского уезда, Харьковской губ. На дне могилы было устроено возвышение

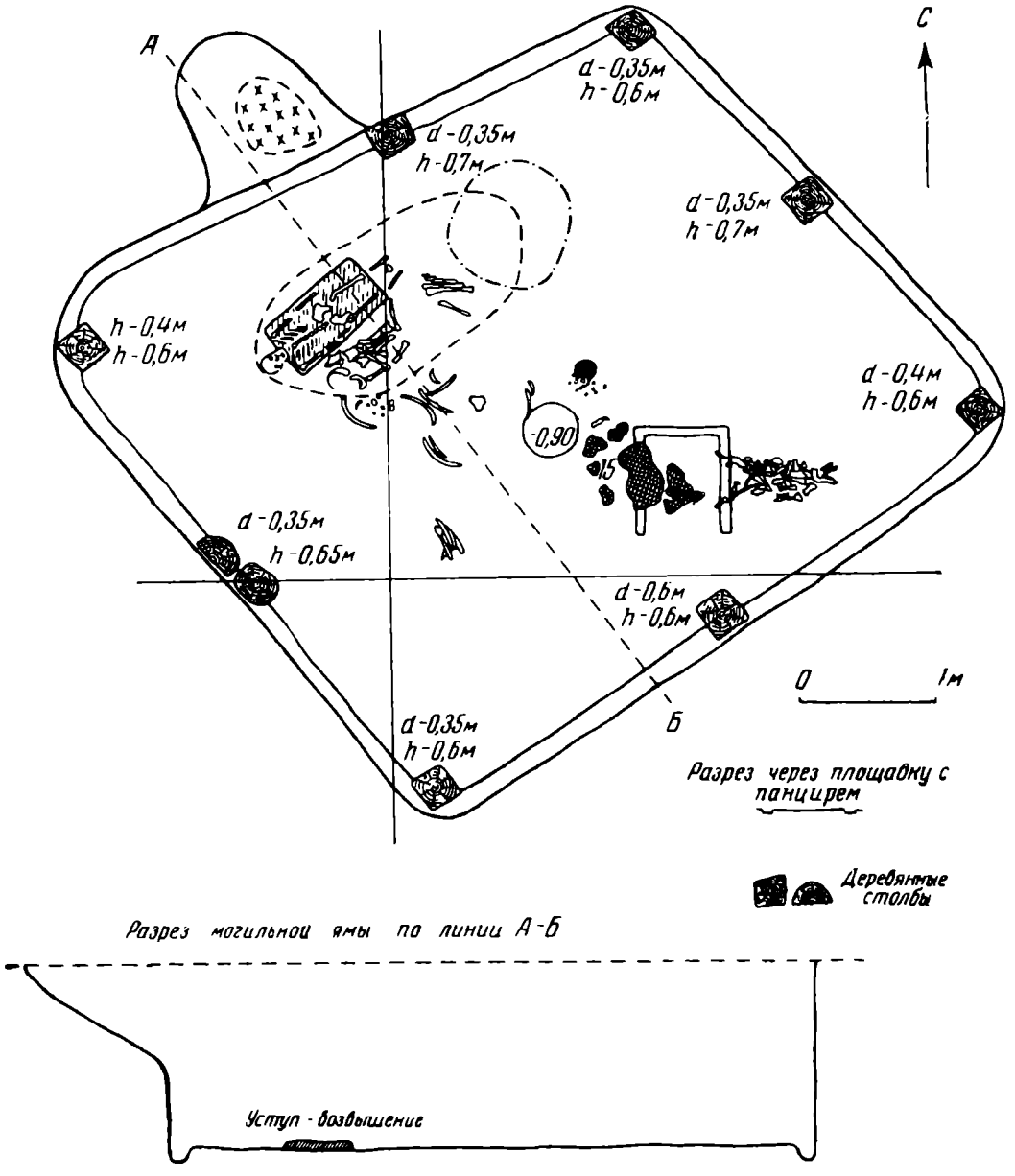


Рис. 7. Курган № 11/16. План могильной ямы

для двух костяков; материал и высота его автором не указаны [10]. Такое устройство могилы на среднем Северском Донце является исключением и абсолютно не характерно для этой области. Имеет ли оно какое-либо отношение к погребальным сооружениям и обряду Среднего Дона, сейчас решить трудно.

---

[9] Л. Б. Вейнберг. Раскопки близ г. Задонска, Воронежской губернии. ЗРАО. т. VIII, вып. I и II, нов. серия, стр. 187—188.

[10] В. Е. Данилевич. Раскопки курганов около хутора Покровского, Валковского у., Харьковской губ. летом 1903 г. Тр. Московского предварительного комитета по устройству XIII АС, вып. II, М., 1908, стр. 27, курган № 9; его же. Дневник раскопок. Там же.

В своей статье о раскопах Мастюгинских курганов я уже обращал внимание на одну из самых важных черт погребального обряда Мастюгинской курганной группы, выраженную в сооружении специальных ритуальных ямок — «бофров» в центре могилы [11].

Четкие очертания таких ямок встречаются не особенно часто и определение их очень затруднительно, если в них не положен погребальный инвентарь. В этом случае их чаще всего можно принять за ямки от столбов. Но в 1959 г. в могильной яме кургана № 15/11 такая ямка оказалась наи-

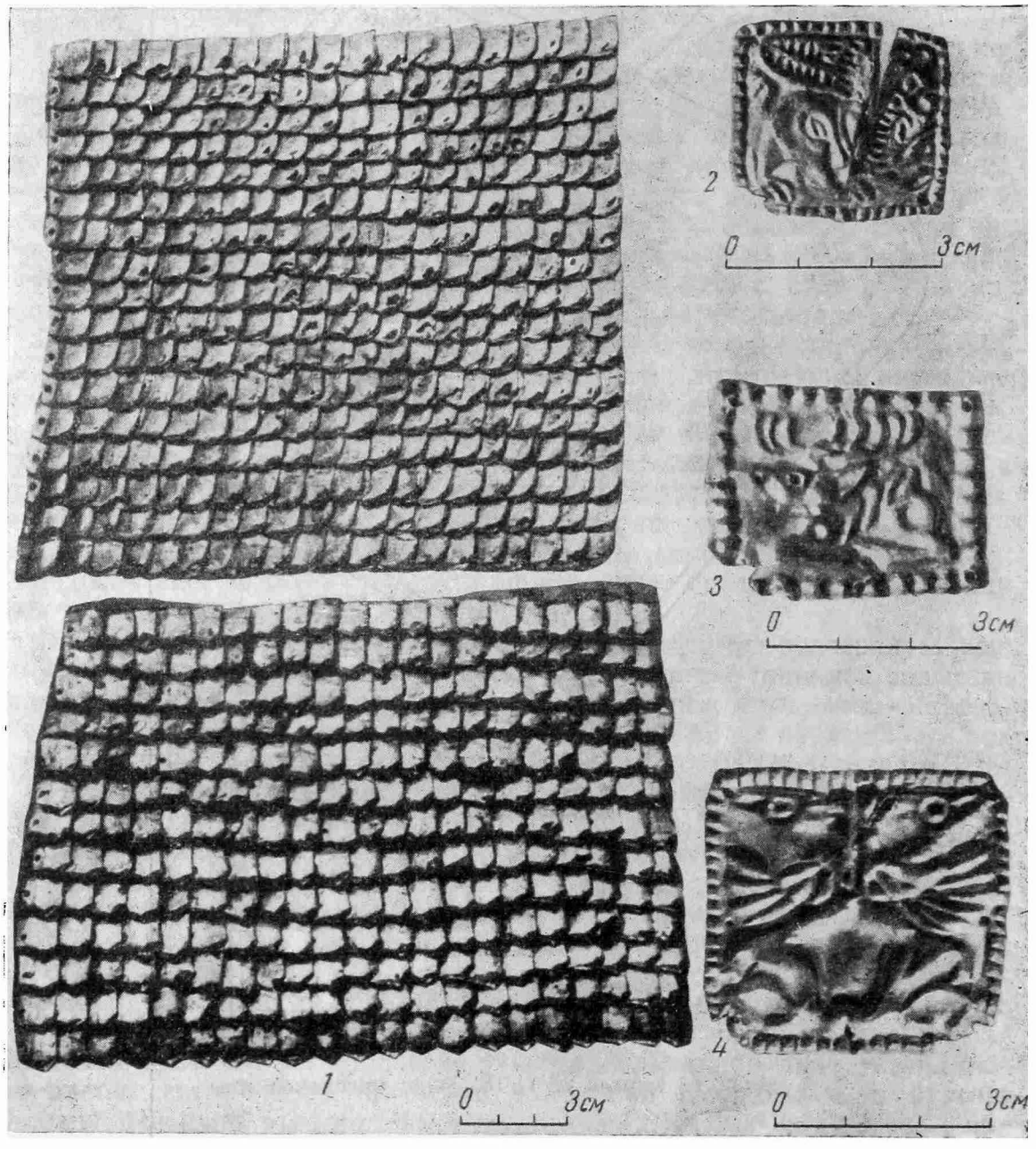


Рис. 8. Предметы из погребений

1 — куски железного чешуйчатого панциря, окованного золотой фольгой (кург. № 11/16); *2* — золотая бляшка с изображением грифона (кург. № 4/20); *3* — золотая бляшка с изображением лежащего оленя (кург. № 11/16); *4* — золотая бляшка с изображением двух грифонов (кург. № 4/20)

более выразительной. В могиле были исследованы девять столбовых ямок. Одна из них, расположенная около центра могильной ямы, была окружена тремя кучами костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота). Четвертая кучка костей, по-видимому, была выброшена из бронзового котла. Яма имела правильную цилиндрическую форму (диаметр —

[11] П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы..., стр. 167.

0,55 *м* и глубина — 1 *м*), стенки и дно ямки хорошо заглажены. Возле ямки лежала группа позвонков мелкого рогатого скота без анатомического порядка, все они были окрашены в зеленый цвет, указывающий на близкое соприкосновение с бронзовым предметом; зеленые косточки встречались и в засыпке ямы. Надо полагать, что эти кости лежали в бронзовом котле, который был взят кладоискателями. Но стоял ли котел рядом с этой ямкой или находился в ней, неизвестно, так как для суждения об этом нет никаких данных.

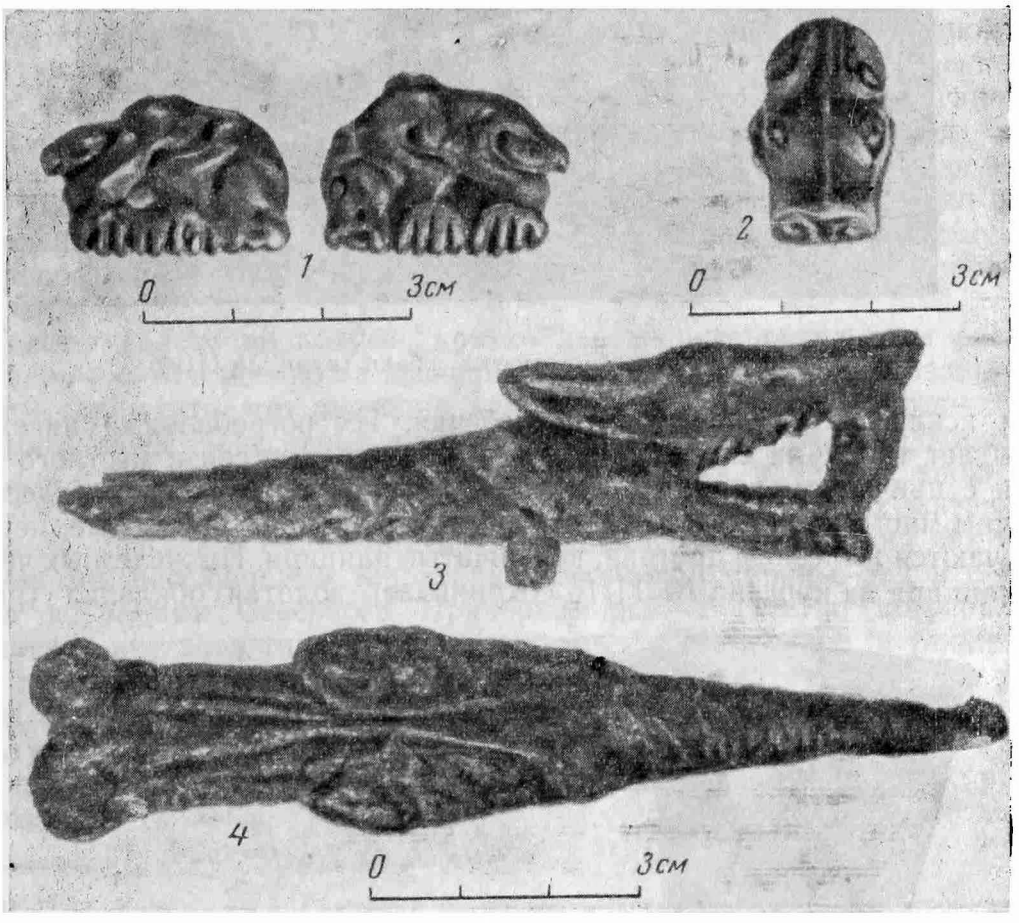


Рис. 9.

1 — серебряная бляшка с изображением медведя (кург. № 29/21); *2* — серебряная головка животного (кург. № 29/21); *3* — железный крючок с изображением морды «волка» (кург. № 11/16); *4* — железный крючок с изображением головы фантастического животного (кург. № 11/16)

По всей вероятности, «бофрами» являются центральные ямки в могилах курганов №№ 11/16, 10/17. В частности, в кургане № 11/16, около центральной ямки было найдено значительное количество погребального инвентаря, правда, в потревоженном состоянии, а рядом, несколько к юго-востоку, находился упомянутый выше чешуйчатый панцирь и значительная часть костей животных (рис. 7).

В погребальном обряде, исследованном в Мастюгинских курганах, судя по остаткам костей домашних животных, широко применялось оставление умершему заупокойной пищи в виде мяса. В двенадцати курганах в четырех случаях встретились кости крупного рогатого скота, в восьми — кости мелкого рогатого скота, в семи — кости лошади и один раз, в кургане № 42/25, найдены кости от трех особей свиньи. Последний курган относится к эпохе бронзы, чем, вероятно, и объясняется этот единственный случай. В одном из курганов, раскопанном в 1959 г. (№ 25/9), оказался костяк собаки, положенной у края могилы между настилом дерева. По-видимому, собака была принесена в жертву во время погребения хозяина.

Вместе с жертвенным мясом обычно клался и железный ножичек с костяной, реже с деревянной рукояткой. Широкие раскопки Мастюгинских курганов, особенно в 1960 г., показали, что могилы до ограбления содер-

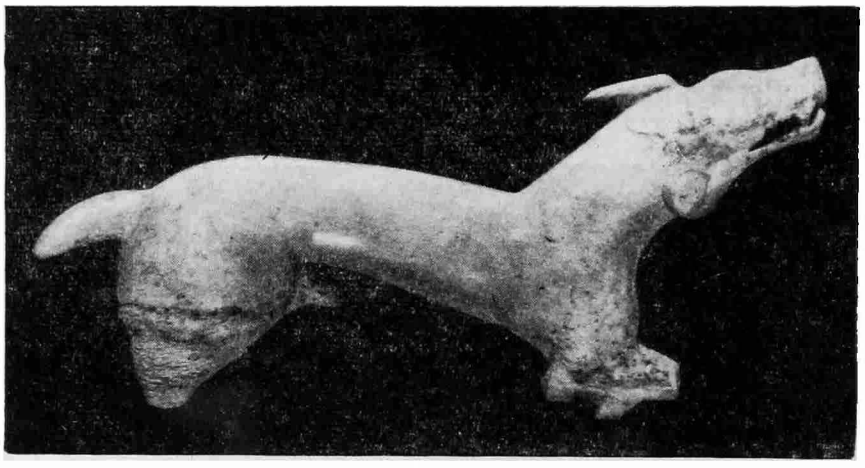
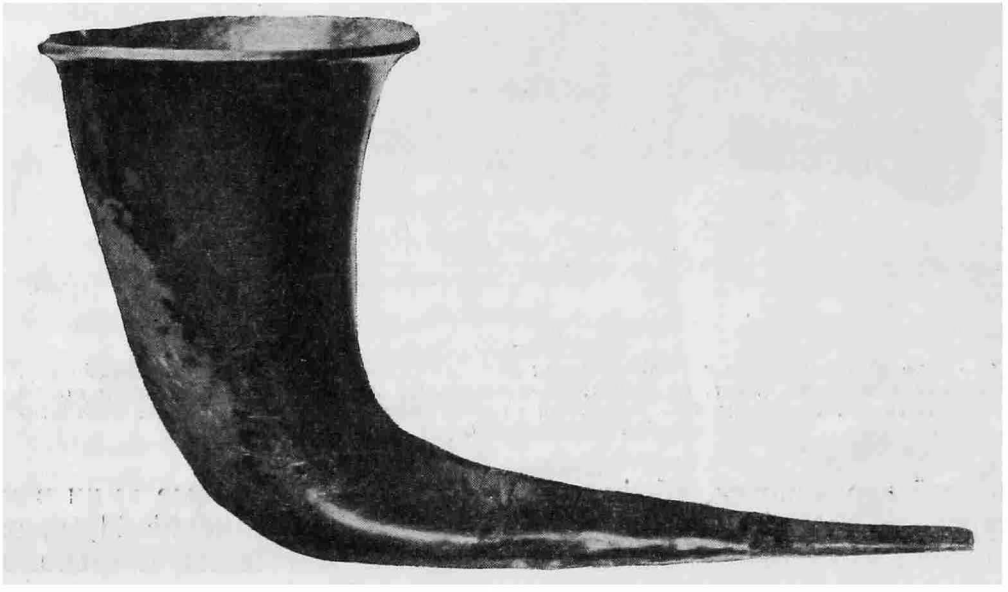


Рис. 10. Костяная статуэтка собаки (кург. № 11/16)

жали исключительно богатые погребения. Их погребальный инвентарь указывает также на систематические и интенсивные связи местного населения с причерноморскими античными колониями. Из оружия здесь мы находим много железных наконечников стрел, реже — бронзовые; нередко встречаются железные дротики, чешуйчатые панцири. На железных чешуйках панциря из кургана № 11/16 сохранилась золотая обкладка (рис. 8,



0 3 см

Рис. 11. Серебряный ритон (кург № 29 21)

1). Имеется большое количество разных золотых нашивных бляшек в виде одиночных и тройных розеток, полусферических бляшек и золотых пластин с изображением шагающих грифонов (рис. 8, *2*), грифонов, стоящих на задних лапах (рис. 8, *4*), и оленей (рис. 8, *3*).

Некоторые металлические вещи изготовлены в зверином стиле. Таковы, например, пара серебряных медведей. (рис. 9, *1*), головка какого-то зубастого животного (рис. 9, *2*), несколько железных крючков. На них изображены морда волка (рис. 9, *3*) и какое-то фантастическое животное с открытой пастью (рис. 9, *4*), с характерными чертами звериного стиля,

присущими памятникам Среднего Дона. Последний сюжет хорошо известен по находкам в «Частых курганах» [12].

Одной из самых замечательных находок 1960 г. является костяная статуэтка собаки (рис. 10). К сожалению, она была найдена случайно, уже после раскопок, за пределами могилы, на территории кургана № 11/16, давшего ряд ценных золотых вещей. Фигура собаки выполнена реалистически, без обычного скифского схематизма и поэтому вряд ли является произведением местного мастера.

К продукции античных мастеров относятся бронзовая гидрия, сравнительно хорошей сохранности, и серебряный ритон, лежавшие рядом в могиле кургана № 29/21 (рис. 11). Из прочих вещей следует упомянуть золотую пластинку от деревянного сосуда, а также глиняный лепной сосудик, по своей форме идентичный серебряному сосуду из кургана № 3 могильника «Частые курганы» [13]. Дно сосуда-кубка шаровидное, шейка высокая и от венчика до плеч окрашена красной краской. Сосудик найден в могиле кургана № 40/26 вместе с античной амфорой. Такой тип сосуда не характерен для местной лепной посуды Среднего Дона, поэтому можно предположить, что он попал сюда вместе с амфорой с территории степной Скифии.

Таковы далеко не полные, кратко изложенные результаты раскопок курганов у с. Мастюгино за последние два года. Суммируя сказанное, мы можем заключить, что раскопки курганов у с. Мастюгино, несмотря на огромный вред, нанесенный кладоискателями, дадут очень важные данные для раскрытия истории племен Среднего Дона, начиная с эпохи поздней бронзы до эпохи раннего железа. На основе добытых материалов, вероятно, удастся установить существование взаимоотношений как между племенами, населявшими территорию Восточной Европы, так и с античными колониями Северного Причерноморья. Богатство погребального инвентаря курганов типа «Частые курганы» и Мастюгино, а также большое количество обнаруженных в них коллективных захоронений указывают, с одной стороны, на сравнительно высокий уровень материальной культуры, с другой — на развитые социальные и общественные отношения племен, населявших территорию Среднего Дона в эпоху раннего железа.

---

[12] С. Н. Замятнин. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем. СА, VIII, 1946, стр. 38, рис. 27, *3*.

[13] Там же, стр. 27, рис. 13.

Ц. Н. АБЕСАДЗЕ, Р. А. БАХТАДЗЕ, Т. А. ДВАЛИ

КЛАД ПОЗДНЕБРОНЗОВОЙ ЭПОХИ ИЗ с. УДЭ (ЮЖНАЯ ГРУЗИЯ)

(ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В 1956 г. в сел. Удэ (Адигенский район) во время земляных работ, на глубине 1,5 *м*, случайно был обнаружен клад позднебронзовой эпохи, завернутый в широкие листы бронзовых поясов.

Клад в основном состоял из бронзовых предметов (топоры колхидского типа, наконечники копий, стрел и дротиков, булавы с четырьмя выпуклинами, пряжки кобанского типа, пинцеты, браслеты, кольца и др.), а также содержал железные предметы (кинжал, наконечники копий, булава и стержневидный крючок). По археологическим данным клад из сел. Удэ датируется XI—IX вв. до н. э.[1]

Химико-технологическое исследование этого клада, несомненно, дает важный материал для изучения культуры Южной Грузии в указанный период. Нами из этого клада химико-технологически были изучены как оружие, так и украшения[2].

Среди бронзовых предметов клада большую группу составляет оружие; здесь выделяются четыре топора колхидского типа, из которых два (рис. 1, *7, 8*) принадлежат к первому типу по классификации О. М. Джапаридзе[3], а остальные два (рис. 1, *9*, *10*) характеризуются расширенной рабочей частью и особенно резко выделенным высоким и четырехугольным плоским обухом. Все эти топоры изготовлены из оловянистой бронзы. Из примесей следует отметить мышьяк, который топор № 14 содержит в количестве 2,30% (табл. 1).

Визуально установлено, что топоры изготовлены путем отливки; хотя литую структуру металлографически нам не удалось обнаружить (структурному исследованию подвергалась лишь поверхность), но видны следы раскрытия формы с последующей зачисткой и усадочная раковина в обушной части топора. Исходя из этого, можно сказать, что топоры отлиты в разъемной форме, подвод металла происходил с обушной стороны, после чего рабочая часть топора — лезвие — отковывалась, о чем свидетельствуют плоскости скольжения и кристаллические двойники (рис. 2, *1, 2*). Ковку, вероятно, производили для увеличения твердости в горячем состоянии, так как эти топоры в большом количестве содержат олово (8,49—11,1%), а, как известно, холодной обработке нельзя подвергать бронзу с содержанием олова выше 7%, ввиду его ломкости[4]; поэтому бронзу с содержанием олова выше 7% обычно обрабатывают в горячем состоянии.

---

[1] Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе. Археологические разведки в южных районах Грузии в 1953—1955 гг. СА, 1957, № 4, стр. 117.

[2] Ц. Н. Абесадзе, Р. А. Бахтадзе, Т. А. Двали, О. М. Джапаридзе. К истории медно-бронзовой металлургии в Грузии. Тбилиси, 1958, стр. 73—78 (на груз. яз.).

[3] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 284.

[4] В. Д. Туркин, В. В. Румянцев. Структура и свойства цветных металлов. М., 1947, стр. 207.

Таблица 1

Химический и спектральный анализ бронзовых предметов

№№ п/п	Название предмета	№ предмета	Место находки	Cu	Sn	Pb	Fe	Zn	As	Sb	Bi	Si	Ni	Al	Mn	Ag	Au
1	Наконечник копья	18	Сел. Удэ	86,09	10,20	0,1	0,1	0,25	сл.*	сл.	сл.	0,05	0,07	сл.	сл.	есть **	сл.
2	Наконечник копья	23	» »	85,69	10,20	0,2	0,1	0,15	0,27	сл.	сл.	0,03	0,08	сл.	сл.	есть	сл.
3	Наконечник копья	6	» »	86,20	10,71	0,1	сл.	0,5	сл.	0,34	сл.	0,05	0,08	сл.	сл.	есть	сл.
4	Наконечник дротика	25	» »	86,10	10,80	0,3	0,3	нет	нет	сл.	сл.	0,01	0,05	сл.	сл.	есть	нет
5	Наконечник дротика	1	» »	80,80	10,93	сл.	0,1	1,0	нет	сл.	сл.	0,07	0,15	сл.	сл.	есть	сл.
6	Топор	24	» »	87,30	8,49	0,5	0,04	нет	0,40	1,49	сл.	0,01	0,05	сл.	сл.	сл.	сл.
7	Топор	22	» »	86,91	8,72	2,8	0,05	нет	0,22	0,24	0,005	0,05	0,03	сл.	сл.	есть	сл.
8	Топор	14	» »	80,64	10,40	0,3	0,1	нет	2,30	сл.	0,007	0,09	0,09	сл.	сл.	есть	сл.
9	Топор	20	» »	81,85	11,10	0,5	0,1	сл.	сл.	0,24	0,005	0,1	0,08	сл.	сл.	есть	сл.
10	Булава	8	» »	85,62	7,34	0,25	0,1	1,5	1,1	3,01	сл.	0,05	0,07	есть	сл.	есть	нет
11	Булава	10	» »	79,04	9,59	0,2	0,1	1,0	1,1	0,4	сл.	0,5	0,1	сл.	сл.	есть	сл.
12	Наконечник стрелы	13	» »	93,72	сл.	0,2	0,1	сл.	2,02	сл.	сл.	0,007	0,08	сл.	нет	есть	сл.
13	Наконечник стрелы	12	» »	91,43	5,69	сл.	сл.	сл.	сл.	сл.	—	—	—	—	—	—	—
14	Пряжка	2	» »	89,70	9,50	0,25	0,1	сл.	0,43	1,6	—	—	—	—	—	—	—
15	Пряжка — анал. «белого сплава»	2	» »	60,00	2,10	8,20	0,1	2,0	19,9	1,2	—	—	—	—	—	—	—
16	Пряжка	5	» »	87,36	10,64	0,03	0,1	нет	0,27	1,66	сл.	0,05	0,05	сл.	сл.	есть	сл.
17	Пряжка	9	» »	78,02	11,12	сл.	0,1	нет	0,15	0,4	нет.	0,15	0,02	сл.	сл.	есть	нет
18	Пряжка	7	» »	85,00	12,28	сл.	0,1	сл.	0,016	нет	сл.	0,05	0,15	сл.	сл.	есть	нет
19	Пряжка	27	» »	86,51	12,30	0,35	0,25	0,01	сл.	сл.	0,005	0,03	0,05	сл.	сл.	есть	сл.
20	Пряжка	3	» »	84,70	12,31	сл.	0,1	сл.	0,3	сл.	сл.	0,1	0,1	сл.	сл.	есть	сл.
21	Пряжка	15	» »	86,75	12,80	0,25	0,1	нет	сл.	сл.	сл.	0,05	0,1	сл.	сл.	есть	сл.
22	Пряжка	17	» »	79,07	13,3	0,2	0,1	0,5	0,4	1,4	сл.	0,05	0,06	сл.	сл.	есть	сл.
23	Браслет	29	» »	89,32	6,76	0,6	0,03	0,01	0,6	сл.	0,02	0,05	0,03	сл.	сл.	есть	сл.
24	Браслет	28	» »	89,6	9,52	0,5	0,03	0,02	нет	сл.	0,02	0,05	0,03	сл.	сл.	есть	сл.
25	Булава с закрученной головкой	16	» »	85,54	8,77	0,22	0,1	0,2	сл.	сл.	сл.	0,05	0,1	сл.	сл.	есть	сл.
26	Булава	21	» »	84,83	11,10	0,03	0,1	сл.	сл.	сл.	сл.	нет	0,06	сл.	нет	есть	нет
27	Булава	19	» »	80,55	12,40	сл.	сл.	нет	0,96	2,71	—	—	—	—	—	—	—
28	Пинцет	4	» »	94,9	сл.	0,4	0,1	1,5	2,67	сл.	сл.	0,05	0,15	сл.	нет	есть	сл.
29	Пояс узкий	11	» »	88,08	9,80	0,2	0,1	1,0	сл.	сл.	сл.	0,1	0,1	сл.	сл.	сл.	нет
30	Пояс широкий	33	» »	87,30	11,80	0,2	0,01	нет	нет	нет	0,005	0,01	0,03	сл.	сл.	сл.	сл.

Примечания: * сл.— следы — тысячные доли процента; ** есть — до одного процента; *** знак тире указывает, что анализ данного элемента не производился.

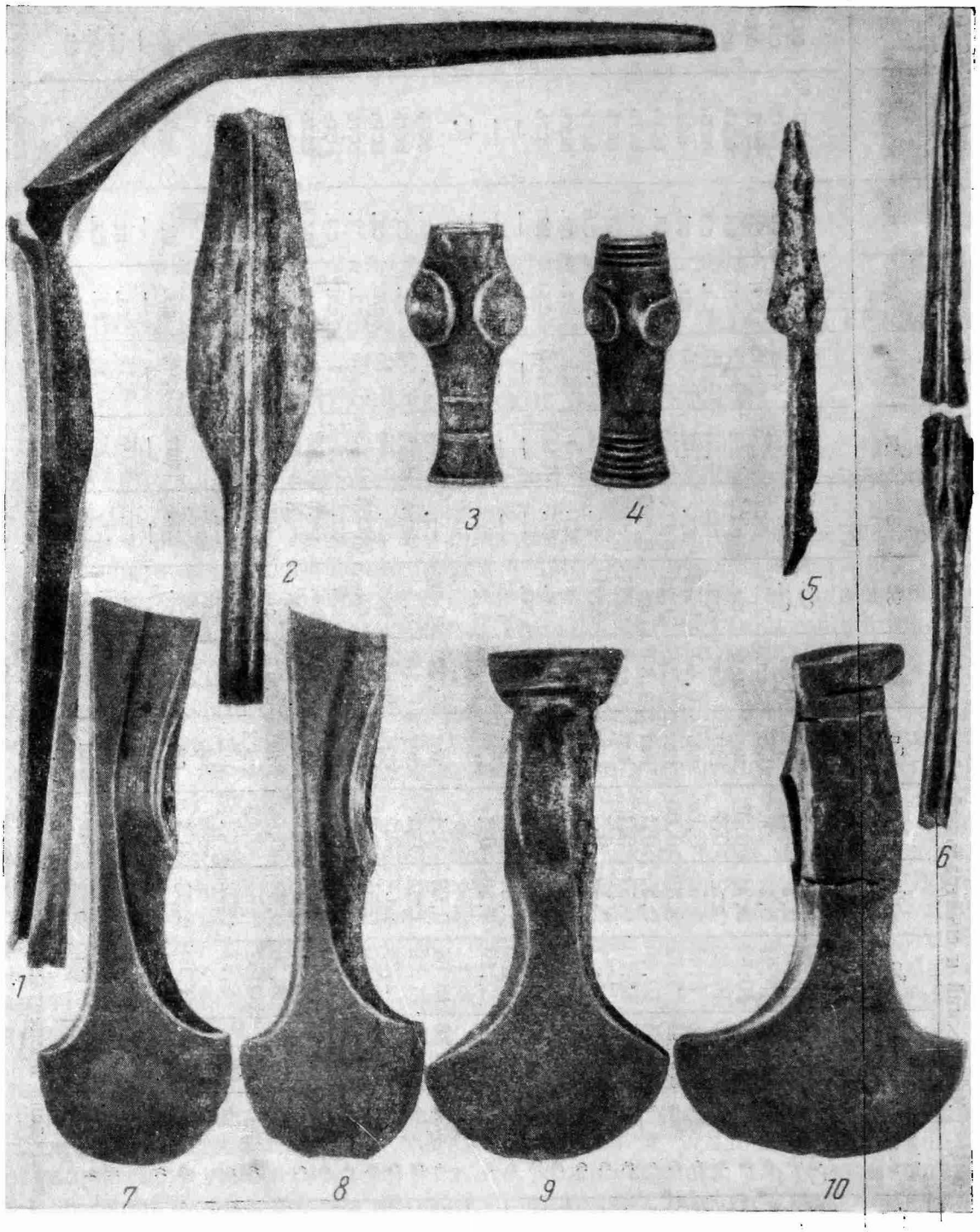


Рис. 1. Бронзовое оружие из клада у с. Удэ

Нужно отметить, что на территории Грузии были обнаружены литейные формы топоров колхидского типа[5].

Химический анализ некоторых наконечников копий (№№ 6, 18, 23; рис. 1, *6, 1, 2*) и дротиков (№№ 25; 1, рис. 1, *5*) из клада с. Удэ показывает, что они изготовлены из высокооловянистой бронзы. За исключением наконечников двух дротиков (№№ 1 и 25), во всех наконечниках копий в незначительном количестве встречается мышьяк (табл. 1).

Для изготовления наконечника копья с раскрытой втулкой № 18 (рис. 1, *1*) использована листовая заготовка, края которой в лезвийной

[5] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях культуры на Кавказе. ВГМГ, т. XII-B, 1944, стр. 315.

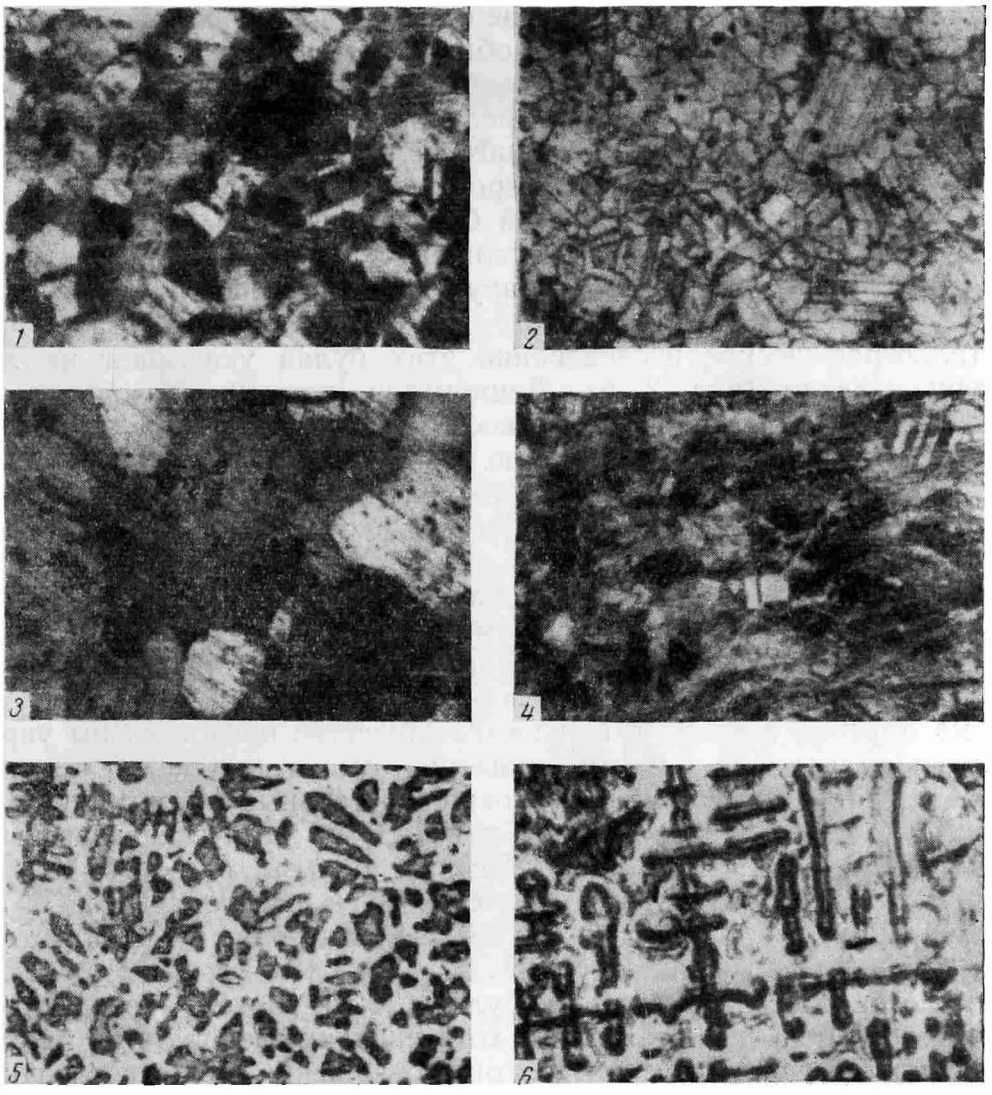


Рис. 2. Микроструктурные снимки бронзовых предметов

1 — топор, № 20, лезвие, 134 ×; *2* — топор № 20, обух, 189 ×; *3* — наконечник копья № 6, лезвие, 134 ×; *4* — наконечник копья № 18, втулка, 134 ×; *5* — наконечник стрелы № 12, 134 ×; *6* — булава № 8, 134 ×

части слиты и откованы, а раскрытая втулка выкована на специальном стержне. Микроструктура копья характерна для кованого металла (рис. 2, *4*).

Копья №№ 23, 1, 6 (рис. 1, *2, 5, 6*) изготовлены отливкой в формах с применением специального стержня для получения втулок. Металлографическое исследование этих предметов указывает на литую структуру (рис. 2, *3*). Ребра жесткости на отлитых копьях получены во время их отливки в формах, на кованой же копии — путем штамповки. Ребро жесткости, как известно, увеличивает прочность копий.

Наконечники копий, содержащие естественную примесь мышьяка, сближают эту группу предметов с более ранними наконечниками копий эпохи средней бронзы из могильника Квасатали и Нули (Юго-Осетия), а также с некоторыми самтаврскими аналогичными предметами эпохи поздней бронзы (№№ 96в, 152, 275) [6].

Химическое исследование двух наконечников стрел (№№12 и 13; рис. 3, *2, 1*) показало, что один из них (№ 13) изготовлен из мышьяковистой меди (олово обнаружено в виде следов), а другой (№ 12) из оловянистой бронзы (табл. 1).

[6] Ц. Н. Абесадзе, Р. А. Бахтадзе, Т. А. Двали, О. М. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 38, 39, табл. 11 и стр. 66, табл. 22.

Металлографическое исследование одной из стрел указывает на литую структуру (рис. 2, *5*). Следов ковки обнаружить нам не удалось. На предмете визуально легко определить следы разъема формы и заусеницы. Лезвие стрел очень тонко; нужно предположить, что для получения тонкого лезвия форма предварительно нагревалась.

Из четырех булав изучению подвергались две (№№ 8 и 10; рис. 1, *3, 4*); обе они изготовлены из оловянистой бронзы (табл. 1). Привлекает внимание булава № 8, которая в значительном количестве (3,01%) содержит сурьму; мышьяк в этих булавах обнаружен в равных количествах (1,1%).

Металлографическое исследование этих булав указывает на литую структуру металла (рис. 2, *6*). Дендритная ликвация (неоднородность сплава) и эвтектоид говорят о ломкости бронзы. Ломкость эта вызвана наличием эвтектоида, который сам по себе очень ломок и те же качества придает сплаву, хотя вместе с этим увеличивается прочность и твердость литья. Эти же качества — прочность и твердость — соответствуют их боевому назначению.

Булавы отлиты в специальных формах, мелкий линейный орнамент на одной булаве был исследован под микроскопом. Острый угол выемки орнамента указывает на то, что он нанесен после отливки посредством острого инструмента.

Кроме оружия, в кладе в большом количестве представлены украшения: браслеты с разомкнутыми концами, булавы (восемь экземпляров, одна небольшая, с закрученной головкой, остальные имеют круглостерженьковые головки), витое колечко и др. Нами химически изучены два браслета (№№ 28, 29; рис. 3, *5, 4*) и три булавы (№№ 16, 19 и 21; рис. 3, *3*). Все эти предметы изготовлены также из оловянистой бронзы; за исключением одного браслета (№ 28), во всех образцах в малых количествах обнаружен мышьяк (табл. 1).

Металлографически изучены две булавы (№№ 16 и 21), которые должны быть изготовлены путем отливки, хотя никаких следов литья на структуре обнаружить не удалось, так как она совершенно стерта последующей горячей обработкой (рис. 4, *1, 2*).

Среди других мелких предметов в кладе имеются пинцеты. Химико-технологически изучен один пинцет (№ 4; рис. 3, *6*), которой изготовлен из мышьяковистой меди горячей ковкой или холодной ковкой с последующим отжигом (рис. 4, *3*).

Наконец, следует рассмотреть еще одну большую группу бронзовых предметов, состоящую из различного рода принадлежностей одежды. Среди них восемь пряжек так называемого кобанского типа, с крючком и широкие и узкие листовые пояса.

Эти пояса (№№ 11 и 33; рис. 3, *8, 7*) изготовлены из высокооловянистой бронзы. Нам не удалось сделать металлографический анализ поясов, но, судя по их химическому составу, можно предположить, что они сначала отливались в виде листов, а затем горячей ковкой им придавали нужную форму.

В этом кладе особенно богато представлены поясные пряжки, украшенные изображениями зверей и геометрическими фигурами, которые были инкрустированы железом или стекловидной пастой. Свободные пространства между этими фигурами заполняют мелкие завитки и спиралеобразный орнамент, отлитый, по-видимому, по тальковой модели.

В фондах Гос. Музея Грузии хранится фрагмент тальковой модели пряжек «кобанского типа», обнаруженный в 1951 г. на могильнике Земо-Лиса (Шида-Картли). Это первый случай находки тальковой модели для отливки пряжек на территории Грузии. Как известно, пряжки этого типа бытуют в кобанской культуре, хотя они известны и у нас, в Грузии.

Факт обнаружения тальковой модели на территории Грузии дает основание О. М. Джапаридзе предположить местное производство пряжек

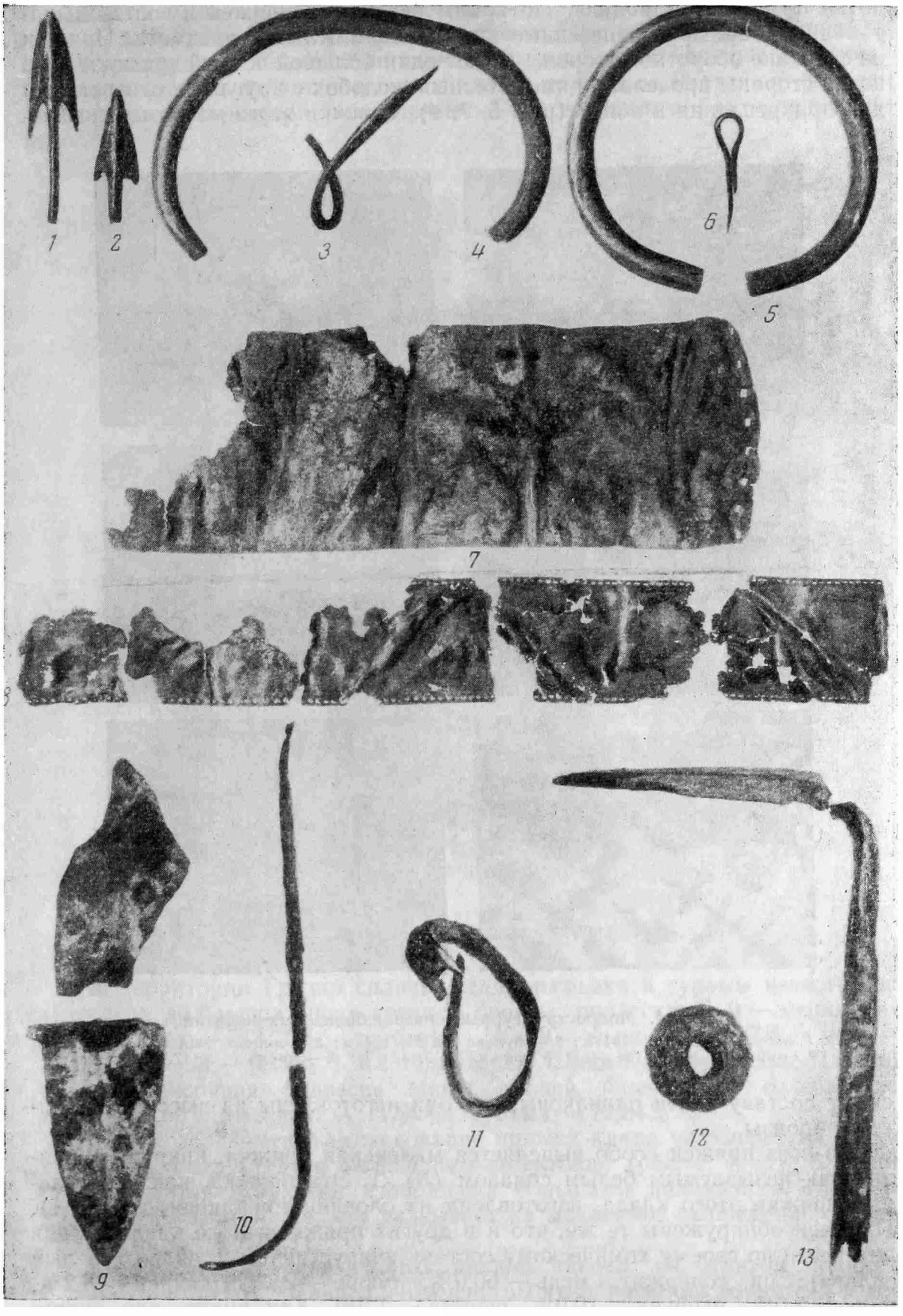


Рис. 3. Бронзовые и железные изделия из клада у с. Удэ

указанного типа[7]. Изготовление этих пряжек производилось методом литья по восковой модели. По краям некоторых пряжек имеются выцарапанные бордюры, нанесенные иглой, после отливки предмета. Пряжки на середине оборотной стороны имеют один большой острый крючок. С лицевой стороны проделан прямой, тесный желобок с круглыми отверстиями для прикрепления к поясу (рис. 5, *1, 4*). Пряжки этого клада по химиче-

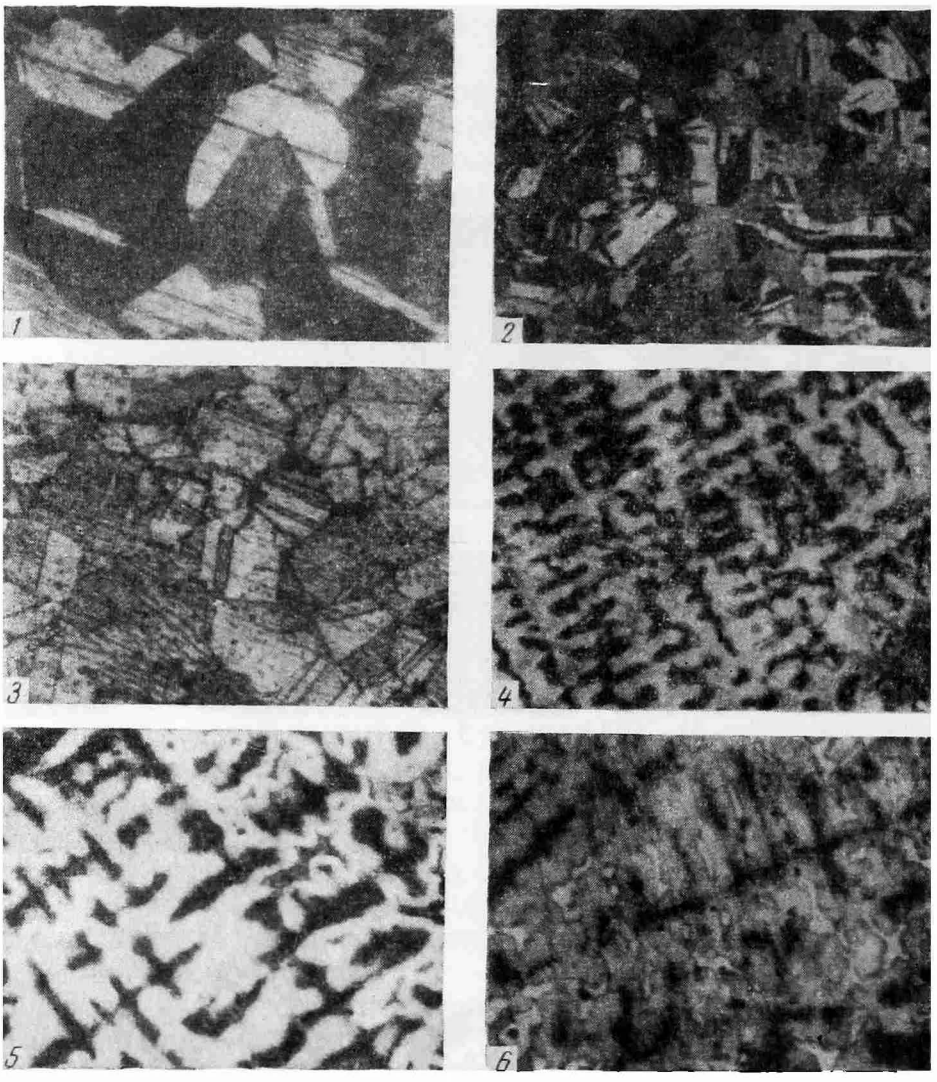


Рис. 4. Микроструктурные снимки бронзовых изделий
1 — булава № 16, 134 ×; *2* — булава № 21, 134 ×; *3* — пинцет № 4, 134 ×; *4* — пряжка № 27, 134 ×; *5* — пряжка № 2, 134 ×; *6* — пряжка №17, 134 ×

скому составу почти одинаковы; все они изготовлены из высокооловянистой бронзы.

Из всех пряжек особо выделяется маленькая пряжка, инкрустированная так называемым белым сплавом (№ 2). Эта пряжка, как и остальные пряжки этого клада, изготовлена из оловянистой бронзы (табл. 1). Примеси обнаружены те же, что и в других пряжках этого клада. Очень интересен по своему химическому составу инкрустируемый сплав («белый сплав»); он содержит: медь — 60,0%, олово — 2,1%, свинец — 8,2%, цинк — 2,0%, мышьяк — 19,9%, сурьма — 1,2%. Как видно, для инкру-

[7] О. Джапаридзе. Археологические раскопки в сел. Ожора. Тр. Тбилисского гос. университета им. Сталина, т. 65, Тбилиси, 1957, стр. 213—215 (на груз. яз.). Большинство из исследованных пряжек опубликованы. См. Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе. Ук. соч., рис. 2.

стации специально изготовлен легкоплавкий сплав. Мышьяк и свинец в данном случае являются искусственной присадкой. Из вышеперечисленных элементов этого сплава естественной примесью можно считать сурьму, которая в большинстве случаев сопровождает большие количества мышьяка. Что касается олова и цинка, трудно окончательно определить, какого характера эти примеси — естественного или искусственного.

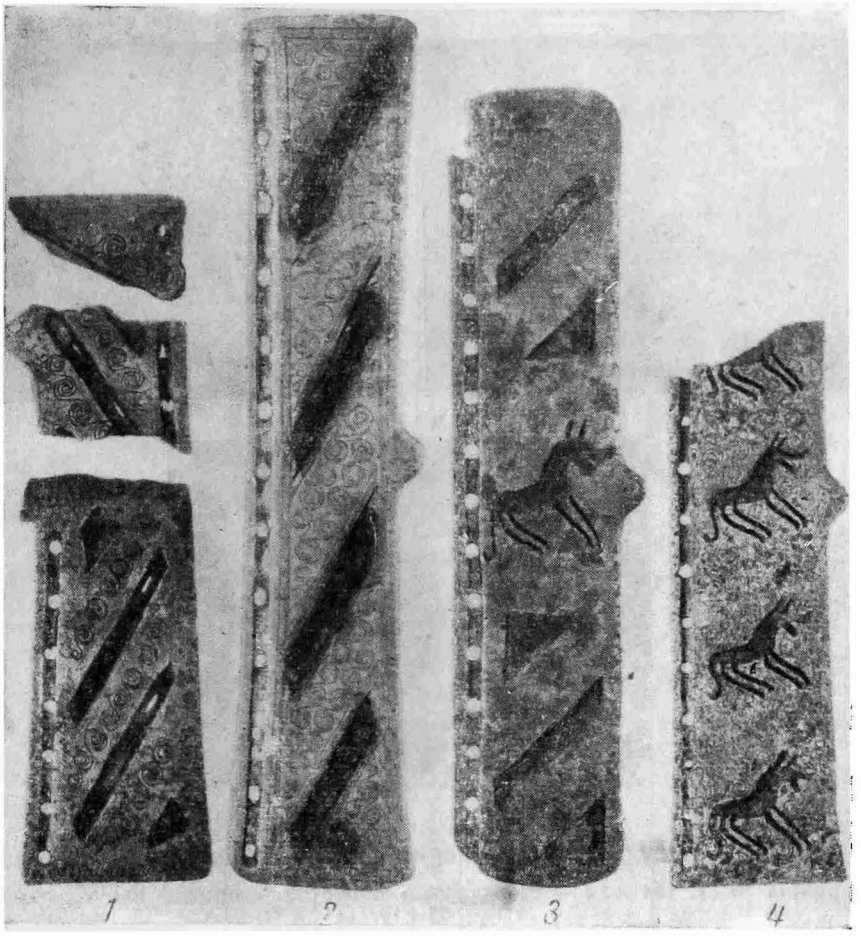


Рис. 5. Инкрустированные поясные пряжки из клада у с. Удэ

На территории Грузии сплавы меди, мышьяка и сурьмы известны из абхазских дольменов эпохи средней бронзы: подвеска № 9 — мышьяк — 18,75%, медь — 73,75%; трубочка № 29 — мышьяк — 15,7%, медь — 75,8%, сурьма — 6,12% [8]; на территории Шида-Картли у сел. Дзагина найдена височная подвеска эпохи ранней бронзы; ее содержание: медь — 68,80%, мышьяк — 11,92%, сурьма — 12,64% [9].

Металлографическое исследование пряжек клада указывает на литую дендритную структуру с выделением эвтектоида (рис. 4, *4—6*). В одном образце литая структура изображена большими полиэдрами с малым выделением эвтектоида, что указывает на медленное охлаждение отлитого предмета (рис. 6, *1*).

Техника инкрустации данных пряжек такова: на отлитом предмете с лицевой стороны гравировались фигуры (изображения животных и геометрические фигуры), после чего эти места вырезывались твердым резцом — вероятнее всего, железным; образующаяся выемка очищалась.

---

[8] Ц. Абесадзе, Р. Бахтадзе, Т. Двали, О. Джапаридзе. Ук. соч., стр. 32, 33, табл. 8.

[9] Там же, стр. 24, 25, табл. 5.

В образовавшейся пустоте проделывались круглые или четырехугольные отверстия для закрепления вставок и при ковке пространство заполнялось еще не совершенно остывшей железной массой, которая заполняла как пустоты в объеме проделанной выемки, так и круглые или четырехугольные отверстия, которые хорошо видны с оборотной стороны. Заполненные места выковывались с оборотной стороны, о чем свидетельствует кованая структура некоторых пряжек (рис. 6, *2*). Ковку производили в горячем состоянии, на что указывают большие полиэдры.

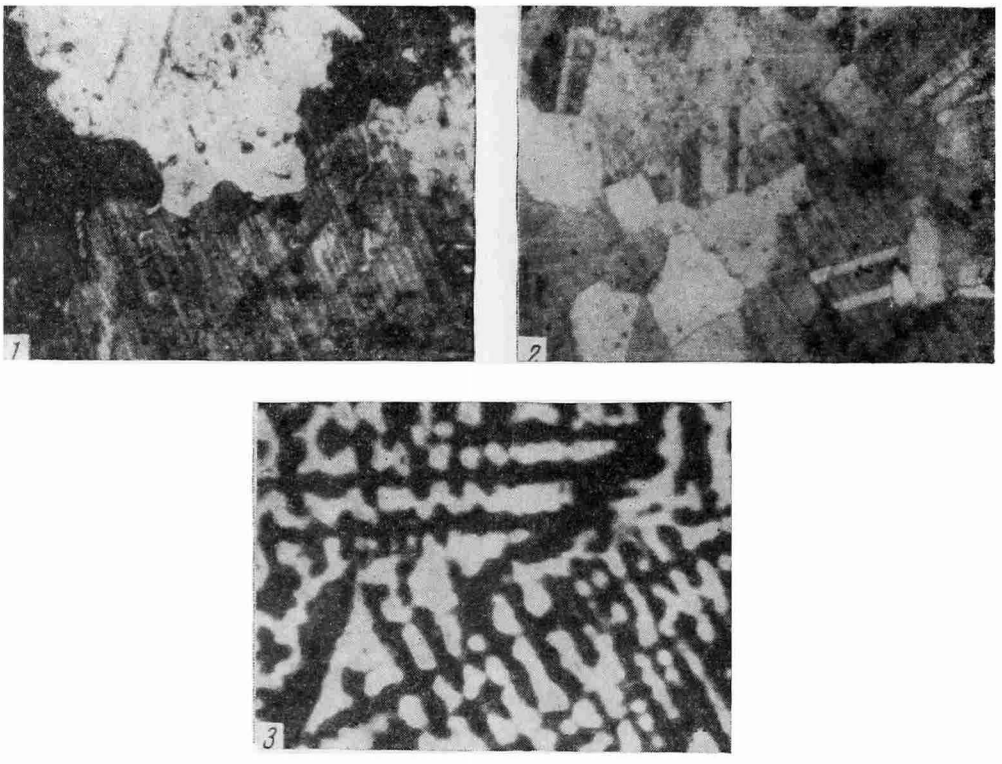


Рис. 6. Микроструктурные снимки инкрустированных пряжек

1 — пряжка № 17, 134 ×; *2* — пряжка № 5, оборотная сторона, 134 ×; *3* — пряжка № 1 — 02 : 16, 134 ×

Для сравнения этих пряжек с другими, однотипными, нами изучены были два образца из Кобани (№ 1—02: 15, 16; рис. 5, *2*, *3*) и один образец из Вани (№ 12—02 : 119).

Вышеуказанные пряжки отлиты из высокооловянистой бронзы (7,22—13,0% Sn); мышьяк во всех образцах отсутствует. Отсутствие мышьяка в этих образцах придает им несколько иной характер. По имеющимся данным, почти все предметы эпохи бронзы, обнаруженные на территории Грузии, несмотря на характер назначения, содержат мышьяк, тогда как во всех кобанских предметах мышьяк, по-видимому, отсутствует [10]. Исследованные нами образцы кобанских пряжек (№ 1—02 : 15,16) подтверждают этот факт.

Кобанские пряжки, как и пряжки из сел. Удэ, инкрустированы железом, а ванские — стекловидной массой (черного и зеленого цвета). Нами был исследован состав этой массы. Оказалось, что она состоит из главных стеклообразующих элементов: кремния, кальция, алюминия, свинца и натрия; цвет в одном случае — черный, обусловлен окисью меди, а в другом — зеленый, раньше голубой, также сплавленный стекловидной массой с окисью меди.

[10] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 218.

Металлографическое исследование кобанских пряжек указывает, что они изготовлены путем отливки (дендритная структура пряжки № 1—02: 16; рис. 6, *3*).

В результате исследования бронзовых предметов клада из Удэ можно заключить, что в эпоху поздней бронзы для изготовления данных предметов применялась высокооловянистая бронза. В редких случаях, кроме оловянистой бронзы, использовалась также мышьяковистая медь.

Таблица 2

Спектральный анализ железных предметов

Название предмета	№ предм.	Si	Al	Mg	Ca	Mn	Ni	Co	Ti	V	Cr	Mo	W	Zr	Hf	Nb
Булава	36	0,10	мало	мало	мало	нет	0,15	нет	нет	нет	0,70	нет	нет	нет	нет	нет
Кинжал	33	0,30	»	»	»	»	нет	»	»	»	нет	0,55	»	»	»	»
Наконечник копья (лезвие)	35	0,33	»	»	»	»	0,18	»	»	»	»	0,55	»	»	»	»
То же	36а	0,08	»	»	»	»	нет	»	»	»	»	0,55	»	»	»	»
Стержневидный крючок	34	<1,0	»	»	»	»	нет	»	»	»	»	0,55	»	»	»	»
Наконечник копья (втулка)	35	~1,0	»	»	»	»	0,20	»	»	»	»	0,55	»	»	»	»

Таблица 2 (продолжение)

Название предмета	Ta	Cu	Pb	Ag	Sb	Bi	As	Zn	Cd	Sn	Ge	In	Vb	Y	La	Ce
Булава	нет	0,55	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет	нет
Кинжал	»	0,35	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
Наконечник копья (лезвие)	»	0,40	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
То же	»	<0,10	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
Стержневидный крючок	»	0,25	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»
Наконечник копья (втулка)	»	~0,50	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»	»

В этот период, как видно, литейное дело стояло на высоком уровне, о чем свидетельствуют как разнообразие предметов, так и сложные и художественные отливки. Отливка сложных орнаментированных предметов указывает на применение специальных моделей и форм.

Особое внимание привлекает высокая техника инкрустации бронзовых предметов железом, так называемым белым сплавом и стекловидной массой. На территории Грузии почти не встречаются инкрустированные бронзовые предметы. Как видно, техника инкрустации бронзовых предметов характерна только для этого производственного района.

Из железных предметов клада Удэ нами изучены кинжал (№ 33; рис. 3, *9*), наконечники копий (№№ 35, 36а; рис. 3, *11, 13*), булава (№ 36; рис. 3, *12*) и стержневидный крючок (№ 34; рис. 3, *10*). Все эти предметы изготовлены из малоуглеродистой стали; количество углерода не превышает 0,4% (табл. 2) [11]. Элементы, входящие в малых количествах в состав железных предметов, являются естественными примесями железной руды. Всюду отсутствуют вольфрам, титан и ванадий (табл. 2).

[11] Спектральный анализ произведен в Спектральной лаборатории Геологического управления ГрузССР химиком М. М. Бендиашвили.

Металлографическое исследование железных предметов показывает структуру малоуглеродистой стали — феррит с перлитом (рис. 7). Нигде не замечается следов цементации и термической обработки. На структуре наконечника копья (№ 36а) замечается видманштедтная ориентация, что, вероятно, вызвано перегревом данного предмета (рис. 7, *3*).

В заключение можно сказать, что железные предметы клада из Удэ изготовлены из малоуглеродистой стали, полученной непосредственно

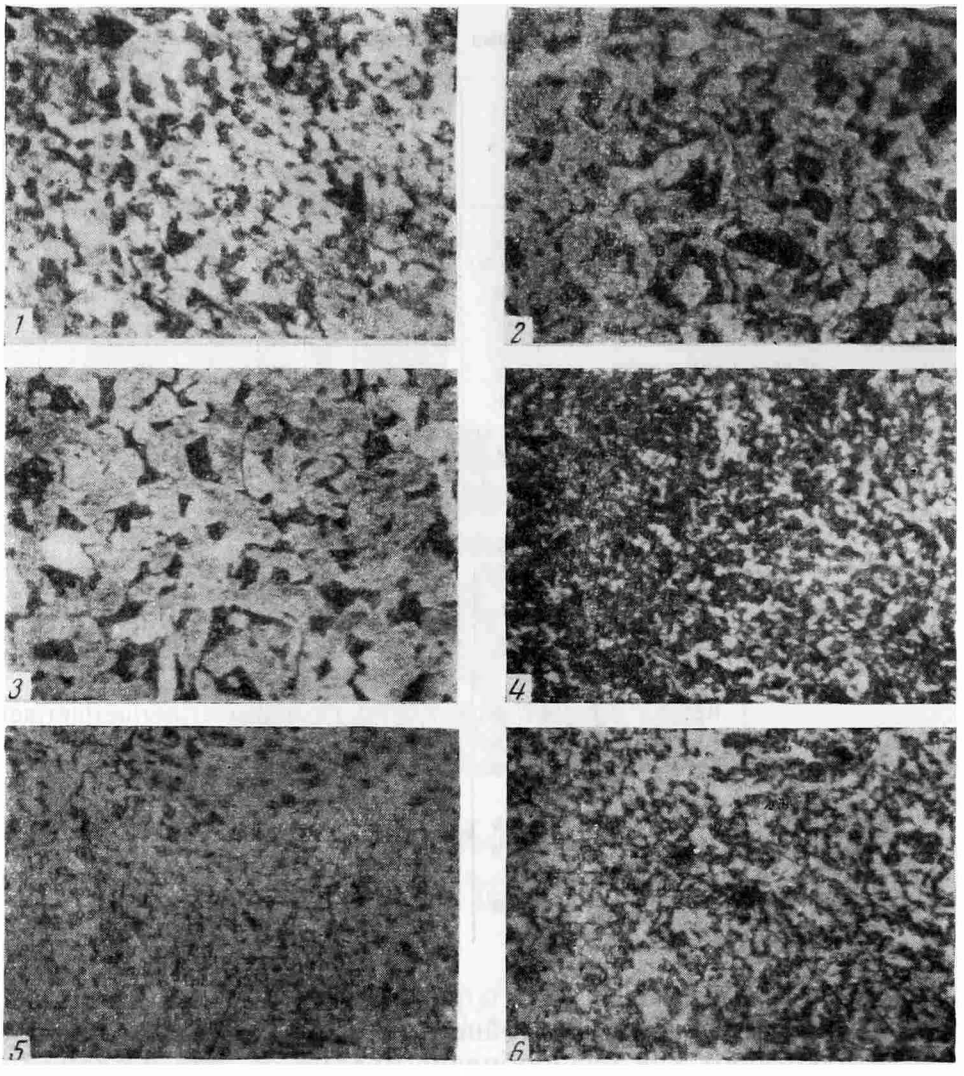


Рис. 7. Микроструктурные снимки железных предметов
1 — наконечник копья, лезвие, 134 ×; *2* — наконечник копья, втулка, 134 ×; *3* — наконечник копья, лезвие, 134 ×; *4* — кинжал № 33, 134 ×; *5* — крючок № 34, 134 ×; *6* — булава № 36, 134 ×

в сыродутном горне прямым восстановлением железных руд. Примечательно, что эти железные предметы после их изготовления не подвергались дальнейшей цементации и термической обработке.

Одновременный материал этого клада на территории Грузии известен из Самтаврского могильника и представляет большой интерес для сравнения. Железные предметы из Самтаврского могильника, датируемые XI—IX вв. до н. э.[12] (кинжал № 3102, 1939 г., меч № 4486 из северного участка, погр. № 211, 1940 г., нож № 1111 из северного участка, погр. № 51, 1939 г., и наконечник копья № 6000 из северного участка

[12] Р. Абрамишвили. К истории производства железа в древней Грузии. Тезисы докладов IV Научной конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Тбилиси, 1953, стр. 36.

могильника, погр. № 281, 1947 г.) изготовлены как из малоуглеродистой стали (кинжал № 3102 и нож № 1111), так и из высокоуглеродистой стали (наконечник копья № 6000) с применением последующей цементации (меч № 4486 и наконечник копья № 6000) и термической обработки (кинжал № 3102). Как видно, в этот период здесь уже известны были свойства малоуглеродистого железа, и для повышения его твердости и других механических свойств применяли цементацию и термическую обработку [13].

Сопоставление данных исследования железных предметов из сел. Удэ с данными исследования самтаврских железных предметов указывает на тот факт, что самтаврские железные предметы по сравнению с железными изделиями того же периода из сел. Удэ характеризуются более высокой техникой изготовления, в частности, здесь уже применены процессы цементации и термической обработки.

---

[13] Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Ц. Н. Абесадзе, Т. А. Двали. Химическое, металлографическое и технологическое изучение железного оружия, найденного в Самтаврском могильнике. ВГМГ, т. XVIII-А, Тбилиси, 1959, стр. 21—23 (на груз. яз.).

И. Б. БРАШИНСКИЙ

АМФОРЫ ИЗ РАСКОПОК ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В 1959 г.

(К вопросу о датировке погребения в кургане № 8 группы «Пять Братьев»)

В конце дромоса кургана № 8 из группы «Пять Братьев» Елизаветовского могильника, раскопанного осенью 1959 г. Южно-Донской археологической экспедицией под руководством В. П. Шилова [1], было обнаружено 14 целых остродонных амфор (рис. 1). Изучение этих амфор представляет большой интерес прежде всего потому, что они могут дать наиболее достоверные основания для датировки захоронения в кургане [2]. Елизаветовские амфоры находки 1959 г. представляют значительный интерес и сами по себе; они позволяют выделить тип ранней синопской амфоры, уточнить один из типов гераклейских амфор, а также поставить вопрос об уточнении датировки ранних групп синопских керамических клейм.

Из 14 обнаруженных в кургане амфор 9 происходят из Гераклеи Понтийской и 5 являются продукцией Синопы. Ввиду того, что все амфоры целые (несколько частично поврежденных удалось полностью восстановить), оказалось возможным измерить объем каждой из них. Он колеблется от 6,600 до 10,750 *л*. В общей сложности объем всех амфор из кургана составляет около 120 *л*.

Обратимся, прежде всего, к рассмотрению гераклейских амфор. К настоящему времени создана не только хронологическая классификация клейм, имеющихся на этих амфорах [3], но и разработана хронологическая классификация гераклейских амфор по типам [4]. И. Б. Зеест выделила пять типов гераклейских амфор, относящихся ко второй половине IV в. и к III в. до н. э.

Все девять гераклейских амфор из кургана № 8 имеют на горлах энглифические клейма, алфавит которых, по Б. Н. Гракову, относится к первой хронологической группе. Амфоры представлены двумя различными типами. Четыре амфоры принадлежат к пятому типу, согласно классификации И. Б. Зеест. Этот тип, возникающий независимо от общей эволюции формы гераклейских амфор, является подражанием фасосским [5]. Теперь в нашем распоряжении имеется несколько экземпляров совершенно целых амфор, которые, несколько отличаясь от опубликованной И. Б. Зеест в ВДИ, свидетельствуют о том, что их форма почти полностью совпадает с формой фасосской амфоры (тип I, *в*, по Бон) [6], возникающей в конце V в. до н. э. и существующей на всем протяжении IV и частично III в. до н. э. (рис. 2, *1* и 3, *1, 2*). Высота псевдофасосских герак-

---

[1] В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. СА, 1961, № 1.

[2] Амфоры, в которых в данном случае безусловно содержалось вино, должны относиться, если не к самому моменту захоронения, то, во всяком случае, ко времени, весьма незначительно отдаленному от него.

[3] Б. Н. Граков. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор. Тр. ГИМ, вып. I, 1926, стр. 195 сл.

[4] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, вып. 22, 1948, стр. 48 сл.

[5] Там же, стр. 52. Ср. И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 107, рис. 1.

[6] См. A. M. Bon, A. Bon. Les timbres amphoriques de Thasos. Études thasiennes, IV, Paris, 1957, стр. 17 сл. и рис. 3, *3—5*; 6, *2, 3*.

лейских амфор составляет 70—74,2 *см*, при максимальном диаметре тулова — 22,5—24 *см*. Это — веретенообразные сосуды на высокой ножке (до 14—15 *см*), объем которых сравнительно невелик и колеблется от 6,600 до до 7,600 *л*. Все четыре псевдофасосские амфоры из рассматриваемого комплекса, судя по имеющимся на них клеймам, изготовлены в одной гончарной мастерской — мастерской Иахха (Иакха).

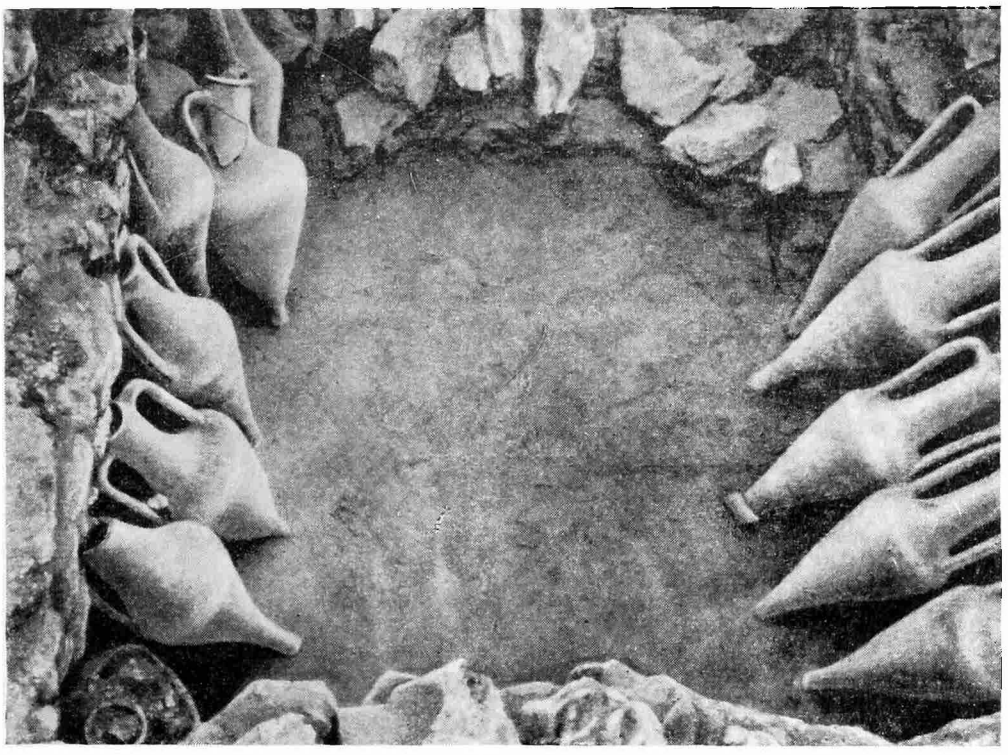


Рис. 1. Амфоры в дромосе кургана

Остальные пять гераклейских амфор содержат в себе черты, сближающие их как со вторым, так и с третьим типом амфор, по классификации И. Б. Зеест[7] (рис. 2, *2* и 3, *3*). Их высота составляет 71—74 *см*, максимальный диаметр тулова — 24—26 *см*. Объем амфор колеблется от 8,100 до 9,350 *л*. На горлах этих амфор, под венчиками красной краской нанесены полосы; на двух из них (инв. №№ 192 и 202) красной же краской написаны буквы Σ (цифровой знак 200 или знак гончара?) и на одной (инв. № 199) — Λ (знак гончара или цифра 30?).

Исходя из того, что описываемые амфоры представляют собой переходную форму от второго к третьему типу, согласно классификации И. Б. Зеест, следует заключить, что они относятся к концу IV в. до н. э. (возможно, к концу предпоследнего или последнему десятилетию этого столетия).

На всех гераклейских амфорах из восьмого Пятибратнего кургана имеются энглифические клейма с алфавитом первой хронологической группы. Подробнее о них будет сказано ниже.

Все пять синопских амфор из этого же кургана принадлежат к одному типу, отличающемуся от типов синопских амфор, описанных в литературе[8]. Они отличны от типа ранней синопской амфоры, описанного

[7] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор, стр. 49 сл., рис. 10, *2*, и 11, *1*.

[8] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора с южным Причерноморьем. ВДИ, 1951, № 2, стр. 111, рис. 3; Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, 1951, стр. 182 и рис. 11, *12*; его же. Синопские остродонные амфоры эллинистической эпохи в Прикубанье. ВДИ, 1951, № 1, стр. 123 сл., рис. 1; Р. Б. Ахмеров. Синопские эллинистические амфоры. ВДИ, 1948, стр. 160 сл., № 4; V. Canarche. Importul amforelor stampilate la Istria. Bucureşti,

И. Б. Зеест[9], и довольно близки по форме амфоре из могильника у станицы Усть-Лабинской, опубликованной Н. В. Анфимовым[10]. От последней они, однако, значительно отличаются размерами и пропорциями.

У елизаветовских амфор (рис. 4 и 5) довольно высокое горло составляющее до $^1/_3$ общей высоты, венчик чаще всего имеет форму полувалика, который, однако, значительно менее массивен, чем у известных типов

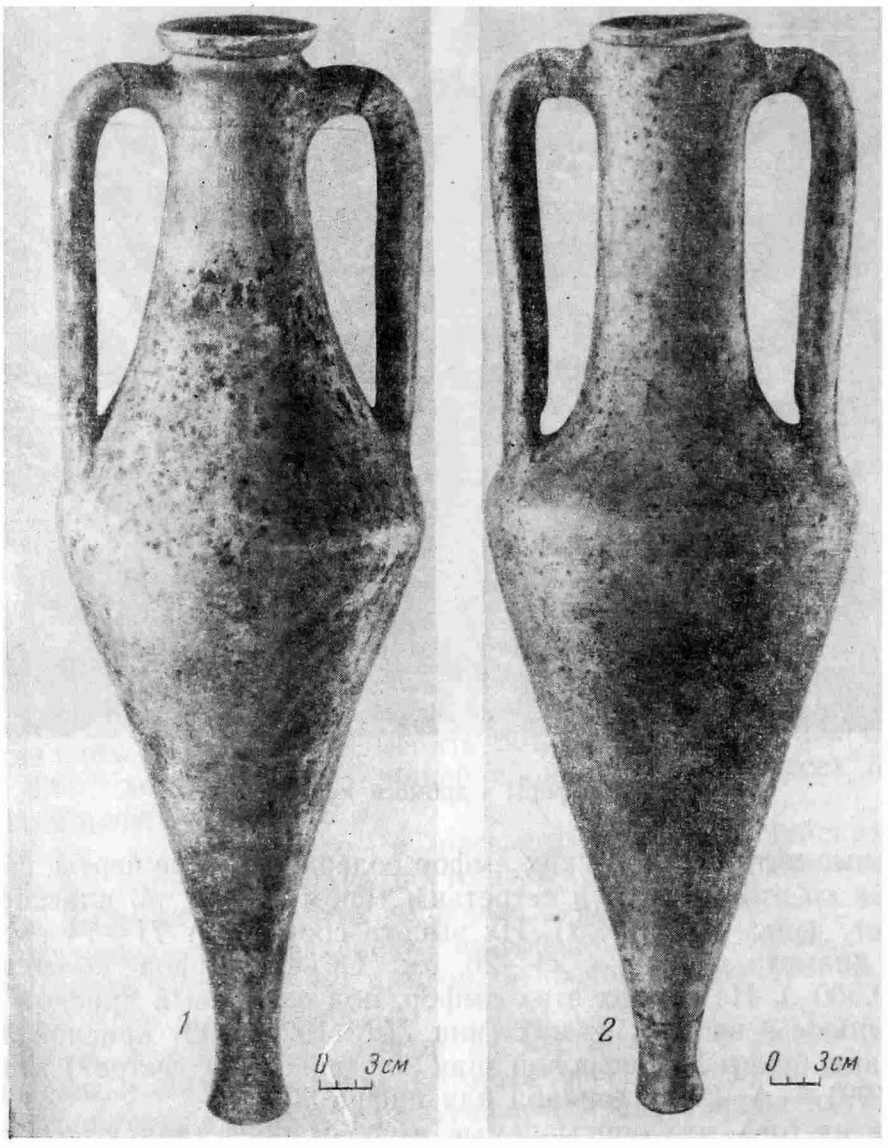


Рис. 2.

1 — псевдофасосская гераклейская амфора IV в. до н. э.; *2* — гераклейская амфора IV в. до н. э.

ранних синопских амфор. У елизаветовских амфор почти горизонтальные плечи и тулово почти правильной конусовидной формы. Ножка их довольно высокая (до 9—10 *см*) и заканчивается заострением. Ручки

1957, стр. 95 сл., рис. 25; В. В. Шкорпил. Датированные керамические надписи из Зеленского кургана. ИАК, вып. 51, 1912, стр. 119.

[9] И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора..., стр. 111. Амфора хранится в Феодосийском музее и датируется автором началом III в. до н. э. на основании клейма астинома Никомеда, с эмблемой — орел на дельфине (I группа). Как мы попытаемся показать ниже, I группа клейм синопских астиномов, а следовательно, и феодосийская амфора едва ли могут быть моложе последней четверти IV в. до н. э.

[10] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник..., стр. 182. Автор датирует амфору по типу III в. до н. э. Ее высота — 71 *см*, максимальный диаметр — 34 *см*, высота горла — 19,5 *см* и его диаметр — 10 *см*; высота ручек — 21 *см*.

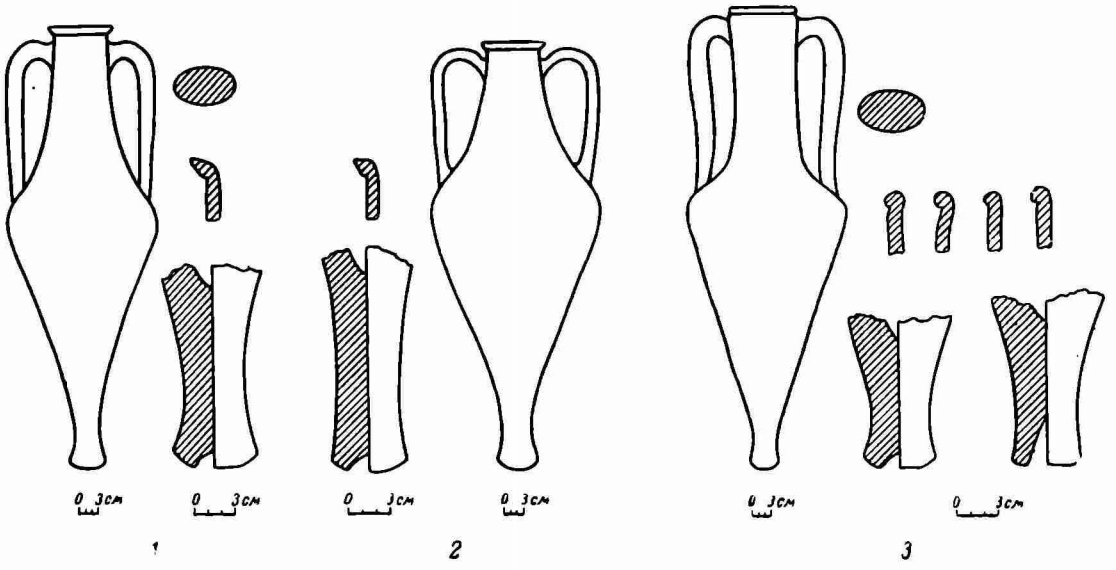


Рис. 3.
1 — псевдофасосская гераклейская амфора второй половины IV в. до н. э.; *2* — фасосская амфора (тип. I, *в*, по Бон); *3* — гераклейская амфора втор. пол. IV в. до н. э.

с овальным сечением иногда широко расставлены и напоминают по форме фасосские. Высота этих амфор невелика. Она колеблется от 56,5 до 62 *см*. Максимальный диаметр тулова составляет 27,5—29,5 *см*. Объем амфор колеблется от 9,100 до 10,750 *л*.

На ручке одной из синопских амфор (инв. № 204) оттиснуто клеймо астинома Хабрия, относящееся, согласно хронологической классификации Б. Н. Гракова, к самому концу I группы астиномов. Остальные амфоры клейм не имеют. Однако можно предполагать, что все пять амфор являются продукцией одной мастерской — мастерской Тюайя, именем которого клеймена одна из амфор. К такому выводу приводит нас как идентичность формы амфор и близость их размеров, так и то обстоятельство, что все они маркированы на горлах или переходе от горла к плечам буквами, нанесенными красной краской — синопидой. На трех амфорах (инв. № 194, 195 и 201) нанесены буквы MZ (на одной из них — инв. № 201 — дополнительно монограмма HP); на одной амфоре (инв. № 198) — монограмма ME; на одной (клейменой, инв. № 204) — HP. Что обозначали буквенные знаки, нанесенные на амфорах краской, с полной достоверностью сказать трудно. Скорее всего это могли быть цифровые обозначения ($\mu\zeta' = 47$; $\mu\varepsilon' = 45$), монограммы же могли обозначать собственные имена; возможно, это знаки гончаров, изготовивших амфоры. Во всяком случае возможно, что знаки на амфорах не являются знаками собственности лиц, приобретших их в Северном Причерноморье,

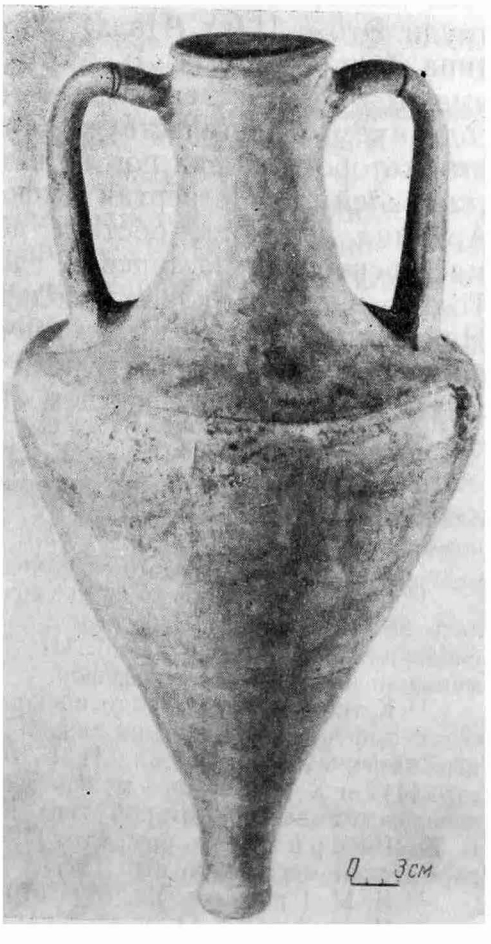


Рис. 4. Синопская амфора IV в. до н. э. из кургана

а нанесены в керамической мастерской, где они были изготовлены; возможно, что они имеют отношение к содержимому, их заполнявшему [11].

Если согласиться с предположением о происхождении всех пяти амфор из одной гончарной мастерской, то надлежит прийти к выводу, что в начальный период клеймения, в IV в. до н. э., клеймению подвергались не все амфоры, а лишь сравнительно небольшая их часть [12].

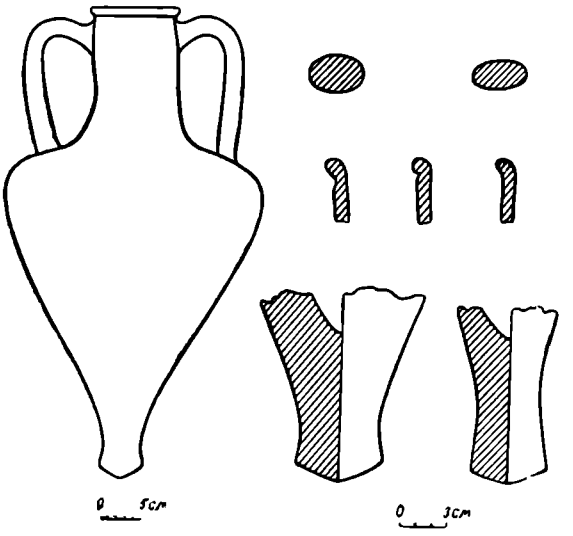


Рис. 5. Синопская амфора IV в. до н. э.

Таким образом, выясняется, что во второй половине IV в. до н. э. в Синопе существовало два различных типа амфор. В дальнейшем эволюция обоих ранних типов синопских амфор шла сначала параллельно. Однако тип, представленный елизаветовскими амфорами, в противоположность типу феодосийской, не имел длительного развития и не выходит за пределы первой половины III в. до н. э. [13].

Из 14 амфор, сопровождавших погребение в кургане № 8, на десяти имеются клейма (девять — гераклейских и одно — синопское).

Все гераклейские клейма эпиграфические и принадлежат I группе, по классификации Б. Н. Гракова [14], вначале отнесенной автором к последней четверти IV в. до н. э. Позднее ее датировка была расширена им же до второй половины IV в. до н. э. [15].

Судя по клеймам, все гераклейские амфоры, по-видимому, вышли из трех мастерских. Один из владельцев этих мастерских определяется без труда. Это — Иакх (Иахх), который выделывал амфоры псевдофасосского типа (тип V, по И. Б. Зеест). На всех четырех амфорах этого типа имеются клейма с его именем (рис. 6, *1*). Три из них изготовлены в один год, о чем свидетельствует датировка их именем магистрата Писистрата, имя которого до сих пор не встречалось среди опубликованных гераклейских клейм [16]. Четвертая амфора Иакха датирована именем магистрата Архиппа. Сложнее обстоит дело с выяснением имен хозяев гончарной мастерской или мастерских, где были изготовлены остальные пять амфор. Только в одном клейме содержится имя Андроника с предлогом ἐπί. Ничтожные остатки имени гончара в этом клейме все же позволяют предполагать, что им был Атт, имя которого содержится и в трех других клеймах в комбинации с именем Лисифея и виноградной гроздью в качестве

---

[11] Основным продуктом, который экспортировался из Синопы в амфорах, было оливковое масло (см. М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.— Л., 1956, стр. 91 сл.). Экспортировалось также и вино. В данном случае, судя по всем обстоятельствам находки, в амфорах содержалось именно вино.

[12] Ср. Р. Б. Ахмеров. Ук. соч., стр. 163. Автор указывает, что в Синопе клеймились не все амфоры. Небольшое количество их встречается без клейм. Это, вероятно, справедливо по отношению к III—II вв., в более же раннее время клеймилась лишь меньшая часть синопских амфор.

[13] К типу амфоры Феодосийского музея (назовем его условно первым типом) относятся амфоры из кубанских могильников (см. Н. В. Анфимов. Синопские остродонные амфоры..., стр. 123 сл.; И. Б. Зеест. Новые данные о торговых связях Боспора, стр. 111) и Херсонесского музея (см. Р. Б. Ахмеров. Ук. соч., стр. 162). К типу елизаветовских амфор (второй тип) принадлежат амфора из Зеленского кургана (см. В. В. Шкорпил. Ук. соч., стр. 119) и Усть-Лабинской (см. Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник, стр. 182).

[14] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 195 сл.

[15] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор, стр. 48.

[16] Клейм с именем Писистрата нет и среди зарегистрированных в рукописи IPE III. Одно неопубликованное клеймо с этим именем происходит из раскопок Мирмекия 1956 г., другое — из раскопок Елизаветовского городища 1958 г.

эмблемы. На пятом клейме, в комбинации с именем Лисифея, стоит имя Стасихора с той же виноградной гроздью в качестве эмблемы (рис. 6, 2). Можно предполагать, что в Лисифее следует видеть магистрата, имя которого не предварено предлогом ἐπί [17]. Такой же способ передачи имени

Рис. 6.

1 — клейма на амфорах из мастерской Иакха; *2* — клейма Лисифея; *3* — клеймо на синопской амфоре

городского магистрата — эпонима наблюдается и в ранних родосских клеймах IV в. до н. э. [18] и в клеймах Фасоса [19]. Высказанное предположение, возможно подтверждается и тем, что в первой строке клейм с именем Лисифея содержатся имена керамевсов в именительном падеже (Ἄττης Στασίχορος), в то время как имя Лисифея во всех клеймах дано в сокращении Λυσιθε, или же Λυσιθεο, что несомненно является формой родительного падежа, характерной для времени до конца IV в. до н. э. По-видимому, здесь следует усматривать сокращенную форму (ἐπί) Λυσιθέο(υ) и не видеть в рассматриваемых клеймах так называемые «двойные фирмы». Во всех клеймах с именем Лисифея в качестве эмблемы изображена виноградная гроздь, которая, очевидно, является знаком магистрата, ибо она совершенно одинакова как в клеймах керамевса Атта, так и керамевса Стасихора, но отсутствует в клейме, в котором, вероятно, восстанавливается имя Атта при магистрате Андронике.

---

[17] Ср. М. Мирчев. Амфорните печати от музея във Варна. София, 1958, стр. 52; ср. А. А. Нейхардт. Памятники керамической эпиграфики Мирмекия и Тиритаки. Автореферат диссертации. Л., 1951, стр. 9.

[18] См. V. Grace. Timbres amphoriques trouvés a Délos. BCH, т. 76, 1952, стр. 523.

[19] См. V. Grace. Early Thasian Stamped Amphoras AJA, L, 1946, стр. 35; ее же. Stamped Wine Jar Fragments. Hesperia, прилож. X, 1956, стр. 125 сл.; А. М. Воп, А. Воп. Ук. соч., стр. 28; М. Мирчев. Ук. соч., стр. 9 сл.

И. Б. Зеест отмечает, что гераклейские клейма, содержащие имя магистрата с предлогом ἐπί, встречаются в подавляющем большинстве случаев на амфорах четвертого и отчасти третьего типа. Для первых двух типов они не характерны вовсе[20]. Совместная находка амфор с клеймами, содержащими предлог ἐπί, и клеймами, в которых он отсутствует, приводит к выводу, что весь комплекс относится ко времени перехода от амфор второго типа к третьему. К этому же выводу приводит и изучение самих форм амфор, которые имеют черты, сближающие их с амфорами как второго, так и третьего типа. Таким образом, елизаветовские амфоры с клеймами Лисифея и Андроника относятся к переходному типу — от второго к третьему и должны датироваться концом существования амфор второго типа и началом существования третьего. И. Б. Зеест указывает, что гераклейские амфоры второго типа относятся ко второй половине IV в. до н. э. (с середины столетия), третий же тип возникает на рубеже IV—III вв.[21]. Следовательно, наши амфоры должны быть отнесены к концу IV в. до н. э., возможно, к последнему его десятилетию.

Время указанных выше гераклейских амфор позволяет датировать также и гераклейские амфоры пятого типа — псевдофасосские, которые возникают независимо от общей эволюции гераклейских типов[22]. Существование этой группы также, очевидно, должно быть отнесено к концу IV в. до н. э.

Как уже было указано выше, из пяти синопских амфор, обнаруженных в кургане № 8, только одна имеет клеймо. Это — клеймо гончара Тюайя при астиноме Хабрии, с виноградной гроздью справа в качестве эмблемы (рис. 6, *3*). Согласно классификации Б. Н. Гракова, астином Хабрий является одним из позднейших в I хронологической группе. Имена фабрикантов при нем относятся к стоящим на границе со следующей, II хронологической группой[23]. В качестве рубежа I и II хронологических групп Б. Н. Граков принял 270 г. до н. э. Однако, как нам представляется, в настоящее время имеется необходимость и возможность поставить вопрос о пересмотре этой даты и уточнении ее.

В свое время Б. Н. Граков, обосновывая предложенную им датировку ранних групп синопских клейм, указывал, что I группа клейм «совпадает с таковою же первых драхм автономной Синопы, т. е. падает в общем на последние два десятилетия IV века. Сравнительно небольшое число известных астиномов этой группы позволяет думать, что начало даты скорее в самом конце IV века. Конец ее существования определяется той же группой монет около 270 года»[24]. Хронологические рамки II группы клейм «определяются вначале намеченным выше пределом первой группы (около 270 года)...»[25].

Позднее, в связи с передатировкой синопских драхм, предпринятой Э. Бабелоном и Т. Рейнаком во втором издании «Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure», Paris, 1925[26], которая была принята крупнейшими нумизматами, Б. Н. Граков отодвинул начальную дату синопского клеймения к середине IV в. н. э.[27]. Соответствующего удревнения

---

[20] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор, стр. 51.

[21] Там же, стр. 52.

[22] Там же.

[23] См. Б. Н. Граков. Древне-греческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1928, стр. 117.

[24] Там же, стр. 112.

[25] Там же, стр. 122.

[26] Табл. XXV, *13—17* и *20—22*; прилож. 0, № 6—11.

[27] Б. Н. Граков. Клейменая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. 1939 (рукопись докторской диссертации). Архив ИА АН СССР, № 538, стр. 28; его же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 90; М. И. Максимова. Ук. соч., стр. 161. Последний автор высказывает предположение, что начало синопского клеймения, возможно, следует относить даже к несколько более раннему времени, чем середина IV в. до н. э., поскольку имена синопских магистратов

и конечной даты первой хронологической группы астиномов, а следовательно, и начала следующей сделано, однако, им не было [28]. Между тем надлежит отметить, что такая передатировка, по-видимому, необходима. Во-первых, конец чеканки указанной группы синопских драхм был также передвинут Бабелоном и Рейнаком приблизительно к 20-м годам IV в., а во-вторых, полностью остается в силе вывод Б. Н. Гракова о кратковременности существования I группы астиномов, основанный на сравнительно небольшом числе имен астиномов этой группы. Трудно представить, чтобы первая группа могла охватывать промежуток времени приблизительно в 80 лет. Надо полагать, что дату смены I и II хронологических групп синопских астиномов следует отодвинуть вглубь на три-четыре десятилетия и помещать ее в последней четверти IV в. до н. э. В таком случае I группа синопских клейм будет охватывать время примерно с середины IV в. до н. э. до предпоследнего или последнего десятилетия этого столетия, когда она переходит во II группу [29]. К такому решению приводит и сопоставление синопской клейменой амфоры из восьмого Пятибратнего кургана со всем комплексом находок и, в частности, с гераклейскими амфорами из того же кургана. Ни одна из гераклейских амфор не выходит за пределы IV в. до н. э. Очевидно, и синопские амфоры описанного типа (поскольку на одной из амфор есть клеймо конца этой группы) и конец существования I хронологической группы должны быть датированы временем, близким к концу IV в. до н. э.

Высказанное предположение относительно необходимости отнесения времени перехода от I ко II хронологической группе синопских астиномных клейм к последней четверти IV в. до н. э. подтверждается и хорошо датируемым комплексом клейм на синопской черепице из раскопок ольвийской агоры 1959 г. Судя по всему материалу, и там клейма I хронологической группы не выходят за пределы IV в. до н. э. [30].

Таким образом, изучение елизаветовских амфор из раскопок 1959 г. приводит к выводу, что они должны быть датированы последней четвертью, а, возможно, последним десятилетием IV в. до н. э. Поскольку амфоры должны считаться наиболее поздними предметами в общем комплексе погребального инвентаря кургана, весьма незначительно отдаленными во времени от момента захоронения, то и само погребение в кургане № 8 группы «Пять Братьев» должно быть отнесено к последней четверти IV в. до н. э.

в сходных начертаниях встречаются и на синопских монетах первой половины IV в. до н. э. Нам не удалось обнаружить имен синопских магистратов на монетах в сходных с клеймами начертаниях ранее 360 г. до н. э. (см. Waddington—Babelon—Reinach. Recueil général de monnaies grecques d'Asie Mineure. I, Paris, 1925, стр. 200 сл.).

[28] Как мне любезно сообщил Б. Н. Граков, во вступительном очерке к синопским клеймам, в рукописи IOSPE, III, хранящейся в кабинете археологии МГУ, он на основании формальных соображений датирует рубеж I и II групп астиномов 330 г. до н. э.

[29] Возможно, что передатировка перехода от первой ко второй хронологической группе клейм повлечет за собой и соответствующие передвижения дат в остальных группах. Этот вопрос требует тщательного изучения и обоснования и в настоящее время не может еще быть решен.

[30] И. Б. Брашинский. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры в 1959 г. Доклад, прочитанный на пленуме ЛОИА АН СССР в апреле 1960 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№№ пп	Инв. №№	Центр	Высота (в *см*)	Макс. диаметр (в *см*)	Объем (в *л*)	Клеймо	Знаки краской	Примечание
1	193	Гераклея	70	22,5	6,600	᾽Ιάχχου ἐπὶΠ | εισι (στράτου)	—	Тип V по И. Б. Зеест
2	197	»	Неполная	23	7,250	То же	—	То же
3	200	»	72	23	7,100	То же	—	То же
4	205	»	74,2	24	7,600	᾽Ιάκχου ἐπ | ὶ ᾽Αρχίππο (υ)	—	То же
5	192	»	Неполная	24	8,650	᾽᾽Αττης ← гроздь Λυσι [ϑ] έ (ου)	Σ	
6	196	»	70,8	24,5	8,700	᾽᾽Ατ [της] (?) ἐπὶ ᾽Ανδρονί (κου)	—	
7	199	»	73,2	24	8,100	᾽᾽Ατ [της] ← гроздь Λυσιϑέ (ου)	Λ	
8	202	»	71	24	8,200	То же	Σ	
9	203	»	74	26	9,350	Στασίχορος ← гроздь Λυσιϑέο (υ)	—	
10	194	Синопа	60	27,5	9,950	—	MZ	
11	195	»	56,5	29,5	9,100	—	MZ	
12	198	»	62	29,5	9,900	—	M̄Ē	
13	201	»	59	28,5	10,750	—	MZ и ⋔	
14	204	»	60	29	9,850	Χ [α] β [ρία] ἀστυν (ώμου). ↓ гроздь θυαίο (υ)	⋔	Группа I, Б, по Б. Н. Гракову

П. И. ХАВЛЮК

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ЧАСТИ ЮЖНОГО ПОБУЖЬЯ

Территория Южного Побужья, на которой в последние годы проводились исследования славянских памятников, находится в зоне лесостепи в юго-восточной части Винницкой области, на Волыно-подольской возвышенности. Об имеющихся здесь древних памятниках известно очень давно [1], но исследованы из них немногие. В 1930—1932 гг. археологической экспедицией строительства БОГЭС [2] отдельные, ранее известные памятники по берегам Южного Буга были подвергнуты лишь поверхностному изучению. Другие экспедиции, занимавшиеся исследованием Побужья [3], сосредоточили свою работу в северной части среднего и отчасти верхнего течения реки.

Для средней части Южного Побужья характерны древнеславянские памятники двух типов. К первым относятся поселения, расположенные в долинах рек, на надпойменной террасе и на островах. К другому типу памятников относятся поселения и городища, расположенные на краях мысов и склонах плато, обращенных в большинстве случаев на север.

Одним из ранних славянских памятников [4] в Среднем Побужье является поселение, открытое в 1951 г. на правом берегу р. Соболь, у с. Кисляк, Гайсинского района. Оно находится на надпойменной террасе, которая одной стороной в виде узкой полосы далеко выходит в долину реки, а другой — сливается с пологим коренным берегом и плато (рис. 1).

Вся посуда поселения состоит из лепных сосудов коричневого цвета с примесью в глиняном тесте крупного песка и слюды. Бóльшая часть сосудов — это широкогорлые горшки со слегка отогнутым венчиком, без орнамента. Изредка встречаются широкогорлые горшки с ровно заглаженным венчиком и налепным валиком, который находится в 2 *см* от края венчика (рис. 2, *1, 2*). Валики имеют различную высоту, в отдельных случаях они широкие, расчленены косой насечкой острым предметом и похожи на поясок. Они налеплялись на сосуд после его изготовления и тщательно приглаживались.

Из других форм керамики на поселении находятся обломки тонкостенных сосудов со слегка закругленным и отогнутым венчиком, с зубчатым орнаментом по его краю и биконические сосуды. На поселении найдены также: целый лепной сосудик, похожий на кружку со слегка отогнутым и неровным венчиком (рис. 2, *5*); три биконических прясла из глины (рис. 2, *7—9*), одно из них с орнаментом из крестообразно распо-

---

[1] Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губернии. Тр. XI, АС, т. I, М., 1901; Тр. Подольского епархиального историко-статистического комитета, вып. I, под ред. Е. Сецинского. Каменец-Подольск, 1901.

[2] Археологічні дослідження на території БОГЭС'у в 1930—32 р.р. Київ, 1932, стр. 66.

[3] М. И. Артамонов. Югоподольская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 74; Д. Т. Березовец. Розвідка в верхів'ях р. Південного Бугу. АП, т. III, 1952, стр. 207; О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки, Археологія, т. IX, 1954, стр. 133—141.

[4] Под названием «раннеславянские поселения» мы подразумеваем наиболее ранние из известных на Южном Буге, т. е. поселения V—VII вв.

ложенных ямок, костяной гребень (рис. 2, *4*), а также несколько обломков глиняных сковородок и часть маленького биконического сосудика (рис. 2, *6*).

Другое поселение обнаружено у железнодорожного переезда с левой стороны от дороги Гайсин — Кунковка. Оно занимает нижнюю часть склона плато у слияния двух ручьев.

Непосредственно на берегу Южного Буга раннеславянские поселения выявлены у сел Губник и Щуровцы, Гайсинского района, в с. Ладыжине, Тростянецкого района, в селах Семенках и Самчинцах, Брацлавского района.

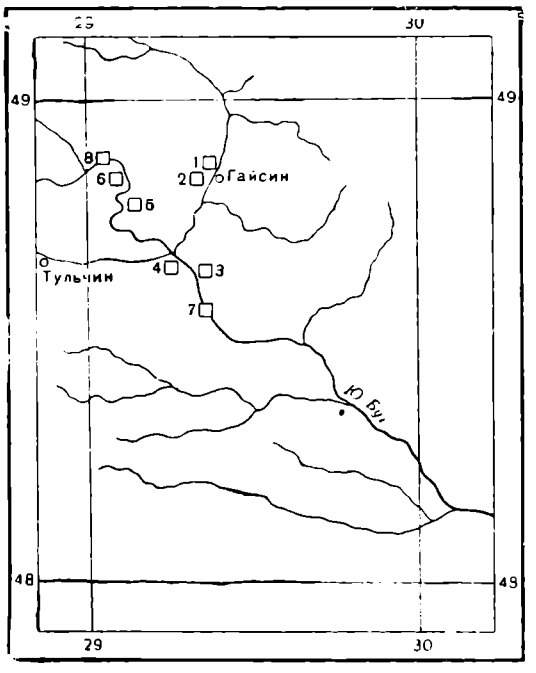


Рис. 1. Карта раннеславянских поселений в средней части Южного Побужья.

1 — Кисляк; *2* — Гайсин; *3* — Губник. уроч. «Сажавка»; *5* — Щуровцы, уроч. «Березина»; *4* — Ладыжин, уроч. «Швейцария»; *6* — Семенки; *7* — Скибинцы, о. Мытковский; *8* — Самчинцы

Поселение Губник находится в урочище «Сажавка», в 1 *км* от села. Вся посуда здесь лепная. В 3 *км* ниже с. Ладыжин против урочища «Швейцария», на широкой надпойме правого берега также были собраны многочисленные обломки лепной посуды, аналогичной кисляцкой.

Культурный слой, относящийся к раннеславянскому времени, установлен на поселении у с. Щуровцы, в урочище «Березина». Оно находится на широкой надпойме левого берега. При зачистке небольшого участка над рекой были найдены обломки трех сосудов, из которых два удалось реставрировать полностью. Около сосудов найдено биконическое глиняное пряслице и ножик (рис. 3, *3, 4*). Сосуды изготовлены из светло-коричневой глины. Первый (рис. 3, *1*) сильно расширен вверху, венчик неровный, слегка отогнут, плечи почти прямые, у другого сосуда (рис. 3, *2*), меньших размеров, бока плавно изогнуты, венчик лишь слегка отогнут.

Наиболее насыщенный находками культурный слой выявлен на поселении у с. Семенки. Летом 1959 г. здесь были раскопаны три жилища, углубленные в материк. Их размеры в среднем 4 × 4 *м*. Прямоугольные каменные печи находились в одном из углов. Значительное скопление обломков сосудов было обнаружено вне жилищ вблизи реки. Здесь найдены два раздавленных сосуда, которые удалось реставрировать (рис. 4, *3, 4*). Поселение у Семенки хронологически одновременно с описанным ниже Мытковским.

Мытковское поселение обнаружено Подольской экспедицией во время разведки летом 1959 г. на о. Мытковском. Он находится между сс. Мытковка и Скибинцы, Тростянецкого района, Винницкой области. Поселение занимает юго-восточную часть указанного острова и расположено непосредственно на берегу Южного Буга. Культурный слой поселения залегает на глубине 0,40 *м* от современной поверхности. Здесь были проведены раскопки на площади 600 $м^2$, в результате которых обнаружены два жилища, два хозяйственных сооружения и несколько ям, заполненных костями животных, рыб, рыбьей чешуей и обломками керамики.

Первое жилище (рис. 5) представляет собой полуземлянку размером 3,5×3,4 *м*, углубленную в материк на 0,5 *м*. По краям полуземлянки хорошо прослежены восемь ям от столбов. Их диаметр и глубина в среднем 0,40 *м*. Почти в центре жилища находилась продолговатая яма глу-

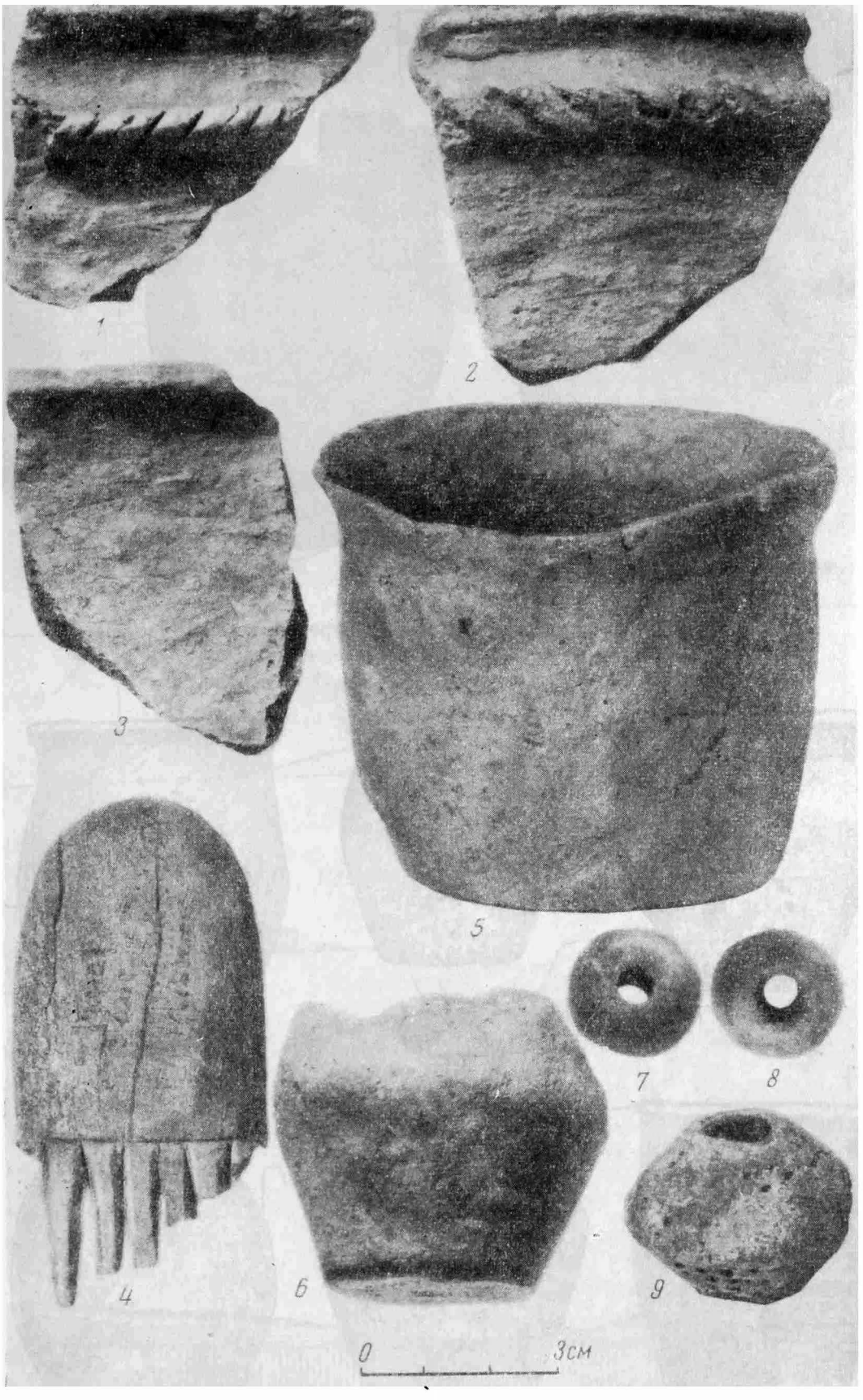


Рис. 2. Находки с поселения у с. Кисляк

Рис. 3. Находки с поселения в урочище «Березино» у с. Щуровцы
1, 2 — сосуды; *3* — пряслице; *4* — нож

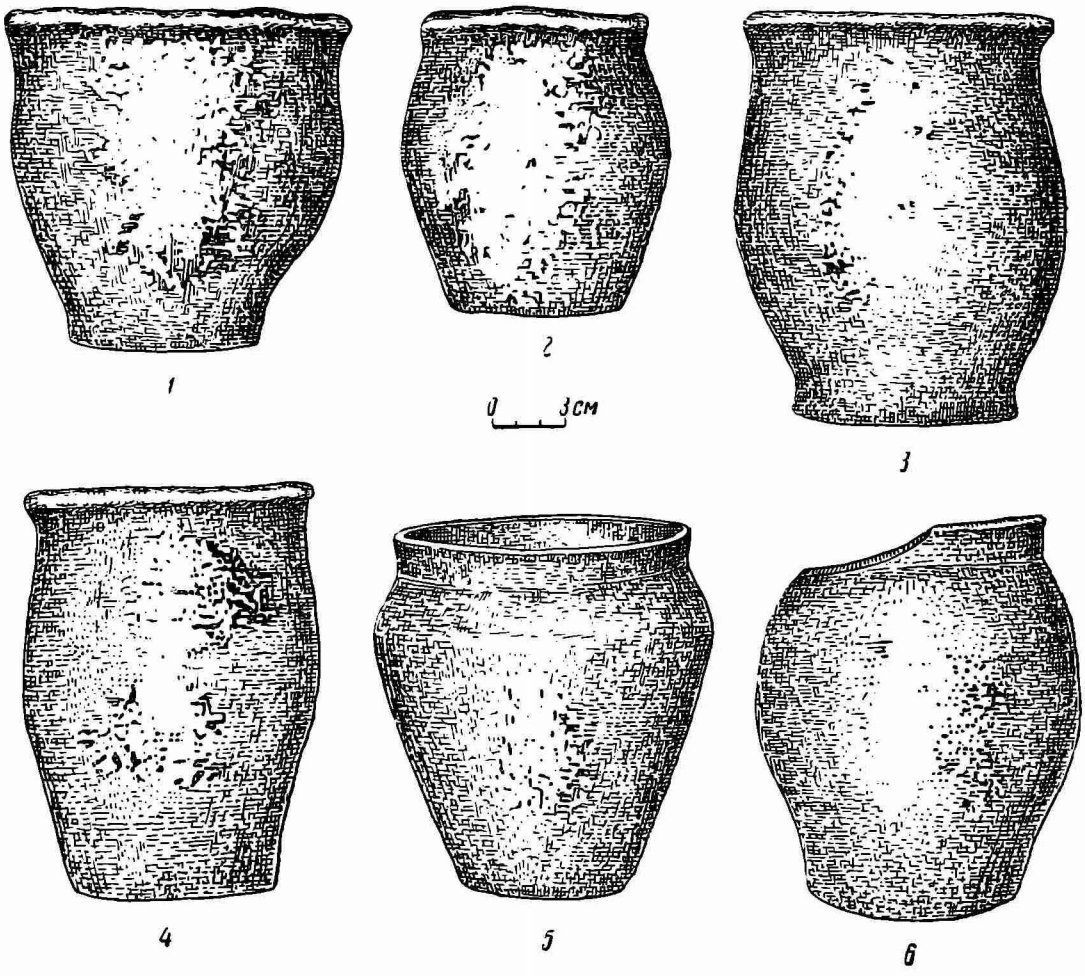


Рис. 4.
1, 2 — керамика из поселения на о. Мытковском у с. Скибинцы (сооружение № 1);
3—6 — керамика из поселения Семенки

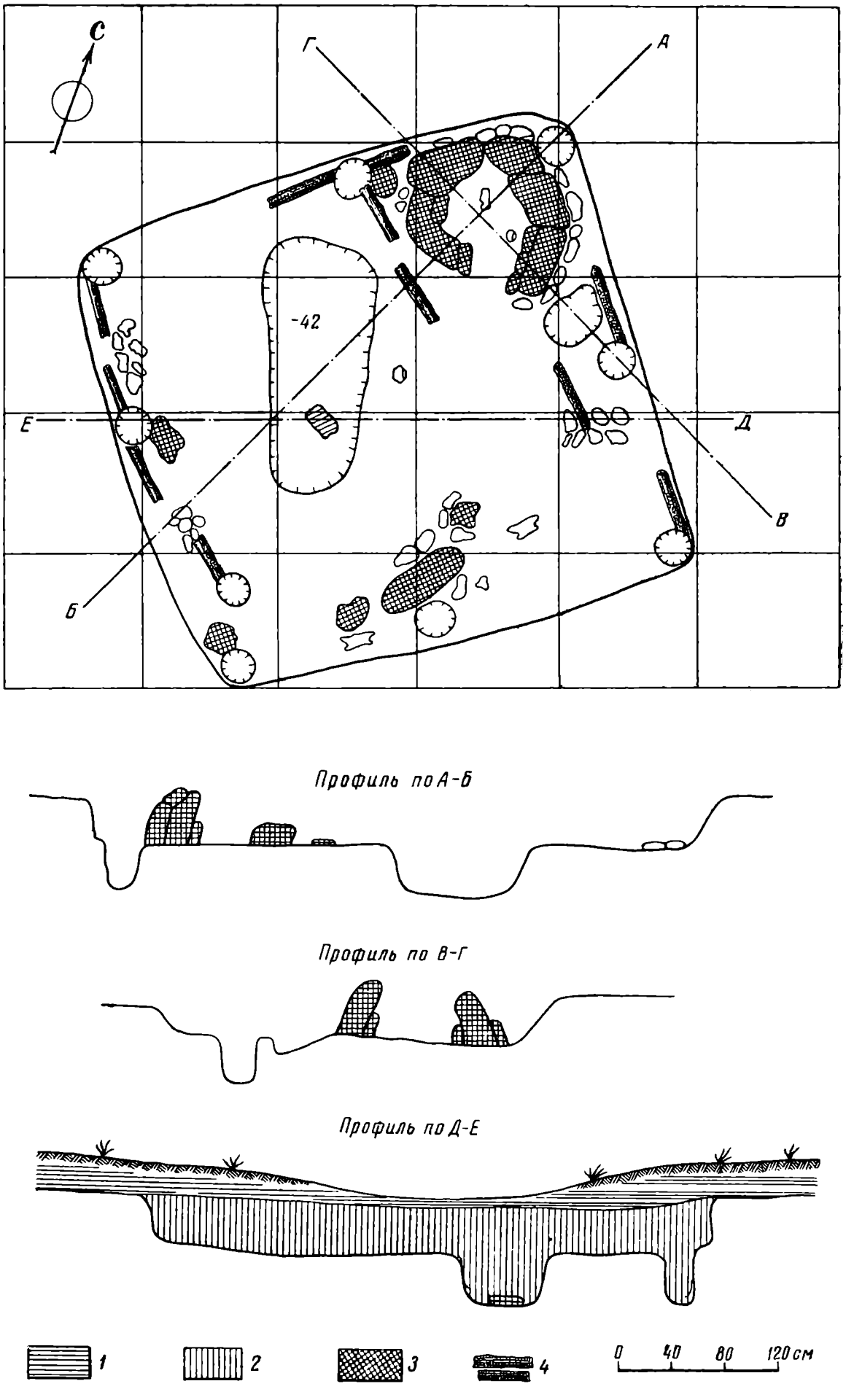


Рис. 5. План жилища № 1 на поселении на о. Мытковском

1 — верхний слой почвы; *2* — заполнение жилища; *3* — камни; *4* — горелое дерево

биной 0,42 *м* и длиной 1,98 *м*, которая, видимо, использовалась для хранения пищи.

Судя по камню, служившему, вероятно, порогом, вход в жилище был с южной стороны. В северо-восточном углу находилась хорошо сохранившаяся печь — каменка. Высота уцелевшей части каменной кладки печи достигала 0,45 *м*, под глинобитный и хорошо сохранился в виде обожженной обмазки. Пол жилища и основание печи находились на суглинке. Углубленные в материк стенки жилища были обложены дубовыми досками, что подтверждается двумя залегавшими один над другим слоями горелого дерева. Кроме этого, остатки горелого дерева обнаружены на всей площади жилища. В жилище найдены четыре пряслица, костяной предмет неизвестного назначения (в печи) (рис. 6, *11*), бронзовая бляшка и многочисленные обломки посуды, концентрировавшиеся в основном вокруг печи. Сосуды лепные коричневого цвета; в большинстве случаев это округлобокие горшки различных размеров, со слегка отогнутым венчиком. На отдельных обломках сохранились остатки налепного валика под краем венчика.

В 40 *м* к югу от первого раскопано второе жилище. Его размеры и очертания проследить не удалось, так как значительная площадь здесь была размыта. Ям от столбов также не обнаружено. Сохранилась лишь печь, прямоугольная в плане на высоту 0,2 *м*. Жилище видимо, мало углублено в материк, его стенки были в виде сруба.

Найдено значительное количество обломков посуды, как и в первом жилище, сконцентрированных у печи и, в отдельных случаях, под ее развалом. Горшки имеют слегка отогнутый венчик и узкое дно. Есть фрагменты венчиков с валиками под краем, а также глиняные сковородки и части биконических сосудов с прямым венчиком. Возле печи найден бронзовый массивный браслет с утолщенными концами, без орнамента (рис. 6, *2*).

В первом хозяйственном сооружении не обнаружено печи — по-видимому, это была мастерская. В плане она прямоугольная, площадью 3,6××3,9 *м*. В центре находилась яма от столба глубиной 0,47 *м*, диаметром 0,4 *м*. Заполняющий материал концентрировался в виде отдельных скоплений на глубине 0,4—0,5 и 0,5—0,9 *м* от современной поверхности, без всякой стерильной прослойки. На глубине 0,44 *м* обнаружены две литейные формы. На глубине 0,7 *м* в зольном слое среди обломков посуды найдена бронзовая пластина в виде фигурки бегущего льва, по стилю идентичная известным фигуркам из Мартыновского клада[5]. В сооружении найдено много обломков керамики; два сосуда удалось реставрировать полностью (рис. 4, *1, 2*) и два — частично; здесь же найдено много обломков тигельков, куски шлака, зола, ребра животных со следами заполировки от употребления, пряслице, проколка и подвеска из кости (рис. 6, *10, 12, 14*), железный нож (рис. 6, *6*) и какой-то железный предмет. Вне сооружения прослежено пятно обожженной глины, в которой найден кусок шлака. Грунт в этом месте был прокален на глубину более 0,5 *м*.

В 10 *м* от первого сооружения раскопано второе; их разделяла между собой огромная глыба материкового гранита. Сооружение ориентировано сторонами точно по странам света. В плане оно почти квадратное с размерами сторон 3,7×3,6 *м*. В центре и на двух боковых сторонах сооружения находились ямки глубиной 0,25 *м* и диаметром 32—35 *см*. В его заполнении найден точильный брусок, несколько кусков жерновых камней, шлак, железная руда и много обломков глиняной посуды.

В раскопе № 5, около первого жилища, обнаружена хозяйственная яма. Контуры ее ясно прослеживались с глубины 0,4 *м* и до глубины 1,23 *м*. Заполнение состояло из золы, угля, обломков посуды и костей. На поселении выявлены еще две плохо сохранившиеся ямы с аналогичным заполнением, одна из них находилась на берегу реки.

---

[5] Б. А. Рыбаков. Древние Русы. СА, XVII, 1953. стр. 76.

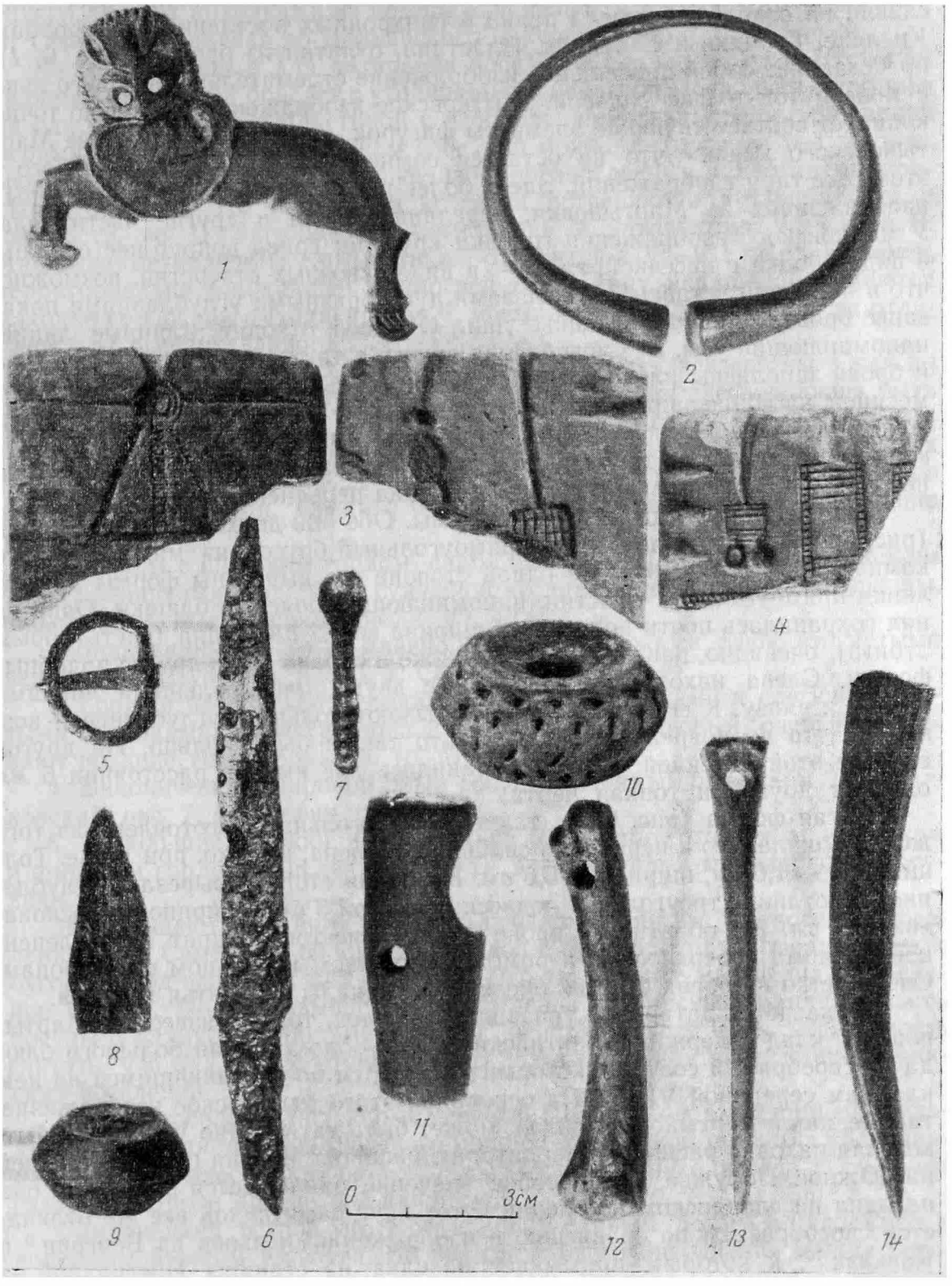


Рис. 6. Поселение на о. Мытковском

1 — изображение льва; *2* — бронзовый браслет из жилища № 2; *3, 4* — литейные формы из сооружений № 1; *5* — железная пряжка; *6* — нож; *7* — бронзовая булавка; *8* — обломок ножа; *9, 10* — прясла; *11—14* — предметы из кости

Бронзовая пластина с изображением льва, найденная в первом сооружении, дает возможность определить время существования поселения славян на о. Мытковском, а равно и синхронных поселений в Шуровцах, Кисляке, Губнике и Семенках. Пластина, отлитая из бронзы (рис. 6, *1*), представляет собой профильное изображение стремительно бегущего льва с повернутой в фас головой. Мытковское изображение настолько точно копирует соответствующие элементы фигурок, имеющихся в составе Мартыновского клада [6], что не остается сомнений в принадлежности его к этому же типу изображений. Здесь более реалистично, чем в зооморфных изображениях из Мартыновки, переданы голова и другие части тела. У мытковского изображения головка круглая; грива вокруг нее сделана в виде ободка с насечкой, глаза — в виде сквозных отверстий, возможно, что в них были вставки. Над глазами дугообразными углублениями показаны брови, хорошо переданы уши. От носа отходят длинные линии, напоминающие усы. Все углубления гривы, а также ромбик на боку льва и брови заполнены плохо сохранившейся эмалью. Лапы имеют вид полумесяцев, на конце задней сделаны характерные для мартыновских изображений вырезы. На изгибе передней лапы имеется вырез, очевидно для крепления нитками. Размеры фигурки: длина с головы до конца задней лапы — 8 *см*, высота с головы до конца передней лапы 4,9 *см*.

Не менее интересны литейные формы. Обе они двухсторонние. Первая (рис. 6, *4*) представляет собой прямоугольный брусок из мягкого серого камня, толщиной 1,2 *см*. На одной стороне его вырезаны формы для отливки прямоугольных пластин, напоминающих поясные бляшки. Одна из них сохранилась почти полностью, ширина ее 1,2 *см*, длина (часть формы отбита), очевидно, равнялась 2,4 *см*, ниже и справа были другие подобные формы. Слева находится квадратик с двумя параллельными линиями вверху и внизу. К его основанию примыкают кольцо и углубление — возможно, что до повреждения формы это также было кольцо. На другой стороне этой литейной формы сохранились две ямки в расстоянии 6 *мм* одна от другой и тонкая черта.

Другая форма (рис. 6, *3*), также прямоугольная, изготовлена из того же материала, что и первая, но сильно прокалена, видимо, при литье. Толщина ее — 1,6 *см*, ширина — 5,6 *см*. На одной стороне вырезано углубление для отливки треугольной подвески высотой 3 *см* и шириной по основанию 2,5 *см*. На обратной стороне формы имеется квадрат с расчлененной линиями поверхностью и ромбик с кружком и кольцом по сторонам. Очень четко на обеих формах обозначены каналы для литья металла.

Что касается датировки указанных находок, то, как известно, Мартыновский клад содержит византийские вещи: обломок края большого блюда [7] и серебряный сосудик, который датируется по сохранившимся на нем клеймам серединой VI в. [8]. На основании этого мытковское изображение, так же, как и мартыновский клад, может быть датировано V—VI вв. Мытковская находка расширяет территорию распространения подобных вещей на Южное Побужье, и ее особое значение заключается в том, что она найдена на славянском поселении. Этот круг памятников все же отличается своеобразием по сравнению с изображениями львов из Венгрии [9] и Кавказа [10], к которым примыкает находка из станицы Преградной на р. Урупе [11]. Он пока не выходит за пределы Побужья и территории, на

---

[6] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 76 сл.

[7] Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье. МИА, № 1, 1940, стр. 140.

[8] Там же, стр. 153.

[9] J. Hampel. Alterthumer des frühen Mittelalteres in Ungarn, T. II, Braunschweig, 1905, стр. 393, рис. 15.

[10] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб., 1890, рис. 137, стр. 121.

[11] Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 133—137.

которой найдены Хацковский, Колосковский, Ново-Одесский, Мало-Ржавецкий и другие клады [12], отличающиеся некоторыми характерными только для них находками из комплексов вещей, известных на территории от Северного Кавказа до Балканского полуострова.

Не менее важным для датировки поселения славян на о. Мытковском является бронзовый браслет с утолщенными концами. Поскольку он найден на одном поселении с пластиной с изображением льва, среди однотипной керамики и в одном культурном слое, его можно датировать тем же временем, что и указанное изображение. Многочисленные аналогии мытковскому браслету это подтверждают. Они встречаются в Прибалтике, в частности, во II Эйгуляйском могильнике и датируются V—VI вв. [13]. Аналогичные браслеты Крыма также относятся к V—VII вв. [14]. Наконец, территориально ближайшей аналогией этому типу украшений являются находки со Среднего Поднепровья [15], время которых существенно не отличается от вышеуказанного.

Могильники побужских поселений пока остаются неизвестны. Судя по аналогиям с других территорий, обрядом погребения здесь должны быть трупосожжения в урнах и без урн в неглубоких ямах.

Суммируя вышесказанное о керамическом комплексе раннеславянских поселений Южного Побужья V—VII вв., можно сделать вывод, что он весьма разнообразен. Среди глиняной посуды выделяются следующие типы.

1. Сосуды с широким горлом, слабо отогнутыми, ровно заглаженными сверху венчиками, с сильной суженной ко дну нижней частью (Щуровцы, рис. 3, *1*; о. Мытковский, рис. 4, *1*).

2. Банковидные сосуды с плавно изогнутыми боками, слабо отогнутыми венчиками (Щуровцы, рис. 3, *2;* Семенки, рис. 4, *3, 4*).

3. Горшки небольших размеров с округлыми боками и слегка отогнутыми венчиками, диаметр горла и дна почти одинаковый, очень напоминают поздние типы керамики (о. Мытковский, рис. 4, *2*).

4. Биконические широкогорлые сосуды с прямым венчиком (о. Мытковский, рис. 7, *6*; Кисляк, рис. 2, *6*).

5. Небольшие кружки или сосудики со слабо отогнутым венчиком и широким горлом (Кисляк, рис. 2, *5*), встречаются и миниатюрные сосудики.

Заслуживают внимания неоднократные находки на Мытковском поселении и в Семенках обломков сосудов с орнаментом из продолговатых бугорков под венчиком или на стенке сосуда, а также месяцевидных налепов (рис. 7, *1—5*). Вызывает пока сомнение славянская принадлежность посуды с валиковым орнаментом под венчиком, хотя есть возможность считать, что она, как составная часть, входила в комплекс раннеславянских поселений.

Другое поселение, раскапывавшееся Подольской экспедицией, находится в Самчинцах Брацлавского района Винницкой области. Раскопанная площадь здесь составила 420 *м*^{2}. Поселение находится в 1 *км* выше села, на острове против с. Салинец.

Самчинецкий остров до 1955 г. был единым целым с надпоймой и коренным берегом Ю. Буга. Во время сильного наводнения между берегом и теперешним островом образовалась протока, которая заливается лишь при высоком уровне воды. Еще в 1956 г. было обращено внимание на несколько мест скопления камней, обнаженных смывом верхних слоев

---

[12] Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 55, 65, 69, 75, рис. 7а, 12, 13, 16.

[13] J. Puzinas. Naujausiu proistoriniu turinejimu duomenus. Kaunas, 1938, стр. 77—78, рис. 56—57. Табл. XXXII.

[14] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 19, 25, 32, табл. XI, *9, 10, 13, 16.*

[15] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. Предметы из золота и серебра, вып. IV, Киев, 1901, стр. 24, табл. XIII, *376.*

земли (более 50 *см*) на значительной части острова. Они оказались печами, разрушенными в верхней своей части. Во время раскопок установлено наличие здесь 14 жилищ. Часть из них была уничтожена размывами. Все они в основном располагались вдоль берега р. Южного Буга (рис. 8).

Жилища представляли собой квадратные полуземлянки, углубленные в материк на 0,3—0,5 *м*, со стенами всруб, размером 4 × 4 *м*. В правом

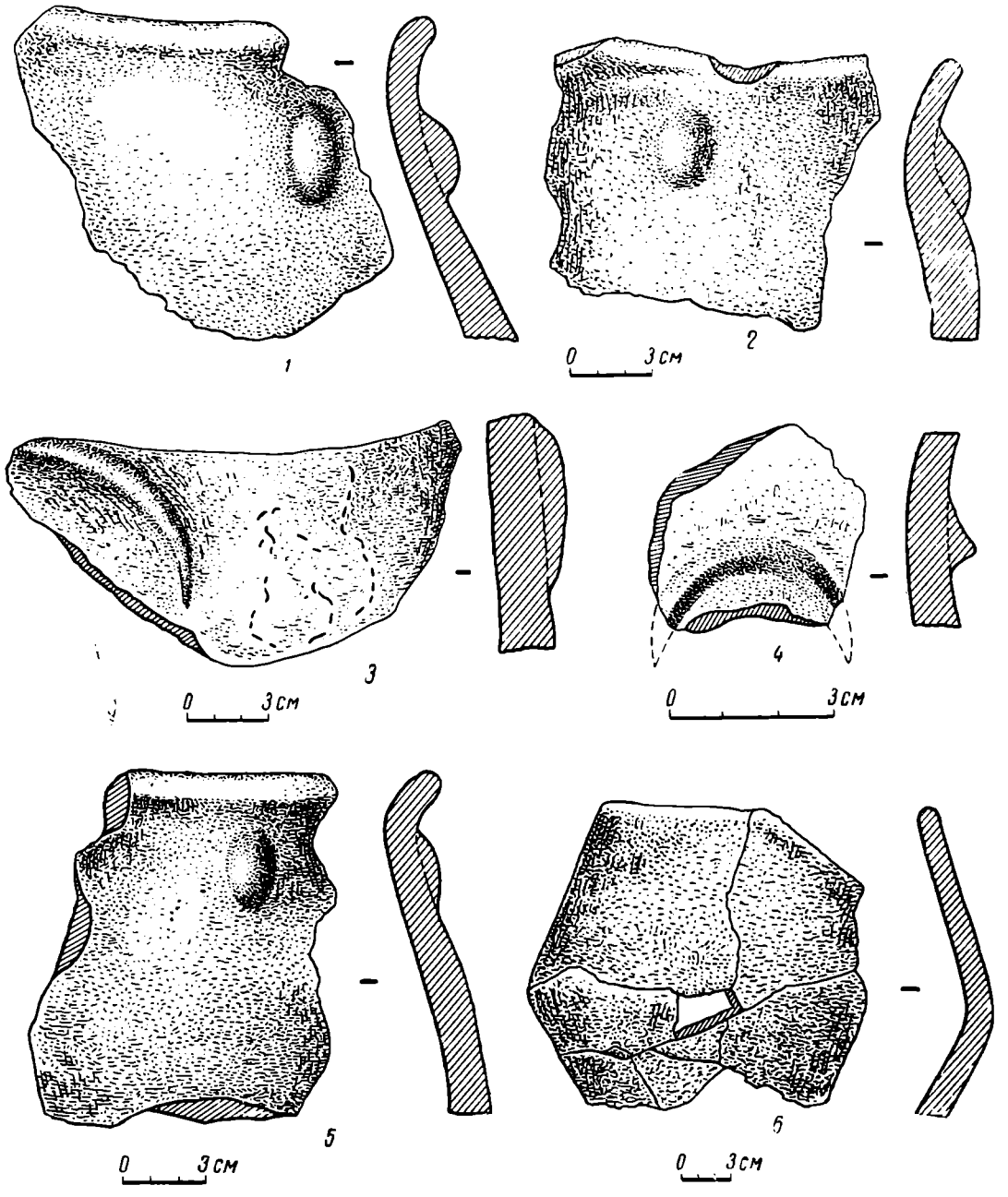


Рис. 7. Керамика с налепным орнаментом из поселения Семенки
4, 5 — из поселения Скибинцы

углу жилища находилась каменная прямоугольная печь. В отдельных жилищах печи сохранились очень хорошо (жилища № 3, 4, 13). Они имеют размеры внутри: 0,8—0,9 *м* в длину и 0,4—0,5 *м* в ширину. Две стенки в каждой печи сохранили прямоугольную форму, что подтверждает их расположение в углу помещения у самой стенки. Стенки печей складывались из гранита, однако следов скрепляющей глины не обнаружено. Под набивался глиной и в отдельных случаях хорошо сохранился в виде

обожженного слоя. Только в одном жилище № 9 подом печи служила тонкая гранитная плита. Печь больше обычных размеров находилась в жилище № 13 (рис. 9). Длина ее внутренней части 1,2 *м*, а ширина 0,4 *м*. Между печью и стеной жилища имелась дополнительная каменная кладка, которая, видимо, предохраняла деревянные стены от нагрева-

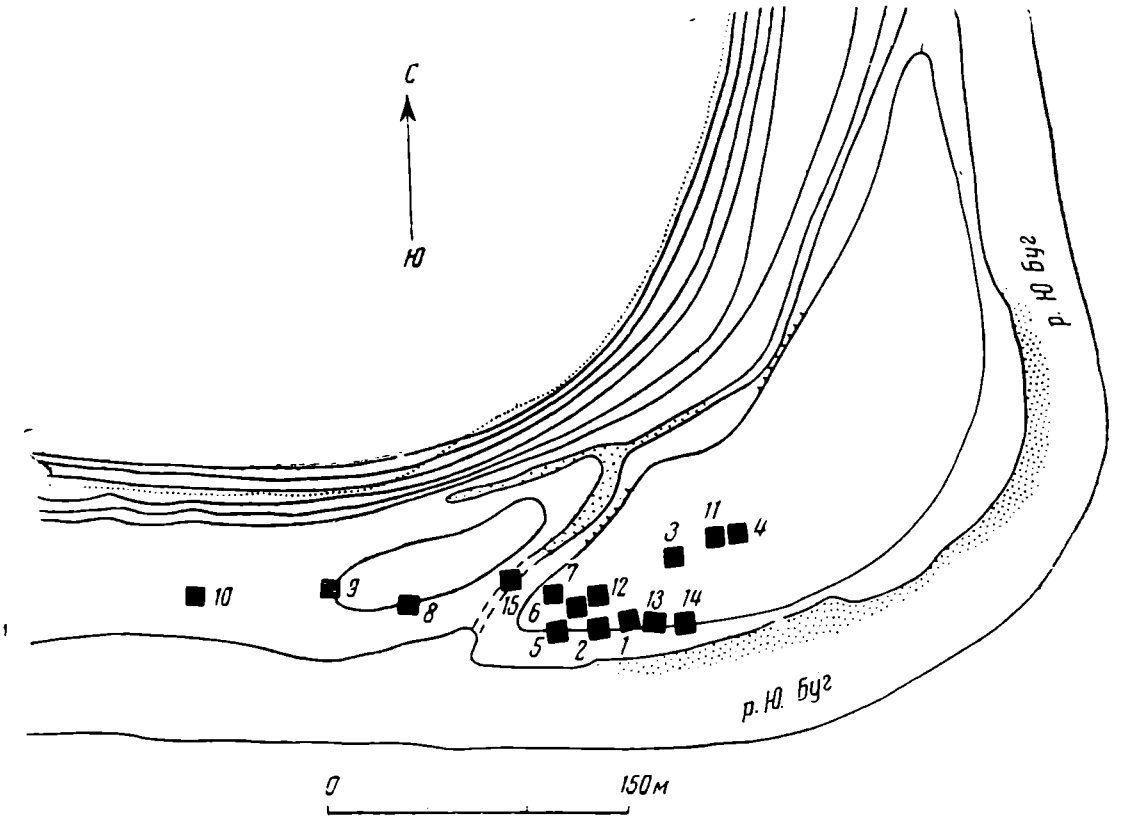


Рис. 8. Топографический план поселения Самчинцы (черными квадратами обозначены жилища, №№ 14 и 15 — разрушены наводнением)

ния и пожара. Керамический материал на поселении бедный, он отличается от посуды поселений V—VI вв. в Скибинцах, Семенках и других пунктах техникой изготовления; сохраняя некоторые общие черты сходства с ранней керамикой (рис. 10), профили сосудов и их венчики здесь другие.

В Самчинцах нет орнамента из валиков и бугорков на стенках сосудов. Если на Мытковском, и синхронных ему поселениях, керамика с отогнутым венчиком и округлыми боками немногочисленна, то в Самчинцах она является основной. Венчики сосудов сильно отогнуты, стенки округлы, дно хотя и узкое, но не имеет выступов, характерных для мытковской керамики. Биконические сосуды отсутствуют.

Из металлических находок интересна часть пряжки(?) с изображением, напоминающим лошадь (на оборотной стороне имеются два выступа с отверстиями для крепления (рис. 10, *8*)). На незначительной части изображения сохранилась серебряная обкладка. Кроме того, найдены: железный нож, бронзовая пластинка, согнутая в трубочку, с орнаментом из мелких круглых углублений по всей поверхности, кусочек бронзы — отход, получившийся при литье в форме. Все эти вещи найдены вне жилищ, но в непосредственной близости от них. Между жилищами найдены кучи железной руды, шлак, а на берегу реки — нижняя часть разрушенной железоплавильной печи. Вблизи жилища № 13 также имелись остатки железоплавильной печи. На поселении обнаружена бронзовая фибула, не связанная, очевидно, со славянским культурным слоем.

Самчинецкое поселение пока единственный памятник славян, выявленный в Среднем Побужье, который по своему археологическому комплексу является промежуточным звеном между поселениями V—VI в. и памятниками типа Луки-Райковецкой [16]. Предположительно его можно датировать VII в.

Что касается аналогий побужскому раннеславянскому материалу, то его можно видеть в исследованных поселениях на Тясмине в урочище Молочарня [17], а также у с. Стецовки [18].

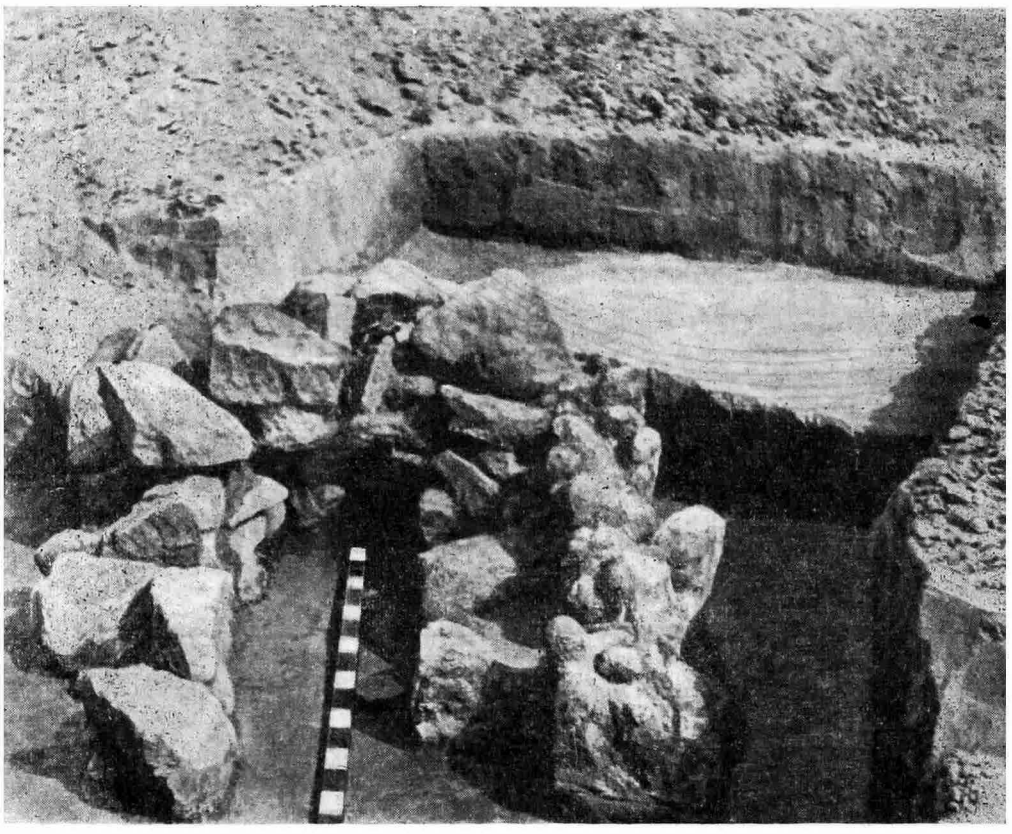


Рис. 9. Печь из жилища № 13

Известный интерес для сравнения с побужским материалом имеют материалы раскопок Э. А. Сымоновича на городище Колочин I в Южной Белоруссии [19]. Колочинская керамика имеет большое сходство с побужской. На раннеславянских поселениях Среднего Буга среди сосудов также имеются биконические формы, но без валика на перегибе сосуда; последний встречается лишь у края венчика, который иногда отогнут наружу или прямой, как и у колочинских сосудов [20].

Сопоставление побужского керамического материала с польским и чешским (пражский тип сосудов) приводит к выводу, что раннесредневековая керамика западных славян в общих чертах была близкой с восточнославянской. Что же касается румынских памятников, то они свидетельствуют о продвижении славян в VI—VII вв. на эту территорию и даль-

---

[16] В. К. Гончаров. Посад і сільські поселення коло Райковецького городища. АП, т. I, 1949, стр. 32, 34.

[17] Т. Березовец. Славянские поселения в устье Тясмина. КСИА, вып. 8, стр. 37.

[18] Е. Ф. Покровская, Г. Т. Ковпаненко. Раскопки около сел Калантаева и Стецовки на Тясмине в 1956 г. КСИА, вып. 8, стр. 30, рис. 4, *1, 4, 6, 7.*

[19] Э. А. Сымонович. Раскопки городища Колочин I в Южной Белоруссии. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 70.

[20] Там же, рис. 30, *6, 12.*

ше на Балканский полуостров. К этому типу памятников относится могильник из Сэрата Монтеору (область Плоешти), где найдены урны с трупосожжениями, пряжки, пальчатые фибулы и другие предметы. Исследователь могильника Ион Нестор датирует его VII в.[21].

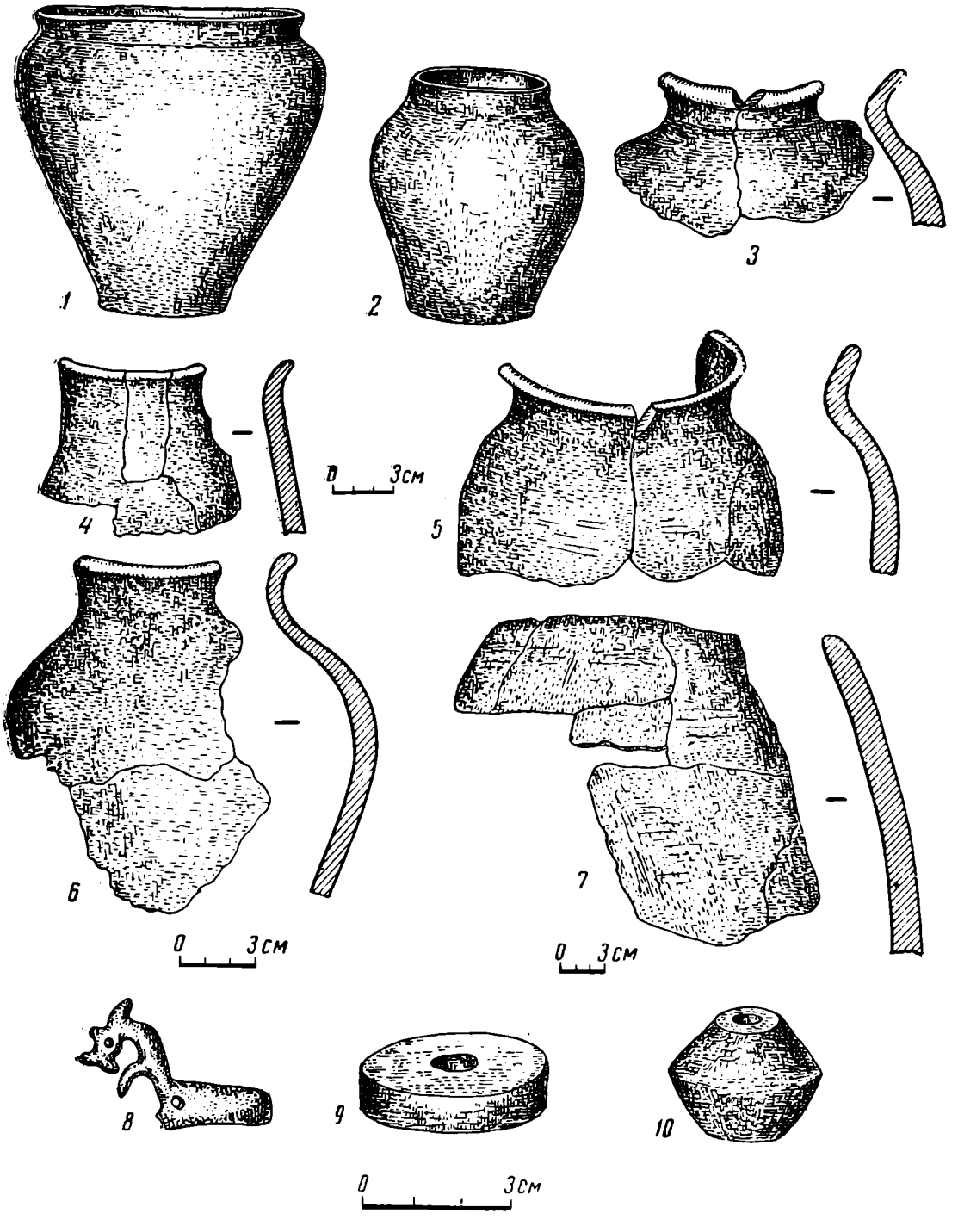


Рис. 10. Находки с поселения Самчинцы

Сюда относится также поселение из урочища «Шипот», около города Сучавы, которое датируется VI — началом VII в.[22] и находки в Спанцове, на берегу Дуная[23].

---

[21] J. Nestor. La nécropole slave d'époque ancienne de Sĕrata Monteoru Dacia. Revue d'archéologique et d'histoire ancienne, т. I, 1957, стр. 289 сл.

[22] D. Matei Mircea. Contributii la cuncoasterea cermicii slave de la Suceava. SCIV, № 2 anul X, 1959, стр. 432 сл.

[23] M. Bucur. Археологические раскопки в Спанцове. Краткое содержание на русском языке, SCIV, № 1-2, anul IV, 1953, стр. 235, рис. 19.

На территории Польши интересным памятником этого типа является могильник с трупосожжениями в Миедзиборузе под Варшавой [24].

Обращает на себя внимание тот факт, что на территории Польши и Чехословакии среди ранней славянской керамики на отдельных сосудах встречается орнамент из бугорков и налепов в виде полумесяца, которые помещались на стенке сосуда или под венчиком. Польский археолог П. Марциняк, нашедший такую керамику в Злоте, Сандомирского повита, датирует ее IV—V вв. н. э. [25]. Керамику с аналогичным орнаментом из могильника в Ланжготе Бржецлавского района в Моравии. И. Поулик датирует V в. [26]. В исследованных поселениях на Среднем Буге славянская керамика с подобным орнаментом (рис. 7, *1*, *5*) составляет значительный процент. Именно на этом основании мы считаем возможным полагать, что подобную керамику в Семенках, Скибинцах, о. Мытковском и других одновременных им поселениях в Побужье можно датировать временем V в. н. э. Попытка найти аналогии этому типу керамики приводит нас к памятникам зарубинецкой культуры. Такой орнамент нередко встречается в Зарубинецком могильнике [27] и могильнике у с. Вишеньки [28], а также в Корчеватовском могильнике [29]. Однако побужские поселения отделяются от зарубинецкой культуры хронологическим разрывом примерно в три столетия. Кроме того, загадочной является еще и керамика с украшением из валика под венчиком. Можно думать, что на территории распространения зарубинецкой культуры должны существовать промежуточные памятники, т. е. позднезарубинецкие, после обнаружения которых представится возможность проследить связь славянских памятников середины I тысячелетия н. э. с зарубинецкой культурой, в частности станут ясными истоки появления среди славянской культуры этого времени сосудов с валиками под венчиком. Что же касается западной территории, т. е. Польши, то К. Яждженским в настоящее время прослежена преемственность развития славянской керамики со II в. н. э., т. е. начиная от позднепшеворской группы памятников венедской культуры [30] до средневековых славянских памятников.

Приведенная выше характеристика керамики из Южного Побужья и ее сходство с западной керамикой, в частности Польши, вероятно, подтверждает мнение М. И. Артамонова о существовании связи между памятниками полей погребений Среднего Поднепровья с высоцкой культурой [31].

Известные в настоящее время памятники славян на Среднем Буге, как установлено достаточно убедительно, датируются V—VII в. Они свидетельствуют о том, что собственно славянские поселения появляются на территории Среднего Побужья непосредственно после того, как здесь прекращают свое существование поселения черняховской культуры, т. е. в IV — начале V в. В связи с этим уместно отметить, что черняховская культура не являлась главным звеном в культурном развитии восточных славян в период сложения их культуры.

Это видно из того, что раннеславянская культура Побужья и Среднего Поднепровья середины I тысячелетия н. э. совершенно отличается от чер-

---

[24] Wl. Bernat. Wczesnośredniowiecne cmentarzysko cialopalne w Miedzyborowie pod Warszawa. Archeologicke rozhledy. CSAV, Rocnik VII, 1955, Sešyt 3, стр. 348 сл., рис. 174—176.

[25] J. Marzinjyak. Przyczynki do zagadnienia ciaglosti osadnictwa na ziemiach Polskich w świetle badań wykopalyskowych w Zlotey w pow. Sandomierskim. WA. т. XVI, 1939, стр. 236—237, табл. XXXVII, *1*.

[26] J. Poulik. Staroslovanska Morava, Praha, 1948, стр. 181, 186, табл. VI, *3*, *4*.

[27] В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 39, рис. 1, *2*.

[28] В. П. Петров. Ук. соч., стр. 52, рис. 6, *2*, *3*.

[29] И. М. Самойловский. Корчеватовский могильник. МИА, № 70, табл. V, *94*, *96*, *102*, *103* и др.

[30] K. Jazdzewski. Uwagi o chronologii ceramiki zachodnoslowianskiej-Wczesnego średniowiecza Przegląd archoelogiczny, т. IX, Poznań — Wrocław, 1958, стр. 153 сл.

[31] М. И. Артамонов. Венеды, невры и будины в славянском этногенезе. Вестник ЛГУ, № 2, 1946, стр. 84.

няховской как способом изготовления и составом материала, так и формами посуды, а также предметами украшений и др. Топографическое расположение поселений совсем иное. Типы жилищ, печи-каменки — наиболее характерны для славян.

Мнение о том, что черняховская культура не связана со славянской культурой середины I тысячелетия н. э., уже высказали М. И. Артамонов [32], И. И. Ляпушкин [33], В. Н. Даниленко [34]. В Южном Побужье нет памятников, которые принадлежали бы к этой культуре и датировались более поздним или тем же временем, что и раннеславянские поселения.

На основании имеющегося археологического материала из Южного Побужья возможно проследить преемственность развития в культуре славян от раннего средневековья до культуры Киевской Руси. Эта преемственность прослеживается от ранних поселений типа Кисляка, Щуровец, Семенок, Скибинец на о. Мытковском (V—VI вв.) к Самчинецкому поселению. Последнее является промежуточным звеном, связывающим ранние поселения с памятниками типа Луки Райковецкой [35] и Григоровки [36], а также с поселениями Среднего Побужья в Семенках и Коржовке (Врацлавского района), Захарашевке (Тульчинского района), Кошаринцах (Тростянецкого района) и Маньковке (Бершадского района) Винницкой области. За ними следуют более поздние поселения и городища с посадами. Эти памятники на территории Среднего Побужья достаточно точно датируются Копиевским [37] и Юрковецким [38] кладами.

Многочисленный материал из кладов и случайных находок VI—VII вв., к комплексу которых принадлежит и Мартыновский клад, А. А. Спицын предложил называть антскими [39]. В настоящее время, когда известна керамика, связываемая с этими древностями, это предложение приобретает важный смысл. Дальнейшее изучение славянских поселений Среднего Побужья, характеризующихся древностями VI—VII вв.— этого наименее изученного здесь периода в истории славян, должно привести к окончательным выводам об их племенной принадлежности.

---

[32] М. И. Артамонов. Славяне и Русь. Научная сессия ЛГУ 1955—1956 гг. (Тезисы докладов секции исторических наук). Л., 1956, стр. 3—6.

[33] И. И. Ляпушкин. Материалы к изучению Юго-восточных границ восточных славян, VIII—X вв. КСИИМК, вып. 12, 1946, стр. 118.

[34] В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 27—29.

[35] В. К. Гончаров. Ук. соч., стр. 32 и 34.

[36] М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 107—110 и др.

[37] Н. Лінка-Геппенер. Копиівский скарб. Археологія, т. II, 1948, стр. 182—191.

[38] Г. Ф. Корзухина. Русские клады. IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 84.

[39] А. А. Спицын. Древности антов. Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 422—495.

В. Б. ДЕОПИК

КЛАССИФИКАЦИЯ БУС ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VI—IX вв.

Данная работа посвящена исследованию бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. н. э. и является непосредственным продолжением классификации бус Северного Кавказа IV—V вв. [1].

Задачей настоящей работы является классификация и описание бусенного материала, выделение групп и отдельных типов бус, по которым можно было бы датировать могильные комплексы.

Для этого мною использован материал из могильников VI—IX вв. Восточного и Центрального Предкавказья, Черноморского побережья Кавказа, Крыма и бассейна Северского Донца. Полностью статистически исследованы 9757 бус из северокавказских могильников, 1205 экз. из Салтовского могильника и 8219 экз. из крымских могильников.

В своей классификации я выделяю два хронологических периода бытования типов бус, имеющих свои характерные особенности в каждом периоде. Первый период охватывает время VI—VII вв. н. э. Второй период распространяется на VIII—IX вв.

К первому периоду (VI—VII вв.) по моей классификации относятся бусы, происходящие из погребений следующих могильников: 3019 экз. из 56 погребений Чир-Юртского катакомбного могильника предгорного Дагестана [2]; 125 экз. из трех погребений Большого Буйнакского кургана [3]; 173 экз. из трех катакомб могильника Чми [4]; 226 экз. из трех катакомб Архонского могильника [5]; 891 экз. из первой части Борисовского могильника [6]; 935 экз. из 19 подбойных могил Баклинского могильника [7] и 1244 экз. из 19 погребений могильника Суук-Су в Крыму [8].

Ко второму периоду классификации (VIII—IX вв.) относятся бусы, обнаруженные в следующих погребениях: 1205 экз. из 25 катакомб Салтовского могильника [9]; 622 экз. из могильника Бежта в Нагорном Дагеста-

---

[1] В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3, стр. 48—65.

[2] Очерки истории Дагестана, т. I, Махач-Кала, 1957, стр. 41. Выражаю благодарность Г. А. Даниялову и Н. Д. Путинцевой за предоставление этих материалов.

[3] A. A. Zakharov. Contributions to Caucasian Archaeology. ESA, т. V, Helsinki, 1930, стр. 183—217.

[4] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 189 сл.

[5] Материал не опубликован, хранится в музее г. Орджоникидзе. Выражаю благодарность Е. Г. Пчелиной за предоставление этих материалов.

[6] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 75—219.

[7] Этот могильник в течение 1958—1960 гг. раскапывался экспедицией Крымского филиала АН СССР под руководством Е. В. Веймарна, которому, пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность за предоставление в мое распоряжение этого огромного и в высшей степени ценного, прекрасно документированного материала до его полной научной обработки самим автором раскопок.

[8] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ч. I, ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 1 и сл.; ч. II, ЗООИД, 1914, стр. 1 и сл.; его же. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году. ИАК, вып. 30, СПб., 1909, стр. 105—111.

[9] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14—31. Нами использованы коллекции, хранящиеся в Государственном Историческом музее.

ье.[10]; 477 экз. из восточного отделения склепа Агач-Калинского могильника в Предгорном Дагестане [11]; 218 экз. из склепа в могильнике Гапшима в горном Дагестане [12]; 1281 экз. из 16 катакомб могильника Чми в Северной Осетии; 641 экз. из 9 катакомб могильника Гоуст (Гоуздок) в Чечено-Ингушской АССР [13]; 577 экз. из 11 катакомб могильника Архон в Северо-Осетинской АССР; 457 экз. из двух подкурганных погребений у с. Лац (там же) [14]; 84 экз. из 7 погребений могильника Комунта «Царца» (там же) [15]; 550 экз. из 12 катакомб могильника Балта (там же) [16]; 421 экз. из катакомбного могильника Песчанка в Кабардино-Балкарской АССР [17]. На всех прилагаемых в этой статье таблицах под обозначением С.Х.О.Г.А. объединены погребения из могильников Садона, Хазнидона, Орджоникидзе [18], Галиата [19] и Алкуна [20], откуда в нашу классификацию вошло 150 экз. бус. Использованы бусы из катакомбного могильника Дуба-Юрт в Чечено-Ингушской АССР [21]; 446 бус из III группы погребений Борисовского могильника на Черноморском побережье Кавказа; 6042 экз. бус из 119 склепов Баклинского могильника близ с. Скалистое около Бахчисарая.

Располагая в своем материале большими числовыми данными, мы должны для обработки массового материала применить статистический метод. В последнее время успешно развивается приложение теоретико-вероятностных методов в области не только естественных наук (биология, химия, физика) [22] и техники [23], но и гуманитарных наук (экономика, языкознание) [24].

---

[10] Отчет Д. М. Атаева за 1957 г. Архив Института археологии АН СССР, дело № 6587. Выражаю благодарность Д. М. Атаеву за предоставление материалов.

[11] К. Ф. Смирнов. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 113—119. Пользуюсь возможностью высказать глубокую благодарность К. Ф. Смирнову за предоставленные материалы.

[12] Очерки истории Дагестана, т. I, Махач-Кала, 1957, стр. 31. Выражаю благодарность В. Г. Котовичу за предоставление материалов.

[13] ОАК за 1889 и 1890 гг., СПб., 1890, 1891, стр. 72—73, стр. 96 и сл.

[14] Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац. Тр. СА РАНИОН, т. IV, М., 1928, стр. 408 и сл.

[15] Материал не опубликован, хранится в музее г. Орджоникидзе.

[16] ОАК за 1897 г., стр. 46—47; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, М., 1908, стр. 131—138.

[17] ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 124 и сл.

[18] Материал не опубликован; хранится в музее г. Орджоникидзе.

[19] Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции Государственного Исторического музея 1935 г.). Изв. Северо-Осетинского научно-исслед. института, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 144—145; его же. Галиатский могильник, как источник по истории алан-осов. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 113—121.

[20] Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 110—120.

[21] А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Грозный, 1938. Статистические подсчеты не проведены, поскольку по изданным рисункам (не цветным) не всегда удается выяснить тип бус, о которых идет речь, а в музее г. Грозного коллекции 1936 г. сохранились не полностью. Поэтому мы указываем наличие типов в таблицах знаком плюс.

[22] Э. Майр, Э. Линсли, Р. Юзингер. Методы и принципы зоологической систематики. М., 1954, стр. 152—185; Д. Д. Финни. Применение статистики в опытном деле. М., 1957; Р. Фишер. Статистические методы для исследователей. М., 1958; Б. Л. Ван дер Варден. Математическая статистика. М., 1960; В. В. Налимов. Применение математической статистики при анализе вещества. М., 1960.

[23] Р. Беккер, Г. Плаут, И. Рунге. Математическая статистика в применении к проблемам массового производства. М., 1933; Э. Пирсон. Статистические методы в применении к стандартам и к контролю качества продукции в промышленности. М., 1939.

[24] Ф. Миллс. Статистические методы. М., 1958; Дж. Э. Юл, М. Дж. Кендэл. Теория статистики. М., 1960; В. В. Иванов. Вероятностное определение лингвистического времени (в связи с проблемой применения статистических методов в сравнительно-историческом языкознании). Сб. «Вопросы статистики речи». М., 1956, стр. 62—67; В. Н. Топоров. Введение вероятности в языкознании и его последствия. Тезисы совещания по математической лингвистике. Л., 1959, стр. 12—15; его же. О введении вероятности в языкознание. ВЯ, 1959, № 6.

Таблица 1

Процентное соотношение каменных, янтарных и стеклянных бус по группам

Периоды	Могильники	Каменные бусы: группы бус												Стеклянные бусы: группы бус					
		сердоликовые	халцедоновые	янтарные	хрустальные	гагатовые	альмандиновые	лазуритовые	коралловые	роговиковые	кварцевые	опаловые	всего	одноцветные	с металлической прокладкой	глазчатые	полосатые	мозаичные	общее количество
II	Салтово	28,6		0,2	1,4			0,1		5,4			35,6	36,1	11,3	9,8	3,8	3,4	1205
	Северный Кавказ																		
	Бежта	28,5	1,4	0,2	2,1								32,2	24,6	20,6	13,8	1,4	7,4	622
	Агач-Кала	14,1	1,4	1,4	0,8	2,0	1,4						21,1	52,8	4,0	10,3	4,2	7,6	477
	Гапшима	1,8	1,4	0,4	2,6	0,9	4,4						11,6	54,6	0,4	0,4	31,6	1,3	218
	Чми	6,9	0,2	1,7	0,1								8,9	59,4	6,3	16,3	4,8	4,3	1281
	Гоуст	5,4		1,2	0,6	0,1							7,3	60,5	3,5	23,7	1,3	3,7	641
	Архон	6,1	1,0	1,0		3,5							11,6	25,5	3,5	31,7	19,6	8,1	577
	Лац	3,1											3,1	60,0	38,9	5,9	0,6	0,5	457
	Комунта	2,4	1,2									1,2	4,8	36,9	8,3	36,9	8,3	4,8	84
	Балта	0,7	0,2	0,2	0,4								1,5	60,4	15,6	10,5	2,7	9,3	550
	Песчанка					0,2							0,2	80,4	7,3	8,3	0,2	3,6	420
	С. Х. О. Г. А.	13,4	3,3	2,0								2,7	21,3	42,7		23,3	1,3	11,4	150
	Борисово	33,4								24,6	1,6		57,5	15,1	16,1	0,7	2,0		446
	Крым																		
	Бакла	15,3	0,1	1,6	0,5			0,1					18,7	54,0	11,0	3,5	6,3	4,2	6042
I	Северный Кавказ																		
	Чир-Юрт	34,7	0,7	1,3	0,4	0,4		0,2	7,1		0,2		44,9	43,6	6,9	3,5	0,8	0,3	3019
	Б. Буйн. кург	3,2	0,8			0,8							4,8	82,4	0,8	8,0	2,4	1,6	125
	Чми	8,7	2,9	2,9									14,5	33,5	0,6	39,9	10,4	1,1	173
	Архон	59,3		2,2									61,5	19,0	4,9	9,3	3,9	1,4	226
	Борисово			53,6	0,7								54,3	41,1	0,1	3,4	0,9	0,2	891
	Крым																		
	Бакла	4,8	0,1	44,8	1,7			0,1			0,1		50,8	29,7	9,1	5,2	4,2	0,5	935
	Суук-Су	0,8		61,3	1,0								63,1	25,9	0,3	5,6	4,9	0,2	1244

В работах советских археологов успешно зарекомендовал себя метод статистического анализа материала [25]. Здесь мы остановимся только на отдельных элементах статистических методов, применяемых в данной работе, оставляя подробный разбор границ приложения методов математической статистики к исследованию массового археологического материала до специальной статьи, посвященной этим вопросам [26].

Предлагаемая нами классификация делит все бусы на категории и группы по материалу. Каждая группа делится на отделы по форме поперечного сечения бусины и на типы по форме продольного сечения [27]. В классификации применяется единый принцип деления. Деление на категории, группы, отделы и типы придает классификации достаточную гибкость. Новые типы найдут себе место в соответствующих отделах, пополняя общую схему, но не ломая ее. Только при наличии выделенных по четким и определенным признакам типов можно ставить вопрос об их сравнении, выяснить их взаимовстречаемость, даты. Но не для всех групп бус такой тип, выделенный только по форме, может быть самой низшей элементарной единицей. Так, при исследовании глазчатых, мозаичных, полосатых и, в меньшей мере, одноцветных бус, чрезвычайно важно обратить внимание на характер обработки (тщательный или небрежный), цвет или сочетание цветов, характер внесения стекла другого цвета в основу бусины (для многоцветных бус), мелкие детали технологического процесса.

Именно по этим признакам мы выделяем подтипы бус. Для удобства пользования работой мы даем сквозную нумерацию всем выделенным нами типам и подтипам бус (№№ -—155), разбирающимся в данной статье.

За каждым типом (или подтипом) бус стоит не единичный экземпляр, а серия наблюдений данного типа в различных комплексах разного времени [28] и разных географических районов.

Поскольку каждый тип в своем развитии проходит определенный путь (сначала появляется в небольшом количестве, затем достигает наивысшего расцвета и медленно или быстро исчезает), то наилучшей его характеристикой во времени является процентное выражение [29]. Но один только средний процент группы, отдела или типа заключает в себе мало сведений, нам важно знать, как меняется этот процент от комплекса к комплексу в пределах могильника или от могильника к могильнику в пределах определенной хронологической группы. Это нам нужно знать не только для констатации фактов рассеивания разных значений вокруг среднего, но и

---

[25] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 66—67; А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930; М. П. Грязнов. Древняя бронза минусинских степей. Бронзовые кельты. Тр. ОИПК Гос. Эрмитажа, т. I, 1941, стр. 239—247; А. П. Смирнов. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, Казань, 1956, стр. 4.

[26] Пользуюсь случаем высказать благодарность академику АН УССР Б. В. Гнеденко за консультации по этим вопросам.

[27] А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 27—44.

[28] Все комплексы разделены на две группы (принцип выделения и доказательство правомерности такого выделения смотри ниже): VI—VII вв.— I период и VIII—IX вв.— II период.

[29] Все исследованные нами бусы найдены в рядовых могильниках, это не ценности, передававшиеся по наследству, а обычный однообразный массовый ремесленный материал, недорогие украшения рядового члена коллектива. Все предметы, более ранние, чем бытовавшие в основное время существования комплекса, найдены в погребениях знати (гуннские и аварские погребения Западной Европы, Перещепинский клад и т. д.). Интересно, что такое же наблюдение сделал К. Ф. Смирнов при сопоставлении бус римского времени из богатых и бедных погребений Прикубанья. В первых наблюдалось смешение типов, характерных для эллинистического и римского времени, во вторых наблюдалась поразительная однородность материала. (Выступление К. Ф. Смирнова по содержанию данной статьи на заседании сектора скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 15 апреля 1959 г.)

для возможности предвидения того, какое количество комплексов (если исследование вариации производится внутри могильника), которые в дальнейшем будут раскопаны на этом же могильнике, будет отличаться от среднего процента не больше, чем на определенную, заданную нами, величину.

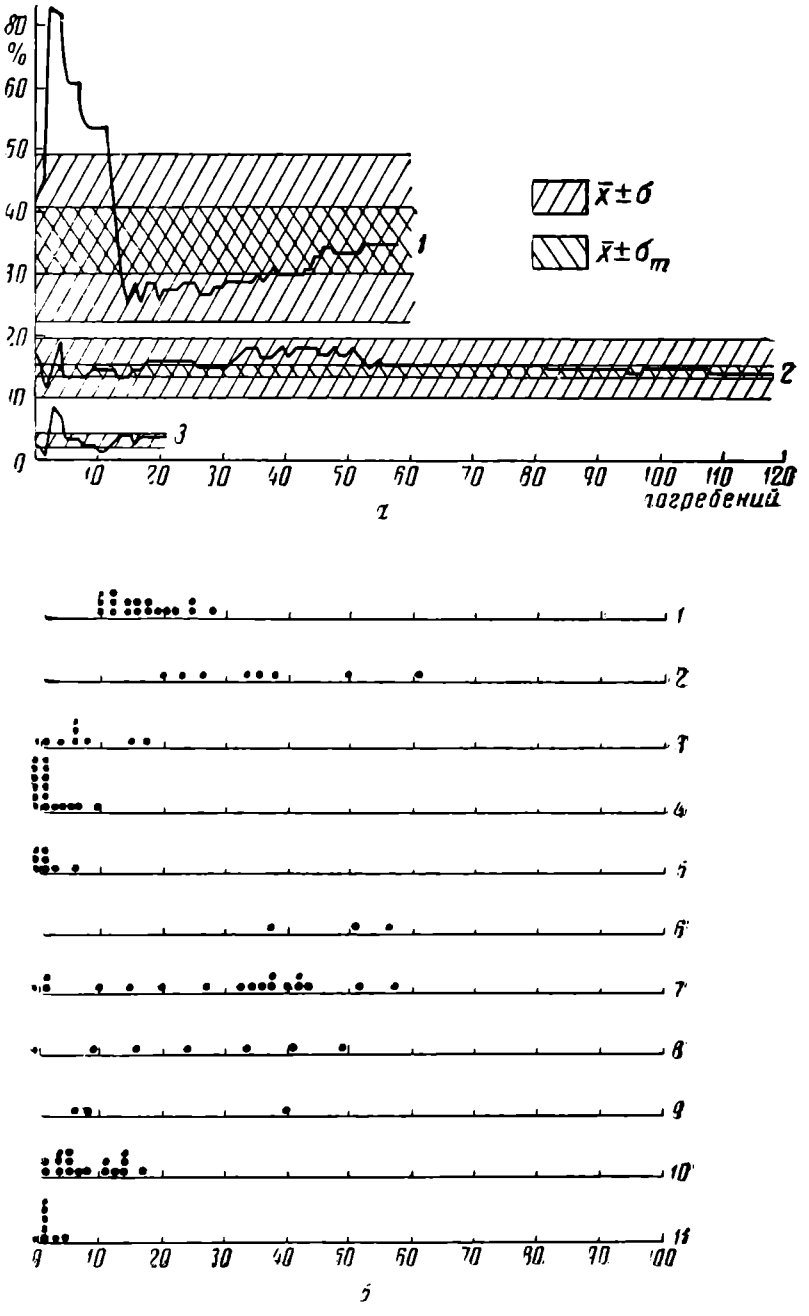


Рис. 1.

а — колебания накопленных процентов сердоликовых бус по погребениям в могильниках: *1* — Чир-Юрт, VI—VII вв.; *2* — Бакла, VIII—IX вв.; *3* — Бакла, VI—VII вв.

б — колебания средних процентов различных групп бус по выборкам: сердоликовые бусы: *1* — Бакла, VIII—IX вв.; *2* — Чир-Юрт, VI—VII вв.; коралловые: *3* — Чир-Юрт, VI—VII вв; янтарные: *4* — Бакла, VIII—IX вв.; *5* — Чир-Юрт, VI—VII вв.; *6* — Бакла, VI—VII вв.; бисер: *7* — Бакла, VIII—IX вв.; *8* — Чир-Юрт, VI—VII вв.; *9* — Бакла, VI—VII вв.; стеклянные одноцветные, квадратные в сечении: *10* — Бакла, VIII—IX вв.; *11* — Чир-Юрт, VI—VII вв.

На рис. 1, *а* мы показали графически, как колеблется вокруг арифметического среднего ($\bar{x}$) процент сердоликовых бус в Чир-Юртском и Баклинском могильниках. По оси абсцисс откладывается количество комплексов, по оси ординат — процент сердоликовых бус от общего числа бус данного

памятника; на пересечении ставится процент, характерный для данного количества комплексов [30].

На рис. 1, *б* показан другой метод графического выражения колебаний процентов по группам погребений. Все погребения Чир-Юртского и Баклинского могильников разделены на некоторое число групп, в которых объединено по семи погребений случайным образом [31] (8 групп в Чир-Юрте и 17 групп в Бакле). По этим группам вычислены групповые проценты, которые и сопоставляются на оси процентов. По этим графикам мы видим, что некоторые группы или типы бус (сердолик, янтарь, одноцветные, квадратные в поперечном сечении) дают очень устойчивые проценты и незначительное рассеивание, тогда как другие (например, бисер) существенно отличаются по группам в пределах могильника.

Мерой центральной тенденции ряда наблюдений является среднее арифметическое, в данном случае — средний процент. Мерой того, в какой степени элементы, входящие в исследуемую группу, отклоняются от среднего, является среднее квадратическое отклонение, σ (сигма) или же стандарт. Стандарт, деленный на корень квадратный из числа наблюдений называется квадратической ошибкой среднего (σ_m). На рис. 1, *а* показана область $\bar{x} \pm \sigma$ и $\bar{x} \pm \sigma_m$.

Имея для северокавказских могильников VI—VII вв. 41,5% ± 16,4% каменных бус мы можем предположить с вероятностью 0,95 (это значит, что из 100 случаев мы можем ошибиться не больше 5 раз), что при количестве погребений не менее 20 [32], средний процент каменных бус в них должен находиться между 25,0% и 57,8%, а для могильников VIII—IX вв. для такой же группы погребений, этот процент должен находиться между 9,9% и 17,9%. Следовательно, имея группу такого размера и не зная ее даты, мы по процентному соотношению каменных и стеклянных бус, сможем ее датировать.

Однако, характеризуя определенную группу или тип количественно, посредством процентов, мы должны учесть возможность существования типа бус, хотя и часто встречающегося в погребениях, но всегда представленного небольшим количеством экземпляров (например, четырнадцатигранные стеклянные бусы, отдельные типы мозаичных бус). Точно так же бусы редко встречающихся типов могут быть представлены в погребениях не отдельными экземплярами, а целыми ожерельями (бисер, многочастные стеклянные бусы и т. д.). В процентном отношении первые будут уступать вторым, хотя первые чаще встречаются и обладают меньшим рассеиванием (см. рис. 1, *б*). Поэтому мы должны ввести другую характеристику каждого типа, его относительную частоту [33]. Например, памятники VI—VII вв. мало отличаются от памятников VIII—IX вв. по процентному содержанию шарообразных одноцветных бус (№ 51) — 7,4% и 9,9%. Между тем процент погребений, содержащих шарообразные одноцветные бусы, в VI—VII вв. равен 52, а в VIII—IX вв.— только 35. Или же погре-

---

[30] Надо помнить, что имеются в виду накопленные проценты, т. е. процент в одном, трех, десяти, двадцати, ста комплексах. На графике видно, как по мере роста количества погребений все более выравнивается процент и все меньше становятся колебания; так, при 20 погребениях процент уже несущественно отличается от процента, полученного при 100 погребениях. Таким образом, мы можем для каждого конкретного памятника решить, какой величины должна быть выборка из него, чтобы она могла правильно отразить присущие ему закономерности.

[31] Погребениям даются условные номера и порядок их следования один за другим определяется по таблице случайных чисел.

[32] Это число выведено нами на основании неравенства Чебышева. См. Ф. Миллс. Ук. соч., стр. 156; В. В. Налимов. Ук. соч., стр. 193—195.

[33] Ф. Миллс. Ук. соч., стр. 138, 139; Б. Л. ван дер Варден. Ук. соч., стр. 13; Д. Финни. Ук. соч., стр. 34, относительная частота каждого типа бус равна числу комплексов с данным типом бус деленному на общее число комплексов. Для VI—VII вв. мы подсчитываем частоту по 66 комплексам (Чир-Юрт, Архон, Чми, Большой Буйнакский курган), для VIII—IX вв. по 58 (Чми, Гоуст, Архон, Лац, Комунта, Балта, С.Х.О.Г.А.).

бальные комплексы VIII—IX вв. отличаются от комплексов VI—VII вв. наличием желтых 14-гранных бус из свинцового стекла. Спрашивается, значимо ли это различие, если в погребениях VIII—IX вв. эти бусы (№ 72) составляют всего 1,7% одноцветных бус; но если мы еще отметим, что в VI—VII вв. они не встречены ни разу, а в VIII—IX вв. их частота равна 0,24 (т. е. № 72 представлен в каждом четвертом погребении), то различие будет разительным. Поскольку данные по частоте введены во все таблицы, в тексте мы специально разбирать эти данные не будем.

Вводя понятие частоты (встречаемости) бус, мы таким образом оперируем данными, полученными из исследования погребальных комплексов. Что же собой представляет бусенный комплекс одного погребения? К сожалению, далеко не во всех случаях нам приходится иметь дело с бусами, находящимися при одном костяке.

Расчлененность инвентарей в семейных склепах может быть проведена лишь в материалах из Чир-Юрта, Лац, Суук-Су, Галиата, Алкуна. В большинстве же случаев мы располагаем набором из склепа и данными о том, сколько костяков там находилось (Чми, Балта, Салтово). Но, поскольку склепы были небольшими семейными усыпальницами (три-четыре костяка) время их использования не должно было превышать полустолетия, что для наших более приближенных дат не может быть помехой. Поэтому мы рассматриваем бусы из одного подобного склепа как одновременный бусенный комплекс.

Количество бус в комплексе бывает от нескольких экземпляров до нескольких сотен (например, в женском погребении у с. Лац их было найдено 438 экз.). Но в среднем — это 50—60 экз. Это среднее выдерживается очень четко на протяжении обоих периодов. Интересно, что такого большого количества бус мы не встречаем нигде, кроме Юго-Восточной Европы [34]. Бусы находились в женских, детских и изредка даже мужских погребениях. В детских погребениях чаще были мелкие многочастные одноцветные или позолоченные бусы, бисер или же крупные янтарные. В женских погребениях бусы чаще всего находились на шее, нанизанные в одну или несколькой нитей, скрепленных разделителями; иногда на черепе находился бисер; иногда, как наблюдал И. П. Костюченко при раскопках Чир-Юртского могильника, бусы были нанизаны в виде виноградной грозди и положены около руки.

Теперь остановимся на вопросах относительной и абсолютной хронологии и посмотрим в какой мере могут помочь их решению статистические методы исследования. В исследовании большого и сложного бусенного материала, по мере накопления данных, появляется определенное представление о тех закономерностях, которые ему присущи. Так, нами в процессе работы над бусами был выделен ряд типов, которые могут служить датирующим признаком. Задача заключается в выборе метода подтверждения правильности даты каждого типа. Сначала нами на основании исследования ряда металлических украшений (поясные наборы, пряжки, фибулы, серьги и т. д.) все исследованные памятники были разделены на две группы [35]. Затем, по встречаемости выделенных нами категорий вещей каждой группы с монетами или хорошо датированными украшениями, мы смогли каждую группу сопоставить с определенным хронологическим периодом — VI—VII вв. и VIII—IX вв. Дальнейшая задача, стоявшая перед нами, заключалась в доказательстве, с одной стороны, внутреннего единства каждой выделенной нами группы и, с другой — отличия одной группы от другой. Обе эти задачи могут быть разрешены одними и теми же

---

[34] В богатом могильнике VIII в. Девинска Нова Вес, максимальное количество бус, найденное при погребенном, было 16 экз. J. Eisner. Devinska Nova Ves. Slovanske Pohrebiště. Bratislava, 1952, стр. 285, 370—371.

[35] Надо отметить, что для ряда памятников дата уже была определена при их издании (см. выше Салтово, Алкун, Дуба-Юрт, Галиат, Балта, Суук-Су, Борисово).

методами: исследуется вопрос о том, являются ли различия между средними результатами ограниченности материала (т. е. случайными) или за этим отличием скрывается какая-то закономерность. Одним методом является последовательное доказательство значимости отличия средних процентов. Мы статистически доказываем, что, например, проценты различных групп и типов бус I периода значимо отличаются от процентов этих же бус во II периоде и т. д.[36]. Другим методом доказательства различий двух периодов является построение доверительных интервалов на основании относительных частот. По специальным статистическим таблицам[37] мы выясняем доверительные границы для относительной частоты так, для 119 погребений Баклы, VIII—IX вв. при частоте 0,83 доверительные интервалы — 0,75—0,89, а для 22 погребений Баклы VI—VII вв., при частоте 0,50 они равны 0,28—0,72. Это значит, что VIII—IX вв. от 75 до 80 погребений из 100 должны содержать данный тип, а в VI—VII вв.— от 28 до 72. Поскольку эти интервалы не пересекаются и критерий очень строг, мы можем считать, что эти отличия являются значимыми. Зная количество экземпляров для каждого типа в оба периода, мы можем определить, были ли эти отличия значимыми, проверив не один тип, а сразу целую группу, отдел или все выделенные нами 155 типов бус[38]. Тогда мы получим доказательство не только разницы этих двух периодов по определенным типам бус, но констатацию того, отличны или нет по всем своим показателям эти два периода.

Этой же цели — доказательству отличий двух периодов может служить таблица взаимовстречаемости различных типов бус.

Каменные и янтарные бусы (рис. 2, 3).

В погребениях VI—IX вв. мы находим бусы, изготовленные из различных пород камня и янтаря[39]. Наиболее распространенными (как по количеству бус в могильниках, так и по количеству погребений, в которых они встречены) являются сердолик, халцедон (церахит, сапфирин, агат и сардоникс), янтарь, хрусталь и гагат. Бусы, изготовленные из других пород камня, встречаются реже.

Количественное соотношение каменных и стеклянных бус в определенной степени является хронологическим признаком, хотя необходимо учитывать и географическое положение памятника. В Пашковском могильнике № 1 IV—V вв. каменные бусы составляли 60% всех бус; в памятниках VI—VII вв. Северного Кавказа 41, 4% ± 16, 4%, а Крыма 54,2 ±8% (Баклинский могильник) и 63,1% (Суук-Су). Отклоняются от среднего процента VI—VII вв. бусы из катакомб Чми и из Большого Буйнакского кургана. Последнее обстоятельство объясняется тем, что среди каменных бус могильников Чир-Юрта и Архона очень высокий процент составляют сердоликовые бусы местного производства, тогда как количество сердоликовых бус высокого качества (очевидно, привозных) во всех могильниках Северного Кавказа VI—VII вв., примерно одинаково.

Ожерелья VI—VII вв., найденные в могильниках Крыма по составу каменных бус близки к одновременным им ожерельям из погребений в мо-

[36] Мы, к сожалению, не имеем возможности подробно на примерах показать это в данной работе, укажем лишь, какие критерии нами применялись. Критерии инверсий (Вилькоксона) см. Б. Л. ван дер Варден. Ук. соч., стр. 328, 336—342; И. В. Дунин-Барковский, Н. В. Смирнов. Математическая статистика в приложениях к технике М., 1960, стр. 255; критерий знаков см. Б. Л. ван дер Варден. Ук. соч., стр. 321—325; И. В. Дунин-Барковский и Н. В. Смирнов. Ук. соч., стр. 233—237; В. В. Налимов. Ук. соч., стр. 186—188.

[37] И. В. Дунин-Барковский и Н. В. Смирнов. Теория вероятностей и математическая статистика в технике (общая часть). М., 1955, стр. 520, табл. XIX.

[38] Применяется метод хи — квадрат. См. Б. Л. ван дер Варден. Ук. соч., стр. 272—290, В. В. Налимов. Ук. соч., стр. 99—106.

[39] Подробное описание каменных и янтарных бус Северного Кавказа этого времени печатается нами в отдельной статье.

гильниках Черноморского побережья Кавказа (Борисово) и более ранним северокавказским (Пашковский IV—V вв.) По резкому преобладанию янтарных бус над сердоликовыми они отличаются от более восточных северокавказских и закавказских могильников. Эти отличия в составе каменных бус еще раз указывают на правомочность выделения крупных гео-

Таблица 2

Количественное соотношение сердоликовых бус по типам

Периоды	Рис. 2	*1*	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8,9*	*10*	*11, 12*	*13*	*14*	*15*	Рис. 3	Общее количество 2177
	№№ типов	1—2	3	4	5	6	7	8	9	10	11—12	13	14	15		
	Количество (без Крыма)	1636	57	29	18	56	25	113	30	6	36	98	13	4	23	
	Салтово	315		12	2		10	4					1		1	345
	Северный Кавказ															
	Бежта	108	23	5		4	1	20	7		5		3		1	177
	Агач-Кала	24	7			3	12	2			12	1	5	4		68
	Гапшима	2				1	1									4
	Чми	56	1	1	1	4	1	12		4			1		7	88
	Гоуст	34														34
II	Архон	22	4		3			4					1		1	35
	Лац	13			1											14
	Комунта											2				2
	Балта	2		1											1	4
	Песчанка															
	С. Х. О. Г. А.	9						1				1			9	20
	Дуба-Юрт	+					+				+					++
	Борисово	117			7			2	23							149
	Всего	689	35	19	14	12	25	45	32	4	17	4	11	2	20	921
	Крым															
	Бакла	821	13	13	13		4	1	3				3		3	874
	Северный Кавказ															
	Чир-Юрт	790	21			44		67	3	2	19	94	1		2	1043
	Б. Буйн. кург.	2			1										1	4
	Чми	12			3											15
I	Архон	130	1					1					1	2		135
	Борисово															
	Всего	924	22		4	44		68	3	2	19	94	2	2	3	1197
	Крым															
	Бакла	34	3	2			1	1							5	45
II	Частота	0,47	0,07	0,05	0,04	0,07	0,05	0,10		0,04	0,04	0,02	0,07	0,02	0,01	
II	»	0,83	0,08	0,15	0,03	0,24		0,38	0,02	0,03		0,32	0,03		0,05	
I	Проценты	74,8	3,8	2,3	0,8	1,3	2,7	4,7	3,3	0,4	1,8	0,4	1,2	0,2	2,2	921
I	»	77,0	1,8		0,4	3,7		5,7	0,3	0,1	1,6	3,6	0,1	0,1	0,3	1197

графических районов (Крым и Черноморское побережье Кавказа, с одной стороны, Центральное и Восточное Предкавказье — с другой), связанных экономически — первый с Византией, второй с переднеазиатскими центрами (через Закавказье).

В памятниках VIII—IX вв. каменные бусы в среднем составляют 13,9% ± 4,0% при 5,5% ± 1,0% в могильниках Центрального Предкавказья, 21,6% ± 6% в Дагестане, 35,6% в Салтовском, 57,5% в Борисовском и 18,7% ± 1,4% в Баклинском могильнике Крыма. Как и в предшест-

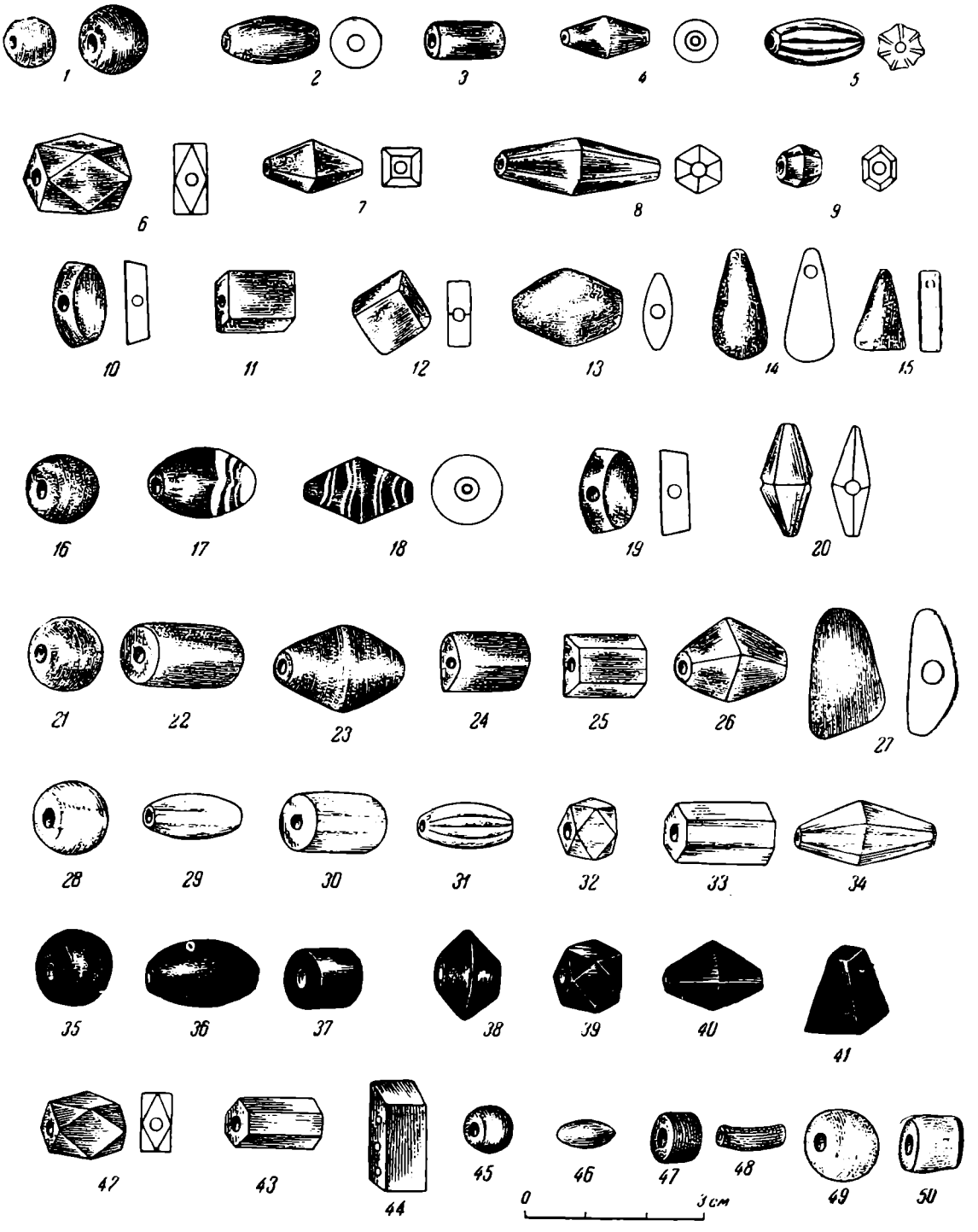


Рис. 2. Каменные и янтарные бусы из могильников Юго-Восточной Европы VI—IX вв.

1—15 — сердолик; *16—20* — халцедон; *21—27* — янтарь; *28—34* — хрусталь; *35—41* — гагат; *42—44* — лазурит; *45—46* — альмандин; *47, 48* коралл; *49, 50* — роговик

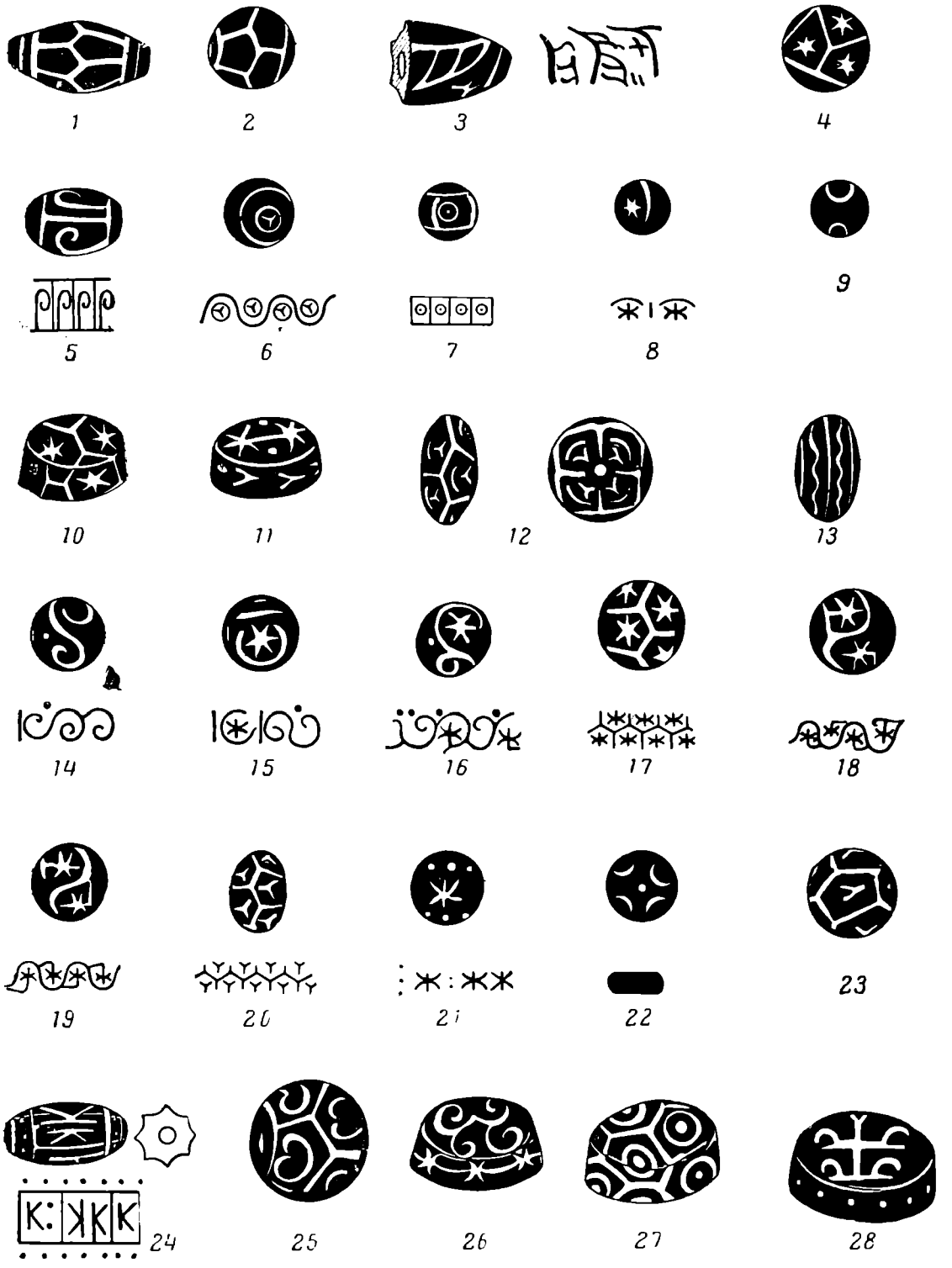


Рис. 3. Инкрустированные каменные бусы из могильников Юго-Восточной Европы VI—IX вв.

агатовые: *1* — Чми (кат. № 14): *2* — кург. у ст. Ладожской; сардониксовая *3* — Чегем; сердоликовые: *4* — Балта (кат. № 2); *5—8* — Чми (кат. № 25); *9* — Чми (кат. № 2); *10* — Чми (кат. № 13); *11* — Чми; *12* — Терская область; *13—20* — Галиат; *21, 24, 25* — Комунта; *22* — Салтово; *23* — Большой Буйнакский курган; *26—28* — Кабарда

Рис. 5. Стеклянные многоцветные бусы из могильников Юго-Восточной Европы VI—IX вв.

1—19 глазчатые; *20—23* полосатые, *31—67* мозаичные

Таблица 3

Количественное соотношение стеклянных одноцветных бус по типам

Периоды	Рис. 4	*1а*			*1б*	*2а*	*2б*	*3а*	*3б*	*4*	*5*		*6*	*7*	*8—9*	*10*	разное	Всего 4328
	№№ типов	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64—65	66		
	Количество (без Крыма)	468	158	10	24	65	33	56	8	17	61	94	15	16	229	3044		
	Салтово	49				2								4	70	213		338
	Северный Кавказ																	
	Бежта	19				3	1					67			27		12	129
	Агач-Кала	28	144			2	2	1		3			1	5	3	2	1	192
	Гапшима	11														106		117
	Чми	41	3	2	1	19	10	1	1	3	11			1	5	420	2	590
	Гоуст	19	1	1	3			1	6		20	27	2		21	216		317
II	Архон	7		5	1	7		1		2					5	62		90
	Лац	79	3		17	2	20	8							36	61		226
	Комунта				1			3							1	23		28
	Балта	76	1		1	4		2	1	1	15		9	5	12	46		173
	Песчанка													1	14	320		335
	С. Х. О. Г. А.		6	2						4	15							27
	Дуба-Юрт	+	+					+		+				+				+
	Борисово							2							22	30		64
	Всего	328	158	10	24	39	33	19	8	13	61	94	12	16	216	1569	15	2686
	Крым																	
	Бакла	454			1	40	2	66		4			1		119	1939	34	2660
	Северный Кавказ																	
	Чир-Юрт	72				15		32					1		13	1048		1180
	Б. Буйн. кург.	37				2		5					1			55		100
	Чми	16				8				2			1			17		44
I	Архон	3								2						27		32
	Борисово	12				1										328	14	355
	Всего	140				26		37		4			3		13	1475	14	1712
	Крым																	
	Бакла	16				2		11		2					3	214		248
II	Частота	0,35	0,12	0,09	0,1	0,21	0,05	0,14	0,09	0,12	0,16	0,02	0,05	0,04	0,19	0,31		
I	»	0,52				0,20		0,21					0,05		0,09	0,32		
II	Процент	9,9	4,8	0,3	0,7	1,2	1,0	0,6	0,2	0,4	1,8	2,8	0,4	0,5	6,5	47,3	0,4	78,8
I	»	7,4				1,4		2,0		0,2			0,1		0,6	78,8	0,7	90,6

Таблица 3 (продолжение)

Периоды	Рис. 4	11		12б	всего 88	13	14		15	16	17	всего 468	18	20	21	22	23		24	25	26	Общее кол-во 5209
	№№ типов	67	68	69		70	71	72	73	74—75	76		77	79	80	81	82	83	84	85	86	
	Количество (без Крыма)	70	3	15		84	182	56	24	117	5		75	6	8	40	48	34	76	13	14	
	Салтово	9		4	13		10					10	1				18		53	2		435
	Северный Кавказ																					
	Бежта						15	1				16	6					2				153
	Агач-Кала	1			1		3	3				6	17				2	24	2	1	4	252
	Гапшима																1	1				119
	Чми	16	3		19	1	52	18	2	30		103	9	4	6	20	4	1	1	4		761
	Гоуст	13			13	5	3	14	1	24	2	49			2	3	2		2			388
II	он	2			2		33	14				47				2			6			147
	Лац						2	4				6								1		233
	Комунта							2	1			3										31
	Балта	14			14	49	31			44		124		1		2			8		10	332
	Песчанка	1			1	1						1						1				338
	С. Х. О. Г. А.	4			4	2			1	19	3	25	1				10					64
	Дуба-Юрт	+				+				+			+	+		+	+					+
	Борисово															3						67
	Всего	60	3	4	67	58	149	56	5	117	5	390	34	5	8	30	37	29	72	8	14	3320
	Крым																					
	Бакла	40			47	159	236	33				428	5	10	126	80			19	11	15	3417
	Северный Кавказ																					
	Чир-Юрт	8		11	19	14	12		17			43	40	1		10	11	5	4	5		1318
	Б. Буйн. кург.						3					3										103
	Чми			2	2		11		1			14	1									59
I	Архон	2			2	6	3					9										43
	Борисово					6	4		1			11										366
	Всего	10		13	23	26	33		19			78	41	1		10	11	5	4	5		1889
	Крым																					
	Бакла					2	18						1		6					1		278
II	Частота	0,19	0,02			0,14	0,35	0,24	0,07	0,29	0,02		0,07	0,05	0,05	0,14	0,09	0,02	0,14	0,05	0,07	
I	»	0,09		0,09		0,06	0,27		0,09				0,15	0,02		0,09	0,09		0,05	0,02	0,06	
II	Процент	1,8	0,1	0,1		1,8	4,5	1,7	0,1	3,5	0,1	11,7	1,0	0,1	0,3	0,9	1,1	0,9	2,2	0,3	0,4	
	»	0,5		0,5		1,4	1,7		1,1			4,1	2,1	0,1		0,5	0,5	0,2	0,2	0,2	0,2	

вующий период, высокий процент каменных бус складывается из наличия большого количества каменных бус местного производства (из сердолика и роговика).

В курганах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XIII вв. каменные бусы составляют 21,3% ± 1,4% [40]. Таким образом, от IV—Vвв. к X—XIII вв. процент каменных бус постепенно понижается.

Стеклянные бусы

Стеклянные бусы в могильниках Юго-Восточной Европы VI—IX вв. составляли от половины (I период) до 90% (II период) всех найденных бус [41]. Их можно разделить на пять групп: 1) одноцветные, 2) с металлической прокладкой, 3) глазчатые, 4) полосатые, 5) мозаичные. Последние три группы объединяются как многоцветные бусы.

Группа 1. Одноцветные (5209 экз.; рис. 4, *1—26,* табл. 3)

Эти бусы составляют основную часть стеклянных бус. В VI—VII вв. в Крыму их найдено в среднем — 27,3%; в Центральном Предкавказье — 26,7%; в Дагестане — 63,0%; в VIII—IX вв.— в Крыму и Центральном Предкавказье их найдено около 53—54%; в Дагестане их меньше — до 44%; в Салтовском могильнике — до 36,1%, а в Борисовском — даже до 15,1% [42].

Отдел 1. Круглые (4328 экз.).

Тип а. Шарообразные (660 экз., рис. 4, *1а, б,* №№ 51, 52, 53, 54).

Мы выделяем четыре подтипа. Подтип 1 (468 экз., № 51) шарообразные бусы различного размера и цвета (синего, малинового, голубого, черного и т. д.) и разной степени прозрачности. Подтип 2 (158 экз., № 52). Шарообразные бусы из оранжевого непрозрачного стекла диаметром 0,8—1,0 *см.* В специальной статье мы подробнее остановимся на обосновании нашего предположения об их изготовлении в местных стеклоделательных мастерских VIII—IX вв. на территории Дагестана. В Агач-Кале VIII—IX вв. эти бусы составляют 56, 9%, а во всех остальных памятниках встречаются лишь единичные экземпляры, представляющие доли процента (0,3—0,4% в Гоусте, Чми и Балте). Подтип 3 (10 экз., № 53). Желтые, всегда ирризированные с почти белой и шероховатой поверхностью и ярко-желтые полупрозрачные в изломе. Их отличает высокий удельный вес (70% свинца, см. анализы) и небольшой размер (0,6—0,8 *см*). Небольшое количество их найдено в могильнике Куртатинского ущелья (Архон

[40] М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв., вып. 2, Тр. ГИМ, вып. 33, 1959. Средний процент, стандарт и ошибка средней вычислены нами по материалам табл. 1, стр. 151.

[41] Было подвергнуто химическим анализам 13 экз. стеклянных украшений. Оставляя подробный разбор анализов до выхода в свет нашей совместно с Р. А. Бахтадзе статьи, коротко остановимся на основных результатах анализов (в таблице средние проценты). Выделяются четыре группы стекла: 1) натриево-кальциево-кремнеземные, 2) натриево-кальциево-кремнеземные с повышенным содержанием глинозема (в Грузии встречаются с III в., на Северном Кавказе с VIII в.), 3) натриево-калиево-кальциево-кремнеземные, 4) свинцово-кремнеземные. Из четырех рецептов, три свидетельствуют о местном стеклоделательном производстве на Северном Кавказе с VIII в.

	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Кремнезем	61,55	58,87	61,80	25,40
Глинозем	3,79	7,63	3,51	
Окись кальция	9,21	9,04	11,80	4,00
Окись магния	2,00	2,18	3,50	1,00
Окись калия	2,26	4,05	6,95	
Окись натрия	17,23	16,55	8,40	
Окись свинца				69,40
Количество анализов	5	4	2	2

[42] Все вычисленные проценты типов одноцветных бус отнесены не к общему числу бус, а к числу одноцветных стеклянных.

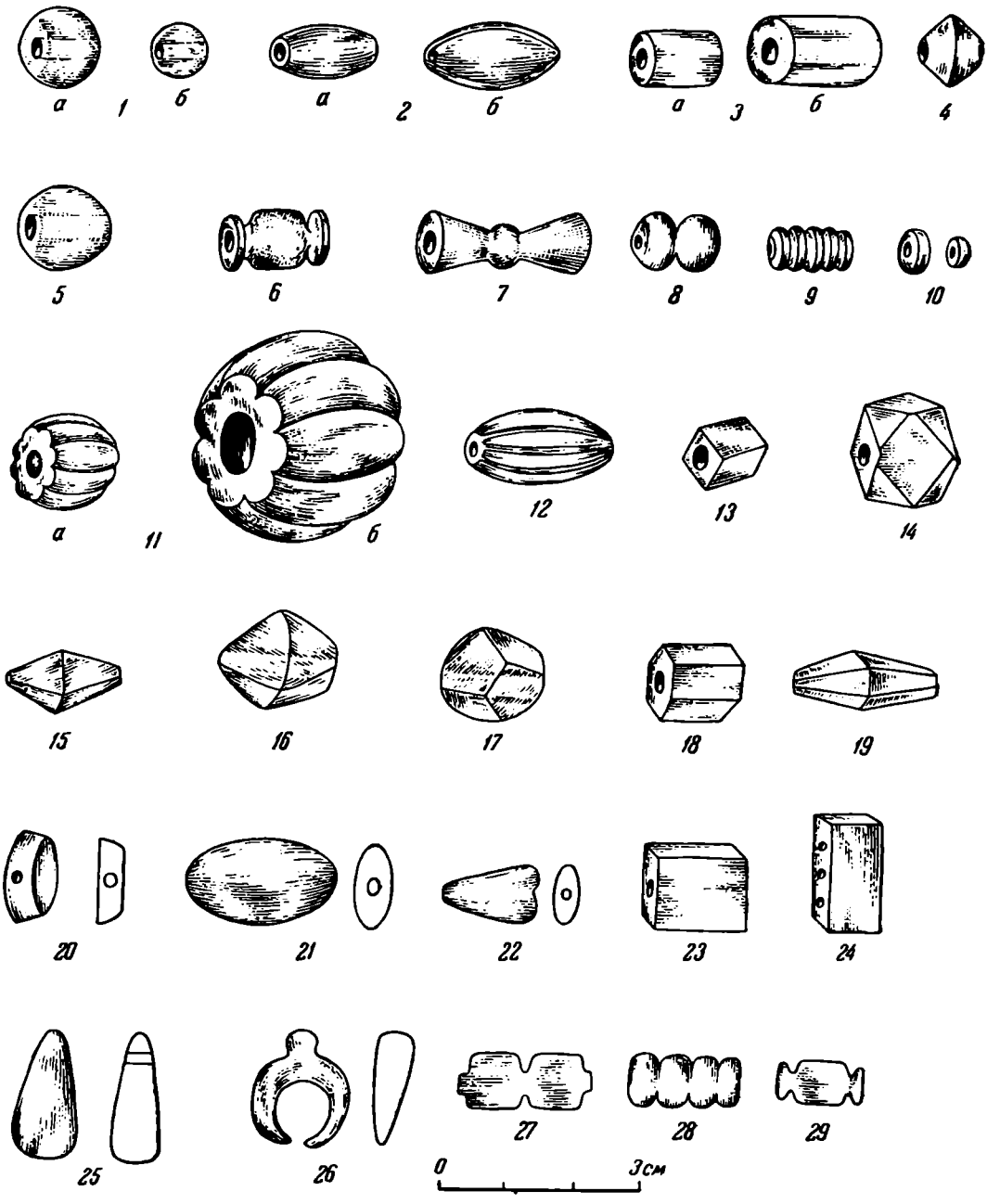


Рис. 4. Бусы стеклянные одноцветные (*1—26*) и с металлической прокладкой (*27—29*) из могильников Юго-Восточной Европы VI—IX вв.

3,4%), их нет дальше Дарьяльского ущелья на Востоке; они являются датирующими для II периода. Подтип 4 (24 экз., рис. 4, *1б*, № 54). Небольшие дутые бусы[43] (диаметр 0,5—0,7 *см*) из прозрачного бесцветного стекла прекрасного качества, с толщиной стенок около 1 *мм*. Встречены только в памятниках Центрального Предкавказья. Являются датирующими для VIII—IX вв.

Тип б. Эллипсоидные (98 экз., рис. 4, *2а, б*, № 55—56).

Подтип 1 (65 экз., рис. 4, *2а*, № 55). Эллипсоидные бусы из стекла разного цвета и разной степени прозрачности (чаще непрозрачные, голубые, зеленые) длиной 1,6—1,8 *см*, при наибольшем диаметре 0,5—0,7 *см*. Под-

---

[43] G. Eisen. The Origin of Glass Blowing. AJA, XX, № 2, 1916, стр. 13. D. B. Harden. Ancient Glass. Antiquity, December, 1933, стр. 421—422. D. B. Harden. Roman Glass from Karanis. Ann Arbor, 1936, стр. 39. Дутые стеклянные бусы мы находим в погребениях VII в. Кента. K. F. Iessup. An Anglo-saxon Cemetery of Westbere Kent. The Antiquaries Journal. t. XXVI, № 1—2, Jan.— April, 1946.

тип 2 (33 экз., рис. 4, *2б*, № 56). Дутые бусы вытянутой эллипсоидной, иногда почти веретенообразной формы (0,5—0,6×2,0—2,2 *см*). Обычно с внутренней стороны они окрашены белой, голубой, розовой или коричневой (охра) краской [44]. В отдельных памятниках (Лац) их количество доходит почти до 10%. В ряде случайных коллекций из Чми и Балты они представлены десятками и сотнями экземпляров. Имея основной центр распространения в Дарьяльском ущелье, они встречаются и в других памятниках Северного Кавказа [45].

Тип в. Цилиндрические (64 экз., рис. 4, *3а, б*, № 57, 58).

Подтип 1. Небольшие, диаметром (0,5—0,7 × 0,9—1,0 *см*) из полупрозрачного, а чаще непрозрачного стекла голубого или зеленого цвета. Подтип 2 (8 экз., рис. 4, *3б*, № 58). Крупные из бесцветного натриево-калиево-кальциево-кремнеземного стекла с многочисленными пузырьками (0,8—1,0 × 2,2—2,4 *см*). Найдены только в памятниках VIII—IX вв. Центрального Предкавказья [46] и Южной Осетии [47].

Тип г. Битрапецоидные короткие (17 экз., рис. 4, *4*, № 59) из полупрозрачного синего или зеленого стекла (0,6—0,8 × 1,0—1,2 *см*). Чаще встречаются в памятниках VIII—IX вв.

Тип д. Яйцевидные (155 экз., рис. 4, *5*, №№ 60—61).

Подтип 1. (61 экз., № 60) из прозрачного бесцветного стекла (как № 58), (1,2—1,4 × 1,4—1,6 *см*) есть только в памятниках VIII—IX вв. Центрального Предкавказья и Южной Осетии [48]. Подтип 2 (94 экз., № 61) из полупрозрачного фиолетово-черного стекла. Найдены только в Бежте и Гоусте. Возможно, только иной режим в стекловаренной печи при том же составе стеклообразующих веществ вызвал фиолетово-черную окраску вместо обесцвечивания.

Тип е. Катушкообразные (15 экз., рис. 4, *6*, № 62). Форма характерна для позолоченных бус данного и предшествующего времени в Крыму и на Кавказе и для каменных бус Индии [49]. Бусы голубоватого и зеленого непрозрачного стекла — (1 экз. в Агач-Кале VIII—IX вв. из оранжевой пасты).

Тип ж. Бантообразные (16 экз., рис. 4, *7*, № 63).

Бусы (0,5—0,7 × 2,0—2,2 *см*) сделаны преимущественно из полупрозрачного синего стекла (в Агач-Кале VIII—IX вв.— из оранжевой пасты).

Данная форма очень специфична, является датирующей для VIII—IX вв. и указывает на тесные связи между Дагестаном и Центральным Предкавказьем, с одной стороны, и районом Северского Донца — с другой.

Тип з. Многочастные (229 экз., рис. 4, *8, 9*, № 64, 65).

Очень распространенный тип бус, особенно в памятниках VIII—IX вв. Излюбленные цвета — синий (кобальтовый) и бирюзовый, зеленый, желтый.

Интересен вопрос о времени появления «лимонок», столь типичных для древнерусских памятников [50]. В Агач-Кале VIII—IX вв. встречен только 1 экз., тогда как в Агач-Кале X—XI вв. найдено уже 11 экз. В Баклин-

---

[44] Г. Бек указывает, что на Ближнем Востоке дутые стеклянные бусы изнутри окрашивались золотом и серебром. Очевидно, северокавказские охристые бусы подражали позолоченным, а белые — посеребренным. См. H. C. Beck. The Beads from Taxila. Memoirs of Archeological survey of India, № 65, Delhi, 1941, стр. 69.

[45] Галиат, ГИМ, кол. 25276; Баксан (3 экз.), ГИМ, кол. 4487; Хабас (1 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3640.

[46] Лизгор, ГИМ, кол. 25183, 25187, 25189 (21 экз.). Баксан, ГИМ, кол. 44817 (16 экз.).

[47] Эдесси, ГИМ, кол. 25196 (1экз.).

[48] Баксан, ГИМ, кол. 44817; Чегем, ГИМ, кол. 38370; Лизгор, ГИМ, кол. 25183; Корца, ГИМ, хр. 65/7 а; Эдесси, ГИМ, кол. 25196.

[49] H. Beck. Ук. соч., табл. IX, *15*; M. G. Dikshit. Beads from Achichchatra. Ancient India, № 8, 1952, рис. 4, *12*.

[50] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 173; Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 104; М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 171.

ском могильнике VIII—IX вв. найден также 1 экз. Во всех остальных могильниках, а также в случайных коллекциях лимонок нет.

Тип и. Бисер (3044 экз., рис. 4, *10*, № 66). Наиболее часто встречающаяся форма стеклянных одноцветных бус. В обоих периодах бисер обнаружен в трети погребений, но в VI—VII вв. его больше (78,8% одноцветных бус вместо 47,3% в VIII—IX вв.). Излюбленными цветами был черный, желтый, зеленый и синий.

В могильниках VI—IX вв. найдены отдельные бусы неправильной и неопределенной формы, которые мы не рассматриваем (они не достигают 1%).

Отдел 2. Ребристые (88 экз., рис. 4, *12, 11а, б*). Тип а. Бочкообразные (70 экз., рис. 4, *11*, № 67). Небольшие, диаметром около 1 *см*, из непрозрачного и изредка полупрозрачного стекла, в большинстве светло-голубые и зеленые. Чаще и в большем количестве встречены в VIII—IX вв.

Тип б. Эллипсоидные (18 экз., рис. 4, *11а, б*, №№ 68, 69). Выделяется два подтипа этих бус. Подтип 1 (3 экз., рис. 4, *11а*, № 68). Крупные (2 × × 2,5 *см*) бусы из прозрачного очень хорошего качества бесцветного и темно-фиолетового стекла с относительно тонкими стенками 0,1—0,3 *см*, выдутые в форме. Подтип 2 (15 экз., рис. 4, *11б*, № 69). Желобчатые бусы (0,7×1,5—1,8 *см*) из синего, как правило, полупрозрачного стекла.

Отдел 3. Квадратные (468 экз., рис. 4, *13—16*).

Тип а. Кубические (84 экз., рис. 4, *13*, № 70). Небольшие (0,6^3 или 0,8—1,0^3) бусы из непрозрачного голубого или полупрозрачного синего стекла.

Тип б. Четырнадцатигранные (238 экз., рис. 4, *14*). Подтип 1. Бусы (0,8—1,0 × 0,8—1,0 × 1,4—1,6 *см*) преимущественно из синего полупрозрачного стекла (182 экз., рис. 4, *14*, № 71). Очень распространенный тип, по количеству и встречаемости уступающий в среднем только шарообразным. В некоторых могильниках достигает 15% (Балта) и даже 20—22% (Архон VIII—IX вв. и Чми VI—VII вв.) [51]. Подтип 2 (56 экз., № 72) — небольшие желтые свинцово-кремнеземного стекла (как № 53) размером 0,8—0,9 *см*^{3}; грани иногда очень слабо выражены, бусы почти кубические, относятся только к VIII—IX вв., причем наибольшего процента, как я уже отмечала, достигают в районе Архона (9,5). Единичные экземпляры найдены в Дагестане и Кабардино-Балкарии [52], а в погребениях Баклинского могильника Крыма и Дмитровского могильника на Северском Донце встречаются часто и в довольно большом количестве.

Тип в. Битрапецоидные (141 экз., рис. 4, *15, 16*). Подтип 1 (16 экз., рис. 4, *15*, № 73). Бусы вытянутых пропорций (длиной 1,3—1,5 *см* при наибольшем поперечном сечении 0,5—0,7 *см*) темно-синего полупрозрачного, фиолетового или коричневого стекла. В большем количестве и с большей частотой они имеются в памятниках VI—VII вв. Подтип 2 (117 экз., рис 4, *16*, № 74). Бусы крупного размера (1,5—1,7×1,2—1,4 *см*) из плохого прозрачного бесцветного стекла (как №№ 57, 60). Наибольшее число находок сделано в Дарьяльском ущелье (13,3% в Балте). В значительном количестве они есть в случайных коллекциях из Центрального Предкавказья [53]. Лишь эпизодически попадаются в более западных [54] и более восточных районах [55], причем в последних двух случаях в памятниках

---

[51] Этот тип составляет значительный процент находок и в более северных могильниках — Поломском (Эрмитаж, ОИПК, кол. 616), Лядинском и Томниковском (МАР, № 10, СПб., 1893, табл. XII) и древнерусских памятниках IX—X вв. (М. В. Фехнер. Ук. соч., стр. 170).

[52] Вольный Аул (6 экз.), экспозиция музея г. Нальчика. Нальчикский округ (2 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3645.

[53] Чегем, ГИМ, кол. 38370; Баксан (10 экз.), ГИМ, кол. 44817; Гижгит (1 экз.), экспозиция музея г. Нальчика; Лезгор (10 экз.), музей г. Нальчика, № 1083, гора Гужейба (2 экз.), музей г. Нальчика, № 1086, Нальчикский округ (8 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3645; район Пятигорска (17 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3666.

[54] В пещерном погребении № 1 на р. Кривой (4 экз.), музей г. Пятигорска, без номера.

[55] Фаскау (2 экз.), ГИМ, кол. 22185.

последующего периода они являются датирующими для VIII—IX вв. Подтип 3 (8 экз., № 75). Такой же формы, как подтип 2, бусы из светло-серой пасты (может быть, это не стекло, а глина) с нарезками на гранях. Найдены в Чир-Юрте; отдельные экземпляры происходят из Центрального Предкавказья [56].

Тип г (5 экз., рис. 4, *17*, № 76). Редкий, но очень интересный тип, своими пятисторонними гранями подражающий, очевидно, каменным бусам. Есть экземпляры из прозрачного, бесцветного, желтовато-коричневого или малинового стекла. Кроме погребальных комплексов (Нижний Садон и Гоуст), они найдены и случайно в различных пунктах Северной Осетии [57]. Немногочисленные экземпляры бус этого типа имеют очень определенную и ограниченную область распространения.

Отдел 4. Шестигранные (75 экз.).

Тип а. Призматические (75 экз., рис. 4, *18*, № 77). Бусы из непрозрачного светло-зеленого или голубого стекла (размер 0,8—1,0 × 1,4—1,5 *см*). В памятниках VI—VII вв. они составляют около 3% находок (Чир-Юрт). В VIII—IX вв. в дагестанских памятниках составляют 4—7%. В Центральном Предкавказье встречены только в двух могильниках, где процент их находок не поднимается выше 1,2.

Тип б. Бипирамидальные (рис. 4, *19*, № 78). Этот тип характерен для раннесредневековых могильников Крыма (Бакла, Сахарная Головка, Чуфут-Кале, Суук-Су). Бусы преимущественно из темно-синего полупрозрачного стекла, имеют очень резко очерченные грани. Одна бусина такого типа из бесцветного прозрачного стекла найдена в Гоусте.

Отдел 7. Плоские (212 экз.).

Тип а. Монетообразные (6 экз., рис. 4, *20*, № 79). Тип редкий. Бусы и формой и цветом (темно-коричневое полупрозрачное стекло) подражают сардовым бусам. Хронологическим признаком служить не могут.

Тип б. Эллипсоидные (8 экз., рис 4, *21*, № 80). Так же, как № 78, эти бусы из синего полупрозрачного стекла; типичны для памятников VIII—IX вв. Крыма. Являются массовой продукцией местных крымских стеклоделательных центров. Небольшое их количество в памятниках Северного Кавказа указывает на их привоз, вероятно, из Крыма. Найденные в погребениях Дмитровского могильника эти бусы сделаны из желтого свинцового стекла. В Центральной Европе имеются подобные бусы из синего прозрачного стекла [58].

Тип в. Треугольные (40 экз., рис. 4, *22*, № 81). Выделывались преимущественно из синего полупрозрачного стекла (иногда, в основном в первом периоде — из прозрачного бесцветного или зеленоватого). Этот тип бус очень типичен для крымских и западноевропейских могильников [59]. Возможно, бусы этого типа в памятниках VIII—IX вв. Центрального Предкавказья являются крымским импортом (они отсутствуют в Дагестане и Азербайджане).

Тип г. Плитчатые (153 экз., рис. 4, *23, 24*, № 82). Выделяются три подтипа. 1-й подтип (48 экз.). Эти бусы выделывались преимущественно из темносинего полупрозрачного стекла (1,2 × 1,2 × 0,4 *см*). Встречаются в равном количестве могильных комплексов в оба периода, но в большем числе во второй период, особенно в Салтове. 2-й подтип (34 экз., № 83) — бусы из оранжевого стекла (0,8—1,0—1,2—1,4 × 0,2—0,4 *см*) распространены (как № 52) только в VIII—IX вв.; центр производства находится

---

[56] В Агач-Кале X—XI вв.— 1 экз.

[57] Махтау-Майрам (2 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3677; коллекция из разных мест Осетии, там же, № 3726.

[58] J. Poulik. Staroslovanska Morava. Praha, 1948, табл. XXXIX, *25—29;* A. Stroh. Die Reihengräber der Karolingisch-ottonischen Zeit in der Oberpfalz. Materialhefte zur Bayerischen Vorgeschichte, вып. 4, 1954 (цветная таблица без номера), № *17, 18*.

[59] A. Stroh. Ук. соч., № 23, 24, 25, 51; J. Eisner, Ук. соч., табл. XXXIX, *24*.

Таблица 4

Количественное соотношение глазчатых бус по типам

Периоды	№№ типов Рис. 5	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10—11	12	13	14	15	16		17	18	19	Общее количество 1226
	Количество (без Крыма)	91	92	93	94	95	96	97	98	99	100	101	102	103	104	105	106	107	108	109	
		17	38	93	111	290	53	47	30	51	178	21	2	25	10	6	34	199	12	9	
	Салтово		17	1		2	27	13	3	21	10			2			15			5	116
	Северный Кавказ																				
	Бежта		2		4	54	3	1			7	1			2			9	3		86
	Агач-Кала		1				2	7		3	16			11				5		4	49
	Гапшима											1									1
	Чми	1	8	25	7	32	7	3	10	11	37	8		4	8		5	43	1		210
	Гоуст	1	2	34	7	75	2		13	5	10					1	1	1			152
	Архон			5	20	63	2		3					1				87	3		184
II	Лац					1	3	12			9	1						1			27
	Комунта			1	3	1												26			31
	Балта			7		7	1			8	18	1		7		1	4	3	1		58
	Песчанка						6	2		3	12						8	4			35
	С. Х. О. Г. А.		8	3		1		3	1		3							19			38
	Дуба-Юрт				+							+						+			+
	Борисово					1		2													3
	Всего	2	38	76	41	237	53	43	30	51	122	12		25	10	2	33	198	8	9	990
	Крым																				
	Бакла	13			16	71			16		34		2		4	14		114			287
	Северный Кавказ																				
	Чир-Юрт				26	38					32	1	2			3			4		106
	Б. Буйн. кург.				1			4			2	1				1	1				10
	Чми	1		11	30	14					6	6						1			69
I	Архон			6	13	1					1										21
	Борисово	14									15	1									30
	Всего	15		17	70	53		4			56	9	2			4	1	1	4		236
	Крым																				
	Бакла	24				5					16				3						48
II	Частота	0,03	0,09	0,29	0,17	0,36	0,15	0,12	0,07	0,14	0,29	0,10		0,10	0,07	0,02	0,05	0,24	0,09		
I	»	0,02			0,49	0,62					0,41	0,08	0,03			0,06	0,02		0,06		
II	Процент	6,2	3,8	7,8	4,1	23,9	5,3	4,3	3,0	5,1	12,3	1,2		2,5	1,0	0,2	3,3	20,0	0,8	0,9	
I	»	6,4		7,2	29,6	22,4		1,7			23,7	3,8	0,8			1,7	0,4	0,4	1,7		

в районе Агач-Калы. 3-й подтип (76 экз., рис. 4, *24,* № 84): разделители из синего полупрозрачного стекла[60] с тремя отверстиями (1,5—1,7 × × 0,7—0,8 × 0,4—0,6 *см*). Относятся к VI—VII вв. Найдены только в Чир-Юртском могильнике вместе с лазуритовыми разделителями, подражанием которым они и являются. В VIII—IX вв. в Балте и Архоне их количество достигает 2—4%; в Салтовском могильнике 12,1%. Основное время их бытования приходится на конец VIII — начало IX в.

Подвески (27 экз., рис. 4, *25, 26*).

Тип а. Каплевидные (13 экз., рис. 4, *25,* № 85) синего, голубого и коричневого цвета. Относительно редкий тип, не дающий оснований для хронологических выводов.

Тип б. «Лунницы» (14 экз., рис. 4, *26,* № 86) — сделанные из голубого или светло-зеленого непрозрачного стекла, относительно редкий тип. От VI—VII вв. встречены только в Чир-Юрте; от VIII—IX вв. в Центральном Предкавказье и Дагестане. Имеют аналогии в позднеантичном материале Египта[61]. Кроме этих двух типов, имеются подвески из непрозрачного голубого стекла в форме руки с полураскрытыми пальцами (Чир-Юрт), в виде скарабеев (поздних, из полупрозрачного стекла, стилистически отличающихся от египетских форм римского времени), найденных в могильниках Гапшима, Агач-Кала VIII—IX вв., а также в виде птички, амфоры и т. п.

Группа 2. Бусы с металлической прокладкой (1003 экз., рис. 4, *27, 29,* табл. 1 и 6).

Эти позолоченные и посеребренные бусы найдены в 50% всех погребений, относящихся к обоим периодам, но в VIII—IX вв. их было больше (от VI—VII вв.— в среднем 5%, от VIII—IX вв.— 12%). В VI—VII вв. наибольшего процента они достигают в Крыму (Бакла —9%), меньше их в Дагестане (3,8%) и еще меньше в Центральном Предкавказье (2,7%).

Для VIII—IX вв. в Крыму, Центральном Предкавказье и Салтове позолоченные и посеребренные бусы составляют около 11% (снижаясь в Дагестане до 8,3%, а в Борисовском могильнике они достигают 16,1%).

Бусы IV—V вв. отличались высоким качеством стекла; бусы VI—IX вв. свидетельствуют об ухудшении качества производства. Вместо золотых листиков для прокладки стали употреблять серебряные, покрывавшиеся не бесцветным, а желтым стеклом, что создавало лишь иллюзию позолоты.

Группа 3. Глазчатые бусы

В своей статье о бусах IV—V вв.[62] я подробно останавливалась на технологических процессах, связанных с изготовлением глазчатых бус. В данной работе глазчатые бусы на отделы и типы расклассифицированы по форме, а на подтипы — по определенному устойчивому сочетанию цвета основы и глазков, по характеру глазков и т. д.

Различный процент находок глазчатых бус в погребениях VI—IX вв. отражает не столько хронологические, сколько географические отличия. Так, в Крыму в оба периода они составляют 3,5—5,0%. В Борисовском могильнике их количество падает от 3,5% (в VI—VII вв.) до 0,7% (в VIII—IX вв.). В Дагестане глазчатые бусы составляют 5,7% —8,2%, а в Центральном Предкавказье —20—25% (также очень мало отличаясь по периодам). Погребения с большим процентом глазчатых бус очерчивают районы, где было развито местное стеклоделательное ремесленное производство.

---

[60] В Дмитровском могильнике эти разделители сделаны из желтого непрозрачного свинцового стекла.

[61] D. Harden. Roman Glass from Karanis..., табл. XXI, *875,* стр. 284.

[62] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 56.

Отдел 1. Круглые (956 экз., рис. 5, *1—14*). Тип а. Шарообразные (929 экз., рис. 5, *1—12*). Вариант *а*. Бусы с одноцветными глазками-крапинками. Каждый глазок состоит из капли или кусочка одноцветного стекла, погруженного в основу бусины. Подтип 1 (17 экз., рис. 5, *1*, № 91). Темно-синие, черные (реже—бесцветные) бусы разной величины с глазками-крапинками различной величины и цвета, типичны для северокавказских и крымских могильников IV—V вв. [63]. Единичные экземпляры имеются в памятниках VI—IX вв. Центрального Предкавказья; в крымских (Бакла, Суук-Су) и Борисовском могильниках VI—VII вв. они составляют основную часть глазчатых бус. Подтип 2 (38 экз., рис. 5, 2, № 92). Бусы темно-синего непрозрачного стекла (диаметр 1,3—1,4 *см*) с желтыми аккуратными глазками, расположенными рядом в шахматном порядке. Встречены только в памятниках VIII—IX вв., в Салтовском могильнике их количество достигает 15%.

Вариант *б*. Бусы со слоистыми не выступающими глазками (точка в центре и несколько ободков чередующихся цветов) [64]. Часть бус этого варианта выделяется в устойчивые подтипы. Подтип 1 (93 экз. рис., 5, *3*, № 93). Бусы из прозрачного бесцветного стекла с красно-желтыми, коричнево-желтыми глазками [65] (диаметр 1,2—1,4 *см*). Этот подтип представлен в памятниках Центрального Предкавказья [66]. В VI—VII вв. зеленоватое стекло, лучшего качества, чем в VIII—IX вв., где оно имеет полные аналогии (цвет и качество стекла) в одноцветных бусах местного производства. Подтип 2 (111 экз., рис. 5, *4*, № 94). Бусы из полупрозрачного черного стекла с черно-белыми глазками (диаметр 1—1,2 *см*). Типичны для обоих периодов, но в VI—VII вв. присутствуют в 50% погребальных комплексов, составляя до 30% всех находок глазчатых бус. В VIII—IX вв. наличествуют примерно в 14% погребениях (4% всех глазчатых бус). Таким образом, время их наибольшего распространения относится к VI—VII вв. Распространены они были в Дагестане и Центральном Предкавказье [67], доходя до верховьев Кубани на западе [68]. Подтип 3 (290 экз., рис. 5, *5*, № 95). Бусы из непрозрачного бирюзового стекла с красно-желтыми или бирюзово-желтыми глазками. Самый распространенный тип глазчатых бус в памятниках VI—IX вв. Северного Кавказа (диаметр 1,3—1,4 *см*). В некоторых памятниках их количество достигает 50—60% (Гоуст, Бежта). Встречены в ряде памятников Центрального Предкавказья [69], в Крыму и на Северском Донце. Подтип 4 (53 экз., рис. 5, *6*, № 96). Небольшие бусы (диаметр 0,7—0,9 *см*) из белого или зеленого непрозрачного стекла с многослойными (7—9 ободков) сине-бело-коричневыми глазками, почти полностью покрывающими поверхность бусины. Этот подтип является датирующим для VIII—IX вв. Подтип 5 (47 экз., рис 5, *7*, № 97). Синие бусы (диаметр 1,3—1,4 *см*) с сине-белыми глазками, расположенными рядами, изготовлены тщательно. Стандартный тип вырабатывается в VIII—IX вв. хотя 4 экз. относятся к VI—VII вв., но они более грубые, со слегка выступающими глазками. Подтип 6 (30 экз.,

---

[63] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 56—57.

[64] Там же, стр. 57.

[65] Перечисление цвета глазков и ободков ведется от центра, красно-желтые обозначают красный глазок с желтым ободком.

[66] Кобань (3 экз.), музей г. Орджоникидзе, №№ 1508 и 1532; Лац, ГИМ, кол. 95567; Лизгор, ГИМ, кол. 25186 и 25289; Баксан (7 экз.), ГИМ, кол. 44817; гора Гужейба, музей г. Нальчика, кол. 1086; Вольный Аул (3 экз.), экспозиция музея г. Нальчика, район г. Пятигорска (15 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3666.

[67] Район Пятигорска (1 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3666.

[68] Теберда, Куначкирская пещера, музей г. Ставрополя, № 2876; Кяфар, гробница № 2, музей г. Пятигорска, без номера.

[69] Кобань, ГИМ, кол. 38360; Кумбулта (29 экз.), ГИМ, хр. 91/41*б*; Галиат (60 экз.), ГИМ, кол. 25276; Хабас (7 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3640; Баксан (10 экз.), ГИМ, кол. 44817; Чегем (5 экз.), ГИМ, кол. 38370; район г. Пятигорска (27 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3666; Гунделен (3 экз.), музей г. Нальчика, № 1084.

рис. 5, *8*, № 98). Небольшие (диаметр 0,8—1,0 *см*) грубой обработки бусы из непрозрачного желтого стекла с выпуклыми зелено-бело-зелеными глазками. Все имеющиеся в нашем распоряжении экземпляры происходят из погребений VIII—IX вв. и из коллекций случайных находок из Центрального Предкавказья[70]. Подтип 7 (51 экз., рис. 5, *9*, № 99). Крупные бусы (2,2—2,6 *см*) иногда слегка вытянутые в поперечном сечении. Основа бусины из непрозрачного желтого, красного, синего, серого, коричневого или черного стекла. Глазки многослойные шесть — десять слоев) сине-бело-коричневые или бело-синие. Бусы являются датирующими для VIII—IX вв. Количество их находок в Салтовском могильнике стоит на втором месте, составляя около 20%. Имеются в ряде коллекций из Северного Кавказа[71], доходя до Швеции[72].

Кроме этих устойчивых типов, встречены бусы с различными сочетаниями слоистых глазков и цвета основы. Эти бусы (рис. 5, *10—11*, № 100) составляют бóльший процент находок в памятниках VI—VII вв. и встречены там почти в 50% погребений; к VIII—IX вв. их количество падает до 12,3%.

Вариант *в*. Бусы с мозаичными глазками (21 экз., рис. 5, *12*, № 101). Среди этих бус нет двух экземпляров, схожих во всех деталях. Для VI—VII вв. характерно их несколько большее количество чем в последующее время (до 30% в Чир-Юрте) и более крупные размеры (диаметром 1,5—1,7 *см*).

Тип б. Бочкообразные глазчато-полосатые (2 экз., рис. 5, *13*, № 102). Крупные бусины (2 × 3 *см*) с широкими отверстиями, с тремя глазками в ободках и полосами. Мы уже подробно на них останавливались[73]. Эти бусы, кроме погребений IV—V вв., найдены в погребениях VI—VII вв. Чир-Юрта и Баклы.

Тип в. Кольцеобразные (25 экз., рис. 5, *14*, № 103). Небольшие (диаметр 1,2 *см*) с широким отверстием из непрозрачного желтого стекла, с тремя слегка выпуклыми сине-бело-синими глазками. Встречены только в погребениях VIII—IX вв. и могут служить датирующим признаком. В Агач-Кале в склепе VIII—IX вв. найдено 7 экземпляров (20%).

Отдел 2. Квадратные.

Тип а. Четырнадцатигранные (10 экз., рис. 5, *15*, № 104). Бусы из синего или бесцветного прозрачного стекла, преимущественно с красно-желтыми глазками. Встречены в погребениях VIII—IX вв., но поскольку они редки, трудно сказать, могут ли они служить датирующим признаком.

Тип б. Бипирамидальные (1 экз., рис. 5, *16*, № 105). Из непрозрачного голубого стекла с красно-желтыми глазками.Редкий тип, не имеет достаточных оснований, чтобы служить для датировки.

Отдел 3. Бородавчатые (245 экз., рис. 5, *17, 18*).

Можно выделить три подтипа.

Подтип 1 (34 экз., № 106). Бородавчатые бусы из синего полупрозрачного стекла с сильно выпуклыми (8—9 слоев) бело-синими глазками. Единичные экземпляры имеются в погребениях VI—VII вв., но основное количество приходится на более позднее время (VIII—IX вв.). Имеются также среди западноевропейских материалов[74].

---

[70] Осетия (10 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3726; Нальчикский округ (1 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3645; Гунделен (4 экз.), музей г. Нальчика, кол. 1084; Кабарда (6 экз.), музей г. Нальчика, № 2856; Хабас (9 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3640; Теберда, Куначкирская поляна (3 экз.), музей г. Ставрополя, № 1876, 1877.

[71] Осетия (1 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3726; Корца (3 экз.), ГИМ, хр. 65/7а; Чегем, ГИМ, кол. 38370; Вольный Аул, экспозиция музея г. Нальчика; Нальчикский округ (2 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 3645.

[72] H. A. Arbman. Birka. Die Gräber. Uppsala, 1940, табл. 123, *20*.

[73] В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 59.

[74] A. Stroh. Ук. соч., цветная табл., № *120*.

Подтип 2 (199 экз., рис. 5, *17*, № 107). Бородавчатые бусы с невысокими бирюзовыми глазками и основой черного, зеленого, красного, желтого или синего цвета, сделанной из непрозрачного стекла. Среди бус из погребений VI—VII в. найдена только одна небольшая синяя бусина с синими глазками. Этот подтип бус является датирующим для погребений VIII—IX вв. Эти бусы, составляя в среднем 20% глазчатых бус, в некоторых памятниках доходят до 50% и больше (Архон, Комунта, Галиат). Этот подтип широго представлен в коллекциях северокавказских могильников [75], а также в погребениях Лядинского и Томниковского могильников [76].

Подтип 3 (12 экз., рис. 5, *18*, № 108). Крупные (1,2—1,4 × 2,2—2,5 *см*) бородавчатые бусы. В VI—VII вв. для них нет стандартного типа, меняется форма, размеры, цвет глазков и основа. В погребениях VIII—IX вв. имеется редкий, но очень своеобразный вариант бус из желто-коричневого мозаичного стекла с голубыми глазками.

Кроме указанных типов, надо отметить бантообразные синие бусы с мозаичными глазками, найденные в Салтовском и Агач-Калинском могильниках (9 экз., рис. 5, *19*, № 109).

Группа 4. Полосатые (425 экз., табл. 5).

В памятниках VI—IX вв. полосатые бусы могут служить некоторым хронологическим признаком. В погребениях VI—VII вв. они составляют в среднем меньше 2% и около 5,5% в погребениях VIII—IX вв. Отличие между двумя периодами еще рельефнее выступает при исследовании частоты.

В очень незначительном количестве полосатые бусы имеются в погребениях VI—VII вв. Борисовского и Чир-Юртского могильников (0,8—0,9%), в Крыму их количество увеличивается до 4,5% и в Центральном Предкавказье — до 7,1%. В VIII—IX вв. они составляют в Борисовском могильнике 2,0%, Салтовском 3,8% в могильниках в Центральном Предкавказье в среднем — 4,9%, Баклинском могильнике — 6,3% и, наконец, в могильниках Дагестана —12,4%.

Определяются четыре варианта технических приемов изготовления бус этой группы [77].

Вариант *а*. На одноцветный стеклянный стержень накладывались полосы стекла одного или нескольких цветов, затем стержень вытягивался и разбивался на куски, таким образом получалась цилиндрическая или округлая бусина с продольными или поперечными полосами.

Вариант *б*. Полосы из стекла разного цвета таким же образом, как в варианте *а*, накладывались на многоцветный стержень, получалась бусина с двумя глазками и соединяющими их полосами.

Вариант *в*. На отдельную бусину спирально навивалась стеклянная нить другого цвета; иногда мастер палочкой проводил бороздки перпендикулярно виткам размягченной бусины, таким образом получался перистый орнамент вместо полосатого.

Вариант *г*. Бусы изготавливались из плоского листа полосатого мозаичного стекла.

Применение вариантов *а, б* и *г* свидетельствует о ремесленном производстве широкого масштаба, о массовом изготовлении бус, тогда как при варианте *в* мастером изготавливалась каждая бусина отдельно.

Отдел 1. Круглые (374 экз., рис. 5, *20—30*).

Тип а. Шарообразные. Подтип 1 (114 экз., рис. 5, *20*, № 110). Для изготовления этих бус использовалось стекло разных цветов, прозрачное или непрозрачное; обычно бусы небольшого диаметра (0,5—0,7 *см*).

---

[75] Комунта (16 крупных и 15 мелких экз.), ГИМ, кол. 25276; Кумбулта (4 экз.), ГИМ, хр. 91/41б; Баксан, ГИМ, кол. 44817, Теберда, музей г. Ставрополя, № 2876—2877.

[76] В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. МАР, № 10, СПб., 1893, табл. XII, №№ *1, 3, 5*.

[77] Подробнее см. В. Б. Деопик. Ук. соч., стр. 59—60.

Таблица 5

Количественное соотношение полосатых бус по типам

Периоды	Рис. 5	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	разн.	всего
	№№ типов	110	111	112	114	115	116	117	118	119	120	121	122	123	124		
	количество (без Крыма)	114	14	34	16	146	6	24	11	3	2	4	9	16	1	25	425
	Салтово	1	2	29		4					1	1		1	8		47
	Северный Кавказ																
	Бежта	1	1	2		5											9
	Агач-Кала		1		1	4		2						12			20
	Гапшима	68						1									69
	Чми	10		1	8	20		2		2	1	1	3		1	14	63
	Гоуст	2		1	1	2		1						1			8
I	Архон	2	1	1	2	91	1	15									113
	Лац	1			1	2											4
	Комунта				1	2	4										7
	Балта	6	2		1	2						2		2			15
	Песчанка		1														1
	С. Х. О. Г. А.					2											2
	Дуба-Юрт	+	+	+		+				+							+
	Борисово								9								9
	Всего	91	8	34	15	134	5	21	9	2	2	4	3	16	1	22	367
	Крым																
	Бакла	67	50	101		27	40	21	10	11					2	36	365
	Северный Кавказ																
	Чир-Юрт	5	3			6	1	1		1			3			2	22
	Б. Буйн. кург.	2				1											3
II	Чми	11	1		1	4										1	18
	Архон		2						2				3				7
	Борисово	5				1		2									8
	Всего	23	6		1	12	1		2	1			6			3	58
	Крым							3									
	Вакла	5	3	2			4		18							6	39
II	частота	0,19	0,05	0,05	0,14	0,33	0,04	0,09		0,02	0,02	0,05	0,04	0,09		0,02	
I	»	0,12	0,08		0,02	0,12		0,02	0,03	0,02			0,06				
II	процент	24,8	2,2	9,3	4,1	36,5	1,4	5,7	2,5	0,5	0,5	1,1	0,8	4,4	0,3	6,0	
I	»	39,7	10,3		1,7	20,7	1,7	5,2	3,5	1,7			10,3			5,2	

Сделаны по методу вариантов *а* и *в*; нет устойчивых сочетаний цветов. Подтип 1 более характерен для первого периода.

Подтип 2 (14 экз., рис. 5, *21*, № 111). Бусы размером 0,8—1,0 *см* изготовлялись по методу варианта *б* при разном сочетании цвета глазка и полос.

Подтип 3 (34 экз., рис. 5, *22*, № 112). Очень устойчивый, с желто-красным глазком и желто-зелеными полосами (диаметр 1,0—1,2 *см*). Выработан на основании предшествующего и чрезвычайно типичен для памятников VIII—IX вв. [78] Эти бусы встречены в Томниковском (8 экз) [79] и Поломском [80] могильниках.

Подтип 4 — № 113. Такие же бусы, но с сине-белыми полосами, типичны для погребений Крыма VIII—IX вв., встречены единичные экземпляры на Северном Кавказе, в Поломском могильнике [81].

Тип б. Зонные (16 экз., рис. 5, *23*, № 114). Для их изготовления применялся вариант *а*. В основном этот тип встречен в погребениях VIII—IX вв. Излюбленных сочетаний цветов и устойчивых подтипов нет.

Тип в. Эллипсоидные (152 экз., рис. 5, *24, 25*). Бусы разных размеров (0,5 × 1,2 *см*, 0,8—1,0 × 1,5—2,0 *см*) разных расцветок с полосами, нанесенными вдоль или поперек бусины (146 экз., рис. 5, *24*, № 115). Для VI—VII вв. составляют пятую часть, а для VIII—IX вв. больше трети всех находок полосатых бус (варианты *а* и *г*).

Подтип 1 — небольшие бусы (0,7 × 1,3 см) из коричневого стекла (вариант *г*) с бело-коричневыми полосами (6 экз., рис. 5, *25*, № 116). Больше всего этих бус найдено в крымских могильниках. Исследование области их распространения позволит определить место производства.

Тип г. Цилиндрические (35 экз., рис. 5, *26—27*).

Подтип 1 (24 экз., рис. 5, *26*, № 117). Бусы, согнутые из листа полосатого стекла, разного размера (преимущественно 0,5—0,7 × 1,0—1,2 *см*) и разного цвета. Нет устойчивых подтипов. Подтип 2 (11 экз., рис. 5, *27*, № 118). Бусы удлиненной формы из непрозрачного стекла сургучно-красного цвета с перистым орнаментом из навитых белых нитей (вариант *в*). Имеются только в погребениях Борисовского и Баклинского могильников VIII—IX вв., а также в погребениях Западной Европы [82].

Тип д. Битрапецоидные (3 экз., рис. 5, *28*, № 119). Бусы синего полупрозрачного стекла с белой полосой на ребре (диаметр 1—1,2 *см*, при длине 0,6—0,7 *см*). Встречены редко в погребальных комплексах Северного Кавказа, но регулярно в погребениях Баклинского могильника.

Тип е. Катушкообразные (2 экз.. рис. 5, *29*, № 120). Бусы с сине-бело-красными полосами. Этот тип встречен только в могильниках VIII—IX вв. в Дарьяльском ущелье (Чми) и на Северском Донце (Салтово).

Тип ж. Бантообразные (4 экз., рис. 5, *30*, № 121) с сине-бело-красными полосами. Этот тип, как и предыдущий, встречен только в могильниках VIII—IX вв. в Дарьяльском ущелье (Чми, Балта) и на Северском Донце (Салтово).

Тип з. Кольцеобразные (9 экз., рис. 5, *31*, № 122). От центра расходятся полосы стекла разных цветов. Редкий тип, встречен только в погребениях Чми VIII—IX вв. Аналогичные бусы встречены в погребениях V—VII вв. во Франции [83], что не кажется странным, так как на Рейне находились колонии сирийцев и евреев и стеклоделие здесь продолжало ближневосточные традиции.

---

[78] Чегем, ГИМ, кол. 38378; П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа Лизгор, МАК, вып. VIII, М., 1900, табл. XC, *2*.

[79] В. Н. Ястребов. Ук. соч., 2, табл. XII, *1, 8*.

[80] Гос. Эрмитаж ОИПК, кол. 606. погр. 7, № 74; погр. 22, № 186, погр. 73, № 1650.

[81] Гос. Эрмитаж, ОИПК, № 1889.

[82] A. Stroh. Ук. соч., цветная табл., № 102. K. Davidson. Korinth. The Minor Objects, т. XII №№ 2481, 2482, 2483.

[83] E. Salin. Le Haut moyen-âge en Lorraine d'aprés les mobilie. Paris, 1939, стр. 415.

Таблица 6

Количественное соотношение мозаичных бус по типам

Периоды	Рис. 5		*34*	*35*	*38*	*39*	*40—41*	*42*	*43*	*44*	*45*	*46*	*47*	*48—49*	*50*	*51*	*52*	*53*	*54*	*55*	*57*	*58*	*59—60*	*61*	*62—63*	*64—65*	*66—67*		Общее количество 357
	№№ типов	125	126	127	128	129	130	131	132—3	134	135	136	137	138	140	141	142	143	144	145	147	148	149	150	151—2	153	154	155	
	Количество	4	14	6	4	23	7	7	9	103	7	5	6	9	12	4	47	5	7	1	1	4	6	1	122	22	5	16	
	Салтово					1		5	2	6		2		2		2	7		4		1	1	6	1		1			41
	Северный Кавказ																												
	Бежта			1	1	1	1			29	3				8			1		1									46
	Агач-Кала	1				3	3	1		3		3	1				1	3							16	1			36
	Гапшима									1																3	3	1	3
	Чми		3			10		1	2	16			1		1	1	6	1	1									6	54
	Гоуст	1	4						2	11	1				1										3	1			24
II	Архон		2	1					1	31	2		1		2		2					3				1			46
	Лац									1																			12
	Комунта				1					2	1																	1	4
	Балта		1		1	4	1		1					5		1	24									7	2	4	51
	Песчанка		1	4													7		2									1	15
	С. Х. О. Г. А.						2			1			1	2											3	8			17
	Дуба-Юрт							+									+									+			+
	Борисово																												
	Всего	2	11	6	3	19	7	7	8	101	7	5	4	9	12	4	47	5	7	1	1	4	6	1	22	22	5	13	339
	Крым																												
	Бакла		22	71	18		1		16	33	25	1	1	1	11		10			23								4	234
	Северный Кавказ																												
	Чир-Юрт		1			3			1				1															3	9
	Б. Буйн. кург.	1	1																										2
I	Чми	1	1																										2
	Архон									2			1																3
	Борисово				1	1																							2
	Всего	2	3		1	4			1	2			2															3	18
	Крым																												
	Бакла																												
II	Частота	0,02	0,14	0,02	0,03	0,14	0,03	0,02	0,12	0,22	0,07		0,03	0,05	0,07		0,03	0,09		0,02						0,03	0,17	0,03	
I	»	0,5	0,03		0,05				0,02	0,03			0,03																
II	Проценты	0,6	3,3	1,8	0,9	5,6	2,1	2,1	2,4	29,8	2,1	1,5	1,2	2,7	3,6	1,2	13,9	1,5	2,1	0,3	0,3	1,2	1,8	0,3			1,5	3,9	
I	»	11,6	16,7		5,6	22,2			5,6	11,1			11,1												6,5	6,5		16,7	

Подвески (16 экз., рис. 5, *32*, № 123). Треугольные подвески из полосатого мозаичного стекла. Коричневые с сине-белыми полосами. Особенно типичны для погребений Агач-Калинского могильника VIII—IX вв. (62% полосатых бус) и X—XI вв. (17 экз.).

Особый интерес представляет бусина (№ 124, рис. 5, *33*), состоящая из двух цилиндриков синего полупрозрачного стекла, покрытых прямыми и волнистыми выпуклыми нитями желтого непрозрачного стекла, найденная в катакомбе VIII—IX вв. в Чми. В Крыму, на Кавказе и в Западной Европе совершенно нет аналогий этому типу, между тем в Средней Азии [84] и Чонг-Тиме [85] (с датой VI—VIII вв.) встречены абсолютно такие же экземпляры. Таким образом, наличие в могильнике Чми этой бусины свидетельствует о далеких средне-азиатских или индийских связях.

Подытоживая описание полосатых бус, следует отметить, что определенные технические приемы изготовления являются хронологическим признаком. Так, вариант *в* характерен для начала рассматриваемого периода и для Крыма, тогда как вариант *г* чаще применяется в IX—XI вв. Кроме этого, надо отметить преимущественность сочетания определенной формы с определенным техническим вариантом. Для варианта наиболее типичный формой является лимоновидная или цилиндрическая, для варианта *б* шарообразная или цилиндрическая, для варианта *в* эллипсоидная и цилиндрическая.

Группа 5. Мозаичные бусы (357 экз., рис. 5, *34, 67*).

Процент находок мозаичных бус по сравнению с другими может служить хронологическим признаком для выделения двух периодов.

Для VI—VII вв. в Крыму они составляют 0,3%, в Борисовском могильнике — 0,2%, в Дагестане — 0,8%, в Центральном Предкавказье — 1,3% от общего числа бус.

В погребениях VIII — IX вв. Борисовского могильника мозаичных бус нет совсем, в могильниках Крыма их 4,2%, Центрального Предкавказья и Дагестана — 5, 5%, а в Салтовском могильнике — 3,8%.

Особенно заметно отличие между этими периодами по частоте встречаемости. Если в VI—VII вв. только в 20% всех погребений встречены мозаичные бусы, то в VIII—IX вв. они имеются в 60% погребений.

Мы выделяем пять вариантов мозаичных бус по степени усложнения технологического процесса их производства и по характеру их составных элементов. Так как первый, наиболее многочисленный тип первого отдела — шарообразные бусы — включает почти все варианты, то мы рассмотрим последние при исследовании именно этого отдела.

Отдел I. Круглые. Тип I. Шарообразные (74 экз.).

Вариант *а*. Пятнистые мозаичные бусы (4 экз., № 125). Большое количество кусочков дробленого стекла разных расцветок помещалось в форму и нагревалось до спекания, таким образом получались бусы или подвески с разноцветными пятнами.

Вариант *б*. Бусы, состоящие из одинаковых простых глазков (14 экз., рис. 5, *34*, № 126), для их изготовления применялись сочетания стекла разных цветов — красного, желтого и зеленого.

Вариант *в*. Бусы, состоящие из одинаковых мозаичных кусочков, представляющих собой сложные глазки с ресничками (4 экз., рис. 5, *38*, № 128). Здесь также мы имеем бусы, состоящие из глазков различных цветов, но все же среди них можно выделить ряд подтипов (вполне возможно, что дальнейшие исследования позволят выделить их значительно больше).

Подтип 1 (6 экз., рис. 5, *35*, №127). Довольно небрежной отделки бусы (диаметр 1,2—1,3 *см*), состоящие из шести — семи сложных глазков

[84] Гос. Эрмитаж, отдел Советского Востока, № 13849.
[85] A. Stein. Serindia, табл. IV, *0030*, стр. 1315.

(желто-красно-желтый глазок и желто-зеленые реснички). Найдены только в комплексах VIII—IX вв. в Крыму [86], Поломском [87] могильнике, Средней Азии [88], Хотане [89], Скандинавии [90].

Подтип 2 (рис. 5, *36*, № 128). Такие же бусы, но глазки с сине-белыми ресничками. Распространены в Крыму (Бакла, Сахарная Головка) [91].

Подтип 3 (рис. 5, *37*, № 128). Такие же, но с черно-белыми ресничками.

Вариант *г*. Бусы, состоящие из различных сложных или простых глазков.

Подтип 4 (43 экз., рис. 5, *39*, № 129). Нет устойчивого сочетания глазков определенных типов. Найдены в погребениях обоих периодов, но чаще и в большем количестве в VI—VII вв.

Подтип 5 (7 экз., рис. 5, *40*, *41*, № 130). Бусы с мозаичными глазками из оранжевой пасты, найдены только в памятниках VIII—IX вв. Так же как для одноцветных бус из оранжевой пасты, основная область их распространения — Дагестан [92]. Единичные экземпляры найдены в Центральном Предкавказье [93].

Вариант *д*. Бусы с шахматным или «ковровым» узором.

При производстве этих бус в форму укладывались стержни стекла разных цветов таким образом, чтобы в поперечном сечении получался рисунок (изображения лица Медузы Горгоны, розетки, просто ковровый узор), затем стержень вытягивался и разбивался на диски или плитки.

Подтип 6 (7 экз., рис. 5, *42*, № 131). Бусы этого подтипа изготовлены из двух-трех кусков мозаичного стекла. Найдены только в погребениях VIII—IX вв., но в небольшом количестве, поэтому не могут служить хронологическим признаком.

Подтип 7 (4 экз., № 133). При изготовлении этих бус стержень стекла одного цвета пронизывался стеклянными нитями другого цвета. Тогда на двух полюсах выходили округлые срезы стержней, а между ними заключались полосы. Сочетание цвета стержня и нитей неустойчиво. Выделяется, особенно в Баклинском могильнике (Крым), подтип со стержнем полупрозрачного зеленого стекла и белыми нитями.

Подтип 8 (5 экз., рис. 5, *43*, № 132). Бусина полупрозрачного голубого стекла пронизана стержнями белого непрозрачного стекла. Найдены в Поломском могильнике [94], в Средней Азии [95], Скандинавии [96].

Тип *б*. Зонные бусы (110 экз., рис. 5, *44, 45*). Небольшого размера (диаметр 0,9—1,0 *см*, длина — 0,7 *см*). Выделяются два подтипа.

1-й подтип (163 экз., рис. 5, *44*, № 134). Бусы из сине-бело-синих глазков, самый распространенный подтип мозаичных бус на Северном Кавказе. Они найдены в 20% погребений VIII—IX вв. и широко представлены в случайных находках из могильников Северного Кавказа [97], Южной Осетии [98] и Средней Азии [99].

---

[86] Склеп Чуфут-Кале, музей г. Бахчисарай, № 1.

[87] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. 606, п. 19, № 149, 590.

[88] Гос. Эрмитаж, отдел Советского Востока, кол. 13962, 13956—13976, 13895—13910.

[89] A. Stein. Ук. соч., Khotan, № 0072.

[90] H. Arbman. Ук. соч., 122, *7c—14c*.

[91] Склеп 44, музей г. Бахчисарая, № 15.

[92] Кроме Бежты и Агач-Калы VIII—IX вв., встречены в Килятле (1 экз.) и Агач-Кале X—XI вв.

[93] Чегем, ГИМ, 38370. Кабардино-Балкария (5 экз.), г. Нальчик, № 2856—164, Дзивгис, МАК, вып. VIII, табл. XC, *3*.

[94] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. 606, погр. 13, № 105.

[95] Гос. Эрмитаж, отдел Советского Востока, кол. 14699.

[96] H. Arbman. Ук. соч., табл. 123, *12f, 15*.

[97] Кобань (2 экз.), музей г. Орджоникидзе, № 1508, 1532, Кумбулта (17 экз.), ГИМ, хр. 91/41б; Фаскау, ГИМ, хр. 65/48б; Баксан (35 экз.), ГИМ, кол. 44817; Кабардино-Балкария (16 экз.); музей г. Орджоникидзе, № 2856, 254, Вольный Аул (1 экз.), экспозиция музея г. Нальчика; район Пятигорска (1 экз.), музей г. Орджоникидзе, кол. 3666, Архон, гробница № 2, музей г. Пятигорска, № 15.

[98] Эдесси (1 экз.), ГИМ, кол. 25196.

[99] Гос. Эрмитаж, отдел Советского Востока, кол. 14699.

2-й подтип (7 экз., рис. 5, *45*, № 135). Бусы, состоящие из желто-красно-бирюзовых глазков, тех же размеров. Устойчиво сочетание глазков, но они более редки, чем предыдущие, хотя в Крыму оба эти подтипа найдены почти в одинаковом количестве.

Тип в. Эллипсоидные (20 экз., рис. 5, *46—49*). Часть эллипсоидных (иногда уплощенных) бус состоит или из одинаковых, или из разных сложных глазков. Они не представляют собой устойчивый тип бус (№ 137). Но среди них все же выявляется ряд подтипов.

Подтип 1 (9 экз., рис. 5, *48, 49,* № 138). Бусина состоит из желто-красных или сине-бело-красных глазков с желто-зелеными ресничками. Они имеются и в комплексах, и в случайных коллекциях из северо-кавказских могильников [100] VIII—IX вв., где можно проследить, как постепенно вырабатывался устойчивый (по цвету глазков, их сочетанию и размерам) подтип. Имеются эти бусы в Поломском могильнике [101] и в Подунавье. Специально занимавшиеся бусами К. Динклаг и И. Поулик датируют их IX веком и считают центром их производства Южную Россию [102].

Бусы подтипа 2 состоят из желто-красных глазков с черно-белыми ресничками (139), подтип 3 — бусы из желто-красных глазков с сине-белыми ресничками (№ 136).

Тип г. Яйцевидные (12 экз., рис. 5, *50*, № 140). Сделаны из красно-желто-черно-белых глазков, причем глазки опущены в полупрозрачное черное стекло, которое всегда выходит на поверхность краев отверстия.

Встречены только в памятниках VIII—IX вв. в Центральном Предкавказье [103], Дагестане [104], Крыму (Бакла и Сахарная Головка) [105].

Тип д. Цилиндрические (74 экз.). Часть бус не представляет определенного типа, так как они состоят из различных мозаичных глазков, не дающих устойчивого сочетания (рис. 5, *59*, *60*).

Подтип 1 (4 экз., рис. 5, *51*, № 141). Вытянутые цилиндрические бусы с синими, красными и белыми полосами по краям и красными звездочками по зеленому полю в центральной части. Найдены в Поломском могильнике [106], Старой Ладоге [107], в Подунавье [108], К. Динклагом и И. Поуликом они признаны южнорусскими по происхождению, попавшими в Подунавье в IX в. В своей работе И. Поулик перечисляет все памятники Подунавья, в которых встречены бусы данного подтипа. Несмотря на сложность рисунка во всех этих бусах повторяются все детали.

Подтип 2 (47 экз., рис. 5, *52*, № 142). Удлиненные бусы (0,7×1—2,2 *см*) с желто-красными глазками, с бело-синими ресничками в центре и синими и белыми полосами по краям. Такие бусы могут быть сдвоены. Встречены на Северном Кавказе [109], в Старой Ладоге [110] Скандинавии [111] и даже на Рейне [112], только там глазки иногда состоят из пронизанных стержней (в виде звездочки).

Подтип 3 (5 экз., рис. 5, *53*, № 143) бусина имеет красный или желтый поясок посередине, два ряда сине-белых глазков сбоку и ободок из непро-

---

[100] Корца, ГИМ, хр. 65/7а; **Дзивгис, МАК, вып. VIII, табл. XC, 3; Псыдах,** музей г. Нальчика, № 1078, Зилги — музей г. Нальчика, № 1083.

[101] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. 606, № 1833.

[102] J. Poulik. Ук. соч., табл. XXXIX, *2*, стр. 59 и сл.

[103] Кумбулта, ГИМ, хр. 91/44б.

[104] Агач-Кала X—XI вв.

[105] Музей г. Бахчисарая, склеп № 44, № 216.

[106] Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. 606, п. 13, № 106.

[107] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 170—172.

[108] J. Poulik. Ук. соч., табл. XXXIX, *1*, стр. 59.

[109] Галиат, ГИМ, кол. 25276; Баксан, ГИМ, кол. 44817; Псыдах, музей г. Нальчика, № 1078.

[110] Ф. Д. Гуревич. Ук. соч., стр. 170—172.

[111] H. Arbman. Ук. соч., табл. 122, *7*.

[112] A. Stroh. Ук. соч., цветная табл., №№ 124, 125.

зрачного белого стекла. Этот подтип не встречен нигде кроме Дагестана, а здесь в VIII—IX вв. найден в трех, достаточно удаленных друг от друга, пунктах.

Подтип 4 (7 экз., рис. 5, *54*, № 114). Бусина состоит из пояска с шахматным узором, наложенным сверху на бусину из одноцветного стекла (непрозрачного красного, голубого или желтого). Довольно редкий тип. Найден в Центральном Предкавказье [113] и Дагестане [114].

Подтип 5 (1 экз., рис. 5, *55*, № 145). Бусы из зеленого полупрозрачного стекла с пронизывающими их стержнями из белого непрозрачного стекла. Найдены на Северном Кавказе и в Крыму, причем подтип (№ 146) с основой из светло-голубого стекла является наиболее распространенным.

Отдел 2. Шестигранные. Тип а. Призматические (5 экз., рис. 5, *57*, *58*). Редкая форма мозаичных бус, характерна для конца исследуемого периода (IX в.). Различные мозаичные глазки, типичны для других форм (№ 135), иногда они пронизаны белыми стержнями в зеленом стекле.

Отдел 3. Плоские. Тип. а. Плитчатые.

Ряд бус, исполненных в технике варианта *б*. в Агач-Кале в склепе VIII—IX вв. найдена одна плоская плитчатая бусина с красным трилистником в центре и зелеными ресничками, направленными от центра к краям по желтой основе бусины (рис. 5, *65*).

Выделяется подтип 1 (22 экз., рис. 5, *62, 63,* №№ 151, 152): бусы с проходящим насквозь оранжевым ромбиком в зеленом или желтом ободке с красным зрачком в центре. Основа бусины чаще всего сделана из непрозрачного красного стекла. Центр изготовления этих бус находился в Агач-Кале; отдельные экземпляры найдены в Центральном Предкавказье [115].

Подтип 2 (22 экз., рис. 5, *64,* № 153). Это синие бусы плоские, квадратной формы (1,4 × 1,3 × 0,2 *см*), через центр которого проходит или квадрат с сине-белым шахматным орнаментом, или бело-синий стержень.

Подвески из мозаичного стекла (5 экз., рис. 5, *66, 67,* № 154) — в форме кабаньего клыка изготовлялись из различных кусочков стекла, уложенных в форму и сплавленных при нагревании.

В описательной части работы мы показали, что определенные типы и подтипы бус являются датирующими, так же как изменяющийся во времени процент групп, отделов и типов бус. Надо отметить, что в целом бусы VIII—IX вв. значительно отличаются от бус предшествующего (IV—V вв.) и последующего (X—XII вв.) периодов. Внутри этого промежутка времени легче выделяется период VIII—IX вв., так как его характеризует присутствие целого ряда новых типов бус. Период VI—VII вв. почти не имеет присущих только ему типов (за исключением Крыма, но на этом вопросе в данной статье мы не останавливаемся).

Произведенный нами анализ бус из погребений показывает, что I период VI—VII вв. характеризуется высоким процентом каменных и янтарных бус 41,4% + 16,4% (за счет сердоликовых на Северном Кавказе — 31,8% + 1,6% и янтарных в Крыму). Шарообразные сердоликовые бусы бытуют в это время в большом количестве (83%) погребений, причем бусы небрежной обработки местного производства составляют очень высокий процент. Чаще, и в большем количестве, чем позднее, входили в состав ожерелий гладкие и желобчатые эллипсоидные сердоликовые бусы. Коралловые бусы встречены только в этот период, лазуритовых больше, чем в VIII—IX вв.

В большинстве погребений найдены одноцветные, круглые в сечении, цилиндрические и шестигранные призматические бусы и бисер. Глазчатых бус в памятниках VI—VII вв. меньше и встречаются они в погребениях реже, чем в VIII—IX вв. Надо отметить среди них большое коли-

[113] Кобань, музей г. Орджоникидзе, № 1508—32.

[114] Урада, музей г. Махач-Кала (экспозиция).

[115] Баксан, ГИМ, кол. 44817; Чегем, ГИМ, кол. 38379, Псыдах, (4 экз.), музей г. Нальчика, № 1078; Нальчик, музей г. Нальчика, № 1642.

чество глазчатых бус (с многослойными и мозаичными глазками), не имеющих устойчивого сочетания цвета основы бусины с определенными глазками. Только в VI—VII вв. и в IV—V вв. выделывались крупные зонные глазчатые бусы с глазками в ободках и с глазками-крапинками. Из всех типов, выделяющихся по устойчивому сочетанию цвета основы и глазков, для VI—VII вв. надо отметить только черные с черно-белыми глазками и бирюзовые с красно-желтыми глазками (эти два типа вместе составляют больше половины всего количества находок глазчатых бус VI—VII вв.). Погребения VI—VII вв. сопровождаются большим процентом шарообразных полосатых бус и кольцеобразных с полосами, отходящими от центра. Судя по находкам в погребениях, мозаичных бус в VI—VII вв. было очень мало.

II период (VIII—IX вв.) характеризуется возросшим процентом стеклянных бус 86,1% ± 1,4%. Среди каменных бус на первом месте продолжают оставаться сердоликовые, но их количество падает до 9,9% ± 3,3%. Появляются четырнадцатигранные сердоликовые бусы, много инкрустированных. Для выделки бус стали употребляться альмандин и роговик, отсутствовавшие ранее. Наиболее типичным является набор стеклянных бус. Только в этот период встречены бусы из прозрачного бесцветного стекла местного производства (№№ 58, 60, 74), бусы из оранжевой пасты (№№ 52, 83), желтого свинцового стекла (№№ 53, 72), дутые (№№ 54, 56), синие разделители, синие эллипсоидные уплощенные бусы (№ 80, типичные особенно для Крыма); глазчатые, шарообразные — синие с желтыми глазками (№ 92), желтые с зелено-белыми глазками (№ 98), белые с многослойными глазками (№ 96), крупные разных цветов с многослойными глазками (№ 99), кольцеобразные желтые с сине-белыми глазками (№ 103) и бородавчатые (№ 107). Среди полосатых выделяется сложившийся в это время подтип (№ 112) с красно-желтым стержнем и желто-зелеными полосами. Наибольшее число подтипов, сложившихся в VIII—IX вв., наблюдается среди мозаичных бус. Эти бусы с включениями оранжевой пасты (№№ 130, 151), бусы, состоящие из красно-желтых глазков с желто-зелеными ресничками (№№ 127, 128), бусы из сине-белосиних глазков (№ 134) и т. д.

Такое изменение в составе стеклянных бус объясняется возникновением в VIII—IX вв. местного Северо-Кавказского стеклоделательного производства.

Исследование бус, изготовлявшихся в ближневосточных и византийских городах и в Закавказье, позволило бы нам более определенно судить о характере и направлении торговых связей. Наиболее ясными нам кажутся связи с Востоком, так как там известны местонахождения центров добычи полудрагоценных камней. Так, бусы из лазурита, граната, альмандина и определенных видов сердолика привозились из индо-иранских городов; оттуда же поступали и некоторые стеклянные бусы (№ 124). Химико-технологическое исследование стеклянных бус из средневековых могильников Юго-Восточной Европы позволяет решить вопрос о количественном соотношении привозных и изготовленных на месте бус.

Типологическое исследование бус позволило нам выделить в качестве датирующего признака как процентное соотношение тех или иных групп бус, так и определенные типы и подтипы. На основании этого уже сейчас представилось возможным датировать более точно ряд могильных памятников Северного Кавказа и Крыма.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, И. Н. ХЛОПИН

О НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Создателем истории отечественной артиллерии как науки является Н. Е. Бранденбург. Выпущенный им «Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея» представляет собой своеобразную энциклопедию русских пушек[1]. Однако еще много древних орудий остались фактически не изученными и плохо датированными. Наши заметки посвящены некоторым выдающимся памятникам из собрания Артиллерийского исторического музея в Ленинграде.

1. Пищаль мастера Якова. От последней четверти XV в. в документах XVII в. имеются описания 29 бронзовых орудий, но лишь одно из них в натуре сохранилось доныне. Это — пищаль мастера Якова[2], древнейшее датированное бронзовое огнестрельное орудие, известное в науке уже 120 лет (рис. 1). Эта пищаль происходит из Нерчинска, откуда она сначала попала в Казанский арсенал (в 1829 г.), а затем, в 1830 г., в «достопамятный зал» С.-Петербургского арсенала[3]. Мы пока не знаем, откуда была привезена в Нерчинск, основанный в 1656 г., пищаль, уже прослужившая к тому времени 150 лет.

На пищали имеется литая надпись, которая в отношении даты долгое время считалась сбивчивой и противоречивой[4]. Обращалось внимание на то, что, будучи прочтенной как 1485 г. (6993 г. «от сотворения мира»), она находится в противоречии с другой датой, указанной в той же надписи, а именно, что эта пищаль изготовлена в тридцатом году царствования Ивана III, т. е. в 1492 г. А. П. Лебедянская, подвергнув надпись тщательному анализу, убедительно доказала, что дата пищали «от сотворения мира» была прочтена неверно, и предложила годом отливки считать 1492 г.[5]. Однако в некоторых работах, вышедших после ее поправки, продолжает встречаться старая, неверная датировка памятника[6].

Надпись на этом орудии должна читаться следующим образом: «По велению благоверного и христолюбивого Великого князя Ивана Васильевича, государя всея Руси, сделана бысть сия пищаль в лето 7000 (SЦЧI = =6990+10[7], а не SЦЧГ=6993, как читали.— *А. К., И. Х.*) месяца сен-

---

[1] Н. Е. Бранденбург. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея, ч. I, СПб., 1877.

[2] АИМ, инв. № 9/32.

[3] Архив АИМ. Опись АИМ, ч. I, кн. II, 1882, л. 213 об.

[4] Н. Мурзакевич. О пушечном литейном искусстве в России. ЖМНП, 1838, сентябрь, стр. 533; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 56 и 106.

[5] А. П. Лебедянская. Очерки по истории литейного производства в Московской Руси. Сб. ИМАИМ, т. I, Л., 1940, стр. 64—65. рис. 2—3.

[6] Н. Н. Рубцов. История литейного производства в СССР. М.—Л., 1947, стр. 243; М. М. Денисова, М. Э. Портнов, Е. Н. Денисов. Русское оружие. М., 1953, стр. 87.

[7] Такое написание десятков иногда встречается. Так, в псалтыри 1568 г. (хранится в Рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина) тетрадь 30 обозначена через KI, т. е. 20 + 10, а не Л, в то время как 29-я и 31-я тетради обозначены обыкновенно, т. е. КѲ ЛА.

тября (в) 30-е лето господарства его, а делал Яков» (рис. 2). Казалось бы, дата 7000, т. е. 1492 г., соответствует тридцатому году правления Ивана III. Однако следует учесть то обстоятельство, что при переводе даты «от сотворения мира» в летоисчисление «от рождества Христова», в тех случаях, когда указаны месяцы с сентября по декабрь, надо из количества лет «от сотворения мира» вычитать не число 5508, а 5509, так как новый

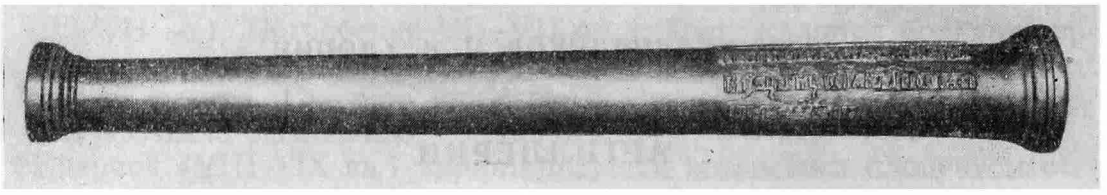


Рис. 1. Пищаль мастера Якова (1491 г.)

год до 1700 г. начинался не с января, а с сентября. В этом случае получается не 1492 г., а 1491 г. Действительно, сентябрь месяц 1491 г. (по январскому счету) приходится на тридцатый год правления Ивана III, который вступил на престол 27 марта 1462 г. (тоже по январскому счету). Таким образом, получается, что датой изготовления орудия следует считать 1491 г.

Рис. 2. Прорисовка надписи пищали Якова

У описываемой нами пищали имеются некоторые особенности [8]. На плоской казенной части ствола заметны остатки железа [9], по всей вероятности, от сердечника, вставлявшегося в форму для образования канала ствола во время отливки. О существовании железных сердечников в XVII в. мы знаем из документов того времени [10]. Но, по-видимому, их появление следует относить к периоду организации государственных литейных мастерских, т. е. к 80-м годам XV в. На орудии имеются также врезная мушка и площадка для прицела, однако относить эти прицельные приспособления к XV в. пока нет никаких оснований.

---

[8] Длина — 137 *см* (1 аршин 15 вершков), вес — 76 *кг* (4 пуда 26 фунтов), калибр — 65 *мм* (в весовом выражении 2 фунта).

[9] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 107.

[10] ГПБ. Рукописный отдел. Фонд Пушкарского приказа, № 2, л. 72.

На чертеже из архива АИМ [11] изображена другая пищаль, отлитая Яковом, происходящая из бывшей Оренбургской губ., которая во всем (длина, вес, калибр) соответствует рассматриваемой нами. Однако в середине XVIII в. при копировании надписи, обозначавшей год отливки этого орудия, «артиллерии сержант» Алексей Терентьев вместо і «десятеричного» написал И «восьмеричное», что понизило дату изготовления пищали на два года, хотя год правления Ивана III (в надписи) остается тем же, что и на сохранившемся экземпляре 1491 г. Эта описка, вероятно, объясняется тем, что в середине XVIII в. при составлении чертежа перепутали «і» и «И», поскольку в обиход уже прочно вошли арабские цифры. Таким образом, мы убеждаемся в том, что оренбургская пищаль совершенно тождественна пищали из АИМ и сделана с ней в один год; прицельные приспособления на ней отсутствуют. Орудия, отлитые в конце XV в., столетиями оставались на вооружении крепостей. Большей частью мы знаем о них из описей XVII в. Так, в описи оружейной палаты Кирилло-Белозерского монастыря 1668 г. специально отмечены «мишени» у нескольких орудий [12]. Вероятно, что также к XVII в. относятся мушка и прицел на пищали Якова из собрания АИМ.

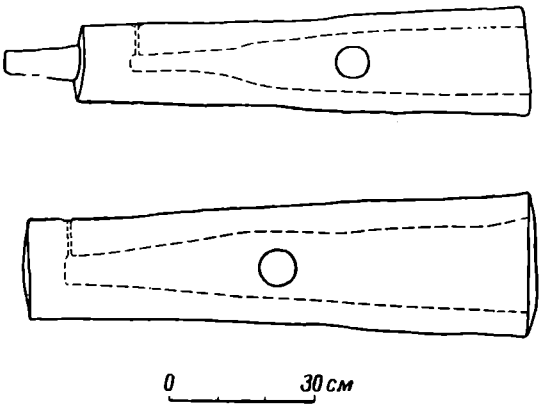


Рис. 3. Тюфяки Соловецкого монастыря (начало XVII в.)

Полное совпадение нерчинской и оренбургской пищалей говорит о серийности отливок однотипных пушек русским мастером Яковом, очевидно не уступавшим в литейном искусстве своему «фряжскому» тезке [13]. Массовое типовое литье бронзовых орудий началось в 80-х годах XV в. и способствовало быстрому вооружению русских войск артиллерийским оружием [14]. Нерчинская пищаль Якова — один из первых образцов типового пушечного литья.

2. Соловецкие тюфяки. В 1877 г. Н. Е. Бранденбург привез в Артиллерийский музей из Соловецкого монастыря превосходную коллекцию древнего вооружения, в которой оказались два особенных по виду железных артиллерийских орудия [15], как позднее определилось, называющихся «тюфяки». Эти образцы являются сегодня единственными дошедшими до наших дней орудиями названного типа. Оба памятника изданы [16], но подробности их устройства недостаточно освещены, а признанная дата их изготовления — XVI в.— нуждается в пересмотре.

Оба экземпляра несколько различаются размерами, но их устройство одинаково (рис. 3). Стволы конической формы расширяются к дульной

---

[11] А. П. Лебедянская. Рапорт 1757 г. о «достопамятных» орудиях в Оренбургском округе. Сб. ИМАИМ, т. I, стр. 252—253, табл. 1, *1*.

[12] П. И. Саввaитов. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря, ЗОРСА, РАО, т. I, СПб., 1851, отд. II, стр. 6; А. Н. Кирпичников и И. Н. Хлопин. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI—XVIII веках. МИА, № 77, 1958, стр. 177.

[13] В конце XV в. на Московском пушечном дворе, кроме упомянутого выше Якова, работал иноземец Яков Фрязин (см. А. П. Лебедянская. Очерки по истории литейного производства, стр. 68).

[14] А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия. СА, 1957, № 3, стр. 68 сл.

[15] Архив АИМ. Опись АИМ, ч. I, кн. II, 1882, л. 223 об. АИМ, инв. № 9/35 и 9/34: Д. П. Струков. Путеводитель по Артиллерийскому историческому музею. СПб., 1912, стр. 16.

[16] В. Г. Федоров. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. М., 1949, стр. 53.

части; их длина — 92 *см* и 107 *см*, калибр дульного среза соответственно — 13,5 и 20 *см*. К телу обоих стволов приварены цапфы длиной 5 *см* и «хвост» (у второго экземпляра № 9/34 — он, по-видимому, обломан).

В письменных источниках тюфяки обычно названы стреляющими «дробом», что подтверждается конической формой канала ствола, обеспечивающей разлет «дроба» при выстреле. По своим измерительным данным оба экземпляра приблизительно соответствуют крупным орудиям этого рода (длина 1,5 аршина, калибр до 9 гривенок, вес от 3 пудов 20 фунтов до 7 пудов 20 фунтов) [17].

Время и место изготовления тюфяков нам удалось определить довольно точно по архивным данным. Они были изготовлены в Соловецком монастыре из «корельского уклада» где-то между 1604 г., когда опись наряда их не упоминает, и 1613 г., когда они впервые отмечены в составе артиллерии под названием дробовых тюфяков в разделе орудий «монастырского кованья» [18]. Как раз в первой четверти XVII в. происходило активное вооружение монастыря; его артиллерия за 9 лет (с 1604 г. по 1613 г.) увеличилась в три раза (с 31 до 93 пушек). Опись 1633 г. уточняет количество тюфяков — их было 4 [19]. Наконец, из документа 1676 г. мы узнаем, что два из них были «в станках на колесах», назывались дробовиками и находились в нижних боях Никольской и Белой башен [20]. Видимо, эти два орудия и есть тюфяки, находящиеся ныне в собрании АИМ. Размещение дробовых орудий в нижних боях башен, особенно воротных, было, видимо, наиболее целесообразным для отражения приступов и стрельбы по противнику. «Устав ратных и пушечных дел» (1607—1621 гг.) рекомендует такое расположение пушек, стрелявших «добросечным железом» [21].

В XV—XVII вв. тюфяки типичны для русских крепостей. При первом же появлении огнестрельного оружия на Руси тюфяки упомянуты на стенах Москвы. И в дальнейшем они обычно являются оружием крепостной обороны. Так, по данным «Описной книги пушек и пищалей» (1626—1647 гг.) в 100 укрепленных пунктах Московского государства насчитывалось около 140 тюфяков, причем 90 из них были бронзовыми [22]. Отливать тюфяки стали в Москве, примерно с конца XV в. [23].

В источниках калибр тюфяков, как правило, не указывался, так как для дробовых орудий это было неважно. Но иногда тюфяки стреляли ядрами, и тогда указывался калибр, обычно небольшой (по данным «Описной книги» он колебался от 1/4 до 2 1/4 гривенок). В XV в. тюфяки изредка употребляли при нападениях на города. Возможно, что те из них, у которых источники XVII в. отмечают ядра, а не дроб, относятся еще к XV в [24]. В XVI—XVII вв. тюфяки прочно вошли в состав городового наряда и в поле их не употребляли. К середине XVII в. военное значение этого вида орудий падает и их почти перестают изготовлять.

---

[17] В. Г. Федоров. Ук. соч., стр. 95—96.

[18] «Да железных монастырского кованья пушек скорострельных и полуторных и девятипядных и дробовых тюфяков (разрядка наша.— *А. К.* и *И. Х.*) и хвостушь 54 пищали». Архив ЛОИИ: Соловецкие книги, № 128, л. 115 и об.; № 130, л. 11 об.

[19] Архив ЛОИИ, Соловецкие книги, № 137, л. 161 об.

[20] ДАИ, т. V, СПб., 1853, стр. 373—374; ЦГАДА, ф. 125, № 45, л. 552 об. и 557 об.

[21] О. Михайлов. Устав ратных, пушечных и иных дел, касающихся до воинской науки, ч. I, СПб., 1777, стр. 74 и 137.

[22] А. Н. Кирпичников. Описная книга пушек и пищалей как источник по истории русской средневековой артиллерии. Сб. ИМАИМ, т. IV, Л., 1959, стр. 270 сл.

[23] Древнейшее свидетельство такого рода: «Тюфяк медный с травами, длина 1 аршин, 5 вершков, вес 6 пудов 20 гривенок. Надпись: Иоанн божиею милостью государь всея Руси, лета 7008 (1500 г.— *А. К.* и *И. Х.*), лил Игнатей». (Архив ЛОИИ. Собрание И. Гамеля, № 465). Известен также тюфяк упомянутого выше мастера Якова. (ДАИ, т. II, № 28, стр. 166).

[24] «Описной книге пушек и пищалей» (ГПБ, Рукописный отдел, F. IV, 75 л., 95 об.) упомянут «Тюфяк медяной старой 2-х пядей, к нему 5 ядер каменных» — орудие, явно для своего времени архаическое.

Термин «тюфяк» неизвестен в Западной Европе; он возник где-то на Востоке еще в доогнестрельную пору, а позже обозначал там ручное огнестрельное оружие. Впервые в значении пороховых орудий тюфяки упомянуты русской летописью под 1482 г.; но, в отличие от своего восточного прототипа, они изначально выступают как артиллерийские орудия.

В течение всего средневековья тюфяки сохраняют ряд архаических черт от XIV—XV вв. На примере соловецких орудий видно, что они по своей конструкции восходят к начальным образцам огнестрельного оружия, с узкой казенной частью и широким раструбом дула (ср. орудие типа арабской мадфы). Отечественные тюфяки были небольшими орудиями, что, видимо, говорит об их происхождении от раннего недифференцированного ручного и артиллерийского оружия.

3. Пищаль «Три аспида». Пищаль «Три аспида» — один из самых необыкновенных экспонатов Артиллерийского исторического музея. Орудие было привезено в Музей в 1873 г из Иосифо-Волоколамского монастыря [25]. Необычными являются длина ее ствола (492 *см*, что составляет около 100 калибров) и конструкция казенной части, с клиновым затвором для запирания ствола. Вес ствола — 158 *кг* (9 пудов 35 фунтов), калибр — 4,5 *см* (в весовом отношении 0,5 фунта). На нижней поверхности орудия имеются три приваренные петли, при помощи которых ствол скреплялся с лафетом или подставкой иного типа.

В XVII в. рассматриваемое орудие не называлось «Три аспида»; это название дал ему Н. Е. Бранденбург. Судя по архивным данным, оно именовалось трехколенной или трехсаженной пищалью «Гогулей». Известно, что «Гогуля» помещалась в одной из воротных башен монастыря [26].

Впервые эта пищаль отмечена вместе с другими десятью пушками в документе 1634 г., когда воевода И. К. Шенев передал в монастырь оружие после роспуска даточных людей [27]. Однако еще в начале XVII в. в Иосифове монастыре, видимо, испытывали острый недостаток в артиллерии и жаловались в Москву на задержку пушек из Волока-Ламского. Царская грамота 1613 г. укоряла воеводу Волока М. К. Коромышева в том, что «то делаете не гораздо, что по нашим грамотам наряду, и зелья, и свинцу в Иосифов монастырь не посылывали», и предписывала передать оружие «тот-час безо всякого замотчанья, чтобы затем нашему делу порухи не учинилось» [28]. На основании этих сведений привоз в монастырь орудий, в том числе и «Гогули», можно предположительно отнести к первой четверти XVII в. Место и время изготовления орудия нам выяснить не удалось, но вряд ли дата древнее второй половины XVI в.

---

[25] Архив АИМ, Опись АИМ, ч. I, кн. II, 1882, л. 222 об.— 233 об.; Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 158—159; Д. П. Струков. Ук. соч., стр. 25—26.

[26] Нектарий. Историческое описание Иосифо-Волоколамского монастыря. М., 1857, стр. 92. В описи монастыря около 1694 г. значится: «На задних воротах в башне пушка железная Гогуля трех сажен» (ЦГАДА, ф. 1192, опись 2, единица хранения 480, л. 103 об.). Очевидно, длина орудия была определена монахами приблизительно, «на глазок» (3 сажени равны 6 *м* 39 *см*), при этом отмечено, что оно железное. В 1634 г «Гогуля» почему-то названа медной (см. ниже).

Пользуясь случаем, благодарим Н. И. Филатову за присылку фотокопий ряда монастырских документов.

[27] Приводим роспись наряда, переданного в 1634 г. в Иосифов монастырь: «Пищаль медная Медведок, ядро к ней четыре гривенки, ядер к ней 80. Пищаль медная Волконейка, ядер к ней 40, все по полуторы гривенки. Пищаль медная Онагр, ядер к ней 50, по две гривенки ядро. Две пищали медные полковые, ядер к ним 30, по полугривенки ядро. Пищаль железная Гогуля, ядер к ней 20, по полугривенки ядро (разрядка наша.— *А. К.* и *И. Х.*). Да пять пищалей железных полковых, ядер к ним 150 по полугривенки ядро. Да затинных пятнадцать пищалей, ядер к ним 20 гривенок. Зелья в казне 12 пуд, свинцу полтрети (пуда). Да в нынешнем во 142 (1634) году генваря в 22 день прислана от государя с Москвы в Осифов монастырь 20 пуд зелья ручного, 30 пуд свинцу, 50 пищалей мушкетов с фетили». ЦГАДА, ф. 1192, опись 1, ед. хр. 109, л. 2. (Аналогичная опись, относящаяся к 1633—1634 гг. См. ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Владимирский стол, столбец 58).

[28] ЦГАДА, ф. 1192, оп. 1, ед. хр. 106, л. 1.

Удивительная длина «Гогули» объясняется тем, что она сделана из трех однотипных стволов, соединенных между собой. Каждое из орудий оформлено в виде змеи, причем создается впечатление, что каждая предыдущая глотает последующую (рис. 4, *1*). Для большего эффекта зубы и глаза аспидов покрыты золочеными листками, а уши и спины обработаны глубоким чеканом. Оформление пищальных стволов в виде змей было

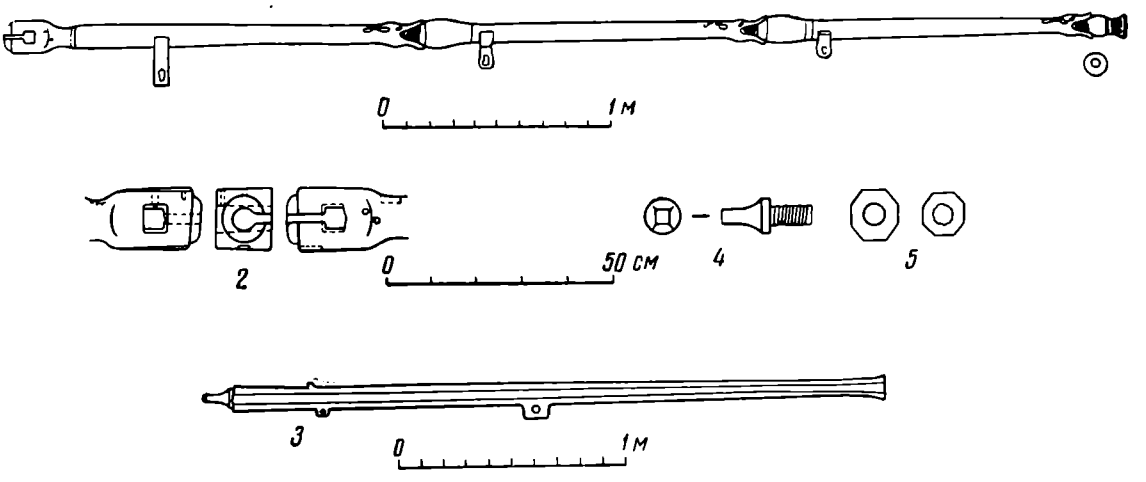


Рис. 4.
1,2 — пищаль «Гогуля» и ее казенная часть (вторая половина XVI — начало XVII в.); *3—5* — «Пугачева пушка», ее затвор и профиль у казны и дула (XVII в.)

широко распространено во второй половине XVI — первой половине XVII в. Несколько таких орудий, происходящих из того же Иосифо-Волоколамского и Спасо-Евфимиева монастырей хранятся в Артиллерийском историческом музее [29]. Их описания известны из многих документов, в частности в перечне русского наряда, находившегося в 1578 г. под Венденом, отмечены полевые и осадные змеи и «три отменно длинные железные змеевика» [30].

Крайняя затрудненность заряжения подобного орудия с дула привела к изготовлению казнозарядного устройства с поперечным клиновым затвором. Клин утрачен, но четырехугольное, сужающееся к одному концу отверстие позволяет восстановить его форму (рис. 4, *2*). В узкой части это отверстие равно 4,5 × 4,5 *см* (т. е. соответствует калибру), в широкой — 6 × 5 *см*. Клин, насколько можно судить, запирался чекой, пропущенной через казенник и клин. Интересно, что казенная часть ствола сходна по форме с полевыми орудиями 1867 и 1877 гг. [31].

Попытки делать пушки (в основном малокалиберные) с клиновыми затворами имели место в XVII в. во многих странах. Например, в 1662 г. мальтийцы отливали 1,5-фунтовые орудия, запирающиеся клином [32]. В описи наряда Великих Лук в 1636 г. отмечена «пушка меденая с замком» [33], а в росписи артиллерии Смоленска 1670—1671 гг. указывается медная скорострельная пищаль с железным клином, сделанная в 1660 г. в Любеке [34]. Казнозарядное устройство, закреплявшееся клином, видно на

---

[29] АИМ, инв. NN 9/43 и 9/45. Датировка их XVI в., возможна, но не уточнена.
[30] М. Оболенский. Иностранные сочинения и акты, относящиеся к России. М., 1847, стр. 5.
[31] Д. Е. Козловский. Исторический очерк развития затворов артиллерийских орудий. Отдельный оттиск, стр. 110.
[32] М. Мейер. Исторические сведения об огнестрельном оружии. СПб., 1841, стр. 204.
[33] А. Н. Кирпичников. Описная книга..., стр. 270.
[34] ДАИ, т. V, СПб., 1853, № 51, стр. 309.

рисунке одной парижской рукописи второй половины XVI в.[35]. Но в общем орудия подобного рода были редки.

Канал ствола «Гогули» у казенной части забит свинцом, что может служить косвенным свидетельством ее боевого применения. Отметим, кстати, что во второй половине XVI — начале XVII в. употребление свинца для изготовления боеприпасов было весьма распространено. Облитое свинцом железное ядро не только не повреждало стенки канала, но и помогало достижению лучшей обтюрации, уменьшая зазор между ядром и стенками канала ствола. В XVII в. были известны поврежденные, залитые свинцом, орудийные стволы, находившиеся на вооружении ряда городов[36].

Необычная длина волоколамского орудия (относительная длина коротких пушек европейского средневековья 17—27 калибров, длинных — 26—48 калибров)[37] свидетельствует о желании увеличить дальность и точность полета ядра. Средневековые артиллерийские наставления неоднократно постулировали правило: «длинные орудия стреляют дальше и вернее», «орудия стреляют тем дальше, чем они длиннее»[38]. Однако удлинение орудий имело свои пределы, и по этому поводу итальянский математик Тарталья в 1537 г. писал: «При слишком длинном канале снаряд от увеличения трения ложится ближе»[39].

Мы не знаем, каким правилам и поискам отвечало изготовление «Гогули». Возможно, что перед нами опытный образец, где баллистические качества полета снаряда сочетались с особой дальностью, меткостью и точностью стрельбы. Очевидно, «Три аспида» являются скорее смелым техническим экспериментом, чем обычным орудием.

4. «Пугачева пушка». Рядом с «Гогулей» в Артиллерийском историческом музее обычно экспонируется другое орудие, и соседство этих памятников не случайно. Это орудие хранилось до 1894 г. в арсенале Златоустовского завода под названием «Пугачевой пушки», так как, по преданию, было найдено на одном из становищ Е. Пугачева в окрестностях завода[40]. Не исключена возможность использования пушки в XVIII в., но следует признать, что по типологическим признакам она относится примерно к XVII в. Ствол весьма длинный, длиной 301 *см* (около 75 калибров), откован на восьмигранник; он постепенно сужается в средней части, переходя у дула в небольшой раструб. На казенной части ствола заметны остатки прицела, на дульной — вырез для вставки несохранившейся мушки. Снизу приварена массивная проушина, у казенной части — малая, кольцевая; обе служили для скрепления с лафетом (рис. 4, *3*). Пищаль снабжена 12 параллельно идущими прямыми нарезами (тянутся примерно на 60 *см* от дульного среза) и ввинчивающимся винградом, запирающим канал ствола. Калибр орудия — 4,2 *см*, вес 7 пудов (112 *кг*). Особо интересен затвор — прообраз современного поршневого. Завинчивался он, очевидно, при помощи ключа, охватывающего его наружную четырехгранную часть (рис. 4, *4, 5*). В источниках XVII в. такой затвор назывался «отворотным казенным шурупом»[41]. Аналогичные прицелы, прямые нарезы, ввинтные затворы (совпало и количество спиральных нарезов на затворах, а именно — 11), граненые стволы имеются на так называемых «парадных пищалях» второй половины XVII в. (собрание АИМ). Их подробно описал

---

[35] Polska sztuka wojenna w szasach odrodzenia. Warszawa, 1955, стр. 100.

[36] Например, в 1636 г. в Осколе находились «2 урывка полуторных пищалей... залиты свинцом» (А. Н. Кирпичников. Описная книга..., стр. 297).

[37] Z. Stefańska. Próba ustalenia typów i nazw dzial artylerii polskiej XVI i XVII wieku. Muzealnictwo wojskowe, т. I, Warszawa, 1959, стр. 181.

[38] А. Нилус. История материальной части артиллерии, ч. 1, СПб., 1904, стр. 67 и 124.

[39] М. Мейер. Ук. соч., стр. 70.

[40] Архив АИМ, Опись АИМ, ч. V, 1882, л. 69 об., № 184. АИМ, инв. № 9/99, Д. Н. Струков. Ук. соч., стр. 26.

[41] Н. Е. Бранденбург. Ук. соч., стр. 145.

шведский инженер Э. Пальмквист, побывавший в России в 1673 г. [42]. По отзыву другого иностранца, «куют они (русские) пушки различной длины и калибра с казенниками (точнее, хвостовыми винтами — Schwanzschrauben — *А. К.* и *И. Х.*) и очень гладкие внутри, которые заряжаются свинцовыми ядрами и делаются только на показ и, как редкость, для больших господ, потому что они обходятся дорого» [43]. Действительно «парадные пищали», пышно отделанные золотом и серебром, стояли в Московском кремле и предназначались для употребления при торжественных выездах, посольских встречах и показательных стрельбах.

Златоустовская пищаль свидетельствует, что новаторство в устройстве нарезных казнозарядных пушек не ограничивалось только дворцовыми кремлевскими образцами. На Западе пушки с винтными винградами известны по рисунку в труде Диего Уфано конца XVI в. [44]. Нарезы Златоустовской пищали представляют собой первый этап их развития, а именно — появление прямых нарезов; затвор и нарезы сделаны в соответствии с длиной ствола, что, по-видимому, свидетельствует о том, что они изготовлены одновременно с орудием, а не добавлены в XVIII в. А. Нилус, знаток истории западноевропейской артиллерии, писал: «Попытки устройства нарезных орудий у нас продолжались, по-видимому, с большей настойчивостью, чем где-либо в других государствах в течение XVII в. и даже в начале XVIII в.» [45].

Оба последних орудия в различных аспектах показывают новаторские стремления средневековых пушечников, искавших лучших способов заряжания и увеличения дальности и точности полета ядер. Эти смелые опыты, иногда на одно-два столетия предвосхищавшие более поздние открытия, не получили сколько-нибудь широкого внедрения в артиллерийском производстве того времени.

---

[42] А. А. Бобринский. Гripсгольмские пищали. Отдельный оттиск, стр. 14 сл.
[43] Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 166.
[44] Polska sztuka..., стр. 99.
[45] А. Нилус. Ук. соч., стр. 112.

В. А. БУЛАТОВА-ЛЕВИНА

БУДДИЙСКИЙ ХРАМ В КУВЕ [1]

В 40 *м* от северного фаса шахристана средневековой Кувы расположен холм неправильных очертаний. Этот холм со всех сторон окружен болотом и, как тяжами, подтянут к западной и восточной башням шахристана валами, несколько возвышающимися над уровнем воды. Вся площадь холма делится валом на две неравные части: бóльшую, южную,— подквадратной формы и меньшую, северную,— в виде мыса, обращенного на северо-запад.

Подъемный материал, собранный на холме в 1957 г., показал, что поселение здесь существовало в более ранний период, чем на шахристане Кувы. Северный мыс привлек к себе внимание своим рельефом, где ясно выступали очертания двора и стен монументального здания. В 1957 г. в этой части холма был заложен шурф. В результате раскопок стало ясно, что в верхних горизонтах идет стена здания, сложенного из пахсы и сырцового кирпича. Отмечен также уровень поверхности со следами воздействия огня. Те же следы огня имеются и на стене, уступом спускающейся к уровню пола. Этот уступ, как показали дальнейшие исследования, оказался суфой, на которой были обнаружены мраморные и сердоликовые бусы. Весьма любопытна керамика из этого шурфа. Верхний горизонт, т. е. промежуток над полом и непосредственно под полом и стенами сооружения, характеризуется наличием кухонной неполивной толстостенной керамики и столовой, тонкостенной с лощением по красному и черному ангобу. Нижние горизонты, лежащие уже под зданием и отличающиеся большой плотностью, насыщены керамикой так называемого даваньского типа (I в. до н. э.— I в. н. э.), с лощением по красному, коричневому и черному ангобу с гравированным геометрическим орнаментом. На глубине 2 *м* от уровня пола культурный слой кончается; он отделен от материкового лёсса тонкой прослойкой кострища. Материковый лёсс сменяется влажным суглинком.

Траншея, заложенная в северо-западном направлении, обнаружила на небольшой глубине (0,5—0,7 *м*) остатки стены сооружения, идущей в северном направлении. Тогда же было найдено несколько фрагментов скульптуры и штукатурки с позолотой.

В 1958 г. объем археологических исследований значительно увеличился, охватив площадь 32×6 *м* к востоку от траншеи и шурфа (рис. 1). Верхние горизонты не дали ничего примечательного в смысле находок и представляли собой довольно рыхлый бесструктурный слой запустения. Керамический материал этого слоя очень фрагментарен, в основном это неполивная толстостенная керамика — хумы, хумчи, кухонная посуда. Однако довольно много и тонкостенной керамики с ангобом, коричневым, красным, белым. Встречаются фрагменты с лощением по темно-красному и черному ангобу. Суммарно керамика датируется VII—VIII вв. Единст-

[1] Работы велись Институтом истории и археологии АН УзССР под руководством доктора исторических наук Я. Г. Гулямова. Принимали участие: в 1957 г. — В. А. Булатова, И. Ахраров, в 1958 г.— В. А. Булатова, Л. И. Альбаум, архитектор П. Захидов, лаборанты У. Алимов, К. Бирюлина, Р. Бурнашева, фотограф Е. Н. Юдицкий.

Рис. 1. Общий вид раскопа

венная целая форма, встреченная в верхнем горизонте,— это светильник с круглым основанием на высокой полой ножке, переходящей в плоскую круглую тарелочку наверху. Подобного рода светильники были обнаружены на Кафыр-Кале и в Кашка-Дарьинском районе. Датируются они обычно V—VI вв. н. э. На общем фоне случайными являются находки трех фрагментов керамики XI—XII вв. (симоб-кузача, ручка сероглиняного сосуда и т. д.).

Нижележащий ярус отличается большой плотностью и представляет собой слежавшийся завал сырцового кирпича от стен и перекрытий. Как удалось установить, кирпичи имели размеры 8—10×21—25×36 *см*. Среди обычных кирпичей встречались клинчатые, употреблявшиеся в сводах. Кирпичная кладка велась на земляном растворе. При расчистке завала и выявлении кирпичной кладки в северной части раскопа зафиксированы две глухие арки, как будто упавшие друг другу навстречу.

В завале, наряду с большим количеством фрагментов скульптуры, найдены и обломки бытовой посуды; среди них — большое количество толстостенных неполивных, очевидно, от хумов; столовая посуда представлена многочисленными тонкими фрагментами с коричневым, красным, черным и кремовым ангобом без лощения. Лощеной керамики найдено всего два фрагмента. Над полом лежит слой пожарища, где ярко-красная, обгоревшая до спекания, земля перемешана с углями, золой, кусками сырцового кирпича и обгоревшей глиняной скульптурой.

Слой над полом тоже содержит толстостенную посуду (хумы, хумчи), тонкостенную столовую, с ангобом и без него. Венчики тонкостенных сосудов, особенно пиал, довольно стандартны: это или слегка заостренные прямые, или отогнутые наружу; у чаш и кувшинов — округлые в верхней части или прямые.

Найдены два фрагмента от сосудов с зубчатым, отогнутым наружу венчиком (такой же в Ак-Бешиме у Л. Р. Кызласова датируется V—VI вв. н. э.).

В непосредственной близости к полу обнаружено довольно много (по сравнению с вышележащими ярусами) обломков лощеных сосудов. Лоще-

ние тусклое и зеркальное произведено по красному, черно-красному, коричневому и черному ангобу. Толщина черепка варьирует в пределах от 0,3 до 0,5 *см*. Формы венчиков различны, но достаточно типичны. У пиал — венчики прямые, округло-заостренные, слегка отогнутые наружу; у чаш — округло-заостренные и округлые отогнутые внутрь сосуда; у кувшинов, крынок — прямые, слегка заостренные, есть совершенно прямые, слегка расширяющиеся к завершению.

Обломки стенок дают представление о сложной профилировке сосудов. Днища всех сосудов плоские с отлого поднимающимися стенками. Керамика раскопа, особенно в нижнем горизонте, может быть датирована III—IV вв. н. э., однако она не синхронна зданию и не может его датировать.

Здание, частично вскрытое раскопками, оказалось буддийским храмом, стены которого сохранились на очень небольшую высоту — 0,5—0,7 *м*. Сложенные из сырцового кирпича, сильно оплывшие с течением времени, стены эти имели большую толщину — 1,6 *м*. Внутри помещения вдоль стен тянулись суфы высотой 0,35—0,4 *м*. Стены суфы и пол помещения были покрыты штукатуркой, цвет ее не сохранился, так как под воздействием пожара краски исчезли, а слой штукатурки принял красноватый оттенок. Устройство суф различно; если южная представляет собой простую ступень, разделенную примерно в середине выступающей пилястрой, то западная сложнее и имеет две ступени, ведущие к нишам со скульптурами. В юго-западном углу к ней примыкает еще небольшая ступенька. Южная стена расчищена до входа в храм и имеет длину 8,6 *м* до юго-западного угла. Ширина входа — 1,7 *м*. Поперек входа зафиксированы следы балки, как на полу, так и в остатках стен (гнезда), ширина ее — 28 *см*, высота — 14 *см*. Балка, очевидно, являлась нижней обвязкой дверной рамы. Неподалеку от этого места на полу были обнаружены железные детали, возможно, от дверного запора. Севернее входа, на расстоянии 12,3 *м* от него, частично расчищена возвышающаяся площадка, к которой с западной стороны примыкают две небольшие ступени (рис. 2).

Южнее входа вскрыта часть суфы, примыкающая к внешней стене здания, и мощный пилон, длиной 3,4 *м* и шириной 2,2 *м*. С юга к храму, вероятно, примыкал двор. Так как вскрыта только часть здания, о его планировке судить трудно. Здание храма стояло на крайней оконечности холма и сильно разрушено смывами по склонам. О силе смыва можно судить хотя бы по тому, что гигантская скульптура Будды, лежавшая после разрушения здания на возвышающейся площадке — платформе, оказалась на самом склоне холма под дерновым слоем, из чего можно заключить, что северная часть храма давно уже не существует. Дальнейшие раскопки здания создадут возможность частичной реконструкции плана храма.

Вся вскрытая раскопками картина завала свидетельствует о большой катастрофе, вызвавшей пожар и разрушение здания. Груды поломанной глиняной скульптуры были сосредоточены в основном по периметру храма, здесь же лежали обуглившиеся балки и другие деревянные части, очевидно, от перекрытия. Завал, вызванный непосредственно разрушением храма, делится на два слоя: а) слой пожарища над полом, содержащий наибольшее количество скульптурных деталей и обгоревшего дерева; б) слой кирпичного завала. Эти два слоя имеют толщину до 1 *м*. Над ними лежит слой толщиной в 0,5 *м* бесструктурной земли от периода запустения.

Вскрытая поверхность пола вся изрыта впускными мусульманскими погребениями XI—XII вв. Ими же нарушена целостность южной суфы и входа, где сильно пострадали стена и сама суфа.

Обилие мусульманских захоронений и отсутствие следов более поздних сооружений и остатков эпохи средневековья наводят на мысль о том, что после разрушения монументального буддийского храма холм был за-

брошен и лишь спустя некоторое время использован жителями средневековой Кувы как место для захоронений [2].

Найденные нами остатки скульптуры сильно испорчены огнем и раздроблены, может быть, специально, а может быть, пострадали при падении стен и перекрытия. Все они сделаны из глины с примесью большого количества самана, путем многослойной лепки с многократной сушкой, что способствовало прочности и долговечности хрупкого материала — глины [3].

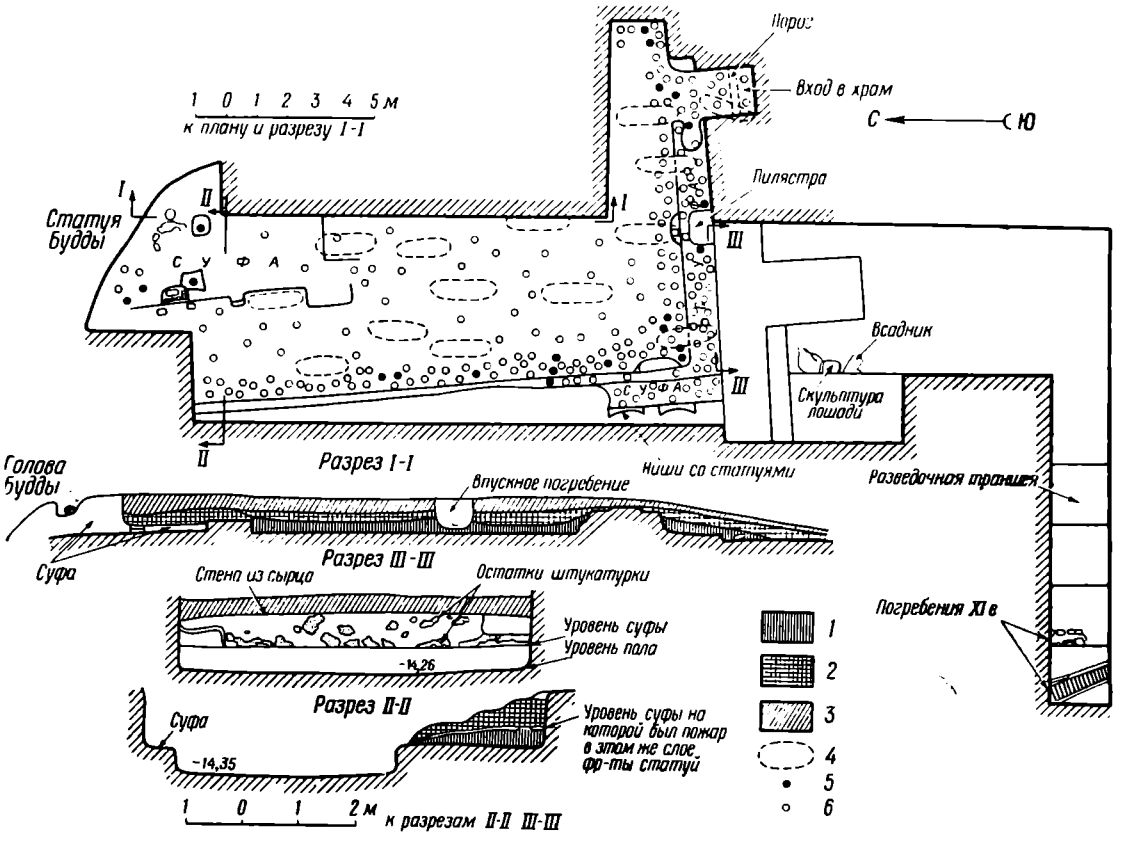


Рис. 2. План и разрезы раскопок храма

1 — слой пожарища; *2* — завал кирпича сырца; *3* — рыхлая земля; *4* — впускные мусульманские захоронения; *5* — находки статуй и голов *6* — мелкие фрагменты и детали

Основой для скульптуры служил деревянный брусочек (круглый или граненый) небольшого сечения (2—3, 3—4 *см*), заложенный в статуях даже более натуральной величины. Эти брусочки закладывались в туловище не более двух, а в конечности — по одному, в головах их не было вовсе; для пальцев употреблялись камышинки. Эти брусочки и камышинки, очевидно, играли роль направляющей арматуры; между собой они скреплялись шерстяными скрученными нитками, брусочек же обвивался тонким жгутиком из травы, видимо, для лучшего сцепления с глиной. В качестве арматуры для сильно выступающих длинных деталей (складки одежды) применялся конский волос и шерсть овец [4].

Головы статуй, как можно было наблюдать, лепились и моделировались отдельно из той же глины, смешанной с саманом, потом закреплялись на штыре, выступающем из туловища, и окончательно отделывались вместе с туловищем.

---

[2] Современное кладбище расположено западнее буддийского храма, на месте средневекового рабада Кувы.

[3] О том же способе в древнем Хорезме см. М. А. Орлов. Реконструкция «зала воинов» дворца III в. н. э. Топрак-Кала. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 47.

[4] Аналогичный прием отмечен и в барельефных гирляндах в интерьере Топрак-Калы. См. М. Г. Воробьева. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-Кала. ТХЭ, т. I, стр. 75—76.

Окончательная отделка заключалась в том, что статуя покрывалась тонким слоем (1,5—2 *см*) пластичной глины. На этом слое художник прорабатывал все тончайшие детали — глаза, веки, губы, некоторые украшения. Кисти рук, стопы ног, складки одежды, локоны волос, розетки, налепные украшения делались целиком из пластичной глины, с добавлением конского волоса. Отдельные детали, очевидно, штамповались, просушивались, подвергались муфельному обжигу и потом прикреплялись на место с помощью жидкой глины (локоны волос, цветы, листья, браслеты и ожерелья из выпуклых камней). В отдельных случаях применялась инкрустация; так, например, на западной суфе у подножья статуи был найден глаз с инкрустированным зрачком, вставка была сделана из белого и черного камня.

Как удалось установить по отдельным сохранившимся фрагментам, статуи раскрашивались, видимо, в соответствии с буддийскими канонами. Нами найдены статуи с телами и лицами, окрашенными в голубой, кремовый, синий и черный цвета. Для бровей и губ употреблялась черная, желтая и красная краски. В больших количествах для отделки украшений применялась позолота разных оттенков. В одном случае позолота была наведена вокруг глаз. Одежды окрашивали в голубой, белый, кремовый цвета. Изредка встречается темно-зеленая и фисташковая окраски деталей (уши льва, профилированная тяга на западной суфе). Красная краска применялась на различных деталях в большом многообразии оттенков, от ярких пурпурных до темных (окраска одежды, акантов). Красная краска часто использовалась и как подслой для белой краски (круп и грива лошади, рука человека).

Все найденные статуи выполнены в горельефе, приближающемся к объемной скульптуре. Среди фрагментов, поддающихся определению, можно выделить статую гигантского Будды (вдвое превышающая человеческий рост). Она сохранилась только до плеч и с одной рукой. Эта статуя находилась, очевидно, в главном зале храма (северо-западная часть раскопа). На огромной голове (30×40 *см*) сохранилась часть прически в виде крутых завитков-спиралек. Теменная часть несколько разрушена балкой. На основании площадки, возле головы, была найдена диадема из прямоугольных звеньев со следами голубой краски и несколько локонов.

Лицо Будды сильно пострадало при падении — сбит нос, разрушена левая часть, однако правая сохранилась довольно хорошо, остались даже следы голубой краски на правом виске. Перед нами канонизированный образ: застывшее отрешенное лицо с плавными полукружиями бровей над слегка удлиненными глазами, полуприкрытыми веками. Над верхней губой тонкие короткие усы. Овал лица округлый. Лицо Будды имеет неуловимые признаки тюркского антропологического типа.

Очень интересной деталью является наличие третьего глаза на лбу этого Будды. Плечи и сохранившаяся правая рука покрыты украшениями — перевязь с голубыми цветами и браслеты из драгоценных камней (рис. 3).

Такой же канонизированный облик придан головке, найденной у западной суфы (рис. 4). Эта головка выполнена в натуральную величину и принадлежит, очевидно, богине. У нее очень изящный овал лица, удлиненные открытые глаза, осененные плавными дугами бровей, тонкий туповатый носик, красиво очерченный маленький рот с пухлыми губами. Лицо тонировано кремово-желтой краской под цвет кожи. В уголке левого глаза сохранились следы голубой краски. Зрачок скульптурно не выражен; очевидно, глаза были раскрашены. Голова украшена диадемой в виде гладкого обруча с поднимающимися вверх детально проработанными эгретами из драгоценных камней. Из-под диадемы спускаются челочкой локоны, разделенные как бы пробором посередине лба. Общим характером эти локоны напоминают прическу и убор арфистки с Айртамского фриза. Возле уха на щеку опускается волнистая прядь волос — характер-

Рис. 3. Статуя Будды

ная деталь многих мужских и женских персонажей в живописи Пенджикента и Балалык-Тепе [5].

В завале скульптурных деталей, среди которых была найдена эта головка, находились и складки одежды типа греческой туники с подхватом на талии.

К той же категории «благостных богов» относятся, видимо, две головы и торс, найденные у суфы южного входа. От одной головы с характерной прической из крутых локонов-спиралек сохранилась только верхняя часть лица: лоб изборожден продольно-изогнутыми морщинами, зрачок глаза скульптурно проработан. Глаз отличается хорошей моделировкой яблока и век. От второй головы (больше натуральной величины) осталась верхняя часть лица и носа. На ней сохранилась темно-голубая окраска. Под тонкими полукружиями бровей расположены широко открытые большие глаза со зрачком в виде прорезного кружочка с точкой.

Рис. 4. Головка богини

Ни к одной из найденных голов не подходит торс в (натуральную величину). Тело окрашено темно-голубой краской. Грудь перекрещена перевязью кремового цвета с подвешенными к ней колокольчиками кремового же цвета с синими язычками. Скрещение перевязи украшено круглой розеткой, окруженной перлами. Приемы скульптурной передачи тела близки к классическим и подчеркивают стройность стана и физическую мощь этого персонажа.

Вторую группу скульптурных изображений составляют демоны и благостные боги в их гневных проявлениях. Особенно интересна богиня Шри-

[5] Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, табл. XXXIV (арфистка), табл. XXXIII (всадники); Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 98, 100, 102, 104 и др.

дэви (рис. 5). Эта богиня относится к группе защитников веры (dharmapala) и обычно изображается в виде разъяренной женщины, окрашенной в черный или темно-синий цвет, с большим количеством устрашающих символов (ожерелье и венец из черепов), в сопровождении спутниц-дакиней Макаравактра и Симхавактра (т. е. та, которая с лицом морского чудовища, и та, которая с лицом льва). Шри-дэви, в ожерелье из черепов с венцом из черепов на голове, восседает на муле, сопровождаемая дакинями[6].

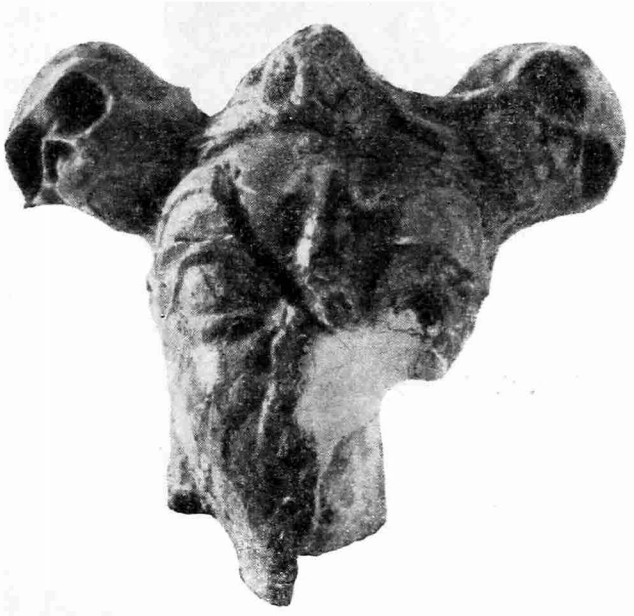


Рис. 5. Голова Шри-дэви

Сохранившиеся детали (к сожалению, нижняя часть лица, как и левая верхняя половина, не сохранились) позволяют восстановить черную голову богини с гневно сдвинутыми тонкими позолоченными бровями, с венцом из черепов на поднятых кверху волосах. При этом невольно вспоминаются слова гимна:

«И четыре времени года рождаются из темного вихря твоей короны...»[7].

Большое количество малых и больших черепов из глины, найденных возле суф и на самых суфах, очевидно, принадлежали статуе этой богини и ее спутницам. Небольшой женский торс с ожерельем из продолговатых прямоугольных бус на шее, рука того же масштаба с налепным черепом на предплечье, вероятно, могут быть отождествлены с какой-то из спутниц богини. От мула Шри-дэви сохранилось немного — нога с копытом и некоторые части тела.

Очень интересны две скульптурные головы, отличающиеся необычайной реалистичностью в передаче душевных переживаний и высоким мастерством их исполнения. Манера исполнения настолько отлична от манеры, в которой выполнены Будда и другие божества, что встает вопрос: один ли мастер делал эти скульптуры? Одна из голов, найденная на полу в юго-западном углу, вблизи от Шри-дэви, тоже, очевидно, была увенчана черепами, так как на поднятых вверх волосах остались отпечатки овальной формы (рис. 6). Мощные надбровные дуги, нос с утонченным и как бы вдавленным переносьем, большие глубоко вырезанные ноздри, огромный выразительный рот позволяют предполагать, что это Манчжушри — бог просвещения, который также совмещал в себе и роль защитника веры. Не менее великолепна вторая голова, обнаруженная на южной суфе, неподалеку от входа, и, возможно, принадлежащая Маре — «злому» демону, искушавшему Будду (рис. 7). С необычайным реализмом вылеплена эта

---

[6] A. Gordon. Tibetan religious art. New York, 1952, стр. 35, табл. на стр. 37, 60.

Шри-дэви посвящено много гимнов, где она прославляется как могущественная и справедливая ревнительница веры.

«О, ты, которая являешься могучей владычицей оружия и армии.
Ты, с лицом льва и ты же с лицом «Макара»,
Ты, которая подчиняешь себе злодеев и усмиряешь их...
И отовсюду умножаешь число добрых дел.
Своею властью во всех частях света
Одержавшая полную победу...
Ты, которая подчинила себе своим яростным видом
Опасных врагов и злых духов».

[7] Там же.

Рис. 6. Голова Манчжушри

Рис. 7. Голова Мары

Рис. 8.
1 — маска; *2*— лапа льва

голова с дико вытаращенными глазами, с курносым подвижным носом, с перекошенным в едкой усмешке большим ртом, из которого выглядывают кривые зубы. Окраска лица не сохранилась, но по остаткам видно, что губы были окрашены в желтый цвет, а само лицо покрыто темно-синей краской.

Фрагменты львиных масок (три) и шкур были найдены в разных местах площадки (у входа, у западной суфы и в северной части храма). Шкура с растянутыми лапами служила или украшением престола Будды, или набедренной повязкой кого-либо из богов. Морда льва с сомкнутыми глазами сделана в плоском рельефе, круглые слегка заостренные уши чуть выступают, так же как и нос. Усы сделаны условно в виде дырочек. Грива намечена прямыми прядями. Морда покрыта кремово-белой краской, уши выделены темно-зеленой (рис. 8).

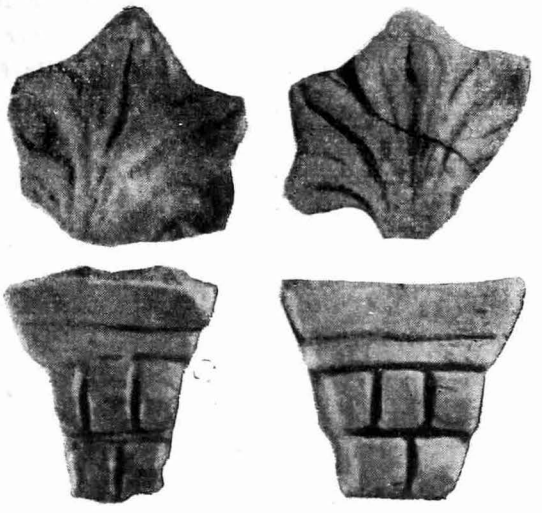


Рис. 9. Архитектурные детали

На полу помещения в большом количестве найдены архитектурные детали (рис. 9). Это миниатюрные капительки и пальметты, имеющие одну плоскую сторону, служившую, очевидно, для прикрепления к стене. Изготовлялись они способом штамповки и обжигались. В углублениях деталей сохранились следы темно-голубой краски. Кроме этих точно определимых элементов микроархитектуры, обнаружены детали, напоминающие тугоскрученные завитки волют и стебли акантов. Очевидно, они помещались при отделке ниш, где располагались статуи, или происходили из горизонтального фриза в интерьере [8].

Переходя к описанию «двора», примыкающего к зданию с юга, мы должны сразу же оговориться, что вскрытая площадь очень мала и пока ничего не дает для выяснения планировки всего строительного комплекса. Мощность культурного слоя над поверхностью двора весьма незначительна (15—20 *см*), его составляют в основном наплывы со стены самого храма. Как уже указывалось выше, в сторону двора выдается пилон, а вдоль стены тянется суфа. При расчистке угла, образованного суфой и пилоном (западная сторона), была обнаружена скульптура оседланной лошади. Передняя часть и голова не сохранились. На задних ногах лошади осталась часть хвоста со следами белой окраски на красной подгрунтовке. Седло с высокой лукой имеет следы голубой и красной краски [9]. Возле лошади найдена человеческая фигура (сохранилась от груди до колен) — воина или конюшего, одетого в кафтан с отворотом на груди и с многочисленными сборками ниже талии. Подобного рода кафтаны отмечены на рельефных плитках Самаркандского музея и на Туйском всаднике [10]. Отворот кафтана у нашего всадника выделен невысоким рельефом и окрашен палевой краской. Сам кафтан, судя по остаткам краски, был коричнево-красный, под отворотом сохранилась полоса охры.

---

[8] В описании находок мы сознательно ограничили себя наиболее крупными, которые в силу своей сохранности позволяют сделать какой-то анализ и сопоставления.

[9] Седла такого же типа можно видеть на щите с горы Муг (см. репродукцию в сб. «Живопись древнего Пянджикента», табл. 5), на лошади, найденной в Синьцзяне (раскопки 1928—1929 гг.). См. Хуань-Вень-би. Археологические записки по исследованию Таримской впадины. АН КНР, Пекин, 1958 (на китайск. яз.). Как полагают некоторые исследователи, седла с высокой лукой появляются в конце VI в. (см. Н. Н. Забелина, Л. И. Рempель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, стр. 9).

[10] Н. Н. Забелина, Л. И. Рempель. Согдийский всадник, стр. 11, рис. 4; А. В. Шмидт. Туйский всадник. Зап. Коллегии востоковедов, т. I, 1925, стр. 411.

Найденный конь, очевидно, был священным конем Будды (его прототипом является белый конь Индры, вышедший из моря) [11]. Однако в данном случае мы не должны забывать о «небесных потокровных конях» древней Давани. Очевидно, найденная нами скульптура является отдаленной репликой культа коня, существовавшего повсеместно в Средней Азии, начиная с эпохи бронзы [12].

Под этими скульптурами на полу найдены детали сбруи (бубенчики) и часть гривы в виде струящихся прядей. На суфе и на уровне двора найдены кусочки штукатурки с остатками росписи синей и красной красками по белому фону. Контуры рисунка выделены черной линией. Сохранность красочного слоя хорошая, однако надежды на открытие росписей на стенах очень мало, так как высота оставшихся стен невелика, а пожар свирепствовал и во дворе, оставив везде слой прокаленной земли и обгоревшую штукатурку.

Наши скульптурные находки, несомненно, отражают круг буддийских религиозных представлений и находят себе аналогии в индийском и восточнотуркестанском искусстве. Предварительные датировки, основанные на сравнительном анализе памятников искусства и архитектуры Пенджикента, Балалык-Тепе, могут быть определены в границах VII—VIII вв. Исследованный нами храм погиб, очевидно, в период арабского нашествия. Его разрушение произошло в июле — августе, что подтверждается находками обугленных персиковых косточек на полу храма (плоды, вероятно, попали туда в качестве приношения богам).

Рассматривая в совокупности материалы исследований последних лет в Пенджикенте [13], Куве, Ак-Бешиме, нужно иметь в виду большую роль Средней Азии в формировании культуры Восточного Туркестана, что нашло отражение в живописи и скульптуре [14]. Прямые аналогии кувинской скульптуре наблюдаются в скульптуре из Таримской впадины; живопись Пенджикента ближе всего стоит к живописи Кучи и Кизила, Шикшина и Турфана [15]; архитектурно-планировочные решения Пенджикента и Ак-Бешима сопоставляются с таковыми в Восточном Туркестане [16] — все это является ярким свидетельством широких культурных связей Средней Азии и Восточного Туркестана.

---

[11] Махабхарата. Адипарва, кн. I, М.— Л., 1950, стр. 636.

[12] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 303; A. Waley. The Heaventy Horses of Ferghana. A. Review «History today», т. V, London, 1955, № 2; Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблемы связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. XXV Международный конгресс, доклады делегации СССР. М., 1960.

[13] А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.). МИА, № 66, 1958, рис. 46, 48.

[14] М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 90. На это же в свое время указывал А. Н. Бернштам. См. А. Н. Бернштам. Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 62, 71.

[15] М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 150—153.

[16] С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914, стр. 41, 42, планы; Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, план храма.

В. И. КОЗЕНКОВА

К ВОПРОСУ О ХУМАХ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ КОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Вопрос о погребальном обряде среднеазиатских огнепоклонников неоднократно вызывал полемику и интерес со стороны как дореволюционных, так и советских востоковедов и археологов. К настоящему времени открыто несколько разновидностей специальных погребальных урн (овальные и прямоугольные глиняные ящики, алебастровые ящики, статуарные, бочонкообразные с антропоморфными крышками и т. д.), а также захоронения в сосудах бытового назначения — кувшинах и хумах [1]. В связи с новой находкой хумного захоронения в Ферганской долине, на анализе которого мы остановимся ниже, в настоящей статье речь пойдет исключительно об оссуариях в виде хума и о тех предположениях, которые возникают при рассмотрении всего известного материала по хумным захоронениям на территории Средней Азии (рис. 1).

Первые находки захоронений костей в хумах были сделаны в 1894 г. при земляных работах в г. Аулиеата (ныне Джамбул) на территории Казахстана [2]. В 1904 г. здесь же, в городе, было вырыто еще несколько сосудов, содержавших кости человека [3].

Последующие находки хумов относятся к 1931 и 1939 гг. Наиболее интересными оказались хумные захоронения на горе Тик-Турмас (1939 г.). Сосуды с останками людей располагались на площадке без каких-либо курганных насыпей и составляли целое зороастрийское кладбище [4]. Е. В. Жиров и В. В. Гинзбург, занимавшиеся изучением черепов из захоронений на Тик-Турмасе, определили их как европеоидные [5] и доказали,

---

[1] К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП, новая сер., ч. XX, СПб., март, 1909; его же. К изучению оссуариев. ЗВОРАО, т. XVIII, вып. I, СПб., 1907; В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. Изв. Русского комитета по изучению Средней Азии в историческом, археологическом, этнографическом отношениях, № 8, март, СПб., 1908; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Журн. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, июнь, 1896; А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический памятник. ВДИ, 1938, № 2; Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Материалы по археологии Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950; Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953; С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (1954—1956). Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 160—204; Ю. А. Рапопорт. К вопросу о Хорезмских статуарных оссуариях. КСИЭ, т. XXX, 1958, стр. 54—65; Е. Е. Неразик, Ю. А. Рапопорт. Куюн-кала в 1956 г. Сб. «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—56 г.», М., 1959, стр. 138—144.

[2] Сообщение В. А. Каллаура. ПТКЛА, 28 октября 1896 г., Ташкент, 1896, стр. 45—46.

[3] ПТКЛА за 1907 г.

[4] Г. И. Пацевич. Зороастрийское кладбище на Тик-Турмасе. Изв. АН КазССР, сер. археологическая, вып. 1, № 46 А-а, 1948, стр. 98—104.

[5] Е. В. Жиров. Черепа из зороастрийских погребений в Средней Азии. Сб. МАЭ, т. X, 1949, стр. 271; В. В. Гинзбург. Материалы к краниологии Согда. МИА, № 37, 1953, стр. 166.

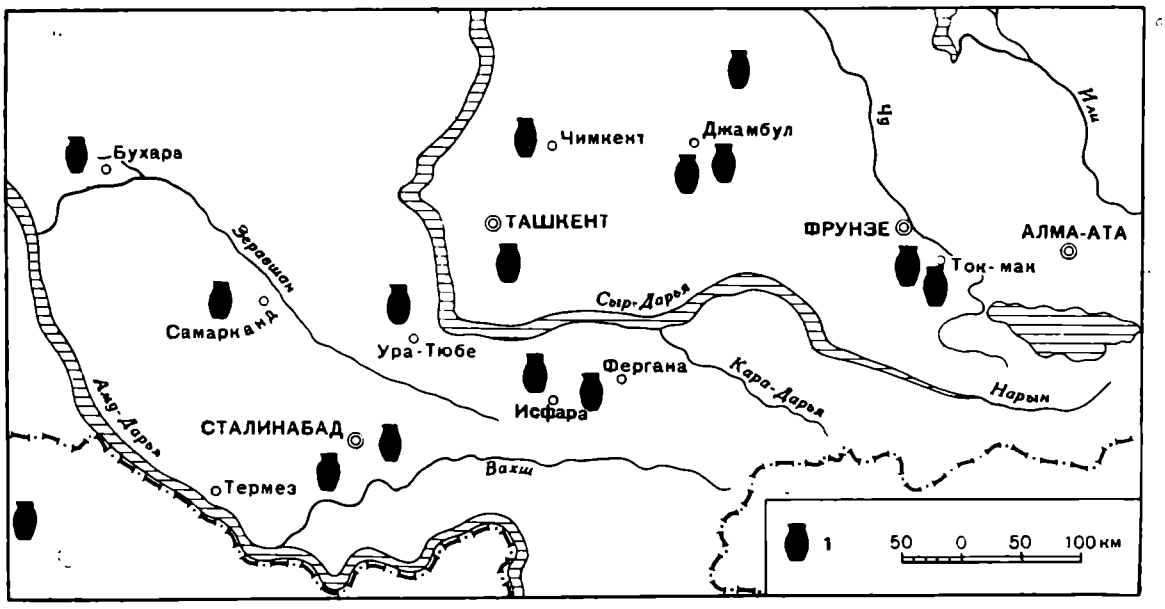


Рис. 1. Схематическая карта распространения хумных захоронений на территории Средней Азии

1 — пункт с захоронениями в хумах

что они относятся к становящемуся типу современной расы среднеазиатского междуречья [6]. Вся серия хумных захоронений на Тик-Турмасе датируется исследователями IX—X вв. н. э. [7].

В 1940 г. на территории Казахстана была сделана вторая находка захоронений в хумах. Во время работ на водохранилище Сасык-Булак, в кургане были обнаружены хумы с костями, которые и были доставлены в Чимкентский музей. Все черепа из Сасык-Булака европеоидные и, по определению А. Н. Бернштама, принадлежали огузам VIII—X вв. н. э. [8].

В 1950 г. при земляных работах на территории г. Джамбула около Мучного базара был раскопан великолепный некрополь древнего города Тараза. Здесь наряду с овальными оссуариями были найдены и захоронения в хумах. Последние были украшены клеймами с изображением льва и собаки. Л. И. Ремпель датирует эти хумные захоронения IX—X вв. [9].

Еще в конце прошлого века имелись смутные сведения о находках на территории Ташкентского оазиса у сел. Теляу больших сосудов, содержавших человеческие кости. Корчаги были найдены на территории древнего городища, на берегу Ангрена. К сожалению, дореволюционные исследователи не оставили нам более конкретных сведений об этих интересных находках [10]. М. Е. Массон, обследовавший в 1934 г. район Теляу, также приводит рассказы местных жителей о находках хумов с черепами [11].

В Самаркандской области до революции находили довольно много оссуариев в виде овальных и прямоугольных глиняных гробиков, но сосудов с костями не было. Позднейшими работами советских археологов доказано, что в районе Самарканда все же имелись оссуарии-хумы. В 1936 г. около кишлака Фринкент начались раскопки обширного кладби-

---

[6] В. В. Гинзбург. Ук. соч., стр. 167.

[7] Е. В. Жиров. Ук. соч., стр. 266.

[8] В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана. СА, XXI, 1954, стр. 380; его же. Материалы к краниологии Согда. МИА, № 37, 1953, стр. 166.

[9] Л. И. Ремпель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 107, 110.

[10] М. А. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. Журн. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, май, 1896, стр. 21.

[11] М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 100.

ища хумных захоронений [12]. По сообщению Г. В. Григорьева, сосуды располагались на возвышенной глинобитной площадке, все пространство которой было когда-то огорожено стеной. За два года работ здесь раскопано 200 сосудов с костями. Весь комплекс, представленный сосудами самой разнообразной формы, свидетельствует о длительном существовании кладбища. Принято говорить о Фринкентском могильнике как о позднесредневековом памятнике и относить его к XIII в., но здесь среди многочисленного материала выделяются более ранние сосуды, с потеками красной краски, и более поздние, украшенные штампованным орнаментом.

Г. В. Григорьев не устанавливает в своей статье начальную дату, отмечая лишь конечную дату костехранилища — начало XIII в. [13]. Антропологические данные Фринкентского могильника указывают на преобладание среди захороненных европеоидов, относящихся к так называемой припамирской расе Среднеазиатского Междуречья. Но среди европеоидных черепов имелись и монголоидные, принадлежащие к южносибирской группе [14].

В Бухарской области О. В. Обельченко в 1950—1952 гг. раскопал два интересных могильника (Кую-Мазарскиий и Лявандакский), содержавших в насыпях древних курганов более поздние, вторичные захоронения в хумах [15]. Как правило, хумы располагались в юго-западной части насыпи. Поверхность сосудов из Кую-Мазарского и Лявандакского могильников была раскрашена марганцевой черной краской, небрежные потеки которой еще и сейчас заметны на плечиках и корпусе. Краниологические материалы указывают на принадлежность погребенных к европеоидной расе. Датируя хумные захоронения Бухарского оазиса V—VI вв. н. э. [16], О. В. Обельченко справедливо отметил связь курганных погребений с захоронениями в сосудах. Мы вполне разделяем мнение исследователя об изменении где-то в V—VI вв. религиозных мировоззрений у коренного населения этого района и о переходе какой-то его части к культу огнепоклонников.

На территории Таджикистана находки оссуариев-хумов довольно многочисленны. В Ленинабадской области во время разведки, проведенной О. И. Смирновой недалеко от города Шахристана, был найден сосуд с костями. Он находился на краю лёссовой террасы, на глубине 1,3 *м* и был сделан из грубого теста; сверху был прикрыт примитивной крышкой [17]. К сожалению, О. И. Смирнова не дает даже предположительной датировки погребения.

В 1951 г. на территории г. Сталинабада было найдено еще одно погребение в хуме, которое было датировано М. М. Дьяконовым и Н. Н. Забелиной I—II вв. н. э. [18]. В 1956 г. здесь же был раскопан целый некрополь с захоронениями в хумах [19].

На юге Таджикистана, в Бишкендской долине, в 1956 г. А. М. Мандельштам в одном из погребений могильника Арук-Тау раскопал хумное захо-

---

[12] Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом. ВДИ, 1939, № 2, стр. 144—150.

[13] Там же, стр. 148.

[14] В. В. Гинзбург. Черепа из зороастрийского кладбища XIII века в Фринкенте. Сб. МАЭ, т. X, стр. 274—275.

[15] О. В. Обельченко. Кую-Мазарский и Лявандакский могильники — памятники древней культуры Бухарского оазиса. Кандидатская диссертация. Ташкент, 1954.

[16] Там же, стр. 302; его же. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Тр. САГУ, т. IV, вып. CXI, Ташкент, 1957, стр. 109—132.

[17] О. И. Смирнова. Археологическая разведка в Усрушане. МИА, № 37, 1953, стр. 203.

[18] В. А. Лившиц. Тохарская надпись на хуме. ДАН ТаджССР, вып. 7, Сталинабад, 1953, стр. 23.

[19] Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймель. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XCI, вып. IV, Сталинабад, 1959, стр. 133—136.

ронение. Хум помещался в насыпи кургана [20]. Еще один хум был найден в западной части Бишкендской долины, вблизи «северного» городища, также в насыпи кургана [21]. В 1957 г. в Тулхарском могильнике (Бишкендская долина) детское захоронение в хуме было обнаружено в подбойном погребении. Датировка Тулхарского могильника еще не ясна, но предположительно он отнесен автором раскопок ко II—I вв. до н. э. [22].

В Хорезме находки захоронений в хумах III—IV вв. н. э. имелись в районе Калалы-Гыр; около Якке-Парсана найдены хумные захоронения VI—VIII вв. н. э. [23].

Находки захоронений в хумах имеются и в южных пунктах Средней Азии. В Туркмении, недалеко от города Байрам-Али, вблизи развалин Старого Мерва, был раскопан в 1954—1956 гг. замечательный некрополь с оссуарными погребениями. Кладбище располагалось за пределами городской округи Старого Мерва. Три слоя захоронений содержали самые разнообразные формы погребальных урн: керамические гробики, оссуарии цилиндрической и других форм и захоронения в гробницах. Довольно значительное количество захоронений помещалось в кувшинах, в хумах [24].

С. А. Ершов датирует некрополь у Байрам-Али временем V—VII вв. н. э. и высказывает предположение о принадлежности захоронений последователям секты маздакитов [25].

В Киргизии первые находки захоронений в сосудах были сделаны А. Н. Бернштамом [26] в Чуйской долине. В 1939 г. на городище Красная Речка (древний Сарыг) при раскопках раннесредневекового замка у самых его стен вместе с овальными оссуариями V—VI вв. были обнаружены сосуды с костями людей. Хумы не отличались мастерством формовки, были грубы и асимметричны. Так же как и хумное захоронение из Шахристана, они имели крышки, украшенные примитивным орнаментом. А. Н. Бернштам датировал хумы Сарыга VIII—IX вв.

Несколько позднее изучение городищ Чуйской долины привело к новым находкам хумных захоронений [27]. В 1953—1954 гг. в городской округе городища Ак-Бешим отрядом, возглавляемым Л. Р. Кызласовым, был раскопан погребальный комплекс, представляющий собой своеобразное сочетание дахмы и науса. Здесь было найдено десять погребений в хумах, накрытых крышками или плоскими гальками. Часть хумов была изготовлена на гончарном круге, но некоторые сосуды были явно ручного изготовления. Захоронения принадлежали европеоидам и датируются Л. Р. Кызласовым VII—VIII вв. н. э. Небезынтересно отметить, что на Ак-Бешиме, так же как и на городище Красная Речка, были найдены овальные оссуарии, но, в отличие от Сарыга, они почти синхронны с погребениями в сосудах [28]. Первые находки захоронений в хуме в Фергане были сделаны в 1934 г. Ферганской экспедицией, руководимой Б. А. Латыниным.

---

[20] А. М. Мандельштам. Археологические работы в 1956 г. в Бишкендской долине. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XCI, вып. IV, стр. 69.

[21] Там же, стр. 72.

[22] А. М. Мандельштам. Археологические работы в Бишкендской долине в 1957 г. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. CIII, вып. V, Сталинабад, 1959, стр. 139, 150, 151.

[23] По любезному сообщению Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорта, за которое приношу искреннюю благодарность.

[24] С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, стр. 171.

[25] Там же, стр. 180.

[26] А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, стр. 32—33.

[27] Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизской АЭ, т. II, М., 1959, стр. 230—231.

[28] Л. Р. Кызласов. Отчет об археологических раскопках на городище Ак-Бешим, 1953—1954 гг. Рукописный архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 1018, стр. 52—53.

Недалеко от Исфары в местности Хазина-Хона было вскрыто погребение в хуме под насыпью. Второе погребение было раскопано в срезе оврага. Б. А. Латынин датировал эти погребения VII—VIII вв.[29].

Следующая находка захоронения костей в хуме в Фергане была сделана в 1957 г. совместной экспедицией Андижанского и Ферганского областных краеведческих музеев (Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова и В. И. Козенкова). Результаты раскопок представляют интерес не только для археологов, но и для тюркологов-лингвистов.

В 10 *км* от города Ферганы, недалеко от кишлака Янгиабад, экспедицией был зафиксирован на возвышающихся увалах небольшой могильник, состоявший из семи курганов. Насыпи курганов состояли из земли и мелкой гальки; захоронения производились в катакомбах.

Один курган отличался от других по конструкции и содержал, помимо основного, еще впускное, вторичное захоронение — в хуме. Погребальная камера в кургане оказалась не катакомбой; она представляла собой длинную глубокую яму, ориентированную с юга на север, и была перекрыта деревянными плахами (рис. 2). Такая форма погребального сооружения впервые отмечена в этой части Ферганской долины.

Рис. 2. Погребальная яма первичного захоронения и место погребения хума с костями

Бревенчатые накаты были встречены на Памире в Соколовско-Джергесском могильном комплексе. А. Н. Бернштам считал их принадлежащими восточноюэчжийским племенам (II в. до н. э.— II в. н. э.) и отмечал в культуре этих племен сочетание южносибирских приемов в сооружении могил с ферганскими традициями в керамическом комплексе[30].

В Фергане сходную с нашей конструкцию могильной ямы имеют курганы №№ 3, 4 и 5 Варухского могильника. Б. А. Литвинский усматривает в таких сооружениях сако-усуньскую традицию и датирует интересующие нас курганы I—IV вв. н. э.[31]. Форма погребальной ямы Янгиабадского могильника имеет, видимо, какие-то пережиточные черты, возможно, связанные с восточным, южносибирским влиянием.

В засыпи ямы, состоящей из мягкой земли и крупных камней, был найден фрагмент сосуда, изготовленного на круге и покрытого небрежными мазками темно-красного ангоба, столь характерного для ферганской керамики первых веков нашей эры. Кости погребенного не сохранились.

В северо-западной части насыпи кургана, в небольшой круглой ямке диаметром 0,7 *м*, был закопан сосуд с костями. Хум лежал на боку, повернутый горловиной на юго-запад. Кости, пересыпанные мягким лёссом, не совсем были скрыты в сосуде и торчали наружу. Хум почти не поврежден,

[29] По любезному сообщению Б. А. Латынина, за которое приношу мою благодарность.

[30] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 50—60.

[31] Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, Сталинабад, 1955, стр. 27—35, стр. 68.

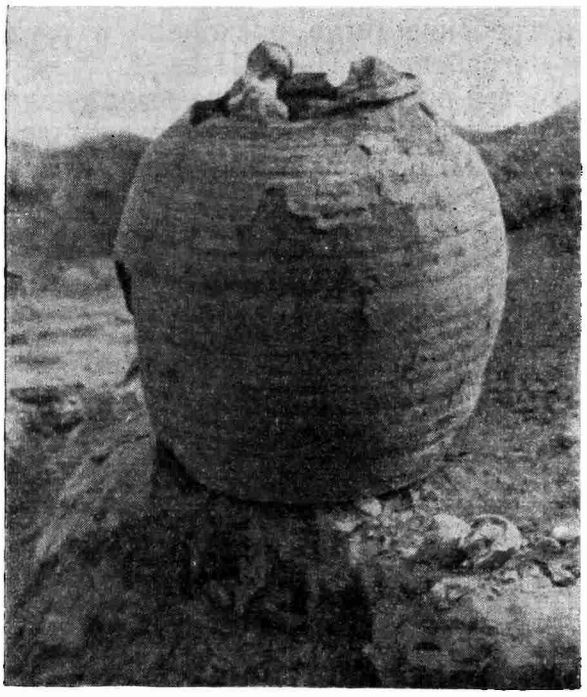


Рис. 3. Хум с костями

была отбита лишь часть венчика и имелось отверстие в стенке (рис. 3). Формовка сосуда довольно грубая, возможно, на ручном гончарном круге. Тесто светло-красное, с большой примесью толченой ракушки и дресвы, обжиг средний. Поверхность сосуда заглажена и покрыта светло-серым ангобом; форма уплощенная, приближающаяся к сферической; дно широкое, плоское; венчик тонкий, прямой и отогнут наружу. Высота сосуда — 40 *см*, диаметр наиболее широкой части корпуса — 37 *см*, диаметр горла — 23 *см*, диаметр дна — 28,5 *см*. Толщина стенок сосуда в разных частях различна. В центральной части стенки тонкие (0,6 *см*), но у дна и у плечиков черепок более массивный (2 *см*; рис. 4). На внешней стороне венчика расположена надпись в одну строку. Буквы прочерчены по сырой глине тонким острым инструментом. Всего можно разобрать 12 знаков (рис. 5) [32]. По предварительному определению С. Г. Кляшторного [33], работающего над расшифровкой надписи, последняя представляет собой вариант тюркского рунического письма и может быть отнесена к первой половине VIII в. н. э., а следовательно, и погребение в хуме, видимо, относится к этому же времени.

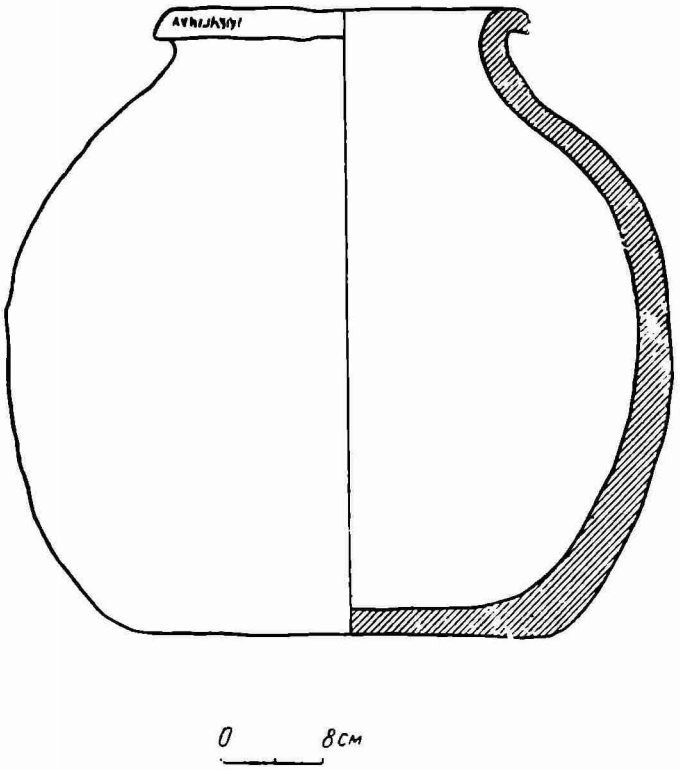


Рис. 4. Рисунок сосуда

В. В. Гинзбург, изучивший костный материал из янгиабадского сосуда, определил его как принадлежавший мужчине зрелого возраста. Череп крупный по размерам, мезокранного типа, с наклонным лбом, со среднеразвитым надпереносьем и значительно выступающими надбровными дугами. Клыковые ямки среднеуглубленные, глазницы высокие, нос узкий средневыступающий. По совокупности черт череп ближе всего стоит к южносибирскому расовому типу, с небольшой примесью урало-алтайского типа.

[32] Все материалы Янгиабадского могильника хранятся в фондах Ферганского музея.
[33] Приношу С. Г. Кляшторному благодарность за сообщение датировки надписи.

Как отметил В. В. Гинзбург, череп мог вполне принадлежать раннему тюрку или кипчаку [34].

Факт захоронения костей в хуме в насыпи более раннего кургана не является единичным, а наблюдался также другими исследователями в различных районах Средней Азии (упомянутые выше раскопки О. В. Обельченко и А. М. Мандельштама). Возможно, что родственная группа, хоронившая своих умерших у Янгиабада, была также этнически связана с более поздним тюркским элементом, поскольку влияние тюрок в Средней Азии было задолго до тюркского каганата VI в. [35] Об этом свидетельствуют несколько необычное устройство могильной ямы (бревенча-

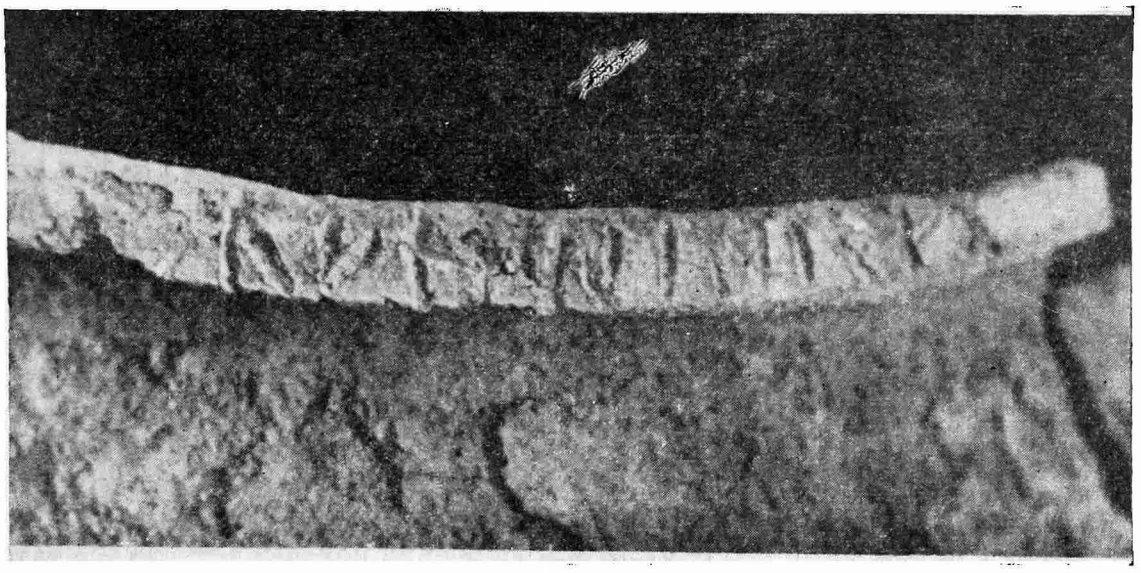


Рис. 5. Руническая надпись на венчике хума

тый накат), антропологические данные хумного погребения (монголоид южносибирской расы) и руническая надпись на венчике. Янгиабадское захоронение в хуме убедительно подтверждает сведения китайских и арабских источников о распространении культа огня у тюрков в VI—VIII вв. [36], надпись на венчике является вещественным доказательством бытования тюркского письма в среде местного населения в VIII в.

Захоронение свидетельствует не только об интенсивной тюркизации Ферганы в VIII в., но и о знакомстве населения этой области с культовыми традициями Согда. Янгиабадская находка является новым звеном, связывающим Ферганскую долину с другими областями, и указывает, что часть ферганского населения в силу каких-то условий приняла именно исследуемую нами форму погребального обряда.

* * *

Итак, обзор находок захоронений в хумах на территории Средней Азии красноречиво свидетельствует не только об их широком территориальном распространении, но и о значительном их количестве. По самым скромным подсчетам, раскопано около тысячи хумов в 15 различных местах. В данном случае важно даже не столько количество найденных хумов, свиде-

[34] Приношу свою благодарность В. В. Гинзбургу, взявшему на себя труд по определению костей из погребения в хуме.

[35] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 264, 267, 270.

[36] К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях..., стр. 104; В. В. Бартольд. Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Выборки из трудов составлены А. Н. Самойловым. СПб., 1903, стр. 38 и 44.

тельствующих о длительности захоронения на одном месте, сколько количество мест находок. В районах древней Маргианы, Согда, Шаша, Усрушаны, Ферганы, Семиречья имелись погребения в хумах.

Вся серия сосудов, содержавших захоронения костей, довольно разнообразна: имеются лепные и круговые, орнаментированные и без орнамента, специального назначения и просто приспособленные для захоронения. Видимо, форма сосуда особой роли не играла; в каждый период для этой цели приспосабливали сосуд, употреблявшийся в данное время.

Таблица *

Места находок	Датировка					Места находок	Датировка				
	рубеж н. э. до IV в. н. э.	V—VI вв.	VII—VIII вв.	IX—X вв.	XIII в.		рубеж н. э. до IV в. н. э.	V—VI вв.	VII—VIII вв.	IX—X вв.	XIII в.
Тик-Турмас	—	—	—	+	—	Хорезм	+	—	+	—	—
Сасык-Булак	—	—	+	+	—	Байрам-Али	—	+	+	—	—
Фринкент	—	—	—	—	+	Сарыг	—	—	+	+	—
Кую-Мазар и Лявандак	—	+	—	—	—	Ак-Бешим	—	—	+	—	—
						Исфара	—	—	+	—	—
Дюшамбинский (Сталинабад)	+	—	—	—	—	Янгиабад	—	—	+	—	—
						Тараз	—	—	—	+	—
Бишкендская долина	+	—	—	—	—						

* В долине Ангрена, в местности Чукур-Сай, раскопано погребальное поле с захоронениями в хумах и оссуариях. Захоронения относятся к VI—VII вв. (см. Ю. Ф. Буряков. Археолого-нумизматическая работа Музея истории народов Узбекистана в 1959 году. СА, 1961, № 1, стр. 320).

Исследование материала хумных захоронений показывает, что все захоронения можно разделить на три категории: 1) погребения в насыпях более древних курганов; 2) погребения на территории городищ или поблизости; 3) бескурганные погребения за пределами поселений, преимущественно в сельской местности.

К первой категории относятся хумные захоронения у Сасык-Булака, бухарские находки и янгиабадское захоронение. Ко второму типу можно отнести погребения в хумах, раскопанные в Семиречье (древний Сарыг, Ак-Бешим, древний Тараз). Третий тип характерен для захоронений на лёссовых террасах или возвышенных местах (Тик-Турмас) или же на специально огороженных стеной костехранилищах (Фринкент, Байрам-Али).

Установить какую-либо последовательность перечисленных способов погребений во времени пока невозможно. Сейчас мы можем лишь отметить, что самыми ранними по времени являются сосуды, закопаннные в насыпях курганов (раскопки А. М. Мандельштама).

Большинство археологов до настоящего времени сходились на том мнении, что захоронения в хумах являются поздней по времени формой оссуарных захоронений [37]. Погребения в хумах, по их мнению, появились в связи с тем, что в VIII—XIII вв. зароастрийские и маздеистские секты Средней Азии подверглись гонению со стороны арабов и на согдийских рынках прекратилась продажа специальных атрибутов для погребения по установленным канонам [38]. Но новые находки противоречат этому принятому положению. Как показал обзор материалов по захоронениям в хумах, они относятся к самому различному времени. Наиболее ранние хумы датируются первыми веками нашей эры (I—IV вв.), часть их относится к V—VI вв., значительное количество бытует в VII—VIII вв., и позднейшие доживают до XIII в. (таблица).

[37] Л. И. Рempель. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69, стр. 110.

[38] Г. И. Пацевич. Ук. соч., стр. 104; Г. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 150; А. Н. Бернштам. Чуйская долина, стр. 33.

Следовательно, хумные захоронения имели место за 500—600 лет до ислама и существовали параллельно с мусульманскими обрядами еще около 500 лет, не претерпев принципиальных изменений с раннего времени. Появившись довольно рано, захоронения в хумах просуществовали гораздо больший промежуток времени, чем другие виды оссуариев. Если, например, овальные и прямоугольные специальные оссуарии доживают до VIII—IX вв., то хумы как вид погребальной урны бытуют еще в XIII в.

Находки ранних хумных захоронений в разных районах Средней Азии не позволяют в настоящее время согласиться с мнением, что хумы являются всего лишь поздней формой оссуарного обряда. Большая устойчивость данной формы во времени, значительное количество мест находок хумных захоронений заставляют предполагать в них не простую, случайную подмену одной формы оссуария другой, а самостоятельный вид погребального обряда. Как показывают материалы раскопок некрополей в Пенджикенте, Байрам-Али, в Хорезме и т. д., специальные погребальные урны далеко не стандартны. Техника их лепки и отделка вообще не сложны. Весьма возможно, что урны могли быть изготовлены на месте по требованию заказчика, особенно в сельской местности. Именно в таком сельском некрополе, как у Байрам-Али, сосуществуют различные формы оссуариев. Но даже если допустить, что эти оссуарии покупались на рынке, то рынок V—VI вв. предполагает большую стандартность специальных оссуариев, а известные нам некрополи (Байрам-Али) для этого времени такой строгой стандартизации не дают. Погребения совершались в самых различных по форме урнах. Видимо, дело было не только в том, имелись ли на рынке специальные оссуарии, но и в том, что мастером-ремесленником учитывалось, к а к у ю форму погребальной урны захочет выбрать покупатель. Возможно, имелись какие-то различия в погребальных обрядах у одних и тех же «магов». Учитывая общеизвестный консерватизм в соблюдении погребальных обычаев, можно высказать следующее предположение: не были ли хумы отличительной формой похоронного обряда у какой-то группы людей, т. е., другими словами, не было ли среди многочисленных огнепоклонников Средней Азии секты «хумников».

Право на такое предположение дают нам не только вышеприведенные, убедительные, на наш взгляд, археологические данные, освещающие почти тысячелетнюю традицию использования хумов для погребения костей, традицию, не уничтоженную исламом в течение 500 лет. Косвенным подтверждением нашего предположения могут служить некоторые исторические сведения о среднеазиатских огнепоклонниках. Эти сведения если и не являются исчерпывающим доказательством для нашего предположения, то и не отрицают его возможности.

Общеизвестным фактом является существование многих сект огнепоклонников на территории Средней Азии. Источники, сообщая нам названия некоторых, наиболее известных сект (маздеисты, манихеи, маздакиты, последователи Мукани, бигафериды), почти ничего не рассказывают о материальном, вещественном выражении их сектантства. Источники не сообщают, чем отличались похоронные обряды и обычаи одной секты от другой. А такие отличия, вероятно, были, так как эти сектантские общины, насколько можно судить по источникам, существовали параллельно, не сливаясь друг с другом. Маздеистов население отличало от «зендиков» [39], а «магов» по имени «туркун» [40] не смешивало с последователями Муканны [41] или приверженцами секты бигаферидов [42].

Подтверждением тому, что отличия в погребальных обрядах у среднеазиатских огнепоклонников имелись, могут служить сообщения Онеси-

[39] К. И н о с т р а н ц е в. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. Новая сер., ч. XX, СПб., март, 1909, стр. 104.

[40] МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 164—165 (Кудама ибн-Джафар).

[41] Там же, стр. 219 (Ал-Бируни).

[42] Там же, стр. 213 (Худуд-ал-Алем).

крита, Вей-Цзы и Табари о двух разных способах очищения костей от мышечных покровов [43]. Эти сообщения неоднократно анализировались в литературе, и в данном вопросе мы присоединяемся к высказанному мнению авторов статьи «Пянджикентский некрополь», считающих, что эти факты не являются противоречивыми сообщениями разных лиц, а повествуют о двух разных способах погребения [44]. Можно добавить только, что, возможно, древние авторы наблюдали обычаи двух разных сект-общин огнепоклонников. О том, что еще в X в. население Средней Азии отличало эти общины, мы уже упоминали выше; можно добавить еще к этому, что в книге «Ахсан-ат-Такасим фи-Марифат» Ал-Макдиси прямо указывается при перечислении населения области ал-Машрике, что наряду с евреями и христианами здесь жили «разные виды магов» (разрядка наша.— *В. К.*) [45]. Из сообщения явствует, что даже в небольшой области в условиях крепнущего ислама еще продолжали существовать секты-общины, которые цепко держались за старое и у которых были различия, не позволявшие смешивать их между собой и говорить о них как о «магах» вообще.

Какие видимые различия могли быть известны древним авторам о магах? Естественнее всего предположить, что это были обычаи, которые наблюдались повседневно, и в особенности обычаи, связанные с рождением и смертью, как наиболее консервативные из всех.

Традиционность и консерватизм этих обычаев отмечаются этнографами даже у современных народов Средней Азии [46]. В период же средневековья все это выступало в гораздо большей степени. Нам кажется поэтому, что употребление какой-то частью населения Средней Азии хумов для захоронения в них костей было не случайно. Именно поэтому можно предположить существование особой секты «хумников».

В силу приведенных выше данных, как нам кажется, можно предположить, что существование «вида магов», исторического имени которого мы не знаем, но который отличался от других общин своеобразным обычаем похорон, обычаем древней традиции, обычаем, когда употребление хума в качестве урны, возможно, было таким же неписаным правилом, как исполнение не дошедших до нас устных «плачей магов» [47]. Не претендуя на бесспорность нашего предположения, мы посчитали все же возможным его высказать, поскольку круг вопросов, связанных с культом среднеазиатских огнепоклонников, еще требует детального уточнения.

---

[43] В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края, стр. 64; его же. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. «Среднеазиатский вестник», Ташкент, июнь, 1896.

[44] Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Ук. соч., стр. 86.

[45] МИТТ, т. I, стр. 201.

[46] М. Рахимов. Пережитки древних верований в современном быту таджиков Каратегина и Дарвида. Сб. «Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.— Л., 1959, стр. 115, 119; С. Камалов. Пережитки ислама и традиции старого быта у кара-калпаков. Там же, стр. 125.

[47] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 110.

В. В. КОСТОЧКИН

ТОПОГРАФИЯ ИВАНГОРОДА В XVI в.

Ивангород — первенец Русского централизованного государства. На карте Московской Руси конца XV — начала XVI в. этот укрепленный пункт занимает одно из самых значительных мест. Он стоял на стыке двух отрезков огромной оборонительной линии, каждый из которых состоял из ряда пограничных крепостей, созданных новгородцами на севере и псковичами на северо-западе, и играл важную роль в системе обороны крепнувшей страны.

Но Ивангород был не только передовой пограничной крепостью. Расположенный против г. Нарвы, на правом берегу наиболее судоходного нижнего течения р. Наровы [1], в 12 *км* от южного берега Финского залива, он был одновременно и первой морской гаванью молодой русской державы, охранявшей ее торговые интересы на далекой северо-западной окраине [2]. Создав эту гавань, Московское государство взяло под свой контроль ливонскую Нарву и впервые в истории Руси поставило вопрос о выходе к Балтийскому морю, окончательно разрешенный при Петре I.

В литературе имеются работы по истории Ивангорода. Одна из них целиком посвящена древней Ивангородской крепости — истории ее создания и дальнейшего архитектурно-планировочного развития, а другая — располагавшемуся около нее посаду [3]. Впрочем, в последней работе характеризуется Ивангородский посад только в XVII в., т. е. тогда, когда Ивангород находился уже в руках шведов; история развития этого посада в более раннее и бурное время в ней не освещена. Между тем рост Ивангорода в начальную пору его формирования как русского порта представляет значительный интерес. Настоящая статья и посвящена этой теме.

---

[1] О судоходности нижнего течения Наровы см. Р. Гейденштейн. Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889, стр. 216. Последнее время эта река стала именоваться Нарвой — по имени расположенного на ее левом берегу города. Однако город Нарва («Ругодив» русских летописей) свое имя получил от реки Наровы — так она называется во всех русских летописях, древних письменных источниках и даже на картах первой половины XX в. Эта река является продолжением р. Великой. Сказанное отражено в записках Р. Гейденштейна. Он писал, что город Нарва «находится при реке Великой при выходе ее из озера Пелбского, где она переменяет свое название на Нарову и дает имя этому городу» (Р. Гейденштейн. Ук. соч., стр. 216). О том, что свое название город Нарва получил от реки Наровы см. также «Записки Гилльбера де Ланнуа» (Емельянов. Путешествия Гилльбера де Ланнуа в восточные земли Европы. Университетские известия, № 8. Киев, 1873, отд. II, стр. 23).

[2] О том, что Ивангород был торговым центром см. грамоту новгородских наместников в Колывань о торговле в Ивангороде, которая датирована 1517 г. (А. Чумиков. Неизданные русские акты XV—XVI вв. Ревельского городского архива. ЧОИДР, кн. 2, М., 1897, отд. IV, стр. 5, № 8). Джером Горсей, побывавший в «Московии» в конце XVI в., называет Ивангород «лучшим торговым и морским пунктом» (Д. Горсей. Записки о Московии XVI века. СПб., 1909, стр. 41).

[3] В. В. Косточкин. Крепость Ивангород. МИА, № 31, 1952, стр. 224—317; A. Soom. Ivangorod als selbständige Stadt 1617—1649. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1935. Tartu, 1937, стр. 286 сл.

* * *

Впервые летописи упоминают об Ивангороде под 1492 г.: «Тое же весны, повеленим великого князя Ивана Васильевича, заложиша град камен на Немецком рубежи против Ругодива города Немецкого, на реце на Нарове, на Дивичьи горе на Слуде, четвероуголен; и нарече имя ему Иванград в свое имя» [4].

Однако можно с уверенностью сказать, что поселение, если не на Девичьей горе, то, во всяком случае, около нее, существовало против Ругодива и до постройки крепости. Псковская летопись под 1473 г. упоминает о псковских посадниках и боярах, которые были посланы в «Новое село на Нарову» к новгородским послам для встречи с ливонцами. При этом она указывает, что «князь местер тако же своих послов в Ругодив прислал» [5]. Следовательно, Новое село находилось где-то очень близко от г. Нарвы (Ругодива) и, возможно, непосредственно против него. Оно должно было располагаться на восточном (правом) берегу Наровы, ибо в XV в. эта река была пограничным рубежом между русскими землями и ливонскими владениями. Очевидно, в Новое село прибыли в 1483 г. новгородские бояре, посланные Иваном III «на съезд под Ругодив с немцы» [6]. Наименование этого пограничного населенного пункта «селом» говорит о его довольно крупных размерах. Может быть, рассказывая, что в 1460 г. «за мало время, ехавше Немци у снеках и в лодьях в Норову реку, и насаду Псковскую у ловцов с пушками и со всемь запасом ратным отняли; и дворов 40 и два двора выжьгли» [7], летописец имел в виду постройки этого села. Во всяком случае при описании событий, происходивших на немецком рубеже на Нарове-реке в 1471 г., летописец назвал «великое место, зовомое Новое село», которое было сожжено [8]. Кроме деревянных построек в «Новом селе» существовала, видимо, и церковь; очевидно, попом «у норовъских смердов», упоминание о котором имеется в летописях под 1486 г.[9], и назван ее служитель.

Несомненно, что после постройки на Девичьей горе в 1492 г. Иваном III каменной крепости «в свое имя» Новое село превратилось в город и вместе с ним стало именоваться Ивангородом; крепость дала имя селу, которого оно еще не имело и по своей молодости просто называлось «Новым».

«Четвероугольные» укрепления Ивангорода располагались в западной части Девичьей горы, возвышающейся на юго-западном краю берегового мыса, образованного естественным зигзагообразным руслом Наровы. Известно, что через четыре года после постройки крепости внутри нее существовали «дворы» и «хоромы» [10]. Возможно, что деревянные строения стояли тогда и за пределами крепостных стен.

В 1496 г. Ивангород был захвачен шведами и разрушен. Однако в том же году он не только был возвращен обратно и восстановлен, но и значительно расширен. В результате на Девичьей горе против ливонского рыцарского замка — цитадели города Нарвы — выросла новая крепость, гораздо большая по своим размерам. При этом новая часть крепости, вплотную примкнувшая к крепости первоначальной, стала основным ядром «города». Впоследствии она стала называться «Большим Бояршим городом» [11].

---

[4] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 161; т. XX, ч. 1, СПб., 1914, стр. 375.
[5] Псковские летописи, вып. 2, М., 1955, стр. 193.
[6] ПСРЛ, т. XXV, М.— Л., 1949, стр. 330.
[7] Псковские летописи, вып. 2, стр. 50.
[8] ПСРЛ, т. VIII, стр. 165 и т. XII, СПб., 1901, стр. 136.
[9] Псковские летописи, вып. 2, стр. 68.
[10] ПСРЛ, т. IV, стр. 270; т. VIII, стр. 228; т. XII, стр. 224; т. XX, ч. I, стр. 365.
[11] В. В. Косточкин. Архитектура Ивангородской крепости. Сб. «Архитектура СССР», 1953, № 2, стр. 21.

Одновременно с Большим Бояршим городом внутри него была выстроена и маленькая каменная церковь. Эта церковь, представляющая собой редкий образец двухапсидного культового здания, еще и сейчас стоит внутри крепости [12]. Первое известие о ней имеется в переписных оброчных книгах Шелонской пятины 1498 г., где сказано: «внутри города церковь Никола святый» [13].

Кроме церкви, в крепости в 1498 г. стояли «двор наместничь», «нетяглый двор» попа и «дворы купецкие», «а за городом на посаде дворы воротниковы и торговых людей». «И всех дворов на Иванегороде внутри города и за городом на посаде 165, а людей в них 200 человек без дву» [14].

Таким образом, на исходе XV в. Ивангород был не только крепостью. Подобно всем древнерусским городам, он состоял из кремля и посада. В «кремле» жили наместник, духовенство и купцы. Некоторые из купцов были москвичами («Ивашко Дехтярев Москвитин..., Якуш Напрудцкой Москвитин же») и новгородцами («холопец Ноугородец») [15].

Посад располагался за пределами крепости, под защитой ее стен, и делился на две части. Меньшая часть находилась «на горе», очевидно, перед проезжей Набатной башней Большого Бояршего города, к которой в начале XVII в. примкнула стена Переднего города [16]. Состояла эта часть из 27 дворов, где жили «воротники», т. е. люди, которые по своему военному положению входили в состав гарнизона, охранявшего и обслуживавшего ворота крепости. Среди них были и «торочечник», и «воротник», и «гребник» [17]. Другая, гораздо большая, а по существу — основная часть посада находилась «на подоле». Подол располагался у подошвы Девичьей горы и занимал участок низины, которая ограничивалась с востока широким плато и перерезала мыс с севера на юг. На подоле стояло 135 дворов, в которых размещались «торговые люди и казаки» самых различных специальностей — «вощечник», «тильник», плотники, кузнецы, «пономарь Николской» крепостной церкви, мясники, хлебники, колачники, перевозчики, «швец», «извозчики», «овчинники», «жорновщик», «банник». Здесь же жил и «Митя учаник», т. е. строитель речных торговых судов — учанов [18].

В этой массе мелкоторговых людей и ремесленников посада [19], являвшихся одновременно и рядовыми стрельцами крепости, были новгородцы («Стехно Ноугородец») и псковичи («псковитин» и «Пантех Псковитин») [20], которые вместе с другими жителями посада являлись, очевидно, той рабочей силой, с помощью которой в 1507 г. расширялись ивангородские укрепления [21]. Упоминание о двух огородниках («Стехно Ноугородец огородник» и «Сенка Бык огородник») [22], т. е. людях со специальными знаниями и навыками городового строительного дела, свидетельствует о том, что состояние этих укреплений находилось под постоянным наблюдением.

Кроме построек коренных жителей, на подоле Ивангородского посада существовали датские двор и кирха и жили католический священник и

---

[12] В. В. Косточкин. Нарва. (Сокровища русского зодчества). М., 1948, стр. 13—14. В 1944 г., взрывая башни Ивангорода, фашисты пытались уничтожить и эту церковь, в результате чего ее южная стена оказалась разрушенной. В 1953 г. она была восстановлена архитектором А. А. Драги.

[13] Новгородские писцовы книги, т. IV, СПб., 1886, стр. 227.

[14] Там же, стр. 227—230.

[15] Там же.

[16] В.В. Косточкин. Крепость Ивангород, стр. 305—307.

[17] Новгородские писцовые книги, т. IV, стр. 228.

[18] Там же, стр. 228—230.

[19] Н. Д. Чечулин ошибочно отнес все постройки посада и их жителей к самому «городу» (см. Н. Д. Чечулин. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889, стр. 38).

[20] Новгородские писцовые книги, т. IV, стр. 228—230.

[21] В. В. Косточкин. Крепость Ивангород, стр. 296—297.

[22] Новгородские писцовые книги, т. IV, стр. 228—230.

иноземные гости. Из жалованной грамоты, данной датским купцам в 1517 г. «на строение дворов, церквей и на свободную торговлю в Новгороде, Иваногороде» и других русских городах, видно, что для этих сооружений было специально отведено «место на посаде за весчею избою, под горою, против стрельницы и ворот, которыми в город ездят» [23]. «Место» было обнесено оградой и имело «в длину тридцать сажень, а поперек двадцать сажень». Его постройки, подобно всем остальным сооружениям посада, были рублены из дерева — «двор и церковь деревянная и ограда деревянная» [24]. Упоминание о датском дворе в русско-датских грамотах 1582 г. [25] свидетельствует, что этот двор существовал очень долгое время.

Помимо двора, датчане имели на Ивангородском посаде еще и гостиные дворы, право на строительство которых они получили в 1603 г. [26].

Такие привилегии давались, между прочим, не только датчанам. В 1602 г. ганзейцы получили право «иметь свои дворы, церкви и другие здания» в Ивангороде, а в 1603 г. в нем было разрешено и Любеку строить дворы, как это было уже «даровано англичанам и голландцам» [27]. Все эти постройки также располагались в пределах посада.

Разрешения на сооружение построек иноземным гостям в Ивангороде давались одновременно с разрешениями на аналогичные строительства в Новгороде, Пскове и Москве. По свидетельству договорной грамоты 1562 г. Ивана IV с датским королем и таможенной новгородской грамоты 1571 г., Ивангород был всего лишь новгородским пригородом [28], но несмотря на это, подобные разрешения приравнивали его положение к положению крупнейших городов Русского государства, среди которых он играл роль значительного торгового центра.

К сожалению, мы не имеем изображений застройки Ивангорода в XVI в. Однако барельеф, высеченный Арендтом Пассером в 1589 г. (рис. 1) [29], свидетельствует о плотности застройки внутреннего пространства крепости. Составить представление о структуре Ивангородского посада в это время дает возможность копия 1754 г. с чертежа 1676 г. (рис. 2) [30], где Ивангород, хотя и изображен уже в более позднюю эпоху, но сохранил все же и тогда свою древнюю планировку, которая складывалась на всем протяжении XVI в. Материал для этого дает также и план 1770 г. (рис. 3) [31].

На основе указанных планов можно установить, что в XVII—XVIII вв. Ивангородский посад состоял из нескольких концов. Эти концы существовали в Ивангороде и в XVI в. О Псковском и Заболоцком концах упоминают писцовые книги 1571 г. В первом из них находилась улица Крест, а во втором — улицы Заболоцкая, Вотская и Запольская [32].

Обе части посада, а следовательно, и все его концы, были окружены объединявшим их острогом, о существовании которого в 1610 г. свидетельствует летопись [33]. Этот острог или, как его назвал А. Соом, крепкий

---

[23] Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. Русская историческая библиотека, т. XVI, СПб., 1897, № 9, стр. 22.

[24] Там же, стр. 23.

[25] Там же, № 20, стр. 74 и № 21, стр. 88.

[26] Там же, № 90, стр. 385—386.

[27] Г. В. Форстен. Балтийский вопрос в XVI—XVII ст., т. II, СПб., 1894, стр. 61 и 63.

[28] Русские акты Копенгагенского государственного архива, № 20, стр. 70 и 80; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи имп. Академией наук, т. I, СПб., 1836, № 282, стр. 321.

[29] Этот барельеф, изображающий Ивангород в момент осады Нарвы шведами в 1581 г., находится на боковой стороне саркофага, стоящего на могиле шведского полководца П. Де ла Гарди, в алтаре таллинской Вышгородской церкви.

[30] ЦГВИА, ф. 3, оп. 19, д. 4428.

[31] Там же, д. 4699.

[32] Новгородские писцовые книги, т. V, СПб., 1905, стр. 570.

[33] ПСРЛ, т. V, СПб., 1851, стр. 70.

деревянный забор, существовал до 1616 г.[34]. Гравюра, иллюстрирующая книгу А. Олеария, изображает острог как сплошное деревянное ограждение, состоявшее из заостренных, вплотную поставленных вертикальных бревен.

В пределах острога, вероятно, там, где крепость соприкасалась с посадом, существовала торговая площадь. Псковская летопись рассказывает,

Рис. 1. Барельефное изображение Ивангорода, высеченное А. Пассером в 1589 г.

что в 1561 г. «у Иванягорода погорел Торг и посада часть»[35]. О существовании площади в конце XVI в. говорят и кабальные записи 1594—1597 гг., упоминающие о ивангородских площадных пищиках, подьячих и дьячках[36].

Острог Ивангородского посада дополнял систему обороны крепости и создавал ей надежную защиту с восточной и северо-восточной сторон. Как и во всех городах древней Руси, укрепления посада служили внешней линией обороны, которая принимала на себя первый удар неприятеля и давала возможность сдерживать его натиск до тех пор, пока крепость успеет затвориться и привести себя в полную боевую готовность. Так примерно было в 1610 г., когда поляки, стремясь крепость «Ивангород лестию взяти», послали «наперед собя неколико ратных с хлебом». Однако «един диак началник, именем Афонасей Андроников, уразуме злое... коварство» поляков, велел «затворити врата граду и не пусти их и повеле им в остроге быти»[37].

Копия с плана 1676 г. и план 1681 г.[38] показывают, что главная улица Ивангородского посада проходила от моста, соединявшего Нарву с Ивангородом, мимо каменной стены крепостного вала и шла далее на восток по направлению к городу Ям. Две другие улицы, застроенные в XVIII в. «разных чинов строениями», позади которых находились огороды, расхо-

[34] А. Soom. Ук. соч., стр. 286.
[35] Псковские летописи, вып. 2, стр. 241.
[36] Записная книга крепостным актам XV—XVI вв., явленным в Новгороде дьяку Д. Алябьеву. Русская историческая библиотека, т. XVII, СПб., 1898, №№ 158—160, стр. 50, и №№ 310 и 311, стр. 111.
[37] ПСЛР, т. V, стр. 70.
[38] См. А. Soom. Ук. соч., стр. 287.

дились от нее на северо-восток и юго-восток (рис. 3). Юго-восточная улица постепенно поворачивала на юг и переходила в дорогу, связывавшую Ивангород с Гдовом и Псковом. Северо-восточная улица шла в противоположном направлении. Она проходила по берегу Наровы и соединялась с дорогой, шедшей к устью этой реки, где при впадении в нее р. Ро-

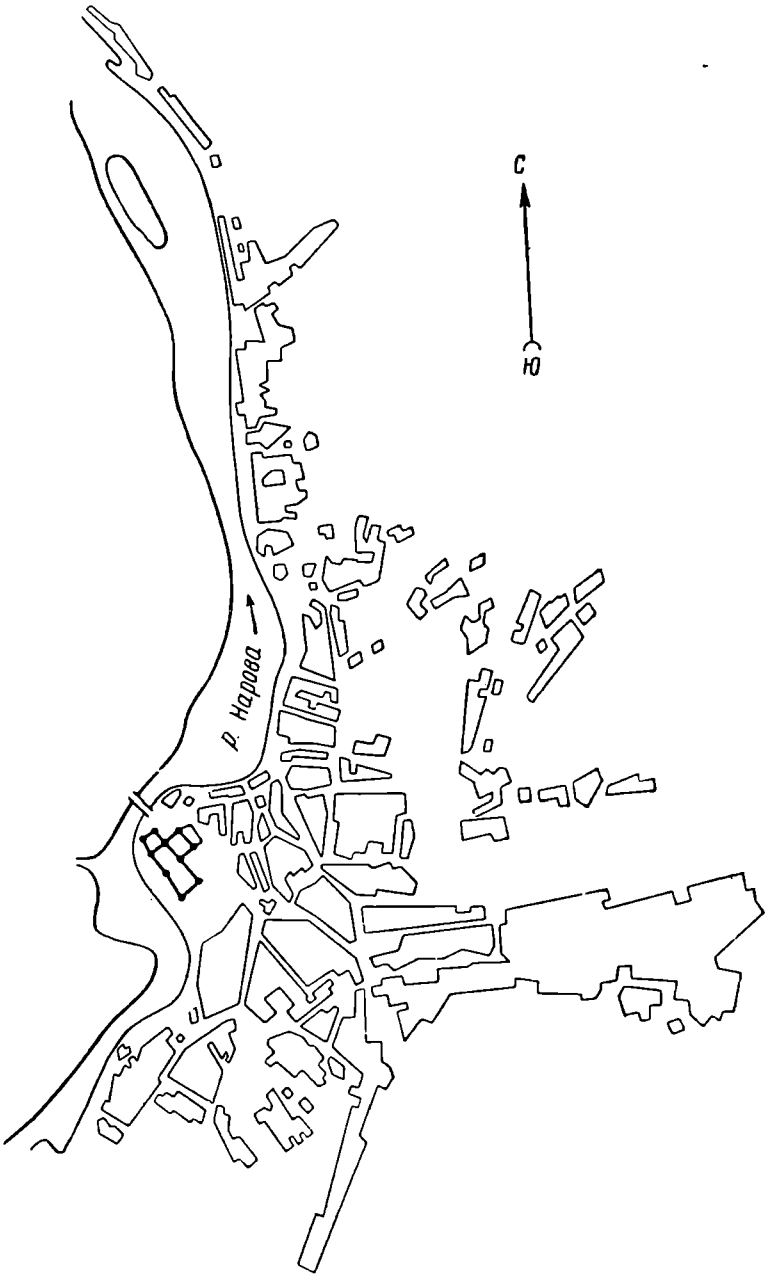


Рис. 2. План Ивангорода XVII в. (копия 1754 г. с чертежа 1676 г.)

соны в конце XV в. располагалось большое великокняжеское «село Норовское», а затем одна за другой выросли в XVI в. три небольших деревянных русских крепости, взявшие под свое наблюдение вход в Нарову из Балтийского моря и ставшие передовыми форпостами Ивангорода [39]. В восточ-

[39] В. В. Косточкин. Русские военно-оборонительные сооружения XVI в. у устья реки Наровы. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 25—32. В этой работе мы отметили, что Усть-Наровское укрепление 1536 г. было самостоятельной постройкой, стоявшей поблизости от Норовского (стр. 27). Можно прибавить, что об этом говорит и разрядный список 1556 г.: «в Норовском городе Околничеи и воевода Дмитрей Андреевич Чеботов да келар Терпигорев» (Древняя Российская вивлиофика, т. XIII, М., 1790, стр. 274) Отсюда ясно, что через 20 лет после постройки, укрепление 1536 г. официально именовалось «городом», что этот «город» назывался Норовском (о чем не было известно)

ной части ложбины эти улицы пересекались двумя почти параллельными улицами, направлявшимися с севера на юг [40]. В месте пересечения их с главной улицей, проходившей от моста на восток, существовала вытянутая неправильной формы площадь. Улицы были узкие и извилистые. На перекрестках главной и второстепенных улиц образовались свободные площади. Улицы и площадь рынка были замощены [41].

Кварталы посада, разделенные улицами, были неправильной формы. Все они были сплошь застроены деревянными постройками отдельных дворов. Каждый двор состоял из жилого дома и хозяйственных построек, составлявших с домом единое целое. Около домов находились сады и огороды [42].

Самой крупной постройкой посада был гостиный двор, возведенный в начале XVII в. [43].

Как свидетельствует чертеж 1649 г. [44], у речного берега, на северном углу ивангородского мыса, там, где в 1941 г. находилась еще лесопильня, в XVI—XVII вв. существовало кладбище с деревянной церковью. Это кладбище, а вместе с ним и церковь изображены и на плане 1770 г. (см. рис. 3) [45]. Своеобразную архитектуру маленькой церкви, превращенной впоследствии в часовню, можно видеть на одной из гравюр А. Олеария.

Переписная оброчная книга Шелонской пятины 1498 г. показывает, что за пределами посада существовало две деревни: «у Иваня ж города у посада деревни за Иванегородцы... сех 2 деревни, а дворов 10, а людей 13 человек» [46]. Места расположения этих деревень, вошедших впоследствии в состав Ивангорода, отмечены на плане 1770 г. Одна из них стояла восточнее крепости на краю плато, а другая — на берегу реки, в районе древней Ивангородской гавани.

Писцовые книги 1571 г. свидетельствуют, что под городом, кроме деревень, находились и мельницы ивангородцев [47].

и что он существовал независимо от великокняжеского села Норовского, упоминаемого в источниках под 1498 и 1571 гг. Пользуюсь случаем, чтобы уточнить и еще один момент в истории укрепления наровского устья. На стр. 30 названной работы я сообщил, что в 1577 г. у этого устья стояло уже три деревянных крепости. Первая, как отмечалось выше, была построена в 1536 г., вторая — в 1557 г. (см. стр. 28—29), а третья,— видимо, между 1558 и 1577 гг. При этом мною указывалось, что две первых из них располагались на правом берегу реки, а третья,— очевидно, на левом. Это подтверждается разрядными списками 1576 г., где отмечено: «В новых городкех на пристани быти и их делати. В большом городе на Иванегородской стороне Голова Андрей Тушин с Семеня дни 84 году. В меньшем городе, что на Ругодивской стороне, Петр Вышеславцов» (Древняя Российская вивлиофика, ч. XIV, М., 1790, стр. 312). Почти дословно эта запись повторяется и в Разрядной книге 1575 г. (Синбирский сборник. Часть историческая, т. 1, М., 1844, стр. 55). Правда, о третьей крепости в этих источниках ничего не говорится, но ее существование в 1577 г., как нами отмечалось, зафиксировано Францем Ниенштедтом. На левом берегу наровского устья русская крепость могла быть построена только после 1558 г., когда Нарва была уже завоевана Иваном Грозным. Раньше это произойти не могло, так как до 1558 г. Нарова была пограничным рубежом. До перехода этого рубежа русскими войсками в начале Ливонской войны были созданы и две другие усть-наровские крепости — «город» Норовск 1536 г. и «город» 1557 г.— «для корабленого пристанища», выстроенный по указу Грозного Петром Головиным и Иваном Выродковым. Пребывание последних в Ивангороде перед началом строительства «города» 1557 г. у устья Наровы отмечено, между прочим, не в одном документе Таллинского архива, как это нами указывалось, а в двух (см. Русские акты Ревельского городского архива. Русская историческая библиотека, т. 15, СПб., 1894, № 35, стлб. 59—62).

[40] На плане 1770 г. эти улицы не отмечены, но по расположению построек одна из них выявляется очень легко.

[41] А. Соотт. Ук. соч., стр. 287.

[42] Там же, стр. 288.

[43] Там же, стр. 278.

[44] См. рис. 4 в нашей работе «Крепость Ивангород».

[45] На указанном плане изображен шестигранник и сказано: «Часовня, около которой кладбище».

[46] Новгородские писцовые книги, т. IV, стр. 230.

[47] Новгородские писцовые книги, т. V, СПб., 1905, стр. 569—670.

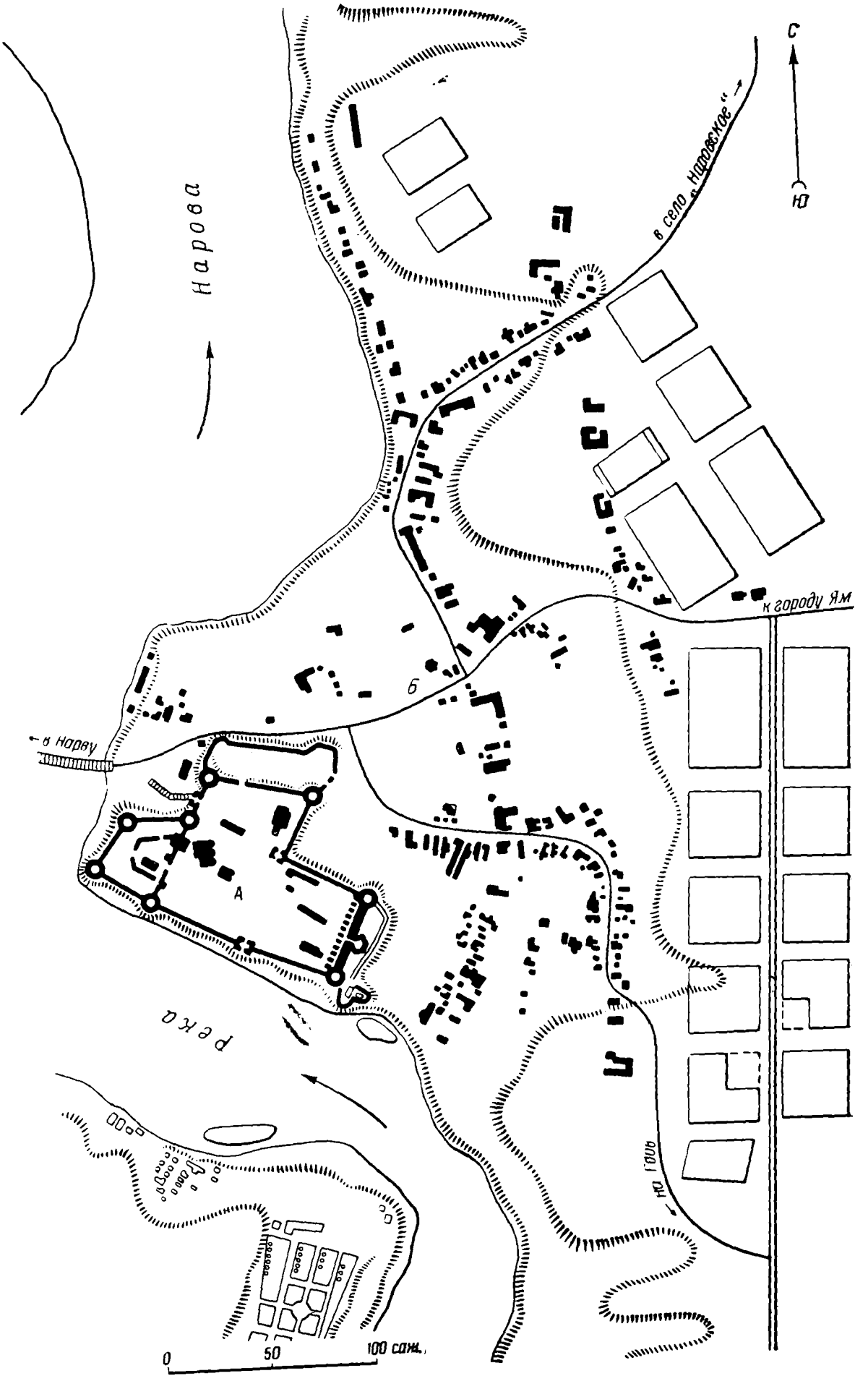


Рис. 3. План Ивангорода 1770 г. (выкопировка)
А — Никольская церковь; *Б* — «Часовня, около которой кладбище»

Такова была структура древнего русского города, снабженного как каменными, так и деревянными укреплениями. О большой территории, которую занимал Ивангород в XVI в., и густой ее населенности рассказывает и современник Ивана Грозного — князь Курбский. «Всем есть ведомо,— говорил он в своем сказании,— иже Немецкое место, глаголемое Нарва, и Русское Иваньград об едину реку стоят, а оба два града и места не малые, пачеже той Русский многонароден» [48].

Многолюдность Ивангорода была характера лишь для XVI в. С захватом его шведами в начале XVII в. количество ивангородских жителей значительно сократилось. Враждебное отношение нарвских бюргеров и большие налоги создавали русскому населению невыносимо тяжелые условия существования. Жители посада зачастую вынуждены были покидать свои дома и уходить из города. Наряду с этим, плотность населения Ивангорода уменьшалась и за счет принудительного выселения, проводившегося в соответствии со специальными указаниями шведского правительства [49]. Только возвращение Ивангорода Петром I в семью русских городов создало нормальные условия для существования его жителей. С этого момента значительно возрастает количество ивангородцев и частота застройки города.

Изучение развития планировки Ивангорода в XVI в. показывает, насколько быстро развивался на ранних этапах своего существования первый порт Русского государства.

---

[48] Сказание князя Курбского. СПб., 1883, ч. I, стр. 69—70.

[49] Д. С. Лихачев. Плач о реке Нарове 1665 г. Тр. Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР, т. VI, Л., 1948, стр. 337.

ЗАМЕТКИ

Г. Ф. КОРОБКОВА, Л. П. ХЛОБЫСТИН

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЧЕТВЕРТИЧНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ

В 1958 г. проф. А. М. Жирмунский предложил новую схему стратиграфии четвертичных отложений. В свой статье [1], посвященной состоявшемуся в мае 1957 г. в Москве Междуведомственному совещанию по изучению четвертичного периода, А. М. Жирмунский, давая краткий обзор вопросов, обсуждавшихся на заседаниях совещания, уделяет главное внимание замене терминов «третичный период» и «четвертичный период» и стратиграфической схеме антропозоя.

А. М. Жирмунский указал на все большее распространение среди советских и зарубежных ученых терминов «антропозой» и «антропоген» и привел свою схему стратиграфии четвертичного периода, названного им «антропозойской эрой». Статья заканчивается пожеланиями проф. А. М. Жирмунского советской делегации на VI Международный конгресс ИНКВА. Большинство пожеланий вытекает из предложенной им схемы, и принятие их будет одобрением самой схемы.

Новая стратиграфическая схема проф. А. М. Жирмунского вызывает у археологов большой интерес и заслуживает внимательного изучения. Как недавно указал А. П. Окладников, «история развития жизни, эволюции органического мира на Земле, разделяется на два качественно различных и вместе с тем несоизмеримых по своей длительности этапа» [2]. Первый этап — это «время возникновения и безраздельного господства биологических законов. Он охватывает многие сотни миллионов лет, начиная с зарождения на Земле первых живых существ и до появления человека. Второй этап — это время появления и развития человека, время возникновения и развития социальных законов. Этот период охватывает около миллиона лет».

Поэтому вполне понятен тот интерес со стороны специалистов в различных областях знаний к изучению периода, связанного с появлением человека на Земле.

Назвав четвертичную эпоху «антропозоем», А. М. Жирмунский тем самым как бы подчеркивает совершенно новое в истории Земли событие — появление и развитие человека и человеческого общества [3]. Введение этого понятия укрепляет ту громадную роль человека, которую он сыграл и продолжает играть, участвуя наряду с силами природы в преобразовании Земли.

Термин «антропоген» был впервые предложен А. П. Павловым [4], а затем

---

[1] А. М. Жирмунский. К итогам совещания при АН СССР по вопросам четвертичной геологии. Изв. ВГО, № 4, т. 90, 1958.

[2] А. П. Окладников. Становление человека и общества. Сб. «Проблемы развития в природе и обществе». М.— Л, 1958, стр. 121.

[3] А. М. Жирмунский. Роль и значение антропозойской эры в истории Земли. Изв. ВГО, № 4, т. 80, 1948.

[4] А. П. Павлов. Неогеновые и послетретичные отложения Южной и Восточной Европы. Мем. Геол. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. 5, 1925.

воспринят другими геологами: В. И. Вернадским [5], М. А. Усовым [6] и др. Позже А. М. Жирмунский [7] ввел новое понятие «антропозой».

К сожалению, полного единодушия по вопросу о применении этих терминов еще не достигнуто.

Отложения, образовавшиеся в период времени от конца неогена до современности, объединяются в одну систему. Следовательно, термин «антропозой» ограничивается подразделением второго порядка классической геохронологической шкалы. Он соответствует периоду, который и следует называть «антропогеном». Но преобразования, связанные с изменением лика Земли под все более усиливающимся воздействием человека, еще продолжаются. Поэтому об антропозойской эре перспективно говорить можно.

Более дробное членение антропозоя на преантропоген, антропоген и неоантропоген, предложенное проф. А. М. Жирмунским, не совсем удовлетворяет археологов. Ибо следовало ожидать, что за этими терминами скрываются периоды, для которых характерны определенные виды гоминид: ранние гоминиды (питекантроп и синантроп), неандерталец и Homo Sapiens. Так, А. М. Жирмунский правильно проводит границу между преантропогеном и антропогеном после миндель-рисского межледникового периода, перед рисским оледенением. Это согласуется с археологическими материалами, которые указывают, что эпоху неандертальца следует считать начиная с рисской стадии оледенения.

В то же время границу антропогена и неантропогена А. М. Жирмунский проводит между неовюрмской стадией оледенения и бореальной эпохой, что делать нельзя, так как первые следы Homo Sapiens прослеживаются в вюрмских отложениях.

Выделение отделов, а соответственно — эпох на основе ледниковых процессов спорно, так как до сих пор не решен вопрос о количестве оледенений. Абсолютно нельзя распространять на весь земной шар стратиграфию ледниковых отложений альпийской области, так как «развитие древнего оледенения протекало по-разному, в зависимости от местных условий того или иного района. В районах, благоприятствовавших оледенению, история ледников была сложнее и состояла из отдельных ледниковых и межледниковых эпох (Европа), а в районах с условиями, неблагоприятными для оледенения (Восточная Сибирь), история оледенения протекала проще» [8]. Поэтому «история древнего оледенения не может втиснуться в единый «космополитический» канон, в частности — в схему альпийских оледенений с ее четырьмя ледниковыми эпохами (гюнц, миндель, рисс, вюрм)» [9]. Можно только ставить вопрос о корреляции ледниковых проявлений в районе Балтики с таковыми других районов.

Точно так же нельзя выделять в качестве целого периода неоантропоген с более дробными делениями на пять эпох на основе климатических изменений области Балтийского бассейна. Нельзя также согласиться с включением в преантропоген прегюнцской эпохи с виллафранкской фауной. Последняя не имеет никаких следов ранних гоминид. Однако введение эпохи, предшествующей эпохам оледенения, связанной с появлением ранних гоминид, необходимо в схеме, построеной на основе появления и деятельности человека.

---

[5] В. И. Вернадский. Несколько слов о неосфере. Успехи современной биологии, т. XVIII, вып. 2, 1944.

[6] М. А. Усов. Элементы геоморфологии и геологии рыхлых отложений. Томск. 1934.

[7] А. М. Жирмунский. Вопрос о нижней границе антропозоя и некоторые другие вопросы синхронизации антропозойских отложений. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, вып. 1, 1932.

[8] К. К. Марков. Новейший геологический период — антропоген. Журн. «Природа», № 3, 1953, стр. 55.

[9] Там же, стр. 56.

Несмотря на вышеизложенные замечания, схема проф. А. М. Жирмунского, акцентирующая большую роль человека в истории Земли, имеет существенное значение, так как она вновь возбуждает много вопросов, разрешение которых будет способствовать разработке схемы деления четвертичных отложений, основанной на тех же общих принципах, на которых основаны геохронологические схемы более древних образований.

Разработка такой схемы является коллективным делом. В ней должны принять участие специалисты в различных областях знаний и, конечно, археологи.

О. И. ИСЛАМОВ, Л. М. РУТКОВСКАЯ

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ ИЗ ЧАШ-ТЕПЕ ПОД ТАШКЕНТОМ

Археологические памятники Ташкентского района показывают, что жизнь здесь не прерывалась [1], начиная с эпохи раннего палеолита. Каждый год в результате археологических исследований и наблюдений за земляными работами здесь открываются все новые и новые памятники, относящиеся к разному времени. Среди них большое место занимают городища эпох античности и средневековья.

Одно из таких городищ — Чаш-Тепе, находящееся недалеко от границы г. Ташкента, на берегу древнего канала Салар, в 1957—1958 гг. стало местом глиняного карьера кирпичного завода. В связи с этим здесь был проведен археологический надзор [2], в результате которого на поселении, примыкавшем к городищу, был получен керамический материал [3] и большое количество каменных орудий.

Керамика по своему облику аналогична керамике Южного Казахстана начала I тысячелетия н. э.—V—VI вв. н. э. [4].

В настоящей заметке публикуются каменные орудия из Чаш-Тепе, коллекция которых хранится в Музее кафедры общей геологии Ташкентского университета.

Особенностью указанных орудий является то, что для них использованы окатанные гальки различных форм. Видеть орудия труда в этих гальках нам позволяют прежде всего следы в виде выщерблин, сколов, насечек, затертости, полировки и т. д. Эти признаки дают возможность определить функциональное назначение орудий.

По форме и назначению все орудия рассматриваемой коллекции можно разделить на следующие группы.

1. Орудия, для которых использовались продолговатые, овальные гальки с несколько расширенной нижней частью. Длина орудий — 19—21 *см*, ширина нижней части —8—10 *см*, ширина верхней части —5—5,5 *см* (рис. 1, *1*). Рабочий край орудия находится в нижней части, которая имеет следы затертости. По ним видно, что орудия предназначены для растирания. Функционально они приближаются к пестам, с той разницей, что не имеют дополнительной обработки.

---

[1] А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сыр-Дарьи осенью 1955 г. Тр. АН ТаджССР, т. 63, 1958, стр. 12—13; О. И. Исламов. Из истории культуры камня в Средней Азии. Зап. Узбек. отд. Всесоюзного Минералогического об-ва, вып. 8, Ташкент, 1955.

[2] Археологический надзор на городище Чаш-Тепе осуществляла Н. И. Крашенинникова.

[3] Хранится в Кабинете археологии Ташкентского университета.

[4] Е. И. Агеева, Г. М. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ КазССР, т. V, Археология, 1958, стр. 159, рис. 89.

Среди рассматриваемой группы имеются два экземпляра, представляющих особый интерес (инв. №№ 1220 и 1234) для понимания функционального использования этих орудий. На одном из них (инв. № 1234) имеются следы работы не только в нижней части (затертость), как это мы видим на всех остальных экземплярах данной группы, а с нескольких сторон (на верхней и боковой плоскостях). Таким образом, это орудие использовалось не только для растирания, но и для другой цели (воз-

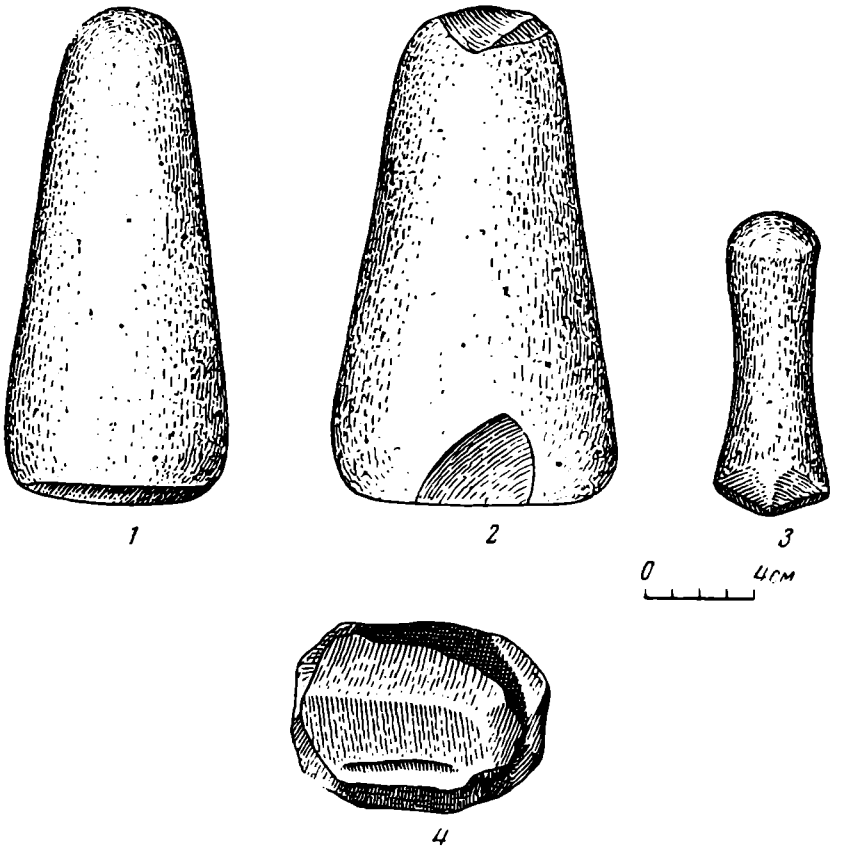


Рис. 1. Каменные орудия из Чаш-Тепе

можно, как точильный брусок, тем более, что галька состоит из плотного песчаника, обычно применяемого для изготовления брусков).

На другом орудии для работы использовали не только узкие концы, но и верхнюю и нижнюю плоскости. На верхней плоскости имеются углубления и следы затертости. На боковой плоскости насечки и выбоины, образовавшиеся от ударов. Следовательно, орудие применялось не только для растирания, но и для других целей.

2. Орудия, по форме и размерам аналогичные орудиям первой группы (рис. 1, *2*), с той разницей, что для них использовались гальки, немного более уплощенные, чем в первой группе. Судя по следам работы, они обычно выполняли роль клина. На нижней рабочей части (часто и на верхней) имеется крупный скол, образовавшийся в результате сработанности орудия, а не преднамеренной обработки. В данном случае сработанный рабочий край дает ударную площадку, и при вертикальном ударе появляется скалывающий момент. В пользу этой точки зрения говорит наличие сколов с противоположной стороны.

3. Орудия, для которых использовались гальки шаровидной или бочонкообразной формы. Диаметр —7—10 *см* (рис. 1, *4*). Как правило, эти орудия имеют полированной пятку на верхней и нижней плоскостях. Боковая поверхность имеет следы затертости, которые образуют неправильные грани. Они показывают, что орудия служили терками, причем рабочей частью была боковая поверхность, а не полированная пятка. Последняя

образовалась от держания в руке, ладонь заполировывала верхнюю часть орудия. Что это именно так, показывает наличие заполированности в виде узкой полосы на боковой грани с одной стороны орудия, которая образовывалась от части руки между указательным и большим пальцами. Это дает возможность определить, что орудие держали одним пальцем вверху и четырьмя пальцами внизу. Но так как верх и низ каждый раз менялись (это видно по сработанным боковым граням), то вверху и внизу образовались одинаковой величины полированные пятки. Эти наблюдения, как нам кажется, имеют значение в том смысле, что определяют функциональное назначение этой категории орудий как терок. Иногда археологи склонны видеть в таких орудиях лощила, принимая полированную часть за рабочую. Как показывает вышеприведенное описание, подобная точка зрения является неверной. Несколько особняком стоит камень правильной бочонкообразной формы (инв. № 1085), который носит следы специального изготовления. В отличие от описанных экземпляров, здесь рабочей частью служила верхняя горизонтальная площадка, на которой посредине имеется небольшое углубление от ударов. Это орудие, надо думать, использовалось как ударное.

4. Орудия, для которых использовались гальки примерно цилиндрической формы длиной 9—10 *см* (рис. 1, *3*). По назначению и форме эти орудия напоминают маленькие пестики. Как правило, нижняя рабочая часть затерта таким образом, что получились неправильные грани. Ствол орудия, за который держали рукой, сплошь заполирован. Имеется один экземпляр, у которого нижняя и верхняя части служили для растирания, так как там имеются следы сработанности.

5. Группа почти круглых лепешкообразных галек. Некоторые экземпляры имеют по нескольку сколов с одной стороны или следы затертости. Назначение их было различное, но пока его определить трудно.

6. Зернотерки. Представлены большим количеством фрагментов. Имеются овальные и ладьевидные.

7. Метательные камни шаровидной формы, тщательно обработаны и не носят следов окатанности. Диаметр —6—7 *см*.

В коллекции имеется много орудий труда описанных групп, которые пришли в негодность из-за поломки, сработанности и т. д.

Материалом для изготовления описываемых орудий в основном явился галечник, добываемый из р. Чирчик. Лишь частично в качестве сырья для некоторых изделий применялись горные породы, привезенные из других районов.

Пойма р. Чирчик расположена в 5 *км* к юго-востоку от Чаш-Тепе и имеет ширину до 1,5 *км*. Она выполнена грубообломочным галечным материалом, с диаметром галек до 20—30 *см*. Петрографический состав галек очень разнообразен, а так как в современную пойму попадают все предыдущие образования, то и возрасты галек также очень различны. Специальному геолого-петрографическому анализу галечники р. Чирчик не подвергались. В их составе можно обнаружить самые разнообразные горные породы, в общем отвечающие петрографическому составу коренных пород горной части Чирчикской долины. Для описываемых орудий подбирался не случайный материал, а такой, который по своим механическим свойствам наиболее соответствовал функциональному назначению орудий.

Большинство галек было использовано в качестве зернотерок. Среди них встречаются: граниты различных цветов, гранодиориты, туфы и туфобрекчии, песчаники. Все это породы грубозернистые, но довольно вязкие.

В одном случае (инв. № 1087) зернотерка была сделана из грубой пластины без следов обработки водой. Эта пластина, вероятно, происходит из верховьев р. Чирчик, где среди интрузивов встречаются подобные породы.

Орудия второй группы изготовлены из плотных и вязких пород. Это кремнистые породы типа роговиков, диориты, кварцевые порфиры. Третья группа орудий изготовлена преимущественно из пород большой плотности, диоритов и диабазов. Четвертая группа орудий изготовлена преимущественно из мелкозернистых пород. Среди них встречаются диабазы, аплиты, кремнистые известняки.

Метательные камни, надо думать, изготовлялись из галек поймы Чирчика.

Описанные выше орудия были найдены на поселении, примыкающем к городищу Чаш-Тепе. Здесь в карьере был обнаружен культурный слой толщиной 2—3 *м*, который подстилался стерильным слоем лёсса. Керамика, обнаруженная здесь вместе с каменными орудиями, относится ко времени от начала I тысячелетия н. э. до эпохи арабского завоевания. Таким образом, хронологический диапазон описанных орудий укладывается в эти рамки.

Что касается характеристики самих орудий, то их облик не может служить критерием для датировки. Дело в том, что совершенно аналогичные орудия мы знаем из поселений типа Чуста, затем они встречаются в античных и раннесредневековых памятниках [5]. В последние годы тождественные орудия были обнаружены в слоях IV—VI вв. н. э. на городищах Кендеклы-Тепе и Аул-Тепе (Кашка-Дарьинская область) [6].

В связи с вышесказанным представляет интерес тот факт, что орудия труда, изготовленные из окатанных галек, становятся характерными в памятниках типа Чуста, где уже утрачивается древняя техника изготовления каменных орудий. На поселениях Чуст и Дальверзин не обнаружено орудий труда, изготовленных на пластинах техникой, свойственной эпохе бронзы. Каменный инвентарь указанных памятников существенно отличается от памятников эпохи бронзы Средней Азии. По существу здесь уже представлен только вспомогательный каменный инвентарь, который сосуществовал с древнейших времен с каменными орудиями, характерными для той или иной культуры.

С эпохи нижнего палеолита известно применение галек в качестве рубил, скребел и т. д. Позднее они использовались как нуклеусы, а также отбойники, чему способствовало то обстоятельство, что в гальке обычно оставалось наиболее крепкое ядро первоначального обломка породы.

Применение галек для зернотерок и предметов бытового назначения восходит к началу земледелия, т. е. к неолиту. С этой точки зрения интересны собранные А. П. Окладниковым в районе Ходжикента орудия с незначительной вторичной подправкой в виде небольшого числа грубых сколов. Возможно, что эти орудия относятся к каменному веку.

В эпоху бронзы гальки также широко используются в необработанном и обработанном виде не только как орудия труда, но и для других хозяйственных нужд (выкладка очагов и т. д.) [7]. В начале железного века, когда уже широко распространенной стала бронза и начало входить в обиход железо, роль каменных орудий уменьшается. Они становятся вспомогательными и не определяют уровня развития производства. Только этим можно объяснить тот факт, что в памятниках типа Чуста, которые характеризуются развитой бронзовой индустрией и началом железной (Дальверзин), утрачивается древняя техника изготовления каменных орудий.

---

[5] Коллекция каменных орудий из Чустского поселения хранится в Музее истории народов Узбекистана. Часть из них получила отражение в публикациях В. И. Спришевского. См. также Г. В. Григорьев. Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г. Ташкент, 1935; его же. Каунчи-Тепа. Ташкент, 1940, стр. 10—12.

[6] Орудия хранятся в Ин-те истории, археологии и этнографии АН Узбекской ССР.

[7] А. П. Окладников. О работах Таджикской археологической экспедиции в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. 37, 1956, стр. 6—8; его же. Исследование памятников каменного века..., стр. 7—10.

Теперь для того или иного орудия используется наиболее удобная форма галек, при которой не требовалось большой затраты труда на изготовление орудия.

Тот факт, что орудия из галек уже в эту эпоху становятся вспомогательными, подтверждается консервативностью формы, которая доживает, судя по имеющимся материалам, вплоть до средневековья. Напомним, что в эпоху средневековья каменные орудия из окатанных галек применяются наряду с железными при горных разработках.

Как показывают описанные выше орудия из Чаш-Тепе, многие из них предназначены были для растирания. Растирали зерно и другие продукты; судя по тому, что эти орудия разнообразны по форме, объекты растирания были различны и, по-видимому, требовали специализации орудий.

В комплексе материалов из Чаш-Тепе каменные орудия из галек играли вспомогательную роль в трудовой деятельности его населения. Но наличие этих орудий свидетельствует о преемственности культуры камня в Средней Азии на протяжении широкого хронологического отрезка времени. И несмотря на использование металлических орудий, камень продолжал широко применяться в быту и до некоторой степени в производстве (горные разработки).

Поэтому авторы считают, что каменным орудиям при изучении памятников сравнительно позднего времени (античные, раннесредневековые) следует уделять гораздо больше внимания, чем это делается в настоящее время. Вместе с тем в дальнейших работах по изучению каменных орудий позднего времени необходимо применять новейшие методы исследования для детального определения их функционального назначения.

И. И. АХАНОВ

ДРЕВНЯЯ СТОЯНКА В ГЕЛЕНДЖИКЕ

На берегу Геленджикской бухты, на территории рыбного завода, в 400 *м* от безымянной балки, являющейся западной границей курортного городка «Солнце», в 1928—1929 гг. Б. С. Жуковым была обнаружена древняя стоянка и раскопано скопление раковин. Обрывистый берег, высотой до 3,5 *м*, состоит здесь из делювиальных отложений и ограничивает довольно обширную, частично покрытую кустарником равнину, постепенно поднимающуюся от моря на север и северо-восток, к подножью Мархотского хребта. Обрыв подвергается беспрерывному интенсивному разрушению выветриванием и морем.

При обследовании обрыва сотрудниками Геленджикского музея [1] в 1928 г. здесь было зафиксировано обнажение трех ям и отдельно — небольшое скопление раковин устриц. Ямы располагались с востока на запад в следующем порядке: с краю располагалось скопление раковин, в 55 *м* от него — яма № 1, в 7 *м* от нее — яма № 2 и в 12 *м* от ямы № 2— яма № 3.

Раскопкам подверглась яма № 2. Она была перекрыта слоем чернозема с небольшой примесью гравия (0,15 *м*), постепенно переходившим в слой гальки с примесью вначале чернозема и затем глины (0,45 *м*). Яма была вырыта в делювиальных отложениях. В заполнении ямы сверху прослеживалась тонкая (2—3 *см*) полоска золы, под которой залегал слой обломков мергеля с черноземом, затем слой серого цвета, состоящий из смеси чернозема с золой, переходящий в слой серого суглинка. Дно ямы было покрыто слоем темно-бурой глины толщиной 5 *см*. Его нужно сни-

[1] В работе принимали участие автор этих строк, зав. фондами Геленджикского музея Д. Е. Щеглов, инженер Геленджикского коммунхоза Э. Г. Идельсон, инспектор РайОНО М. М. Медянкина и группа учеников 8-х классов Геленджикской средней школы — членов школьного исторического кружка.

тать обмазкой, так как такой же слой ярко прослеживался и на стенках ямы. Яма имела глубину 0,8 *м*, а от современной поверхности почвы — 1,4 *м*. Ширина ямы вверху — 1 *м*, внизу — 0,9 *м*.

В перекрывавшем яму слое никаких находок обнаружено не было. На глубине 0,6 *м* обозначились контуры наполовину разрушенной ямы. В яме найдены 80 обломков глиняной посуды, 54 кости животных, осколок кремня и три камня, залегавших без всякого порядка во всех ее горизонтах.

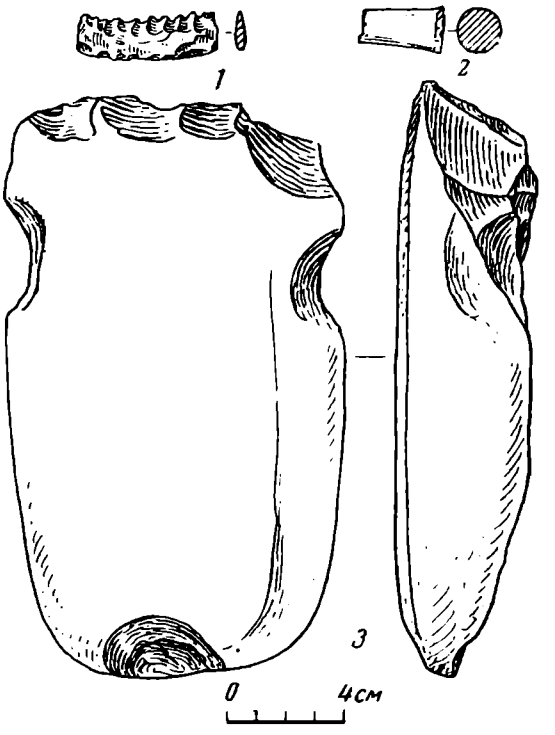


Рис. 1. Каменные орудия Геленджикской стоянки

1 — кремневый вкладыш; *2* — высверленный цилиндр; *3* — мотыга из гальки

Затем была раскопана яма № 1, над которой была совершенно ровная площадка, выдававшаяся с западной стороны небольшим мыском и поросшая травой. Перекрывавший яму слой (0,4 *м*) состоял из чернозема с примесью гравия и постепенно переходил в суглинок с гравием. Уже в этом слое, с глубины 0,2 *м*, начали встречаться мелкие обломки черной посуды слабого обжига, обломки костей животных, кусочки желтой охры и осколки кремня. Здесь же найден цилиндрик из крепкого, типа яшмы, камня (рис. 1, *2*).

Верхняя часть ямы вырыта в рыхлом культурном слое, содержащем обломки керамики и костей, до глубины 1 *м*; нижняя часть вырыта в делювии. Эта яма дала значительно большее количество костного материала (239 костей), чем яма № 2. Фрагментов керамики из нее было извлечено 66.

Заполнение ямы № 3 составлял однообразный перемешанный слой из золы, чернозема и глины, почти без керамики (7 фрагментов), содержавший 167 костей. В нижней части ямы найдена кремневая пилочка (рис. 1, *1*).

Повторное тщательное обследование берегового обрыва в 1950 г. позволило установить наличие еще трех ям. Одна из них (№ 5) находилась в 2 *м* к западу от скопления раковин, вторая (№ 4) — в 21 *м* к востоку от этого скопления и третья (№ 6) — в 15 *м* к востоку от ямы № 4. Все ямы расположены на одной линии, идущей вдоль берега моря; расстояние между крайними ямами №№ 6 и 3—110 *м*. Раскопки ям №№ 4, 5, 6 и места скопления раковин были проведены автором совместно с сотрудником музея Д. Е. Щегловым.

Слой, перекрывавший яму № 4, имел толщину 0,45 *м*. Яма вырыта в культурном слое мощностью 0,4 *м*, содержавшем небольшое количество (14) обломков костей и четыре обломка толстостенных сосудов. В самой яме найдено 108 костей, в том числе фаланга крупного животного с отверстием и рог с отточенным концом, девять обломков сосудов, а также кусочек пемзы с просверленным отверстием, может быть, служивший поплавком.

Яма № 5 оказалась слабо насыщенной костным материалом (23 кости) и почти без остатков керамики.

Наиболее богатым находками оказался раскоп над ямой № 6, имевший площадь 2×1,8 *м*. Обломки посуды и костей встречались с глубины 0,3 *м*

до глубины 1,2 *м*. В самой яме, начинавшейся на глубине 1,2 *м*, найдено 40 костей и две крупные гальки.

Форма всех шести ям однообразна — почти правильный цилиндр с некоторым расширением в верхней части. Глубина всех ям — около 0,8 *м* или немного больше. Диаметр ям в верхней части от 0,8 до 1,2 *м*. Стены и пол каждой ямы имели слой обмазки, в среднем в 5 *см*, из темно-бурой или серо-желтой глины. Никаких следов огня ни на стенах, ни на полу ям не обнаружено. Кое-где встречено незначительное количество золы, несколько обожженных косточек и небольших обломков камня, подвергавшихся действию огня.

Весь обнаруженный в ямах материал делится на три группы: камень, кость и керамика. Незначительное количество найденного кремня вполне естественно для района Геленджика, где основными породами являются меловые мергели, реже — песчаники и известняки.

Кремневая пилочка (рис. 1, *1*) и по форме, и по размеру аналогична кремневому вкладышу от серпа из Старо-Лескенского кургана в Кабарде [2]. Остальной кремневый материал — небольшого размера отщепы. Кроме кремневых отщепов, найдены пять отщепов крепкого серого сланца. В яме № 2 найдена мотыга из желтовато-серой крепкой гальки, расколотой пополам, без обработки внутренней стороны .Длина мотыги — 20 *см*, ширина у основания — 11 *см*. В 3—4 *см* от основания на обоих ребрах имеются выемки для привязывания (рис. 1, *3*).

Следы сверления камня наблюдаются на цилиндрике, высверленном, очевидно, при изготовлении топорика из зеленовато-серого твердого камня; длина цилиндра — 2,4 *см*, диаметр у основания — 1,5 *см* (рис. 1, *2*).

Кроме перечисленных предметов из камня, следует упомянуть еще четыре обломка точил (три из них из серого песчаника и один — из мергеля). Найден один плоский скребок яйцевидной формы из расколотой гальки светло-серого сланца, длиной 8,5 *см* и максимальной ширины 5,5 *см*. На двух гальках из ямы № 4 сохранились следы красной краски; одна из них плоская, подпрямоугольной формы, с несколько углубленной серединой одной из сторон, где и сохранились остатки краски. Следы такой же краски носил и камень неправильной формы из ямы № 1.

Костный материал состоит в основном из обломков раздробленных костей животных. Целыми найдено лишь несколько фаланг и астрагалов, большая берцовая кость, отдельные зубы и позвонки.

По определению Н. К. Верещагина (которому автор выражает глубокую признательность), основная масса костей принадлежит крупной породе быка и мелкому виду дельфина, затем идут кости довольно крупной овцы и мелкой свиньи, возможно, и дикого кабана, оленя, рыси, зайца, лошади, возможно, дикой; имеются кости рыб и раковины морских моллюсков.

Керамика представлена исключительно обломками лепной посуды. Подавляющее количество черепков черного цвета, обжиг слабый, в керамической массе часто большая примесь песка. Единичны черепки светло-серого и желтого цвета, также слабо обожженные. Встречены черепки лощеной керамики. На некоторых черепках сохранились следы копоти.

Размеры и формы посуды разнообразны, есть обломки крупных горшков, небольших горшочков и мисок. Днища сосудов плоские. Венчики, за редким исключением, отогнуты наружу (рис. 2).

Орнаментированных черепков мало. Орнамент, в основном резной, обычно размещается на верхней половине сосуда, изредка заходя на нижнюю. Самый распространенный орнамент состоит из косых овальных штрихов ямок у основания шейки (рис. 2, *1, 3, 6*). Иногда этот орнамент располагается на выпуклом пояске, идущем вокруг тулова сосуда, у основания венчика или несколько ниже. На одном черепке имеется рисунок

[2] Е. И. Крупнов. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, вып. XXXVII, 1949, стр. 13, рис. 6, *4*.

елочкой. На двух черепках крупного сосуда — комбинированный рисунок из парных налепов, в форме сосочка, от которого идут вниз три параллельные прочерченные бороздки, причем возле одной из них, внешней, даны короткие косые штрихи (рис. 2, *8, 9*). У одного из лощеных сосудов, очевидно, все тулово было орнаментировано парными параллельными бороздками с косыми штрихами между ними (рис. 2, *7*). На черепке небольшого горшка встречен орнамент, состоящий из острого заштрихованного угла, обращенного вершиной вниз. У окончания каждого штриха, на гра-

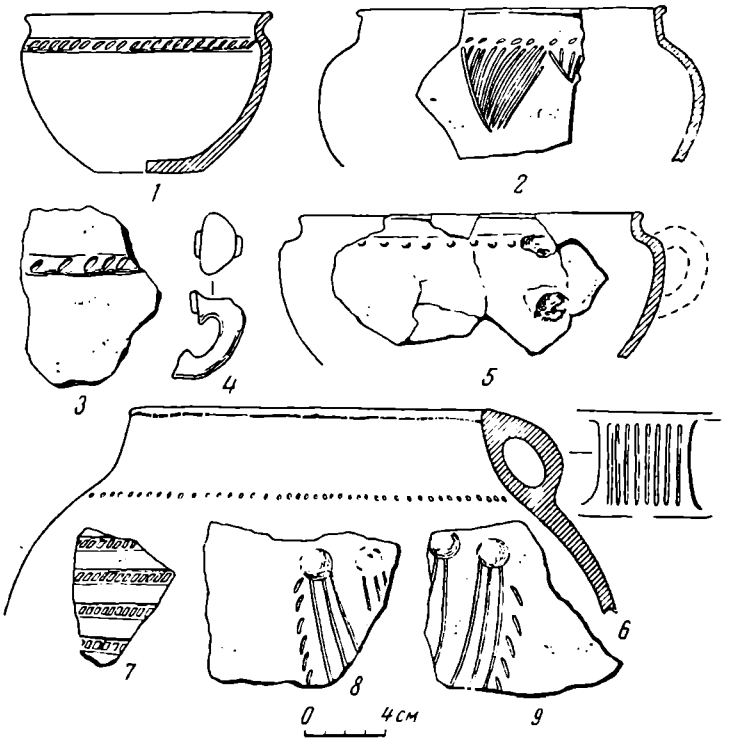


Рис. 2. Образцы керамики

нице корпуса и венчика — обычная овальная ямка (рис. 2, *2*). На отдельных черепках имеется налепной остроугольный орнамент, прочерченный такими же овальными ямками. Некоторая часть черепков внутри имеет вертикальные бороздки — возможно, результат лепки или заглаживания сосуда. Из пяти найденных ручек две круглые, изящные, от маленьких горшочков, три — плоско-выпуклые, от крупных сосудов. Одна из них украшена вертикальными резными желобками (рис. 2, *6*), другая посредине имеет вертикально продольное острое ребро.

В скоплении раковин, являющихся кухонными остатками, насчитано 600 створок устриц и несколько створок морских гребешков. Они лежали кучей на глубине 0,4 *м*. Безусловно, значительная часть скопления к моменту раскопок оказалась уничтоженной при общем беспрерывном разрушении берега. Между скоплением и ямой № 5 прослеживается культурный слой, густо насыщенный очень мелкими обломками раковин.

В том же 1950 г. в 1,5 *км* от Геленджикской стоянки в обрыве берега Геленджикской бухты в Солнцедаре, между рыбным заводом и совхозом «Геленджик», на глубине 1 *м* от современного уровня почвы мною найдено несколько позвонков дельфина и ряд небольших фрагментов посуды, совершенно аналогичной описываемой. На основании этого сходства можно заключить, что одновременно с описанной стоянкой на берегу бухты располагалась и другая стоянка и что бухта играла немаловажную роль в хозяйстве первобытного человека, снабжая его в течение круглого года такими ценными продуктами питания, как дельфин, моллюски и рыба.

Количество материала, полученного в результате раскопок стоянки,

незначительно. Прямых аналогий ему, за исключением кремневого вкладыша серпа, мною не найдено. Это затрудняет датировку стоянки.

Орудия из расколотой гальки на Черноморском побережье изготовлялись в неолите и позже. Кремневые вкладыши использовались также в течение очень долгого времени. Следы сверления каменного топорика позволяют думать об энеолитическом времени, но подобные топорики бытовали на Северном Кавказе еще долго в течение II тысячелетия до н. э. Наиболее точную дату могла бы дать керамика Северо-Западного Кавказа, если бы она была достаточно изучена. До сих пор, однако, керамика ранних поселений здесь еще не изучалась. Общий характер ее, формы сосудов, наличие такого декоративного элемента, как выпуклый валик на шейке, сочетание резного рисунка и косых насечек, позволяют, однако, считать, что мы имеем дело с комплексом II тысячелетия до н. э., но никак не с памятником неолитического времени. Для уточнения датировки необходимы более обширные раскопки.

Р. В. НИКОЛАЕВ

ЕСАУЛЬСКИЙ КЛАД

В феврале 1959 г. под г. Красноярском при случайных земляных работах был обнаружен и передан в Красноярский краевой музей клад бронзовых вещей. Находка была сделана на правом берегу р. Енисея в районе бывш. с. Есаульского, на дюнных песках в сосновом бору. Вещи лежали компактной кучкой в чистом песке на глубине 1, 5 *м*.

Клад состоял из оружия, орудий труда, бытовых предметов и украшений. Найдены следующие вещи.

Три кельта бронзовых, с ушками в верхней части узких граней (рис. 1, *1, 2, 3*). Верхняя часть одного из них (рис. 1, *3*) украшена орнаментом, состоящим из двух идущих по широким граням горизонтальных полос, соединенных одна с другой рядом частых вертикальных полосок. Ниже следуют две расходящиеся кривые линии, образующие два сектора по 90° каждый. Внутренние площади этих секторов также заполнены частыми вертикальными полосками. Площади широких граней кельтов 11 × 6 *см*, 10×6 *см* и 11×6 *см*. Ширина узких граней в верхней части орудия — 6, 4 и 3 *см*. Кельты с ушками служили преимущественно топорами и были весьма широко распространены на Верхнем Енисее в тагарское время, где они найдены, в частности в Брагинском кладе [1].

Один кельт бронзовый, низкий и широкий, с двумя отверстиями для закрепления гвоздями (рис. 1, *4*). Площадь широкой грани 5×6 *см*. Ширина узкой грани в верхней части — 1,5 *см*. По-видимому, этот кельт служил наконечником мотыги [2].

Нож дугообразнообушковый, кольчатый (рис. 1, *5*). Материал — бронза со значительной примесью серебра. Длина — 24 *см*. Такие ножи бытуют в первой и второй стадиях тагарской культуры [3].

Нож, идентичный предыдущему по форме, бронзовый, с обломанным кольцом (рис. 1, *7*). Длина — 20 *см*.

Два ножа, змейчатообушковые, однодырчатые (рис. 1, *8, 9*). Материал — бронза со значительной примесью серебра. Длина каждого из них — 22,5 *см*. Типичны для второй тагарской стадии [4].

Два бронзовых серпа типично тагарского облика (рис. 1, *10, 11*) [5].

---

[1] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 259.
[2] Там же, стр. 259.
[3] Там же, стр. 197, табл. 2; стр. 208, табл. Е; табл. XXIII, *12*.
[4] Там же, стр. 197, табл. 2; стр. 209, табл. Е; табл. XXIII, *18*.
[5] Там же, стр. 229, 258.

Один из них имеет на рукояти отверстие треугольной формы, другой — четырехугольной формы. Длина первого из них — 22,5 *см*, второго — 20 *см*.

Кинжал бронзовый, с довольно широким обоюдоострым клинком (рис. 1, *6*). Оба лезвия идут почти параллельно друг другу, образуя лишь у самого острия плавные изгибы. Рукоять, составляющая по длине около половины всего кинжала, отделена от клинка двумя слегка намеченными волнообразными выступами. Края рукояти орнаментированы двумя вертикальными линиями (по одной с каждой стороны) и двумя рядами мелких округлых выпуклостей, также идущих вертикально. Верх рукояти украшен литым скульптурным изображением фантастического животного с двумя головами грифов, клювы которых опущены вниз. Длина кинжала —21,5 *см*, длина рукояти 10 *см*.В целом по форме этот кинжал стоит гораздо ближе к карасукским, чем к тагарским образцам [6]. Точечный орнамент также особенно част именно на бронзовых изделиях карасукской эпохи [7].

Бронзовый кинжал, аналогичный предыдущему по форме и орнаменту (рис. 1, *12*). Отличается от него тем, что здесь верх рукояти снабжен не скульптурным изображением, а валиком.

Бронзовый футляр (игольник) в виде трубки, овальной в сечении (рис. 1, *13*). Украшен по бокам двумя длинными и довольно широкими выступами в виде полуэллипсов, каждый из которых имеет по три прорези в виде параллелограммов и по две прорези подтреугольной формы. Пространство между прорезями повсеместно орнаментировано рядами треугольников, образующих в своей совокупности зигзагообразные линии. Длина футляра —23,5 *см*, ширина— 5,5 *см*, наибольший диаметр трубки —2 *см*.

Предметы подобного типа на Верхнем Енисее до настоящего времени не встречались. Однако они известны на территории Приобья, где относятся к потчевашской культуре [8].

Что касается зигзагообразного орнамента, украшающего футляр, то в древности он был весьма широко распространен на юге Сибири [9], а в наши дни — у самодеятельных народностей Нижнего Енисея.

Бронзовый футляр, подобный по форме, но отличающийся от него меньшими размерами и орнаментом (рис. 1, *14*). Здесь пространство между прорезями украшено не треугольниками, а рядами фигур подчетырехугольной формы. Длина футляра — 11 *см*, ширина — 3,5 *см*, наибольший диаметр трубки — 1,5 *см*. Этот футляр несомненно являлся игольником, так как в нем были найдены две бронзовые иглы, четырехугольные в сечении, каждая из которых имела продолговатое сквозное ушко. Обе иглы были заколоты в кусочек кожи, фрагменты которой сохранились внутри футляра.

Три долота бронзовых, втульчатых (рис. 1, *15*, *22*, *24*), каждое имеет на втулке отверстие для закрепления долота на деревянной рукояти. Длина долот — 18, 12,5 и 15,2 *см*; диаметры втулок — 3, 1,5 и 2 *см*. Подобные долота типичны для тагарского времени на Верхнем Енисее [10].

Четыре тесла бронзовых, втульчатых (рис. 1, *16—19*). Три из них имеют на тыльной стороне отверстия для закрепления гвоздем на деревянной рукояти, а одно тесло имеет такое же отверстие на фронтальной стороне. Одно из тесел прямое (рис. 1, *16*), три других имеют плавный изгиб при переходе от втулки к рабочей части. Длина тесел — 16, 13, 12,5 и 11 *см*. Диаметры втулок везде одинаковы — 3 *см*.

---

[6] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. XIII, *4—6*.

[7] Н. Л. Членова. Бронзовый меч из Минусинской котловины. КСИИМК, вып. 6(1955, стр. 138.

[8] В. Н. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, № 35, 1953, стр. 199, табл. VI, *6*.

[9] С. В. Киселев. Ук. соч., табл. VIII, *9*, *12*; табл. X; табл. XLIV, *6*, *7*

[10] В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. V, *1*.

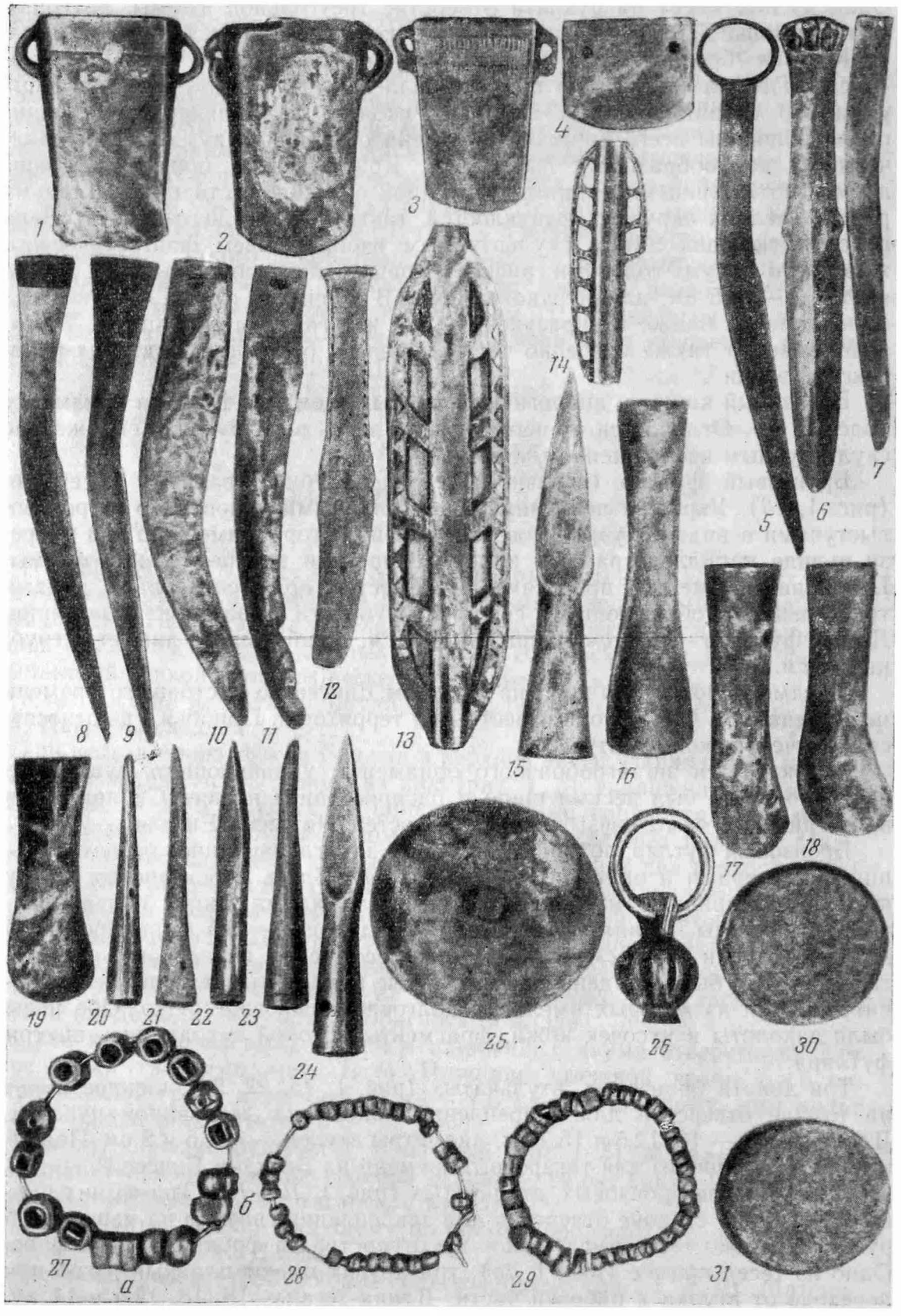


Рис. 1. Есаульский клад

1—4 — кельты; *5, 7—9*— ножи; *6, 12* — кинжалы; *10, 11* — серпы; *13, 14* — футляры; *15, 22, 24* — долота; *16—19* — тесла; *20, 21, 23* — стамески; *25* — зеркало; *26* — шаркунец; *27—29* — украшения; *30, 31* — металлические болванки

Три бронзовые стамески или буравчики (рис. 1, *20, 21, 23*). Каждый инструмент имеет втулку с отверстием для закрепления гвоздем на деревянной рукояти. Размеры всех трех предметов одинаковы: длина — 12,5 *см*, диаметр втулки — 1,5 *см*.

Зеркало бронзовое круглое с ручкой в виде подчетырехугольной кнопки, укрепленной на четырех столбиках, округлых в сечении (рис. 1, *25*). Диаметр зеркала — 11 *см*, высота ручки — 1,2 *см*, площадь кнопкообразного навершия ручки — 1,2×1,2 *см*. Зеркало типично для второй стадии тагарской культуры [11].

Шаркунец бронзовый (рис. 1, *26*) в виде полого шара с прорезями, подвешенного на массивном кольце посредством треугольной петли. Внутри шара находятся два свободно перекатывающихся круглых камешка, которые производят звон. Диаметр шара —3,5 *см*, высота петли — 3,5 *см*, диаметр кольца — 4,5 *см*. Шаркунцы подобного типа, характерные для тагарской культуры, были обнаружены Э. Р. Рыгдылоном в одной из пещер под Красноярском.

Подвеска бронзовая, по форме напоминающая спичечный коробок, полая внутри, со слегка вдавленной средней частью (рис. 1, *27, а*). Размеры — 1,5×1×2 *см*.

Четыре бронзовые подвески перстнеобразной формы (рис. 1, *27,б*). Диаметр — 1 *см*, высота ободка — 1 *см*.

Десять бронзовых подвесок в виде восьми- и десятигранных призм, полых внутри. Некоторые грани имеют прорези круглой или четырехугольной формы. В эти отверстия, вероятно, могли вставляться каменные инкрустации. Средний размер подвесок 1,5 × 1,5 × 1,5 *см*.

65 бронзовых подвесок в виде перстеньков диаметром 0,5—1 *см*. Высота ободка 0,5—0,9 *см* (рис. 1, *28, 29*).

Две металлические болванки, состоящие из сплава тусклого грязновато-серого цвета (рис. 1, *30, 31*).

Переходя к окончательной датировке Есаульского клада, надо отметить, что ряд входящих в него предметов типичен как для первой, так и для второй стадии тагарской культуры (кельты, кольчатые дугообразно-обушковые ножи). Наряду с этим, некоторые предметы распространены только во второй стадии этой культуры (например, однодырчатые змейчатообушковые ножи).

Следовательно, в целом клад можно датировать второй тагарской стадией. В этой связи кажется несколько неожиданным наличие в кладе кинжалов, близких по облику карасукским. Это, однако, вполне объяснимо, если учесть, что население Красноярского района, являющегося периферийным по отношению к центру тагарской культуры — Хакасско-Минусинской котловине, могло весьма долго сохранять в своем быту отдельные формы орудий и оружия, типичные для предшествующего этапа [12].

Вместе с тем, как станет ясно дальше, существовавшее до сих пор мнение о значительном культурном отставании Красноярского района от более южных областей является преувеличенным. Есаульский клад значительно расширяет наши сведения о быте и экономике населения Красноярского района в период второй тагарской стадии.

Кельт-мотыга говорит о существовании мотыжного земледелия, и это подтверждается наличием в кладе двух серпов, которые до настоящего времени отсутствовали в коллекциях тагарского времени с территории окрестностей Красноярска [13].

Склепы в виде срубов с накатами в курганах окрестностей Красноярска косвенно указывали на развитие строительного дела у красноярских

---

[11] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 197, табл. 2.

[12] Р. В. Николаев. Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского Севера. КСИЭ, вып. XXXIV, 1960, стр. 68.

[13] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 287.

тагарцев. Об этом же свидетельствовали остатки рубленого дома тагарского времени, обнаруженные в 1932 г. к югу от Красноярска [14]. Теперь же набор самых разнообразных столярных и плотницких инструментов, входящих в состав клада, вполне определенно говорит о высоком строительном мастерстве населения Красноярского района в указанное время. Находка в кладе двух бронзовых футляров потчевашского облика указывает на связь красноярского населения тагарской эпохи с племенами Приобья.

Показательно то, что клад был найден в окрестностях с. Есаульского, где известна тагарская стоянка [15]. По-видимому, клад был зарыт кем-то из обитателей стоянки в момент опасности (может быть, нападения соседнего племени). На это указывает отсутствие каких-либо следов культурного слоя или отдельных культурных остатков в месте нахождения клада.

[14] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 287.
[15] Там же.

М. И. ИВАНОВА, П. М. ГОЛУБЕВ

НАХОДКИ В ЛОО

В ноябре 1960 г. в 25 *км* к северу от Сочи и в 1,5 *км* к югу от станции и курортного поселка Лоо, на склоне небольшой высоты, покрытой лесом, в 150 *м* от моря, при строительстве дома отдыха Магаданского обкома профсоюза металлургической промышленности рабочие, роя котлован, обнаружили золотые и прочие вещи. Об этой находке сообщил нам мастер Д. Г. Дмитриев. Вещи поступили в Сочинский музей, но, к сожалению, без данных об условиях находки. Все вещи были обнаружены на глубине 1,5 *м*, в квадрате 1 × 1 *м*, что указывает на разрушение богатейшей могилы, очевидно, женской. Найдены следующие предметы: обломки серебряных сосудов — два донышка (рис. 1), фрагменты боковых стенок с орнаментом, выдавленным изнутри и образующим на внешней стороне симметрично расположенные выпуклости (рис. 2); сложные ручки, состоящие из прилегающей к сосуду накладки и собственно ручки (рис. 3). Подобные серебряные сосуды известны из Прикубанья и датируются рубежом нашей эры [1]. Разбитый сосудик из тонкого стекла янтарного цвета с простым орнаментом и непрочитанной надписью на греческом языке (рис. 4). Несколько бусинок, сделанных по преимуществу из гагата и сердолика, а также из стекла. Несколько бусинок из привозного материала — янтаря (рис. 5). Пять крупных бусин сигарообразной формы из гагата в золотой оправе (рис. 6).

Значительную часть вещей составляют золотые женские украшения общим весом 200 *г*.

Четырехугольная золотая бляха-брошь. На двух гранях ее — золотые голубки, в клюве на золотом колечке висит шарик, крылья инкрустированы голубой эмалью. В пластину вкраплены цветные камни: в центре — зеленый, по краям — красные. Пластина покрыта зернью; от двух других граней на колечках свисают пять золотых перевитых нитей, оканчивающихся золотыми трехгранными листочками (рис. 7, *1*). Другая бляха-брошь украшена по периферии стилизованными головками коней. В нижней части ее — подвески в виде круглых пластинок на плетеных цепочках (рис. 7, *2*). Еще одно украшение: основу его составляют две головы лошади; вниз спускаются золотые плетеные цепочки, оканчивающиеся трех-

[1] К. Ф. Смирнов. Северский курган. Тр. ГИМ. Памятники культуры, вып. XI, 1953, стр. 19, рис. 10.

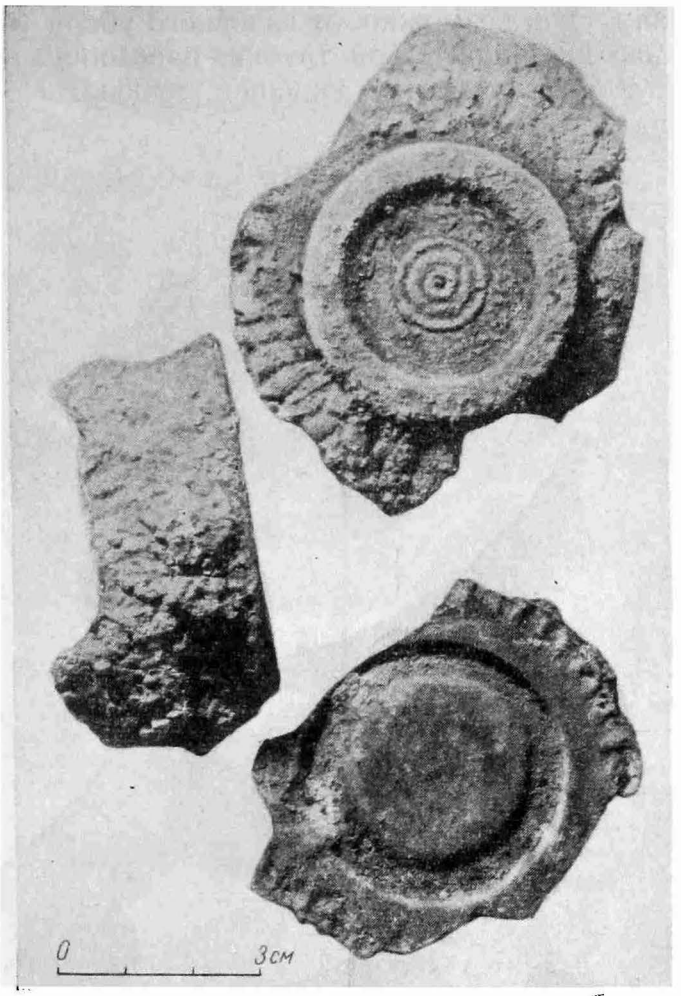


Рис. 1. Донышки серебряных сосудов

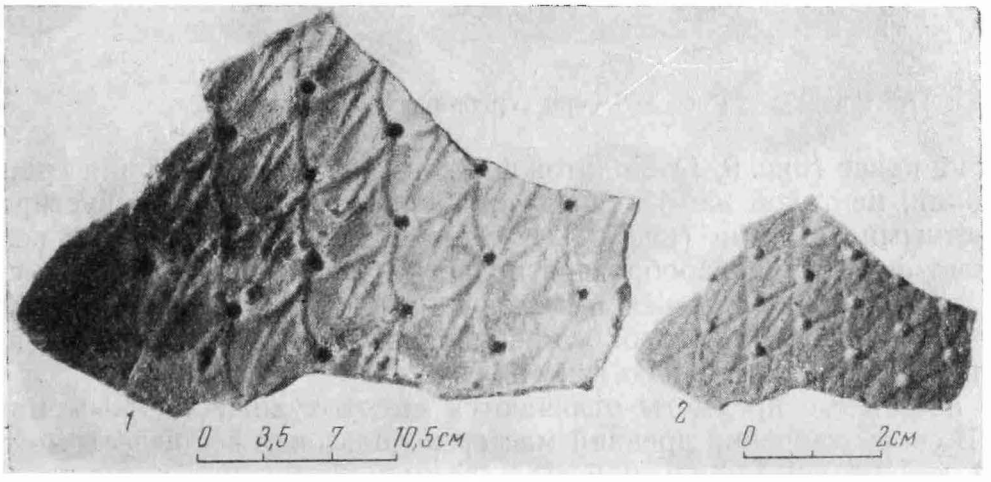


Рис. 2. Фрагменты боковых стенок серебряного сосуда
1 — внутренний вид; *2* — внешний вид

гранными листообразными подвесками; на крайних цепочках подвешены изображения овечек; лошади и овечки покрыты золотой зернью (рис. 8, *1*). Золотая нашивная бляха, возможно, от головного убора (рис. 8, *2*). Золотой предмет в виде цилиндрической трубки, напоминающий игольник, с крышечкой на плетеной цепочке, украшен зернью. По-видимому, его

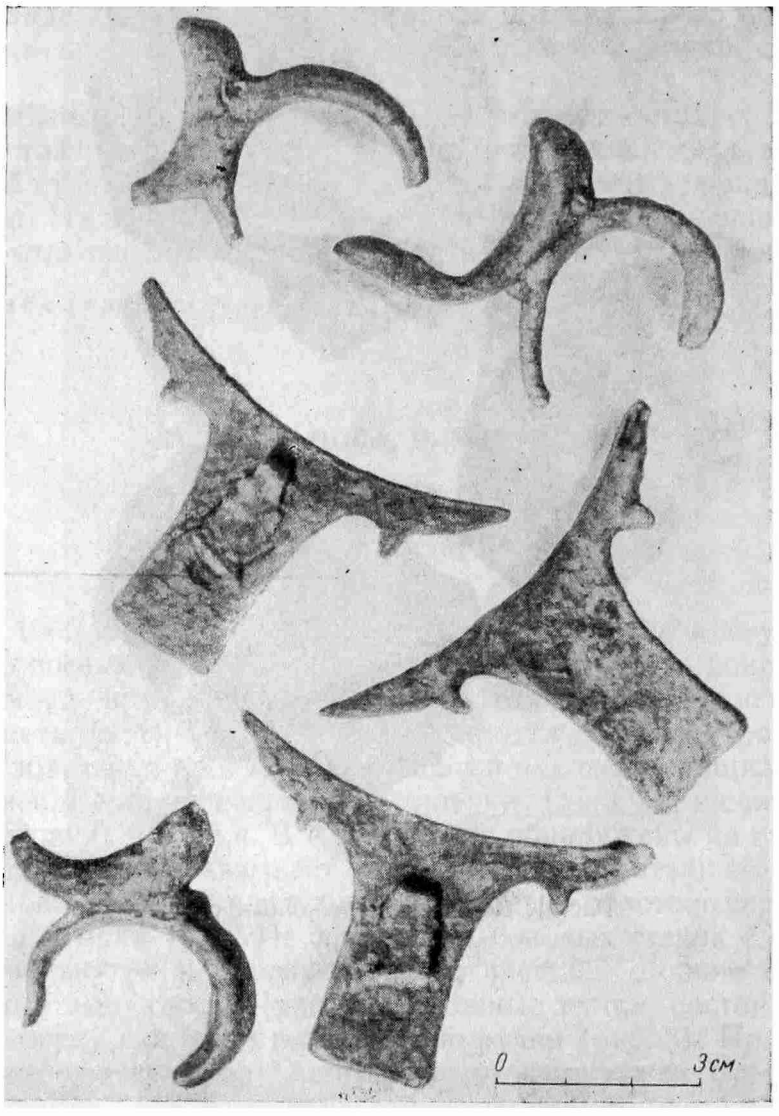


Рис. 3. Ручки серебряных сосудов

носили на поясе (рис. 9, *1*). Золотой флакончик с крышечкой для хранения благовоний, на такой же цепочке, украшенный зернью и инкрустированный цветными камнями (рис. 9, *2*). Один предмет из найденной коллекции имеет форму подковообразной подвески (рис. 10, *2*). Перстень с геммой с изображением женской головы (рис. 10, *1*). Наконец, найдено свыше двухсот мелких пуговок и нашивных бляшек разной формы, а также бусинок, покрытых зернью (рис. 11).

Все найденные предметы отличаются высокохудожественным мастерством. В своем творении древний мастер использовал все известные тогда приемы тонкой ювелирной работы — применил чеканку и литье, филигрань, зернь по металлу, разноцветную инкрустацию, изображение животных и птиц; все вправленные в украшения камни и стекло обрамлены зубчиками.

Если перстень можно с уверенностью приписать греческому стилю, то для других предметов характерно смешение стилей, вкусов и направлений художественного ремесла, какое наблюдалось в римское время в Западной

Рис. 4.
Стеклянный
сосуд

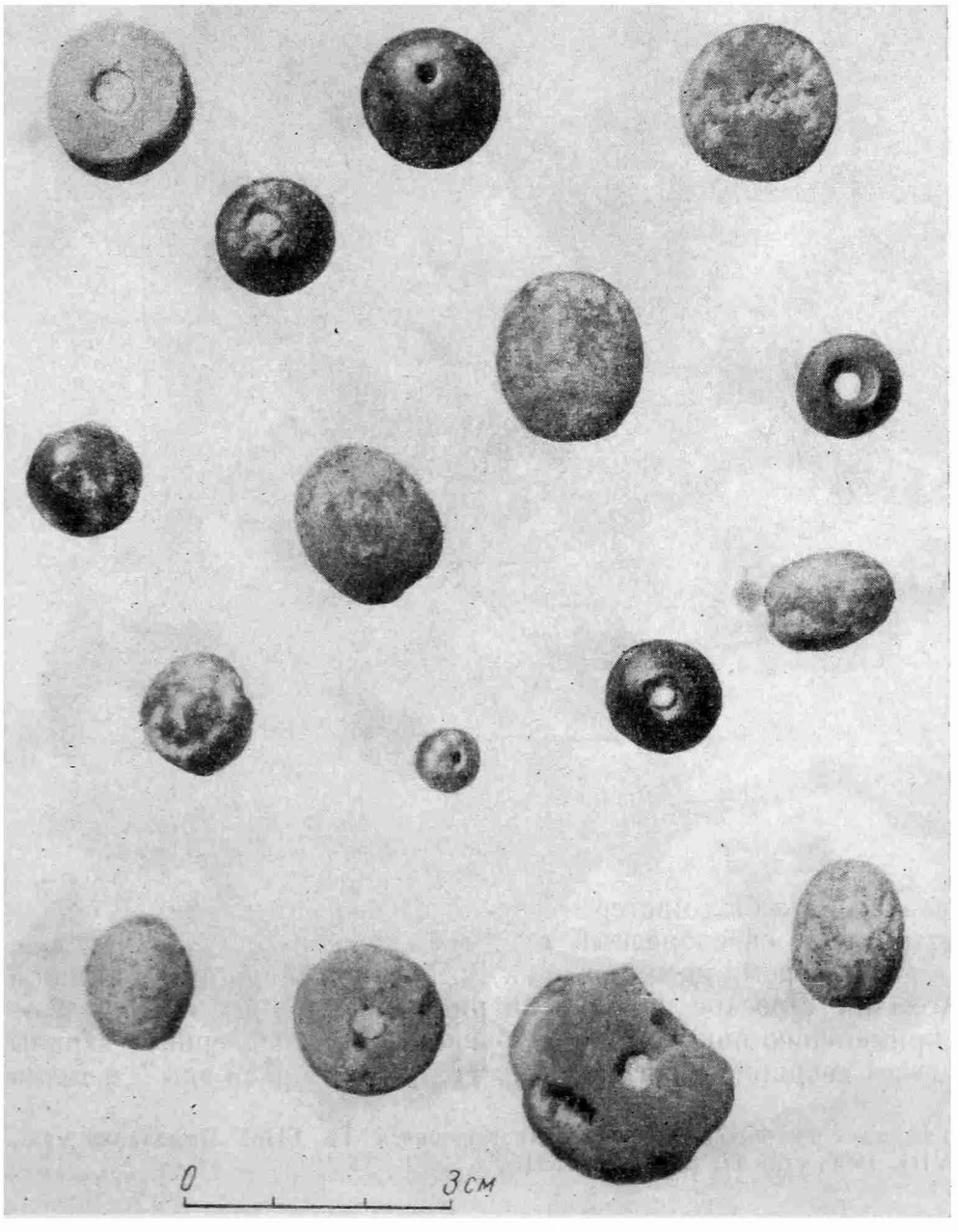


Рис. 5.
Бусы

Грузии и в Боспорском царстве — чеканка, филигрань с применением голубой и зеленой эмали, характерная для искусства времени около рубежа нашей эры. Украшения покрывались цветными камнями: гранатами, сердоликами, халцедонами, использовались восточные элементы орнамента и скифо-сарматские мотивы изображения животных.

Рис. 6. Бусы из гагата в золотой оправе

Трудно сказать, кто был мастер — грек, колх, сармат или зих. В основном предметы имеют своеобразный местный стиль, напоминая изделия, найденные в разное время на территории Боспорского царства и античной Грузии и Абхазии. Лооские находки по ряду характерных признаков — орнаменту, применению инкрустации, зубчиковой оправы, зерни — сходны с находками на Северном Кавказе и в Крыму рубежа нашей эры [2], а также

[2] Н. В. Пятышева. Ювелирные изделия Херсонеса. Тр. ГИМ. Памятники культуры, вып. XVIII, 1956, стр. 42, табл. VII, XII.

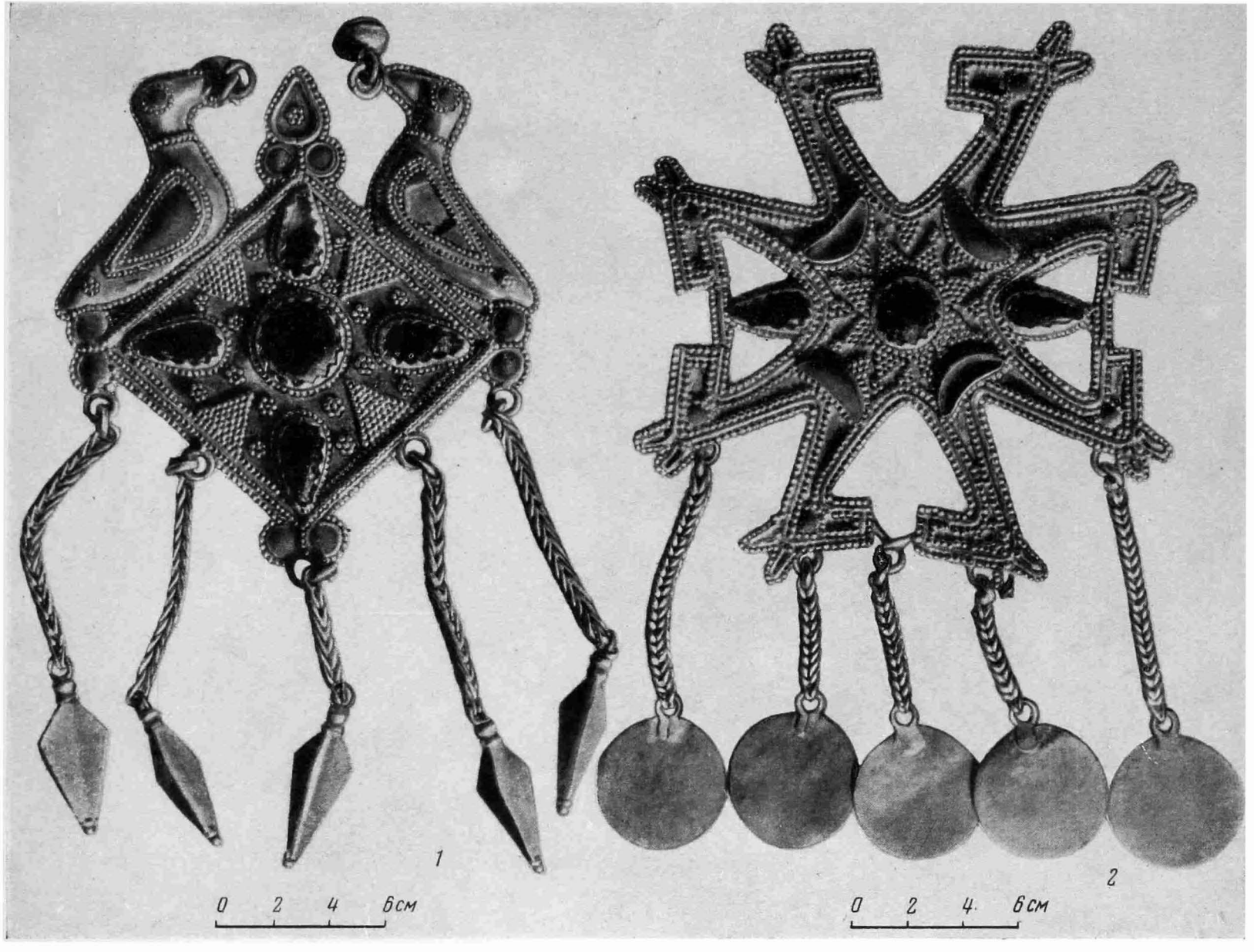


Рис. 7

1 — золотая бляха с изображениями птиц; *2* — золотая бляха с головами коней

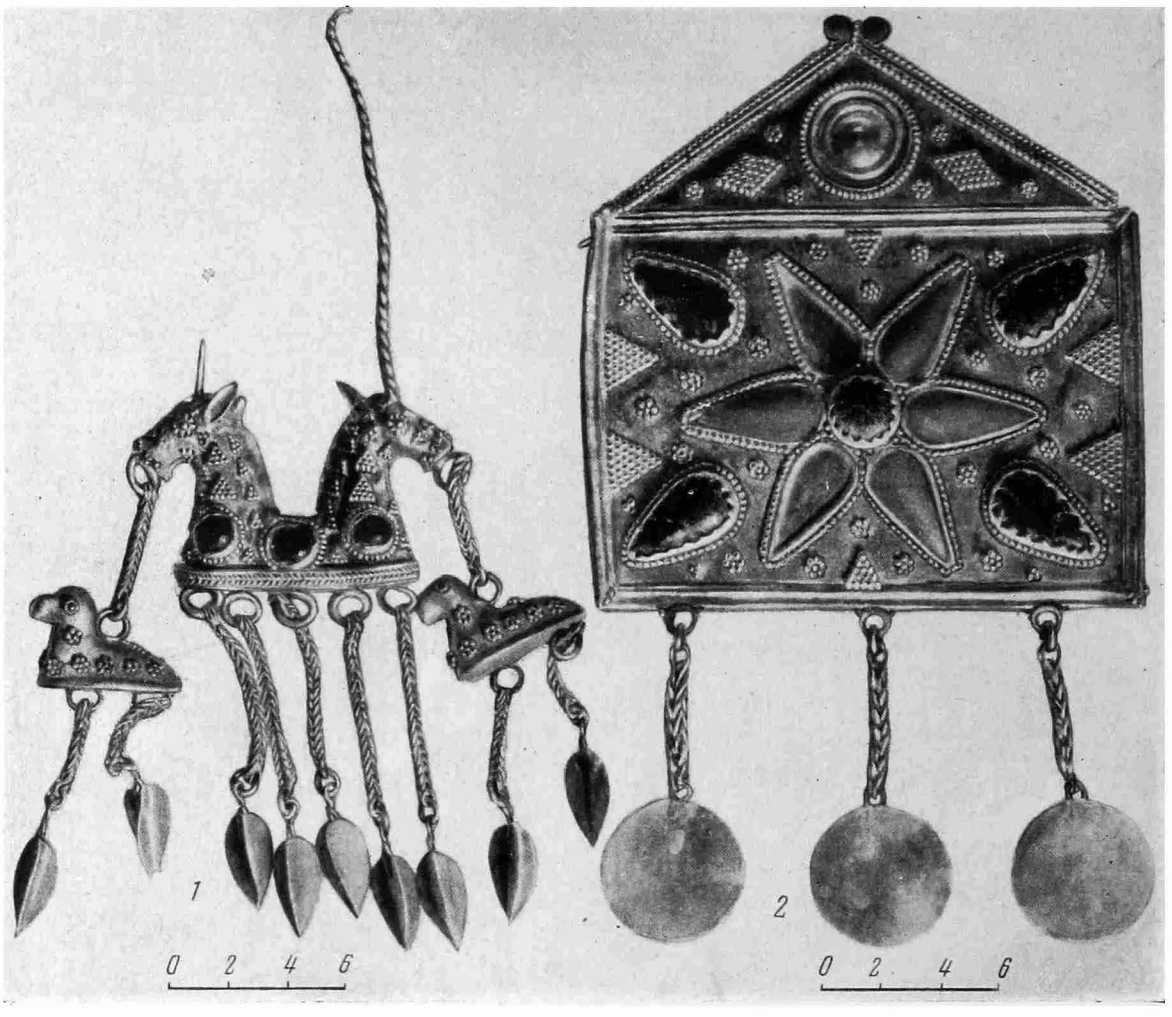


Рис. 8.

1 — золотая подвеска с головами лошадей; *2* — золотая нашивная бляха

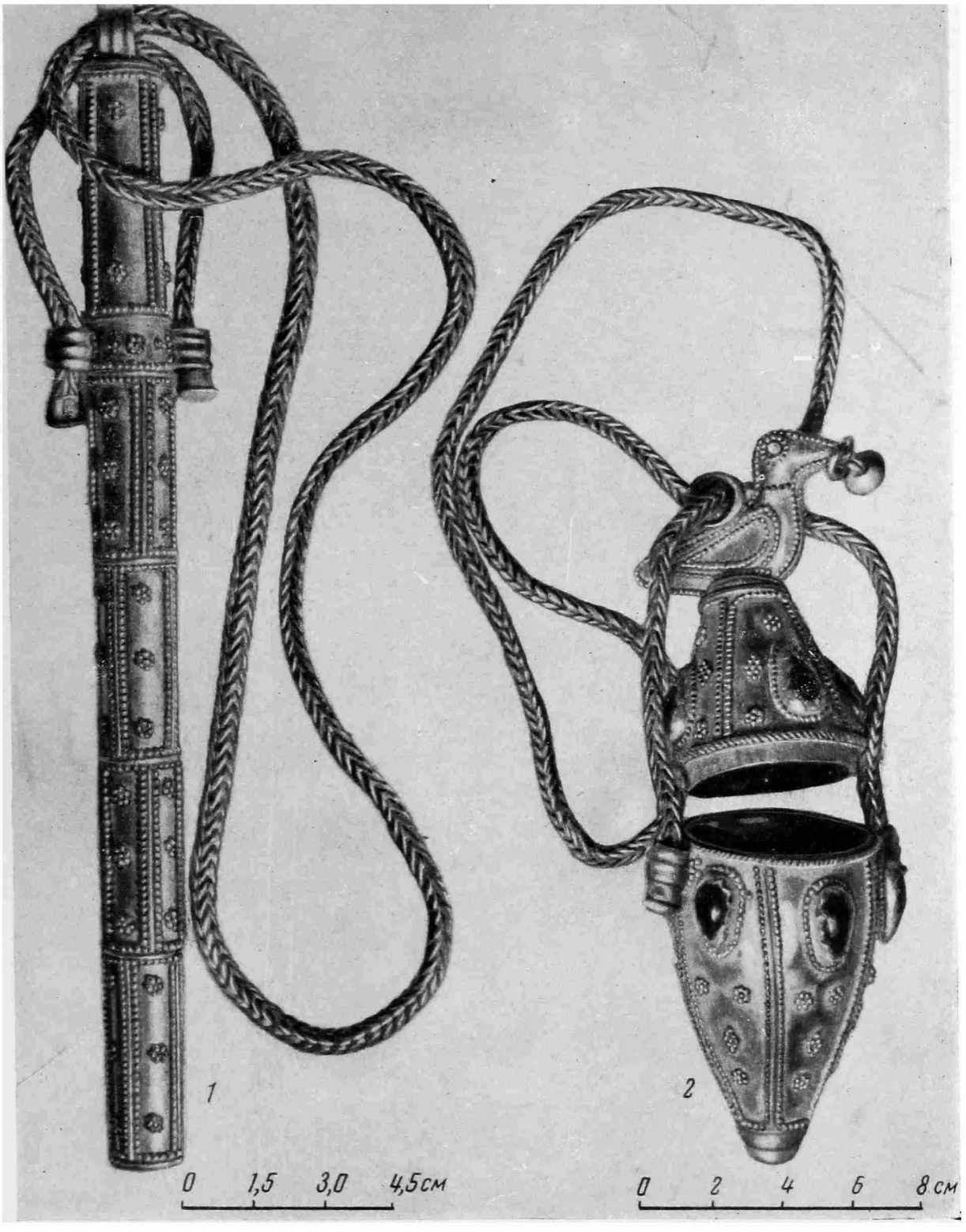


Рис. 9.

1 — цилиндрическая трубка-игольник; *2* — флакончик с крышечкой

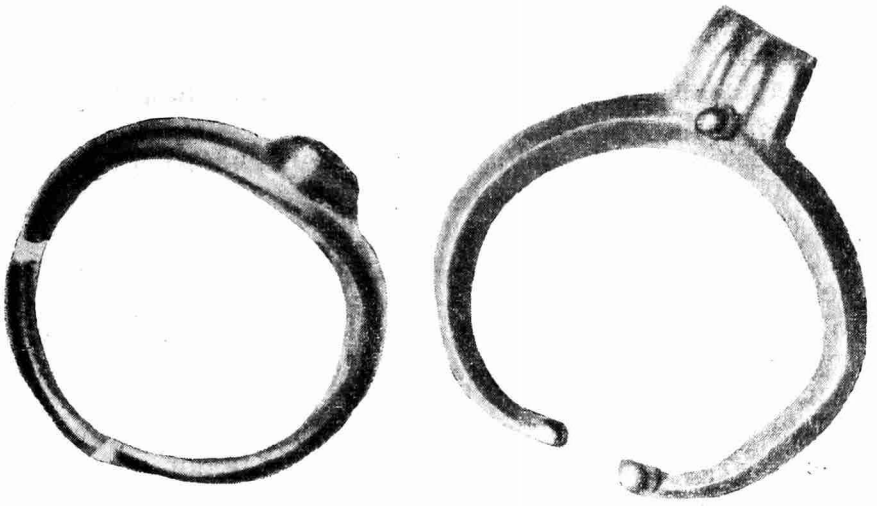


Рис. 10.
1 — перстень с камнем; *2* — подковообразная подвеска

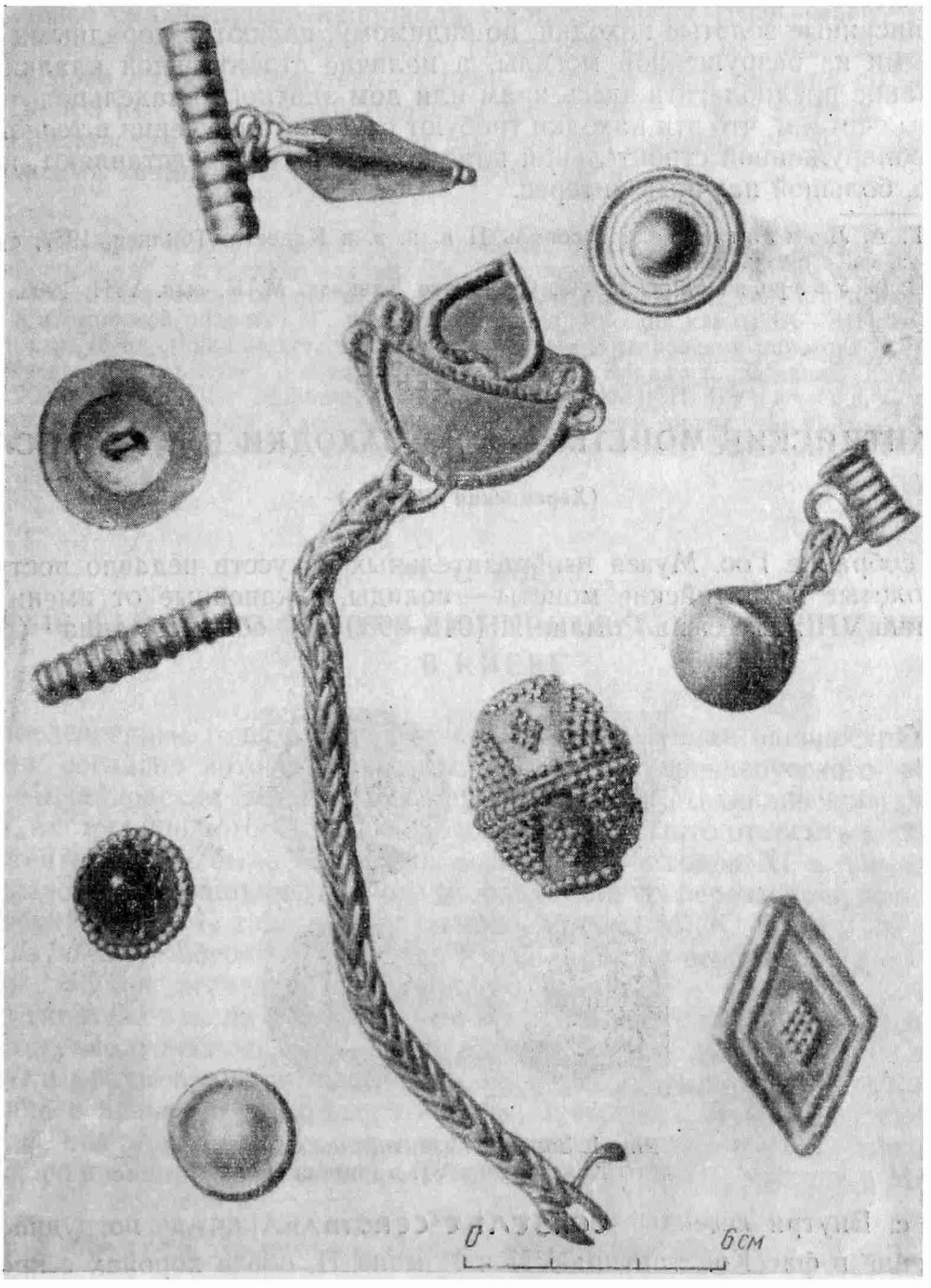


Рис. 11. Различные украшения

в Мцхета (столица древней Иберии), в Клдеети (Западная Грузия) — II в. н. э.[3].

Формы бус и подвесок в общем напоминают формы, часто встречающиеся в погребениях Мцхета, Геби и Северного Кавказа (Камунта, Кумбулта)[4]. Но некоторое своеобразие лооских находок говорит об их уникальности. Вероятнее всего, время их изготовления — последний век до нашей эры или первые века нашей эры.

Возможно, что это — выработанный местными мастерами свой стиль, сложившийся на протяжении веков, говорящий о высоком уровне материальной и художественной культуры.

Недавно примерно в 100 *м* к северо-западу от места находок строителями были обнаружены остатки древней каменной кладки на сложном известковом растворе. При расчистке песка обнаружились два небольших каменных свода. Все это было закрыто строителями, построившими на этом месте укрепительную стену.

Описанные золотые находки, по-видимому, являются парадными украшениями из разрушенной могилы, а наличие строительной кладки дает основание предполагать здесь храм или дом знатного владельца.

Мы считаем, что эти находки требуют глубокого изучения в тесной связи с обнаруженной строительной кладкой. Находки представляют, несомненно, большой научный интерес.

[3] Г. А. Ломтатидзе. Некрополь II в. н. э. в Клдеети. Тбилиси, 1957, стр. 203 (на груз. яз. с русск. резюме).

[4] П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. VIII, 1900.

К. В. ГОЛЕНКО

ВИЗАНТИЙСКИЕ МОНЕТЫ X в. ИЗ НАХОДКИ В г. СТАНИСЛАВЕ

(Херсонская область)

В собрание Гос. Музея изобразительных искусств недавно поступили две золотые византийские монеты — солиды, чеканенные от имени Константина VII и его сына Романа II (945—959 гг.), обычного типа[1] (рис. 1, *1*, *2*).

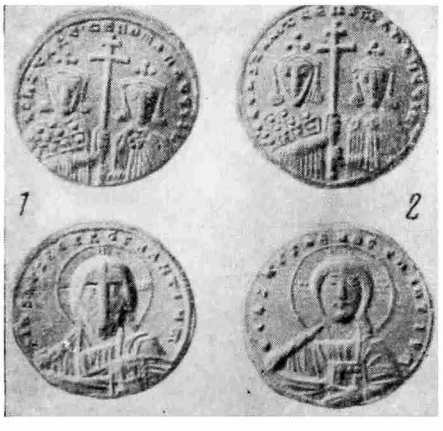


Рис. 1. Золотые византийские монеты Константина VII и Романа II

Л. с. Внутри легенды CONSTANT'CEROMANAЧЧЧЬR' погрудное изображение в фас Константина VII и Романа II, оба в коронах с крестом,

[1] См. J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines, т. II, Paris, 1862, стр. 129, № 14; W. Wroth. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum, т. II, London, 1908, стр. 465, № 60.

держат длинный патриарший крест. Константин VII (слева) с короткой бородой, в лороне; Роман II (справа) в палудаментуме, застегнутом фибулой с тремя подвесками.

О. с. Внутри легенды +IhSXPSREXREϚNΛNτϤm погрудное изображение бородатого Христа в фас, в крещатом нимбе; левой рукой держит евангелие, правая в жесте благословения.

Вес монет 4,41 *г* и 4,38 *г*. Различия между обеими монетами невелики: так, изображения на первой монете даны более крупным планом; на лицевой стороне второй монеты справа от древка креста — точка.

По словам продавца, эти монеты были приобретены в 30-х годах в Одессе, а найдены в районе г. Станислава (Херсонская обл.). Точное место находки неизвестно, монет было несколько; по-видимому, мы имеем дело с частью небольшого клада[2]. Этому не противоречит одинаково хорошая сохранность обеих монет и принадлежность их к одной серии, выпускавшейся сравнительно непродолжительное время (945—959 гг.).

Находка в районе г. Станислава, расположенного на правом берегу Днепровского лимана, недалеко от реки, должна быть связана со значением Днепра как крупнейшей торговой магистрали в этот период.

Станиславская находка важна и тем, что она является первым случаем обнаружения византийского золота в этом районе.

---

[2] Византийское золото X в. для поднепровской Украины известно в ряде находок, как единичных, так и в составе кладов. См., например, В. Б. Антонович. Археологическая карта Волынской губернии. М., 1900, стр. 20 (клад монет 1891 г. из Свручского района Житомирской области); Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 36 сл. (клад монет, найденных в районе Днепровских порогов) и стр. 90, № 30 (Киевский клад монет и вещей 1899 г.); М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 125, 155 (единичные находки в г. Киеве); П. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. ЗООИД, т. IX, 1875, стр. 39 (клад монет, найденный на берегу р. Конки, Запорожская область).

Ю. С. АСЕЕВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О СОБОРЕ ДМИТРИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В КИЕВЕ

В послевоенные годы в исторической науке получила распространение гипотеза, согласно которой известный памятник древнерусского зодчества —Михайловская Златоверхая церковь (собор Михайловского монастыря), построение которой, согласно летописи, принято относить к 1108 г., в действительности была построена в начале 60-х годов XI в. как собор Дмитриевского монастыря, и лишь впоследствии ее переименовали в Михайловский собор. К такому заключению пришел М. К. Каргер на основании изучения топографии древнего Киева, плана и особенностей техники кладки собора и исследований стиля его мозаик[1].

Эта гипотеза внесла существенные коррективы в сложившееся в науке представление о последовательности развития стиля древнерусской архитектуры и монументального искусства. Во-первых, ею опровергалось представление о значении Успенского собора Печерского монастыря (1073—1078 гг.), как здания, в котором впервые сформировался новый тип древнерусского каменного храма второй половины XI—XII в., так как в Михай-

---

[1] М. К. Каргер. Архитектура. История культуры древней Руси. М.— Л., 1951, стр. 266. Гипотеза М. К. Каргера была принята во всех современных работах по истории древней Руси, древнерусского зодчества и архитектуры. (История русского искусства, т. I, М., 1953; Нариси архітектури Української РСР, т. I, Київ, 1957; Історія Києва, т. I, Київ, 1960 и др.).

ловской Златоверхой церкви этот тип представляется в сформировавшемся виде.

Во-вторых, перестановка даты михайловских фресок и мозаик почти на полвека назад давала основание считать, что в Киеве в середине XI в. одновременно существовали две различные школы живописи, так как фрески и мозаики Михайловской Златоверхой церкви по стилю и по технике исполнения значительно разнятся от софийских.

Последнее обстоятельство особенно смущало исследователей древнерусского искусства. Так, например, В. Н. Лазарев относит михайловские мозаики к концу XI в., но, принимая гипотезу М. К. Каргера, вынужден объяснить получающееся несоответствие тем, что, по-видимому, декорировка здания затянулась, и его мозаики возникли лишь некоторое время спустя [2].

Последние исследования софийских и михайловских мозаик, выполненные В. И. Левицкой [3] на основании анализов смальты, раствора и техники исполнения, также доказывают, что между исполнением софийских (40-е — 50-е годы XI в.) и михайловских мозаик должна быть значительная дистанция во времени и само выполнение мозаик следует относить к началу XII в.

Изучение архитектуры и строительной техники ряда киевских построек второй половины XI — начала XII в., а также недавняя находка в фондах Одесского краеведческого музея плана Дмитриевского собора, раскопанного в 1838 г., дают основание для пересмотра вопроса о датировке и атрибуции Михайловской Златоверхой церкви и собора Дмитриевского монастыря.

Дмитриевский монастырь находился на территории, примыкавшей к Киевскому детинцу с южной стороны. С севера и запада монастырь был отделен от детинца и города Ярослава рвами и, возможно, валами, с востока его ограждали днепровские склоны, а с юга — Дмитриевский овраг («лукомыя») [4].

О строительстве на этой территории есть ряд упоминаний в летописи. Упоминания эти порой разноречивы и не вполне понятны. Под 1051 г. летопись сообщает о том, что «...Изяслав же постави монастырь святого Дмитрия, и введе Варлаама на игуменство к святому Дмитрию хотя створити вышний сего монастыря» [5]. Эта запись дает основание датировать постройку Дмитриевского монастыря между 1057 и 1062 гг., т. е. началом игуменства в Печерском монастыре Феодосия, сменившего на этом посту Варлаама. В летописной записи не говорится о постройке каменной церкви, термин же «постави» летопись чаще всего относит к деревянным сооружениям.

Следующая запись под 1086 г. сообщает о том, что киевляне «проводиша и (Ярополка Изяславича) до святого Дмитрия спрятавше тело его с честью положиша и в раце мраморяне в церкви святого апостола Петра юже бе сам начал здати прежде...» [6].

Из этой записи явствует, что каменная церковь Петра была построена до 1086 г., и, как можно предполагать, Ярополк ее начал строить еще при жизни Изяслава, т. е. до 1079 г., после которого Ярополк до самой своей смерти княжил во Владимире Волынском. Отсюда можно сделать вывод о том, что если в Дмитриевском монастыре были две церкви — Дмитрия и Петра,— то обе они строились в близкое время.

---

[2] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Киевской Руси. История русского искусства, т. I, М., 1953, стр. 207.

[3] Сообщение В. И. Левицкой на заседании Ученого совета НИИТИ Академии строительства и архитектуры УССР, 21.X.1960 г.

[4] М. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 163—164; Н. Закревский. Описание Киева. М., 1868, стр. 294.

[5] ПСРЛ, т. I, Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет, Л., 1926, стр. 159. Эту же фразу повторяет Печерский Патерик в «Житии Феодосия». Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 13 и др.

[6] ПСРЛ, т. I, стр. 206

Летописная запись 1128 г. «В се лето переяша церковь Дмитрия печеряне, и нарекоша ю Петра, с грехом великим и неправо» [7], вызвала многочисленные догадки и предположения [8]. Был ли построен Изяславом большой каменный храм в 1057—1062 гг. или его строил Ярополк после основания монастыря (в котором Дмитриевским собором могла называться и деревянная церковь), можно решить лишь после широких археологических исследований на территории бывшего Михайловского Златоверхого монастыря.

Частичные раскопки на этой территории производились неоднократно. В 1758 г. к юго-востоку от Михайловской Златоверхой церкви были обнаружены фундаменты древних кладок. В докладной записке 1785 г. упоминается о каких-то древних фундаментах к северо-востоку от Михайловской церкви [9].

По свидетельству М. Берлинского, древние фундаменты к юго-востоку от Михайловской церкви были видны еще в начале XIX в. Поскольку они находились рядом с Дмитриевским оврагом (или «лукомыей»), упоминавшимся в 1654 г. и позже, М. Берлинский отождествил их с фундаментами собора Дмитриевского монастыря [10]. В 1838 г. А. С. Анненковым у Дмитриевского оврага были раскопаны фундаменты храма XI в. [11]. По словам современников, от здания сохранились не только фундаменты, но и части стен, в том числе крещатый в плане столп центрального купола с остатками фресковой росписи [12].

О том, что собой представлял этот храм, никаких сведений не было [13], и фиксация раскопок А. С. Анненкова считалась утраченной.

В 1936 г. во дворе студенческого общежития В. К. Гончаровым и И. Е. Иванцовым были обнаружены фундаменты древней постройки. В связи с условиями местности исследователям удалось отрыть лишь одну траншею вдоль фасада ныне существующего трехэтажного здания конца XIX в., стоящего в центре двора. Траншея пересекла шесть фундаментных рвов, идущих по направлению с запада на восток. Фундаменты были сложены из бутового камня на известковом растворе с примесью цемянки; их глубина 1,10—1,20 *м*. В ряде мест сохранились части смешанной кладки из кирпича и камня, типичной для древнерусского зодчества XI в. Кирпич — тонкий, около 3,5 *см* толщиной, близкий по толщине к кирпичу Софийского собора в Киеве (3,3—3,5 *см*). Земля вокруг обнаженных фундаментов носила следы раскопок. Среди находок — большое количество обломков фресок и мозаичной смальты.

Все полученные результаты дали основание исследователям считать, что ими были открыты фундаменты Дмитриевского собора, ранее раскопанного А. С. Анненковым [14]. Однако никаких заключений о типе здания по результатам раскопок сделать было невозможно, за исключением

---

[7] ПСРЛ, т. I, вып. 2, Л., 1927, стр. 299. О причине переименования церкви см. комментарии Д. С. Лихачева к «Повести временных лет», Повесть временных лет, ч. II, М.— Л., 1950, стр. 414.

[8] Подробно об этом см. М. К. Каргер. Древний Киев, т. II, М.— Л., 1961, стр. 264.

[9] Н. Закревский. Ук. соч., стр. 547—548.

[10] М. Берлинский. Ук. соч., стр. 163—164.

[11] М. К. Каргер (М. К. Каргер. Древний Киев, т. II, М.—Л., 1961, стр. 271) считает, что А. С. Анненков раскопал храм в северной части территории Михайловского монастыря вблизи так называемого Боричева взвоза, в монастырском саду. Из найденного нами в Одесском краеведческом музее документа явствует, что эти раскопки А. С. Анненков вел у Дмитриевского оврага. Это же место намечено на плане М. Берлинского как остатки собора Дмитриевского монастыря, что, очевидно, и дало основание А. С. Анненкову именно в этом месте вести раскопки. Поиски храма в северо-восточной части монастыря пока не увенчались успехом (М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 271).

[12] Н. Закревский. Ук. соч., стр. 547.

[13] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, стр. 41.

[14] Материалы графической фиксации раскопок не сохранились. Часть дневников и фото находится в архиве ИА АН УССР. Ряд сведений о раскопках сообщен В. К. Гончаровым по памяти.

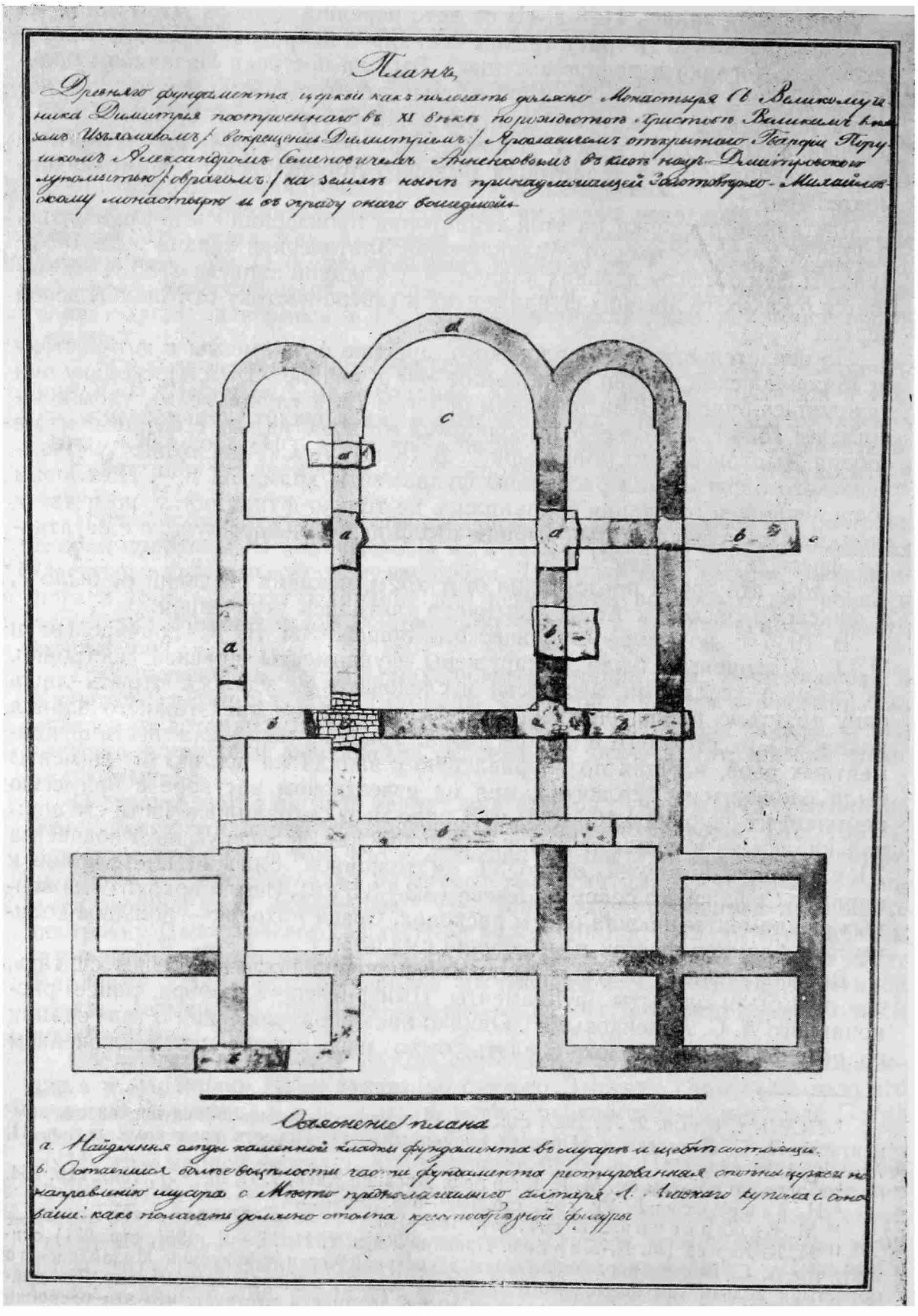


Рис. 1. Чертеж фундаментов Дмитриевского собора в Киеве (раскопки 1838 г.)

того, что храм имел очень большую ширину. Как можно было предположить, от здания уцелела лишь восточная и, возможно, западная часть, так как большая часть площади древнего храма оказалась под упомянутым трехэтажным зданием конца XIX в.

В 1960 г. в фондах Одесского краеведческого музея нами был найден

чертеж под названием «План древнего фундамента церкви, как полагать должно монастыря св. великомученика Димитрия построенного в XI веке... Великим князем Изяславом (во крещении Димитрием) Ярославичем, открытого гвардии поручиком Александром Семеновичем Анненковым в Киеве над Димитровскою лукомыею (оврагом) на земле ныне принадлежащей Златоверхо-Михайловскому монастырю и в ограду оного вошедший». Чертеж (рис. 1), конечно, далек от современных требований фиксации, однако сделан с определенным профессиональным умением и значительно отличается в лучшую сторону от безграмотных чертежей, фиксирующих раскопки того времени (например, чертежи Лохвицкого). В объяснениях к чертежу указано, на основании каких данных он со-

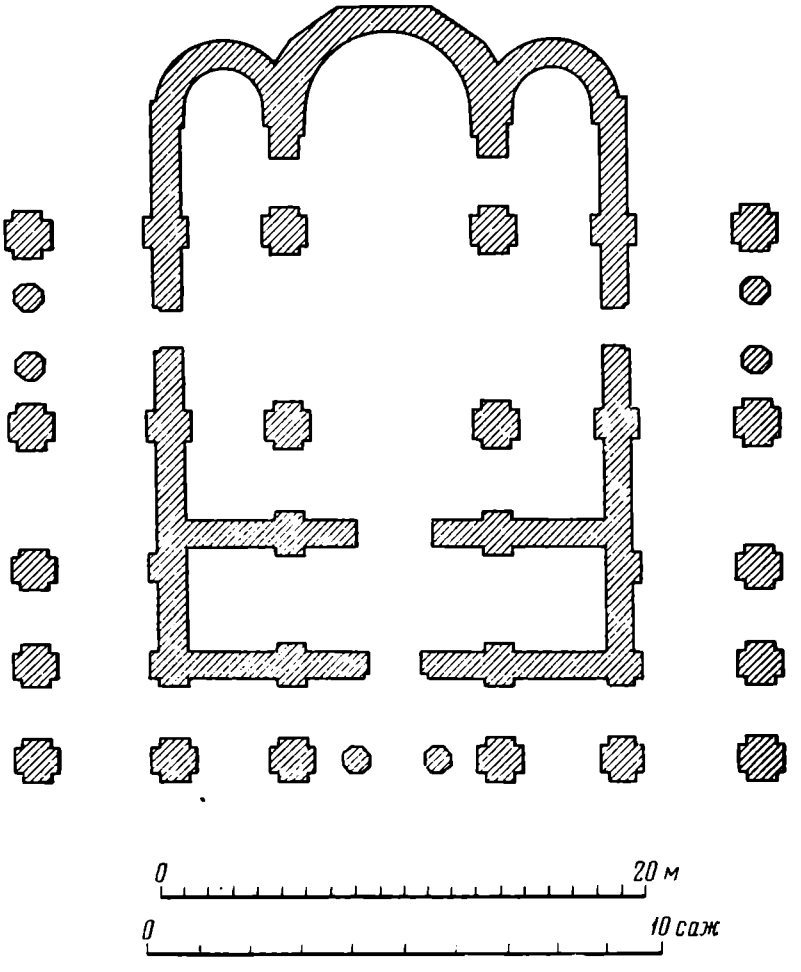


Рис. 2. Вариант предполагаемой реконструкции плана Дмитриевского собора в Киеве

ставлен: так, части, прослеженные по остаткам кладки, отмечены особо от частей, прослеженных по направлению заполненных строительным мусором котлованов.

Центральная часть здания представляет собой тип шестистолпного крестовокупольного храма с нартексом, граненой центральной и полукруглыми боковыми апсидами. С западной части к зданию примыкают камеры каких-то помещений. Как можно предположить, какие-то помещения примыкали и с юга; здесь помечен ленточный фундамент, равный ширине юго-западной пристройки. Создается впечатление, что фундаменты помещений, окружавшие центральную часть здания, не были раскопаны до конца. Возможно, что этим можно объяснить и тот факт, что траншея 1936 г. перерезала не четыре, а шесть лент фундаментов. Поэтому возникает предположение, что храм был окружен галереями и тип его был очень близок к ряду киевских построек средины XI в. (так называемой церкви Ирины и Георгия и церкви в северо-западном углу Софийского заповедника). Размеры храма были велики — 31×32 *м*.

Не предрешая вопроса о том, был ли этот храм собором Дмитриевского монастыря или это была церковь Петра в Дмитриевском монастыре, можно считать, что здание, раскопанное в 1838 г., являлось большой опоясанной галереей церковью, близкой по типу и строительной технике к киевской архитектуре середины или второй половины XI в. (рис. 2).

К приведенным выше данным о соборе Дмитриевского монастыря следует добавить ряд соображений об атрибуции Михайловской Златоверхой церкви. Формы этого памятника близки к киевской архитектуре второй половины XI — начала XII в. Некоторые особенности его архитектуры позволяют отнести его постройку ко времени более позднему, чем время сооружения Успенского собора Киево-Печерской лавры. Композиция Михайловской церкви более статична, центры закомар ее фасадов расположены на одном уровне (как в зданиях XII в.), в то время как центральная закомара Успенского собора была значительно поднята над боковыми (как в Спасском соборе в Чернигове), что напоминает прием пирамидальной композиции, характерный для построек первой половины XI в.

К традициям XI в. обычно относят и круглую башню, стоявшую с северной стороны нартекса Михайловской церкви. Однако подобный прием мы видим, например, в соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1118 г.). Меандровые фризы Михайловской церкви характерны как для XI в. (Софийский собор в Киеве и Спасский собор в Чернигове), так и для киевских зданий начала XII в. (церковь Спаса на Берестове). Техника строительства Михайловской церкви очень близка к технике Успенского собора Киево-Печерской лавры: камня в кладке значительно больше, чем в зданиях первой половины XI в., ряды камня меньше, отсутствует разбивка на квадры на фасадах. Но, с другой стороны, приемы строительства Михайловского собора несколько архаичнее, чем в церкви Спаса на Берестове (1113—1125 гг.). Кладка, конструкции и формы Михайловской церкви наиболее близки Троицкой надвратной церкви Печерского монастыря, построенной в том же, что и Михайловская церковь, 1108 г. [15]

Сопоставления данных стилистического и технологического анализов мозаик и фресок, приемов строительной техники и архитектуры Михайловской Златоверхой церкви с новыми сведениями о Дмитриевском соборе дают основание считать, что Михайловская церковь не переименовывалась. Как показали исследования И. В. Моргилевского [16], здание во время татарского нашествия пострадало незначительно, а в XV в. оно известно под тем же древним названием [17], и едва ли название «Златоверхий», обозначающее конкретную особенность здания, могло быть перенесено на какую-либо другую постройку. Следовательно, Михайловскому Златоверхому собору должна быть возвращена его действительная дата — 1108 год.

---

[15] В датировках древнерусских кладок большое значение имеет определение толщины кирпича-плинфы, тонкой в X — первой половине XI в. и более толстой в конце XI — начале XII в. Приводим некоторые размеры толщины плинф киевских храмов XI — начала XII в.:

Софийский собор (1137 г.) — 3,3; 3,5 *см*.
Успенский собор Печерского монастыря (1073—1078 гг.) — 4; 4,3; 4,5 *см*.
Михайловский собор (1108) г.) — 4,3; 4,8; 5 *см*.
Троицкая Надвратная церковь Печерского монастыря (1108 г.) — 4,3; 4,5 *см*.
Церковь Спаса на Берестове (1113—1125 гг.) — 4; 4,6; 5 *см*.

[16] Графические материалы находятся в фондах Софийского заповедника.

[17] Упоминается в 1496 г. См. Н. Закревский. Ук. соч., стр. 509.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

ГОСУДАРЕВ ДЬЯК ДАНИЛО ВЫЛУЗГА

При реставрации памятника архитектуры — церкви Зачатия святой Анны что в углу, в Китай-городе (Москва) была найдена белокаменная плита с надписью (рис. 1). В момент обнаружения она представляла собой груду из 15 обломков, которые были собраны и скреплены цементом реставраторами церкви (руководитель — архитектор Л. А. Давид). Благодаря этому удалось довольно легко прочитать текст плиты, хотя полное совмещение букв было достигнуто не везде. Плита очень массивна: длина ее — 1,15 *м*, ширина — 0,53 *м*, толщина — 0,28 *м*. Весь орнамент на плите сделан из треугольников, в том числе и оба «сияния». Текст исполнен очень хорошей вязью в пять строк, высота букв — 8 *см*. Надпись гласит: «Лета 7077 го (1569 г.) генваря в 12 де преставис раб бжий Данило Федорович Вылузга во иноцех инок скимникъ Давыдъ».

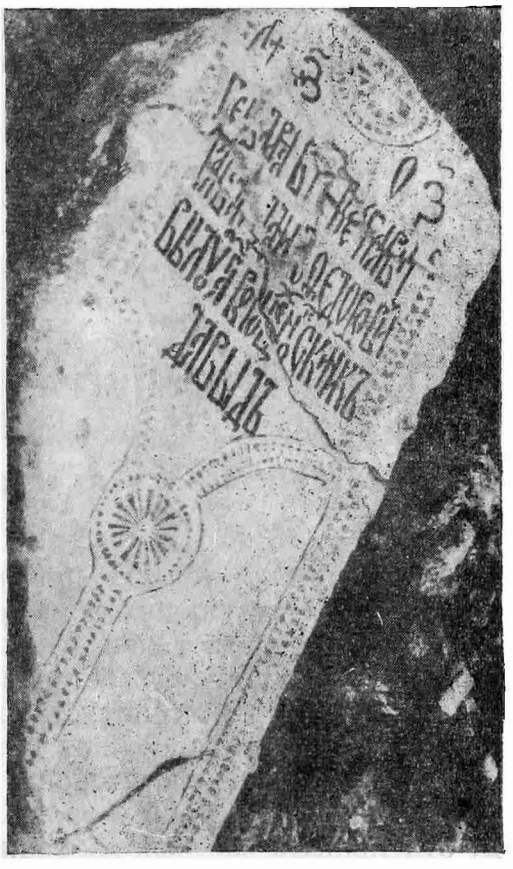


Рис. 1. Надгробие Данилы Вылузги

По транскрипции надпись довольно сложна — здесь восемь надстрочных выносных букв: в словах «лета» — «та», «генваря» — «н», «преставис» — «с», «Федорович» — «ч», «Вылузга» — «з», «во иноцех» — «х», «инок» — «к», «скимникъ» — «м»; два сокращения: слова «года» — «го» и «день» — «де»; одно титло — в слове «божий». Из лигатур, которых здесь немного, интересно соединение «н» и «и» в словах «во иноцех инок скимникъ».

Из особенностей орфографии нужно отметить написание отчества с окончанием «-вич», свидетельствующим о знатности погребенного, а также слова «схимник» в форме «скимникъ», что было тогда обычным [1]. То же самое можно сказать об именах «Данило» и «Давыд», как правило писавшихся тогда именно так [2].

Личность Данилы Федоровича Вылузги хорошо известна. Одно время, в 1547—1560 гг., он был довольно видным человеком при царском дворе, занимая пост дьяка Разрядного и Казенного приказов [3]. Его подписи стоят под несколькими документами 50-х годов XVI в. [4]. Дальше сведения о нем теряются вплоть до публикуемого документа, завершившего его жизнь. Служебная карьера Вылузги была, видимо, удачной. Сын его, Елизарий (Елка) Вылузгин, унаследовал профессию отца, но поднялся выше по служебной лестнице, став думным дьяком Поместного приказа [5]. В «Писцовых книгах» конца XVI в., составленных вскоре после смерти старого Вылузги, за Елкой значатся обширные поместья — оброчные

[1] Приложение к отчетам Русского исторического музея за 1911 г. М., 1913, стр. 76, 79; И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стр. 374.

[2] И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 374.

[3] Н. П. Лихачев. Русские разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 164.

[4] Акты исторические, т. I, стр. 253.

[5] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 66.

и вотчинные — на территории Московского уезда [6]. Вскоре Елизарий Вылузгин породнился с родом бояр Шереметевых, выдав свою дочь за И. П. Шереметева [7]. Перед нами, таким образом, характерная картина выдвижения новой знати в годы опричнины и правления Бориса Годунова. Неудивительно поэтому, что старый Вылузга был с почестью похоронен в подклете каменной церкви, приняв, по обычаю вельмож того времени, перед смертью схиму.

Однако до дьячества Данило Вылузга дошел, видимо, из простых людей. Во всяком случае, его чрезвычайно характерное прозвище (от слова «лузга», что значит «шелуха», «мусор», а также — «попрошайка» [8]) как будто говорит об этом. Имеются сведения о том, что среди дьяков были выходцы и из незнатных фамилий [9].

[6] Писцовые книги XVI в. СПб., 1872, Отд. 1, стр. 225, 248; Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 184.

[7] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 184.

[8] В. И. Даль. Толковый словарь русского языка, т. I, М., 1935, стр. 271.

[9] Н. П. Лихачев. Ук. соч., стр. 137.

В. Б. ГИРШБЕРГ

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Крест XV в. из собрания музея «Покровский собор»

В собрании музея «Покровский собор» в Москве хранится небольшой каменный крест. Происхождение его неизвестно.

Крест четырехконечен, с несколько расширяющимся книзу основанием (рис. 1). Наличие хвостовой части в виде клина указывает на то, что крест рассчитан был на установку вертикально, на постаменте. Высота креста — 32 *см;* наибольшая ширина — 21 *см;* толщина — 7 *см.*

По краю лицевой стороны идет гладкая кайма, шириной 1,2 *см.* Внутри нее на лицевой стороне высоким рельефом с выборкой фона между отдельными частями изображения резан восьмиконечный крест на голгофе. Высота внутреннего креста с голгофой — 16 *см;* ширина на уровне его наибольшего рога — 7 *см.*

Сверху и по бокам внутреннего креста — на уровне рогов — расположены надписи. Они также выполнены высоким рельефом с выборкой фона между буквами. Над восьмигранным крестом, заполняя все пространство между его вершиной и обводной каймой, помещены две буквы: «ХЪ». Строчная высота их — 4 *см.* «Х» близок к форме, встречающейся в рукописях, написанных уставом в XII—XIII вв. [1]. Но особенно примечателен «Ъ», имеющий треугольный кузовок, своими размерами несколько превосходящий вертикальную мачту буквы. Этот «Ъ» близок «еру» азбуки из раскопок 1954 г. в Новгороде [2]. Но в новгородской букве ярче сказываются признаки XIII в., что может зависеть от более мягкого материала (можжевеловая доска), на котором резана азбука. Стратиграфическая дата азбуки — рубеж XIII—XIV вв. [3]. Смысловое значение «ХЪ» — Христос. Подобное сокращение встречено только в надписях на каменных крестах древней Новгородской земли [4].

[1] Ср. Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 155, табл. 2, столбцы 2 и 3.

[2] Ср. А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 79 и табл. XIV.

[3] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 79.

[4] См. А. А. Спицын. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских. ЗОРСА, т. VI, вып. 1, СПб., 1903; И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906.

В левой части перекладины — два знака. Первый, высотою 3,8 *см*, представляет собой четырехконечный крест со слегка расширенным основанием. Он не имеет хвостового клина, в остальном же подобен рассматриваемому памятнику. Зрителю как бы представлен крест в уже установленном виде. На азбуке из Новгорода десятиричное «и» вырезано в форме вертикальной мачты с коротким перекрестием и отношением высоты к ширине 3 : 1. В данном знаке можно также предполагать букву «І», имени «Иисус». Второй знак, рядом с крестом, представляет собой вырезанную букву, напоминающую рукописное «Ц» XIII в.[5], высотой 5 *см*. В смысловом отношении это — лигатура «Ц + Р», означающая слово «царь».

Знак «ЫІ» с правой стороны внутреннего креста представляет собой аббревиатуру слова «славы»; сокращение доведено до конечной буквы. В рукописях «ЫІ» пишется «ЪІ» до второй четверти XV в.[6]. Если учесть некоторое отставание графики на камне, то палеографической датой этой буквы будет середина XV в.

Таким образом, крест имеет неполные надписи сакрального характера, в развернутом виде значащие: «Иисус Христос, царь славы»[7]. По более позднему знаку «ЫІ» изготовление предмета нужно относить к середине XV в. Судя по аналогиям в упоминавшихся выше работах А. А. Спицына и И. А. Шляпкина, местом изготовления креста, вероятнее всего, можно считать Новгородскую землю.

Рис. 1. Каменный крест. Хранится в музее «Покровский собор»

2. Надпись Артамона Матвеева о построении церкви в с. Поярково

Над порталом северного фасада церкви Рождества Богородицы в с. Поярково, Краснополянского района, Московской области, имеется резная надпись (рис. 2). Текст ее сообщает о возведении названного храма в 1664 г. Матвеевым, в то время владевшим Поярковым. Надпись никогда не публиковалась.

Содержание ее следующее[8]: «Лета 7172-го маия в 1. д[е]нь начата ‖ здати сия ц[е]рковь пр[е]ч[и]стыя б[огороди]цы присно деве марии ч[ес]тного‖ и сл[а]вного ея рождества в лето бл[а]гочестивыя державы‖ пресвет[л]ого г[осу]д[а]р[я] ц[а]ря и велико[го] кн[я]зя алексея михаловича всеа ‖ великиа и малыа и белыя росии самод[е]ржца и при бл[а]гочестивои г[о]с[у]д[а]р[ы]ни ‖ ц[а]р[и]цы и великои кн[я]г[и]ни марьи ильи[ни]чны и при г[о]с[у]д[а]рьских наследниках при бл[а]гоче[с]ти‖вом г[о]с[у]д[а]ре ц[а]р[е]в[и]че и великом кн[я]зе алексее алексеевиче и при бл[а]гочестивом г[о]с[у]д[а]ре ц[а]р[е]виче и вели‖ком кн[я]зе феодоре алексеевиче а по

[5] Ср. Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 155, табл. 2, столбец 3.

[6] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 118.

[7] Подобные надписи встречены на целом ряде каменных крестов из Новгорода и его округи. См. А. А. Спицын. Ук. соч.; И. А. Шляпкин. Ук. соч.

[8] В приведенном нами тексте надписи лигатуры разъединены, надстрочные буквы внесены в строку, титла и надстрочные знаки опущены, буквенные обозначения цифр заменены на употребляемые ныне, «ять» везде передается через «е», «юсы» — через «я», пропущенные в подлиннике буквы заключены в прямоугольные скобки, строки отделены друг от друга знаком ‖.

Рис. 2. Надпись в церкви Рождества Богородицы, с. Поярково Московской области

бл[а]гословению преосвященного митрополита питирима сар[с]кого‖ и подонског[о] а совершена и освищена во 173. году сентября в. 13 д[е]нь а строил по обещ[а]нию своему‖ц[е]рков[ь] сию полковникъ и голова московских стрельцов аръемон сергеев‖с[ы]нъ матвеевъ».

Текст резан в 11 строк высоким рельефом, с выборкой фона между буквами на квадратной известняковой плите, каждая сторона которой — 74 *см*.

Подобная техника резки надписей на каменных предметах встречается в русской эпиграфике с давних времен. Так, среди надписей каменных крестов XIV и XV вв. имеется много выполненных подобным образом [9]. XVI веком датированы, например, надписи таких монументальных эпиграфических памятников, как надпись 1541 г. мастера Повилики о постройке храма Кирилла Чудотворца в бывш. Возмищском монастыре близ г. Волоколамска [10], надгробие 1546 г. кн. И. И. Кубенского, находящееся под Смоленским собором Новодевичьего монастыря [11]. Часть гробницы имеет надпись 1554 г. о положении в нее сына Грозного, царевича Дмитрия Ивановича [12].

Среди монументальных эпиграфических памятников XVII в., происходящих из Москвы и Подмосковья, известны 37 надписей, выполненных высоким рельефом с выборкой фона между буквами. Отметим восемь надписей, тексты которых говорят о постройке зданий [13], а также надгробие 1693 г. Ефимии жены думного дьяка Аверкия Стефановича Кириллова, находившееся ранее в стене церкви Николы на Берсеневке [14]. Последнее указывается по причине идентичного принципа в расположении текста и орнамента с публикуемой надписью Артамона Матвеева.

Это сходство внешнего оформления текстов строительных плит с надгробиями типа так называемых «памятных досок», которые вделывались в стены храмов и особенно широко распространялись со второй половины XVII в., объясняется одинаковыми задачами создания художественного облика постройки. И строительные плиты, и памятные доски являлись непременной частью декора, организуя иногда зрительное восприятие фасада или интерьера.

Текст рассматриваемой надписи заключен в ободок-картуш растительного характера. Развитый растительный узор имеется и на вплотную примыкающей к ней верхней плите, размер которой одинаков с нижней, несущей надпись. В середине верхней плиты находится прямоугольная

---

[9] См., например, И. А. Шляпкин. Древние русские кресты. СПб., 1906, табл. VI — Нередецкий фрагмент XIV—XV вв.; табл. VIII — Благовещенский крест дмитровского Борисоглебского монастыря (1388 г.); табл. XVI, *329*; табл. XVII, *332—335*; табл. XIX, *330*, *343*; табл. XXI, *342*, *345*, *346*, *350*; табл. XXII, *352—354*; табл. XXIII, *356*, *357*; табл. XXIV, *336*, *359*, *360*, а также публикуемый выше крест из собрания музея «Покровский собор».

[10] В. Б. Гиршберг. Надпись мастера Повилики. СА, 1959, № 2, стр. 248—249, рис. 1.

[11] Текст опубликован: Древняя Российская Вивлиофика, т. XIX, М., 1791, стр. 301. Изображение не издано.

[12] Камень, обнаруженный при ремонтных работах в Архангельском соборе Московского Кремля, ныне хранится в фондах музея «Покровский собор».

[13] 1) 1636 г.— in situ надпись о построении над восточным порталом Теремка в Московском Кремле (С. П. Бартенев. Большой Кремлевский дворец, кремлевские церкви и придворные соборы. М., 1916, стр. 124, рис. 64); 2) 1657 г.— in situ надпись о построении на потолке в доме думного дьяка Аверкия Стефановича Кириллова («Древности», Тр. МАО, т. V, вып. 1, М., 1875, стр. 36—37 и рис.); 3) 1671 г.— надпись о построении зданий на подворье рязанских митрополитов; обнаружена в 1947 г.; экспонируется в Музее истории и реконструкции г. Москвы; не издана; 4) 1679 г.— in situ надпись о построении Входоиерусалимской церкви в бывш. Спасском монастыре (Красная слобода под г. Вереей); см. «Древности» (Тр. Комитета по сохранению древних памятников), т. III, М., 1900, стр. XLIX—LI; 5) 1685 г.— в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря in situ надпись царевны Софьи Алексеевны о перенесении тела дочери Ивана Грозного — Анны, о постройках церквей в монастыре и судьбах этих зданий (И. Е. Забелин. Новодевичий монастырь в Москве. М., 1857, стр. 56); 6) 1692 г.— in situ две белокаменные доски с надписью о построении Трапезного храма в Троице-Сергиевской лавре; 7) 1695 г.— три массивных камня с надписями о построении Сухаревой башни в Москве; хранятся в музее «Коломенское»; см. И. И. Фомин. Сухарева башня в Москве. М., 1913, стр. 5—6; 8) 1697 г.— in situ справа над проезжей аркой бывш. здания Приказа денежной казны, находящегося в доме № 1/5 по Историческому проезду в Москве, надпись о построении; АИЗ, т. VII, 1900, стр. 102—109.

[14] Хранится в музее «Новодевичий монастырь».

ниша, очевидно для иконы. Обе плиты композиционно составляют единое целое.

Надпись позволяет установить, что митрополит Питирим, с 1664 г.— новгородский владыка, а с 1672 г. — всероссийский патриарх, был переведен в Новгород после 1 мая 1664 г. Даже Амвросий [15], авторитет в вопросах хронологии русской церкви, точно не указывает времени перевода Питирима в Новгород. Думается, он и не располагал такими сведениями, хотя в других случаях он называет совершенно определенные даты поставления в епископы и митрополиты и перевода их из одной епархии в другую [16].

Надписью 1664 г. определяется небольшой чин А. С. Матвеева. Ведь несмотря на свою близость к царю Алексею, Матвеев оставался в малых чинах вплоть до рождения царевича Петра. Только 30 мая 1672 г. ему было сказано окольничество [17]. Боярином он стал 8 октября 1674 г. [18]. Но неродовитость и скромный чин отнюдь не влияли на его благосостояние. Он был достаточно богатым, чтобы в короткие сроки осуществить строительство церкви вне города. Правда, нужно полагать, что в этом ему способствовал «...отпуск по пониженным ценам и безденежно всякого рода строительных материалов из запасов Каменного приказа», начавшийся еще при Борисе Годунове и «...отмечаемый документами для позднейшего времени» [19].

Разбираемая надпись вполне определенно датирует начало стройки 1-м мая 7172 г. от сотворения мира, или 7172—5508 = 1 мая 1664 г. Согласно тексту той же записи, окончание постройки и освещения храма произошло 13 сентбря 7173 г. от сотворения мира, или 7173—5509 = = 13 сентября того же 1664 г., т. е. все строительство заняло 136 дней. Сроки весьма сжатые, но они обычны для древнерусского зодчества. Еще в IV Новгородской летописи под 1179 г. читаем: «В лето 6687. Архиепископ Новгородскии Илья заложи церковь каменноу Благовещения святыя богородица, а начаша здати маия 21, а кончаша авгоуста 25, а всего дела церковного днии 70 и бысть крестьяном прибежище» [20].

В литературе церковь Рождества в Пояркове, как правило, датируют 1665 г. [21]. Ошибка пошла, по-видимому, от Холмогоровых. Последующие исследователи механически повторяли ее [22].

Необходимо отметить также и то обстоятельство, что палеографические и орнаментальные особенности надписи 1664 г. не противоречат основным признакам архитектурного построения и декора. Обмеры храма, исполненные Д. В. Разовым [23], и детальное обследование здания перед намечающейся его реставрацией, проведенное в 1958 г. архитектором Московской областной научно-реставрационной мастерской В. М. Дворняшиным [24], выявили типичность его плана для культовых сооружений указанного времени, а также ряд характерных для этого времени тех-

---

[15] Амвросий. История российской иерархии, ч. I, М., 1807, стр. 43—44, 237.

[16] Амвросий. Ук. соч.

[17] Дворцовые разряды III, 889.

[18] Дворцовые разряды, III, 1070 (8 окт. 7183—5509 = 8 окт. 1674, а не 1675 г., как принято считать).

[19] А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 42.

[20] ПСРЛ, т. IV, ч. I, стр. 169; ср. «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.— Л., 1950, стр. 36, 255.

[21] В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII вв., вып. 4 (Селецкая десятина). М., 1885, стр. 16; за ними (не выверив даты): В. Н. Иванов, П. Н. Максимов, С. А. Торопов. Сокровища русской архитектуры. М., 1950, стр. 237—238; Ш. Е. Ратия, К. П. Додина. Охраняйте памятники архитектуры. М., 1952, стр. 121.

[22] О переводе древнерусского летосчисления на употребляемое ныне см. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 141—142.

[23] Хранятся в Музее архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР.

[24] Хранятся в архиве Московской областной специальной научно-исследовательской производственной мастерской; инв. № 679—682.

нических приемов. Все сказанное убеждает в том, что публикуемая надпись соответствует не только дате, в ней означенной, но и самому сооружению.

Надпись 1664 г.— не единичный эпиграфический памятник, в тексте которого сообщаются сведения о постройке зданий. Датированные надписи подобного характера в Москве известны с 1491 г.[25]. Выше нами были перечислены девять строительных надписей, тексты которых исполнены высоким рельефом.

Эти сведения могут быть дополнены указанием на целый ряд строительных надписей XVI—XVII вв., выполненных в углубленной технике, а в некоторых случаях — в технике, нам не известной, изданных как в дореволюционное время, так и в наши дни, однако это увело бы нас за рамки исследования о данной строительной плите.

Надпись 1664 г. принадлежит к числу весьма интересных текстуально и замечательных по своим художественным достоинствам эпиграфических памятников Подмосковья второй половины XVII в.

Необходимо отметить, что война 1941—1945 гг. нанесла тяжелые повреждения как самому зданию, так и надписи. Верхняя плита, о которой выше говорилось, пробита артиллерийским снарядом.

Для скорейшей ликвидации тяжелого ущерба, нанесенного всему зданию церкви Рождества, должны быть приняты самые энергичные меры.

[25] Русская и латинская надписи о построении, находящиеся над проезжей аркой Спасской башни Московского Кремля. См. «Сборник в честь П. С. Уваровой», М., 1916.

А. А. ТИМОШЕНКО

К ВОПРОСУ О МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ГОРОДИЩА СТЕПАНА РАЗИНА

В 1956 г. Ростовское книжное издательство выпустило сборник статей под названием «Из истории Дона», в котором помещена обстоятельная статья доцента З. А. Виткова «Кагальницкий казачий городок». В этой статье описываются результаты археологической экспедиции Новочеркасского Музея истории донского казачества, работавшей в районе Разинского городка (Константиновский район Ростовской области).

Однако название статьи не совсем ясно определяет, о каком городище идет речь, так как старый городок неоднократно менял свое местоположение. На карте, приложенной к статье З. А. Виткова, указаны отдельно городище Степана Разина и Старый Кагальницкий городок. Раскопки под руководством З. А. Виткова велись именно на указанном на карте Разинском городище, у речного поста № 225[1]. В тексте упомянутой статьи отмечаются три места, связанные с Кагальницким городком[2].

Интерес к Разинскому городку как центру подготовки крупнейшего народного восстания против феодально-крепостнического гнета во второй половине XVII в., а также последнему оплоту разинцев не вызывает сомнения.

Однако местоположение Разинского городка до сих пор не является точно определенным, а иногда о нем дают грубо ошибочные сведения. Так, например, Н. Костомаров сообщает, что, «отправившись на Дон после персидского похода, Разин выбрал себе место между Кагальницкой и Ве-

[1] Кстати, указанный на карте азимут с городища на хут. Ведерники дан ошибочно под 102° (вместо 282°), т. е. отмечен обратным азимутом. См. сб. «Из истории Дона». Ростов, 1956.

[2] З. А. Витков. Кагальницкий казачий городок. Сб. «Из истории Дона», стр. 29.

дерниковской станицами на острове, протяжением в три версты. Там устроил он городок Кагальник и приказал обнести его земляным валом; казаки построили себе земляные избы»[3]. Эти данные являются наиболее надежными.

Н. Краснов указывает местонахождение Кагальницкого городка «близ нынешней Кагальницкой станицы в Черкасском округе»[4]. Н. Носков[5] пишет, что С. Разин основывался на Кагальнике, впадающем в Азовское море (?). Эти сведения грубо ошибочны. Авторы «Путеводителя по рекам Дону и Северному Донцу»[6] указывают основание городка С. Разиным в 1669 г. за Азовом (?). Эту ошибку повторяет в своем путеводителе и С. Жуков[7].

В. Д. Сухоруков[8] описывает остановку Разина осенью 1669 г. «в Кагальницком городке, укрепленном природою», где он провел всю зиму спокойно. Весной 1670 г. С. Разин выступил из Кагальницкого городка и пошел на Царицын. После поражения под Симбирском «Разин и его брат прибежали на Дон и заперлись в Кагальницком городке, укрепив оный для своей безопасности»[9].

Более подробные сведения о Кагальницком городке дает В. Сухоруков: «Кагальницкий городок... основан был на острове реки Дона (не в дальнем расстоянии от нынешней Кагальницкой станицы), обнесен земляным валом, на коем расставлены были пушки»[10]. П. П. Семенов[11] упоминает станицу Кагальницкую в 18 верстах от Константиновской, при Кагальнике, левом притоке Дона, что является ошибкой, так как Кагальник впадает в Дон справа, а не слева, а по расстоянию указанная станица скорее совпадает с Богоявленской.

Первое упоминание о разрушении Кагальника турками относится к 1645 г. Казаки жаловались царю, что азовцы «в нынешнем, государь, во 153 году, октября в 6 день, они ж погании взяли и выжгли городок Кагальник, и казаков многих парубали...»[12].

Последние сведения о существовании Кагальницкого городка относятся к 1671 г., когда «городок был разорен, а стены оного срыты до основания»[13].

У К. Крюйса указан «Кагальник на острову»[14]. Описание К. Крюйсом реки Дон «по высочайшему повелению» относится к 1699 г., т. е. ко времени, примерно через 30 лет после разрушения Разинского городка. Следовательно, городок, упомянутый К. Крюйсом, является либо более поздним построением на том же месте, либо остатком Разинского городка. Однако этот городок (или его развалины) уже в начале XVIII в. на этом месте в летописях не упоминается. Чем можно объяснить этот факт? Ведь на Дону строго сохраняются названия урочищ даже на открытых местах, особенно береговых. Издавна существуют на Нижнем Дону Каланчи, Чубарая Тоня, Гнилая, Красный Яр и др., и они десятилетиями, а может быть, и веками, приурочены к совершенно определенным местам, ничем не отличаясь от окружающих берегов. Но старожилы вас поправят, если вы ошибетесь на несколько десятков метров в определении места того или иного урочища. По-видимому, здесь играл роль политический

---

[3] Н. Костомаров. Бунт Стеньки Разина. СПб., 1859, стр. 101.
[4] Н. Краснов. Материалы для географии и статистики России. Земля Войска Донского. СПб., 1863, стр. 39.
[5] Н. Носков. Дон. Ростов, б/г, стр. 16.
[6] См. «Путеводитель по рекам Дону и Северному Донцу». Ростов, 1931, стр. 117.
[7] С. Жуков. Дон. (Путеводитель). М., 1934, стр. 9.
[8] В. Д. Сухоруков. Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903, стр. 256.
[9] Там же, стр. 269.
[10] Там же, стр. 270.
[11] П. П. Семенов. Словарь, 1865, стр. 408.
[12] Донские дела. СПб., 1906, кн. 2, стр. 616.
[13] В. Д. Сухоруков. Ук. соч., стр. 270.
[14] К. Крюйс. Атлас реки Дон.

Рис. 1.

1 — место, где велись раскопки; *2* — предполагаемое место расположения Разинского городка.

момент. Остров, где располагался С. Разин, получил отвлеченное название просто «Жилого», а К. Крюйс мог упоминать его по прежнему названию.

Остров Жилой в старину служил местом спасения для казачьих семейств во время татарских набегов. Его место постоянно и не вызывает сомнений. Только сюда мог прийти С. Разин. Кроме того, сюда уходили жители ближайшего Кагальника от наводнений. Так, он фактически оставался жилым и после поражения С. Разина.

Вместе с атласом К. Крюйса большого внимания заслуживают путевые журналы Петра Первого 1695 и 1696 гг., очень точно отмечавшие положение Разинского городка: «...В 7-м часу после полдень проехали городок Кагальник, стоит на острову, на ровном месте, огорожен тыном, на левой стороне; против его с правой стороны впала речка в Дон прозвание Кагальник...» [15]. Здесь речь идет о восстановленном городке, именно против устья р. Кагальник. Об этом описании местоположения городка З. А. Витков совершенно умалчивает.

Отсутствие ошибки в путевом журнале 1695 г. подтверждается записью журнала 1696 г.: «...В полдни прошли городок Кагальник, стоит на левой стороне; пониже его речка Кагальник же впала в Дон с правой стороны...» [16].

Журналы 1695—1696 гг., а также атлас К. Крюйса не расходятся в этом случае между собой. Все они указывают положение городка Кагальник на острове. Кроме того, путевые журналы совершенно четко отмечают против острова устье р. Кагальник. Условия местности совершенно ясно подтверждают возможность наличия городка на острове именно с левой, а не с правой стороны по течению Дона.

Архивные материалы, относящиеся к 1669—1670 гг., совершенно четко отмечают положение Разинского городка «ниже г. Кагальника». Так, например, в «Наказной памяти Посольского приказа Г. Евдокимову, посланному на Дон с требованием к донским атаманам принять меры против С. Разина», указывается, что «Стенька с товарищи, с Царицына пришол на Дон и стал в Кагальницком городке, и ниже Кагальника на острову зделали земляные избы» [17].

В другом документе указывается, что «Стенька Разин с товарыщи меж Кагальника и Ведерникова зделали городок земляной» [18]. Здесь

---

[15] Походные и путевые журналы Петра I. 1695, стр. 17.

[16] История Русского флота. Период Азовский. СПб., 1864, ч. 1, стр. 152.

[17] Е. А. Швецова. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. М., 1954, ч. I, № 104, л. I, стр. 133.

[18] Е. А. Швецова. Ук. соч., стр. 155.

речь идет о другом, новом Кагальницком городке, соответствующем острову Жилому.

На картах и планах XVIII и XIX вв. устьевая часть р. Кагальник изображена с системой ериков. Однако все возможные отклонения устья, представленные в настоящее время сухими ериками, находятся против острова Жилого. Протяженность острова Жилого на этих картах соответствует примерно 2 *км*.

Абрисы топографических съемок, проводившихся в этом районе в 1817 г., свидетельствуют о том, что остров Жилой с того времени не менял своего положения и сохранил свое название. Устьевая часть р. Кагальник и система ериков на этих абрисах соответствует современной топографии описываемого района [19].

Причем по абрису 1817 г. [20] селение Кагальник отмечено на том месте, где З. А. Витков вел раскопки (между реками Кагальник и Дон). На абрисе отмечен «Старый Кагальницкий городок» с записью: «Прежде в нем стояли». Второй рукав р. Кагальник имеет место на абрисах 1817 г., но он носит название Сухого Кагальника и примерно совпадает с ериком Рачным, упоминаемым З. А. Витковым. Следовательно, уже в то время он не мог играть роль водного рубежа. Едва ли есть основание утверждать, что заселенный остров Жилой не существовал во времена С. Разина, а положение Кагальницкого городка на месте, описываемом З. А. Витковым, не согласуется ни с документальными данными, ни с условиями местности.

Утверждение З. А. Виткова [21] о том, что К. Крюйс ошибся, показав в своем атласе городок Кагальник на острове, как и Старочеркасск, не может быть признано состоятельным. Материалы раскопок Новочеркасской археологической экспедиции не подтверждают на указанном З. А. Витковым месте наличия Разинского городища, а городок, описанный им, является построением более поздним (начало XIX в.).

Таким образом, мы устанавливаем островное и пойменное положение Кагальницкого городка. Пойменный Кагальник неоднократно менял свое местоположение, положение же островного Кагальника оставалось неизменным.

Вышеизложенное убеждает нас в том, что местоположением Разинского городка нужно считать остров Жилой, против устья р. Кагальник, ниже того Кагальницкого городка, где вел раскопки З. А. Витков (см. рис. 1).

---

[19] Ростовский областной государственный архив, ф. 301, оп. 4, ед. хр. 18 и 19. Чертежное отделение.

[20] Там же, ед. хр. 19.

[21] З. А. Витков. Ук. соч., стр. 49.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Д. А. Авдусин. Археологические разведки и раскопки. М., 1959, 314 стр.+ 119 рис. Тираж 5000.

Потребность в создании подробного, но вместе с тем просто и доступно написанного руководства по полевым археологическим работам назрела давно и ощущалась с каждым годом все более. Масштаб и интенсивность археологических раскопок и разведок на территории нашей страны непрестанно возрастают. Полевые исследования охватывают все новые и новые районы. В них включаются многочисленные местные учреждения — научно-исследовательские институты, вузы, музеи. Естественно, эти работы требуют непрерывного роста археологических кадров, подготовки новых полевых исследователей и постоянного повышения квалификации кадровых археологов. При этом основную роль играет овладение важнейшими навыками полевых исследований, освоение современной методики, которая в свою очередь совершенствуется и обогащается с расширением работ. Для советских археологов эта задача особенно ответственна. Историзм советской археологии, целью которой является объективное освещение истории народных масс и закономерностей человеческого развития, требует максимально точного и всестороннего изучения археологических памятников. За 40 лет развития нашей науки советские археологи накопили огромный опыт в разработке полевой методики и добились в этой области немалых достижений, которые получили широкое признание среди прогрессивных ученых зарубежных стран. Опыт этот распространяется на памятники самых различных эпох, самых различных видов. Ведь по многообразию археологических памятников Советский Союз далеко превосходит любую страну мира. И столь же многообразны методы, выработанные при их исследовании. В ряде случаев методы эти явились принципиально важным вкладом в мировую археологическую практику и обусловили большие научные открытия, такие, например, как открытие древнейших в мире искусственных жилищ.

Особенно интенсивно полевая методика советских археологов развивалась и совершенствовалась в послевоенные годы, когда археологические работы в нашей стране достигли наибольшего размаха. В эти годы появился ряд статей, посвященных методике раскопок определенных видов памятников. Но все эти статьи были посвящены конкретным памятникам и конкретным методическим приемам, и ни одна из них не могла претендовать на роль общего руководства по методике полевых работ. Последнее же руководство общего характера, написанное покойным П. А. Суховым, появилось еще до войны, в значительной мере устарело и не соответствовало задачам археологической практики наших дней. Создание нового руководства, учитывающего опыт и методические достижения современных археологических исследований, стало абсолютно необходимым.

Ныне можно с удовлетворением отметить, что с выходом рецензируемой книги этот заметный пробел в нашей методической литературе успешно заполнен и что сама книга полностью соответствует своему назначению. Книга создана на кафедре археологии Московского университета, являющейся одним из основных центров подготовки археологических кадров нашей страны. Автор книги Д. А. Авдусин сам внес определенный вклад в разработку полевой методики. Его раскопки Гнездовского могильника и древнего Смоленска, проведенные на весьма высоком методическом уровне, с применением новых рациональных приемов, освещенных автором в специальной статье [1], получили широкую известность. Поэтому обращение Д. А. Авдусина к общим вопросам полевой археологической методики вполне закономерно.

Автор совершенно справедливо подчеркивает, что руководство подобного рода «нельзя рассматривать как самоучитель археологических раскопок: методику полевых исследований так же, как, скажем, медицину, нельзя изучить по книгам. Лицо, не работавшее в поле под руководством опытного археолога, не закрепившее практически теоретических знаний, не может вести раскопки самостоятельно» (стр. 23). Но это ни в коей мере не умаляет роли самого руководства и теоретических знаний, без которых начинающий археолог не сможет правильно ориентироваться в полевых условиях и не будет подготовлен к восприятию самых элементарных практических навыков. Да и подготовленный археолог нередко испытывает необходимость уточнить свои представления об определенных приемах, прежде всего о специфических приемах исследования памятников, выходящих за хронологические и тематические рамки его непосредст-

[1] Д. А. Авдусин. К методике раскопок больших курганов. КСИИМК, вып. LX, 1951.

венной специальности. Наконец, общее представление о памятниках, приемах их поисков и фиксации необходимо работникам на местах — учителям, сотрудникам музеев и других культурно-просветительных учреждений, т. е. тому обширному краеведческому активу, от которого в значительной мере зависят развитие интереса к далекому прошлому края среди широких масс населения, поиски памятников и, главное, их охрана как ценнейшего государственного достояния.

Таким образом, руководство должно быть рассчитано на широкий контингент читателей, научная подготовка которых отнюдь не одинакова. Такова немалая трудность, стоявшая перед автором, и Д. А. Авдусин в целом успешно ее преодолел. В его книге найдут полезные и систематизированные сведения все перечисленные категории читателей. Этому способствует и правильная структура книги. Первые две главы ее, дающие общее представление о видах археологических памятников и методах их отыскания и фиксации, рассчитаны на самый широкий круг лиц. В определенной мере это относится и к главе шестой, дающей четкие и полезные советы по топографии в полевых археологических условиях. Что касается третьей, четвертой и пятой глав, посвященных собственно раскопкам и обращению с найденным материалом, то они предназначены уже для археологов, причем, как мне представляется, не только для начинающих.

Переходя к содержанию основных разделов книги, прежде всего отмечу глубоко правильные общие представления об археологических памятниках как о ценнейших исторических источниках, значение которых может быть раскрыто лишь в результате тщательного научного исследования, требующего длительной специальной подготовки. Эта мысль проходит через всю книгу Д. А. Авдусина и конкретизируется в ряде ее разделов. Автор предупреждает читателя против всех действий, которые могут нанести вред памятнику и тем самым нанести ущерб исследованию его в будущем. Он справедливо призывает к большой осторожности при обнажении культурного слоя во время предварительного обследования памятника «... Зачистки, шурфовки и траншеи,— пишет Д. А. Авдусин,— хотя и возможны, но должны иметь целью не добычу вещей, а установление стратиграфии памятника, выяснение характера и порядка культурных напластований. Шурф и траншея не вредят памятнику только тогда, когда они становятся первыми участками больших раскопок» (стр. 61). Думаю, что это наиболее правильное решение вопроса о шурфах и траншеях, вызвавшего немало споров среди археологов. Действительно, в ряде случаев вред шурфов и траншей несомненен. Это прежде всего касается античных городов, что правильно подчеркивает автор (стр. 84 и др.). В других случаях шурфы и траншеи вполне допустимы; полное исключение их из археологической практики нерационально, да практически и нереально: оно резко затруднило бы и раскопочные работы (на первом их этапе), и особенно — разведки. Поэтому можно вполне согласиться с указанием автора на то, что «при разведках многих городов... часто нельзя обойтись без активного вмешательства археолога, без закладки шурфов и траншей для изучения стратиграфии на данном участке» (стр. 84). Особенно следует подчеркнуть правильное замечание о необходимости шурфовки вблизи петроглифов и писаниц: изучение таких памятников вне связи с соответствующими им культурными слоями заметно затрудняет датировку петроглифов и писаниц и умаляет значение их как исторического источника.

Таким образом, вопрос о применении шурфов и траншей должен решаться конкретно, в зависимости от характера памятника и условий исследования. Но никогда шурфы и траншеи не могут быть самоцелью: они являются лишь первым этапом исследования и при наличии культурного слоя «должны быть превращены в раскоп достаточной площади» (стр. 84). Эта мысль неоднократно подчеркивается Д. А. Авдусиным. В этой связи укажу на пример раскопок древнемонгольской столицы — города Кара-Корума — С. В. Киселевым в 1948—1949 гг., участником которых был автор настоящей рецензии. В центральной части города, где границы развалов древних сооружений были весьма нечеткими, были заложены длинные взаимноперпендикулярные траншеи для выяснения характера верхней части культурного слоя и вместе с тем для определения границ сооружений. Когда эта цель была достигнута, как углубление, так и удлинение траншей прекратилось, а сами они влились в большой прямоугольный раскоп. Стороны этого прямоугольника были отмечены первоначальными траншеями. Дальнейшее углубление шло уже по всей площади. Правильное определение границ раскопа способствовало полному вскрытию весьма интересного и цельного комплекса ремесленных сооружений. Здесь применение «первоначальных траншей» было вполне оправдано и рационально. А в другом случае при этих же раскопках начало вскрытия культурного слоя не требовало применения траншей. В западной части города находился большой холм, который в свете подробного и точного описания Кара-Корума Вильгельмом де Рубруком мог быть связан с развалинами дворца хана Октая (что и было подтверждено раскопками). Здесь никакого уточнения границ не требовалось, и раскопки сразу же начались широкими площадями, охватившими почти всю поверхность холма. Это, естественно, вполне себя оправдало. Однако траншея была применена и здесь, но уже не на первоначальном, а на завершающем этапе исследования. После вскрытия культурного слоя была заложена траншея для выяснения структуры искусственного холма, на котором стоял дворец. Холм состоял из последовательных слоев песка и гальки, привезенных со стороны. Никаких находок здесь, естественно, не было. Следовательно, не было оснований и для расширения траншеи. Но под холмом, совершенно неожиданно для исследователей, оказался культурный слой

(остатки маленького буддийского храма) — очень небольшой и охватывавший лишь отдельные участки, но имеющий решающее значение для определения даты основания города. На этих участках траншея была расширена и превращена в раскоп.

Не только шурфы и траншеи, но и разведки вообще Д. А. Авдусин справедливо считает первым этапом археологических исследований, за которыми должен закономерно следовать основной этап — раскопки. В специальной главе он с должной четкостью характеризует специфику разведок памятников различных эпох и различного типа, рекомендуя наиболее рациональные методы работ[2]. Весьма полезны здесь многие практические советы автора, например, касающиеся употребления в конкретных случаях полевого бура для разведок культурных слоев, перекрытых балластом или залегающих на различных глубинах (стр. 57 сл. 84), щупа (стр. 78) и т. д. Но кончается эта глава совершенно закономерным предостережением: «...Археолог должен помнить, что „«факты — воздух ученого". Обобщения, сделанные на малом числе фактов, по крайней мере гипотетичны. Тем более гипотетичны обобщения по данным поисков или даже по данным детальных разведок... Лишь факты, полученные при научно проведенных раскопках, могут быть материалом для обобщений и то при условии, если таких фактов достаточно много» (стр. 100). В принципе я полностью согласен с этим положением автора. Скороспелые выводы, построенные только на материалах разведок, иногда столь же скороспелых и охватывающих огромные территории, как правило, приводят к созданию весьма недолговечных гипотез, к «открытию» новых археологических культур, которые вскоре приходится «закрывать». Но вместе с тем надо отметить, что цель и возможности разведок могут быть уточнены в зависимости от конкретных условий. Иногда они не ограничиваются «нанесением памятника на карту и выбором объектов раскопок» (стр. 100). В ряде случаев разведки могут дать крайне важные материалы для определения границ археологических культур (только тех культур, основные черты которых уже установлены раскопками), смежных районов, межплеменных территорий и т. д. Разведки позволяют судить о закономерностях расположения памятников определенного вида в конкретных природных условиях (например, городищ дьякова типа), что подчеркивает сам автор книги. А в отдельных случаях материалы разведок весьма существенны и для постановки общих вопросов. Так, например, разведывательные работы М. З. Паничкиной и З. А. Абрамовой в зоне затопления Куйбышевской ГЭС (главным образом на местах палеонтологических костищ, где раскопки невозможны) позволили с уверенностью поставить вопрос о заселении этой области в эпоху нижнего палеолита.

Все это скорее дополняет, чем изменяет приведенные выше положения Д. А. Авдусина и в то же время подтверждает правильную мысль его о большой ответственности лиц, ведущих разведывательные работы, и необходимости строго научного подхода к этим работам. Совершенно справедлива, например, рекомендация автора проводить сбор подъемного материала по определенной сетке, согласованной с планом объекта. К сожалению, еще далеко не все археологи следуют этой рекомендации, что немало умаляет ценность материалов разведок.

Но, естественно, главное внимание в книге уделено основному процессу полевых археологических исследований — раскопкам. Уже «Введение» знакомит читателя с историей раскопок и некоторыми моментами развития раскопочной методики, знакомит конечно, очень кратко, что совершенно закономерно для книги данного профиля. История раскопок, как и история археологической науки вообще,— особая тема, и детальное освещение ее было бы неуместно в рецензируемом руководстве. Считаю лишь, что во «Введении», наряду с Курциусом, В. Дёрпфельдом и А. Эвансом, следовало бы упомянуть Т. Омоля. Знаменитые раскопки Т. Омоля в Дельфах и на Делосе представляют собой важный этап в истории исследования античных городов. И именно четкая, передовая для своего времени методика, подчиненная историческому принципу исследования культурного слоя и всего материала, обусловила огромную научную значимость этих раскопок. По своим принципам методика Т. Омоля более всего приближается к методике, разработанной при раскопках Ольвии Б. В. Фармаковским, большая

---

[2] Мне представляется лишь, что такие специальные методы разведок, как фосфатный анализ и, особенно, аэроразведка, могли бы быть выделены в особый раздел и представлены более подробно. Этот раздел, посвященный методам, требующим особой аппаратуры, особой подготовки, а иногда и участия в разведках специалистов-геофизиков и др., был бы вполне закономерен в руководстве и не нарушил бы его структуру. Вместе с тем он позволил бы осветить и некоторые другие специальные методы — электроразведку, «глубинное фотографирование» и т. п. Думаю также, что книга выиграла бы не только от введения этого нового раздела, но и от выделения внутри главы, посвященной разведке, отдельных параграфов. В равной мере это относится и ко всем последующим главам. Параграфы могут быть посвящены конкретным видам памятников, а также конкретным приемам и этапам исследования. Выделение таких параграфов сделало бы структуру книги еще более четкой, облегчило бы работу над книгой, носящей характер не только общего руководства, но и справочника, к которому очень многие полевые исследователи будут обращаться в поисках ответа на отдельные конкретные вопросы. Такое разделение глав на параграфы в значительной мере проделано и самим автором в оглавлении книги (стр. 312 сл.), и остается сожалеть, что оно не нашло отражения в тексте.

научная ценность которой правильно подчеркивается Д. А. Авдусиным. В этой связи можно отметить, что опыт Б. В. Фармаковского не ограничивался раскопками городских слоев Ольвии: весьма ценен и его опыт раскопок курганов. Фактически Б. В. Фармаковский первый показал необходимость полного вскрытия курганных насыпей и исследования кургана как сложного архитектурного памятника [3].

Я вполне согласен с характеристикой, данной Д. А. Авдусиным варварским раскопкам Г. Шлимана, окончательно подтвердившим знаменитое пророчество Гомера: «Минет некогда день, и погибнет великая Троя». Но если уж автор коснулся раскопок на холме Гиссарлык, надо было довести обзор их до конца и упомянуть работы Бледжена, который достиг материка, что позволило создать полную хронологическую колонку этого феноменального памятника. Работы Бледжена весьма интересны с методической стороны, причем, как и работы Т. Омоля, они получили исчерпывающе полное отражение в печати.

Удачной и необходимой в руководстве представляется первая теоретическая глава — «Остатки древних поселений и древние погребения как исторический источник». Основная мысль ее достаточно четко выражена автором, указывающим, что при изучении исторического источника «...надо хорошо представлять, что этот источник может дать для исторического исследования, насколько даваемые им сведения являются достоверными и в какой мере они нуждаются в проверке по другим источникам» (стр. 25). Развивая эту мысль, Д. А. Авдусин, помимо общего определения характера и структуры культурных слоев различных поселений, помимо описания основных видов древних погребений, особо останавливается на тех многочисленных вопросах, которые должны получить разрешение при полевом исследовании археологических памятников (еще до изучения найденных при раскопках вещей). Он подчеркивает огромное многообразие выводов, которые позволяет сделать изучение древних поселений и погребений. Приводя эти выводы, автор, естественно, должен был ограничиться рядом основных примеров: предусмотреть все проблемы, освещаемые раскопками, невозможно, число их беспрерывно возрастает с расширением масштаба раскопок, совершенствованием раскопок, внедрением новых технических методов. Но некоторые примеры можно было представить несколько подробнее. Так, автор правильно указывает на то, что материалы древних погребений и поселений взаимно дополняют друг друга, но недостаточно конкретизирует эту мысль. Между тем здесь можно указать хотя бы на те интереснейшие материалы, которые дают погребальные памятники для изучения такого, казалось бы, специфически «поселенческого» сюжета, как домостроительство, а также плотницкое, камнерезное и прочие связанные со строительным делом ремесла. Уже непосредственное оформление могилы может представлять в этом отношении значительную ценность (срубы, дощатые камеры, каменные ящики, накатники, двускатные крыши над могильными ямами, шатровые перекрытия их и т. д.). Но встречаются и гораздо более сложные сооружения — целые «погребальные дома», полностью повторяющие конструкцию домов на поселениях той же культуры (такой «дом» обнаружен, например, автором этой рецензии в одном из курганов срубной культуры Поволжья), но сохранившиеся в силу своего «подкурганного» расположения значительно лучше последних. В этой связи особое значение приобретают вопросы реконструкции древнего погребального сооружения, других подкурганных сооружений [4], а иногда и самого кургана. Некоторые археологи (М. П. Грязнов) высказывают правильную мысль о том, что в ряде случаев курганы в их современном виде также отличаются от подлинной конструкции погребального памятника, как городище от древнего города. Основные же наблюдения для подобных реконструкций должны быть сделаны непосредственно в поле.

Большего внимания достойны вопросы стратиграфии курганов, внутреннего строения их насыпей (на них автор кратко останавливается на стр. 43 и др.) Особенно это касается курганов с большим числом погребений, совершенных со значительными хронологическими разрывами. Здесь взаиморасположение погребений по вертикали, а также взаиморасположение строительных остатков, выбросов из могильных ям, слоев и прослоек самой насыпи имеют решающее значение для относительной хронологии погребений и создания истории погребального памятника [5]. Автор сам ссылается на один из классических примеров такого рода — наблюдения В. А. Городцова над стратиграфией кургана из слободки Романовки (стр. 53). Но эти наблюдения сделаны уже в кабинете, по чужим материалам. Ныне же необходимо показать необходимость таких наблюдений непосредственно в поле. И более подробное общее освещение этого важного сюжета вполне соответствовало бы жестким и совершенно правильным требованиям, которые автор в дальнейших главах предъявляет к составлению профилей курганов (стр. 224 сл.)

Иногда неменьшее значение имеют наблюдения над взаиморасположением погребений в кургане по горизонтали. Они связаны с высказанной Д. А. Авдусиным, но ос-

---

[3] Б. В. Фармаковский. Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии. ИАК, вып. 3, 1903.

[4] В одном из срубных курганов Чувашии был обнаружен жертвенник, имевший первоначально большое шатровое перекрытие из бревен.

[5] В некоторых случаях удается определить ряд этапов создания насыпи и выделить определенные ярусы погребений, связанных с этими этапами.

тавшейся нерасшифрованной мыслью о том, что «на основании изучения древних погребений можно... сделать заключение о социальном строе изучаемого общества, даже если не касаться вещей, обнаруживаемых в погребениях» (стр. 48). Здесь речь идет уже о погребениях, оставленных одной эпохой и одним обществом. Помимо хорошо известных случаев погребений рабов или воинов, «охраняющих» основную гробницу, можно указать на случаи правильного расположения погребений членов одного рода вокруг родового жертвенника или погребения вождя, на строго определенные места мужских, женских и детских погребений под единой курганной насыпью, на длинные правильные ряды погребений, каждый из которых оставлен определенным родом и т. п. В наиболее сложных случаях расположение погребений под курганной насыпью может подражать планировке родовых поселков. К сожалению, взаиморасположению погребений в курганах далеко не всегда уделяется должное внимание. Между тем наблюдения подобного рода имеют немалое значение для социальной характеристики конкретных человеческих коллективов. Указание на это было бы вполне уместно в книге, оно еще раз подтвердило бы одно из основных положений, сформулированных Д. А. Авдусиным: «Современная археологическая методика требует производить раскопки кургана на снос, то есть полную раскопку всей курганной насыпи» (стр. 117).

Автор правильно подчеркивает значение погребального обряда как стойкого этнографического признака, весьма важного для разрешения вопроса об этнической принадлежности погребенных (стр. 48). Но вторым важнейшим элементом при разрешении этого вопроса является антропологический материал, а ему в книге уделено явно недостаточно внимания. Конечно, антропологический материал специфичен, обработка его — дело антропологов, но уметь сохранить и взять этот материал и, главное, четко уяснить его большое научное значение должен каждый археолог.

Незаслуженно обойден в книге Д. А. Авдусина и остеологический материал, являющийся при раскопках почти столь же массовым видом находок, как и керамика. Вряд ли нуждается в пояснении значение костных остатков для истории охоты и скотоводства, а следовательно, и для воссоздания экономической истории древних обществ, которое сам Д. А. Авдусин считает важным, если не важнейшим итогом археологических исследований (стр. 42). Отмечу, однако, что иногда остеологический материал способствует разрешению и других важных вопросов. Укажу, например, на исследование А. П. Смирновым остатков русской колонии на городище Великие Болгары. По заметному проценту костей свиньи остеологический материал русской колонии резко отличался от материала других частей города, населенного мусульманами-болгарами. Здесь костные остатки, наряду с особой формой жилищ и вещевым материалом, оказались немаловажным фактором при обосновании столь серьезного заключения, как наличие специального квартала русских ремесленников в столице волжских болгар.

Поэтому археолог должен с большим вниманием относиться к остеологическому материалу, брать все определимые кости, сопровождать их всей необходимой документацией и передавать для изучения специалистам-биологам. Думаю, что такое требование должно было найти место в рецензируемом руководстве.

Перейду к главам, посвященным непосредственно процессу раскопок памятников различных видов. Здесь, естественно, автор должен был остановиться на наиболее общих приемах исследований и, вместе с тем, конкретизировать их для наиболее типичных случаев. В этом аспекте обе главы (первая из которых посвящена погребальным памятникам, а вторая — поселениям) представляются в целом удачными. Отмечу одну общую положительную черту этих глав. Для ряда случаев Д. А. Авдусин предлагает несколько вариантов методического решения задачи. Таким образом, твердо определив рамки основных принципиальных требований, он в пределах этих рамок оставляет исследователю свободу выбора наиболее рациональных для данного конкретного случая приемов. Тем самым стимулируется творческое отношение к методике. Вместе с тем автор указывает на конкретные условия, определившие особенности того или иного приема. Так, вполне уместно приведены раскопки Пазырыкских курганов (стр. 139), других сибирских курганов с каменными набросками (стр. 136 сл.) степных курганов (стр. 141) и др. Однако в этой связи хотелось бы отметить, что число конкретных примеров в книге можно было бы значительно увеличить. Очень хорошо, с исчерпывающей полнотой представлена в книге методика исследования трупосожжений (стр. 129 сл.) Но ведь методика эта разработана прежде всего самим автором при исследовании Гнездовских курганов, и описание ее выиграло бы в случае указания этого примера (с рядом характерных его особенностей), а также и примеров трупосожжений других эпох (позднетрипольские, среднеднепровские, андроновские и другие трупосожжения). То же следует сказать об освещении весьма сложного вопроса вскрытия многометровых насыпей. Здесь гнездовский опыт очень интересен и полезен, и автор правильно сделал, приведя ряд моментов этого опыта (последовательность раскопок насыпи, «защитные щиты» для отброса земли и т. д.). Но полагаю, что при этом проявлена чрезмерная скромность. Раздел был бы более полным и четким, если бы последовательно, этап за этапом, было представлено вскрытие конкретного гнездовского кургана. Этот случай можно было бы представить подробно, как наиболее типичный, дополнив далее раздел минимальным числом примеров других методических решений

этой же задачи (например, раскопки больших курганов М. И. Артамоновым, С. В. Киселевым, А. А. Иессеном и др.). Но здесь неизбежно пришлось бы остановиться на вопросе, которому автор, к сожалению, посвятил лишь маленький абзац на стр. 144. Вопрос этот — применение землеройных машин при раскопках.

Еще совсем недавно большинство археологов, в том числе и автор настоящей рецензии, весьма скептически относились к возможности такого применения. Однако опыт последних лет оставляет все меньше места для такого скептицизма. Машины были успешно использованы при раскопках больших и сложных курганов в Поволжье, Приуралье, Приазовье, Сибири, на Кавказе и т. д. Результаты этих работ говорили сами за себя: ни один из основных элементов исследования курганов не претерпел ущерба. Была во всех деталях выявлена стратиграфия, иногда очень сложная и показательная, впускные погребения были расчищены согласно всем методическим требованиям; кострища, отдельные находки, остатки сооружений и элементы конструкций насыпей были зафиксированы не менее четко, чем при раскопках вручную[6]. Однако эти результаты, естественно, были обусловлены определенным выбором машин и методикой их применения. Эти вопросы должны были найти отражение в книге тем более, что в будущем, несомненно, применение машин при раскопках курганов будет практиковаться еще более широко. Здесь, как мне представляется, следовало бы остановиться на трех вопросах:

1) определение возможности применения техники;
2) выбор наиболее рациональных механизмов;
3) методика их применения.

Наиболее безопасно применение землеройных машин при раскопках курганов в тех случаях, когда аналогичные курганы в данном районе уже были раскопаны вручную и археолог знает, чего можно ожидать от вскрытия насыпи. Категорически исключается применение машин, если насыпь состоит из культурного слоя, как, например, у большинства фракийских курганов Болгарии. Бульдозер и скрепер при раскопках курганов отнюдь не однозначны. Первый весьма удобен для удаления выброса от границ раскопа, но для самого вскрытия насыпей он крайне неудобен и может применяться лишь в исключительных случаях и с большой осторожностью. Бульдозер, нож которого расположен впереди трактора, «затаптывает» гусеницами расчищенное пространство, поле наблюдения за вскрытой поверхностью ограничивается узкой полосой между ножом и радиатором трактора, а возможности регулировки глубины хода ножа минимальны. Скрепер же (заметно уступающий бульдозеру по своей производительности) оставляет за собой идеально зачищенную поверхность, легко поддается регулировке глубины (для чего могут быть сделаны специальные отметки на ковше) и весьма чутко реагирует на изменение плотности вскрываемой поверхности[7]. Но для раскопок курганов пригоден не всякий скрепер. Ведь помимо вскрытия горизонтальной плоскости, при раскопках кургана необходимы вертикальные срезы у бровок. Для этого необходим скрепер, снабженный боковыми вертикальными ножами, другие механизмы будут создавать у бровок пологие наклонные участки, выравнивание которых с помощью лопат крайне трудоемко. Само вскрытие насыпи с помощью скрепера специфично. Взаимноперпендикулярные бровки при нем нерациональны, и приходится ограничиваться одной бровкой или системой параллельных бровок. Раскопки насыпи производятся равномерно, начиная с центральной части ее, где по обе стороны бровки создается строго горизонтальная площадка, которая далее постепенно понижается, охватывая все большую и большую площадь. Земля отвозится скрепером за пределы насыпи и окружающих ее ровиков. Поэтому, в отличие от некоторых методов раскопок вручную (стр. 140), раскопки с помощью скрепера позволяют одновременно вскрыть всю площадку, перекрытую насыпью, и с наибольшей точностью определить взаиморасположение могильных ям. При наличии на вскрываемом участке насыпи следов впускного погребения, сооружения, кострища и т. п. механизм переводится на другой участок или на другой курган.

Полагаю, что краткое рассмотрение в книге указанных вопросов закономерно пополнило бы главу о раскопках древних погребений и соответствовало бы периоду широкого внедрения технических методов, который переживает сейчас археология.

Определенную, хотя, конечно, только вспомогательную, роль землеройные механизмы могут играть и при раскопках поселений. Конечно, автор глубоко прав, подчеркивая, что «...вскрытие культурного слоя пока возможно лишь вручную. Мало того,— каждый комок земли, сброшенный с лопаты землекопа, нужно разбить и проверить, нет ли в нем вещей» (стр. 178). Но для крайне трудоемких работ по удалению балласта, очищению бортов раскопа от выброса и т. д. землеройные машины могут быть весьма полезны, причем здесь уж бульдозер в силу большей своей производительности имеет преимущества перед скрепером. Машины успешно применялись, например, для удаления балласта на таких различных памятниках, как мустьерская сто-

---

[6] Я не касаюсь здесь весьма важного вопроса о резком повышении производительности работ и снижении их стоимости при раскопках насыпей машинами.

[7] Так, при раскопках курганов у ст. Мекенской на Тереке с помощью скрепера удалось отметить скопления выброса из центральной ямы. Выброс этот по цвету не отличался от окружавшей его насыпи, но плотность его была значительно выше, что нарушало правильный характер поверхности, оставляемой скрепером.

янка под Сталинградом (раскопки С. Н. Замятнина[8]) и раннесредневековые буддийские храмы Киргизии (раскопки Л. Р. Кызласова).

Таким образом, и при вскрытии культурных слоев землеройные машины могут быть в отдельных случаях причислены к вспомогательным механизмам, подобным транспортерам или скипам, роль которых представлена в книге достаточно четко (стр. 178 сл).

Весьма удачно представлены в главе четвертой («Техника раскопок древних поселений») общие вопросы разработки культурного слоя. Полагаю, что это один из лучших разделов книги. И совершенно естественно, что за основу здесь положен опыт исследования древнерусских городов, с которым автор знаком наилучшим образом. Древнерусские города — один из наиболее сложных и вместе с тем благодарных для исследователя объектов «поселенческого» типа. Разработка их культурных слоев ставит перед археологом самые разнообразные задачи, решения которых весьма характерны и поучительны. Поэтому общие сведения о разработке культурных слоев, представленные в этой главе, носят по сути дела конкретный характер, а это определяет их четкость и доходчивость.

Помимо подробного раздела, посвященного общим вопросам раскопок поселений, автор посвящает особые небольшие разделы методике исследования наиболее специфических групп этого вида памятников. Он останавливается на раскопках лёссовых палеолитических стоянок, аллювиальных и дюнных неолитических стоянок, трипольских поселений, городищ, античных городов, многослойных памятников Средней Азии и, наконец, средневековых городов. Конечно, этим отнюдь не исчерпывается многообразие типов древних поселений на территории нашей страны: автор правильно ограничивается указанием лишь нескольких характерных групп. Но некоторые дополнения представляются мне в этой главе уместными. Так, слишком лаконично описаны раскопки торфяниковых стоянок (стр. 193), о специфике работ на этих сложных памятниках читатель должного представления не получает. При описании методики раскопок среднеазиатских поселений бо́льшее внимание следовало бы уделить замечательным памятникам энеолита и раннего бронзового века (типа Намазга-Тепе). Опыт исследования их заметно обогащен за последнее десятилетие Б. А. Куфтиным, В. М. Массоном и др. Наконец, специального освещения в руководстве заслуживают исследования сельских поселений, которым советской археологической наукой придается особенно большое значение. В этой связи интересны и показательны также методы исследования производственных площадей, примыкавших к таким поселениям: полей, огородов, садов, виноградников и т. д. Такие методы разработаны как в зарубежной науке (исследования древних полей в Северной Европе), так и в советской археологии (например, изучение клеров Херсонеса Таврического), причем исследованиям таких объектов, несомненно, принадлежит большое будущее.

Не буду подробно останавливаться на последних двух главах, посвященных прежде всего различным видам фиксации при археологических исследованиях. Отмечу лишь, что определенная тематическая ограниченность этих глав представляется мне закономерной. Автор не касается вопросов обработки, консервации и реставрации вещей. На первый взгляд это может показаться странным. Но камеральная обработка, неразрывно связанная с быстро развивающимися ныне методами исследования вещей, составляет особый, достаточно сложный и ответственный раздел археологической практики. Она достойна особого руководства, и создание такого руководства необходимо. Книга же Д. А. Авдусина имеет совершенно определенную тематическую направленность, и рассмотрение в ней вопросов камеральной обработки в качестве «побочного сюжета» вряд ли было бы рационально.

Кратко остановлюсь на некоторых общих моментах книги Д. А. Авдусина, требующих, как я полагаю, определенной доработки. Прежде всего, это касается недостаточной четкости в употреблении некоторых археологических терминов. Вряд ли удачно, например, разделение погребальных памятников на «курганы» и «могилы» (стр. 101). Ведь и под курганом ямы для погребений обычно именуются «могилой» или «могильной ямой», а курганные группы нередко называют «курганными могильниками». Представляется более правильным здесь противопоставление курганов бескурганным или грунтовым могильникам. Нельзя полностью отождествлять понятия «профиль» и разрез (стр. 36): разрез объекта может быть сделан по любой произвольной секущей и на него могут быть визированы детали, расположенные вне этой секущей, профиль же фиксирует лишь данные конкретного вертикального обнажения — борта раскопа или специальной бровки. Можно было бы указать и некоторые другие терминологические неудачи (например, отождествление подбоя и катакомбы на стр. 105). Но они являются не только неудачными моментами рецензируемой книги, но и свидетельством того, что вообще в нашей науке вопросы специальной археологической терминологии разработаны еще далеко не достаточно.

К книге приложены две специальные инструкции Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР по взятию при раскопках зерен культурных растений

---

[8] Отмечу, что удаление восемнадцатиметрового балласта Сталинградской стоянки потребовало даже производства взрывных работ, за которыми последовали расчистка и дальнейшее углубление с помощью бульдозера.

и образцов для спорово-пыльцевого анализа. Такие приложения безусловно целесообразны. Но ими не следовало ограничиваться: столь же необходимы для всех полевых работников инструкции по взятию органических остатков для радиокарбонного анализа и керамических (подов печей и пр.) — для хронологического определения методом палеомагнетизма.

Наконец, несколько слов о приложенном к книге списке литературы по археологической методике. Мне представляется, что список этот отнюдь не должен претендовать на абсолютную полноту. Это дело специальных библиографических справочников. Вместе с тем он должен содержать лучшие современные работы, которые читатель сможет использовать не с историографической, а с чисто практической целью. Поэтому список нуждается одновременно и в сокращении, и в пополнении. Работы, явно устаревшие и интересные лишь для истории вопроса (например, работы И. П. Сахарова, П. С. Савельева, Е. М. Гаршина и др.), могут быть без ущерба для дела исключены из списка. Список же новейшей зарубежной литературы должен быть пополнен (впрочем, без излишней его перегрузки) наиболее значительными работами как общего характера (например, работы Д. Гардена, Ф. Гейцера [9] и др.), так и специально посвященными конкретным методам исследований [10].

Однако все эти отдельные недочеты и спорные места отнюдь не препятствуют общей высокой оценке книги Д. А. Авдусина. Хочу еще раз подчеркнуть, что книга полностью отвечает своему назначению; она необходима всем участникам полевых археологических исследований, число которых возрастает из года в год. Тираж ее — 5000 экземпляров — явно недостаточен: книга, несомненно, потребует переиздания, и тогда могут оказаться небесполезными некоторые замечания, высказанные в настоящей рецензии.

Н. Я. Мерперт

---

[9] D. Harden. Notes on Archaeological Technique. Oxford, 1950; R. F. Heizer. A Manual of Archaeological Field Methods. California, 1957, и др.

[10] La decouverte du passé. Progrés recent et techniques nouvelles en prehistoire et en archéologie. Etudes reunies et presentées par A. Laming avec la collaboration de R. J. C. Atkinson, G. Bailod etc. Paris, 1952, и др.

Памятники культуры (исследование и реставрация). Сб. Научно-методического совета АН СССР, тт. I и II. М., 1959—1960

Советское государство уделяет большое внимание бережному сохранению культурного наследства народов Советского Союза. Очень крупные средства ежегодно ассигнуются на расходы, связанные с охраной и реставрацией памятников культуры. В 1948 г. специальным постановлением Правительства при Академии наук СССР был создан Научно-методический совет по охране памятников культуры с целью осуществления научно-методического руководства делом их охраны и реставрации. Прошло уже более десяти лет после создания этого научного центра, однако даже среди работников охраны и реставрации, не говоря уже о более широких кругах советской интеллигенции, мало что известно о деятельности Научно-методического совета, так же как и о работе органов охраны памятников культуры и реставрационных мастерских в центре и на местах. Одной из причин такого положения является отсутствие специального периодического издания, посвященного этим вопросам. Поэтому выход в свет специальных сборников Научно-методического совета «Памятники культуры (исследование и реставрация)» следует признать вполне своевременным, нужным и полезным делом.

Статьи I тома сборника в целом соответствуют его задачам, но, естественно, не равноценны по своему научному уровню.

Сборник открывается статьей В. В. Косточкина «Архитектурные памятники Торопца», которая по форме, но не по содержанию, несколько выпадает из стиля других статей. Автор вводит в научный оборот ряд малоизвестных, художественно своеобразных памятников архитектуры XVII—XVIII вв. города Торопца и его окрестностей, до настоящего времени почти совершенно не исследованных. Повествовательный стиль изложения, чисто литературные отступления (включая строфы «из торопецких старинных песен», не имеющих прямого отношения к теме) придают статье нарочито популярную форму, едва ли подходящую к характеру сборников. Вместе с тем некоторые существенные стороны архитектуры построек XVII—XVIII вв. в Торопце остались вне поля зрения автора статьи. Так, например, остается невыясненным вопрос о характере сводчатых перекрытий бесстолпных храмов, преобладающих в зодчестве Торопца. Ссылку автора на старый собор Донского монастыря и церковь Покрова в Рубцове, как на московские аналогии этому типу (стр. 23), нельзя признать удачной, так как отличительная особенность этих московских построек — перекрытие внутреннего бесстолпного пространства системой крещатого свода — совершенно не встречает-

ся в Торопце, где преобладает, по-видимому, система сомкнутого свода. Остается также неясным, сохранились ли вообще сводчатые перекрытия в жилых постройках Торопца, особенно в тех домах, строительство которых автор относит к началу и к середине XVIII в. К сожалению, эта датировка вызывает серьезные сомнения, так как почти все эти дома выстроены точно по красной линии современных улиц, которые появились только после 1778 г., в результате коренной перепланировки города по новому «регулярному» плану. В своем живо и интересно написанном очерке автор не претендовал на полноту исследования, поставив перед собой более скромную задачу «дать на фоне исторического развития города и изменения его планировки архитектурным сооружениям города первую и самую общую характеристику» (стр. 6). С этой задачей автор справился, и его большая, обильно иллюстрированная статья, скромно названная «очерком», является, в сущности, первым серьезным исследованием своеобразной архитектуры старого Торопца. Последняя вполне заслуживает специального комплексного изучения, наряду с архитектурой таких ныне полузабытых, но полных неповторимого своеобразия древних городов, как Каргополь, Холмогоры, Чебоксары. Великий Устюг, и других когда-то славных и известных очагов древнерусского искусства.

Важное значение следующей статьи сборника «Разметка архитектурных форм древними зодчими» — (Г. М. Штендер), можно сказать, обратно пропорционально ее скромному объему. Известно, что древние постройки со сложным криволинейным завершением фасадов трехлопастной или многолопастной кривой особенно часто подвергались позднейшим переделкам с целью упрощения их сложного покрытия. В сущности ясных следов первоначальной формы такого покрытия не сохранило ни одно сооружение этого типа. Таким образом, проблема достоверной реконструкции их первоначального вида оставалась в пределах гипотезы. Впервые обнаруженные автором статьи следы построения криволинейных архитектурных форм непосредственно на фасадах и внутренних стенах новгородских построек XIV—XV вв. представляют собой первостепенное научное открытие. Прежде всего оно приподнимает завесу над творческим методом работы древнерусского зодчего, широко применявшего в строительном искусстве не только математические расчеты [1], но и геометрические построения. Не менее важным следствием этого открытия является возможность установить достоверную форму исчезнувших криволинейных очертаний фасадов и других архитектурных элементов в процессе реставрационных работ, не прибегая к сомнительным домыслам.

Статья безвременно умершего талантливого советского ученого, одного из наиболее выдающихся исследователей раннемосковского зодчества Б. А. Огнева посвящена собору Андроникова монастыря в Москве (начало XV в.). Рухнувший во время московского пожара 1812 г. верх собора оставался до недавнего времени во многом загадочным по своим архитектурно-конструктивным формам, так как «в натуре не сохранилось никаких элементов, которые позволили бы составить представление о первоначальных формах завершения...» (стр. 78). Исследования здания, впервые проведенные П. Н. Максимовым в 1933 г., позволили ему «дать хотя и неполную, но достоверную графическую реконструкцию», где центральный барабан, с пьедесталом и завершением были даны условно «не как реконструкция, но как восполнение утраченных частей» [2]. Основываясь на новых исследованиях собора, проведенных архитектором Г. Ф. Сенатовым, Б. А. Огнев предложил в сущности впервые проект реконструкции утраченного верха здания, поскольку П. Н. Максимов и не пытался дать его реконструкцию. При отсутствии данных о характере подкупольной части Б. А. Огнев убедительно доказал, что стороны четверика имели трехлопастное завершение, что делало композицию храма очень живописной. Последующее исследование памятника в процессе практической реставрации Л. А. Давидом принесло новые данные, позволившие осуществить полное восстановление верха здания. Работа Б. А. Огнева была закономерной ступенью в процессе решения сложной реставрационной задачи.

Исследованию вопроса о времени появления известковой обмазки стен оборонительных сооружений Новгорода и Пскова посвящена статья В. В. Косточкина. Выводы автора о сравнительно позднем (не ранее конца XVI в.) появлении обмазки, с целью усиления прочности наружного слоя кладки стен из местного камня-плитняка, достаточно подробно аргументированы как архивными материалами, так и данными натурного исследования большого количества памятников. Они показывают также общую эволюцию строительной техники крепостных сооружений и постепенное усиление внимания к их архитектурно-художественному облику.

Три статьи сборника излагают результаты специальных исследований отдельных памятников архитектуры.

Б. В. Гнедовский и А. В. Ополовников публикуют материалы по исследованию и реставрации известного памятника русского деревянного зодчества — Богословской церкви на р. Ишне, близ Ростова (1686—1687 гг.), которая до последнего времени была скрыта под наружной обшивкой XIX в. и не подвергалась детальному изучению. Помимо прекрасной реконструкции первоначального облика здания, ценность

---

[1] См. Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих. СА, 1957, № 1.

[2] П. Н. Максимов. Собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. Сб. «Архитектурные памятники Москвы XV—XVIII вв. Новые исследования», М., 1947, стр. 22 и 24.

публикуемого исследования заключается также в глубоком, профессиональном анализе архитектуры памятника. Авторы впервые устанавливают его тесную связь с местной, ростовской школой каменного зодчества.

Проведенное Л. В. Тыдманом изучение архивных материалов о доме Хлебникова на Покровке, более известного в литературе как дома Румянцева, дает возможность уточнить дату постройки здания (1780—1782 гг.) и позднейших переделок, которым оно неоднократно подвергалось. Сделанные автором зондажи и раскрытия различных наслоений позволили восстановить ряд утраченных деталей первоначальной архитектуры здания, которое иногда предположительно относили к кругу построек знаменитого Баженова. Сравнительный анализ пропорций архитектурного ордера, характера прорисовки отдельных деталей, а также специфические особенности внутренней планировки дома приводят автора к выводу о безусловной принадлежности этого здания к творчеству В. И. Баженова.

М. В. Фехнер в статье «Дом А. С. Грибоедова в Москве» ставит вопрос о восстановлении исторического «дома под Новинским», где жил и написал свою бессмертную комедию писатель. Скрупулезное изучение архивных материалов, одновременно с исследованием сохранившегося, но значительно перестроенного здания позволили установить все переделки, которым на протяжении полутораста лет подвергался «этот дом родимый», как писал о нем Грибоедов, последний раз покидая его в 1828 г. Тщательно разработанные, конкретные предложения по восстановлению дома в качестве мемориального музея несомненно заслуживают серьезного внимания.

В I томе сборника опубликованы также две работы, посвященные новым исследованиям в области древнерусской живописи.

Интересная статья Н. П. Сычева «К истории росписи Дмитриевского собора во Владимире» вновь поднимает вопрос о характере и происхождении известных фресок конца XII в., к которым в 1952 г. добавилось несколько новых фрагментов, открытых в закладках оконных проемов барабана. На основе внимательного анализа техники исполнения и живописной манеры безвестных мастеров автор приходит к выводу о работе не двух, как считалось ранее, а трех мастеров, «работавших в разных, но взаимно связанных манерах» (стр. 161). Путем сравнительного анализа дмитриевских фресок с другими, современными им византийскими, автор ставит под сомнение правильность выводов некоторых исследователей (в частности В. Н. Лазарева), связывающих их «непосредственно с художественной культурой Константинополя» (стр. 17). Он пытается установить связь владимирских фресок «с эллинистической культурой Солуни», бывшей на протяжении XI—XII вв. «видным проводником художественных влияний на Балканах и в феодальной Руси» (стр. 172). Возможно, что некоторые положения, выдвинутые автором в обоснование своей точки зрения, могут показаться спорными, но высказанные им доводы достаточно веско аргументированы, и работа Н. П. Сычева является ценным вкладом в дело изучения уникальных фресок Дмитриевского собора, которые, по словам автора, «не имеют равноценной параллели даже среди лучших византийских фресковых росписей Средиземноморья» (стр. 177).

Публикация В. В. Филатова «Реставрация неизвестного произведения С. Ушакова» посвящена сравнительному анализу иконы Спаса (1676 г.) из собрания Пермской гос. художественной галереи и доказательству ее принадлежности творчеству Симона Ушакова. Недостатком статьи является слабый художественный анализ произведения, преобладание аргументации технического характера — совпадение прорисей, манера написания отдельных букв в надписях иконы и т. п. Поэтому заключение автора о том, что творчество Симона Ушакова «свидетельствует не о закате и упадке русского искусства, как полагали раньше некоторые исследователи, а напротив — содержит те черты, которые в дальнейшем получили развитие в живописи XVIII и XIX вв.» (стр. 188), логически не вытекает из содержания статьи. Кстати говоря, если под «некоторыми исследователями» автор имеет в виду И. Э. Грабаря и А. И. Некрасова, то высказанные ими в свое время оценки творчества С. Ушакова как заката древнерусской иконописи (а не русского искусства вообще, как пишет автор) и начала нового периода в развитии русского искусства по существу не расходятся с заключением автора о значении творчества Ушакова для последующего развития русской живописи.

Две последние статьи сборника представляют собой весьма обстоятельные научно-технические отчеты о работах по укреплению древних памятников архитектуры.

Особенности белокаменных сооружений владимиро-суздальского зодчества XII—XIII вв. подробно исследуются в статье А. В. Столетова «Конструкции владимиро-суздальских белокаменных памятников и их укрепление», а специфика новгородских построек из местного камня и кирпича рассматривается в статье Г. М. Арского «Инженерное укрепление памятников архитектуры Новгорода». Следует одобрить публикацию в сборниках Научно-методического совета таких материалов, чрезвычайно нужных и полезных для обмена опытом в практике реставрационных работ. Кроме практического значения, эти работы имеют большую научно-исследовательскую ценность, так как авторы сообщают в них о своих наблюдениях над особенностями конструкций фундаментов, стен, сводов, применении внутренних деревянных связей, облегченных строительных материалов и т. д., обо всем том, что обычно скрыто от взгляда и не всегда доступно для исследования.

II том «Памятников культуры» представляет не меньший научный интерес. Серьезность статей и тщательность их редакции почти не дают рецензенту повода для критических замечаний и возражений.

Сборник освещает широкий круг памятников от XII до XVIII вв. Его открывает исследование Н. В. Холостенко о Кирилловской церкви в Киеве. Собор, знаменитый своей росписью, в которой фрески XII в. соседствуют с живописью Врубеля, теперь стал в ряд интереснейших памятников зодчества. Обнаружены следы окружавших храм пристроек, видимо галерей, может быть, с приделами у его восточных углов. Эта черта становится не исключением, а типичным явлением церковного зодчества XII в. Наличие открытой раскопками крещальни в южном углу под хорами и ряд черт обработки фасадов еще более связывают памятник с архитектурной школой Чернигова. Интересен ряд наблюдений над технической стороной постройки (различные сорта плинфы, клейменой знаками, особенности начертания подпружных арок, своеобразное устройство барабана главы и пр.). В опубликованном плане автору следовало бы показать места произведенных им раскопов и буровых скважин и дать линию разреза фундамента.

Г. К. Вагнер сделал интереснейшую попытку реконструкции первоначального облика двух древнейших зданий Переяславля-Рязанского — Успенского (XIV в.) и Архангельского (начало XVI в.) соборов. Памятники эти совершенно выпадали из истории русской архитектуры. Путем тщательного анализа существующих зданий и отрывочных показаний письменных источников автор успешно разрешил поставленную задачу. Вскрылась очень интересная картина зависимости рязанской архитектуры от московской. Сходство Успенского собора в Рязани и с одноименным собором в Коломне позволяет предполагать, что Олег рязанский получил от князя Дмитрия Ивановича московских зодчих. Отражения «раннемосковской» архитектуры автор констатирует и в более позднем Архангельском соборе 20-х годов XVI в.

Работа известного знатока и исследователя псковского зодчества Ю. П. Спегальского «Происхождение пониженных подпружных арок церкви Козьмы и Дамиана с Примостья» значительно шире своего названия. Автор не только разрушает связанную с этим памятником легенду о «консерватизме» и «регрессе» псковской архитектуры, но и дает интересное конструктивное толкование эволюции сводчатых покрытий и формы кровель в псковских храмах XIV—XV вв.

Большое исследование В. В. Косточкина о крепостных сооружениях древней Тулы продолжает серию работ автора в области крепостного зодчества древней Руси. Хотя по Туле было написано довольно много, автор, изучив памятник в натуре и заново критически пересмотрев письменные и графические источники, внес много нового в историю тульских укреплений. Так, автор восстанавливает действительную историю и характер древнейшего кремля Тулы и его соотношения с укреплениями посада, детально характеризует конструктивные и боевые качества кремля, его регулярную планировку, выявляет интересные детали, как, например, устройство водосливов внутрь крепости с целью пополнения запасов воды и др. Особенный интерес представляет восстановленная автором история внешней линии обороны Тулы — укреплений посада и их реконструкция.

Статья В. С. Баниге, давно и плодотворно работающего над изучением и практической реставрацией знаменитого ансамбля Ростовского кремля — резиденции ростовских митрополитов, посвящена анализу архивных и натурных данных для реконструкции одного из важнейших зданий митрополии — «Красной палаты». Автор убеждает читателя, что такая реконструкция вполне возможна — в натуре или в графике, но, к сожалению, не дает даже эскизного воплощения этой реконструкции.

Вопросам архитектуры позднейшего времени посвящены две статьи. Обстоятельное исследование О. С. Евангуловой восстанавливает архитектурную историю замечательного памятника XVIII—XIX вв.— Ремесленного заведения Воспитательного дома (Слободского дворца) в Лефортове. Анализ здания в натуре и привлечение новых, в частности — графических, материалов позволили автору восстановить отдельные этапы проектирования, строительства и последующих перестроек дворца, в которых участвовали выдающиеся мастера — Растрелли, Баженов, Ухтомский, Казаков, Жилярди.

Статья Н. В. Воронова является опытом классификации русских изразцов XVIII в. Автор сосредоточивает свое внимание на художественной стороне изразцовых печей, почти совершенно не затрагивая вопросов технологии их производства. При этом подходе к теме следовало богаче иллюстрировать текст. Отметим, что изразцы, вопреки автору (стр. 192), достаточно широко применялись на фасадах зданий и в XVIII в., особенно в провинции, например в ряде суздальских построек, где мы найдем украшение барабана главки даже бело-синими печными изразцами.

Очень важна и своевременна работа В. Я. Степанова, К. П. Флоренского и М. В. Рудько о методах борьбы с сульфатным выветриванием белого камня, разработанных на примере владимиро-суздальских памятников.

Ценным вкладом в литературу по реставрации древнерусской монументальной и станковой живописи являются статьи П. И. Нерадовского о реставрации росписи Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры и Н. Е. Мневой о раскрытии памятников иконописи.

Таково содержание I и II томов сборника. В них преобладают главным образом исследовательские работы.

На наш взгляд, сборник Научно-методического совета пока еще не нашел своего индивидуального лица, и в этом, несомненно, сказалось стремление удовлетворить необычайно широкий диапазон читательских интересов. В предисловии к I тому указы-

вается, что «сборники рассчитываются на широкие круги специалистов..., а также всех тех, кто интересуется культурным достоянием народов Советского Союза», и что «сборники должны служить также пособием в практической работе отдельных специализированных мастерских и способствовать обмену научным опытом». Скажем прямо: нельзя объять необъятное. Сборники Научно-методического совета должны ставить перед собой более ограниченную и целеустремленную задачу.

Серьезным пробелом как I, так и II тома «Памятников культуры» является отсутствие каких бы то ни было материалов по теории и практике охраны памятников, а эту тему следовало бы сделать постоянной в этом интересном и нужном издании. Очень ценно было бы освещать опыт работников союзных республик. Так, в Грузии широко поставлена исследовательская работа в области культурного наследия в музеях и институтах Академии наук, а также созданы добровольные общества Содействия охране памятников и Научное общество истории, археологии, этнографии и фольклора. Следует пожелать, чтобы было больше статей, знакомящих с конкретным опытом реставрации отдельных памятников архитектуры и живописи, а в отношении последних — в особенности публикаций, проверенных опытом технических приемов и рецептов. Нужно также давать систематическую информацию о деятельности самого Научно-методического совета. Очень важно знакомить советского читателя с постановкой охраны и реставрации памятников в странах народной демократии и капиталистических странах, где есть много полезного и интересного. Это можно осуществить как путем отдельных обзоров, так и путем публикации целиком или в выдержках, например, законодательства об охране памятников в ряде стран, материалов об организации и методах реставрационных работ и т. п. Исходя из сказанного, нам кажется целесообразным установить в последующих томах «Памятников культуры» постоянные разделы: I. Исследования; II. Реставрация; III. Охрана и реставрация памятников в СССР и за рубежом; IV. Хроника.

Можно не сомневаться в том, что постепенно сборники приобретут индивидуальное лицо и несомненно найдут свою внимательную, большую аудиторию. Основание для такой уверенности дают интересные, новые материалы, опубликованные в I и II сборниках.

Следует отметить большую работу В. В. Косточкина по организации издания «Памятников культуры», редактированию текста и обработке обильного иллюстративного материала, а также хорошее полиграфическое качество I и II томов. Нужно пожелать успеха новому изданию и превращения его в «Ежегодник» Научно-методического совета АН СССР.

Н. Н. Воронин, А. Г. Чиняков

ХРОНИКА

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ ПЕЩЕРНОЙ ЖИВОПИСИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Капова, или Шульганова, пещера находится на правом берегу р. Белой, в ее верховьях, недалеко от ее южного изгиба, и является одной из крупнейших пещер Южного Урала. Она известна науке уже 200 лет; в 1760 г. ее обследовал П. Н. Рычков, через 10 лет — И. И. Лепехин, а затем ряд исследователей в XIX и XX вв. О пещере существует целая литература.

Грандиозный вход в пещеру, из которой вытекает речка Шульгановка, скрыт в одном из прибрежных ущелий и с реки не виден. Пещера в ее передней части делится на два этажа или яруса; нижний, сырой, имеет длину до 300 *м*, верхний, более сухой, значительно длиннее. Вход в верхний этаж в настоящее время ведет через нижний.

В 1959 г. научным сотрудником Башкирского гос. заповедника зоологом А. В. Рюминым в пещере открыты следы древних рисунков. Сообщения об этом открытии были опубликованы во многих газетах и журналах, в том числе и для зарубежных читателей. По указанию А. В. Рюмина, рисунки изображают животных эпохи плейстоцена, в том числе пещерного медведя, пещерного льва, саблезубого тигра, зубра, лошади, короткохоботного слона, носорога, гиены, тропической антилопы и др. и разнообразны по технике выполнения [1].

Для обследования рисунков, открытых в Каповой пещере, Институтом археологии АН СССР был организован специальный Южно-Уральский экспедиционный отряд под руководством О. Н. Бадера. В Уфе для участия в работах были привлечены Башкирский филиал АН и Башкирский Республиканский музей. Мы установили также контакт с Башкирским Гос. университетом, только что выполнившим комплексное изучение Каповой пещеры.

Осмотр в глубине нижней галереи пещеры «изображений» пещерного медведя и волка, предложенных А. В. Рюминым для экспертизы, привел меня к заключению, что они являются игрой природы и представляют случайное сходство с головами указанных животных. Огромная гладкая стена большого зала, высотой до 10 *м*, была в свое время покрыта сплошной коркой коричневатого известнякового натека; во многих местах эта корка отслоилась и обрушилась, и сохранившиеся ее участки образовали на более светлом фоне свежей поверхности причудливые пятна, среди которых А. В. Рюмин нашел сходство с некоторыми животными.

Но в том же зале мы нашли и подлинные рисунки, сделанные в виде геометрических фигур густой красной краской. Они имеют аналогию среди наскальных рисунков Среднего Урала и могут быть отнесены к эпохе металла.

Гораздо более интересные результаты дало обследование верхней галереи, в которую путь по почти вертикальному колодцу очень труден и опасан. Здесь на одной из стен огромного подземного зала мы легко обнаружили рисунок лошади, указанный А. В. Рюминым, и на той же плите, рядом, еще несколько фигур животных и обширные пятна красной краски, в которые, вероятно, слилось несколько рисунков, частично наложенных друг на друга.

Стена или плита с рисунками находится на расстоянии около 300 *м* от современного входа в пещеру. Она несколько нависает над основанием, имеет высоту 3,2 *м* и длину 6,3 *м*. Под стеной — обвалившиеся сверху камни. Плита относительно сухая, вода по ней не сочится, но на поверхности ее конденсируется влага из воздуха.

Общее протяжение закрашенных полей — 5,7 *м*. В левой половине их хорошо выделяется фигура лошади, обращенная головой налево. Рисунок сделан темно-красной краской (вероятно, мумией), более густ по контуру, но не является контурным, а силуэтный, так как внутри контуров закрашен той же краской, но не столь густо.

В фигуре лошади наиболее четка линия спины и крупа, грудь и отчасти передние ноги, переданные в положении шага; голова более расплывчата, еще более — задние ноги. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что перед нами — изображение дикой лошади типа лошади Пржевальского или тарпана. О рисунке дает представление фотоснимок А. В. Рюмина, к сожалению, сильно ретушированный [2]. Длина фигуры от морды до крупа — 91 *см*; высота от гривы до копыт передних ног — 77 *см*.

---

[1] А. В. Рюмин. Пещерная живопись на Южном Урале (тезисы доклада в секторе неолита и бронзы Ин-та археологии АН СССР 21.XI 1959 г.; его же. Тайна древнего Урала. Журн. «Вокруг света», 1960, № 4.

[2] Журн. «Вокруг света» за 1960, № 3, третья страница обложки.

Еще лучше выделяется на светлой стене, в 1,95 *м* левее лошади, нарисованная той же красной краской фигура мамонта [3]. Спереди, т. е. слева, сверху и сзади фигура видна ясно, хуже — снизу, особенно в области задних ног. Длина рисунка от лба до хорошо видного небольшого хвоста — 71 *см*, от верха головы до конца передних ног, также переданных в положении шага,— 58 *см*. Хобот и бивни на рисунке коротки, может быть, недорисованы. Эта деталь рисунка ближе всего напоминает гравированный рисунок мамонта с Мальтинской палеолитической стоянки в Восточной Сибири. Особенно хорошо видна голова, характерная горбатость спины, круто свисающий зад и брюхо. Менее четок рисунок передних и в особенности задних ног. Техника рисунка та же, что и для фигуры лошади, но внутри подчеркнутого контура силуэт гуще закрашен, чем у лошади.

В центральной части и правой половине описываемой плиты видны обширные красные пятна различной интенсивности, среди которых в дальнейшем, быть может, удастся различить другие рисунки животных; в частности, я различил здесь характерный профиль еще одного или двух мамонтов. Впрочем, расшифровка изображений в этой части плиты должна основываться на будущем детальном ее изучении.

Значительная древность описанных изображений подтверждается небольшими известняковыми наростами на закрашенной поверхности и отсутствием следов красной краски в пересекающих рисунки трещинах, заполненных белым кальцитом.

Возможность палеолитического возраста рисунков второго этажа подтверждается геологической древностью этого яруса пещеры; образование его, по мнению геолога Г. В. Вахрушева, сопоставляется с формированием второй надпойменной террасы р. Белой и относится к рисс-вюрмскому межледниковью.

Что касается нижнего этажа пещеры, расположенного невысоко над р. Белой, то он является геологически молодым, и формирование его происходило одновременно с накоплением первой надпойменной террасы р. Белой (послевюрмская эпоха, трансгрессия верхнехвалынского моря), а осушение произошло при последнем понижении базиса эрозии местных рек (регрессия верхнехвалынского моря), т. е. 12—3 тыс. лет до н. э. (мезолит и неолит) [4]. Это заключение согласуется с поздним характером геометрического рисунка, обнаруженного нами в нижней галерее пещеры.

Детальное изучение указанных рисунков и всей Каповой пещеры, так же как обследование и раскопки ближайших к ней древних стоянок, успешно начатые в 1960 г., будут продолжены специальной Уральской палеолитической экспедицией Института археологии АН СССР летом 1961 г.

О. Н. Бадер

---

[3] Цветные фотоиллюстрации с изображением данного мамонта демонстрировались нами на отчетной сессии Отделения исторических наук и Пленума Института археологии АН СССР 4 апреля 1961 г. в г. Москве.

[4] Г. В. Вахрушев. Загадки Каповой пещеры. Уфа, 1960.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ АНТИЧНОГО ГОРОДА

В Москве с 6 до 10 декабря 1960 г. состоялась конференция по истории и археологии античного города, организованная Институтом археологии АН СССР.

Конференцию открыл акад. Б. А. Рыбаков. Он приветствовал регулярность созыва конференций антиковедов и отметил то новое, что произошло в античной археологии со времени первой конференции, состоявшейся в 1956 г. За это время антиковеды-археологи раздвинули рамки своей деятельности, выйдя на международную арену. Проблема данной конференции, как подчеркнул Рыбаков, всегда будет оставаться одной из главных тем нашего антиковедения, так же как тема взаимоотношения греческого и местного, варварского населения, тема о переходе к феодализму.

Тема конференции была посвящена главным образом экономике городов. Ведущим докладом на конференции был доклад В. Д. Блаватского «Античный город», посвященный греческим и римским городам средиземноморского и черноморского бассейнов эпохи рабовладения. Античный город, по мнению докладчика, зарождался как refugium. Ранее всего города возникали на территории Спарты (XII—XI вв. до н. э.), где происходил длительный процесс перехода дорийского лагеря в город. В дальнейшем особенностью раннегреческого города являлось наличие акрополя-преемника ἄστυ — убежище и нижнего города с агорой. Город был центром ремесла, торговли, иногда земледелия, а также средоточием политической и культурной жизни. Большую роль в развитии урбанизма сыграли колонизационные волны. Замкнутость городов была нарушена возникновением афинской ἀρχή. В эпоху эллинистических государств произошел большой скачок в развитии урбанизма: появились большие греко-восточные города, развитие которых было обусловлено экономическим контактом с варварской хорой. Для Боспора рост городов характерен для протоэллинистического периода. Для этого времени характерен рост рабовладения, ремесла, возникновение института царских монополий (Пергам, Боспор), распространение системы Гипподама в планировке и большой имущественной дифференциации. Наряду с этим отмечается сохранение ряда прежних полисов — ἄρχή (Родос, Фасос, Херсонес Таврический).

В. Д. Блаватский выдвинул интересное предположение о том, что на развитие римского города оказало влияние не восточное, а западное эллинство.

Выступления по докладу шли в направлении дополнения и развития основных положений. И. Б. Зеест остановилась на вопросе изучения городов Северного Причерноморья в свете общих явлений Средиземноморья. Различие в облике севернопричерноморских городов кроется, по ее мнению, в экономической их основе и разной форме организации и использовании рабского труда.

Н. И. Сокольский сделал акцент на тезисе о том, что античная культура представляет собой культуру именно античных городов. Периферийные античные города оказали большое прогрессивное влияние в деле усиления социально-экономического развития варварских племен.

М. М. Кобылина высказала мысль о том, что в эллинистическом городе все его части получили полное архитектурное оформление: рынки окружаются колоннадой, в гаванях выявляются маяки, возникают загородные виллы.

И. Т. Кругликова дискутировала по поводу города-лагеря, говоря о том, что нельзя отождествлять города, возникшие вокруг лагеря, с городами, имеющими планировку римского лагеря.

К. Э. Гриневич сделал также ряд дополнений, касающихся характеристики периферийного города и города-лагеря.

Цикл докладов, посвященных городам Северо-Западного Причерноморья, был начат докладом В. В. Лапина «Экономическое развитие древнегреческого поселения на острове Березани». Главным тезисом было утверждение того, что Березанское поселение представляло собой эмбрион города-государства, содержащий в зародыше все элементы взрослого организма. Общепринятая точка зрения на Березань как на торговую факторию-эмпорий была подвергнута им резкой критике. При этом докладчик исходил из того положения, что в ближайшем к Березанскому поселению районе нам не известны синхронные ему поселения местных племен. Кроме того, строительные остатки раннего поселения не создают облика торгового пункта в Березани. Докладчик пытался доказать, что поселение имело аграрно-ремесленный, а не торговый характер.

Все выступавшие признали смелость постановки ряда вопросов докладчиком, однако его категорическое отрицание торгового характера древнейшего поселения на Березани вызвало возражения. П. О. Карышковский в своем выступлении обратил внимание на большую роль товарного обращения в процессе колонизации, что не дооценивал докладчик. И. Д. Марченко отметила, что В. В. Лапиным был оставлен в стороне материал архаического Боспора, в частности Пантикапея. Большим достижением докладчика является получение им и разработка материалов о раннем развитии ремесла в Березани. Н. И. Сокольский, отмечая убедительность положения о том, что Березань не была островом в античный период, подчеркнул, что этот географический фактор не мог быть решающим в определении характера Березанского поселения. Занятия населения ремеслом и земледелием могли иметь место и при торговом характере поселения.

В. Д. Блаватский для решения спорного вопроса о земледельческом или торговом характере поселения предложил докладчику провести статистику зерновых ям, изучить остеологический материал, а также высказал ряд предположений в пользу торгового характера Березанского поселения.

Доклад А. И. Фурманской «Античный город Тира» был посвящен главным образом периодизации истории Тиры. Начальный период истории Тиры (конец VI в. до н. э.— V в. до н. э.) плохо освещен источниками и археологическим материалом. Следующий период (V — III вв. до н. э.) был временем расцвета экономики и культуры, III — II вв. до н. э. в истории Тиры — период сокращения производства и торговли, завершившийся экономическим и социальным кризисом I в. до н. э.— I в. н. э.— восстановление экономической жизни, включение в сферу влияния Рима. II—III вв. н. э.— вторичный экономический и культурный расцвет города. III в. н. э.— замирание городской жизни, нашествие готов.

Периодизация истории Тиры, предложенная А. И. Фурманской, не встретила возражений со стороны выступавших.

Небольшой доклад К. Э. Гриневича «К экономике архаической Ольвии по данным раскопок 1960 г.» касался открытия в Ольвии (автором доклада) оборонительной стены времени Геродота. Открытие это, как и было признано в прениях, имеет большую важность. Доказано, что древнейшие стены были из сырцовых кирпичей. Характер стены и мощность сложных субструкций свидетельствуют о том, что в конце VI — начале V в. до н. э. экономическая база полиса — Ольвии была уже значительной.

М. А. Наливкина прочла доклад «Керкинитида и Калос-Лимен — некоторые итоги изучения». Одним из самых значительных и новых положений доклада было доказательство того, что город Керкинитида был основан не в IV в. до н. э., как считалось ранее, а в конце VI — начале V в. до н. э., т. е. город был основан, вероятно, ранее Херсонеса. Возникший позднее Калос-Лимен, так же как и Керкинитида, был тесно связан с земледелием. Многие вопросы экономической и политической жизни городов из-за отсутствия достаточных материалов решаются докладчиком предположительно в сопоставлении с данными из истории Херсонеса. У Калос-Лимена прослеживаются довольно тесные связи со скифами, у Керкенитиды — с Херсонесом и центрами Малой Азии.

И. Б. Зеест, выступавшая в прениях, не согласилась с докладчиком в том, что оба вышеназванных города по их культурной и экономической основе не отличались от Херсонеса. Главное отличие заключалось в различной их политической роли, а, кроме того, в Калос-Лимене и Керкенитиде сельское хозяйство было связано с зерновым хозяйством, а в Херсонесе — с виноделием. Херсонес был центром и внешней торговли, тогда как два других города были связаны с внутренней торговлей. В Херсонесе имелось также более развитое рабовладельческое производство.

В. Д. Блаватский сделал ряд замечаний по частным вопросам и обратил внимание на необходимость изучения следов межей у Калос-Лимена для решения вопроса об организации сельского хозяйства.

Доклад П. О. Карышковского «Роль денежного обращения в экономическом развитии городов Северо-Западного Причерноморья в VI — I вв. до н. э.», касался трех городов — Истрии, Тиры и Ольвии, которые рано сделались центрами транзитной торговли. В VI—V вв. в процессе формирования полисов в этих городах складывается внутренний рынок, о чем говорит обращение мелких монет. Возникают собственные монетные системы. Затем докладчик остановился на различных этапах денежного обращения в связи с событиями в Средиземноморье.

Доклад П. О. Карышковского вызвал большой интерес.

В. Д. Блаватский подчеркнул убедительность гипотезы о связи монет в виде стрелок и рыбок с варварской средой. Ограничение проникновения аттического серебра, по мнению В. Д. Блаватского, объясняется существованием меновой торговли и иных форм сделок.

В. Д. Казакевич поставил вопрос о том, нельзя ли форму монет — стрелок и дельфинчиков объяснить их применением. Неудачным и непонятным было высказывание докладчика о том, что в какой-то период серебро становится «неудобными деньгами».

И. Т. Кругликова высказала мнение о спорности тезиса докладчика о том, что эмпорий Истрия находился на территории самой Истрии и что город возник как торговый пункт. В доказательство она привела материалы, свидетельствующие о большой протяженности архаического слоя и о возможности интерпретировать этот слой как поселение греков-земледельцев, а не торговцев.

Доклад Г. Д. Белова «Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э.» относился к истории рыбозасолочного хозяйства Херсонеса II—IV вв. и объяснял причину возникновения в городе больших домов с колоссальными цистернами, открытыми за последние годы. Широкое развитие рыбного промысла и рыбозасолочного дела докладчик сопоставил с общим подъемом экономики Херсонеса во II в. н. э. и расквартированием римских войск, снабжавшихся рыбой. Установлена гибель зданий в 370 г. в связи с нашествием гуннов и заброшенность цистерн в V—VI вв. н. э.

В прениях по докладу тов. Суров остановился на том, что докладчик впервые дал обоснованную датировку и объяснение назначения цистерн. Он сделал ряд замечаний о том, что некоторые цистерны относятся ко времени после античного периода и что рыбный промысел в Херсонесе в основном развивается после III в.

В. Д. Блаватский и В. Ф. Гайдукевич высказали предположение о том, что цистерны предназначались для изготовления соуса гарума.

Целый ряд докладов был посвящен городам Боспорского царства. Общим вопросам развития этих городов был посвящен доклад В. Ф. Гайдукевича «Некоторые вопросы истории Боспора по данным археологического изучения городов». Города Боспора систематически стали раскапываться только в советский период. В. Ф. Гайдукевич сделал широкие выводы и попытался выявить новые особенности в развитии этих городов. Период VI — V вв. до н. э. был временем спокойных взаимоотношений с варварами, широких связей с Афинами и большого роста городов. В IV в. до н. э. наблюдается большой рост населения, развитие местных ремесел и усиление оборонительных укреплений. В III в. до н. э. возникают поселения открытого типа, крупные сельские усадьбы, увеличивается приток в города этнически различного населения, создается большой внутренний рынок и большое развитие ремесла, диктуемое потребностями рынка. Под влиянием внешней опасности происходит перестройка оборонительных стен. Конец II — I в. до н. э. было временем Митридатовых войн и восстания Савмака, что губительно отразилось на развитии городов, особенно мелких, многие из которых прекращают свое существование.

Новый подъем экономики приводит к созданию городов нового типа, превращению некоторых из них в промысловые пункты, появлению городов особого типа на подступах к столице. Вместе с тем отдельные группы варварских племен поселятся на территории Боспора. В это время (I—II вв.) вырабатывается в архитектуре местный тип жилого дома, хотя при строительстве городов сохраняется обычная античная планировка. Вопросы строительства и перестройки городов находились под контролем центральной власти. Процесс распада Боспорского государства проходил двумя этапами, первый из которых относится к третьей четверти III в., второй — к концу IV в.

Выступавшие в прениях признали, что доклад впервые освещает основные вопросы истории Боспора. Возражения касались положения о сильной центральной власти на Боспоре в раннее время (В. Д. Блаватский) и о подавлении элементов полисного самоуправления монархической властью (А. И. Болтунова). А. И. Болтунова также остановилась на необходимости привлечения материалов Нижнего Поднепровья и устья Дона для изучения периода колонизации. Ю. С. Крушкол обратила внимание на жела-

тельность изучения истории Боспора на более широком историческом фоне античного мира, а римского периода — в связи с проблемами римской империи и восточных государств.

И. Т. Кругликова отметила большое значение раскопок вилл на Боспоре В. Ф. Гайдукевичем, необходимость их дальнейших поисков и раскопок.

Следующим был доклад И. Т. Кругликовой «Города Боспора в III в.». В истории развития городов III в. намечены докладчиком три этапа: 1) первая половина III в.— города живут обычной жизнью, 2) кризис городов — между 250 и 275 гг., 3) стабилизация — после 275 г.

В III в. в связи с кризисом особенно резко стала проявляться земледельческая основа, с которой связана рустификация городов. Проводя сравнение с Западным Причерноморьем, докладчица отметила общность характера боспорских городов с греческими городами Западного Причерноморья и резкое отличие их от римских. Только в Танаисе были некоторые черты, близкие к внешней планировке римского провинциального города. Изменение облика городов в III в. объясняется докладчиком причинами экономическими и этническими.

В выступлении было признано, что И. Т. Кругликова дала тщательную систематизацию материала по сложному периоду Боспора.

Ю. К. Колосовская специально остановилась на вопросе сходства в развитии городов Боспора и Дунайской провинции. Общность обусловливалась сходными факторами воздействия варварской периферии и варварских вторжений. По ее мнению, следует отличать города-крепости от городов, продолжавших оставаться общественными городами. В римских провинциях город, как коллектив граждан, был сцементирован не только одним общим фундаментом — земледелием, но и тем, что он являлся религиозным центром. Желательно проследить формы и характер землевладения — было ли оно крупным, мелким или средним.

В. Д. Блаватский поставил интересный вопрос о характере статута боспорских городов III в.: не растворялись ли мелкие города в больших и не стирались ли грани между ними в силу растущей рустификации.

В своем докладе «Экономическая жизнь Танаиса» Д. Б. Шелов на основе материала раскопок последних лет подтвердил торговый характер Танаиса и выдвинул новое предположение о том, что его заморская торговля шла главным образом через Фанагорию и другие центры Азиатского Боспора. В III — I вв. до н. э. торговля была в основном меновой. В первые века нашей эры Танаис служил складом и перевалочным пунктом для товаров, вывозившихся из античных центров в Нижнее Подонье и Поволжье. Наибольший расцвет торговли падает на II — начало III в. н. э. Археологические материалы свидетельствуют также о развитии в Танаисе ремесел, рыболовства и земледелия.

В докладе Д. Б. Шелова впервые был дан очерк экономики Танаиса. Большую дискуссию вызвало положение о том, что внешняя его торговля шла не через Пантикапей, а Фанагорию. Против этого положения выступила И. Б. Зеест. Гипотеза докладчика поддержана А. И. Болтуновой, В. Д. Блаватским, обосновавшим возможность фанагорийско-ромбицкого пути при каботажном плавании к Танаису. Ю. С. Крушкол высказала предположение о непосредственной торговле родосцев с Танаисом.

Доклад М. М. Кобылиной «Культура Фанагории» был посвящен важной памятной дате в истории Северного Причерноморья — 2500-летию основания Фанагории (540 г. до н. э.). Докладчица выделила три периода в развитии фанагорийской культуры: 1) культура древнейшей Фанагории, перенесенная ионийцами (VI — начало V в. до н. э.), 2) культура эпохи расцвета, 3) период сарматизации — первые века нашей эры. На новейшем материале были прослежены греческие черты в строительстве, декоре здания, культах и в быту населения. Выделены ионийские и аттические черты, местные боспорские, синдо-меотские и сарматские. Главной особенностью боспорской фанагорийской культуры является то, что она — часть ионийской культуры и большое место в ней занимает культ женского божества.

Доклад М. М. Кобылиной был оценен как первый очерк культуры Фанагории (В. Д. Блаватский и др.). П. О. Карышковским было высказано пожелание о привлечении нумизматического материала, дающего ряд данных о художественной культуре и культах, а Т. В. Блаватской — пожелание о сравнении удельного веса аттического влияния на Фанагорию и Пантикапей.

Следующим был доклад Н. И. Сокольского «Кепы». Используя примечания древних авторов и главным образом материалы раскопок последних лет, докладчик попытался восстановить основные исторические вехи, экономику небольшого боспорского города и высказал ряд новых положений. К числу таковых относится попытка определения границ города на суше и в затопленной его части. Другим положением является вывод о том, что Кепы, основанные ранее Фанагории, в экономическом отношении были теснее связаны с Пантикапеем, чем с соседней Фанагорией. Отмечен также период расцвета Кеп не только в IV—III вв., но также во II в. до н. э. Прослежено широкое применение сырцового кирпича в строительстве.

Достоинством доклада Н. И. Сокольского было признано привлечение письменных источников и то, что он сумел извлечь широкие выводы из материалов небольшого раскопа (700 $м^2$). Возражения были высказаны В. В. Лапиным по вопросу о существовании эмпория на месте Кеп: этот тезис неубедительно аргументирован докладчиком

только наблюдением об удобном расположении Кеп. В. В. Лапин высказал некоторое сомнение по поводу установления в Кепах 12 культурных слоев. Т. В. Блаватская в своем выступлении обратила внимание на то, что связи Кеп с Пантикапеем докладчиком переоценены, и недостаточно прослежены им связи с соседним и более близким городом — Фанагорией.

Доклад Н. В. Анфимова «Семибратнее городище как синдский город» поднимал важную проблему взаимодействия греков с местными племенами, проблему варварской периферии.

В докладе дана этническая характеристика синдов и их территории и прослежены основные этапы жизни Семибратнего городища. Выделены синдо-меотские черты в строительстве жилых домов и быту населения города. В экономике города отмечена большая роль сельского хозяйства, торговли и ремесла, подчеркнуть также черты сильной эллинизации в культуре города.

Все выступавшие высоко оценили доклад, подчеркивали актуальность и необходимость исследования Синдики и отмечали заслуги Н. В. Анфимова, являющегося единственным исследователем в этой области. В. Д. Блаватский остановился на вопросе об этнической принадлежности синдов и высказал предположение об отнесении Раевского городища к области керкетов. Н. И. Сокольский поднял вопрос о древнем названии Семибратнего городища: не было ли оно Гаргазами. В. Ф. Гайдукевич выразил некоторые сомнения по поводу синдского облика оборонительных стен Семибратнего городища, так как стены подобной конструкции типичны для боспорского зодчества. Они могли быть построены боспорцами, так как в пору их возведения существовал целый ряд цветущих боспорских городов. Иное представляет собой вопрос о характере жилого дома. Городище нуждается в широком исследовании и если последнее подтвердит широкое распространение жилого дома типа «турлучного», синдский характер города будет бесспорен. И. Д. Марченко заявила о недопустимости уничтожения Семибратних курганов.

Начальному периоду греческих городов был посвящен доклад Т. В. Блаватской «К вопросу об облике ахейского города». В докладе рассмотрен вопрос о характере древнейших городов на территории Греции — ахейских городов II тысячелетия до н. э. Этот тип города представлял собой резиденцию басилея, ремесленный центр. Таковы Микены, Тиринф и мелкие города типа Бербати. Ко времени дорийского переселения (XII в. до н. э.) развитие городов ахейской Греции достигло значительного уровня.

Доклад вызвал большой интерес. Выступавшими была одобрена интерпретация ахейского города как специфического города с очень значительными пережитками общинного строя (выступления И. Б. Зеест, В. Ф. Гайдукевича, Н. А. Сидоровой и др.). Были высказаны пожелания о прослеживании связи ахейского города с культурой северной Эгеики (Н. А. Сидорова) и связи с греческими городами (Н. А. Сокольский).

В следующих нескольких докладах перед слушателями как бы прошла многовековая история Закавказья и Переднего Востока. А. М. Апакидзе прочел доклад «О результатах археологического изучения античных городов Грузии». Доклад построен на основе материалов раскопок городов в советский период. Основным лейтмотивом является утверждение и доказательство того, что городам античной эпохи предшествовали развитые поселения эпохи бронзы и железа. Некоторые из последних, как, например, Мцхета, Урбниси, Тбилиси, оформились в города. Археологически и эпиграфически в городах прослеживаются три части: 1) собственно город с его городскими постройками, 2) система крепостей и укреплений, 3) округа, сельскохозяйственная территория города. Большой ввоз предметов античного происхождения в I в. до н. э. свидетельствует о вовлечении Грузии в мировую торговлю. В большом количестве найдены монеты — римские, парфянские, монеты Херсонеса, Боспора, Понтийского царства и Трапезунда. В городах широко развито ремесло, особенно железообрабатывающее.

В докладе «Античные города Закавказья» А. И. Болтунова остановилась главным образом на городах Армении. Возникновение городов связано с распадом первобытно-общинных отношений и образованием классового общества. Еще недостаточно изучен вопрос о преемственности городов Урартской эпохи и армянских городов. До V—IV вв. до н. э. городов в Армении насчитывалось незначительное количество. Среди них выделялся Армавир — торговый, политический и культовый центр. А. И. Болтунова остановилась на различных периодах в образовании и развитии городов эпохи раннего и позднего эллинизма, римском периоде.

В Армении, так же как и Грузии, города создавались как первоначальные политические организации раньше создания монархического государства.

Выступавшие в прениях по докладам А. М. Апакидзе и А. И. Болтуновой выразили большое удовлетворение докладами и дали им высокую оценку. Были сделаны только мелкие замечания по частным вопросам.

А. Г. Кошеленко в своем докладе «Архитектура жилища греческих городов Парфии» остановился на двух периодах: на эллинском периоде — эллинистическом типе домов в городах Дура-Европос и Селевкии и втором периоде — когда эти дома трансформируются в дома восточного типа; в первом периоде появляется дом «диванный» с главной комнатой — диваном, во втором — «айванный», где портик заменен сводчатой комнатой — айваном. Изменения докладчик объяснил политическими и этническими причинами.

Доклад А. Г. Кошеленко не вызвал возражений. М. М. Кобылина сделала дополнение о том, что процесс превращения эллинистического дома в восточный в Парфии совпадает с общим процессом развития культуры в римских восточных провинциях — Сирии, Египте и др.

Заключительным докладом конференции был доклад А. Л. Якобсона на тему «Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Таврики». Докладчик остановился главным образом на культуре Херсона (Херсонеса) — его планировке, архитектуре, жилых домах, строительной технике, сохранявшей античные традиции.

В. В. Кропоткин выразил свое несогласие с тем положением, что в раннее средневековье развитие городов замирает, и привел пример Константинополя. До начала VII в. и Херсонес может относиться, по его мнению, к городам развивающимся и, отчасти, Керчь, судя по ее могильнику IV—VII вв. Г. Д. Белов обратил внимание на вопрос планировки раннесредневекового Херсонеса, в котором в это время происходило изменение направления улиц. Он отметил также, что спорным вопросом, на котором мало остановился докладчик, является датировка мозаик Херсонеса. По мнению Г. Д. Белова, в докладе необходимо было остановиться и на херсонесских фресках, рассмотрев их в связи с античными традициями.

М. М. Кобылина привела ряд фактов из раскопок в Парфии, в Керчи, свидетельствующих о существовании в средневековье античных традиций в строительстве, ремесленном производстве и т. д.

Работа конференции была успешной. Сравнительно с предыдущей конференцией расширился тематически и хронологически диапазон докладов. Обсуждены крупные проблемы происхождения и развития античных городов, в большинстве случаев находившихся на территории Советского Союза. Было бы желательно большее расширение тематики докладов в сторону городов смешанного греко-варварского типа, а также городов метрополии — Греции и Рима.

Г. А. Цветаева

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЧПЭ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
АП — Археологічні памъятки УРСР
АС — Археологический съезд
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт
ВЯ — Вопросы языкознания
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Зап. НТШ — Записки научного товарищества им. Т. Г. Шевченко
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИМАИМ — Исследования и материалы Артиллерийского исторического музея
ИРГО — Известия Русского географического общества
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЭ — Институт этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
Працы БАН — Працы Археалогічнай камісіі Беларускаі Акадэміі навук
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПТКЛА — Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии
СА — Советская археология
СА РАНИОН — Секция археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
СЭ — Советская этнография
Тр. ИИЛЭ ТаджССР — Труды Института истории, литературы, этнографии АН ТаджССР
Тр. Киргизской АЭ — Труды Киргизской археологической экспедиции
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
ЧИОНЛ — Чтение в историческом обществе Нестора-летописца
ЧОИДР — Чтение в Обществе истории и древностей российских
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
AA — Archaeologia Antiqua
AJA — American Journal of Archaeology
BCH — Bulletin de Correspondance Hellenique
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
IPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JPEK — Jahrbuch der praehistorischen und etnographischen Kunst
MAA — Materialy antropologiczne archaeologiczne i etnograficzne
SCIV — Studii şi cerçetări istorie veche
WA — Wiadomosci archeologiczne
ZOW — Z otnlani wiekow
ZWAK — Zbior wiadomosci do antropologii kraiowey

Статьи

Е. И. Крупнов (Москва). За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности 3
А. Я. Брюсов (Москва). Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. 14
О. Ю. Круг, С. Д. Четвериков (Москва). Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства 34
К. А. Смирнов (Москва). К вопросу о назначении грузиков дьякова типа . . 45
Е. И. Тимофеев (Хабаровск). Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. 56
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). О времени появления укрепленного поселения в Ладоге 76
Г. К. Вагнер (Москва). Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.) 85
Б. О. Долгих (Москва). О похоронном обряде кетов 102
Д. В. Наумов (Ленинград). Метод количественного спектрального анализа сплавов на медной основе применительно к исследованию археологических предметов 113
А. В. Арциховский (Москва). Ответ Б. А. Рыбакову 122

Публикации

Т. Б. Попова (Москва). Эпоха бронзы на Тамбовщине 137
П. Д. Либеров (Москва). Мастюгинские курганы 152
Ц. Н. Абесадзе, Р. А. Бахтадзе, Т. А. Двали (Тбилиси). Клад позднебронзовой эпохи из с. Удэ (Южная Грузия) 166
И. Б. Брашинский (Ленинград). Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г 178
П. И. Хавлюк (Ленинград). Раннеславянские поселения в средней части Южного Побужья 187
В. Б. Деопик (Москва). Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв. 202
А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин (Ленинград). О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии 233
В. А. Булатова-Левина (Ташкент). Буддийский храм в Куве 241
В. И. Козенкова (Москва). К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии 251
В. В. Косточкин (Москва). Топография Ивангорода в XVI в 261

Заметки

Г. Ф. Коробкова, Л. П. Хлобыстин (Ленинград). К вопросу о периодизации четвертичных отложений 270
О. И. Исламов, Л. М. Рутковская (Ташкент). Каменные орудия из Чаш-Тепе под Ташкентом 272
И. И. Аханов (Геленджик). Древняя стоянка в Геленджике . 276
Р. В. Николаев (Красноярск). Есаульский клад 280
М. И. Иванова, П. М. Голубев (Сочи). Находки в Лоо 284
К. В. Голенко (Москва). Византийские монеты X в. из находки в г. Станиславе 290
Ю. С. Асеев (Киев). Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве 291
Ю. М. Золотов (Москва). Государев дьяк Данило Вылузга 297
В. Б. Гиршберг (Москва). Эпиграфические заметки 298
А. А. Тимошенко (Ростов на Дону). К вопросу о местонахождении городища Степана Разина 303

Критика и библиография

Н. Я. Мерперт (Москва). Д. А. Авдусин. Археологические разведки и раскопки. М., 1959 307
Н. Н. Воронин, А. Г. Чиняков (Москва). Памятники культуры (исследование и реставрация), тт. I—III 314

Хроника

О. Н. Бадер (Москва). Следы древнейшей пещерной живописи на Южном Урале 319
Г. А. Цветаева (Москва). Конференция по истории и археологии античного города 320

SOMMAIRE

E. I. Kroupnov (Moscou) Pour la renaissance économique plaine côtière de la Mer Caspienne 3
A. J. Brusov (Moscou): Sur l'expansion des «civilisations avec haches de guerre» à la fin du III, millénaire av. n. ère 14
O. I. Kroug (Moscou): Essai d'emploi de la méthode pétrographique pour l'étude des objets archéologiques de la céramique du royaume du Bospore 34
K. A. Smirnov (Moscou): Sur la question de la destination des peids de type Diakovo 45
E. I. Timofeev (Khabarovsk): L'aire d'établissement du groupe sud — ouest des Slaves orientaux d'apres des matériaux de sépultures des X —XIII siècles 56
G. F. Korzoukhina (Léningrad): Sur le temps de l'apparition du bourg fortifié sur le Ladoga 76
G. K. Wagner (Moscou): La frise colonnade — arcature de la cathédrale Géorguievsky dans la ville Iuriev-Polskoi (1230—1234) 85
B. O. Dolguikh (Moscou): Notes sur les rites funebres des Ketes 102
D. V. Naoumov (Léningrad): Méthode d'analyse spectrale quantitative des alliages à base de cuivre employée pour l'étude des objets archéologiques 113
V. Artsikhovsky (Moscou) Réponse à B. A. Rybakov 122

Publications

T. B. Popova (Moscou): L'àge du broze dans la région de Tambov 137
P. D. Libérov (Moscou): Les tumulus de Mastuguino de l'age du bronze et de l'age du fer antériuer 152
V. I. Abésadzé, R. A. Bakhtadze T. A. Dvali (Tbilisi): Le trésor de l'âge du bronze postérieur du village Oudé (Géorgie méridionale) 166
A. B. Brachinsky (Léningrad): Les amphores des fouilles de la sépulture Elisavetovski en 1959. 178
P. I. Khavluk (Léningrad): Etablissements de l'époque slave ancienne dans la partie moyenne du Bug méridional 187
V. B. Deopik (Moscou): Essai de classification chronologique de colliers médiévaux de l'Europe sud-orientale 202
A. N. Kirpitchnikov, I. N. Khlopine (Léningrad): Sur certains monuments de l'artillerie médiévale russe 233
V. A. Boulatova-Lévina (Tachkent): Le temple boudhique de Kouva 241
V. I. Kozenkova (Moscou): Sur la question des ossuaires sur le territoire de l'Asie centrale 256
V. V. Kostotchkine (Moscou): La topographie d'Ivanogorod au XVI siècle . . . 261

[Notes]

G. F. Korobkova, L. P. Khlobystine (Léningrad): Sur la question de la périodisation des dépots quaternaires. 270
O. I. Islamov, L. M. Routkovskaya (Tachkent): Les instruments en pierre de Tchach — Tépa près Tackent. 272
I. I. Akhanov (Guélendjik): Camp antique dans Guélendjik.. 276
R. V. Nikolaev (Krasnoyarsk): Le trésor d'Esaoul 280
M. I. Ivanova, P. M. Goloubev (Sotchi): Trouvailles dans Loo 284
K. V. Golenko (Moscou): Les monnaies byzantines du Xe siècle des trouvailles de Stanislave 290
I. S. Asèev (Kiev): Nouvelles données sur la cathédrale du monastère Dmitrievsky dans Kiev 291
I. M. Zolotov (Moscou) Danilo Vylouzga, le diak du tsar 297
V. B. Guirchberg (Moscou): Monuments épigraphiques inédits. 298
A. Timochenko (Rostov-sur-le-Don): Sur la question de l'emplacement des vestiges de Stépane Razine 303

Critique et Bibliographie

N. J. Merpert (Moscou): Manuel de valeur sur les méthodes de recherches géologiques en campagne 307
N. N. Voronine, A. G. Tchiniakov (Moscou): Monuments de la civilisation (recherche et restauration). Vol. I et II. 314

Chronique

O. N. Bader (Moscou): Traces d'une peinture très ancienne dans une caverne de l'Oural méridional 319
G. A. Tsvetaeva (Moscou): Conférence sur l'histoire et l'archéologie de la ville antique 320

ПОПРАВКА

В статье Д. В. Наумова, стр. 121, 11 строку сверху следует читать:

деления исследуемых элементов.

Советская археология, № 3